

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

**Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год**

№ 2 (70)

Legal Science and Practice:

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Founded in 2001
Published 4 times a year**

Нижний Новгород 2025

Юридическая наука и практика

Вестник

Нижегородской академии МВД России
№ 2 (70)

2025

Адрес редакции и издателя:

603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**Включен ВАК при Минобрнауки России
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук
(Категория К-1)**

**Включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС77-38354
от 11 декабря 2009 года

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 80785

Главный редактор *В. М. Баранов*
Редакторы: *А. И. Новикова, Н. А. Елизарова*
Н. Б. Помадина, Т. В. Булкина
Компьютерная верстка *А. И. Ивановой*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Тираж 1000 экз. Заказ № 217
Свободная цена.
Дата выхода в свет 30.06.2025

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной
печати Нижегородской академии МВД России.

603144, Нижегородская область, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия МВД России, 2025

Legal Science and Practice

16+

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
№ 2 (70)

2025

Address of the editorial and publishing office:

Editorial and publishing department, Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**The journal is included in the list of peer-reviewed
scientific journals and publications,
where main research results of doctoral dissertations
should be published
(Category K-1)**

**The journal is included in the system
of the Russian Science Citation Index**

Published 4 times a year

The Journal is registered at the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-38354
as of December 11, 2009

Subscription index
at the General catalogue
“The Press of Russia”: 80785

Editor-in-chief *V. M. Baranov*
Editors: *A. I. Novikova, N. A. Elizarova,*
N. B. Pomadina, T. V. Bulkina
DTP *A. I. Ivanova*
Cover design *K. A. Bykov*

1000 copies. Order no. 217
Free price.
Release date 30.06.2025

Printed at the printing section of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia

Редакционный совет

Председатель:

Плясов Константин Анатольевич — начальник Нижегородской академии МВД России, генерал-майор полиции, доктор юридических наук, доцент, академик Российской академии юридических наук (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Члены редакционного совета:

Баранова Марина Владимировна — заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Баулин Олег Владимирович — профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Бондарь Николай Семенович — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, заведующий кафедрой конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Белоусов Сергей Александрович — проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Власенко Николай Александрович — профессор кафедры теории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ершова Елена Александровна — заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Исаков Владимир Борисович — профессор-исследователь Департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Капустин Анатолий Яковлевич — заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Карагодин Валерий Николаевич — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Лазарев Валерий Васильевич — главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований

Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Мацкевич Игорь Михайлович — ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Петрянин Алексей Владимирович — директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Попондопуло Владимир Федорович — заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Санинский Роман Александрович — председатель Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Старилов Юрий Николаевич — исполняющий обязанности ректора Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Супрунов Александр Германович — первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе), кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Тарасов Николай Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Терещенко Людмила Константиновна — заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Тихомиров Юрий Александрович — заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Editorial council

Chairman:

Plyasov Konstantin A. — Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major General Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Members of editorial council:

Baranova Marina V. — Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department Theory and History of State and Law of the National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Baulin Oleg V. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bondar Nikolay S. — Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation retired, Head of the Department of constitutionalism of the Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Belousov Sergey A. — Vice-rector for Research of the Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Vlasenko Nikolay A. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Yershova Yelena A. — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Isakov Vladimir B. — Research Professor at the Department of Legal Theory and Cross-industry Legal Disciplines of the National Research University "The Higher School of Economics", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Writers' Union of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kapustin Anatoly Ya. — Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Karagodin Valery N. — Head of the Department of Criminalistics of the Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Lazarev Valery V. — Chief Researcher at the Center for Basic Legal Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Matskevich Igor M. — Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, President of the International Foundation for Legal Initiatives, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Moskalkova Tatyana N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Petryanin Alexey V. — Head of Nizhny Novgorod branch St. Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Polyakov Mikhail P. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Popondopulo Vladimir F. — Head of the Department of Commercial Law of the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Saninsky Roman A. — Chairman of Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region, Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Starilov Yuri N. — Acting Rector of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 - public and legal (state and legal) sciences)

Suprunov Alexander G. — The First Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work), Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tarasov Nikolay N. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tereshchenko Lyudmila K. — Deputy Head of Department of Administrative Legislation and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Tikhomirov Yuriy A. — Deputy Head of the Center for Public Law Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Заместитель главного редактора:

Смолин Алексей Юрьевич — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Бирюков Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Болтанова Елена Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Вавилин Евгений Валерьевич — заведующий кафедрой семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Валеев Дамир Хамитович — заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Гамбарян Артур Сиреканович — заведующий кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики Российско-Армянского университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки), заслуженный юрист Республики Армения

Горшенков Геннадий Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Гусев Алексей Васильевич — профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Демин Александр Васильевич — профессор кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Демичев Алексей Андреевич — профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кириллов Михаил Андреевич — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кодан Сергей Владимирович — профессор кафедры теории и истории государства и права Уральского государственного

юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Корнев Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Крохина Юлия Александровна — заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Крусс Владимир Иванович — заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Кузнецов Александр Павлович — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кучеров Илья Ильич — первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Лушников Андрей Михайлович — заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Мартынов Алексей Владимирович — заведующий кафедрой административного и финансового права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Милюков Сергей Федорович — профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Миронов Анатолий Николаевич — заместитель руководителя Межрегионального управления Росприроднадзора по городу Москве и Калужской области, доктор юридических наук (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Моисеев Алексей Александрович — профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского университета имени Х. М. Бербекова, доктор юридических наук, доктор права Австралии (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Нематов Акмал Рауфджонович — заместитель Главного ученого секретаря; главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Национальной академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Овчинников Алексей Игоревич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного Федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Павлов Вадим Иванович — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ромашов Роман Анатольевич — профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Сафин Завдат Файзрахманович — заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Сиземова Ольга Борисовна — заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Соловьева Татьяна Владимировна — профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Тарасов Анатолий Михайлович — главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборатория Касперского», главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Терехин Владимир Вячеславович — заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических

наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Токтобаев Болот Токтомышевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Толстик Владимир Алексеевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Фатьянов Алексей Александрович — заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Черных Евгения Евгеньевна — проректор по учебной работе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Шестерякова Ирина Владимировна — профессор кафедры частного права юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Editorial board

Editor-in-chief:

Baranov Vladimir M. — Assistant to Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Research Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Deputy editor-in-chief:

Smolin Aleksey Yu. — Head of the Editorial and Publishing Department of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

Members of editorial board:

Biryukov Pavel N. — Head of the Department of International and Eurasian Law School of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Boltanova Yelena S. — Head of Department of Civil Law of National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bulatov Boris B. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Vavilin Evgeniy V. — Head of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Member of the Council for Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Valeyev Damir Kh. — Deputy Dean of the Faculty of Law of Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Gambaryan Artur S. — Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the Institute of Law and Politics of Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences), Honored Lawyer of the Republic of Armenia

Gorshenkov Gennady N. — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 - criminal law)

Gusev Aleksey V. — Professor of the Department of Criminalistics of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Demin Aleksandr V. — Professor of the Department of Entrepreneurial, Competitive and Financial Law of Law Institute of Siberian Federal University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Demichev Alexey A. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kirillov Mikhail A. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kodan Sergey V. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ural Academy of Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kornev Arkady V. — Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Krokhina Yulia A. — Head of the Department of Legal Disciplines of the Supreme State Audit School (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Kruss Vladimir I. — Head of Department of Theory of Law of Tver State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kuznetsov Alexander P. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kucherov Ilya I. — The first Deputy Director of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Lushnikov Andrey M. — Head of the Department of Labor and Financial Law of Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Martynov Alexey V. — Head of the Department of Administrative and Financial Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Milukov Sergey F. — Professor of the Department of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Mironov Anatoly N. — Deputy Head of the Interregional Department of Rosprirodnadzor for the City of Moscow and the Kaluga Region, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Moiseyev Alexey A. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian University named after H. M. Berbekov, Doctor of law (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Nematov Akmal R. — Deputy Chief Scientific Secretary; Chief Researcher of the Department of Theoretical Problems of the Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Ovchinnikov Aleksey I. — Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of Southern Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Pavlov Vadim I. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Sciences (law), Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Romashov Roman A. — Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activity of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Safin Zavdat F. — Head Department of Environmental Law, Labor Law and Civil Procedure of Kazan (Privolzhsky) Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Sizemova Olga B. — Head of the Department of Civil Law and Procedure of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Solovyeva Tatyana V. — Professor of the Department of Civil Procedure of Saratov State Academy of Law, a member of the Advisory Board under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State-Building, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Tarasov Anatoly M. — Chief Advisor of the General Director of the Kaspersky Lab JSC for the Juridical Questions, Chief Scientist of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Terekhin Vladimir V. — Deputy Director for Research of the Volga Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Toktobaev Bolot T. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tolstik Vladimir A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Fatyanov Aleksey A. — Head of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of Plekhanov Russian Economic Uni-

versity, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Chernykh Evgenia E. — Vice-Rector for Academic Affairs of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Dean of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law Sciences)

Shesteryakova Irina V. — Professor of the Department of Private Law, Faculty of Law, State Academic University for the Humanities, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Теоретико-исторические правовые науки

- Гамбарян А. С.** Новая искренность политико-правовой системы метамодерна 14
- Дробышевский С. А.** О возникновении политически организованного общества и права 20
- Ивашевский С. Л.** Культуротворческая функция права, юридической науки и образования 28
- Илюхина В. А.** Принципы права в кодифицированных актах и судебной практике: допустим ли правовой эксперимент? На примере принципов уголовно-исполнительного права 34
- Мещерякова А. Ф.** Правовая охрана и защита традиционных ценностей в контексте обеспечения духовно-нравственной и религиозной безопасности 39
- Парфенов А. В.** О причинах и особенностях отражения в праве социально вредного компромисса 45
- Погодина И. В.** Формы взаимодействия общества и государства: новая эволюционная волна 52
- Ситников К. А.** Право в условиях денарративизации общества 59
- Хужина О. Н.** Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте исторического правового наследия России: IX – начало XVIII века 65

Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

- Алексеева Л. А., Майорова С. А.** Реформирование полиции: итоги и перспективы 71
- Макарейко Н. В.** Мера государственного принуждения 76

Частноправовые (цивилистические) науки

- Баринов А. В., Арбузов Д. А.** Доменное имя в конкурсном производстве 84
- Демичев А. А.** Специфика гражданско-правовой ответственности в экологической сфере 90
- Демичев К. А.** Полигамный вызов российскому институту брака – v. 2 95
- Кротова Е. Н.** Особенности разрешения индивидуальных трудовых споров с участием лиц, имеющих инвалидность 100
- Соломатина Е. А.** Влияние результатов государственной поддержки IT-отрасли в Российской Федерации на актуализацию административно-правовой теории 106

Уголовно-правовые науки

- Агафонов С. Ю.** Дискуссионные проблемы ответственности сотрудника полиции за неоказание первой помощи 112
- Акиев А. Р.** Характеристика способов преступлений против семьи и несовершеннолетних в системе информационно-криминалистического обеспечения их расследования 118

Theoretical and historical legal sciences

- Gambaryan A. S.** The new sincerity of the political and legal system of metamodernism 14
- Drobyshevsky S. A.** On the emergence of a politically organized society and law 20
- Ivashevsky S. L.** The cultural creative function of law, legal science and education 28
- Ilyukhina V. A.** Principles of law in codified acts and judicial practice: is a legal experiment acceptable? Using the principles of penal enforcement law as an example 34
- Meshcheryakova A. F.** Legal protection and protection of traditional values in the context of ensuring spiritual, moral and religious security 39
- Parfenov A. V.** On the reasons and features of the reflection in law of socially harmful compromise 45
- Pogodina I. V.** Forms of interaction between society and the state: a new evolutionary wave 52
- Sitnikov K. A.** Law in the context of denarrativization of society 59
- Khuzhina O. N.** Traditional spiritual and moral values in the context of Russia's Historical Legal Heritage: IX – early XVIII centuries 65

Public law (state law) sciences

- Alekseeva L. A., Mayorova S. A.** Police reform: results and prospects 71
- Makareiko N. V.** Measure of state coercion 76

Private law (civil law) sciences

- Barinov A. V., Arbuzov D. A.** Domain name in bankruptcy proceedings 84
- Demichev A. A.** Specifics of civil liability in the environmental sphere 90
- Demichev K. A.** Polygamous challenge to the Russian institution of marriage – v. 2 95
- Krotova E. N.** Specifics of the resolution of individual labor disputes involving persons with disabilities 100
- Solomatina E. A.** The impact of government support results the IT industry in Russian Federation on updating administrative and legal theory 106

Criminal law sciences

- Agafonov S. Yu.** Controversial issues of police officer liability for failure to provide first aid 112
- Akiev A. R.** Characteristics of methods of crimes against the family and minors in the system of information and forensic support for their investigation 118

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

Борченко В. А., Глебова Е. В. О сохранении и восстановлении детско-родительских отношений женщин, осужденных к лишению свободы, в случае ограничения или лишения их родительских прав: проблемы и пути их решения	126	Borchenko V. A., Glebova E. V. On preservation and restoration of parent-child relations of women sentenced to imprisonment in the event of restriction or deprivation of their parental rights: problems and solutions
Дизер О. А., Гайдов Д. В. Совершенствование публично-правового регулирования содержания потенциально опасных собак в Российской Федерации	132	Dizer O. A., Gaidov D. V. Improving the public-legal regulation of keeping potentially dangerous dogs in the Russian Federation
Курилова Е. Н., Максименко А. В. К вопросу о квалификации и отграничении смежных составов хищений (кражи и мошенничества)	142	Kurilova E. N., Maksimenko A. V. On the issue of qualification and delineation of related compositions of theft (theft and fraud)
Лапатников М. В. К вопросу о современном состоянии института отказа государственного обвинителя от обвинения в суде	148	Lapatnikov M. V. On the issue of the current state of the institution of the state prosecutor's refusal to bring charges in court
Латышева Л. А. Основные ориентиры уголовной политики в отношении женщин, совершивших преступление: X – начало XX века	157	Latysheva L. A. The main guidelines of criminal policy in relation to women who have committed a crime: X – early XX centuries
Летёлкин Н. В. Точечная криминализация уголовного законодательства об ответственности за преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». 2024 год: итоги	165	Letelkin N. V. Targeted criminalization of criminal legislation on liability for crimes against the individual committed using information and telecommunications networks, including the Internet. 2024: results
Орлова А. А., Ханахмедова Л. В. К вопросу о классификации длящихся юридических фактов в современном российском уголовном праве	171	Orlova A. A., Khanakhmedova L. V. On the classification of continuing legal facts in modern Russian criminal law
Подольный Н. А. Системно-деятельностный подход в криминалистической методике расследования преступлений	176	Podolny N. A. System-activity approach in forensic methods of crime investigation
Пшеничников И. М. Незаконный найм в экстремистских и террористических преступлениях: вопросы взаимообусловленности и противодействия	183	Pshenichnov I. M. Illegal hiring in extremist and terrorist crimes: issues of interdependence and counteraction
Ситникова А. И. Мошенничество в свете законодательной текстологии	189	Sitnikova A. I. Fraud in the light of legislative textology
Телицын Н. А., Мищенко Л. В. К вопросу о понятии и содержании мониторинга как одного из этапов деятельности подразделений ЭБиПК по оперативному обслуживанию территории (линии, объекта)	196	Telitsyn N. A., Mishchenko L. V. On the issue of the concept and content of monitoring as one of the stages of the activities of the EBiPK units for operational maintenance of the territory (line, object)
Шарипова А. Р., Зуева Ю. В. Устность судебного разбирательства по уголовным делам: современное состояние и перспективы	203	Sharipova A. R., Zueva Yu. V. Orality of criminal trial: current status and prospects
Шаров В. И. Оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное право	209	Sharov V. I. Operational search and criminal procedural law
Янин С. А. Использование цифровых технологий в доказывании по уголовным делам о преступлениях в отношении культурного наследия народов России: прикладные аспекты	214	Yanin S. A. The use of digital technologies in evidence in criminal cases on crimes against the cultural heritage of people of Russia: applied aspects
Трибуна молодого ученого		A young scientist's forum
Генералов В. В. Административно-правовое применение <i>lex sportiva</i> на спортивно-массовых мероприятиях	220	Generalov V. V. Administrative and legal application of <i>lex sportiva</i> at mass sports events
Дружинкин Н. С. Действия и решения прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключе-	225	Druzhinkin N. S. Actions and decisions of the prosecutor in a case filed with an indictment in the system

нием, в системе стадий и производств уголовного судопроизводства Российской Федерации		of stages and proceedings of the criminal process of Russian Federation	
Кобленков А. Ю. К вопросу о необходимости формирования навыков применения огнестрельного оружия в экстремальных условиях при обучении в ведомственных образовательных организациях МВД России	233	Koblenkov A. Y. On the issue of the need to develop skills in the use of firearms in extreme conditions when studying at departmental educational institutions of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation	
Кобяков И. М. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности	241	Kobyakov I. M. Illegal migration as a threat to national security	
Ковалев А. Ф. Совершенствование системы уголовных наказаний Российской Федерации	246	Kovalev A. F. Improving the system of criminal punishments in Russian Federation	
Левашов В. К. К вопросу о правовой природе органов юридического лица	254	Levashov V. K. On the issue of the legal nature of bodies of a legal entity	
Маслов К. А. К вопросу о юридических подходах к понятию международной морской контейнерной перевозки	260	Maslov K. A. On the issue of legal approaches to the concept of international sea container transportation	
Муромцев А. И. Правовая квалификация дистрибьюторского договора: анализ зарубежного опыта	265	Muromtsev A. I. Legal qualification of a distribution agreement: analysis of foreign experience	
Сливинская Н. Ю. Правовая природа и охват международного обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование (aut dedere aut judicare)	272	Slivinskaya N. U. The legal nature and the scope of the international obligation to extradite or prosecute (aut dedere aut judicare)	
Файзализода Ф. С. Ответственность за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни, как предмет сравнительного уголовного правоведения	279	Fayzalizoda F. S. Responsibility for inducing activities that pose a danger to life as a subject of comparative criminal law	
Халезова Я. М. Оценочные понятия и законодательная техника уголовного права: теоретико-инструментальное исследование	286	Khalezova Ya. M. Evaluative concepts and legislative technique of criminal law: theoretical and instrumental research	
Шуров А. Ю. Новый взгляд на противоречие между состязательностью и розыском	294	Shurov A. Yu. A new look at the contradiction between competitiveness and search	
Конференции, круглые столы, семинары		Conferences, round tables, seminars	
Всероссийский междисциплинарный круглый стол с международным участием на тему «Законодательство России о науке: совершенствование содержания и формы»		All-Russian interdisciplinary round table with international participation on the topic “Russian legislation on science: improving content and form”	
Тарасов Н. Н. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о науке: теоретическое понимание	297	Tarasov N. N. Some problems of improving legislation on science: theoretical understanding	
Плетников В. С., Плясов К. А. Концептуализация законодательства о научной деятельности	301	Pletnikov V. S., Plyasov K. A. Conceptualization of legislation on scientific activity	
Сивицкий В. А. К вопросу о содержании нового законодательного регулирования науки	304	Sivitsky V. A. On the issue of the content of the new legislative regulation of science	
Червонюк В. И. Гарантии свободы научного творчества и статус ученого: юридическая конструкция <i>de lege ferenda</i>	307	Chervonyuk V. I. Guarantees of freedom of scientific creativity and the status of a scientist: the legal construction <i>de lege ferenda</i>	
Крусс В. И. К вопросу продуктивности диалога о правовом регулировании в научно-технической сфере: неопозитивизм и конституционализм	310	Kruss V. I. On the issue of the productivity of dialogue on legal regulation in the scientific and technical sphere: neopositivism and constitutionalism	
Бошно С. В. Актуальные вопросы совершенствования законодательства о науке	314	Boshno S. V. Current issues of improving the legislation of science	
Архипов С. И. Правовое регулирование науки: проблемы и перспективы	317	Arkhipov S. I. Legal regulation of science: problems and prospects	

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

Нематов А. Р. Совершенствование законодательства о научно-технической деятельности: антропологическое измерение	321	Nematov A. R. Improving the legislation on scientific and technical activities: anthropological dimension
Лановая Г. М. Перспективы совершенствования законодательства о науке: взгляд через призму положений общей теории систем	324	Lanovaya G. M. Prospects for improving legislation on science: a look through the prism of the provisions of the general theory of systems
Толстик В. А. Оптимизация законодательства о науке — важнейшее условие повышения ее качества	327	Tolstyk V. A. Optimization of legislation on science is the most important condition for improving its quality
Шафиров В. М. Новый базовый системообразующий закон о науке необходим	331	Shafirov V. M. A new basic system-forming law on science is necessary
Поляков С. Б. «Древо целей» и некоторые другие элементы концепции законопроекта о науке	334	Polyakov S. B. «The Tree of Goals» and Some Other Elements of the Concept of the Bill on Science
Кожевина М. А. Наука и науковедение: к вопросу о совершенствовании законодательства	337	Kozhevina M. A. Science and Science Studies: On the Issue of Improving Legislation
Баранов В. М. Проблемы кодификации законодательства о научной деятельности в условиях цифровой модернизации	341	Baranov V. M. Problems of codification of legislation on scientific activity in the context of digital modernization
Васильев А. А. Кодекс законов о науке и научное право: полемические размышления	347	Vasiliev A. A. Code of Laws on Science and Scientific Law: Polemical Reflections
Посадский А. В., Цыбулевская О. И. Юридическая наука в зеркале ценностно-правовой парадигмы	350	Posadsky A. V., Tsybulevskaya O. I. Legal science in the mirror of the value-legal paradigm
Поляков М. П. Закон о науке должен быть суров	353	Polyakov M. P. The law on science must be strict
Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л. Рефлексия на статью С. В. Кабышева «Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации»	356	Kuzmina O. V., Potseluev E. L. Reflection on the article by S. V. Kabyshev “Conceptual issues of improving the legislation on science and scientific and technological development in the Russian Federation”
Макарейко Н. В. Перспективы нормативного правового регулирования научной деятельности в Российской Федерации	359	Makareiko N.V. Prospects for normative legal regulation of scientific activity in the Russian Federation
Парилов О. В. К вопросу о необходимости нового закона, регламентирующего государственную политику в области науки	363	Parilov O. V. On the issue of the need for a new law regulating state policy in the field of science
Скурко Е. В. Роль «мягкого права» в регулировании современных технологий и развитии законодательства о науке	366	Skurko E. V. The role of «soft law» in regulating modern technologies and developing legislation on science
Супрунов А. Г., Васильев В. В., Мусина Н. И. Правовая регламентация управления наукой: Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ — взгляд сквозь призму общей теории управления	370	Suprunov A. G., Vasiliev V. V., Musina N. I. Legal regulation of science management: Federal Law «On Science and State Scientific and Technical Policy» of August 23, 1996 No. 127-FZ — a look through the prism of general management theory
Червяковский А. В. Место и роль юридической науки и наук об обществе в современном российском образовании, научном сообществе и государстве	372	Chervyakovsky A. V. The place and role of legal science and social sciences in modern Russian education, scientific community and the state
Собко Р. В. Новый закон о науке как стратегическая инициатива: к рассмотрению концепции С. В. Кабышева	375	Sobko R. V. New law on science as a strategic initiative: to consider the concept of S. V. Kabyshev
Лизунов А. С. Развитие научной коммуникации с использованием информационных технологий: возможные перспективы и риски	378	Lizunov A. S. Development of scientific communication using information technologies: possible prospects and risks
Десятков М. С. Как убедить ребенка войти в холодную воду: концептуальные размышления на тему формирования правосознания молодого ученого (вопросы теории и законодательства)	380	Deyatov M. S. How to convince a child to enter cold water: conceptual reflections on the topic of the formation of legal consciousness of a young scientist (issues of theory and legislation)

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

- Бондарь Е. А.** К вопросу о концептуальном совершенствовании законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации **383** **Bondar E. A.** On the issue of conceptual improvement of legislation on science and scientific and technological development in the Russian Federation
- Аврамцев В. В., Коннов И. А., Наумов С. И., Капитанова Н. В.** Традиционные российские духовно-нравственные ценности как основа формирующейся национальной идеологии и правовой стержень российского образования и науки **386** **Avramtsev V. V., Konnov I. A., Naumov S. I., Kapitanova N. V.** Traditional Russian spiritual and moral values as the basis of the emerging national ideology and the legal core of Russian education and science
- Боголюбов С. А.** Законодательство об эколого-правовых научных исследованиях **391** **Bogolyubov S. A.** Legislation on environmental and legal scientific research
- Нестеров Е. А., Репьев А. Г., Репьева А. М.** Развитие транспортной юридической науки и образования: современные реалии, предстоящие вызовы и перспективы **393** **Nesterov E. A., Repyev A. G., Rep'yeva A. M.** Development of transport legal science and education: modern realities, upcoming challenges and prospects
- Погодина И. В.** Научный патриотизм: возможно ли законодательное регулирование? **396** **Pogodina I. V.** Scientific patriotism: is legislative regulation possible?
- Грязнова Т. Е.** О юридической науке в эпоху перемен **400** **Gryaznova T. E.** On legal science in the era of change
- Тимченко В. А.** Совершенствование нормативно-правового регулирования финансирования науки в Российской Федерации **403** **Timchenko V. A.** Improving the legal framework for funding science in the Russian Federation

Рецензии

- Баранов В. М., Макарейко Н. В.** Системность законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: сущность, ценность, технико-юридические средства обеспечения. Рецензия на монографию С. А. Малахова «Системные связи норм законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации: монография. Москва: Издательство «ИНФРА-М», 2025. 229 с. **407** **Baranov V. M., Makareiko N. V.** Systematic nature of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses: essence, value, technical and legal means of support. Review of the monograph by S. A. Malakhov. Systemic connections of the norms of legislation on administrative offenses of the Russian Federation: monograph. Moscow: INFRA-M Publ., 2025. 229 p.
- Поляков С. Б.** Умное регулирование: нанотехнология нормотворчества (рецензия на коллективную монографию под ред. М. Л. Давыдовой «Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов». Москва: РУСАЙНС, 2024) **415** **Polyakov S. B.** Smart regulation: nanotechnology of rule-making (review of the collective monograph edited by M. L. Davydova "Legal means of smart regulation in the context of major challenges". Moscow: RUSAINES, 2024)
- Репьев А. Г.** Преимущественное право: концепция, практика, техника (заметки на полях диссертации А. А. Дергунова «Преимущественное право: общетеоретическое исследование» (Саратов, 2024. 213 с.)) **424** **Repyev A. G.** Preemptive law: concept, practice, technique (notes on the margins of the dissertation of A. A. Dergunov "Preemptive law: a general theoretical study" (Saratov, 2024. 213 p.))
- Санташов А. Л.** Проблемы юридико-технического обеспечения процесса совершенствования отечественного уголовного законодательства в современной уголовно-правовой доктрине (рецензия на монографию И. А. Абдулханьянова «Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование») **434** **Santashov A. L.** Problems of legal and technical support for the process of improving domestic criminal legislation in the modern criminal law doctrine (review of I. A. Abdulkhannyanov's monograph "Fiction in Criminal Law: theoretical and applied research")

Персоналии

- Баранов В. М., Толстик В. А.** Остановилось время Валерия Лазарева **440** **Baranov V. M., Tolstik V. A.** Stop Time by Valery Lazarev

Reviews

Personalia

Научная статья
УДК 340.13

Новая искренность политико-правовой системы метамодерна

Гамбарян Артур Сиреканович

Институт права и политики Российско-Армянского (Славянского) университета, Ереван, Армения, artur.ghambaryan@gmail.com

Аннотация. Автором выявлена общая характеристика модерна, постмодерна и метамодерна. Представлены колебания между приоритетами модерна и постмодерна, при этом проанализированы присущие метамодерну маятникообразные колебания.

Нами продемонстрированы особенности эпохи метамодерна на отдельных политико-правовых процессах, развертывающихся в политической системе Армении и Российской Федерации после распада СССР. В частности, автор обращает внимание на особенности политической обстановки Армении после революционных процессов 2018 года, характеризуя популизм, ложь и наивную «искренность» правящей власти, которые столь присущи эпохе метамодерна.

В статье автор также уделит внимание законодательной политике постсоветской Армении, на конкретных примерах демонстрируя преобладающие в ней иронию и симулякрим. Проанализированы конкретные случаи, показана своеобразная терминологическая искренность судей эпохи метамодерна.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, метамодерн, истина, допустимость доказательств, contra legem

Для цитирования: Гамбарян А. С. Новая искренность политико-правовой системы метамодерна // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 14–19.

Original article

The new sincerity of the political and legal system of metamodernism

Artur S. Ghambaryan

Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan, Armenia, artur.ghambaryan@gmail.com

Abstract. The author has identified the general characteristics of modernity, postmodernity and metamodernity, presented the fluctuations between the priorities of modernity and postmodernity, while analyzing the pendulum-like swings inherent in metamodernity.

We have demonstrated the features of the metamodernity era in individual political and legal processes unfolding in the political system of Armenia and the Russian Federation after the collapse of the USSR. In particular, the author draws attention to the peculiarities of the political situation in Armenia after the revolutionary processes of 2018, characterizing populism, lies and naive “sincerity” of the ruling power, which are so inherent in the metamodernity era.

In the article, the author also paid attention to the legislative policy of post-Soviet Armenia, demonstrating the irony and simulacrum prevailing in it using specific examples. The author analyzed specific cases, showed the peculiar terminological sincerity of judges in the metamodernity era.

© Гамбарян А. С., 2025

Keywords: modernism, postmodernism, metamodernism, truth, admissibility of evidence, contra legem

For citation: Gambaryan A. S. The new sincerity of the political and legal system of metamodernism. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 14–19 (In Russ.).

1. Колебания между наивностью модерна и иронией постмодерна: новая искренность метамодерна

1.1. Общая характеристика модерна, постмодерна и метамодерна

Эпоха модерна (конец XIX – начало XX века) характеризуется универсализмом, рационализмом, прогрессом, а также идеологической наивностью, верой в возможность раскрыть объективную реальность с помощью разума.

Нравственность и право модерна, соответственно, представлялись абсолютными сущностями, то есть признавалось наличие универсальных правил и максим. К примеру, в области права — позитивное право, представляющее собой систему безошибочных и непротиворечивых правовых предписаний; в области морали — категорический императив И. Канта.

Эпоха постмодерна (вторая половина XX – начало XXI века) характеризуется релятивизмом и плюрализмом мнений, иронией, нигилизмом, отвержением большинства нарративов (таких как коммунизм, фашизм и т. д.). Постмодерн отвергает одну единственную объективную истину и считает, что последняя всегда относительна и зависит от исторического и социального контекста. Невозможно объяснить мир одной единственной теорией или идеологией. Постмодерн — это также период возрождения естественного права, а правопонимание в контексте постмодерна — это интегративное правопонимание.

В Европе корни постмодерна следует искать в той атмосфере неопределенности, скептицизма и плюрализма, которые получили распространение в период после Второй мировой войны [1], а в постсоветских государствах постмодернистская концепция была четко выражена только после распада СССР.

Человечество выбирает и постоянно не удовлетворяется выбором. Человечество не удовлетворяет ни модерн, ни постмодерн: ни простая наивность и рационализм модерна, ни цинизм, ирония и иррационализм постмодерна. В этом суть нынешней фазы развития — метамодерна [2].

Период метамодерна (начало XXI века – до наших дней) является эпохой переосмысления постмодерна и возрождения присущих модерну

ценностей. «Суть этого нового взгляда <...> в стремлении подняться над крайностями модернизма и постмодернизма» [3].

В слове «метамодерн» приставка «мета-» объясняется посредством слова «метаксис» (μεταξύ), имеющего значение «между» [4]. В контексте метамодерна говорить о метаксисе означает говорить про движение между крайностями модерна и постмодерна, где между ценностями модерна и постмодерна происходит не уравнивание, а непрерывные маятникообразные колебания [5] (осцилляция от лат. *oscillo* — «качаюсь»).

Применительно к правовой реальности эпоха метамодерна проявляет себя определенным образом, и здесь при желании тоже можно обнаружить упомянутые колебания. Так, юристу метамодерна свойственно непоследовательное пребывание «между крайностями модерна и постмодерна».

1.2. Новая искренность метамодерна

Как уже упоминалось, модерн характеризуется идеологической наивностью. Посредством индоктринизации (от лат. *in* — «внутри» и *doctrina* — «учение, теория, доктрина») люди поверили «грандиозным» нарративам (например, фашизму, коммунизму), а юристы — что позитивное право государства является безошибочным, непротиворечивым и беспроblemным. Для постмодерна же характерны ирония, подражание (имитация), симулякрим (от лат. *simulacrum* — «изображение» от «делать вид, притворяться»; «копия», не имеющая оригинала в реальности), цинизм, нигилизм, и, в частности, отвержение нарративов. «Мы никогда не можем узнать, искренен ли «искренний» субъект на самом деле или он, скрывая себя под дискурсивной маской, лишь играет в искренность» [6, с. 10].

В отличие от предыдущих эпох, метамодерн — это эпоха возрождения нарративов и универсальных истин, в которой не упускается из виду все, чему мы научились у эпохи постмодерна. Л. Тернер отмечает: «Мы рассматриваем манифест метамодернизма в качестве <...> колебаний между иронией и искренностью. Поколение метамодернизма осознает, что мы можем быть ироничными и искренними одновременно; одно необязательно должно притеснять другое» [7].

С одной стороны, сказанное не означает, что метамодерн постулирует необходимость в возвращении к наивности модерна, когда определенные идеи воспринимались как очевидные и истинные. С другой стороны, симулякризм постмодерна не перестает существовать, но с позиции метамодерна это не означает, что следует впасть из крайности в крайность и в контексте терминов «постправда» или «постправо» предрекать неизбежную гибель принципа добросовестности, как это делают некоторые теоретики [8; 9].

Таким образом, метамодерн, с одной стороны, в конечном счете преодолевает идеологическую наивность модерна, а с другой — однобокую иронию и цинизм постмодерна. В качестве основного мотива поведения человека постулируется новая форма искренности и честности [10; 11].

2. Колебания между наивностью политической системы модерна и популизмом политической системы постмодерна: искренность политической системы метамодерна

В условиях политической системы модерна люди наивно верили в определенную политическую идеологию: «Модерн в морально-политическом измерении предстает в виде надстройки больших идеологий и утопий (светских религий), легитимирующих новое, посттрадиционное капиталистическое общество» [12].

В условиях постмодернистского релятивизма демаркационные линии политических идеологий распадаются. Они больше не внушают доверия, и наряду с этим в постмодернистское время набирает обороты такой политический инструмент, как популизм. Французские ученые считают популизм «результатом упадка представительной демократии» [13]. Популистские движения уже играют новую, уважаемую роль в политике современных западноевропейских стран [14]. Сегодня, по мнению Д. Хохловой, «...постистина, фейк и популизм — не просто модные темы, но явления, оказывающие колоссальное влияние на социально-политическую реальность. Сатира и ирония над политикой стали частью политической жизни» [15, с. 59–60, 62].

В то же время мы не могли бы говорить о политической системе метамодерна, если бы в политической системе наряду с политическими фейками и популизмом не присутствовало бы стремление к правде, объективности или «искренности» по ряду важных политических вопросов. Сказанное можно продемон-

стрировать на примере политической системы Республики Армения.

Известно, что после революции 2018 года политическая власть в Республике Армения перешла, пожалуй, к самой популистской политической силе Республики Армения. Повседневное поведение лидера этой политической силы (действующего премьер-министра Республики Армения) отличается непоследовательностью.

Несмотря на то, что в его поведении преобладают ирония и популизм, тем не менее он рассуждает о наболевших проблемах государственной жизни с искренностью, напоминающей наивность.

3. Ироничность законодателя постсоветской Армении

Несмотря на то, что мы говорим об искренности метамодерна, в законотворческой жизни постсоветской Республики Армения по-прежнему преобладают ирония и симулякризм. Иногда законодатель закрепляет в законе положения, которые вовсе не отражают реальное состояние дел, а, напротив, фальсифицируют действительность. Так, например, в Законе Республики Армения от 1 декабря 2017 года № 33-198 «О прокуратуре» законодатель, стремясь имитировать независимость заместителей Генерального прокурора Республики Армения от последнего, постановил, что заместители Генерального прокурора назначаются на должность на конкурсной основе. В то время как любому человеку, знакомому с государственно-правовой реальностью Республики Армения, очевидно, что данное положение представляет собой не что иное, как имитацию независимости этих должностных лиц, никакого отношения к существующей политико-правовой реальности не имеющее.

Генеральный прокурор и его заместители хотя и аполитичны, но играют серьезную роль в политической системе Республики Армения, в частности, путем определения направления уголовной политики страны. В силу сказанного между Генеральным прокурором и его заместителями должны выстраиваться доверительные отношения. Гражданин, знакомый с закономерностями данного среза политической реальности, не может наивно надеяться, что может быть назначен на эту должность исключительно на конкурсной основе. Неслучайно то, что на практике вслед за назначением Генерального прокурора Республики Армения замене подлежат также его заместители (в то время как по закону смена Генерального прокурора не должна приводить к смене заместителей). Затем имитируется конкурс на

замещение должности заместителя Генерального прокурора Республики Армения, в котором участвует единственный кандидат (кандидатура которого *de facto* была одобрена генеральным прокурором). Следует заметить, что законодатель более искренен в вопросе смены заместителей новоназначенных министров. Так, последние могут инициировать процесс прекращения полномочий заместителей, назначенных при прежнем министре, без каких-либо оснований.

То же самое касается законодательного регулирования отбора членов дисциплинарной комиссии Следственного комитета Республики Армения путем жеребьевки, которая позволяет вновь назначенному следователю быть выбранным путем жеребьевки в качестве члена дисциплинарной комиссии и тем самым принимать решения относительно нарушений, допущенных опытными следователями.

Считаем, что законодатель метамодерна должен избегать закрепления в законе явно ложных положений, которые в будущем заставят другие органы или их представителей имитировать конкурсы и жеребьевки.

4. Искренность судебной системы метамодерна

Теоретики права отмечают: «В постмодернистской риторике уже нет идеи согласия, которая обеспечивала хотя бы минимальные, «осязаемые» гарантии против произвола, и «постмодернистскому» судье больше не на кого положиться ни в оценке доказательств, ни в толковании нормы. Судья в данном случае уподобляется аристотелевому благоразумному индивиду, который судит о справедливом и несправедливом без привязки к критериям?» [16].

Правосудие постмодерна, отражая мировоззрение своего времени, в некоторых вопросах характеризуется нехваткой искренности и честности. Зачастую судья постмодерна в судебных актах использует такие формулировки, которые не отражают реальности, а искажают или даже скрывают ее. Так, судья постмодерна прекрасно осознает, что в законах возможны нелогичности, дефекты или ошибки, а соблюдение (применение) законодательных положений с такими недостатками иногда просто невозможно или же их применение приведет к вопиющим гипер(сверх)-нелогичным или гипер(сверх)-несправедливым последствиям [17].

Судья-позитивист осознает, что в подобных ситуациях следует искать какие-либо иные пути решений, которые, быть может, в итоге приведут к определенным отклонениям от первоначального текста закона (в этом случае мы наблюдаем

факт противопоставления тексту закона). В вышеупомянутых ситуациях судья колеблется по поводу того, в каких речевых формах, оборотах речи следует описать этот «другой путь решения»: при составлении судебного акта он либо должен искренне и честно охарактеризовать свое поведение терминологией доктрины развития права *contra legem* и использовать формулировку «противопоставление закону» либо, искажая реальность и прикрываясь формулировками типа «выявлять истинную волю законодателя», должен говорить о «корректирующем толковании закона», «разумном исключении», эксплицитно не предусмотренным законом.

В свою очередь правосудие постмодерна, иронизируя над реальностью, будет использовать формулировки типа «корректирующее толкование закона» или «разумное исключение». Иными словами, правосудие постмодерна будет имитировать объективность и истинность.

Что касается правосудия метамодерна, то оно выберет путь искренности и отметит, что, основываясь на принципах права (справедливости), оно противопоставляется гипер несправедливому или гипернелогичному регулированию закона (развитие права *contra legem*). В отличие от юриста постмодерна, юрист метамодерна скорее выберет искренность и отметит, что по указанному делу российское уголовное право развивалось вопреки Уголовному кодексу Российской Федерации (в этом случае доктрина развития права *contra legem* была бы самодостаточной, если бы это решение было одобрено также судебной системой Российской Федерации). Он, основываясь на доктрине развития права *contra legem*, сослался бы на принцип обеспечения безопасности (права на жизнь) людей, а затем, вопреки законодательным нормам об исчерпывающем перечне оснований для прекращения уголовного преследования, установил бы новое основание для прекращения уголовного преследования, а именно: уголовное преследование по делам о вооруженном мятеже может быть прекращено, если присутствует необходимость обеспечения жизни людей и общественной безопасности.

Список источников

1. Летов О. В. От постпозитивизма к постмодернизму // Вестник культурологии. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-postpozitivizma-k-postmodernizmu> (дата обращения: 13.04.2025).
2. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. пролиферация

норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4 (71). С. 64.

3. Ершов В. В. Право в контексте парадигмы метамодерна // Правосудие. 2019. № 2. С. 15–33.

4. Аккер Р. ван ден, Вермюлен Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки. Москва: РИПОЛ классик, 2019. URL: <https://metamodernizm.ru/emergence-of-metamodernism/> (дата обращения: 13.04.2025).

5. Тёрнер Л. Манифест метамодернизма (Metamodernist Manifesto). URL: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 13.04.2025).

6. Эшельман Р. Перформатизм как преодоление постмодерна // Философско-литературный журнал «Логос». 2021. № 6 (145). С. 10.

7. Turner L. Metamodernism: A Brief Introduction. URL: <https://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/> (дата обращения: 20.04.2025).

8. Честнов И. Л. Долгая эпоха постправды // Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Изд. Алетейя, 2020. С. 127–128.

9. Скурко Е. В. Пост-право. Санкт-Петербург: Изд. Юридический центр, 2022. С. 13–14.

10. Гусельцева М. С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 327–340.

11. Гребенюк А. А. Культурно-исторический анализ переживаний человека эпохи метамодернизма // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 326–330.

12. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. С. 19.

13. Матьё Б. Право против демократии?: монография / пер. с фр. Москва: Норма, 2021. С. 163.

14. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. 2-е изд. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. С. 147.

15. Хохлова Д. Д. Как метамодерн привел к политической сатире и новому популизму // Власть. 2017. № 8. С. 59–62.

16. Самохина Е. Г. Постмодернистская теория права // В поисках теории права: коллективная монография / под ред. Е. Г. Самохиной, Е. Н. Тонкова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. С. 75.

17. Гамбарян А. С. Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права contra legem // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 4. С. 15–24.

References

1. Letov O. V. From postpositivism to postmodernism. Bulletin of Cultural Studies, 2010, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-postpozitivizma-k-postmodernizmu> (accessed 13.04.2025). (In Russ.).

2. Bavsun M. V., Popov D. V. Metamodern in law: oscillation at the Canetti point. Article I. proliferation of norms and reason. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 4 (71), pp. 64. (In Russ.).

3. Ershov V. V. Law in the context of the metamodern paradigm. Justice, 2019, no. 2, pp. 15–33. (In Russ.).

4. Acker R. van den, Vermeulen T. Periodizing the 2000s, or the Emergence of Metamodernism // Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / trans. from English by V. M. Lipki. Moscow: RIPOL classic, 2019. URL: <https://metamodernizm.ru/emergence-of-metamodernism/> (accessed 13.04.2025). (In Russ.).

5. Turner L. Metamodernist Manifesto. URL: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (accessed 13.04.2025). (In Russ.).

6. Eshelman R. Performatism as Overcoming Postmodernism. Philosophical and Literary Journal "Logos", 2021, no. 6 (145), p. 10. (In Russ.).

7. Turner L. Metamodernism: A Brief Introduction. URL: <https://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/> (accessed 20.04.2025). (In Russ.).

8. Chestnov I. L. The Long Era of Post-Truth // Legal Thinking: Classical and Post-Classical Paradigms: collective Monograph / ed. by E. N. Tonkov, I. L. Chestnov. Saint Petersburg: Aleteya Publishing House, 2020. Pp. 127–128. (In Russ.).

9. Skurko E. V. Post-Law. Saint Petersburg: Legal Center Publishing House, 2022. Pp. 13–14. (In Russ.).

10. Gusel'tseva M. S. Metamodernism in Psychology: New Methodological Strategies and Changes in Subjectivity. Bulletin of Saint Petersburg University. Psychology, 2018, vol. 8, is. 4, pp. 327–340. (In Russ.).

11. Grebenyuk A. A. Cultural and Historical Analysis of Human Experiences in the Era of Metamodernism. Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology, 2019, vol. 8, no. 1 (26), pp. 326–330. (In Russ.).

12. Russia in Search of Ideologies: Transformation of Value Regulators of Modern Societies / ed. by V. S. Martyanov, L. G. Fishman. Moscow: Political Encyclopedia, 2016. P. 19. (In Russ.).

13. Mathieu B. Law versus Democracy?: monograph / trans. from French. Moscow: Norma, 2021. P. 163. (In Russ.).

14. Crouch K. Postdemocracy / trans. from English. 2nd ed. Moscow: Publishing House of the National

Research University Higher School of Economics, 2023. P. 147. (In Russ.).

15. Khokhlova D. D. How Metamodernism Led to Political Satire and New Populism. *Vlast*, 2017, no. 8, pp. 59–62. (In Russ.).

16. Samokhina E. G. Postmodernist Theory of Law. In *Search of a Theory of Law: collective monograph /*

ed. by E. G. Samokhina, E. N. Tonkov. Saint Petersburg: Aleteya, 2021. P. 75. (In Russ.).

17. Gambaryan A. S. The Principle of Legality and the Provision “A Judge Obeys the Law” in the Context of the Doctrine of the Development of Law Contra Legem. *Law Enforcement*. 2023. T. 7, no. 4, pp. 15–24. (In Russ.).

Информация об авторе

А. С. Гамбарян — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики Российско-Армянского (Славянского) университета.

Information about the author

A. S. Gambaryan — Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian (Slavic) University.

Научная статья
УДК 340

О возникновении политически организованного общества и права

Дробышевский Сергей Александрович

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, sergiidrobicevski@gmail.com

Аннотация. Имеющиеся противоречивые воззрения по рассматриваемой проблематике разделены на две группы: 1) об одновременном возникновении политически организованного общества и права, и человечества, 2) о происхождении отмеченных политико-юридических явлений после начала истории человечества. Для оценки этих взглядов изображена обобщенная картина истории человечества, включая древнюю. Логически доказано, что при первобытном строе и при цивилизации существует одинаковый представленный в этой картине самоуправляющийся социальный организм со всеми чертами, диктующими его понимание в качестве политически организованного общества, где действует право, как внутреннее, так и внешнее, для самоуправляющегося социального организма. Доказательство подтверждено фактами. Отсюда сделаны выводы: человечество возникло как политически организованное общество, где действует право; в первобытной древности присутствует политический и правовой опыт, который следует использовать для совершенствования современных политически организованного общества и права, указаны возможные примеры такого использования; имеются основания для рассмотрения установленных наукой типов первобытных обществ как исторических типов первобытного политически организованного общества и права; дана классификация этих типов и приведены примеры обществ каждого типа.

Ключевые слова: политически организованное общество, право, история, органы управления всем обществом, система социальных норм, общеобязательное для общества нормативное регулирование, первобытный строй, цивилизация, исторический тип первобытного политически организованного общества и права

Для цитирования: Дробышевский С. А. О возникновении политически организованного общества и права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 20–27.

Original article

On the emergence of a politically organized society and law

Sergey A. Drobyshevsky

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, sergiidrobicevski@gmail.com

Abstract. The existing contradictory views on the issue under consideration are divided into two groups – about the emergence of a politically organized society and law together with humanity, as well as about the origin of the noted political and legal phenomena later than the beginning of human history. To assess these views, a generalized picture of human history, including the most ancient one, has been drawn. It is logically proved that under the primitive system and under civilization, there is the same self-governing social organism represented in this picture with all

© Дробышевский С. А., 2025

the features dictating its understanding as a politically organized society where law operates – both internal and external for a self-governing social organism. The proof is confirmed by the facts. Conclusions are drawn from this: humanity arose as a politically organized society where law operates; in primitive antiquity there is political and legal experience that should be used to improve modern politically organized society and law, and possible examples of such use are indicated; there are grounds for considering the types of primitive societies established by science as historical types of primitive politically organized society and law, a classification of these types is given and examples of societies from each type are provided.

Keywords: politically organized society, law, history, governing bodies of the whole society, system of social norms, normative regulation generally binding on society, primitive social system, civilization, historical type of primitive politically organized society and law

For citation: Drobyshevsky S. A. On the emergence of a politically organized society and law. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 20–27. (In Russ.).

В политологии и юриспруденции есть фундаментальные идеи, определяющие структуру этих отраслей научного познания. К таким представлениям относятся суждения о происхождении или возникновении политически организованного общества и права.

Как и любые фундаментальные идеи, отмеченные суждения детализируются во множестве более конкретных. Единство или расхождение мнений ученых по такого рода частной проблематике в немалой степени определяется согласованностью или конфликтом их воззрений о возникновении политически организованного общества и права. Скажем, если обратиться к политически организованному обществу, то некоторые исследователи считают, что человечество изначально было разделено на такие социальные организмы и этот факт характерен для всей истории людей [1, с. 5–7, 19; 2, с. 148; 3, с. 56, 80]. Иные ученые исходят из отсутствия в условиях первобытного строя политической организации [4, с. 9–13, 46, 48; 5, с. 55–56; 6, с. 137]. Подобным образом по вопросу о наличии права в истории человечества есть точка зрения, что правовое регулирование возникло вместе с человечеством и существует в любом обществе [7, с. 12, 39, 41, 121; 2, с. 148; 8, с. 147]. Однако имеется и суждение, согласно которому право начинает функционировать лишь после того, как люди прожили часть своей истории без него [6, с. 137; 9, с. 240; 10, с. 74].

Отмеченные противоречия во взглядах следует исследовать на предмет их соответствия действительности с целью достижения истины. Так поступить нужно не только ради науки, но и исходя из практических соображений, ведь этого рода исследование позволит установить следующее: существовал или нет политический и правовой опыт в глубокой древности, и в случае наличия последнего встает задача его

изучения для совершенствования современных политически организованного общества и права. Это исследование возможно вести разными путями. Один заключается в последовательном рассмотрении с целью обнаружения истины всех имеющихся в научной литературе концепций происхождения политически организованного общества и права. Затем выявленные элементы истины нужно объединить в общее верное представление о возникновении политически организованного общества и права. Однако не исключен и другой путь, следуя которому возможно разделить имеющиеся воззрения по рассматриваемой проблематике на две группы: 1) о возникновении политически организованного общества и одновременно с человечеством, 2) о происхождении отмеченных политико-юридических явлений позже начала истории человечества. Если существует способ доказать, что все названные политико-юридические феномены присущи или нет любому человеческому обществу, то воспользоваться такой аргументацией.

Этот второй путь реально возможен, ведь он требует лишь доступного человеческому разуму сравнения совокупности черт, свойственных любым политически организованному обществу и праву, с характеристиками всякого человеческого общества. Когда такое сопоставление обнаружит совпадение либо несовпадение отмеченных черт и характеристик, то вывод о предмете исследования окажется очевидным. Если имеет место совпадение, то политически организованное общество и право возникли вместе с человечеством, и, наоборот, при несовпадении обсуждаемые политико-юридические явления появились спустя некоторое время после начала истории человечества. Относительно реальной возможности первого пути уместно заметить, что едва ли найдется ученый,

изучивший все когда-либо созданные представления по обсуждаемой проблематике для установления истины, следовательно, научный работник неминуемо обречен составлять правдивое, как он полагает, общее воззрение о возникновении политически организованного общества и права, исходя из неполной информации по этому предмету. Вот почему рассчитывать на полную корректность его ответа на вопрос, возникли политически организованное общество и право вместе с человечеством или позже, не приходится. Чтобы исключить эту возможность некорректности результатов исследования, возможен только один выход: нужно избрать второй очерченный путь этого познания, который предполагает решение трех задач. Первая: сконструировать, исходя из знания реальности, общую картину функционирования человеческих обществ в истории. Вторая: установить, возможно ли охарактеризовать получившийся образ как совокупность политически организованных обществ, в каждом из которых и между которыми действует право. Третья: обнаружив такую возможность, попытаться сделать из нее наиболее общие практические и теоретические выводы.

Методы исследования адаптированы к решению этих задач. Используются наблюдение, анализ, синтез, сравнение, предполагающее противопоставление, обобщение, моделирование, формально-логическое умозаключение. При реконструкции функционирования человеческих обществ в истории применен понятийный аппарат обществоведения. Сравнивая полученную картину с действительностью, пришлось обратиться к категориям политологии и юриспруденции. Если опираться на исторические сведения, то не вызывает сомнения в существовании на всем протяжении бытия людей независимых друг от друга самоуправляющихся социальных организмов, каждый из которых стремится обеспечить собственное выживание и прогресс. Столь же очевидно при опоре на факты то, что для избежания упадка или аннигиляции любое такое общество вынуждено взаимодействовать хотя бы с частью остальных, что будет способствовать его сохранению и совершенствованию.

Этот самоуправляющийся социальный организм во всех случаях является организацией организаций. Любая организация есть совместная деятельность ее членов, направленная на реализацию цели названного объединения. В такой совместной деятельности имеются закономерности ее оптимального осуществления. Все члены организации заинтересованы

в претворении в жизнь выделенных закономерностей, вот почему участники объединения формируют органы управления организацией и возлагают на последних задачу формулировать рассматриваемые закономерности как правила функционирования организации и проводить эти нормы в жизнь. Такая задача непременно осуществляется.

Получается, что в независимом самоуправляющемся социальном организме должно быть не меньше систем органов управления и систем социальных норм, чем в нем имеется описанных нами выше организаций. Но его структура этим не исчерпывается. Являясь организацией организаций, это общество не может не включать также систему органов управления и систему социальных норм для руководства им как целостностью.

Последние две системы из отмеченных обеспечивают для самоуправляющегося социального организма его выживание и прогресс при упорядочении совокупности его внутренних дел и взаимодействий с подобными независимыми обществами. Для этого система органов управления всем самоуправляющимся обществом руководит организациями и отдельными лицами в его составе в ходе собственного нормативного регулирования, обладая способностью принудительно, в том числе с использованием физического принуждения, включающего возможность лишения жизни человека, корректировать решения и иную деятельность указанных организаций и лиц. Вдобавок эта система посредством того же самого нормативного регулирования придает или хотя бы пытается придать нужный ей характер взаимодействиям независимого общества, где существует, с остальными.

То, что каждый из охарактеризованных самоуправляющихся социальных организмов независим от подобных, предполагает наличие в нем выделенной принудительной власти, представленной органами управления им целиком, а также совокупности лиц и объединений, добровольно подчиняющихся этим властным структурам в большинстве случаев приказов последних. Указанные постановления издаются в ходе идущего здесь общеобязательного для всего общества нормативного регулирования, которое уже было нами упомянуто. Последнее, как также отмечено выше, осуществляется совокупностью органов управления обществом.

Названные управленческие дела ведутся в определенных обстоятельствах, присутствующих на каждом этапе истории человечества. Эти обстоятельства включают следующее.

Во-первых, само общество существует в пределах конкретной территории. Она выступает базой обитания только этого самоуправляющегося социального организма.

Во-вторых, в нем живет вполне определенное количество людей, отличающихся друг от друга по полу, возрасту и иным качествам. Например, не может независимое общество включать лишь мужчин или женщин.

В-третьих, составляющие его человеческие индивиды объединяются на основе возраста, пола, родства и свойства, других личных качеств, товарищества, общей территории проживания в сеть кооперации, а также разделения труда и иной деятельности. Каждый трудоспособный член самоуправляющегося социального организма производит лишь часть того, что ему нужно для жизни, и получает недостающее в обмен за свою продукцию от остальных людей, в основном от членов независимого общества, к которому принадлежит.

В-четвертых, самоуправляющийся социальный организм может потребить материальных и духовных благ не больше, чем произвел, если ему не помогают остальные подобные объединения. Но эта помощь, когда присутствует, не может быть очень большой, так как помогающее независимое общество должно заботиться о своих членах.

В-пятых, только что приведенное ограничение потребления не означает, что организации и отдельные лица внутри самоуправляющегося социального организма оказываются вынужденными обыкновенно потреблять исключительно эквивалент того, что произвели, но не больше. Нужды выживания и совершенствования независимого общества всегда требуют отступлений от эквивалентности в обменах его членов произведенными благами. Органы управления всем самоуправляющимся социальным организмом в ходе осуществляемого ими нормативного регулирования такие отступления обеспечивают.

В-шестых, во все времена труд и иная деятельность людей разделены и кооперированы не только внутри независимых обществ, но и между ними. Это делает понятным ранее приведенный факт, что член такого социального организма получает блага, которые не производит, не только от остальных членов своего независимого общества.

В-седьмых, в силу того, что каждый человек пользуется результатами деятельности остальных, он заинтересован в превосходном качестве таких итогов. Но каждое лицо прекрасно работает и выполняет остальные функции, лишь

если его собственные потребности полностью удовлетворяются. Ведь если эти нужды (например, в общем образовании, охране здоровья, жилище, трудовой квалификации) реализованы неудовлетворительно, то человек просто не может быть отличным работником, эффективно осуществляющим остальные свои функции в обществе. Следовательно, или все взаимодействующие люди живут прекрасно, или никто и них так не живет. Иными словами, существует единство коренных и долговременных интересов этих лиц. Однако есть причины противоречия ближайших и непосредственных интересов разных людей и их групп. Скажем, несколько лиц одновременно хотят обладать одинаковой вещью и не в состоянии договориться об очередности пользования ею, если этот предмет позволяет получение его по очереди. Аналогично у разных людей в подобных ситуациях могут быть неодинаковые предпочтения.

В-восьмых, общеобязательное нормативное регулирование органов управления всем самоуправляющимся социальным организмом хотя и должно быть направленным на общее благо всех его членов, но не всегда это присутствует как из-за ошибок властвующих, так и из-за умышленного их выбора. Во-втором варианте действий руководителей источником является только что указанное противоречие ближайших и непосредственных интересов людей.

В-девятых, два или больше независимых обществ, представленных органами управления каждым из них как целостности, могут договориться создать в этих самоуправляющихся социальных организациях одинаковые по содержанию общеобязательные нормы. При реализации такой договоренности сформулированные правила действуют как внутри договорившихся независимых обществ, так и между ними.

Действительное присутствие в жизни человечества на протяжении всей его истории самоуправляющихся социальных организмов с установленными в предыдущем изложении структурой руководства и видами нормативного регулирования, а также с наличием каждого из девяти перечисленных обстоятельств подтверждается многочисленными фактами. Например, так обстоят дела с упомянутым иногда встречающимся умышленным выбором органов управления независимым обществом как целостностью не следовать общему благу составляющих его людей в ходе общеобязательного нормативного регулирования. В частности, в первобытном самоуправляющемся социальном организме североамериканских

конных охотников на бизонов индейцев шайеннов XIX века, насчитывавшем около четырех тысяч человек, высшим из органов управления всем обществом являлся совет сорока четырех вождей, пятеро из которых были вождями-жрецами, где один из отмеченной пятерки, называвшийся «сладким знахарем», руководил советом сорока четырех [11, с. 145; 12, с. 19]. Обязанностью совета сорока четырех являлось вынесение постановления об изгнании из общества на срок от одного до пяти лет всякого шайенна, умышленно убившего сородича. Так совет и поступил во всех случаях такого убийства, кроме одного. В последнем умышленно убил шайенна индеец Маленький Волк, являвшийся во время убийства «сладким знахарем». Относительно этого случая совет сорока четырех никакого решения не вынес, хотя и должен был. Другое дело, что Маленький Волк отправился в добровольное изгнание на пять лет [12, с. 19].

В этом же самоуправляющемся социальном организме шайеннов к органам управления всем обществом относилось шесть составленных из воинов военных ассоциаций: «Лиса», «Лось», «Щит», «Тетива Лука», «Собака», «Северные Сумасшедшие Собаки» [11, с. 149]. Одно из дел, в разрешении которого участвовали все эти ассоциации, было вызвано поведением вождя из состава совета сорока четырех индейца по имени Спящий Кролик [11, с. 156]. Шайенны считали, что должностное лицо этого ранга должно демонстрировать образец поведения во всех человеческих взаимоотношениях. Как члену совета сорока четырех ему нельзя было быть стороной в спорах между людьми и мстить за полученную от кого-либо обиду [11, с. 145], однако Спящий Кролик продемонстрировал иной образ действий.

Фабула дела такова: «Люди передвигали лагерь через глубокий снег глухой зимой. Птичье Лицо, солдат военной ассоциации Собаки, натолкнулся на свою племянницу, Лосиху, пробивавшуюся почти изнуренной сквозь сугробы. Он <...> посадил Лосиху на свою лошадь позади него. Двигаясь на лошади вперед, они догнали Спящего Кролика, мужа Лосихи. “Есть одна вещь, которую я не люблю, — укорял его Птичье лицо. — Это оставление женщины в глубоком снегу...” Он не делал никаких угроз, <...> но ответ Спящего Кролика состоял в том, что последний натянул свой лук и вбил стрелу в левый локоть героя. Птичье Лицо вытащил древко стрелы без труда, но ее наконечник основательно застрял в ране. Красный Орел, зять Птичьего Лица, <...> созвал солдат военной ассоциации

Лисы для выяснения того, что они будут делать относительно случившегося... Решение солдат было таким. Они схватят Спящего Кролика и будут “бить его, пока он не станет <...> воспаленным, как рука Птичьего Лица” [13, с. 437]. Так солдаты и поступили. Правда, большинство шайеннов считало, что этого мало и требовало изгнать Спящего Кролика из шайеннского общества, однако изгнания не случилось: Спящий Кролик покаялся в содеянном перед солдатами Лисы и дал им пять коней: «Эти достойные люди отдали лошадей торговцу за бочку виски. Члены военной ассоциации Лисы устроили пир и пригласили на него все военные ассоциации. Участники пира хорошо провели время <...>. Виски умиротворило воинов, и вопрос посчитали улаженным. Спящий Кролик исполнял свои функции вождя до истечения его срока пребывания на этом посту, посещая собрания совета. Однако он потерял свою жену, так как Птичье Лицо постановил, что она разведена со Спящим Кроликом <...>. Никакого возмещения вреда потерпевшему не было» [13, с. 438].

Иногда выносили постановления, противоречащие общему благу своего общества и органы управления всем первобытным самоуправляющимся социальным организмом ашанти, располагавшемся в XIX веке в Западной Африке. Соответствующие факты приведены в специальной литературе [11, с. 232–234; 14, с. 292].

Нарисованную общую картину функционирования человеческих обществ в истории следует именовать общей картиной функционирования политически организованных обществ и права. Так нужно поступить, если исходить из понимания политически организованного общества, политики и права Аристотелем в современном ему мире [15–16, 17, с. 22], которое было перенесено последующими мыслителями [17, с. 22, 36] и на неизвестные Аристотелю общества с наличием признаков цивилизации, включающих, в частности, деление человеческих поселений на городские и сельские, существование профессий и письменности [17, с. 7–8]. Причины очевидны. В аристотелевском постижении политически организованного общества, политики и права нет ничего из весомых социальных характеристик, что не «учтено», то есть не присутствует, в обсуждаемой нарисованной общей картине функционирования человеческих обществ в истории [15–16]. Вдобавок в этой картине отсутствуют черты, исключающие применение к ней указанного постижения. Вот почему современным ученым, разделяющим идею о присутствии политики и права лишь

в цивилизованном обществе в приведенной трактовке последнего, следовало бы согласиться с присутствием политико-юридических явлений и в условиях первобытности, ведь при первобытном строе, как и при цивилизации, существует тождественный сконструированный в предшествующем изложении самоуправляющийся социальный организм со всеми чертами, диктующими его понимание в качестве политически организованного общества, где действует право, как внутреннее, так и внешнее для самоуправляющегося социального организма.

Для политико-юридической практики отсюда ясно следующее. Уже первобытному обществу присущ политический и правовой опыт, который следует использовать для совершенствования современных политически организованного общества и права. В частности, таким опытом скорее всего является упоминавшаяся идея шайеннов о том, что члену персонала органов управления всем обществом не должно быть позволено мстить за нанесенную этому лицу обиду. Может быть, принесло бы пользу для современной политико-юридической практики и обдумывание безусловного воздержания шайеннов от лишения жизни нарушителей предписаний их органов управления всем обществом [11, с. 158], которое, между прочим, вело войны, теряя в них людей [18, с. 764].

Созданная картина истории политически организованного общества и права имеет и теоретическую значимость. Во всяком случае эта картина дает основания для рассмотрения установленных наукой типов первобытных обществ в ходе их развития до цивилизации как исторических типов первобытного политически организованного общества и права. В качестве таких исторических типов можно выделить, во-первых, независимую общину первобытных охотников-собирателей с действующим в ней правом; во-вторых, состоящее из ряда общин общество первобытных охотников-собирателей и его правила права; в-третьих, независимую деревню нецивилизованных земледельцев и скотоводов со своими юридическими нормами, в-четвертых, политически организованное общество, состоящее из ряда таких деревень, с его правом. Второй и четвертый из перечисленных типов политически организованного общества возможно именовать ставшим сейчас широко применяемым словом «вождество» [19, с. 22, 62], равно как и синонимом последнего, а именно словом «протогосударство» [20, с. 14].

Что касается конкретных независимых обществ, охватываемых каждым из названных исторических типов, то сведения о таких самоуправляющихся социальных организмах присутствуют в научной литературе. Например, в первый исторический тип первобытного политически организованного общества и права входит деревня эскимосов Азиагмиут на арктическом побережье Канады с ее юридическими нормами [21, с. 674–675], во второй — ранее упомянутый самоуправляемый социальный организм шайеннов с действующим в нем правом, в третий — независимая деревня на островах Самоа в Тихом океане с присущими ей правилами права [22, с. 169; 23, с. 83–102], в четвертый — вождество, состоящее из нескольких деревень папуасов капауку, с его юридическими нормами, подробно исследованное Л. Поспишилом [24, с. 832–837].

Если вести речь о самых общих выводах проведенного исследования, то функционирование политически организованного общества и права имеет место на протяжении всей истории человечества. Возможно использовать опыт первобытного политически организованного общества и права в современной политико-юридической практике. Теоретически оправданно выделять исторические типы первобытного политически организованного общества и права.

Список источников

1. Almond G. A. Introduction: Functional Approach to Comparative Politics // *The Politics of the Developing Areas* / ed. by G. A. Almond, J. S. Coleman. Princeton, N. J., 1960. 591 p.
2. Easton D. Categories for the Systems Analysis of Politics // *Varieties of Political Theory* / ed. by D. Easton. N. J.: Prentice-Hall, 1966. Pp. 141–154.
3. Easton D. *A Framework for Political Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 142 p.
4. Любашиц В. Я., Смоленский М. Б., Шепелев В. И. *Теория государства и права*. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 2006. 512 с.
5. *Теория государства и права* / под общ. ред. О. В. Мартышина. Москва: Издательство «Проспект», 2016. 432 с.
6. Шепталин А. А. О применимости этнологических материалов при реконструкции генезиса права и государства // *Вестник Удмуртского университета*. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 137–143.
7. Jenks, Edward. *A History of Politics*. Leningrad: Richard Clay and Sons, Limited. Second Ed, 1900, 164 p.
8. Шалютин Б. С. К вопросу о происхождении права // *Вестник Курганского государственного университета*. Вып. 5. № 2 (16). 2009. С. 147–155.

9. Исаев А. А. История формирования права и тенденции его развития // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 240–241.
10. Муртузалиева М. А., Зейналов М. М., Магомедов М. Ч. Происхождение и ранние формы права // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 74–77.
11. Hoebel E. A. *The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge: Harvard University Press, 1954. 357 p.
12. Lowie R. H. Some Aspects of Political Organization Among the American Aborigines // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. Vol. 78 (1–2). 1948. P. 11–24.
13. Hoebel E. A. Associations and the State in the Plains // *American Anthropologist*. New Series. 1936. Vol. 38. no. 3. Part 1. Pp. 433–438.
14. Rattray R. S. *Ashanti Law and Constitution*. Oxford: at the Clarendon Press, 1929. 420 p.
15. Аристотель. Политика. Москва: Издательство «Университетская типография», 1865. 369 с.
16. Аристотель. Этика. Санкт-Петербург: Издательство «Философское общество при Императорском Санкт-Петербургском университете», 1908. 276 с.
17. Service E. R. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N. Y.: W. W. Norton and Company Inc., 1975. 361 p.
18. Mehrotra A. K. Review: Law and the “Other”: Karl N. Llewellyn, Cultural Anthropology, and the Legacy of the Cheyenne Way // *law and Social Inquiry*. 2001. Vol. 26. no 3. Pp. 741–775.
19. Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаяева. Волгоград: Издательство «Учитель», 2006. 560 с.
20. Шевнина О. Е. История государства и права зарубежных стран. Часть 1. Древний мир. Средние века: учебное пособие. Пенза: Издательство ПГУ, 2017. 175 с.
21. Hoebel E. A. Law-Ways of the Primitive Eskimos // *Journal of Criminal Law and Criminology* 1941. Vol. 31. no. 6. Pp. 663–683.
22. Mead M. *Social Organization of Manu’a* // Bernice P. Bishop Museum, Bulletin 76. Honolulu, Hawaii, 1930. 218 p.
23. Stair J. B. *Old Samoa, or Flotsam and Jetsam from the Pacific Ocean*. Oxford: The Religious Tract Society, 1897. 303 p.
24. Pospisil L. Social Change and Primitive Law: Consequences of a Papuan Legal Case // *American Anthropologist*. New Series. 1958. Vol. 60. no 5. Pp. 832–837.
- Areas / ed. by G. A. Almond, J. S. Coleman. Princeton, N. J., 1960. 591 p.
2. Easton D. Categories for the Systems Analysis of Politics. *Varieties of Political Theory* / ed. by D. Easton. N. J.: Prentice-Hall, 1966. Pp. 141–154.
3. Easton D. *A Framework for Political Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 142 p.
4. Lyubashits V. Ya., Smolensky M. B., Shepelev V. I. *Theory of State and Law*. Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House, 2006. 512 p. (In Russ.).
5. *Theory of State and Law* / ed. by O. V. Martyshin. Moscow: Prospect Publishing House, 2016. 432 p. (In Russ.).
6. Sheptalin A. A. On the Applicability of Ethnological Materials in Reconstructing the Genesis of Law and State. *Bulletin of Udmurt University*, 2016, vol. 26, issue 2, pp. 137–143. (In Russ.).
7. Jenks, Edward. *A History of Politics*. Leningrad: Richard Clay and Sons, Limited. Second Ed, 1900, 164 p.
8. Shalyutin B. S. On the Origin of Law. *Bulletin of Kurgan State University*, Is. 5, no. 2 (16), 2009, pp. 147–155. (In Russ.).
9. Isaev A. A. History of the Formation of Law and Trends of Its Development. *Young Scientist*, 2020, no. 49 (339), pp. 240–241. (In Russ.).
10. Murtuzaliev M. A., Zeynalov M. M., Magomedov M. Ch. Origin and early forms of law. *Law and state: theory and practice*, 2020, no. 8 (188), pp. 74–77. (In Russ.).
11. Hoebel E. A. *The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge: Harvard University Press, 1954. 357 p.
12. Lowie R. H. Some Aspects of Political Organization Among the American Aborigines. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, vol. 78 (1–2), 1948, pp. 11–24.
13. Hoebel E. A. Associations and the State in the Plains. *American Anthropologist*, 1936, vol. 38, no. 3, part 1, pp. 433–438.
14. Rattray R. S. *Ashanti Law and Constitution*. Oxford: at the Clarendon Press, 1929. 420 p.
15. Aristotle. *Politics*. Moscow: Publishing House “University Printing House”, 1865. 369 p. (In Russ.).
16. Aristotle. *Ethics*. St. Petersburg: Publishing House “Philosophical Society of the Imperial St. Petersburg University”, 1908. 276 p. (In Russ.).
17. Service E. R. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N. Y.: W. W. Norton and Company Inc., 1975. 361 p.
18. Mehrotra A. K. Review: Law and the “Other”: Karl N. Llewellyn, Cultural Anthropology, and the Legacy of the Cheyenne Way. *law and Social Inquiry*, 2001, vol. 26, no. 3, pp. 741–775.
19. *The Early State, Its Alternatives and Analogues: A Collection of Articles* / ed. by L. E. Grinin, D. M. Bondar-

References

1. Almond G. A. Introduction: Functional Approach to Comparative Politics. *The Politics of the Developing*

renko. N. N. Kradin, A. V. Korotaev. Volgograd: Uchitel Publishing House, 2006. 560 p. (In Russ.).

20. Shevnina O. E. History of the State and Law of Foreign Countries. Part 1. The Ancient World. The Middle Ages. Study Guide. Penza: PSU Publishing House, 2017. 175 p. (In Russ.).

21. Hoebel E. A. Law-Ways of the Primitive Eskimos. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1941, vol. 31, no. 6, pp. 663–683.

22. Mead M. Social Organization of Manu'a. Bernice P. Bishop Museum, Bulletin 76. Honolulu, Hawaii, 1930. 218 p.

23. Stair J. B. Old Samoa, or Flotsam and Jetsam from the Pacific Ocean. Oxford: The Religious Tract Society, 1897. 303 p.

24. Pospisil L. Social Change and Primitive Law: Consequences of a Papuan Legal Case. *American Anthropologist*, 1958, vol. 60, no. 5, pp. 832–837.

Информация об авторе

С. А. Дробышевский — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.

Information about the author

S. A. Drobyshevsky — Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at the Law Institute of the Siberian Federal University.

Научная статья
УДК 34.01

Культуротворческая функция права, юридической науки и образования

Ивашевский Станислав Леонидович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, dr.isl@yandex.ru

Аннотация. Автор обращается к проблеме кризиса современной культуры. Утверждает необходимость в обновлении духовной жизни российского общества. В качестве основания для обновления предложены традиционные ценности российской культуры. Показано, что формирование новой духовной атмосферы определено социальными функциями права, юридической науки и образования. В этой связи обоснована их культуротворческая роль в обществе.

Ключевые слова: культура, культурное творчество, функции права, юридическое образование, юридическая наука, традиции, ценности, традиционные ценности

Для цитирования: Ивашевский С. Л. Культуротворческая функция права, юридической науки и образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 28–33.

Original article

The cultural creativity function of law, legal science and education

Stanislav L. Ivashovsky

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, dr.isl@yandex.ru

Abstract. The author addresses the problem of the crisis of modern culture. The necessity of renewing the spiritual life of Russian society is argued. The traditional values of Russian culture are proposed as the basis for renewal. It is shown that the formation of a new spiritual atmosphere is determined by the social functions of law, legal science and education. In this regard, their cultural role in society is justified.

Keywords: culture, cultural creativity, functions of law, legal education, legal science, traditions, values, traditional values

For citation: Ivashovsky S. L. The cultural creative function of law, legal science and education. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 28–33. (In Russ.).

© Ивашевский С. Л., 2025

Обращение к теме функций права, юридической науки и образования обосновано необходимостью в определении условий и факторов преодоления современных вызовов и угроз российскому обществу, нашей национальной культуре и государственности. Значительная часть проблем современной России обусловлена многогранным культурным кризисом, основанием которого представляется духовное обнищание и потеря нравственных смыслов существования. В этой связи жизненно важными задачами для нашей страны становятся обновление духовной жизни, обретение и утверждение в общественном сознании системы ценностей, способствующих социальному прогрессу, благополучию и безопасности всех граждан. Именно задача культурного обновления актуализирует обращение культур к творческой функции отечественного права и связанных с ним своими социальными ролями юридической науки и образования.

Политический запрос на духовное обновление общества выделяет в системе множественных функций права, как общесоциальных, так и специально-юридических. Кроме этого, среди разных функций права мы выделяем культуротворческую. Созидание культурного пространства, преобразование ценностей и идеалов имеют в отечественной истории традиционный вектор «сверху–вниз» — от формулировок политической воли к конкретной практике общественных отношений. Таковыми были, например, поворот к европейским ценностям в эпоху Петра I, к коммунистическим идеалам в советский период. Это происходит и сегодня, что наблюдаемо в процессе утверждения традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве основания культурного обновления общества. Значительная роль в этом принадлежит правовым нормам как проводникам всего нового и, благодаря, им необходимого для жизни каждого человека.

Политическое безволие конца 80-х и в 90-е годы XX века определило рост кризисных явлений в российской культуре. Заплутав в пространстве ценностных приоритетов, наше общество во многих аспектах своей жизни поддалось соблазнам западных моделей духовного и материального существования. В условиях глобализации культуры последних десятилетий, превратившейся во многих аспектах в ее американизацию, проблема сохранения самобытности и уникальности российской культуры стала одной из важнейших в жизни нашего общества.

Русская культура существует как уникальное явление мировой культуры, обладающее особенностями исторического развития, совокупностью достижений, являющих специфику восприятия мира русскими людьми на различных этапах истории российского общества и государства. Феномен культуры России определяется собственной динамикой развития, уникальностью геополитического расположения России между Западом и Востоком, открытостью для культурного взаимодействия с иными странами и народами. Культура России во многом является результатом диалога культур. В ней сопряжены культурные богатства многих народов, населяющих Россию, достижения западной и восточной цивилизаций, светская и религиозная культура. Уважительное отношение к различным культурам, религиям, традициям, готовность к диалогу, умение принять и примирить являются особенностями феномена культуры России. В вопросе защиты основ национальной культуры Россия не приемлет слепое отрицание всего чужого, а, как уже исторически сложилось, вдумчиво и с уважением выстраивает процессы культурного взаимодействия с другими странами. Открытость и восприимчивость русской культуры, кроме очевидных преимуществ, способствуют и росту проблем в ее современном состоянии.

Необходимость культуротворчества в современном мире обусловлена глобальным системным кризисом реализации модели общества потребления. Ее ценности определили смысловую наполненность человеческой жизни приобретением материальных благ и обеспечением личного комфорта. Приоритеты потребительства способствовали развитию социального эгоизма и иждивенчества, сформировали культурный разлом, противопоставив традиционным ценностям национальной культуры «новационные» — яркие и привлекательные на биологическом уровне восприятия, но опустошающие и ослабляющие личность как социального субъекта, творца и созидателя. Потребительство нивелирует национальную специфику, стандартизирует человеческое поведение примитивностью нацеленности на удовлетворение простейших потребностей. Человек в таком мире становится управляемым проедателем созданного природой и предшествующими поколениями. Общество теряет свой творческий потенциал, духовно вырождается и впадает в глубочайшие кризисы. При этом растворяются в упрощающих жизненные смыслы схемах потребительского существования сложные

структуры национально-культурной идентичности как сущностной тождественности субъекта национальной культуре, культурным образцам, имеющим основополагающее значение для самосознания народа, единения и совместной деятельности для достижения общих целей. Обладание культурной идентичностью является условием жизнеспособности любой общности людей, каждого государства, задумывающегося о своих перспективах. Отсутствие — определяет обратное.

В условиях современной трансформации значительной части социальных отношений в интернет-пространство восприятие национальной культуры приобретает еще более неопределенный характер. Формы онлайн-коммуникации продуцируют обезличивание и, как следствие, формируют безнравственность и безответственность своих участников. Искусственно конструируемая среда интернета отдаляет человека от реальной истории, национальных традиций, обесмысливает ценности духовности и патриотизма. Цифровая среда затягивает наше общество в мир технологического комфорта, где средства его обеспечения становятся самоцелью каждого человека и критерием социального признания. В этих цифровых реалиях формируются упрощенные формы коммуникации, упрощенное мышление, размываются нормы нравственности, зачастую исчезает и адекватное восприятие реального мира с живыми (не виртуальными) людьми.

Очевидно, что решение этих проблем требует системного обновления культурных приоритетов жизни нашего общества. Появление новых жизненных смыслов, их вплетение в сложную ткань социальной реальности предполагают активизацию культуротворческого потенциала всех возможных субъектов созидания общественного благополучия. В анализе современного культурного кризиса необходимо учитывать то, что положение личности в культуре имеет два основных аспекта рассмотрения: личность как продукт культурного развития общества и личность как творческое начало культуры.

В первом аспекте личность выступает как результат социально-исторического развития, отражает в себе основные характеристики общества, является носителем определенного уровня знаний, актуальных для исторического момента ценностей и норм. Личность формируется в ходе социализации, то есть целенаправленного воздействия функционирующих социальных институтов. Их деятельность, в свою очередь,

обусловлена культурными идеалами исторической эпохи. В истории культуры мы встречаем сменяющие друг друга идеалы гармонично развитой личности, личности, устремленной к Богу, просвещенной личности, идеал экономически успешного человека, коммунистический проект личности и другое. Таким образом, личность — это всегда социальная сущность человека, отражающая уровень развития культуры.

Во втором аспекте личность — это творец, созидатель, основа культурного развития общества. Культура — это, в первую очередь результат человеческой активности. Только человек способен формировать образ желаемого, лучшего, ставить перед собой цели и достигать их посредством труда. Личность, в отличие от всего иного в нашем мире, находится в поиске смысла своего существования. Осознанные жизненные смыслы формируют характер эпохи в истории культуры. Свою индивидуальность, чувства, переживания, убеждения человек переносит в сферу культуры, самовыражаясь посредством ее различных форм и созидая новые способы восприятия и трансформации реальности.

В основании современного культурного кризиса мы видим выпадение личности из культуры, утрату, с одной стороны, национально-ориентированных общественных идеалов, с другой — творческого потенциала для личностного роста и социального обновления. В этой связи возрастает роль права, юридической науки и образования в решении проблем преодоления ценностной неопределенности и формировании жизнеутверждающей системы культурных приоритетов российского общества.

Несомненно, значимый импульс процессу культуротворчества придало политическое признание необходимости в сохранении и развитии традиционных ценностей культуры России как основания современной государственной политики. В этой связи следует обратить внимание на Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Отметим, что традиция всегда актуальна, она — не предписание и не инструкция, а духовная константа человеческого поведения. Традиция — мощный жизненный ориентир, способствующий стабилизации и не отвергающий новое, но не все, а то, что не противоречит базовым принципам развития национальной

культуры и способствует общественному прогрессу. Как пишет А. Н. Данилов, «Перезагрузка существующих ценностей представляет собой цепочку укоренения новых мировоззренческих смыслов, отражающих состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового» [2, с. 22–23].

В этой цепочке культурного обновления значительная роль принадлежит праву. Оно есть явление культуры, отражает в себе традиции, ценности, общественные идеалы, зафиксированные сознанием определенной исторической эпохи. Само понимание права обусловлено характером культурной динамики. Право, будучи специфической подсистемой культуры, не только отражает достигнутый уровень, но и стимулирует к восхождению к новым достижениям. Мы солидарны с выводом О. Н. Хужиной о том, что «...Современная действительность обуславливает возможность стратегического политического, экономического, культурного прорыва российского общества, обеспечить который способно обновленное право, стержнем которого должны стать традиционные российские духовно-нравственные ценности» [3, с. 41]. Право действительно выполняет свои функции, если соответствует национальной культуре и культурным потребностям общества. Оно отражает жизнь людей и формирует представления о должном, о направлениях социального развития.

Право призвано созидать общественные отношения, отбирая и предлагая в качестве образца лучшее, наиболее эффективное в процессе обеспечения социального порядка и развития во всех сферах жизни. Право способно вырвать людей из рутины и бесперспективности потребительства и повести к идеалам национальной духовности, воссозданной культуры российской жертвенности ради спасения человеческого в человеке. Считаем необходимым поддержать мнение о том, что «... Конституционный строй России призван обеспечивать воспроизводство общественных отношений с нарастающим позитивным результатом, сохранение единого культурного пространства страны, формирование безопасного пространства культурного развития, трансляцию самобытных национальных ценностей, смыслов, образцов поведения от поколения к поколению» [4, с. 10]. В праве воплощается потенциал накопленных духовных богатств культуры, что определяет важность развития правового сознания и правовой

культуры в обществе. Приобщение к праву есть путь окультуривания людей, так как предполагает вхождение в мир культурных ценностей и средств их обеспечения.

Важными факторами современного культурного обновления являются наука и образование. Сегодня в первую очередь они обеспечивают социально-экономический и культурный прогресс общества. Уровень развития образования и науки — важный показатель состояния общества, его потенциала и грядущих перспектив. Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» одними из основных приоритетов российского образования являются его гуманистический характер, воспитание гражданственности, патриотизма, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства [5].

Юридическая наука выступает производным культуры, содержит в себе универсальные и уникальные (национальные) элементы. Российская юриспруденция отражает национальную специфику в восприятии мира, способностей его освоения, формирует национально-ориентированную проблематику исследований и вариантов применения полученных результатов. В современных условиях ее важнейшей задачей становится обеспечение взаимосвязи политической воли с действующим правом и его эффективностью. В этой связи возрастает значение культуротворческой функции юридической науки, так как наполнить традицию, традиционные ценности актуальным регламентирующим содержанием, — это, безусловно, творческий процесс по формированию новой правовой среды для духовного обновления всего общества.

Значение образования для культуры определяется его сущностью как процесса созидания личности. Развитие человека происходит через приобщение его к лучшим образцам культуры. Таким образом, образование выступает как способ сохранения культурного наследия. Личность формируется в образовании и как творец, и как активное начало в создании новых культурных форм. В таком виде образование представляется способом обеспечения развития культуры. Как пишет А. О. Карпов: «Образование в сфере духовного нации устанавливает ее дух для творения будущего, который даст ей силу превзойти настоящее либо станет причиной немощи и упадка» [6, с. 69–70].

Ведущими традиционными ценностями российского образования являются общедоступность (массовость), государственный характер (государственное покровительство и контроль), всесторонность (сочетание интеллектуального, нравственного и физического развития), духовность (нацеленность на социальное благо), патриотизм и гуманизм. Они сформировались в процессе исторического развития российской системы образования и продолжают направлять ее современные реформы. Названные ценности отечественного образования обуславливают силу и масштаб образовательного культуротворчества. Юридическое образование ответственно за формирование социального фундамента духовного обновления, готовит профессионалов, обеспечивающих общественный порядок в заданной государственным интересом системе ценностных координат. Как отмечает И. А. Треушников: «...Через юридическое образование происходит трансляция идеологических смыслов в общественное сознание» [7, с. 226]. Это предполагает, что отечественные юридические вузы должны поддерживать и создавать культурные приоритеты страны и традиционные ценности образовательной культуры России. Политика задает вектор социального обновления, право регламентирует этот процесс, наука насыщает его конкретным содержанием, образование создает условия для общественного принятия обновлений, осознания смыслов и перспектив культурной динамики. Несомненно, что столь значимые ценности, способствующие росту национального самосознания, как духовность, патриотизм, приоритет общественных интересов над личными, требуют глубокой научной проработки с позиции выработки соответствующих актуальных смыслов, форм, их содержательного наполнения.

Научный фактор определяет возможность плодотворной образовательной деятельности, сотворчества политики, науки и образования в процессе культурного обновления общества. В утверждении и социальном признании значимых для развития общества ценностей возрастает роль гуманитарной составляющей в профессиональном образовании современных юристов, «...особое значение обретает необходимость знакомить обучающихся с объективными цивилизационными особенностями истории государства и права России, воспитывать уважительное отношение к исторически сложившемуся и цивилизационно обусловленному народному правосознанию, на котором и должно базироваться самобытное и суверенное

национальное право» [8, с. 244]. Идеалом результата современного юридического образования становится не просто выпускник, как знаток права, а человек, укорененный в национальной культуре, разделяющий и защищающий ее традиционные ценности. Это творческая личность, способная к преобразованию несовершенств социальной реальности с опорой на критерии и образцы, возвращенные историческим опытом родного народа, национальной культуры, понимающая национальные интересы и обеспечивающая их силой профессионализма, высоким уровнем научной подготовки и нравственного развития.

Таким образом, можно утверждать наличие мощного культуротворческого потенциала права, юридической науки и образования. Они исторически укоренены в национальной культуре, являются носителями ее ценностей и смыслов, способны к выработке обновленного содержания традиционных культурных констант, соответствующих запросам современности. Опорой для созидательных процессов, связанных с культуротворчеством, является традиционная культура России. Она пронизана востребованными сегодня гуманизмом, нацеленностью на духовное совершенствование личности, гармонизацию отношений человека с другими людьми и с природой.

Уникальность современности заключена в попытке обновления духовной ситуации в стране, преобразования системы ценностей и общественных идеалов с опорой на традиции русской культуры. Пробудить социальные ресурсы обновления возможно, только консолидировав культуротворческие возможности самых созидающих и ответственных за жизнь современного общества сил — права, науки и образования.

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Данилов А. Н. Современность как вызов: ценностная перезагрузка // Философские науки. 2022. Т. 65. № 3. С. 12–24.
3. Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 39–43.

4. Устиленцев К. А. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа культурного суверенитета современной России // Правовая культура. 2024. № 2 (57). С. 7–13.

5. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=lzvt8snklf432779414 (дата обращения: 20.03.2025).

6. Карпов А. О. Феномен образования: экзистенциальный порядок бытия // Философские науки. 2024. Т. 67. № 1. С. 54–73.

7. Треушников И. А. Роль общегуманитарных знаний в формировании профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 224–226.

8. Марченя П. П. Воспитание уважения к национальному праву и народному правосознанию как ценностные приоритеты преподавания теоретико-исторических правовых наук в условиях войны цивилизаций // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 243–245.

References

1. On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 9, 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of accessed 20.03.2025). (In Russ.).

2. Danilov A. N. Modernity as a challenge: value reboot. *Philosophical sciences*, 2022, vol. 65, no. 3, pp. 12–24. (In Russ.).

3. Khuzhina O. N. Traditional spiritual and moral values in Russian law: statement of the scientific problem. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 39–43. (In Russ.).

4. Ustilencev K. A. Traditional spiritual and moral values as the basis of cultural sovereignty of modern Russia. *Legal Culture*, 2024, no. 2 (57), pp. 7–13. (In Russ.).

5. On Education in the Russian Federation: federal law no. 273-FZ of December 29, 2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=lzvt8snklf432779414 (accessed 20.03.2025).

6. Karpov A. O. The Phenomenon of Education: Existential Order of Being. *Philosophical Sciences*, 2024, vol. 67, no. 1, pp. 54–73. (In Russ.).

7. Treushnikov I. A. The role of general humanitarian knowledge in the formation of professional readiness of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 224–226. (In Russ.).

8. Marchenya P. P. Fostering respect for national law and people's legal consciousness as value priorities in teaching theoretical and historical legal sciences in the context of the war of civilizations. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 243–245. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Л. Ивашевский — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

S. L. Ivashovsky — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 340.13; 343.8

**Принципы права в кодифицированных актах и судебной практике:
допустим ли правовой эксперимент?
На примере принципов уголовно-исполнительного права**

Илюхина Вера Александровна^{1, 2}

¹Академия ФСИН России, Рязань, Россия;

²Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия, eva3011@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о возможности правового эксперимента в сфере принципов права (на примере отрасли уголовно-исполнительного права). Автор полагает, что «экспериментальные» изменения в кодифицированные акты недопустимы даже на уровне одного кодекса. Однако правовой эксперимент возможен на уровне судебной практики. Обосновываются возможности проведения эксперимента в деятельности судов по применению принципов уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: правовой эксперимент, принципы права, принципы уголовно-исполнительного законодательства, кодифицированные акты, судебная практика

Для цитирования: Илюхина В. А. Принципы права в кодифицированных актах и судебной практике: допустим ли правовой эксперимент? На примере принципов уголовно-исполнительного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 34–38.

Original article

**Principles of law in codified acts and judicial practice:
is a legal experiment acceptable?
Using the principles of penal enforcement law as an example**

Vera A. Ilyukhina^{1, 2}

Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia;

¹Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation;

²Nizhny Novgorod Institute of Management — branch of RANEPА, Nizhny Novgorod, Russian Federation, eva3011@bk.ru

Abstract. The article considers the possibility of a legal experiment in the field of principles of law (using the example of the branch of penal enforcement law). The author believes that “experimental” changes to codified acts are unacceptable even at the level of one code. However, a legal experiment is possible at the level of judicial practice. The possibilities of conducting an experiment in the activities of courts on the application of the principles of penal enforcement legislation are substantiated.

© Илюхина В. А., 2025

Keywords: legal experiment, principles of law, principles of penal enforcement legislation, codified acts, judicial practice

For citation: Ilyukhina V. A. Principles of law in codified acts and judicial practice: is a legal experiment acceptable? Using the principles of penal enforcement law as an example. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 34–38. (In Russ.).

Многодневный XXVI Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)», прошедший 25–28 сентября 2024 года, в котором нам довелось принять участие, позволил сформулировать проблему, обозначенную в названии данной статьи. Актуальным представляется вопрос: «Возможно ли проведение правового эксперимента, связанного с изменениями положений, касающихся принципов права, в кодифицированном акте и в судебной практике?».

В научной литературе существуют различные определения понятия «правовой эксперимент», основанные на разных подходах [1–6]. Не претендуя на оригинальность, исключительно в рабочих целях мы можем выделить несколько ключевых моментов, характеризующих правовой эксперимент:

- 1) это некое нововведение;
- 2) оно нормативно регламентируется;
- 3) носит характер апробации в целях подтверждения/не подтверждения гипотезы об эффективности нововведения;
- 4) имеет ограниченный (как правило, территориальный/временной) характер;
- 5) последствиями являются либо распространение полученного опыта (в случае признания эксперимента успешным), либо отказ от нововведения (в случае его признания неудачным).

Следует согласиться с М. Л. Давыдовой, что «...необходимость проведения правового эксперимента возникает на этапе формализации правовых интересов и идей о том, какие правила необходимы для их удовлетворения» [7, с. 37]. Наличие различных сформировавшихся моделей закрепления принципов права в российских кодифицированных актах, а также соответствующая правоприменительная практика как раз свидетельствуют об осознании научным сообществом и отчасти судьями значения принципов права в правовой системе, их роли в правотворчестве и правоприменении. Полагаем, что в настоящее время уже назрела необходимость в унификации механизма принципов права. Также сделаем оговорку, что, говоря о принципах права, мы исходим из позитивистского

правопонимания [8–10]. В этом контексте необходимо четко отграничивать принципы права от доктринальных принципов права и принципов обычного права.

По большому счету все приведенное выше — теоретические рассуждения, которые может подтвердить или опровергнуть правовой эксперимент. По нашему мнению, правовой эксперимент, касающийся принципов права возможен, однако «экспериментальные» изменения в кодифицированные акты недопустимы даже на уровне одного кодекса.

Полагаем, что внесение «экспериментальных» изменений в текст кодифицированного акта противоречит самой сути кодекса как основного и наиболее стабильного нормативного правового акта в конкретной сфере правового регулирования. Законодательная новелла должна быть аргументированной и постоянной, но не экспериментальной с возможностью потенциально допускаемой скорой отмены.

Относительно принципов права правовой эксперимент возможен в правоприменительной деятельности, в частности, в деятельности судов. При этом наиболее благодатной почвой в данном случае является, по нашему мнению, сфера уголовно-правовых отношений. Главная особенность нормативного закрепления принципов права в тексте Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 года (далее — УИК РФ) заключается в том, что в статье 8 этого кодифицированного акта принципы уголовно-исполнительного законодательства только перечисляются, а их содержание не раскрывается никаким образом. Такой подход законодателя не создает четких ориентиров для правоприменителя и не способствует единообразию судебной практики. Более того, наличие такого принципа, как принцип демократизма в системе принципов уголовно-исполнительного права, вызывает недоумение, поскольку его сущность никак не соответствует сущности соответствующей сферы общественных отношений.

Вполне логичным шагом законодателя будет нормативное раскрытие принципов

права в статье 8 УИК РФ. Совершенствование УИК РФ в данном ракурсе, несомненно, возможно в результате проведения научной дискуссии, опирающейся на результаты, достигнутые учеными-пенитенциаристами в этой сфере. Однако, по нашему мнению, не менее продуктивным и при этом дающим вполне объективные результаты будет правовой эксперимент. Его целями являются:

1) конкретизация в судебных актах содержания принципов уголовно-исполнительного законодательства, которые закреплены в статье 8 УИК РФ;

2) введение требования обязательности отсылки на принципы уголовно-исполнительного законодательства в судебных актах при их аргументации.

Первая цель достигается путем издания постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, конкретизирующего содержание принципов уголовно-исполнительного законодательства и устраняющего соответствующие пробелы в законодательстве. В судебной практике имеются примеры, когда различные суды давали дефиниции доктринальных принципов права (то есть неких идей, не нашедших в текстах законов прямого нормативного закрепления в качестве принципов права, но рассматриваемых научным сообществом/правоприменителем в качестве таковых). Так, в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации сформулированы определения принципа процессуальной экономии [11], принципа диспозитивности [12], принципа правовой определенности [13]. В одном из апелляционных определений Верховного Суда Российской Федерации раскрывается содержание принципа непосредственности судебного разбирательства [14], а в одном постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации — принципа единства судебной практики [15]. В некоторых актах арбитражных судов также конкретизируются понятия принципа транспарентности [16] и принципа запрета поворота к худшему [17].

Полагаем, если суды дают определение доктринальных принципов права, то они должны раскрыть и содержание принципов права (принципов позитивного права), содержание которых законодатель не сформулировал по каким-либо причинам. Как раз к таковым относятся принципы уголовно-исполнительного законодательства. Оптимальным мы считаем, чтобы дефиниции принципов уголовно-исполнительного

законодательства формулировались в обобщающих судебных актах (собственную и всех прочих судов общей юрисдикции и арбитражных судов) постановлениях пленумов Верховного Суда Российской Федерации. Конечно, это может делать (и делает) Конституционный Суд Российской Федерации, но все же это не является его функцией. Кроме того, в функции Конституционного Суда Российской Федерации не входит обобщение судебной практики.

Вторая цель эксперимента в сфере принципов уголовно-исполнительного права достигается путем установления перечня конкретных судов — участников эксперимента, которые будут обязаны ссылаться на принципы уголовно-исполнительного законодательства. Для эксперимента должны быть отобраны различные типы субъектов Российской Федерации, чтобы в их числе обязательно оказались республики, края, области, города федерального значения и прочие. В этих субъектах суды должны самостоятельно формулировать содержание принципов уголовно-исполнительного права. Правда, велика вероятность, как это часто имеет место в российской реальности, что суды будут просто переписывать формулировки друг у друга, стараясь пользоваться «готовыми рецептами», а не вырабатывать собственные.

По истечении срока эксперимента должно быть проведено сравнение качества судебных решений в судах, участвующих и не участвующих в эксперименте, с целью выявления целесообразности распространения эксперимента на все суды и отбора наиболее удачных дефиниций каждого из принципов уголовно-исполнительного законодательства.

Итогом эксперимента, по нашему мнению, должно стать принятие решения о целесообразности нормативного раскрытия содержания принципов уголовно-исполнительного законодательства в тексте статьи 8 УИК РФ или оставление названной статьи в неизменном виде. Кроме того, на уровне правоприменения Верховным Судом Российской Федерации должно быть принято решение о распространении обязательности требования отсылки к принципам права (не только уголовно-исполнительного) при аргументации судебных актов всех судов либо решение об отмене соответствующего требования к актам судов, участвовавших в эксперименте. При этом, естественно, не должно быть никакого запрета на отсылки к принципам права в судебных актах.

Список источников

1. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самощенко. Москва: Издательство «Юридическая литература», 1988. 301 с.

2. Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: Проблемы эффективности: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 163 с.

3. Лазарев В. В. Избранные труды. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права. Т. 2. Москва: Издательство «Новая юстиция», 2010. С. 5–15.

4. Макаров И. И. Правовой эксперимент как метод совершенствования местного самоуправления // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 69–75.

5. Сивицкий В. А., Сорокин М. Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30.

6. Репьев А. Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 44–52.

7. Давыдова М. Л. Правовой эксперимент и экспериментальный правовой режим в механизме правообразования: проблемы соотношения // Право и политика: история и современность: материалы Девятой Международной научно-практической конференции (Омск, 25–26 ноября 2021 года). Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 34–39.

8. Демичев А. А. К вопросу о принципах гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2005. № 1 (42). С. 92–98.

9. Демичев А. А. Принципы гражданского процессуального права Российской Федерации: проблемы сущности и классификации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10. С. 130–133.

10. Илюхина В. А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А. А. Демичева. Москва: Издательство «Директ-Медиа», 2024. 408 с.

11. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. И. Карабанова и В. А. Мартынова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2015 года № 27-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2025).

12. По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Б. Фишер: постановление Конституционного Суда Российской Феде-

рации от 14 февраля 2002 года № 4-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2025).

13. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2025).

14. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 марта 2019 года по делу № 3А-234/2018. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/1eVkvfqpUuVT/> (дата обращения: 06.01.2025).

15. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2005 года № 25пв04. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/nSswVrucmUNh/> (дата обращения: 06.01.2025).

16. Решение Арбитражного суда Приморского края от 16 июля 2021 года по делу № А51-614/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5idKDxVBZcZQ/> (дата обращения: 06.01.2025).

17. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 30 апреля 2021 года по делу № А33-23272/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mXY0dkOKCpLh/> (дата обращения: 06.01.2025).

References

1. Legal Experiment and Improvement of Legislation / ed. by V. I. Nikitinsky, I. S. Samoshchenko. Moscow: Legal Literature Publ., 1988. 301 p. (In Russ.).

2. Yeltsov V. N. Legal Experiment in Modern Russia: Problems of Efficiency. Dissertation... candidate of legal sciences. Tambov, 2009. 163 p. (In Russ.).

3. Lazarev V. V. Selected Works. On the Concept and Limits of Experiment in the Field of State and Law Vol. 2 Moscow: New Justice, 2010, pp. 5–15. (In Russ.).

4. Makarov I. I. Legal Experiment as a Method of Improving Local Self-Government. *Journal of Russian Law*, 2013, no. 10, pp. 69–75. (In Russ.).

5. Sivitsky V. A., Sorokin M. Yu. Legal Experiment and Development of Law. *Law Journal of the Higher School of Economics*, 2016, no. 4, pp. 15–30. (In Russ.).

6. Repyev A. G. Legal Experiment and Law-Making Experience as Special Models of Legal Regulation: Technique, Practice, Limits. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (97), pp. 44–52. (In Russ.).

7. Davydova M. L. Legal Experiment and Experimental Legal Regime in the Mechanism of Law Formation: Problems of Correlation. Law and Politics: History and Modernity: Proceedings of the Ninth International Scientific and Practical Conference (Omsk, November 25–26, 2021). Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022, pp. 34–39. (In Russ.).

8. Demichev A. A. On the Issue of the Principles of Civil Procedural Law. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 2005, no. 1 (42), pp. 92–98. (In Russ.).
9. Demichev A. A. Principles of Civil Procedural Law of the Russian Federation: Problems of Essence and Classification. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 2005, no. 10, pp. 130–133. (In Russ.).
10. Ilyukhina V. A. Principles of Law in the National Legal Systems of the Russian Federation and the Republic of Armenia (comparative legal study): monograph / ed. by A. A. Demichev. Moscow: Direct-Media Publ., 2024. 408 p. (In Russ.).
11. In the case of verifying the constitutionality of Part Three of Article 333 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens A. I. Karabanov and V. A. Martynov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 27-P of October 20, 2015. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 06.01.2025). (In Russ.).
12. In the case of verifying the constitutionality of Article 140 of the Civil Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen L.B. Fisher: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 4-P of February 14, 2002. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 06.01.2025). (In Russ.).
13. On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 and 389 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, complaints of the open joint-stock companies Nizhnekamskneftekhim and Khakasenergo, as well as complaints of a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 2-P of February 5, 2007. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 06.01.2025). (In Russ.).
14. Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of March 27, 2019 in case no. 3A-234/2018. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/1eVkvfqpUuVT/> (accessed 06.01.2025). (In Russ.).
15. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of March 23, 2005 no. 25пв04. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/nSswVrycmUNh/> (accessed 06.01.2025). (In Russ.).
16. Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated July 16, 2021 in case no. A51-614/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5idKDxVBZcZQ/> (accessed 06.01.2025). (In Russ.).
17. Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal dated April 30, 2021 in case no. A33-23272/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mXY0dkOKCpLh/> (accessed 06.01.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Илюхина — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России; старший научный сотрудник Научного центра Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС.

Information about the author

V. A. Ilyukhina — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of Chair of Theory of State and Law, International and European Law, Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia, Senior Researcher of the Scientific Center of Nizhny Novgorod Institute of Management — a branch of RANEPА.

Научная статья
УДК 342.41

Правовая охрана и защита традиционных ценностей в контексте обеспечения духовно-нравственной и религиозной безопасности

Мещерякова Анна Федоровна

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, fuga9@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям государственной политики и правового регулирования в сфере защиты традиционных духовно-нравственных ценностей народов России. В настоящее время существуют реальные угрозы для нормального существования и духовно-нравственного развития российского общества, корни которых кроются в навязываемой ему деструктивной западной идеологии. На международной арене Россия позиционирует себя в качестве оплота традиционных ценностей, сделаны первые шаги в принятии актов доктринального характера, направленных на сохранение и укрепление этих ценностей. Дальнейшему повышению уровня защиты традиционных ценностей народов, населяющих нашу страну, будут способствовать концептуальная разработка и правовое оформление категорий «духовно-нравственная безопасность» и «религиозная безопасность» как важнейших составляющих национальной безопасности. При этом религиозную безопасность следует рассматривать как подсистему духовно-нравственной безопасности. Автором предложено принять отдельный федеральный закон, в рамках которого, помимо прочего, следует закрепить соответствующий понятийный аппарат, права и обязанности субъектов, задействованных в процессе обеспечения духовно-нравственной и религиозной безопасности и др. Внесенные по итогам исследования предложения могли бы способствовать повышению уровня защиты традиционных ценностей народов, населяющих нашу страну, и предотвратить губительное воздействие на общество, оказываемое посредством не свойственных нам идеологий.

Ключевые слова: религиозная безопасность, духовно-нравственная безопасность, традиционные ценности, нравственность, стратегическое планирование.

Для цитирования: Мещерякова А. Ф. Правовая охрана и защита традиционных ценностей в контексте обеспечения духовно-нравственной и религиозной безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 39–44.

Original article

Legal protection and protection of traditional values in the context of ensuring spiritual, moral and religious security

Anna F. Meshcheryakova

Penza State University, Penza, Russian Federation, fuga9@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of state policy and legal regulation in the field of protection of traditional spiritual and moral values of the peoples of Russia. Currently, there are real threats to the normal

© Мещерякова А. Ф., 2025

existence and spiritual and moral development of Russian society, the roots of which lie in the destructive Western ideology imposed on it. Although Russia positions itself in the international arena as a stronghold of traditional values, the first steps have been taken in adopting doctrinal acts aimed at preserving and strengthening these values. The conceptual development and legal formalization of the categories of “spiritual and moral security” and “religious security” as the most important components of national security will further enhance the level of protection of the traditional values of the peoples inhabiting our country. At the same time, religious security should be considered as a subsystem of spiritual and moral security. The author proposes the adoption of a separate federal law, which, among other things, should consolidate the relevant conceptual framework, the rights and obligations of subjects involved in the process of ensuring spiritual, moral and religious security, etc. The proposals made based on the results of the study could help to increase the level of protection of the traditional values of the peoples inhabiting our country and prevent the harmful impact on society exerted through ideologies that are not peculiar to us.

Keywords: religious security, spiritual and moral security, traditional values, morality, strategic planning

For citation: Meshcheryakova A. F. Legal protection and protection of traditional values in the context of ensuring spiritual, moral and religious security. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 39–44. (In Russ.).

Цель внешнего идеологического влияния на российское общество — насаждение системы ценностей, чуждых для наших граждан и оказывающих на социум разрушающее воздействие. Посредством деструктивной идеологии российскому народу прививаются эгоизм, безнравственность, отрицание значимости патриотизма и служения Родине, полноценной семьи и брака, естественного воспроизводства, положительной роли России в общей истории и другое. Весьма губительными для общества и государства являются пропаганда и признание естественности нетрадиционных половых связей, представляющих угрозу демографической ситуации.

В связи с реальной угрозой в настоящее время обществу и государству необходимо принимать незамедлительные эффективные меры по внедрению, развитию и защите традиционных ценностей, в том числе посредством юридических средств. В целях сохранения национальной идентичности, нравственных основ и цивилизационного единства нашего государства в последние годы были разработаны и утверждены стратегические документы, но поскольку последние имеют лишь рекомендательный характер, то в этой области необходима большая законодательная работа. Исходя из изложенного, исследование особенностей правовой охраны и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей народов России в контексте обеспечения религиозной безопасности видится на сегодняшний момент весьма актуальным.

Религиозная безопасность, сущность которой всеобъемлюще исследована в работе И. А. Тарасевича, выступает разновидностью национальной безопасности государства.

Поскольку последняя служит родовым понятием, а первая — видовым, то теоретические положения в отношении целого будут справедливы и в отношении частного. Соответственно, ряд элементов системы рассматриваемых видов безопасности тождественными. Различия будут свойственны только их содержанию [1, с. 156].

Тот факт, что государство является главным субъектом обеспечения безопасности, служит продолжением давней традиции восприятия государства в качестве попечителя населяющего его народа. Как указывал немецкий политолог минувшего века К. Шмитт, лишь государство и его мощный аппарат способны создать условия безопасности и внутреннего порядка в обмен на повиновение граждан, гарантировать им необходимую защиту [2, с. 33].

Необходимо отметить, что системы некоторых разновидностей национальной безопасности имеют достаточно проработанную структуру. Ряд из них обладают и подсистемами, в частности, в одном из Стандартов Банка России предусмотрена отдельная глава 7 «Система информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации» [3], что можно рассматривать как пример детальной регламентации и системы информационной безопасности (являющейся видом безопасности национальной) в целом, и одной из ее подсистем, чего нельзя сказать о религиозной безопасности. Следовательно, перед законодателем стоит важная задача, связанная с формированием таковой системы.

Основными субъектами обеспечения безопасности в сфере религии необходимо рассматривать Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, а также

Федеральное Собрание Российской Федерации. В соответствии с Конституцией Российской Федерации Президент Российской Федерации возглавляет государство, принимает меры, связанные с охраной государственной целостности, независимости и суверенитета, осуществляет поддержку гражданского мира, эффективное взаимодействие всех органов публичной власти, служит гарантом прав и свобод личности, устанавливает главные вектора внешней и внутринациональной политики, представляет страну в международных отношениях. Как следует из главы 4 Конституции Российской Федерации, Глава государства наделен обширным кругом полномочий, следовательно, именно он и стоит во главе безопасности. Это подтверждается еще и тем, что важнейшие стратегические акты последнего времени введены в действие соответствующими указами Президента Российской Федерации.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4] перечисляются приоритетные для нашей страны национальные интересы, среди которых немаловажное значение имеет «...укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России». В документе названы основные факторы, угрожающие таким ценностям, а именно: распространение терроризма и экстремизма в глобальных масштабах; деятельность некоторых транснациональных корпораций, средств массовой информации, зарубежных некоммерческих организаций и ряда российских организаций; политика США и ряда недружественных стран в отношении Российской Федерации.

Пропаганда деструктивной идеологии обуславливает возникновение таких рисков, как формирование почвы для социального саморазрушения, потери семейных и прочих социальных связей; нанесение урона нравственному здоровью граждан; распад социума на отдельные категории, исходя из социального статуса и другого; преобладание убеждений об обесценивании таких благ, как жизнь, здоровье, достоинство, честь; отрицание гражданами необходимости взаимопомощи и социального партнерства; укоренение аморальных поведенческих стереотипов, деструктивного образа жизни, представлений о вседозволенности; отвержение духовно-нравственных ценностей как жизненных ориентиров; наркотизация и алкоголизация общества, рост преступности; изменение взглядов на историю страны, на ее роль в мировом пространстве; упадок патриотизма, стремление

избегать воинской службы; отсутствие доверия к публичной власти и органам правопорядка; упадок единства и гражданской идентичности россиян, формирование почвы для межрелигиозных и межэтнических столкновений.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 был разработан такой важный стратегический документ, как Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — Основы) [5].

В пункте 4 Основ содержится дефиниция категории «традиционные ценности», а в пункте 5 — их подробный перечень. В пункте 6 указано, что религии, исповедуемые многонациональным народом России, оказали существенное воздействие на становление традиционных ценностей. Ряд этих ценностей получили конституционное закрепление в статье 67.1 Основного закона Российской Федерации. Особо интересной на наш взгляд является норма, согласно которой «Российская Федерация <...> сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, <...> признает сложившееся исторически государственное единство».

Вопросы нормативной регламентации многих оценочных категорий в последние годы обрели особую остроту, в связи с чем и упоминание нравственности в действующем законе не способствует однозначным подходам правоприменителей. Полагаем, что всем подобным категориям необходимо придать официальную форму, закрепив их в соответствующих правовых актах. В статье 55 Конституции Российской Федерации предусмотрены важнейшие объекты, для защиты которых закон может ограничить отдельные права и свободы личности. Смысл большинства этих объектов (например, конституционный строй, безопасность) споров не вызывает, однако категория «нравственность», применяемая в целях ограничения общепризнанных ценностей, является спорной, поскольку различные идеологии, общественные организации, политики обладают в отношении ее различными представлениями.

В настоящее время все более очевиден тот факт, что основные проблемы социума обуславливаются упадком духовно-нравственных ориентиров, неверным видением баланса общего блага и частных интересов. На протяжении трех десятков лет упорно распространяется убеждение о приоритете в условиях рыночной экономики личных интересов над публичными, а также общественным благом [6, с. 33].

Защита рассматриваемых ценностей не идет вразрез с отрицанием обязательной идеологии, установленным в статье 13 Конституции Российской Федерации. Страна посредством внутренней политики продемонстрировала намерения всеми способами отстаивать исторические духовно-нравственные ценности, преградить путь морального разложения, стать центром поддержки традиционных ценностей, несмотря на то, что многие государства, относящиеся к развитым, признали возможность однополюсных союзов, употребления легких наркотиков, проституцию, эвтаназию и т. п.

Правовое закрепление духовно-нравственных ценностей имеет немалое значение для правоприменения, поскольку до настоящего времени большинство оценочных категорий, содержащихся в отраслевом материальном и процессуальном законодательстве, официально не конкретизируются. Например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях выделяется глава, регламентирующая нарушения в сфере общественной нравственности, в Уголовном кодексе Российской Федерации также предусмотрена подобная глава, касающаяся посягательств на общественную нравственность и здоровье. Согласно статье 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) противоречие сделки нравственным основам влечет ее ничтожность. Однако вред нравственности можно нанести многими, не только упомянутыми законом способами, и предусмотреть все варианты в этом случае невозможно [7, с. 18]. В контексте данной нормы ГК РФ нравственностью являются очевидные принципы и нормы должного поведения. Однако в обстоятельствах свободы взглядов, характер такой очевидности выглядит довольно размытым.

Вступление в силу Основ вызвало увеличение количества предложений ученых о дальнейшем правовом закреплении традиционных ценностей. Например, предлагается регламентировать комплекс принципов, на основе которых происходило бы обеспечение религиозной безопасности, законодательно охарактеризовать наиболее очевидные для нее угрозы, а также гарантии защиты ряда прав, среди которых право на защиту подрастающего поколения от информации и факторов, губительных для здоровья и психики; право на предоставление публичными органами различных уровней и уполномоченными организациями, информации по реализуемым мероприятиям, целью которых является искоренение различного

рода угроз, представляющих опасность для нормального развития несовершеннолетних; право на внесение в компетентные органы и организации предложений, касающихся защиты традиционных ценностей и религиозной безопасности [8, с. 37].

Представляется, что многие из предложений исследователей вполне обоснованы и заслуживают внимания со стороны законодателя. Несмотря на то, что правовое регулирование в данной сфере еще только предстоит развивать, вступление в силу Основ — весьма существенный шаг, сделанный в целях сохранения национальной идентичности и цивилизационного единства нашего государства.

Как было отмечено нами выше, в юридическом плане Основы напрямую не устанавливают права и обязанности каких-либо субъектов, тем не менее посредством данного документа предопределяются установки (включая политические), которыми необходимо руководствоваться публичным органам и организациям в процессе вынесения управленческих решений.

Стоит обратить особое внимание на то, что ценности, упомянутые в части 5 Основ, касаются разных областей жизни. Законодательство способствует закреплению и защите этих ценностей, являясь инструментом для их претворения в жизнь. В условиях, когда бы традиционные ценности были общепризнанными, их можно защищать от конкретных посягательств, тем не менее в течение значительного времени (вплоть до начала нынешнего века) в нашей стране не реализовывалась последовательная политика, направленная на обеспечение духовно-нравственной и религиозной безопасности, а значит, и защиту соответствующих ценностей. Отсутствие к ним внимания как со стороны законодателя, так и со стороны политиков рассматривалось как норма. Однако в связи с реальной угрозой, вызванной таким невниманием, в настоящее время обществу и государству необходимо принимать незамедлительные действенные меры по внедрению, развитию и защите традиционных ценностей, в том числе связанные с применением юридических средств.

Посредством нравственных и религиозных ценностей должно определяться значение отечественного законодательства. Здесь имеются в виду все отрасли права и все ценности, указанные в Основах. Следовательно, появляется потребность в осуществлении ревизии действующего законодательства на предмет соответствия традиционным ценностям. В этом случае

существенное влияние может оказать Министерство юстиции Российской Федерации, хотя в целом данная задача касается всех публичных органов власти и организаций.

Все религии, составляющие часть духовного наследия нашей страны, указывают на то, что общество, попирающее традиционные нравственные ценности, в конечном счете обречено на гибель. И чем более данные ценности будут отвергаться, тем скорее общество погибнет. Может возникнуть вопрос: «Каким образом в настоящее время закон может укоренить эти ценности?».

Как указывал В. С. Соловьев, в законе предусматривается только минимальный предел нравственности, опустившись за который лицо совершает правонарушение либо преступление [9, с. 12]. За какие-либо аморальные действия, разрушительные для социума, к субъекту необходимо применять более жесткое правовое реагирование — уголовное наказание. Например, недавно вступил в действие закон, запрещающий смену пола без медицинских показаний [10]. Конкретные меры ответственности за совершение подобных операций не указываются, однако в скором времени, думается, что они будут установлены.

Система духовно-нравственной и религиозной безопасности в России не имеет четкой конструкции, соответственно, на нормативном уровне не предусмотрено и комплексной регламентации вопросов обеспечения данных видов безопасности. В то же время сегодня происходит увеличение количества угроз в религиозной сфере (религиозный экстремизм и терроризм, деятельность деструктивных религиозных организаций, совершение преступлений по мотивам религиозной вражды и ненависти и др.), а, следовательно, необходимы выработка и реализация правовых мер, их официальное закрепление, поскольку только таким образом формирование эффективной системы безопасности представляется возможным.

В то же время для дальнейшего развития законодательства, нацеленного на внедрение в общественную жизнь традиционных духовно-нравственных ценностей, видится целесообразной разработка отдельного федерального закона, в котором необходимо закрепить соответствующий понятийный аппарат, перечень духовно-нравственных и религиозных ценностей российских народов, комплекс принципов, на основе которых происходило бы обеспечение религиозной безопасности, законодательно охарактеризовать наиболее очевидные для нее

угрозы, а также права и обязанности субъектов гражданского общества, задействованных в процессе ее обеспечения.

Список источников

1. Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2014. 376 с.
2. Шмитт К. Политическая теология. Москва: Издательство «Канон-пресс-Ц: Кучково поле», 2000. 333 с.
3. Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения Стандарт Банка России СТО БР ИББС-1.0-2014: стандарт Банка России // Вестник Банка России. 2014. 30 мая.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II), ст. 5351.
5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.
6. Посадский А. В. Дискурс традиционных ценностей в пространстве российского конституционализма // Культурологический журнал. 2021. № 2. С. 31–34.
7. Лепехин В. А. Понимание феномена «цивилизационные ценности» как основа развития современной российской аксиоматики // Культурологический журнал. 2021. № 2. С. 15–22.
8. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42.
9. Геращенко А. И., Геращенко И. Г. В.С. Соловьев о соотношении права и нравственности // Studia Humanitatis. 2018. № 3. С. 5–16.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2023 года № 386-ФЗ // Российская газета. 2023. 2 августа.

References

1. Tarasevich I. A. Constitutional and legal foundations of religious security of the Russian Federation. Dissertation ... doctor of legal sciences. Tyumen, 2014. 376 p. (In Russ.).
2. Schmitt K. Political theology. Moscow: Canonpress-C: Kuchkovo field Publ., 2000. 333 p. (In Russ.).
3. Ensuring information security of organizations of the banking system of the Russian Federation. General provisions of the Standard of the Bank of Russia STO BR

IBBS-1.0-2014: standard of the Bank of Russia. *Bulletin of the Bank of Russia*, 2014. May 30. (In Russ.).

4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 02, 2021. *Collection of legislation of the RF*, 2021, no. 27 (part II), art. 5351. (In Russ.).

5. On the approval of the Foundations of the state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation no. 809 of November 09, 2022. *Collection of Legislation of the RF*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.).

6. Posadsky A. V. Discourse of traditional values in the space of Russian constitutionalism. *Culturological Journal*, 2021, no. 2, pp. 31–34. (In Russ.).

7. Lepekhin V. A. Understanding the phenomenon of “civilizational values” as the basis for the development of modern Russian axiomatics. *Culturological Journal*, 2021, no. 2, pp. 15–22. (In Russ.).

8. Ovchinnikov A. I. National security and traditional spiritual and moral values: issues of legislative support. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 35–42. (In Russ.).

9. Gerashchenko A.I., Gerashchenko I.G. V.S. Solovyov on the correlation of law and morality. *Studia Humanitatis*, 2018, no. 3, pp. 5–16. (In Russ.).

10. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: federal Law no. 386-FZ of July 24, 2023. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023. August 02. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Ф. Мещерякова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правосудия Юридического института Пензенского государственного университета.

Information about the author

A. F. Meshcheryakova — Candidate of sciences (law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Justice of Law Institute Penza State University.

Научная статья
УДК 340

О причинах и особенностях отражения в праве социально вредного компромисса

Парфенов Александр Вячеславович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Parfen-AV@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в отечественной юридической науке происходит становление концепции правового компромисса. Предлагаемая вниманию читателя научная статья может рассматриваться в качестве специфического вклада в ее развитие. В ее рамках автор поставил перед собой задачу разрушить сложившуюся в отечественной юриспруденции тенденцию идеализации компромисса. Он предпринял попытку продемонстрировать научной общественности примеры социально опасных, вредных разновидностей компромисса. В ходе их рассмотрения были выявлены признаки социально вредного компромисса, сформулирована его дефиниция. Автором подчеркивается, что данная разновидность компромисса должна в обязательном порядке учитываться как законодателем, так и приниматься во внимание сообществом ученых-правоведов.

Ключевые слова: компромисс, социально вредный компромисс, юридически значимый компромисс, концепция юридически значимого компромисса, признаки социально вредного компромисса, определение понятия социально вредного компромисса, правовой компромисс, неправомерный (противоправный) компромисс

Для цитирования: Парфенов А. В. О причинах и особенностях отражения в праве социально вредного компромисса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 45–51.

Original article

On the reasons and features of the reflection in law of socially harmful compromise

Alexander V. Parfenov

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Parfen-AV@mail.ru

Abstract. At present, the concept of legal compromise is being formed in domestic legal science. The scientific article offered to the reader's attention can be considered as a specific contribution to its development. Within its framework, the author set himself the task of destroying the tendency of idealization of compromise that has developed in domestic jurisprudence. He made an attempt to demonstrate examples of socially dangerous, harmful types of compromise to the scientific community. In the course of their consideration, signs of a socially harmful compromise were identified, and its definition was formulated. The author emphasizes that this type of compromise must be taken into account by both the legislator and the community of legal scholars.

© Парфенов А. В., 2025

Keywords: compromise, socially harmful compromise, legally significant compromise, concept of legally significant compromise, signs of a socially harmful compromise, definition of the concept of a socially harmful compromise, legal compromise, illegal (unlawful) compromise

For citation: Parfenov A. V. On the reasons and features of the reflection in law of socially harmful compromise. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 45–51. (In Russ.).

Одним из актуальных направлений исследования отечественных ученых-правоведов, традиционно привлекающим внимание научной общественности, является выявление и анализ тенденций, складывающихся в области действующего законодательства. Среди них, на наш взгляд, особого внимания заслуживает процесс увеличения доли компромиссных начал в его содержании. Упоминания о компромиссе можно встретить в целом ряде политико-правовых документов, нормативных и иных правовых актов. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [1] прямо говорится о том, что в целях поддержки и укрепления международного мира и безопасности Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание урегулированию международных споров и конфликтов на «основе взаимного уважения и компромиссов». На их же основе, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 года № 940 «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств» [2] строится работа по согласованию интересов России с интересами государств — участников Содружества Независимых Государств. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 25 июня 2020 года № 29-П подчеркивает, что компромисс и доверие — основа семейных отношений [3]. Перечень примеров такого рода при желании может быть продолжен.

Случайно ли столь пристальное внимание к феномену компромисса со стороны государства? Ответ на этот вопрос, как нам представляется, очевиден. Компромисс как общесоциальное явление продолжает восприниматься сообществом ученых-правоведов и юристов-практиков в качестве высоко эффективного способа преодоления возникающих в жизни современного общества противоречий, мирного разрешения конфликта. Никто не пытается ставить под сомнение важность его вклада в дело укрепления стабильности социальной системы, создания предпосылок для ее последующего динамичного развития.

В этой связи желание государства расширить область применения компромисса, привнести его в сферу правового регулирования и отразить в действующем законодательстве вполне объяснимо. Идея такого рода получила широкую поддержку и в отечественной юридической науке. Подавляющее большинство исследователей признает ее своевременной и перспективной. Потенциал, заложенный в компромисс, при грамотном подходе, по их мнению, способен существенно повысить эффективность механизма правового регулирования.

К настоящему моменту в российской юридической науке сформировались, на наш взгляд, лишь общие «контуры» общетеоретического учения о компромиссе в праве. Обращаясь к материалам, отражающим результаты как отдельных теоретических, так и отраслевых юридических исследований, нельзя не заметить, что исходные, базовые представления об указанном феномене, к сожалению, характеризуются известной пробельностью и противоречивостью. Основные недостатки формирующейся концепции компромисса в праве состоят в следующем:

1) суждения целого ряда ученых-правоведов о компромиссе в праве продолжают базироваться на традиционном общесоциальном представлении о нем как о «стиле поведения в конфликтной ситуации, одном из основных способов разрешения конфликтов, означавшем урегулирование разногласий на основе взаимных уступок» [4, с. 716–717], как вариант — «соглашения, достигнутые путем взаимных уступок» [5, с. 242]. При этом наиболее существенным упущением, на наш взгляд, является не только и не столько расплывчатость представлений о логико-гносеологической природе компромисса, сколько упорное игнорирование его собственно юридического аспекта, новых специфических свойств, появляющихся вследствие привнесения данного феномена в правовую сферу;

2) отсутствие четкого представления о роли и месте компромисса в правовой сфере. В силу того, что сам компромисс в праве по-разному воспринимается и трактуется учеными-правоведами, ему, как правило, приписывается самая

разнообразная функциональная нагрузка. Он, в частности, может преподноситься как «фактор оптимизации механизма правового регулирования», инновационная «организационно-правовая форма взаимодействия субъектов» и т. д. Значительный разброс мнений может встречаться даже в рамках одной отраслевой юридической науки. Так, в уголовном праве компромисс рассматривается разными исследователями как специфическое «правоотношение» [6], «способ разрешения уголовно-правовых конфликтов» [7], «средство реализации социально-значимых интересов в уголовном праве» [8], специфическая «процедура в уголовном судопроизводстве» [9] и т. д.

Разброс мнений среди ученых-правоведов обусловлен целым комплексом факторов. Так, обращаясь к проблеме компромисса в праве, они используют различные методологические подходы, обращаются к достижениям тех или иных научных течений в философии, социологии и других гуманитарных областях знания. Более того, даже в вопросе понимания права с их стороны нередко наблюдается ничем неоправданный плюрализм, вследствие чего в отдельных трудах компромисс может преподноситься как значимая составляющая позитивного права — отрасль права [10, с. 948], правовой институт [11, с. 104], а в других — как фундаментальная идея, принцип права [12, с. 42], относящиеся скорее к сфере естественного права. Наряду с этими подходами специалистам известна и попытка обоснования концепции, согласно которой само право есть «компромисс различных социальных сил, реализующих свое стремление к свободе и справедливости» [13, с. 25]. Перечень такого рода моментов можно продолжать и далее. Однако даже предложенного материала, как нам представляется, вполне достаточно для того, чтобы понять, в силу каких причин исследования одного и того же феномена широким кругом специалистов приводят к получению столь разных результатов и выводов.

Выдвинутые учеными-правоведами предложения крайне разнообразны по своему характеру. Отдельные точки зрения диаметрально противоположны по отношению друг к другу. Вместе с тем их тщательное изучение позволяет нам констатировать, что все они имеют одну общую особенность. Именно она, по нашему мнению, имеет первоочередное значение при рассмотрении заявленной в названии статьи проблемы. Речь идет о специфической особенности восприятия исследователями феномена

компромисса и последующем осознанном или интуитивном проецировании его на компромисс в праве. Она, как мы полагаем, состоит в том, что ученые-правоведы, так же как и юристы-практики, склонны видеть в компромиссе исключительно социально полезный феномен. По их логике, он помогает субъектам самостоятельно и эффективно разрешить назревшие конфликты, создает условия для будущего взаимодействия сторон, снимает конфронтацию, способствует стабилизации всей социальной системы и т. д. С приведенными тезисами вряд ли можно не согласиться. Действительно, разрешение большинства, например, бытовых и семейных конфликтов представляется вполне возможным при помощи компромисса. От использования его в конечном счете выигрывают как стороны конфликта, так и общество в целом. Любопытно, что подобная оценка компромисса сохраняется вне зависимости от того, какой представляется исследователям его природа, какое явление они обозначают данным термином. Так, наряду с привычным соглашением, достигнутым путем взаимных уступок, компромисс может преподноситься как специфическая процедура урегулирования конфликтных ситуаций, социальный институт, фундаментальный мировоззренческий принцип [14, 15] и т. д. В любом случае специалисты склонны подчеркивать его важность, ценность и полезность для общества. Посылы такого рода в большинстве случаев выступают основой для проведения последующих специальных юридических исследований компромисса. В этой связи существует острая потребность определить их обоснованность и достоверность.

Представить жизнь современного общества без компромисса невозможно. В ходе многовековой общественной практики он наряду с сотрудничеством, уклонением, приспособлением и конкуренцией зарекомендовал себя в качестве одного из важнейших инструментов разрешения конфликтных ситуаций. В то же время зададимся вопросом: «Всегда ли отдельный компромисс может и должен оцениваться положительно?».

Обращение к доступной юридической и иной научной гуманитарной литературе, затрагивающей феномен компромисса, и ее тщательный анализ позволяют нам вести речь о наличии тенденции идеализации компромисса. Ее истоки, как представляется, следует искать в той системе координат, которая традиционно используется для оценки данного феномена. Она, как правило, не выходит за рамки межличностных

отношений сторон, между которыми возникает конфликт. С позиции этих субъектов применительно к ним и рассматривается компромисс большинством исследователей. Весьма наглядны в этом плане примеры конфликтов, представленные в трудах Д. Г. Скотта, признанного специалиста в области их разрешения. Они, как и сам наблюдаемый здесь подход исследователя к любому из отмеченных случаев, в целом достаточно показательны. Так, указанный автор приводит ситуацию, когда муж ссорится со своей женой по причине того, что он не желает, чтобы та работала. Аргументируется это тем, что полный рабочий день негативно скажется на времени, которое должно уделяться воспитанию ребенка. Другой пример: между соседями возникает конфликт из-за мусора и шума. Оптимальное разрешение споров такого рода видится Д. Г. Скотт в обращении к компромиссу. Предварительно, по ее логике, это потребует прояснения интересов и позиций сторон, определения очевидных и скрытых мотивов поведения. Далее им следует начинать двигаться навстречу друг другу и выработать совместное соглашение [16, с. 76; 138; 150]. В результате, достигнув «точки компромисса», в выигрыше остается каждая из сторон. Алгоритм формирования компромисса здесь предельно ясен. Его эффективность определяется мерой согласования интересов субъектов, степенью достижения целей, которые они перед собой поставили. Конкретная «точка компромисса» зависит от множества факторов: важности решаемого вопроса для того или иного лица, наличия опыта и своего рода мастерства участия в переговорных процессах, уверенности в собственной правоте, наличия ресурсов разного рода, готовности идти на уступки и т. д. Сам факт появления компромисса свидетельствует об определенном прогрессе в отношениях сторон, отказе от борьбы, формировании базы для будущего диалога и т. д.

В рассматриваемой относительно узкой системе координат, ориентированной лишь на интересы сторон конфликта, компромисс, если он сформирован, всегда несет в себе позитивный потенциал. Последний может проявляться для конкретных лиц в большей или меньшей степени, но он обязательно будет присутствовать, будет вполне ощутим для них. В этой связи становится понятным, в силу каких причин зародилась тенденция идеализации компромисса, из каких соображений исходят ее сторонники из числа современных исследователей.

Допустим ли такой подход в отношении компромисса в праве? При положительном ответе на этот вопрос нам придется признать неизменную полезность всех компромиссов, складывающихся между субъектами, и необходимость их легализации, поддержки при помощи системы правовых средств. Однако всегда ли компромисс действительно является социально полезным?

В. И. Ленин отмечал, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [17, с. 104]. В этой связи главный недостаток представленной выше «узкой системы координат», на наш взгляд, заключается в том, что она игнорирует вопрос влияния компромисса между отдельными субъектами на сложившуюся в обществе систему отношений и ценностей. Перечень критериев его оценки, как представляется, должен быть значительно шире. В частности, наряду с ранее рассмотренными интересами сторон конфликтной ситуации, в обязательном порядке необходимо принимать во внимание интересы окружающих их субъектов, всего общества. Они же, как выясняется, совпадают далеко не всегда. То, что полезно для сторон конфликта, может таить в себе опасность, нести угрозу, вред для общества. В этой связи есть основания утверждать, что наряду с компромиссами социально полезными, существуют социально вредные компромиссы. Рассмотрим подробнее их природу.

Социально вредные компромиссы на сегодняшний день не получили широкого освещения в научной литературе и, к сожалению, пока не оказали какого-либо существенного влияния на формирование концепции компромисса в праве. Выделение подобного феномена стало возможным в рамках «широкой системы координат», предполагающей анализ влияния достигнутого компромисса, во-первых, на интересы сторон конфликта, во-вторых, на интересы государства и общества. На первый взгляд может показаться, что модель такого рода носит излишне усложненный характер, что компромисс является средством согласования интересов всех перечисленных субъектов. Однако изучение влияния отдельного компромисса на интересы государства и общества показывает, что здесь все не так однозначно. На практике могут складываться следующие типы ситуаций:

1. *Компромисс соответствует интересам государства и общества* (например, при возникновении конфликта его стороны в состоянии добровольно отказаться от борьбы и насилия, придя к соглашению о том, что их спор будет передан на рассмотрение человеку, который

пользуется большим уважением и авторитетом с их стороны). Подобный компромисс выгоден как самим участникам конфликтной ситуации, так и государству, обществу.

2. *Компромисс не соответствует интересам государства и общества* (примером подобной ситуации может выступать соглашение между торговцами о необоснованном повышении цен на товары и последующем их поддержании на этом уровне).

3. *Компромисс не затрагивает интересы государства и общества* (так, в библиотеке один посетитель настаивал на необходимости открыть окно, другой же — на том, чтобы его закрыть. В результате они принимают компромиссное решение открыть окно на половину).

Представленный материал, по-нашему мнению, позволяет как проследить возможное влияние, связь отдельного компромисса и интересов государства и общества, так и внести одно существенное уточнение в систему представлений о природе собственно социально вредного компромисса. В частности, три рассмотренных выше примера позволяют констатировать, что все возможные компромиссы с некоторой долей условности могут быть разделены на две относительно самостоятельные группы: социально значимые компромиссы и иные (социально незначимые) компромиссы.

В этой связи социально вредный компромисс следует рассматривать в качестве разновидности социально значимого компромисса. Он оказывает существенное влияние на интересы государства и общества. Однако от социально полезных (допустимых) компромиссов его отличает ярко выраженная антисоциальная направленность. Социально вредный компромисс способен причинить ощутимый вред или создать реальную опасность причинения такого вреда интересам государства и общества. Общественной практике известно достаточное количество примеров такого рода. Так, работник может прийти к соглашению с непосредственным начальником в вопросе об освобождении от большей части своих служебных обязанностей в обмен на предоставление ему части своей заработной платы. В результате у первого субъекта идет трудовой стаж, он пользуется рядом льгот, второй существенно повышает свой ежемесячный доход, хотя трудовая деятельность ими фактически не осуществлялась либо нагрузка была переложена на других сотрудников. Другой пример может касаться соглашения между студентом и дипломированным специалистом, связанного с подготовкой на платной

основе курсовой работы. В итоге заказчику удастся уклониться от добросовестного самостоятельного освоения важного элемента рабочего учебного плана, а у исполнителя, способствовавшего формированию псевдоспециалиста, появляется возможность дополнительного обогащения. Гипотетически к социально вредному компромиссу могут прийти работник контрольно-надзорных органов и руководитель коммерческой организации. Денежное вознаграждение в данном случае позволит должностному лицу проигнорировать разного рода нарушения в ее деятельности. В результате будет продолжено например, производство и сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности, из-за чего в конечном итоге пострадают простые граждане.

Как можно заметить, во всех представленных ситуациях социально вредный компромисс был полезен и выгоден для каждой из отмеченных сторон. Однако подобное наблюдение, как нам представляется, нельзя экстраполировать на весь массив социально вредных компромиссов. Многие из них могут носить ярко выраженный вынужденный характер. В этом случае, благодаря особенностям сложившейся ситуации, наличию силовых, властных, экономических и иных ресурсов, при определении содержания компромисса наблюдается доминирование одной из сторон, достигается наиболее полное удовлетворение лишь ее интересов и потребностей. Для оппонента же компромисс — наименьшее из возможных зол. На фоне неизбежных неблагоприятных последствий компромисс выступает для него специфическим инструментом их минимизации (например, вымогатели могут установить для владельца торговой точки размер ежемесячного платежа, с которым тому приходится согласиться, ибо в противном случае существует высокая доля вероятности того, что его помещение будет сожжено). В качестве другого примера может выступать ситуация, когда, обращаясь к услугам нелегальных мигрантов в сфере строительства, работодатель существенно занижает уровень оплаты их труда. В силу бедственного положения этим людям ничего не остается, кроме как принять подобные, нередко «рабские» условия.

Очевидно, что во всех представленных выше примерах компромисс не просто не выгоден, а опасен для государства и общества. В этой связи вряд ли стоит удивляться негативной оценке данного феномена с их стороны. В дальнейшем социально вредные компромиссы, как

совершенно справедливо отмечает В. А. Толстик [18, с. 139–140], трансформируются в «неправомерные (противоправные) компромиссы». Формирование подобных компромиссов закон провозглашает недопустимым и связывает факт их появления с неблагоприятными юридическими последствиями для субъектов (например, ст. 36 Приказа Министерства спорта Российской Федерации от 10 января 2025 года № 6 «Правила вида спорта “спортивная борьба”» прямо запрещает спортсменам идти на «компромиссы, вступающие в противоречие со справедливостью и порядочностью» [19]).

Изложенные соображения позволяют выделить и сформулировать систему основных признаков социально вредного компромисса. Так, он, во-первых, является специфической разновидностью социально значимого компромисса; во-вторых, соответствует интересам как минимум одной из сторон конфликта; в-третьих, противоречит интересам государства и общества; в-четвертых, влечет негативную реакцию с их стороны.

На основе изложенных признаков попытаемся сформулировать рабочую дефиницию. Социально вредный компромисс — *это специфическая разновидность социально значимого компромисса, соответствующая интересам как минимум одной из сторон конфликта, которая вступает в противоречие с интересами государства и общества и влечет негативную реакцию с их стороны.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

2. Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств: указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 года № 940 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 38, ст. 3667.

3. По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И. В. Николаенко»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2020 года № 29-П // Российская газета. 2000. № 149.

4. Энциклопедический словарь / под ред. А. Г. Поршнева, А. Я. Кибанова. Москва, 2001.

5. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. Москва, 1988.

6. Терских А. И. Компромисс в российском уголовном праве: автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.

7. Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.

8. Кайшев А. В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.

9. Попова И. А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

10. Pound R. Classification of Law // Harvard Law Review. 1924, June. Vol. 37.

11. Бобровник С. В. Институционализация компромисса и конфликта в праве // Государство и право. 2012. № 1.

12. Некига С. Н. Компромисс как составляющая механизма действия права // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Т. 26. 2013. № 2-2.

13. Лапаева В. В. Социология права: в поисках новой парадигмы // Государство и право. 1992. № 7.

14. Кузнецов В. Н. Теория компромисса. Москва: Книга и бизнес, 2010.

15. Шестакова С. М. Размышления по поводу научного доклада В. Кузнецова «К единению народов России через культуру компромисса: Послание самим себе как Повестка Дня для России 2007–2017 гг.» // Безопасность Евразии. 2007. № 3.

16. Скотт Д. Г. Способы разрешения конфликтов. Санкт-Петербург: ВИС, 1994.

17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. XII. Москва: Издательство политической литературы, 1968.

18. Толстик В. А. Социальная и юридическая природа компромисса // Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 года): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, А. В. Парфенова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. Т. 1.

19. Правила вида спорта “спортивная борьба”: приказ Министерства спорта Российской Федерации от 10 января 2025 года № 6. URL: <https://storage.min-sport.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2025).

References

1. On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 229 of March 31, 2023. *Collected legislation of the RF*, 2023, no. 14, art. 2406. (In Russ.).

2. On approval of the Strategic Course of the Russian Federation with the Member States of the Common-

wealth of Independent States: decree of the President of the Russian Federation no. 940 of September 14, 1995. *Collected legislation of the RF*, 1995, no. 38, art. 3667. (In Russ.).

3. On the case of verifying the constitutionality of Part One of Article 21 of the Federal Law "On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation" in Connection with the Complaint of Citizen I. V. Nikolaenko": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 29-P of June 25, 2020. *Rossiyskaya Gazeta*, 2000, no. 149. (In Russ.).

4. Encyclopedic Dictionary / ed. by A. G. Porshnev, A. Ya. Kibanova. Moscow, 2001. (In Russ.).

5. Dictionary of Foreign Words. 15th ed., corrected. Moscow, 1988. (In Russ.).

6. Terskikh A. I. Compromise in Russian Criminal Law. Author's abstract ... candidate of legal sciences-Ekaterinburg, 2013. (In Russ.).

7. Kuvaldina Yu. V. Prerequisites and Prospects for the Development of Compromise Methods of Resolving Criminal-Law Conflicts in Russia. Dissertation... candidate of legal sciences. Samara, 2011. (In Russ.).

8. Kaishev A. V. Criminal-legal significance of compromises and incentives. Dissertation... candidate of legal sciences. Izhevsk, 2005. (In Russ.).

9. Popova I. A. Tactical and forensic support of compromise procedures in criminal proceedings: Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2011. (In Russ.).

10. Pound R. Classification of Law. *Harvard Law Review*, 1924, June. Vol. 37.

11. Bobrovnik S. V. Institutionalization of compromise and conflict in law. *State and Law*, 2012, no. 1. (In Russ.).

12. Nekiga S. N. Compromise as a component of the mechanism of action of law. Scientific notes of the Tavrichesky National University named after V. I. Vernadsky. Vol. 26. 2013. no 2-2. (In Russ.).

13. Lapaeva V. V. Sociology of law: in search of a new paradigm. *State and Law*, 1992, no. 7. (In Russ.).

14. Kuznetsov V. N. Theory of Compromise. Moscow: Book and business, 2010. (In Russ.).

15. Shestakova S. M. Reflections on the Scientific Report of V. Kuznetsov "Towards the Unity of the Peoples of Russia through the Culture of Compromise: A Message to Ourselves as an Agenda for Russia in 2007–2017". *Security of Eurasia*, 2007, no. 3. (In Russ.).

16. Scott D. G. Methods of Conflict Resolution. Saint Petersburg: VIS, 1994. (In Russ.).

17. Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. Vol. XII. Moscow: Political Literature Publishing House, 1968. (In Russ.).

18. Tolstik V. A. Social and Legal Nature of Compromise. Compromise in Law: Theory, Practice, Technique: Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, May 29–30, 2014): in 2 vol. / ed. by V. A. Tolstik, V. M. Baranov, A. V. Parfenov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. Vol. 1. (In Russ.).

19. Rules for the Sport of Wrestling: order of the Ministry of Sports of the Russian Federation no. 6 dated January 10, 2025. URL: <https://storage.minsport.gov.ru> (accessed 02.04.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Парфенов — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

A. V. Parfenov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 342.571:323.21

Формы взаимодействия общества и государства: новая эволюционная волна

Погодина Ирина Владимировна

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия,
ipogodina@vlsu.ru

Аннотация. В статье дан обзор существующих форм взаимодействия общества и государства. Они разделены автором на традиционные и инновационные — цифровые. Предложена их внутренняя типизация. Приведены аргументы в пользу использования цифровых инструментов и применения цифровых форм при выстраивании взаимоотношений общества и государства. Автор признает заметный вклад, большой потенциал и общественную ценность активного участия граждан во взаимодействии с государством, выступает за использование новых цифровых форм при взаимодействии общества и государства, однако отмечает, что, несмотря на широкое использование цифровых форм взаимодействия в последние годы, их функциональность и эффективность остаются недостаточно изученными. Автором сделан вывод, что правительство должно использовать информационно-коммуникационные технологии не как цель, а как средство для оптимизации взаимодействия с обществом.

Ключевые слова: взаимодействие общества и государства, формы взаимодействия, инструменты взаимодействия, участие граждан, платформы участия, культура участия, политико-правовой режим

Для цитирования: Погодина И. В. Формы взаимодействия общества и государства: новая эволюционная волна // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 52–58.

Original article

Forms of interaction between society and the state: a new evolutionary wave

Irina V. Pogodina

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation,
ipogodina@vlsu.ru

Abstract. The article provides an overview of existing forms of interaction between society and the state. The author divides them into traditional and innovative – digital. Their internal typification is proposed. Arguments are given in favor of using digital tools and applying digital forms in building relationships between society and the state. The author recognizes the significant contribution, great potential and social value of active participation of citizens in interaction with the state, advocates the use of new digital forms in the interaction between society and the state, but notes that, despite the widespread use of digital forms of interaction in recent years, their functionality and

© Погодина И. В., 2025

effectiveness remain insufficiently studied. The author concludes that the government should use information and communication technologies not as a goal, but as a means to optimize interaction with society.

Keywords: interaction between society and the state, forms of interaction, interaction tools, citizen participation, participation platforms, participation culture, political and legal regime

For citation: Pogodina I. V. Forms of interaction between society and the state: a new evolutionary wave. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 52–58. (In Russ.).

Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным. Нам надо обновить механизмы нашей демократии <...> демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникаций и «обратной связи».

Путин В. В.
«Демократия и качество государства» [1]

Выполняя свои функции, органы власти взаимодействуют с населением и используют определенный набор инструментов, выбирают формы взаимодействия для достижения своих целей. Применяемые государством приемы и используемые средства в отношениях с обществом, наличие у граждан возможностей обратной связи и механизмов влияния на государство составляют характеристики политико-правового и государственного режимов в стране. Отношения и связь государственной власти с населением Н. А. Власенко называет показателем качества политического режима [2, с. 62]. Сфера взаимодействия общества и государства настолько важна, что довольно часто по характеристикам режима отождествляют режим с формой государства в целом [3, с. 142]. Показателем для всех видов режима выступают складывающиеся и избираемые форматы взаимодействия общества и государства.

Не останавливаясь на продолжающихся дискуссиях о содержании категорий «государственный режим», «политический режим», «политико-правовой режим», о соотношении этих понятий, рассмотрим обновление форм взаимодействия государства и общества. Соотношение сил в обществе, а также его возможности для влияния на власть меняются в процессе исторического развития, что обеспечивает и эволюцию [4; 5] такой формы государства, как режим. Современные политические и экономические обстоятельства, сложившиеся в нашей стране, требуют «...нового качества взаимодействия власти и народа», которому угрожают разные силы [6, с. 161].

Исторически сложившиеся, применяемые десятилетиями и даже веками формы

взаимодействия, которые почти не подверглись корректировке современными технологиями, назовем традиционными. Такая терминология относительно форм взаимодействия встречается и в литературе [7, с. 122]. При типизации форм взаимодействия государства и гражданского общества отдельные авторы пишут об «...известных инструментах», приводя примеры давно используемых форм [8]. Можно констатировать, что уже сложилось мнение о традиционных формах взаимодействия, к которым относятся те формы, которые применяются широко и давно. Видами традиционных форм взаимодействия являются собрания, обращения к органам власти устные (прием граждан) и письменные (заявления, жалобы, петиции и пр.), обращения в средства массовой информации, опросы, слушания, выборы, референдумы, привлечение населения к общественно-полезной работе (например, добровольные дружины), наказы выборным представителям и отчеты последних, участие граждан в общественных советах, комиссиях. Эти формы применяются долгое время, имеют историческую основу, но, конечно, подвержены влиянию современных технологий, хотя и существовали до и независимо от их наличия. Все они направлены на получение обратной связи от общества, обладают диалогическим потенциалом, предполагают весьма активное участие граждан и наличие определенного уровня культуры взаимодействия (культуры участия).

Абсолютное большинство названных форм взаимодействия в наши дни инициируются властью. Презюмируется, что государство будет активно использовать их, поскольку оно

заинтересовано в построении гармоничных отношений с обществом. Одновременно понятно, что абсолютной гармонии не может быть достигнуто [2, с. 57].

Традиционные формы взаимодействия можно систематизировать внутри выделенной группы со следующими условными названиями:

— патерналистские (инициатива исходит со стороны правительства, властью предлагаются и создаются условия взаимодействия: прием граждан, опросы), либеральные (велика роль граждан, предложены форматы коммуникации «снизу»: наказания, сходы) и гибридные (необходима как воля властей, так и активность граждан: выборы, референдумы, обращения);

— администрируемые (имеются в виду властью: выборы, общественные советы) и самостоятельные (сходы, обращения в средствах массовой информации, общественные дружины);

— пассивные (оказание государственных услуг, особенно в проактивной форме, информирование населения и др.), (ре)активные (обращения, собрания) и смешанные.

Несмотря на долгую историю применения, традиционные формы взаимодействия общества и государства в современных условиях демонстрируют ряд ограничений, обусловленных динамикой общественных процессов и изменениями в социальной структуре общества.

Перечислим ключевые факторы, препятствующие эффективному взаимодействию:

1. Проблема неполной репрезентативности. Собрания, слушания и другие форматы взаимодействия зачастую привлекают небольшое количество участников, которые представляют интересы узкого круга лиц, что снижает степень адекватного отражения мнения всего сообщества.

2. Барьеры доступа. Участие в традиционных формах общественной активности, включая личные встречи, общественные слушания и выборы, осложняется для граждан, испытывающих временные, физические или информационные ограничения. Это ведет к исключению определенных групп населения из процесса принятия коллективных решений.

3. Трудности сбора и анализа данных. Процессы обработки и оценки значительных объемов информации, полученных через опросы, анкеты, довольно трудоемки и могут стать серьезной проблемой, особенно для муниципальных органов власти. Отсутствие учета общественного мнения, особенно на указанном уровне власти, способно существенно повлиять на качество принимаемых решений.

4. Прерывистый характер взаимодействия. Традиционные формы коммуникации между обществом и государством зачастую нерегулярны, что создает трудности в мониторинге выполнения принятых решений и своевременной коррекции стратегий.

5. Низкая активность граждан. Характерными чертами современного общества являются высокий уровень абсентеизма на выборах, низкая вовлеченность в социальные инициативы, пассивное восприятие и принятие политических решений без активного обсуждения и критического осмысления.

Таким образом, традиционные формы государственно-властного диалога требуют пересмотра и адаптации с учетом новых реалий, что сможет обеспечить эффективное взаимодействие всех заинтересованных сторон.

По мере развития общества и технологий появляются новые возможности применить современные формы взаимодействия — цифровые — назовем их инновационными, и новые инструменты взаимодействия государства и общества, которые потенциально позволят преодолеть указанные выше проблемы и расширить возможности для участия граждан, для реализации их прав.

Е. Ю. Курышев предлагает цифровые инструменты называть «современными» [7, с. 122], что представляется не совсем точным, поскольку тогда из категории современных, то есть относящихся к настоящему времени, стоящих на уровне своего века, исключаются все нецифровые (он их именует традиционными), в том числе и перечисленные выше. Они как будто попадают в категорию исторических пережитков, не соответствующих нынешнему развитию и неактуальных, что, конечно, не так.

В литературе цифровые формы часто именуют электронными [9, 10]. Признавая разницу между электронными и цифровыми устройствами и технологиями, для целей настоящего исследования будем считать равнозначными термины «цифровой» и «электронный», поскольку многие современные устройства содержат как электронные, так и цифровые компоненты, кроме того, в бытовом общении, средствах массовой информации и даже в литературе такая позиция — смешения терминов электронный и цифровой — довольно распространена. Примем точку зрения, что цифровой и электронный — это синонимы, и их правомерно употреблять в равной степени, чем согласимся с исследованием, проведенным К. Ю. Волковой и В. В. Зверевым по анализу этих терминов [11].

В наши дни цифровыми формами взаимодействия являются электронное голосование, электронный референдум, электронное обращение, электронная гражданская инициатива, краудсорсинговые платформы по сбору идей, обсуждению законопроектов, платформа «Госуслуги» и ее инструменты, приложения для телефонов (информационные, для обратной связи), социальные сети.

Цифровые формы взаимодействия дают заметно большие возможности для коммуникации, для участия, чем были доступны прежде, и позволяют значительному количеству граждан вступать в отношения с органами власти. Взаимодействие идет в цифровой среде, так сказать в экстерриториальной, что, несомненно, удобно: устранены географические и физические барьеры и отсутствует необходимость посещать органы власти, места собраний, как правило, можно выбрать любое время для коммуникации. Технологии способствуют реализации принципа прозрачности власти. Они обеспечивают доступ к данным и документам, предоставляют гражданам возможность принимать обоснованные решения. Репрезентативность, как ожидается, также будет достигнута или по крайней мере увеличена за счет большого охвата аудитории при онлайн-взаимодействии. Цифровые инструменты взаимодействия увеличивают поток информации как от правительства к гражданам, так и, что не маловажно, наоборот. Замечено, что электронные системы являются не только механизмом широкого участия граждан в управлении и общественном развитии, но и становятся действенным средством для предотвращения коррупции [12] за счет привнесения в отношения прозрачности, открытости, автоматизации процессов, ускоренного выявления нарушений. Это делает коррупционные схемы менее вероятными, поскольку любое отклонение от установленных норм становится видимым широкой общественности, человеческий фактор в принятии решений исключается, сокращается количество посредников и усиливается гражданский контроль.

Постепенная интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь и коммуникацию с государством формирует новые стереотипы поведения: растет поколение граждан, привыкших к открытости и транспарентности, создаются условия для формирования «культуры честности» — антикоррупционной культуры.

Цифровые формы можно разделить на цифровые классические / стандартные (перевод сложившихся ранее форм в электронный

формат: выборы, референдумы, обращения) и революционные (ранее не существовавшие и появившиеся в последние годы в связи с развитием технологий: основанные на применении платформ, приложений, социальных сетей). Специализированные платформы участия для граждан, чат-боты, формы обратной связи на сайтах, приложения для общения с органами власти и другие следует именовать юридико-цифровыми инструментами взаимодействия.

О переходе к цифровой форме взаимодействия государства и общества необходимо говорить с момента применения первых электронно-цифровых инструментов, которые стали применять в 90-е годы XX века, при этом средний возраст цифровых инструментов, как принято считать, составляет около десяти лет [13]. Таким образом, взаимодействие в цифровой форме — это относительно недавнее явление. Одновременно следует констатировать и тот факт, что цифровые инструменты достигли высокого уровня зрелости за столь короткий срок и оснащены специальными функциями (открытые данные, геймификация, нейролингвистическое программирование). Перечисленные функции, а также удобство и доступность новых инструментов стимулируют и поощряют граждан сообщать о проблемах и предлагать решения, что делает цифровые формы взаимодействия более эффективными, нежели традиционные.

Цифровые формы взаимодействия обладают и рядом недостатков. Например, их инструменты и механизмы, как правило, меньше связаны с межличностным общением, которое все-таки остается важным элементом взаимодействия общества и государства. Особенность этой сферы заключается и в том, что частные компании, основные поставщики цифровых инструментов, попадают в процесс взаимодействия общества и государства. Их статус в этих отношениях до сих пор точно не определен, что порождает вопросы цензуры и модерации. Технологии могут предоставить частным компаниям или их персоналу полномочия в доступе к информации, контролю и манипулировании процессами. При внедрении цифровых технологий в избирательный процесс Е. Ю. Курышев отмечает негативную противоречивость воздействия инноваций в виде усложнения структуры, необходимости в дополнительных контрольных функциях [7]. Не следует забывать и о так называемом «цифровом разрыве», который исключает из е-взаимодействия определенную часть общества.

Указанные и иные недостатки цифровых форм взаимодействия свидетельствуют о том, что их применение требует теоретического изучения и анализа. За последние два десятилетия оно привлекло заметное академическое внимание и большой интерес к регулированию данной сферы со стороны правительств. Эмпирические данные и теоретические исследования демонстрируют неоднозначные результаты. Например, замечено, что электронно-цифровое участие оказывает более сильное влияние на сложные проблемы, чем на более простые [14]. Ученые часто подчеркивают, что при цифровых формах взаимодействия стороны ограничиваются обменом информацией, реже диалогом, но не переходят к принятию решений и их реализации [15, 16]. Результаты исследований показывают отсутствие обратной связи, разрыв во взаимодействии между гражданами и правительством [17, 18]. Получается, что, несмотря на наличие каналов и инструментов для взаимодействия государства и граждан, расширения вариантов для участия граждан, созданных правительством для общества, процессы принятия общественно значимых решений, их реализации и оценки остаются неоднозначными, дистанция между властью и гражданами сокращается, но все еще сохраняется, достигнута «пассивная» прозрачность государства (например, открыты данные и большой массив информации), но не достаточна «активная» прозрачность (например, не показывает, как происходит принятие решений, учет мнения общества). Многие цифровые инструменты все еще находятся в стадии разработки и проектируются с точки зрения технологий, а не с проблемно-ориентированной позиции, что не только не решает задач взаимодействия, а, напротив, снижает его эффективность. Ученые высказывают обоснованную точку зрения, что это может быть связано с ранней стадией внедрения подобных решений в управление [15].

В связи с новизной цифровой формы взаимодействия и отношений, складывающихся по поводу применения новых инструментов, возникает проблема правового регулирования. Ее решение видится в том числе в проведении правовых экспериментов при интеграции цифровых форм в систему взаимоотношений, что обусловлено новизной сферы регулирования и цифровой составляющей отношений [19].

Согласимся и с Е. С. Устинович, которая, исследуя состояние политико-правовой базы взаимодействия общества и государства, делает вывод о том, что требуется конкретизация форм

и процедур взаимодействия власти и общества, и такая конкретизация дается в нормах права, однако до сих пор отсутствует единообразие в региональных нормативных актах по поводу взаимодействия с обществом нет, что также является проблемой данной сферы [20]. Ее решение может заключаться в создании типовых актов (регламентов взаимодействия, инструкций и прочее), разработке программ и цифровых продуктов для регионов и муниципалитетов.

Безусловно, цифровые формы взаимодействия общества и государства обладают потенциалом для повышения инклюзивности, расширения охвата участников отношений, реализации прав и возможностей граждан. Однако они и их инструменты на данный момент не лишены ряда серьезных недостатков, которые требуют теоретического анализа, практической рефлексии и поиска путей их преодоления. Требуется генерализация знаний, навыков, инструментов и поиск рецептурно-эмпирических решений в совместной работе юристов, программистов, специалистов по государственному управлению, психологии и др. Без этого цифровые инструменты взаимодействия могут оказаться не эффективными для государства и будут создавать лишь иллюзию участия, вследствие этого граждане могут потерять мотивацию вкладывать время и усилия во взаимодействие с государством. Согласимся с мнением зарубежных авторов, которые назвали проблему, когда взаимодействие становится фактически односторонним, «псевдоучастием» [21], а роль общества ограничивается тем, чтобы быть лишь источником данных.

Таким образом, органы власти последние годы используют, помимо традиционных форм взаимодействия, и инновационные формы, основанные на применении цифровых инструментов для расширения и облегчения коммуникации с обществом и стимулирования участия граждан в государственном управлении, а также для непосредственного удовлетворения потребностей общества. К ним относятся веб-сайты органов власти, электронная почта, е-опросы, социальные сети, гибридные приложения, специальные платформы, виртуальные встречи, блоги.

Новые инструменты, несмотря на их достоинства, пока не способны решить все проблемы, присущие сфере взаимодействия общества и государства, но значительно облегчают общение государственной администрации с гражданами. Цифровые инструменты обладают потенциалом расширять общественное участие (обеспечивая большую инклюзивность,

репрезентативность и пр.), стимулировать содержательные дискуссии и предоставлять гражданам возможность влиять на принятие решений и политические действия (расширение прав и возможностей), а также редуцировать информацию, то есть сводить сложное к простому. Цифровые инструменты взаимодействия власти и граждан, их вариативность являются значимой характеристикой для политико-правового режима, оценки его демократичности.

Список источников

1. Путин В. В. Демократия и качество государства // *Коммерсант*. 2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Власенко Н. А. Современное Российское государство. Очерки. Москва: Норма ИНФРА-М, 2023. 152 с.
3. Соколов Н. Я., Федорченко А. А., Шагиева Р. В. Теория государства и права: учебник. Москва: Проспект, 2019. 520 с.
4. Ахметова Г. М. Современные политические режимы и их трансформация (на примере стран Балтии): государственно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2017. 23 с.
5. Тирских М. Г. Трансформация политических режимов: государственно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 225 с.
6. Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. Санкт-Петербург: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. 353 с.
7. Курышев Е. Ю. Правовые инновационные инструменты взаимодействия граждан и общественных организаций с органами власти // *Теория государства и права*. 2024. № 2-1 (37). С. 118–122.
8. Богомолова Т. П., Шулус А. А. Основные формы взаимодействия государства и гражданского общества: теоретические и практические аспекты // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 2 (144). С. 23–27.
9. Ермолаева П. О., Башева О. А. Электронные формы взаимодействия власти и гражданского общества // *Электронный экономический вестник Татарстана*. 2019. № 2. С. 40–45.
10. Заборова Е. Н. Электронные формы взаимодействия власти и населения // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2024. № 2. С. 122–134.
11. Волкова К. Ю., Зверевич В. В. Цифровой или электронный (Digital vs Electronic) // *Научные и технические библиотеки*. 2020. № 12. С. 159–172.
12. Сабурская С. Х. Система «Народный контроль» как инструмент эффективного взаимодействия власти и общества // *Омбудсмен*. 2014. № 1. С. 35–41.

13. Shin B. A systematic analysis of digital tools for citizen participation / B. Shin, J. Floch, M. Rask, P. Bæck, C. Edgar, A. Berditchevskaia, P. Mesure, M. Branlat // *Government Information Quarterly*. 2024. Vol. 41. Is. 3. URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2024.101954> (дата обращения: 21.01.2025).

14. Allen B. Does citizen coproduction lead to better urban services in smart cities projects? An empirical study on e-participation in a mobile big data platform / B. Allen, L. E. Tamindael, S. H. Bickerton, W. Cho // *Government Information Quarterly*. January 2020. Vol. 37. Is. 1. URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101412> (дата обращения: 21.01.2025).

15. Капогузов Е. А., Ревякин С. А. Электронное общественное участие в России: технология или институт, соло или дуэт? // *ЭКО*. 2019. № 12 (546). С. 27–46.

16. Чугунов А. В. Взаимодействие граждан с властью как канал обратной связи в институциональной среде электронного участия // *Власть*. 2017. № 10. С. 59–66.

17. Южаков В. Н., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В., Старостина А. Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2023. № 2. С. 33–73.

18. Aichholzer G., Rose G. Experience with Digital Tools in Different Types of e-Participation // In book: *European E-Democracy in Practice*, 2020. Pp. 93–140. URL: https://www.researchgate.net/publication/337087160_Experience_with_Digital_Tools_in_Different_Types_of_e-Participation (дата обращения: 27.01.2025).

19. Погодина И. В. «Регуляторные песочницы» в сфере электронного взаимодействия власти и общества // *Юридическая техника*. Ежегодник. 2024. № 19. С. 400–403.

20. Устинович Е. С. Взаимодействие власти и структур гражданского общества в интернет-пространстве (политико-правовой анализ) // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2018. № 3. С. 11–15.

21. Palacin V. The Design of Pseudo-Participation / V. Palacin, M. Nelimarkka, P. Reynolds-Cuéllar, Ch. Becker. 10.1145/3384772.3385141. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/340998707_The_Design_of_Pseudo-Participation (дата обращения: 27.01.2025).

Reference

1. Putin V. V. Democracy and the Quality of the State. *Kommersant*. 2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1866753> (accessed 20.01.2025). (In Russ.).
2. Vlasenko N. A. The Modern Russian State. Essays. Moscow: Norma INFRA-M, 2023. 152 p. (In Russ.).

3. Sokolov N. Ya., Fedorchenko A. A., Shagieva R. V. Theory of State and Law: textbook. Moscow: Prospect Publ., 2019. 520 p. (In Russ.).
4. Akhmetova G. M. Modern political regimes and their transformation (on the example of the Baltic countries): state and legal aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Belgorod, 2017. 23 p. (In Russ.).
5. Tirsikh, M. G. Transformation of political regimes: state and legal aspects. Dissertation... candidate of legal sciences. Chelyabinsk, 2005. 225 p. (In Russ.).
6. Zorkin V. D. Lectures on law and state. Saint Petersburg: Constitutional Court of the Russian Federation, 2024. 353 p. (In Russ.).
7. Kuryshv E. Yu. Legal innovative instruments for interaction between citizens and public organizations with government bodies. *Theory of state and law*, 2024, no. 2-1 (37), pp. 118–122. (In Russ.).
8. Bogomolova T. P., Shulus A. A. The main forms of interaction between the state and civil society: theoretical and practical aspects. *Theory and practice of social development*, 2020, no. 2 (144), pp. 23–27. (In Russ.).
9. Ermolaeva P. O., Basheva O. A. Electronic forms of interaction between government and civil society. *Electronic economic bulletin of Tatarstan*, 2019, no. 2, pp. 40–45. (In Russ.).
10. Zaborova E. N. Electronic forms of interaction between authorities and the population. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*, 2024, no. 2, pp. 122–134. (In Russ.).
11. Volkova K. Yu., Zverevich V. V. Digital or Electronic (Digital vs Electronic). *Scientific and technical libraries*, 2020, no. 12, pp. 159–172. (In Russ.).
12. Saburskaya S. Kh. The "People's Control" System as a Tool for Effective Interaction between Authorities and Society. *Ombudsman*, 2014, no. 1, pp. 35–41. (In Russ.).
13. Shin B. A systematic analysis of digital tools for citizen participation / B. Shin, J. Floch, M. Rask, P. Bæck, C. Edgar, A. Berditchevskaia, P. Mesure, M. Brant. *Government Information Quarterly*. 2024. Vol. 41. Is. 3. URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2024.101954> (accessed 21.01.2025).
14. Allen B. Does citizen coproduction lead to better urban services in smart cities projects? An empirical study on e-participation in a mobile big data platform / B. Allen, L. E. Tamindael, S. H. Bickerton, W. Cho. *Government Information Quarterly*. January 2020. Vol. 37. Is. 1. URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101412> (accessed 21.01.2025).
15. Kapoguzov E. A., Revyakin S. A. Electronic public participation in Russia: technology or institution, solo or duet? *ECO*, 2019, no. 12 (546), pp. 27–46. (In Russ.).
16. Chugunov A. V. Interaction of citizens with the authorities as a feedback channel in the institutional environment of e-participation. *Power*, 2017, no. 10, pp. 59–66. (In Russ.).
17. Yuzhakov V. N. Digitalization of interaction between citizens and the state: citizens' assessment of effects, risks and prospects / V. N. Yuzhakov, A. N. Pokida, N. V. Zybunovskaya, A. N. Starostina. *Issues of public and municipal administration*, 2023, no. 2, pp. 33–73. (In Russ.).
18. Aichholzer G., Rose G. Experience with Digital Tools in Different Types of e-Participation. In book: *European E-Democracy in Practice*, 2020. Pp. 93–140. URL: https://www.researchgate.net/publication/337087160_Experience_with_Digital_Tools_in_Different_Types_of_e-Participation (accessed 27.01.2025).
19. Pogodina I. V. "Regulatory sandboxes" in the field of electronic interaction of government and society. *Legal technique*, 2024, no. 19, pp. 400–403. (In Russ.).
20. Ustinovich E. S. Interaction of authorities and civil society structures in the Internet space (political and legal analysis). *State power and local self-government*, 2018, no. 3, pp. 11–15.
21. Palacin V., Nelimarkka M., Reynolds-Cuellar P., Becker Ch. The Design of Pseudo-Participation. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/340998707_The_Design_of_Pseudo-Participation (accessed 27.01.2025).

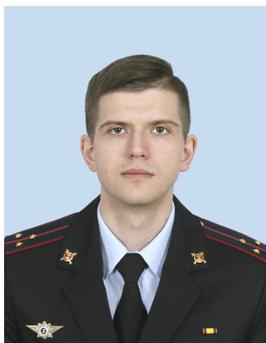
Информация об авторе

И. В. Погодина — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права и таможенной деятельности Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Information about the author

I. V. Pogodina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Financial Law and Customs Activities, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov.

Научная статья
УДК 340

Право в условиях денарративизации общества

Ситников Кирилл Алексеевич

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, kirillsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6247-969X>

Аннотация. В статье проанализирована взаимосвязь таких явлений, как «бум памяти» и денарративизация общества, обосновано, что информатизация общества ускоряет его денарративизацию, что представляет собой один из опаснейших экзистенциальных вызовов для человечества. Опасность связана с наносимым данными процессами ущербом коллективной памяти, выступающей в качестве фактора, обеспечивающего единство общества. Отталкиваясь от этого, а также с учетом достижений нарративной юриспруденции, автор статьи приходит к выводу о трансформации роли права в современном политически организованном обществе.

Презюмируется, что значимость права как «нарративного якоря», препятствующего распаду коллективной памяти и дезинтеграции социума, обуславливается не только нарративностью, но и мемориальностью права.

Кратко освещается авторская концепция мемориальной функции права — одной из социальных функций, в рамках которой осуществляется воздействие на индивидуальную и коллективную память с целью формирования общего исторического нарратива, сохранения исторической памяти коллективов различных социально-территориальных уровней, а также ее преобразования с учетом задач, стоящих перед обществом на текущем этапе развития общества.

Функциональность права в данном аспекте в условиях денарративизации общества можно объяснить такими его признаками, как процедурность, конвенциональность, общеобязательность и обеспеченность принудительной силой государства.

Ключевые слова: право, нарратив, нарративная юриспруденция, денарративизация, коллективная память, гипертрофия памяти, мемориальная функция права

Для цитирования: Ситников К. А. Право в условиях денарративизации общества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 59–64.

Original article

Law in the context of denarrativization of society

Kirill A. Sitnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russian Federation, kirillsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6247-969X>

Abstract. The article analyzes the relationship between such phenomena as the “memory boom” and the denarrativization of society. It is proved that the informatization of society accelerates its denarrativization, which is one of the most dangerous existential challenges for humanity. The danger is related to the damage caused by these processes to the collective memory. It, in turn, acts as a factor ensuring the unity of society. Based on this, as well as taking into account the achievements of narrative jurisprudence, the author argues for the transformation of the role of law in a modern politically organized society.

© Ситников К. А., 2025

It is assumed that the importance of law as a “narrative anchor” that prevents the disintegration of collective memory and the disintegration of society is determined not only by the narrative, but also by the memoriality of law.

The author’s concept of the memorial function of law is briefly highlighted, as one of the social functions within which individual and collective memory is influenced in order to form a common historical narrative, preserve the historical memory of collectives of various socio–territorial levels, and transform it, taking into account the challenges facing society at the current stage of society’s development. The functionality of law in this aspect in the context of the denarrativization of society can be explained by such features as its procedurality, conventionality, general obligation and the provision of coercive force by the state.

Keywords: law, narrative, narrative jurisprudence, denarrativization, collective memory, memory hypertrophy, memorial function of law

For citation: Sitnikov K. A. Law in the context of denarrativization of society. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 59–64. (In Russ.).

Введение

В зарубежном научном дискурсе одно из значимых мест последние десятилетия занимает проблема нарративов, о чем свидетельствует в том числе формирование самостоятельной дисциплины, изучающей природу, форму и особенности функционирования повествования — нарратологии [1, с. 4–6]. Активное изучение нарративов осуществляется и в рамках юриспруденции и политологии.

Однако, по справедливому замечанию В. В. Денисенко, в отечественном правоведении доктринальному уяснению проблематики нарративов не уделяется должного внимания [2, с. 5]. Вместе с тем нарратив играет центральную роль в юридическом дискурсе, она обеспечивает в том числе и возможность донесения информации о праве, позволяет обосновать содержание судебных актов и объяснить их принципы [3].

Пожалуй, единственным фундаментальным научным трудом в данной сфере по сей день остается коллективная монография «Право и нарративы», посвященная нарративной юриспруденции как одной из актуальных методологических философско-правовых концепций [2].

Огромную роль нарратив играет и с точки зрения формирования коллективной памяти, воспроизводящей консолидирующее социум коллективное воображаемое пространство. При этом информатизация и цифровизация современного общества детерминируют так называемую «гипертрофию» индивидуальной памяти и, как следствие, денарративизацию и глубокий межпоколенческий разрыв. Все это обуславливает актуальность вопроса о роли права в современных условиях.

«Бум памяти» и денарративизация общества

Активно развивающаяся в наши дни нейронаука особое внимание уделяет исследованию нейронных механизмов, связанных с хранением

поступающей в мозг информации. При этом объем последней из года в год стремительно увеличивается.

Данное явление получило название «гипертрофия памяти» или «бум памяти». По мнению Б.-Ч. Хана, стремительно увеличившийся объем информации объясняет нарративный кризис общества, так как «дух повествования захлебывается в информационном потоке» [4]. Рассказы, по его мнению, являются противоположностью информации, так как они несовместимы с тайной. Мы все время получаем данные о событиях, которые происходят в самых разных точках планеты и даже за ее пределами. При этом каждое из таких известий максимально лаконично и при этом наполнено объяснениями.

Информация обостряет опыт контингентности. Напротив, нарратив превращает случайность в необходимость. Нескончаемый поток информации недостает устойчивости бытия. Как пронизательно отмечает Никлас Луман: «Ее (информации) космология — это космология не бытия, а контингентности» [4]. Бытие и информация, по мнению Б.-Ч. Хана, в этой связи предстают как взаимоисключающие категории. Этим же объясняется и то, что жизнь информационного, «сетевое» общества связана с нехваткой бытия.

Накопление, приращение информации не приводит к автоматической передаче или тем более генерации новых смыслов, циркуляция которых осуществлялась благодаря нарративам, поэтому цифровой социум хорошо освещен, информирован, но одновременно с тем дезориентирован. Кроме того, нарратив создает темпоральный континуум (историю), а информация лишь дробит все события и явления на простую последовательность.

Таким образом, информатизация общества ускоряет его денарративизацию, что представляет собой один из опаснейших экзистенциальных вызовов для человечества.

Опасность этого вызова связана с ролью коллективной памяти в развитии социума. Дело в том, что даже каждый отдельно взятый человек обращается к значительному массиву собственных воспоминаний «при помощи рамок социальной памяти» [5, с. 335], в первую очередь тех рамок, которые характерны для группы, сопричастность которой ощущает индивид. То есть различные социальные группы (в том числе классы), из которых состоит все общество, обладают способностью к совместной реконструкции прошлого. «Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память <...>. Не нужно доискиваться, где они находятся, где сохраняются в моем мозгу или в каком-либо уголке моего ума, куда я один лишь имею доступ, — ведь мне напоминают о них извне, и те группы, к которым я принадлежу, в любой момент предоставляют мне средства для их реконструкции, стоит лишь обратиться к ним и хотя бы временно принять их образ мыслей», — пришел к выводу известный французский социолог М. Хальбвакс [5, с. 28].

Но, помимо этого, коллективная память выступает в качестве фактора, обеспечивающего единство общества. Отдельные индивиды, их группы, классы обладают значительным числом признаков, существенно отделяющими и даже отдаляющими их друг от друга: начиная от физиологических особенностей и заканчивая отношением к средствам производства. Подобные различия могли бы привести к их полной самоизоляции (в рамках ограниченных кровнородственных, религиозных или социально-экономических групп), что противоречит человеческой потребности в единстве и непрерывности. Способствует этому единству именно та система образов, воспоминаний, идей и смыслов, что составляют содержание и естество коллективной памяти. Общество устраняет из нее элементы, которые приводят к излишнему деструктивному антагонизму. Из поколения в поколение общество трансформирует свои воспоминания с учетом возникающих и исчезающих переменных «факторов своего равновесия» [5, с. 336]. В рамках политически организованного общества особую роль в деятельности по поддержанию оптимального состояния памяти играют различные государственно-правовые институты.

Однако в условиях «ускорения истории» с уходом нарратива происходит распад или даже полная потеря коллективной памяти. Цифровое поколение стремится жить здесь и сейчас, в настоящем, их в значительно меньшей

степени, по сравнению с их предшественниками, интересуется то время, в которое уже нельзя вернуться. Современные социологические исследования свидетельствуют о том, что «сетевое мышление» обуславливает крайне нестабильную связь между прошлым и настоящим. В результате исчезает некий темпоральный горизонт, позволяющий ориентировать наши дальнейшие коллективные действия [6, с. 238].

В работах исследователей по рассматриваемой нами проблематике можно встретить указание на надежду на временность «гипертрофии» и денарративизации [7]. И действительно, торжествующее последние годы «цунами» информации все сильнее объективирует потребность людей в смыслах, ценностях, ориентирах. Всего этого лишен информационный поток, и все это — элементы нарратива. Человечество нуждается в элементе, который мог бы выступать в условиях информатизации и цифровизации в качестве «нарративного якоря» [4].

Именно в качестве такого якоря, по нашему мнению, может выступить право. Ряд аргументов в пользу данного тезиса можно найти в нарративной юриспруденции.

Наррация и бытие права

В качестве одного из постклассических направлений в современной теории права сложилась нарративная юриспруденция. Ее представители исходят из того, что право базируется на признании других путем предоставления им возможности быть услышанными, путем рассказывания истории. Нарративная юриспруденция акцентирует внимание на праве с точки зрения рассказа [2, с. 31–32].

«Среди... различных представлений о праве и подходов появилась новая правовая школа, которая сосредоточивает внимание на праве и правовой практике, рассмотренных с литературной позиции, — юриспруденция, которая призывает нас пересмотреть истории и нарративы, в рамках которых мы знаем и используем право. В юриспруденции... мы действительно находим способы обнаружить и придать значение нашему жизненному опыту и действиям посредством историй и нарративов», — писал Дж. Элкинс [8].

Как отмечает И. Л. Честнов, с позиции данного направления общественные отношения получают свое упорядочивание путем придания им универсальной формально-юридической схемы, предстающей как фрейм или скрипт. То есть производится «юридическое нарративирование». В связи с этим и право — не сущность как таковая, а результат приписывания по образцу

нарратива властью (государством) того или иного юридического значения социальным явлениям и процессам [2, с. 34].

Процесс по «привязке» таких значений (а, значит, и их юридических последствий) получил название «юридическая наррация». Само значение в этой связи — ни что иное, как правовой текст, который будет выполнять свое функциональное назначение лишь после прочтения и воспроизводства содержания нарратива в объективной действительности лицами, наделенными соответствующим правовым статусом.

В современном, демократическом политически организованном обществе наррация осуществляется в конкурентной борьбе элит. Параллельно с этим конструируются и субъекты права, обеспечивается легитимность правовой реальности, а также необходимый результат. Таким образом, можно говорить о том, что правовой нарратив в процессуальном и структурном плане внутренне присущ правовой реальности [2, с. 41].

При этом право может претендовать на роль действенного и востребованного «нарративного якоря» только в том случае, когда оно (как и вся юриспруденция) не будет восприниматься исключительно в качестве совокупности метанарративов. В связи с этим повышается значение формы и содержания дискурсивных форм взаимодействия языковой коммуникации, в результате которой обеспечивается легитимность устанавливаемых или санкционируемых государством норм [9]. Поддержание коммуникативных связей между акторами дискурса, достижение консенсуса между ними позволяют сохранить эффективность законодательства в условиях информационного государства и права [2, с. 84].

Мемориальная функция права

Значимость права как «нарративного якоря», препятствующего распаду коллективной памяти и дезинтеграции политически организованного общества, обуславливается не только нарративностью, но и мемориальностью права.

Во-первых, право мемориально по своей природе, то есть является генетическим. Первые правовые нормы во многом были направлены на сохранение в протогосударственном обществе памяти о наиболее эффективных социальных практиках, утрата которой становилась экзистенциальной угрозой, способной «откатить» все развитие данного коллектива на несколько десятилетий назад. Первые

протогосударственные и государственные институты выступали в качестве силы, непосредственно способной пресечь или предотвратить подобные посягательства на коллективную память, а также обеспечить ее передачу новым поколениям или переработку с учетом новых вызовов и интересов общества.

Во-вторых, как отмечалось ранее, функционирование коллективной памяти позволяет устранить из индивидуальной те элементы, которые могут повлечь за собой дезинтеграцию общества. Данная характерная особенность рассматриваемого явления напрямую коррелирует и сущностью права, призванного «снять» возникающие между отдельными индивидами и их группами противоречия и сформировать порядок, удачно обозначенный М. М. Ковалевским как «замирённая среда» [10].

В-третьих, с вышесказанным связано и выполнение правом наряду с иными социальными мемориальной функции, в рамках которой осуществляется воздействие на индивидуальную и коллективную память с целью формирования общего исторического нарратива, сохранения исторической памяти коллективов различных социально-территориальных уровней, а также ее преобразования с учетом задач, стоящих перед обществом на текущем этапе.

Функциональность права в данном аспекте можно объяснить следующими его признаками.

1. Процедурность.

Прежде чем какая-либо идея или концепция по упорядочиванию общественного отношения станет формально определенным правилом поведения, она обязательно проходит соответствующие процессы, обеспечивающие легальность и легитимность закрепляемых положений [11, с. 195–197].

Мы полагаем важным указать не только на формальный, но и содержательный аспект выработки правовых норм, связанный с конвенциональностью последних. Право, как уже отмечалось нами ранее, — результат достижения конвенции/согласия между социальными акторами — участниками правового дискурса.

Благодаря этому закрепляемые правовым путем нарративы не будут вызывать отторжения у большинства населения. Достижение конвенции обуславливает «бесшовность» формируемой коллективной памяти.

2. Его ядро составляют правовые ценности.

В рамках социо-аксиологического подхода к пониманию права последнее рассматривается как система конвенциональных ценностей. Именно насыщенность ценностями и смыслами,

формирующими темпоральный континуум, и является отличительной чертой нарратива, в том числе исторического, непосредственно связанного с коллективной памятью.

Данные ценности выступают в качестве ядра/стержня системы образов прошлого и настоящего. С одной стороны, это обеспечивает значимость коллективных воспоминаний для отдельных индивидов. С другой — они же выступают в качестве основы для достижения отмеченного выше консенсуса (играющая роль реперных точек для дискурса).

3. Общеобязательность.

Будучи нормативным, то есть властным указанием о должном или возможном поведении, право характеризуется общей обязательностью его предписаний. Поэтому и положения мемориального права позволяют формировать полноценно коллективную и общенациональную память, присутствующую всем членам конкретного политически организованного общества [11, с. 195–197].

4. Обеспеченность принудительной силой государства.

Напрямую с признаком общеобязательности связана и обеспеченность права принудительной силой государства. Одна из основных задач государства — консолидация общества, поддержание его целостности, что невозможно без должного внимания и к коллективной памяти. Могущественный «Левиафан» призван незамедлительно пресекать любые попытки расколоть охраняемый им коллектив. Особенно актуальным это становится в условиях современного информационного противоборства, когда мы все чаще можем видеть со стороны Запада попытки навязывания чуждых или сфальсифицированных нарративов российскому обществу.

Заключение

Таким образом, в условиях денарративизации современного общества, усилении влияния на него «центробежных сил», социум объективно нуждается в условном «нарративном якоря», способном выступить в качестве основы для консолидации отдельных групп/коллективов. Соответствующую роль, в частности, призвано сыграть право, отличающееся процедурностью, общеобязательностью, обеспеченностью, принудительной силой, а также наличием универсальных ценностей в своем ядре. В этой связи может смещаться и «функциональный горизонт» права. Так, все большую значимость начинает приобретать его мемориальная функция.

Список источников

1. Трубина Е. Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 2002. 104 с.
2. Право и нарративы: монография. Москва, 2022. 128 с.
3. Fludernik M. Erzählung aus narratologischer Sicht // Erzählen in den Wissenschaften: Positionen, Probleme, Perspektiven. Fribourg, 2010. Pp. 5–22.
4. Хан Б.-Ч. Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг. Москва: Издательство «Аст», 2023. 160 с.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва, 2007. 346 с.
6. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: коллективная монография. Москва: Аквилон, 2022. 399 с.
7. Sadowski M. Psychological, Social, Cultural, Literary and Legal Dimensions of Memory // Wroclaw Review of Law, Administration & Economics. 2016. Vol. 5. P. 146.
8. Элкин Д. Р. В чем суть нарративной юриспруденции? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 6 (299). С. 186–207.
9. Клименко А. И. Язык права как средство господства и борьбы за права // Теория государства и права. 2024. № 2 (36). С. 100–110.
10. Ковалевский М. М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права: сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1899. С. 3.
11. Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 432 с.

References

1. Trubina E. G. Narratology: fundamentals, problems, prospects. Yekaterinburg, 2002. 104 p. (In Russ.).
2. Law and narratives: a monograph. Moscow, 2022. 128 p. (In Russ.).
3. Fludernik M. Erzählung aus narratologischer Sicht. Erzählen in den Wissenschaften: Positionen, Probleme, Perspektiven. Fribourg, 2010. Pp. 5–22.
4. Khan B.-H. Crisis of narrative. How neoliberalism turned narratives into storytelling. Moscow: Ast Publ., 2023. 160 p. (In Russ.).
5. Halbwaks M. The social framework of memory. Moscow, 2007. 346 p. (In Russ.).
6. Individual and collective memory in the digital age: a collective monograph. Moscow: Aquilon, 2022. 399 p. (In Russ.).
7. Sadowski M. (2016). Psychological, Social, Cultural, Literary and Legal Dimensions of Memory. Wroclaw Review of Law, Administration & Economics. 2016. Vol. 5. P. 146.

8. Elkins D. R. What is the essence of narrative jurisprudence? (Preface by E. G. Samokhina). News of higher educational institutions. *Law studies*, 2011, no. 6 (299), pp. 186–207. (In Russ.).

9. Klimenko A. I. The language of law as a means of domination and struggle for rights. *Theory of the State and law*, 2024, no. 2 (36), pp. 100–110. (In Russ.).

10. Kovalevsky M. M. Comparative historical jurisprudence and its relation to sociology. Methods of comparative study of law. Collection on social and legal sciences. Issue 1. Saint Petersburg, 1899. p. 3. (In Russ.).

11. Theory of state and law: a textbook for university students studying in the field of Law. Moscow: UNITY-DANA, 2024. 432 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К. А. Ситников — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

K. A. Sitnikov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Научная статья
УДК 340

Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте исторического правового наследия России: IX – начало XVIII века

Хужина Оксана Николаевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, oksana_17.92@mail.ru

Аннотация. В статье автором предпринята попытка контурно представить предпосылки становления и развития традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве в контексте исторического этапа эволюции национального права, охватывающего период от возникновения Древнерусского государства до провозглашения России империей. Последовательно проанализированы основные памятники отечественного права периода IX – начала XVIII века сквозь призму отражения в них традиционных ценностей, а также научные комментарии к таковым с целью выявления ядра традиционных ценностей в российском праве.

Ключевые слова: традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, эволюция российского права, право, мораль, источники российского права

Для цитирования: Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте исторического правового наследия России: IX – начало XVIII века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 65–70.

Original article

Traditional spiritual and moral values in the context of Russia's Historical Legal Heritage: IX – early XVIII centuries

Oksana N. Khuzhina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oksana_17.92@mail.ru

Abstract. In this article, the author attempts to outline the prerequisites for the formation and development of traditional spiritual and moral values in Russian law in the context of the historical stage of the evolution of national law, covering the period from the emergence of the Ancient Russian state to the proclamation of Russia as an empire. The main monuments of Russian law of the 9th – early 18th centuries are consistently analyzed under the prism of reflecting traditional values in them, as well as scientific comments on them in order to identify the core of traditional values in Russian law.

Keywords: traditional values, spiritual and moral values, evolution of Russian law, law, morality, sources of Russian law

© Хужина О. Н., 2025

For citation: Khuzhina O. N. Traditional spiritual and moral values in the context of Russia's Historical Legal Heritage: IX – early XVIII centuries. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 65–70. (In Russ.).

Традиционные духовно-нравственные ценности отличает длительность существования, передача их от поколения к поколению. Изложенные в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1] мировоззренческие ориентиры, называемые в качестве традиционных для российского общества, всецело не перешли в современность из глубины веков. По нашему мнению, точнее говорить о сохранении некоторого ядра традиционных ценностей. Определение объема ценностного ядра требует погружения в историю вопроса. Данный тезис находит подтверждение на страницах отечественной юридической доктрины. В частности, А. И. Овчинников называет сохранение и изучение исторического правового наследия в качестве важной и значимой исследовательской установки в осуществлении научного познания традиционных ценностей в праве [2, с. 18–19]. Обусловлена такая потребность прежде всего тем, что нравственные ориентиры формировались на протяжении тысячелетней истории многонационального народа современной России, их корни находятся в глубине веков, свидетельства чего хранят памятники отечественного права.

Определяясь с подходом к периодизации истории российского государства и права, берем за основу тезис о взаимозависимости российской правовой системы и российской государственности. В данной статье контурно попытаемся выявить исторические предпосылки к становлению и развитию традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве в контексте эволюции национального права, охватывающего период от возникновения древнерусского государства до провозглашения России империей.

На этапе зарождения российской государственности, датируемом условно IX–XIII веками, справедливо говорить о низкой степени правового регулирования общественных отношений со стороны государства. Постепенное усиление государственного влияния на жизнь общества закономерно порождает увеличение сфер правового регулирования. Следовательно, обращая научный взор к начальному этапу эволюции российской правовой системы,

необходимо иметь в виду, что отдельные общественные отношения, образующие на сегодняшний день предмет правового регулирования, могли не быть таковыми в исследуемый временной промежуток, как пример — брачно-семейные отношения. В связи с этим возникает необходимость обратиться к таким элементам системы социального нормативного регулирования в древнерусском государстве (и даже позднее), как обычаи и религиозные нормы. Отдельные обычаи формирующаяся государственная власть санкционировала, переводя в разряд права, содержание которого узнаем из редакций Русской Правды и иных сборников обычаев. Религиозные нормы длительное время признавались государством в качестве самостоятельных обязательных правил поведения, но не входили в объем правовых норм.

Исследуя историю государства и права, ученые приходят к выводу о высокой роли православной веры в становлении и развитии не только системы высоких нравственных идеалов общества, но и российского государства и права в целом: «Православие <...> как явление духовно-религиозного и нравственно-этического порядка, представляет собой один из главных источников развития Русской государственности, является одним из базовых элементов генетической структуры Русского государства, постоянно растущего, усложняющегося, и питающегося от своих генетических, духовно-нравственных корней», — пишет С. А. Дятлов [3, с. 249–250]. В то же время можно выявить и точечные моменты религиозного влияния на развитие общественных институтов, которые, трансформировавшись, дошли до наших дней. Приоритетное место здесь занимает, конечно, семья.

Именно православие закладывает ценностное восприятие семьи. Нормативные акты княжеской воли становятся формой поддержки православных требований к бракам, в частности, посредством установления ответственности за многоженство, блуд, прелюбодеяние, вступления во второй брак без расторжения первого, самовольный развод (без церковного благословения), а также ограничения возможности расторжения брака и прочее, что можем увидеть в тексте Устава князя Ярослава о церковных судах [4]. Полагаем справедливым вывод о существовавшем едином стрем-

лении государства и Православной Церковью ориентировать древнерусских людей на создание крепкой моногамной семьи, ее сохранение путем запрета деяний, которые не только не способствовали духовно-нравственному единению супругов, а даже могли бы разрушить брачный союз.

Обращаясь к Русской Правде в контексте исследуемой темы, важно акцентировать внимание не только на то, что это древнейший из дошедших до наших дней письменный источник отечественного права, фиксирующий правовой уклад прошлого, но и на том, что в нем нашло отражение правосознание древнерусских людей. Это «памятник русской мысли и русской нравственности», «синтез правовых и нравственных норм» [5].

Примечательно, что текст Русской Правды начинается с изложения правил поведения в случае посягательства на жизнь [6]. На основании этого справедливо предположить, что человеческая жизнь в своей основе представляла величайшую ценность. *Ценность жизни* формировалась в сознании людей того времени в лоне православной идеи о жизни человеческой как даре Божьем. Как следствие, посягательство на жизнь человеческую (даже собственную) рассматривается как посягательство на волю Бога, который ее даровал, и, соответственно, которому ее и забирать.

В древнерусском обществе за человеком признавались честь и достоинство, отдельные посягательства на которые преследовались как со стороны власти княжеской, так и церковной. В Русской Правде находим ответственность за оскорбления, тесно связанные с достоинством человека: удар мечом, его обнажение без применения, удар подручным предметом, вырывание бороды, выбивание зуба как результат удара по лицу.

Ярким штрихом в поиске истоков российских традиционных ценностей следует назвать описанную в Русской Правде «дикую виру», а также «гонение следа», в которых усматривается проявление коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения. Исконно русскому народу свойственен общинный уклад жизни. Исследователи приходят к выводу, что во многом его формирование закономерно и обусловлено внешними факторами: «...трудные природно-климатические условия, необходимость освоения огромных территорий и постоянных нападений соседних народов. Все это побуждало русских держаться друг друга, сообща работать, обороняться и жить» [7, с. 76].

Устойчивость общинной формы жизни русского народа выступила залогом не просто его выживание в непростых условиях, но и развития и приумножения. Общинный образ жизни может быть рассмотрен в качестве основополагающей детерминанты в формировании *ценностей коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения*.

Русская Правда, будучи «внутренним духовным стержнем характера и духа многонационального народа России» [5], не только на протяжении многих веков (по одним из данных вплоть до XV–XVI веков она сохраняла значение как регулятор общественных отношений) сохранила актуальность, но и выступила основой для дальнейшего развития законодательства, которое, трансформируясь, защищая базовые духовно-нравственные ценности, дополнялось новыми ценностными ориентирами, соответствующими потребностям социального развития.

Правовая система Московского государства XIV–XVII веков может быть охарактеризована как переходный период к торжеству позитивного права над обычным. Изменения организационно-территориального характера с усилением единой власти оказали влияние на законодательство, которое преимущественно стало формой выражения основ государственного управления, процессуального характера взаимодействия между представителями власти и рядовым населением при разрешении спорных ситуаций, уголовно-правовых деяний и соответствующих санкций. Во всем объеме правовых норм относительно незначительную часть составили правила поведения, определяющие отношения гражданско-правового характера. Найти иные нормы, отличные от первого рассмотренного периода, отражающие спектр исследуемых традиционных ценностей, не представилось возможным. Полагаем, что они в этот период сохраняются в обычаях: «В праве доимперского периода, как в обществе в целом, прочно сохранялись древние пласты социального права, правовые нормы, представления и отношения, соответствовавшие традиционному типу власти и общества» [8, с. 28].

В то же время в отдельных нормах позитивного права прослеживается искажение ранее существовавших взглядов на отдельные формы взаимодействия, ценности. Подобную трансформацию ценностного восприятия видим в отношении жизни. Так, в Двинской Уставной грамоте 1397 года впервые, по данным исторической науки, встречается указание на смертную казнь как вид наказания. Существование

жестоких санкций, посягающих на жизнь и здоровье преступника, сопряженных с членовредительством и (или) лишением жизни, может служить косвенным доказательством вывода о том, что содержательное наполнение ценности «жизнь» трансформируется в сторону снижения таковой.

На исследуемом историческом этапе христианство продолжает оказывать определяющее воздействие на мировоззрение человека, что наиболее ярко прослеживается во взглядах на семью и связанных с ней отношениях: «Вся область брачных, супружеских, детско-родительских отношений находилась под покровительством православной церкви...» [9, с. 58].

В свете заявленной тематики обратимся к содержанию Домостроя, древнерусского памятника народной мудрости средневековой Руси, который с середины XVI века получил законченную форму. Некоторые вырывают информацию из контекста, оставляя понятие о Домострое, по справедливому замечанию В. В. Колесова, «...довольно далеко от самого памятника культуры своего времени» [10, с. 14]. Критики трактуют искаженно такую ценность, как «крепкая семья», говоря, что государство призывает вернуться на уровень средневековых отношений членов семьи, в первую очередь мужа, жены, детей. Из этого источника также можно почерпнуть знания о важности *созидательного труда* для средневекового русского человека: даже беглый взгляд по оглавлению данного памятника показывает, какое важное место отводилось трудовой деятельности, порядку и правильности ее осуществления так, чтобы она приносила плоды.

Ключевым моментом в формировании матрицы традиционных ценностей является тот факт, что XIV век ознаменован началом централизации российского государства, формированием его многонационального населения вокруг великорусской народности: «Наряду с объединением русских земель происходило присоединение и некоторых нерусских соседних народов. <...> Некоторые из них ассимилировались, растворились в составе великорусской народности, но большинство сохранило свою самобытность. Таким образом, Русское государство стало многонациональным» [10, с. 10–11]. В этих процессах видится зарождение такой традиционной духовно-нравственной ценности, как *единство народов России*, которая с годами будет только усиливаться и в настоящий момент станет одним из столпов суверенного российского государства.

Нельзя оставить без анализа и Стоглав, сборник постановлений церковно-земского Собора 1551 года. В аспекте рассматриваемой темы интерес представляют главы 71–73, отражающие благотворительную деятельность по отношению к отдельным категориям людей, а именно как то чернецы и черницы, пленные, нищие [11]. Говоря современным языком, социально незащищенные группы людей обрели возможность претендовать на получение некоторой поддержки, заботы со стороны государства и общества. По моему мнению, в этом можно усмотреть отдаленный прототип современной социальной государственной политики. В рассматриваемом механизме находит признание на государственном уровне *важность проявления милосердия*. Таким образом, данная ценность выходит за пределы православной принадлежности и важности.

Рубеж XVI–XVII веков ознаменован бурными потрясениями во внутреннем укладе, получивший название Смутное время. Выход из кризиса в политической, экономической и социальной сферах смог найти лишь народ в своем единстве, осознав ответственность за общую судьбу: «Враги готовые поглотить Россию, с бесчестьем отступили перед *единодушием* служилых и неслужилых людей, соединившихся по зову общин» [12, с. 490] (курсив наш. — О. Х.). Народ русский, сплотившись, проявив *гражданственность*, устоял перед лицом внутренних и внешних угроз, продолжив данный курс, пока не был ограничен правительственной администрацией. Показательны в этой связи земские соборы, дошедшие до наших дней свидетельства об общих челобитных (коллективных обращениях) от служилых людей, торговцев, городов и волостей и так далее Алексею Михайловичу.

В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении основ государственной политики...» подчеркнута особая роль православия в становлении и укреплении традиционных ценностей [1]. Погружение в прошлое на уровне памятников отечественного права позволяет прийти к выводу об активном внедрении в повседневную жизнь русского человека идей православия, которые по сути своей составили основу социального нормативного регулирования, в том числе правового. В частности, в Соборном Уложении 1649 года отражена связь государственного и канонического церковного права [13, с. 15]. Тот факт, что в создании данного правового акта принимали участие православные священнослужители, что естественным образом

способствовало включению в акт государственной власти религиозных правил, свидетельствует о важности православия в жизни общества того периода. Причем имеет место как формулирование светской нормы с опорой на религиозную (например, запрет ростовщичества со ссылкой на правила Святых Апостолов и Святых Отцов), так и охрана государственная религиозных по своей природе правил и институтов, этому посвящена, например, глава о богохульниках и о церковных мятежниках. О высокой степени важности религиозных норм в жизни того общества, думается, может свидетельствовать процедура крестного целования, которая по сути своей выступала доказательством правдивости сказанного в суде. В целом о высоком месте православия свидетельствует следующий юрико-технический момент: преступления против православной веры не просто образуют самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, но и помещены в начало правового акта, что подтверждает ценность данного объекта [3].

В Соборном Уложении, который фактически подвел некий итог всему предшествующему законодательству Московского государства, зафиксировано нормативное регулирование, в полной мере отразившем существовавшие на тот период духовно-нравственные ценности, но как таковые сами они прямой фиксации и защиты еще не нашли. В этой связи дополнить картину прошлого может обращение к датируемому 1653 годом печатному изданию на славянском языке Кормчей Книги, сборника церковных законов и правил, перенятых Русской Церковью от Константинопольской. По свидетельству И. Д. Беляева «...несмотря на то, что данное издание по сути своей, положило начало отстранению старых русских церковных правил из канонического русского права, правила сии по частям, на практике, еще долго действовали в русской церкви, почти до половины XVIII столетия» [2, с. 578]. Таким образом, правила социального взаимодействия, опосредуемые нормами православного учения, сохраняли свое влияние, определяя духовно-ценностный спектр в социальном взаимодействии.

Необходимость исторического погружения в правовую регламентацию вопроса укрепления и защиты традиционных ценностей продиктована самой природой таковых, а именно таким признаком как передача мировоззренческих ориентиров от поколения к поколению. Важность обращения к памятникам отечественного права на предмет отражения в них традиционных ценностей обусловлена стремлением

автора показать непреходящий характер традиционных ценностей в праве, понимание которого формирует базу для правильного выбора курса российским государством с опорой на общеправовой принцип сохранения и укрепление традиционных ценностей. В дальнейших публикациях автор отразит исследование исторического правового наследия России сквозь призму традиционных ценностей на последующих этапах становления российского государства и права:

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2024).
2. Овчинников А. И., Багдасаров В. Ю., Чухотова Н. А. Правотворческая и правоприменительная политика в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11. № 2. С. 16–28.
3. Дятлов С. А. Духовно-нравственные основы Русской государственности // 550-летие Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря «Духовная безопасность и проблемы современного образования»: сборник материалов X Международной научно-практической Свято-Тихоновской конференции (Псков, 27–29 августа 2023 года). Псков: Псковский государственный университет, 2023. С. 249–258.
4. Наследие. Вып. 1: Религия — общество — государство: институты, процессы, мысль. Кн. 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века): хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Часть I: X – начало XX века. Москва, 2010. 392 с.
5. Бабурин С. Н. Русская правда и государственно-правовые трансформации современной России // Московский юридический журнал. 2022. № 1. С. 7–14.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. Москва, 1984. 430 с.
7. Кожевникова Т. М. К вопросу о природе русского коллективизма // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2. С. 75–77.
8. Гладких В. М. Проблема периодизации развития правовой системы России // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2007. № 36. С. 25–29.
9. Огородникова О. А. Брак и семья в средневековой Руси // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 58–63.

10. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова; подгот. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова и М. В. Пименовой. Москва: Издательство «Современная Россия», 1990. 303 с.

11. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. Москва, 1985. 519 с.

12. Беляев И. Д. История русского законодательства. Серия «Мир культуры, истории и философии». Санкт-Петербург, 1999. 640 с.

13. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. Москва, 1985. 511 с.

References

1. On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, no. 809. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 21.11.2024). (In Russ.).

2. Ovchinnikov A. I., Bagdasarov V. Yu., Chukhutova N. A. Law-making and law enforcement policy in the sphere of traditional spiritual and moral values. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2024, vol. 11, no. 2, pp. 16–28. (In Russ.).

3. Dyatlov S. A. Spiritual and Moral Foundations of Russian Statehood. 550th Anniversary of the Holy Dormition Pskov-Pechersky Monastery “Spiritual Security and Problems of Modern Education”: Collection of Materials of the X International Scientific and Practical St. Tikhon’s Conference (Pskov, August 27–29, 2023). Pskov: Pskov State University, 2023. Pp. 249–258. (In Russ.).

4. Heritage. Issue 1: Religion — Society — State: Institutions, Processes, Thought. Book 1: History of State-

Confessional Relations in Russia (10th – Early 21st Century): Reader in Two Parts / comp. by Yu. P. Zuev; ed. by Yu. P. Zuev, V. V. Schmidt. Part I: 10th – Early 20th Century. Moscow, 2010. 392 p. (In Russ.).

5. Baburin S. N. Russian Truth and State-Legal Transformations of Modern Russia. *Moscow Law Journal*, 2022, no. 1, pp. 7–14. (In Russ.).

6. Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 Volumes / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 1: Legislation of Ancient Rus’ / ed. by V. L. Yanin. Moscow, 1984. 430 p. (In Russ.).

7. Kozhevnikova T. M. On the Nature of Russian Collectivism. *Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 2, pp. 75–77. (In Russ.).

8. Gladkikh V. M. The Problem of Periodization of the Development of the Legal System of Russia. *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University*, 2007, no. 36, pp. 25–29. (In Russ.).

9. Ogorodnikova O. A. Marriage and Family in Medieval Rus’. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 2011, no. 3, pp. 58–63. (In Russ.).

10. Domostroy / compiled, introduction, translation and commentary by V. V. Kolesov; text preparation by V. V. Rozhdestvenskaya, V. V. Kolesov and M. V. Pimenova. Moscow: Sovremennaya Rossiya Publishing House, 1990. 303 p. (In Russ.).

11. Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes. Vol. 2: Legislation of the Period of Formation and Strengthening of the Russian Centralized State / ed. A. D. Gorsky. Moscow, 1985. 519 p. (In Russ.).

12. Belyaev I. D. History of Russian Legislation. Series “World of Culture, History and Philosophy”. Saint Petersburg, 1999. 640 p. (In Russ.).

13. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vol. Vol. 3: Acts of the Zemsky Sobors / ed. A. G. Mankov. Moscow, 1985. 511 p. (In Russ.).

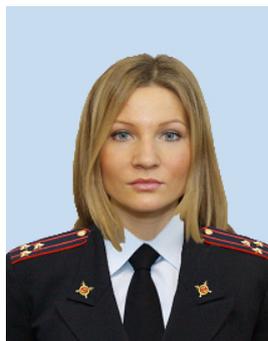
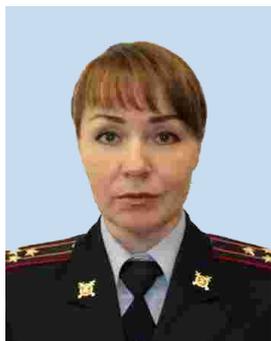
Информация об авторе

О. Н. Хужина — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

O. N. Khuzhina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 340

Реформирование полиции: итоги и перспективы

Алексеева Лилия Алексеевна¹, Майорова Светлана Анатольевна²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия, Lllilia@mail.ru

²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, plavalaguna@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные цели реформирования органов внутренних дел, а также фактические результаты проведенной реформы. Проанализированы возможные направления деятельности по преодолению современных проблем в деятельности полиции.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, реформирование, эффективность деятельности

Для цитирования: Алексеева Л. А., Майорова С. А. Реформирование полиции: итоги и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 71–75.

Original article

Police reform: results and prospects

Liliya A. Alekseeva¹, Svetlana A. Mayorova²

¹Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia, Lllilia@mail.ru

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, plavalaguna@inbox.ru

Abstract. The article examines the main goals of reforming the internal affairs bodies, as well as the actual results of the reform. In addition, possible areas of activity aimed at overcoming modern problems in police activities are analyzed.

Keywords: internal affairs bodies, police, reform, efficiency of activities

For citation: Alekseeva L. A., Mayorova S. A. Police reform: results and prospects. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 71–75. (In Russ.).

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации

по субъекту Российской Федерации» органы внутренних дел представляют собой единую централизованную систему, включающую полицию, организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России.

© Алексеева Л. А., Майорова С. А., 2025

Штатная численность МВД России на 2025 год составляет 938 тысяч 859 сотрудников, объединяя 786 тысяч 299 сотрудников правоохранительных органов, 18 тысяч 37 государственных служащих и 134 тысячи 520 работников [1].

В начале 2000-х годов сложилось мнение, что Россия является лидером по количеству полицейских на душу населения. Кроме того, деятельность органов внутренних дел крайне негативно оценивалась большинством граждан и руководством страны. В 2011 году после признания деятельности службы неэффективной, началось ее масштабное реформирование, продиктованное ходом развития общественных отношений и запросов населения к правоохранительным органам в целом и к органам внутренних дел в частности, в деятельности которых наглядно прослеживалось пренебрежение правами и свободами человека и гражданина, коррупционные проявления, волокита при рассмотрении дел. Все это порождало социальную напряженность в обществе. Таким образом, появилась объективная необходимость в создании социально одобряемой и эффективно работающей системы.

Для реализации вышеобозначенных целей была изменена нормативная база и запущен процесс по «оптимизации» штатной численности. Проводимые реформы предполагали формирование механизма, обеспечивающего внутреннюю дисциплину в органах внутренних дел, внешний контроль и надзор за деятельностью, а также тесное сотрудничество полиции с различными институтами гражданского общества.

Спустя четырнадцать лет возможно оценить итоги и результаты проведенного реформирования, которые, по нашему мнению, не устроили ни население, ни органы внутренних дел. Это обусловлено следующими факторами.

Начало реформирования органов внутренних дел было сопряжено с переаттестацией сотрудников и изменением штатной численности путем сокращения ее на 22 %. Предполагалось, что наибольшему сокращению подвергнется управленческий аппарат, а в территориальных подразделениях останутся наиболее профессиональные кадры. При этом за счет сокращения количества сотрудников будут повышены размеры денежного содержания для оставшихся сотрудников.

По данным ООН, опубликованным в свободных источниках в 2020 году, к 2019 году в России на 100 тысяч населения приходилось 404 полицейских. Для сравнения, на Кипре

406 полицейских обслуживают 100 тысяч населения, в Болгарии — 411, Португалии — 444, Латвии — 453, Боснии и Герцеговине — 488, Хорватии — 492, Греции — 518, Турции — 521, Черногории — 709, Макао — 1 118. Необходимо обратить внимание на то, что перечисленные государства имеют гораздо меньшую территорию, значит, и отклик полиции будет в разы более оперативным [2].

Безусловно, законодательно закрепленное право сотрудника на получение ежемесячного денежного довольствия реализуется государством в точно установленные сроки, однако анализ вакансий на самом популярном в Российской Федерации сервере *hh.ru* свидетельствует, что размер заработной платы участкового уполномоченного полиции отделения УУП и ПДН в таком субъекте Российской Федерации, как Орловская область составляет от 33 до 50 тыс. рублей, полицейского патрульно-постовой службы и того меньше — от 21 до 25 тыс. рублей. В то же время должность охранника завода в указанном субъекте предполагает заработную плату в размере от 60 до 80 тыс. рублей. Расхожая фраза руководителей системы МВД России: «Не нравится работать — идите в народное хозяйство. За забором очередь из желающих...», безнадежно устарела: очереди за забором нет, но есть некомплект личного состава в размере более 100 тысяч человек.

В ходе реформирования управленческий аппарат сокращен не был, в то время как ликвидированы отдельные службы, а в ряде населенных пунктов отделы полиции. Оптимизации подверглись сотрудники, непосредственно осуществляющие противодействие преступлениям и правонарушениям [3].

Изменение нормативно-правовой базы было направлено на создание механизма взаимодействия органов внутренних дел с общественностью, в частности созданы общественные советы при Министерстве и его территориальных органах, фактическое назначение которых заключалось в том, чтобы служить связующим звеном между органами внутренних дел и населением. Данная инициатива и ее воплощение может быть оценена однозначно положительно.

Что касается организации службы, то в законодательстве были предусмотрены инициативы, направленные на то, чтобы сделать максимально привлекательной проходимость службы. Так, в Федеральный закон от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» [4] вошли нормы, предусматривающие

предоставление сотрудникам в собственность жилых помещений или единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения. Однако в процессе реализации данных норм оказалось, что, например, такая выплата даже при наличии необходимой выслуги будет предоставлена далеко не всем сотрудникам, но даже те сотрудники, которые формально соответствуют предъявляемым требованиям, смогут получить ее спустя долгие годы службы.

В рамках данной статьи тема обеспечения жильем и единовременной выплатой дальше развиваться не будет, поскольку она, по нашему мнению, заслуживает отдельного внимания.

В качестве примера дефектного правового регулирования социальных гарантий также можно назвать приказ МВД России от 31 марта 2021 года № 181 [5], в котором отсутствуют правила, регламентирующие выплату сотрудникам премий по итогам года. Как следствие, порождение разнонаправленной правоприменительной практики во всех субъектах Российской Федерации, что влечет административное усмотрение, дисбаланс в оценке работы сотрудников, основанной не на объеме выполняемых обязанностей и фактически достигнутых результатах. Подобное положение прямо противоречит основополагающим принципам права: законности, справедливости, юридического равенства.

Вместе с тем в отношении сотрудников действует большое количество запретов и ограничений, содержащихся в различных источниках: как законах, так и подзаконных нормативных актах, что создает явный дисбаланс в отношениях между сотрудником и государством и фактически перечеркивает привлекательность службы.

В рамках реформы была начата и проводится в настоящее время достаточно масштабная работа по повышению профессиональной квалификации сотрудников.

Современные образовательные организации системы МВД России предъявляют к своим сотрудникам достаточно жесткие требования. Действительно, подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава имеют ученые степени кандидата наук. В то же время более половины из них не имеют опыта практической работы, что не позволяет четко понимать те проблемы, которые стоят перед органами внутренних дел, а также формировать обоснованные и реальные предложения по их преодолению. Безусловно, мы считаем, внедрение принципа научности в процесс организации

службы внутренних дел чрезвычайно актуальным, однако такая научность должна быть согласована с запросами и реалиями практики.

Анализ открытых источников позволяет прийти к выводу, что на руководящие должности, в том числе в Центральном аппарате МВД России назначаются лица, не имеющие опыта работы в практических органах по основному направлению службы, что также не способствует повышению уровня эффективности деятельности практических органов.

Достижение обозначенных в процессе проведения реформы целей повышения степени доступности полиции населению и совершенствования методики оценки деятельности полиции также нельзя оценить однозначно. Безусловно, ряд услуг, оказываемых органами государственной власти и органами внутренних дел, благодаря общей цифровизации стали значительно доступнее (например, сократилось время ожидания получения необходимых справок и документов). Однако является ли приведенный факт аргументов в пользу повышения доступности полиции и эффективности ее деятельности? Предполагаемые методики оценки со стороны граждан деятельности полиции, в том числе и ее доступности для населения, так и не были сформированы. О результатах проверок, проведенных по заявлениям граждан, заявители, как правило, не уведомляются.

В тесной взаимосвязи с пунктом 4 нереализуемой видится цель создания положительного имиджа сотрудника органов внутренних дел в глазах населения. Действительно, случаи грубого нарушения прав и свобод человека и гражданина не так массово освещаются средствами массовой информации, как в начале 2000-х годов, что позволяет в целом не создавать своеобразной питательной почвы для негатива. Согласно исследованиям, проведенным ВНИИ МВД России, доверие к сотрудникам испытывают 53,3 % граждан. Может ли данная статистика быть оценена положительно, с учетом того, что 46,7 % граждан не разделяют эту положительную оценку? При анализе исследования, проведенного ВНИИ МВД России, обращает на себя внимание то обстоятельство, что только 9 % из опрошенных респондентов непосредственно столкнулись с деятельностью органов внутренних дел, остальные 91 % респондентов свои суждения формировали абстрактно [6].

В ходе проведения реформы полиция была «освобождена» от ряда функций, которые «отвлекали» ее от решения непосредственных

задач по защите личности, общества, государства от противоправных посягательств. К числу таких «несвойственных» функций была отнесена функция по «зарабатыванию денег». Ее выполнение возложили на вневедомственную охрану, услуги которой чрезвычайно востребованы, а сама служба передана в Росгвардию. Образовательные организации системы МВД России были вынуждены ликвидировать внебюджетные факультеты, которые позволяли вузам существенно обновлять свою материальную базу, а профессорско-преподавательскому составу предоставили возможность дополнительного заработка. Кроме того, как показала практика, многие выпускники таких внебюджетных факультетов в дальнейшем трудоустроивались в органы внутренних дел и предотвращали кадровый некомплект практических органов.

Внедрение современных технологий в деятельность органов внутренних дел как одно из направлений реформирования деятельности службы, безусловно, сыграло положительную роль, однако, как ни парадоксально, не избавило деятельность от излишней бюрократизации. Оптимизировав, вернее, сократив службы на территориях, оптимизация не коснулась планирующих, инспектирующих, контролирующих, надзирающих, собирающих статистику служб.

Таким образом, что далеко не все цели, которые были поставлены в начале реформы, оказались достигнуты. Реформа носила достаточно спонтанный характер и не была научно проработана: в законодательстве отсутствовал баланс между правами и обязанностями, запретами, ограничениями и льготами сотрудника, провозглашенные первыми лицами государства конкурентные зарплаты и стимулирующие выплаты не были основаны на реальных финансовых возможностях государства.

Оптимизация функций и численного состава органов внутренних дел также была проведена без учета реальных потребностей как самого министерства, так и запросов населения к этой службе. Профессиональные умения и навыки кадрового состава современной полиции, в том числе и руководящего состава, во многих случаях оказываются недостаточными для эффективного решения стоящих перед Министерством внутренних дел Российской Федерации задач, а критерии оценки деятельности за прошедший период времени так и не были сформированы. Безусловно, в настоящий момент требуется серьезное реформирование, однако, оно не должно быть поспешным: необходима четкая

проработка всех аспектов, постановка реальных целей и определение путей их достижения.

Список источников

1. Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2022 года № 878. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 25.04.2025).
2. Официальный сайт ООН. URL: <https://dataunodc.un.org/> (дата обращения: 25.04.2025).
3. Кудряшов А. В. Оптимизация личного состава в Министерстве внутренних дел Российской Федерации как фактор, влияющий на рост преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). С. 61.
4. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.u/?ysclid=luign8dx8v319945602> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 марта 2021 года № 181. URL: <http://pravo.gov.u/?ysclid=luign8dx8v319945602> (дата обращения: 25.04.2025).
6. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/publicopinion?ysclid=mawgk5ssn5223092065> (дата обращения: 25.04.2025).

References

1. On establishing the maximum staffing level of the internal affairs bodies of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation no. 878 of December 5, 2022. URL: <https://www.garant.ru/> (accessed 25.04.2025). (In Russ.).
2. Official website of the UN. URL: <https://dataunodc.un.org/> (accessed 25.04.2025). (In Russ.).
3. Kudryashov A. V. Optimization of personnel in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as a factor influencing the growth of crime. *Law and order: history, theory, practice*, 2015, no. 2. (5), p. 61. (In Russ.).
4. On social guarantees for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law no. 247-FZ of July 19, 2011. URL: <http://pravo.gov.u/?ysclid=luign8dx8v319945602> (accessed 25.04.2025). (In Russ.).
5. On approval of the procedure for providing monetary allowances to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation no. 181 dated March 31, 2021. URL: <http://pravo.gov.u/?ysclid=luign8dx8v319945602> (accessed 25.04.2025). (In Russ.).

6. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.пф/publ-icopinion?ysclid=mawgk5ssn5223092065> (accessed 25.04.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

Л. А. Алексеева — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова;

С. А. Майорова — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

L. A. Alekseeva — Candidate of Sciences (Law), Associate professor, Professor of the department of state and legal disciplines of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov;

S. A. Mayorova — Candidate of Sciences (Law), Associate professor, Deputy head of the department of administrative activities of the Internal Affairs Directorate of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 34

Мера государственного принуждения

Макарейко Николай Владимирович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, makareiko_nik@mail.ru

Аннотация. Мера является одной из ключевых характеристик государственного принуждения, несмотря на очевидную значимость указанного признака, она не получила должного теоретико-правового и отраслевого осмысления. Субъект правотворчества не всегда оптимально определяет меру государственного принуждения в действующем законодательстве. Сложившееся положение негативно сказывается на правоприменительной практике, провоцирует юридические ошибки. Автором статьи определены характеристики меры государственного принуждения, которые должны быть учтены в ходе правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: мера, государственное принуждение, юридическая ответственность, санкция

Для цитирования: Макарейко Н. В. Мера государственного принуждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 76–83.

Original article

Measure of state coercion

Nikolay V. Makareyko

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, makareiko_nik@mail.ru

Abstract. The measure is one of the key characteristics of state coercion. Despite the obvious significance of this feature, it has not received due theoretical, legal and sectoral understanding. The subject of lawmaking does not always optimally determine the measure of state coercion in the current legislation. The current situation has a negative impact on law enforcement practice, provokes legal errors. The author defines the characteristics of the measure of state coercion, which should be taken into account in the course of lawmaking and law enforcement activities.

Keywords: measure, state coercion, legal responsibility, sanction

For citation: Makareyko N. V. Measure of state coercion. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 76–83. (In Russ.).

Государственно-принудительная проблематика традиционно находится в эпицентре повышенного общетеоретического и отраслевого

внимания, такое положение вполне объяснимо. Признак принуждения традиционно включается в характеристику как государства [1, с. 70], так и

© Макарейко Н. В., 2025

права [2, с. 73–85], таким образом, при освещении самых разнообразных государственно-правовых явлений меньшего порядка отмечается их принудительная составляющая, таким образом, можно предположить, что данная проблематика исчерпала себя, отсутствуют «белые пятна», которые являются очевидными маркерами, свидетельствующими о востребованности дополнительного научного осмысления вопросов государственного принуждения в целом или его отдельных аспектов.

Одной из важных характеристик государственного принуждения, не получившей должного теоретического осмысления, является мера. Традиционно при рассмотрении указанного метода государственного управления отмечают, что он реализуется посредством соответствующих мер. В первом приближении государственное принуждение безотносительно к его форме представляет собой количественно-качественное правоограничительное государственно-властное воздействие.

Обращение к действующему российскому законодательству позволяет заключить, что термин «мера» и производные от него прочно вошли в официальный правовой тезаурус. Неслучайно уголовное наказание (ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и административное наказание (ст. 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)) связываются с соответствующими мерами государственно-правового воздействия. Было бы ошибочным судить, что только при характеристике государственно-принудительного воздействия используется термин «мера». Необходимо присоединиться к позиции Е. А. Куликова, который убедительно доказывает важность изучения правовых явлений с использованием категории «мера» и предлагает следующее определение: «Мера — это качественно-количественная характеристика правовой действительности, описывающая состояние и динамику правовых явлений как изнутри, с позиции содержания и значения этих явлений, так и извне — с позиции действия и границ явлений в объективной действительности» [3, с. 67].

Следует признать, что орбита использования термина «мера» гораздо шире и применяется для характеристики самых разнообразных правовых явлений и процессов, в том числе и при осуществлении воздействия на определенные явления и процессы, о чем свидетельствует действующее законодательство и сложившаяся правоприменительная практика. Почти полвека назад А. Ф. Черданцев и С. Н. Кожевников при характеристике

юридической ответственности отметили, что термин «мера» наиболее часто используется в нескольких значениях: во-первых, как предел реализации юридической ответственности, заключенный в соответствующих санкциях, во-вторых, это определенные мероприятия, направленные на достижение конкретных целей [4, с. 41].

Категория «мера» имеет важное методическое значение. В частности, В. А. Чашников убедительно доказывает, что ее использование играет принципиально важную роль при осуществлении классификации государственного принуждения. Такое положение предопределено тем, что при формировании классификационной модели указанного государственно-правового явления «мера» выступает в качестве первичной единицы классификации [5, с. 10–14]. Следует признать, что и ранее ряд авторов отмечали необходимость использования указанного подхода, так, Е. С. Попкова писала, что меру государственного принуждения следует рассматривать в качестве первичного структурного элемента, который включает в себе существенную содержательную нагрузку [6, с. 12].

Очевидно, что мера является обязательной имманентной характеристикой государственного принуждения. Исключение данного признака при познании указанного правового феномена является недопустимым, и не позволяет должным образом понять природу указанного метода государственного управления, познать его роль в обеспечении правопорядка и безопасности. Применение указанного инструмента государственно-властного воздействия носит вполне конкретный характер, а меры заключают в себе наиважнейшую его характеристику. Неслучайно ряд авторов при характеристике государственного принуждения, его отдельных форм используют термин «мера», так, В. Д. Ардашкин связывает государственное принуждение с воплощением воли государства, его органов в принудительных мерах [7, с. 63–64]. При характеристике государственного принуждения И. А. Галаган к числу признаков, свойственных указанному явлению, относит его объективизацию в соответствующих мерах принудительного воздействия [8, с. 72]. Во многом схожего подхода придерживается С. Н. Кожевников, который уделит существенное внимание исследованию указанного вида социального принуждения. При рассмотрении его признаков автор акцентирует внимание на том, что мера является первичным элементом данного явления. «Меры государственного принуждения — это средства юридического принудительного воздействия,

закрепленные в законодательстве и используемые в отношении определенных лиц» [9, с. 26].

В пользу значимости исследования проблемы меры государственного принуждения свидетельствует тот факт, что данная проблема получила определенное внимание в отраслевой литературе. Так, А. И. Каплунов отметил, что меры административного принуждения рассматриваются в качестве закрепленных законом способов, приемов, средств воздействия; конкретных видов воздействия; способов целенаправленного воздействия; способов принудительного воздействия [10, с. 71]. Другими словами, мера во многом связывается со способом воздействия. Вместе с тем важно при характеристике меры государственного принуждения не скатиться исключительно в семантическую плоскость, а определить черты, свойственные указанному правовому явлению.

Меры государственного принуждения закреплены в законодательстве, то есть имеют соответствующие нормативные правовые основания. При этом важно учитывать, что таким образом происходит реализация воли законодателя. В данном случае должны быть комплексно определены соответствующие правоограничения, основания их реализации, а также процессуальный порядок применения. Другими словами, внутренние волевые установки субъектов правотворчества получают свою объективацию в соответствующих нормативных правовых актах. Изложенная в нормативном источнике мера принуждения находится в потенциальном состоянии. При этом она оказывает информационное, правоориентационное воздействие, играет активную роль в формировании соответствующего убеждения [11].

Важно учитывать, что меры государственного принуждения должны быть в первоочередном порядке заключены в законах. Вместе с тем в актах высших органов государственной власти объективно не представляется возможным закрепить механизм реализации соответствующей меры, таким образом, необходимо задействовать потенциал бланкетного нормативного правового регулирования. Такое положение включает в себе существенные риски, которые должны быть своевременно диагностированы и в обязательном порядке купированы, а причиненные негативные последствия должны быть своевременно устранены. Важно, чтобы субъекты правотворчества различного уровня обладали подготовленностью для применения бланкетного нормативного правового регулирования.

Реализация конкретной меры государственного принуждения без учета ее нормативной правовой характеристики должна получить правовую оценку. Чаще всего к ним применяется юридическая ответственность. Вместе с тем необходимо в обязательном порядке осуществлять восстановление нарушенного правового состояния, то есть реализовывать потенциал правовосстановительных мер, что предопределено социальной сущностью государства.

Отмечая закрепление меры государственного принуждения в законодательстве, нельзя обойти стороной вопрос ее изложения в структуре правовой нормы. Именно норма права, которая является центральным элементом механизма правового регулирования, включает в себе характеристику меры государственного принуждения. Следует учитывать, что норма права выступает ничем иным, как мерой, масштабом, эталоном соответствующего поведения [12, с. 184]. В норме права конкретная мера государственного принуждения является указанием, которое может быть реализовано при наличии соответствующих фактических оснований. Неслучайно С. С. Алексеев указывал на потенциал государственного принуждения, заключенный в юридической норме, который материализуется в конкретных правоприменительных актах [13, с. 157–158].

Традиционно мера государственного принуждения связывается с таким структурным элементом правовой нормы, как санкция, именно в ней заключается правоохранительный потенциал конкретной меры, это будет верно только частично и применительно к мерам юридической ответственности и защиты, в то время как меры предупреждения и пресечения излагаются в диспозициях норм права. По данному вопросу И. С. Самощенко отмечал: «Санкции, особенно административные, не следует путать с имеющимися в нормах административного права указаниями на право применения определенными органами государственного управления непосредственного принуждения <...>. Эти указания формулируются в диспозициях соответствующих норм советского права» [14, с. 72].

Вместе с тем необходимо преодолеть ограничительный подход связывания меры государственного принуждения исключительно с санкциями, — реже с диспозициями. За рамками остается роль гипотез, соответствующих правоохранительных норм. Именно данный структурный элемент нормы права реально «запускает» механизм реализации конкретной меры государственного принуждения. Без нее (гипотезы)

не представляется возможным осуществить воздействие государственного принуждения на охраняемые отношения.

Принимая во внимание использование законодателем различных подходов при закреплении конкретных мер государственного принуждения, когда отдельные структурные элементы нормы права могут не быть объединены одной статьей, перед применителем стоит сложная задача по обоснованному и законному применению государственного принуждения. Такое положение актуализирует проблему теоретико-правовой подготовки субъектов, наделенных правами применять меры государственного принуждения, в рамках которой они должны получить конкретные знания из области теории норм права, а также предполагают осуществление официального толкования.

В мерах государственного принуждения заключаются соответствующие правоограничения. Их реальное применение влечет за собой наступление лишений физического, психологического, имущественного или организационного характера. Для характеристики данных последствий О. Э. Лейстом предложено использовать такие понятия, как «правовое лишение», «обременение» и «правовой урон» [15, с. 174].

Именно в мерах аккумулируется объем оказываемого правоограничительного воздействия, который совершает субъект принуждения в отношении принуждаемого. На данное свойство акцентируется внимание как в теоретико-правовой, так и отраслевой литературе. По мнению А. В. Коркина, меры административно-правового принуждения представляют собой «конкретные виды воздействия на физических и юридических лиц, выраженные в *психических, материальных, организационных и физических ограничениях* (курсив наш. — Н. М.), применяемых специально уполномоченными на то субъектами как в связи с правонарушением (преступлением), так и при его отсутствии для охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности» [16, с. 15].

Следует признать, что применение меры государственного принуждения аккумулирует в себе одновременно несколько правоограничительных последствий. В силу этого достигается большой правоохранительный эффект. Относительно физических лиц в качестве объекта государственно-принудительного воздействия может выступать в единстве его биологическое, материальное и социальное бытие. Наступление соответствующих лишений является не самоцелью применения мер государственного

принуждения или же, наоборот, его «побочным» результатом, а необходимым, нормативным, закрепленным механизмом оценки как совершенного, так и предполагаемого акта поведения принуждаемого.

Меры государственного принуждения выступают в качестве детально определенного способа государственного воздействия на права и свободы субъектов права. Посредством такого влияния оказывается правоограничительная коррекция поведения принуждаемого в нужном для принуждающего направлении. При этом оно осуществляется как в момент совершения объективно противоправного деяния, когда речь идет о применении мер пресечения, так и после совершения соответствующего правонарушения. Меры процессуального обеспечения юридической ответственности выступают в качестве средств постпротивоправного государственного принудительного реагирования. Они могут быть применены только после того, как противоправное деяние получит соответствующую официальную оценку. Наряду с этим допускается применение определенных мер до совершения противоправных деяний, в качестве которых выступают меры предупреждения.

Следует признать, что меры государственного принуждения должны быть органически встроены в систему обеспечения исполнения обязательств и соблюдения юридических запретов, что нашло свое отражение в специальной литературе. «Меры принуждения — это установленные законом способы, приемы, средства и действия, позволяющие заставить лицо исполнять юридические обязанности и соблюдать правовые запреты, либо это дополнительные обременения в связи с совершением лицом противоправных деяний» [17, с. 44].

Мера принуждения направлена на достижение определенного юридического результата. В этой связи в литературе отмечается, что «мера государственного принуждения представляет собой закрепленный в законодательстве способ принудительного воздействия, применяемый в строго *определенных целях* (курсив наш. — Н. М.) уполномоченными органами и должностными лицами» [18, с. 87].

Цель может получить детальное определение в законодательстве применительно как к отдельным мерам, так и формам государственного принуждения (например, целями применения мер административно-процессуального обеспечения выступают пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление

протокола об административном правонарушении, обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнение принятого по делу постановления (ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ)). В то же время на законодательном уровне детализированы цели применения отдельных мер административно-процессуального обеспечения. В частности, административное задержание применяется «для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении» (ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ).

Степень достижения правоохранительного результата (цели) будет свидетельствовать об эффективности/неэффективности осуществления принудительного воздействия. В этой связи нужно принять необходимые меры корректирующего воздействия. Они могут носить как нормативный, правовой, правоприменительный, так и организационный характер [19].

Меры государственного принуждения должны быть ограничены соответствующими пределами. Неслучайно одним из синонимов термина «мера» выступает «предел, граница». Следует согласиться с мнением А. П. Рогова, который отмечает, что «главной особенностью государственного принуждения в условиях правового государства являются законодательно установленные пределы возможного, допустимого, а в некоторых случаях необходимого принудительного воздействия государства на субъектов права» [20, с. 12]. Пределы государственного принуждения выступают теми нормативно определенными границами, в рамках которых субъект правотворчества определяет потенциальную возможность применения государственного принуждения. Для решения данной многосложной задачи необходимо использовать соответствующие критерии. В качестве последних могут выступать: область применения, форма государственного принуждения, фактические основания, закрепление исчерпывающего перечня субъектов применения, цель, процессуальный порядок и правовой режим применения.

Важно учитывать, что пределы мер государственного принуждения не являются *constant*, а отличаются определенной динамикой. Такое положение предопределено реально складывающейся правоохранительной ситуацией и потребностью наращивания или сокращения государственно-принудительного воздействия. Решение данной многосложной задачи

обусловлено возможностью задействования не принудительных методов обеспечения правопорядка и безопасности. В данном случае важно не идти по пути псевдо-гуманизации государственно-властного воздействия, а принимать решения с учетом реально складывающейся ситуации и перспективами ее развития. При этом следует учитывать как ближайшие, так и отдаленные горизонты планирования. Очевидно, что во главу угла должно быть положено стратегическое планирование [21]. Зачастую в погоне за решением текущих задач упускаются перспективные цели, происходит необоснованное ограничение прав и свобод субъектов права.

Следует принимать во внимание, что в основу определения пределов соответствующих мер должны быть положены как объективные, так и субъективные факторы. Неслучайно И. Л. Петрухин при рассмотрении пределов ограничений свободы волеизъявления субъектов права в области уголовного судопроизводства обращает внимание на психическое отношение гражданина к исполнению возложенных на него обязанностей [22, с. 49].

При рассмотрении пределов меры государственного принуждения следует иметь в виду, что многие вопросы находятся в исключительном ведении субъекта правотворческой деятельности. Речь идет о месте и роли принуждения при решении конкретной правоохранительной задачи, ее соотношении с другими методами, определение конкретных видов мер государственного принуждения, которые могут быть применены, а также объем применяемого правоограничительного потенциала, которые в большинстве случаев отданы на усмотрение уполномоченных правоприменителей [23]. Такое положение во многом предопределено законодательным закреплением мер государственного принуждения, применением соответствующих санкций, прежде всего относительно определенных, а также альтернативных. Наиболее сложное положение, связанное с применением мер предупреждения, основания которых носит презюмируемый характер. Следует иметь в виду значительные дискретные полномочия по выбору меры пресечения и интенсивности ее применения, в частности, это связано с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что регламентируется главой 5 Федерального закона № 3 от 3 февраля 2011 года «О полиции» [24].

Вопросы правоприменительного усмотрения не получили должное внимание со стороны органов судебной власти. В основном изучаются

и, соответственно, формируются официальные судебные позиции, связанные с применением юридической ответственности, что находит свое выражение в соответствующих постановлениях пленумов Верховного Суда Российской Федерации.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что мера государственного принуждения представляет собой синтез качества и количества правоограничительного, юридически закрепленного и реально применяемого правоограничительного государственного потенциала. Наряду с этим необходимо преодолеть сложившийся ограничительный подход и понимать, что мера государственного принуждения имеет важное гносеологическое значение. Ее использование позволяет познать указанное явление, увидеть то предназначение, которое заложено субъектом правотворчества, в дальнейшем будет разъяснено в случае необходимости субъектом толкования и получит конкретное выражение в результате правореализации (правоприменения), будучи материализованным в правоприменительном акте.

Нельзя сбрасывать со счетов и онтологическую роль «меры» при характеристике государственного принуждения. Данное явление отличается определенной динамикой, что обусловлено не только деятельностью законодателя, а прежде всего, принадлежностью конкретной меры государственного принуждения к ее определенной форме. Мера имеет четкую временную привязку. «Таким образом, мера в онтологии — это внешне контролируемое, субъективно определяемое соотношение необходимого и достаточного, характеризующее внутреннее состояние системы в текущий момент времени» [25, с. 1841–1842].

Исходя из диалектического закона перехода количественных изменений в качественные, можно утверждать, что при определенных условиях трансформация меры повлечет за собой изменение содержательной характеристики государственного принуждения. Следует признать, что субъекты правотворчества и правоприменения не должны оставлять соответствующее «чувство меры». Его утрата повлечет за собой не только нарушение требования справедливости, законности, но и в ряде случаев будет способствовать активизации процесса энтропии, результатом которой может выступить утрата государственным принуждением характеристики системы. В этой связи будет запущен механизм ее уничтожения, что будет способствовать трансформации

государственного принуждения в насилие со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями [26].

Мера государственного принуждения, будучи важным элементом правовой действительности, требует постоянного пристального доктринального внимания. Для более эффективного изучения указанной проблематики нужно обновить познавательный инструментарий. С учетом наличия количественного компонента меры важно задействовать потенциал юрисометрики [27], которая использует возможности применения междисциплинарного синтеза, в том числе математических методов. Такой подход будет весьма плодотворен в свете цифровизации общественных отношений, что позволит более качественно измерить характеристику меры государственного принуждения. Наряду с этим не стоит отказываться от традиционных средств познания, а использовать оптимальный набор методов, позволяющих получить объективную информацию об исследуемом правовом явлении.

Список источников

1. Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. Москва: Издательство «Юрайт», 2013. 711 с.
2. Чернова Л. С. Государственно-правовое принуждение: генезис и современное состояние: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 193 с.
3. Куликов Е. А. Категория меры в праве: вопросы теории: монография. Барнаул, 2013. 178 с.
4. Черданцев А. Ф., Кожевников С. Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 6. С. 39–48.
5. Чашников В. А. Система государственно-правового принуждения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. С. 10–14.
6. Попкова Е. С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 23 с.
7. Ардашкин В. Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1967. 248 с.
8. Галан И. А. Административная ответственность в СССР. Воронеж, 1970. 250 с.
9. Кожевников С. Н. Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 2. С. 20–28.
10. Каплунов А. И. Значение понятия «способ принудительного воздействия» для совершенствования правовой регламентации мер административного принуждения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6 (82). С. 71–79.

11. Косых А. А. Убеждение в праве: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2015. 187 с.

12. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное понимание на грани двух веков). Саратов, 2001. 416 с.

13. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва, 1966. 187 с.

14. Самощенко И. С. Охрана режима законности Советским государством. Москва, 1960. 200 с.

15. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Москва, 1981. 237 с.

16. Коркин А. В. Конституционные основы института административно-правового принуждения в деятельности сотрудников милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 27 с.

17. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 499 с.

18. Гришин Д. А. Об отраслевой принадлежности мер государственного принуждения, применяемых должностными лицами УИС, в зависимости от реализуемых способов принудительного воздействия при исполнении уголовного наказания // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2024. № 5. С. 87–94.

19. Макарейко Н. В. Эффективность мер государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности: монография. Нижний Новгород, 2019. 365 с.

20. Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 226 с.

21. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I), ст. 3378.

22. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Москва: Издательство «Наука», 1985. 239 с.

23. Макарейко Н. В. Вопросы усмотрения при применении административного принуждения // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 79–87.

24. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

25. Голобоков А. В. Мера как философская категория в дискурсе онтологии // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 9. С. 1839–1842.

26. Макарейко Н. В. Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2014. № 3 (27). С. 305–307.

27. Дядькин Д. С. Юрисометрика: теоретические основы: монография. Москва: Компания Спутник+, 2006. 137 с.

References

1. Theory of State and Law: a textbook for bachelors / ed. by V. K. Babaev. Moscow: Publishing House "Yurait", 2013. 711 p. (In Russ.).

2. Chernova L. S. State and legal coercion: genesis and current state. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2023. 193 p. (In Russ.).

3. Kulikov E. A. The category of measure in law: theoretical issues: monograph. Barnaul, 2013. 178 p. (In Russ.).

4. Cherdantsev A. F., Kozhevnikov S. N. On the concept and content of legal liability. *Jurisprudence*, 1976, no. 6, pp. 39–48. (In Russ.).

5. Chashnikov V. A. The system of state and legal coercion. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, pp. 10–14. (In Russ.).

6. Popkova E. S. Legal liability and its relationship with other legal forms of state coercion. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2001. 23 p. (In Russ.).

7. Ardashkin, V. D. Protective measures (suppression) in Soviet administrative law. Dissertation... candidate of legal sciences. Sverdlovsk, 1967. 248 p. (In Russ.).

8. Galan I. A. Administrative liability in the USSR. Voronezh, 1970. 250 p. (In Russ.).

9. Kozhevnikov S. N. State coercion: regulatory and protective purpose, forms. *Electronic supplement to the "Russian Law Journal"*, 2011, no. 2, pp. 20–28. (In Russ.).

10. Kaplunov A. I. The meaning of the concept "method of coercive influence" for improving the legal regulation of administrative coercion measures. *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL)*, 2021, no. 6 (82), pp. 71–79. (In Russ.).

11. Kosykh A. A. Conviction in law: theory, practice, technique. Dissertation... candidate of legal sciences. Sciences. Vladimir, 2015. 187 p. (In Russ.).

12. Baitin M. I. The essence of law (modern normative understanding on the verge of two centuries). Saratov, 2001. 416 p. (In Russ.).

13. Alekseev S. S. The mechanism of legal regulation in a socialist state. Moscow, 1966. 187 p. (In Russ.).

14. Samoshchenko I. S. Protection of the legal regime by the Soviet state. Moscow, 1960. 200 p. (In Russ.).

15. Leist O. E. Sanctions and liability under Soviet law. Moscow, 1981. 237 p. (In Russ.).

16. Korokin A. V. Constitutional foundations of the institute of administrative-legal coercion in the activities of police officers. Dissertation... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2002. 27 p. (In Russ.).

17. Kaplunov A. I. Administrative coercion applied by internal affairs agencies (systemic-legal analysis). Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2005. 499 p. (In Russ.).
18. Grishin D. A. On the sectoral affiliation of state coercion measures applied by officials of the Federal Penitentiary Service, depending on the implemented methods of coercive influence in the execution of criminal punishment. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2024, no. 5, pp. 87–94. (In Russ.).
19. Makareiko N. V. Efficiency of state coercion measures in the sphere of economic security: monograph. Nizhny Novgorod, 2019. 365 p. (In Russ.).
20. Rogov A. P. Features of state coercion in a legal state. Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2013. 226 p. (In Russ.).
21. On strategic planning in the Russian Federation: federal law no. 172-FZ of June 28, 2014. *Collected Legislation of the RF*, 2014, no. 26 (Part I), art. 3378. (In Russ.).
22. Petrukhin I. L. Personal Freedom and Criminal-Procedural Coercion. Moscow: Nauka Publishing House, 1985. 239 p. (In Russ.).
23. Makareiko N. V. Issues of Discretion in the Application of Administrative Coercion. *Bulletin of the N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2024, no. 4, pp. 79–87. (In Russ.).
24. On the Police: federal law no. 3-FZ of February 7, 2011. *Collected Legislation of the RF*, 2011, no. 7, art. 900. (In Russ.).
25. Golobokov A. V. Measure as a Philosophical Category in the Discourse of Ontology. *Manuscript*, 2021, vol. 14, iss. 9, pp. 1839–1842. (In Russ.).
26. Makareiko N. V. State coercion and violence: the problem of correlation. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Nizhny Novgorod, 2014, no. 3 (27), pp. 305–307. (In Russ.).
27. Dyadkin D. S. Jurisometrics: theoretical foundations: monograph. Moscow: Sputnik+ Company, 2006. 137 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. В. Макарейко — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

N. V. Makarejko — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the department of administrative law and procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia.

Научная статья
УДК 347.736.6

Доменное имя в конкурсном производстве

Баринов Андрей Викторович¹, Арбузов Данила Алексеевич²

^{1,2}РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия,

¹barinov-vlad@inbox.ru

²arbuzowdan@yandex.ru

Аннотация. На сегодняшний день сайт юридического лица — это действенный способ донести информацию о товарах, услугах и работах до широкого круга пользователей в виртуальном мире. С целью организации электронной платформы для делового взаимодействия компании стремятся создать популярный информационный ресурс, но для его размещения необходимо зарегистрировать доменное имя. Данный феномен имеет проблемы теории и практики в гражданско-правовых отношениях.

Разнообразие научных взглядов на правовой статус и отсутствие юридического основания реализации в конкурсном производстве доменного имени влияют на необъективное формирование конкурсной массы. Такая ситуация недопустима, поскольку сбор имущества должен быть полным и рациональным, что способствует оплате задолженности.

В связи с этим предложен комплекс мер, аргументированный правовой доктриной и судебной практикой. Он касается принятия единого подхода к пониманию доменного имени как цифрового права и законного закрепления возможности продажи подобного актива в рамках дела о банкротстве юридического лица с целью наиболее полного удовлетворения требований кредиторов. Нововведения позволят усилить юридическую и экономическую роль доменного имени, что обеспечит баланс интересов между банкротом и кредиторами.

Ключевые слова: доменное имя, цифровое право, конкурсное производство, банкротство, гражданское право

Для цитирования: Баринов А. В., Арбузов Д. А. Доменное имя в конкурсном производстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 84–89.

Original article

Domain name in bankruptcy proceedings

Andrey V. Barinov¹, Danila A. Arbuzov²

^{1,2}RANEPА under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation

¹barinov-vlad@inbox.ru

²arbuzowdan@yandex.ru

Abstract. Today, the website of a legal entity is an effective way to communicate information about goods, services and works to a wide range of users in the virtual world. In order to organize an electronic platform for business

© Баринов А. В., Арбузов Д. А., 2025

interaction, companies strive to create a popular information resource, but in order to host it, it is necessary to register a domain name.

This phenomenon has problems of theory and practice in civil law relations. The diversity of scientific views on the legal status and the lack of a legal basis for the implementation of a domain name in bankruptcy proceedings affect the biased formation of the competitive mass. This situation is unacceptable, since the collection of property must be complete and rational, which contributes to the payment of arrears.

In this regard, a set of measures justified by legal doctrine and judicial practice is proposed. It concerns the adoption of a unified approach to understanding a domain name as a digital right and the legal consolidation of the possibility of selling such an asset in the framework of a bankruptcy case of a legal entity in order to fully satisfy creditors' claims. The innovations will strengthen the legal and economic role of the domain name, which will ensure a balance of interests between the bankrupt and creditors.

Keywords: domain name, digital law, bankruptcy proceedings, bankruptcy, civil law

For citation: Barinov A. V., Arbuzov D. A. Domain name in bankruptcy proceedings. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 84–89. (In Russ.)

В условиях динамичного развития информационных технологий у юридических лиц появилась потребность сформировать привлекательный имидж в интернет-пространстве для эффективного взаимодействия с контрагентами. В связи с этим компании тратят значительные ресурсы для разработки, обслуживания и продвижения сайта. Особенность данного процесса заключается в том, что массив корпоративных сведений размещается в виртуальном мире на определенной площадке, имеющей уникальный адрес — доменное имя. После признания организации банкротом и введении в отношении нее конкурсного производства доменное имя обоснованно можно продать при помощи проведения торгов с целью получения денежных средств для оплаты задолженности.

В настоящее время исследование обозначенной темы актуально, поскольку отношения, которые возникают по поводу доменного имени, обладают теоретическими и практическими проблемами. Они заключаются в различном толковании юридической сущности, а также в неоднозначности правового положения доменного имени. Эти обстоятельства не дают возможности признать доменное имя в качестве цифрового права, что, в свою очередь, ограничивает конкурсную массу, направленную в счет задолженности.

Согласно пункту 15 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» общему регулированию подлежит доменное имя, выступающее как «обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет» [1].

Помимо этого, существуют правила, устанавливающие единый порядок оформления доменных имен, заключающийся в том, что организация направляет заявку аккредитованному регистратору, который в течение трех дней вносит соответствующие сведения в реестр. С этого момента компания выступает администратором доменного имени на срок один год с преимущественным продлением до тридцати дней [2].

Для уяснения правовой природы доменного имени необходимо проанализировать данный термин в соотношении с понятиями имущества, а также имущественного и цифрового права.

Согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) под имуществом следует понимать совокупность объектов гражданских прав, к которым в том числе относятся имущественные и цифровые права [3].

Необходимо понимать, что не существует легальной дефиниции имущественного права, однако данное понятие раскрывается в юридической литературе. Например, А. А. Рябин полагает, что имущественное право — это «...оторванное от личности своего носителя и от своего объекта субъективное имущественное право, имеющее самостоятельную экономическую ценность и передаваемое третьему лицу на основании гражданско-правового договора или иной сделки» [4, с. 189].

Наконец, в части 1 статьи 141.1 ГК РФ указано, что «...цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [3]. Данное положение отсылает

нас к трем видам цифровых прав: во-первых, утилитарные цифровые права, заключающиеся в передаче вещи или исключительных прав, а также право требовать выполнения работ и оказания услуг [5]; во-вторых, цифровые права, являющиеся валютными ценностями, толкуются как финансовый инструмент, который может быть использован в качестве средства расчета [6]; в-третьих, цифровые финансовые активы, представляющие собой права на имущество [7].

Исходя из анализа приведенных категорий гражданского права, можно говорить о том, что имущество — это объект, принадлежащий собственнику. Имущественное и цифровое право связано с владением, пользованием и распоряжением имуществом, а также с получением доходов от этого имущества. Цифровое право отличается от имущественного права тем, что оно реализуется исключительно через информационную систему. Учитывая технологический аспект доменного имени, следует отнести его к виртуальной услуге по предоставлению исполнителем-регистратором заказчику-администратору зоны в сети «Интернет». Соответственно, доменное имя является утилитарным цифровым правом.

В правовой доктрине возникла дискуссия о квалификации такого нетрадиционного объекта, как доменное имя. На этот счет сложилось несколько концепций.

Первый подход заключается в том, что доменное имя — это средство индивидуализации. Подобная позиция прослеживается в работах у С. В. Стрельникова и заключается в том, что доменное имя имеет идентификационный характер, проявляющийся запоминаемом символическом обозначении, что способствует привлечению потребителей. Учитывая эти обстоятельства, правовед предлагает включить доменное имя в перечень средств индивидуализации и разрешить делегирование доменной зоны другим субъектам в связи с их коммерческим интересом [8, с. 134].

Вторая концепция определяет доменное имя в качестве услуги. По мнению К. А. Карашева, доменное имя выражается в нематериальной форме. Право его использования возникает исключительно при условии подписания договора о предоставлении соответствующих услуг за плату на установленный период. В силу того, что отношения между субъектом и регистратором подразумевают комплекс действий, произведенных исполнителем по заказу организации, при котором возможность иметь доменное имя

необходимо определить как услугу согласно договору [9, с. 34].

Доменное имя выражается в нематериальной форме. Право его использования возникает лишь при условии подписания договора о предоставлении соответствующих услуг за плату на установленный период.

Кроме этого, существует третий взгляд, основанный на том, что доменное имя необходимо рассматривать как цифровое право. В частности, этого подхода придерживается В. В. Кресс, который полагает, что доменные имена, существуя только в информационной среде, имеют экономическую ценность и способность к гражданскому обороту. При этом они не входят в перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности. С этой точки зрения справедливо отнести доменное имя к разновидности цифрового права [10, с. 169].

Проанализировав правовую доктрину, мы обнаружили отсутствие идеи, выражающей сущностное начало доменного имени и обеспечивающей согласованность взглядов на предмет исследования. Последний научный взгляд на правовую природу доменного имени представляется нам наиболее обоснованным в силу цивилистической теории.

Возможность использования доменного имени имеет стоимость и выступает объектом сделок. С анализируемым правом можно совершать различные действия, к примеру, уступать, наследовать и прочее. Более того, нарушение права пользования доменным именем влечет такие юридические последствия, как возмещение убытков, восстановление нарушенного права и другие меры защиты, предусмотренные гражданским законодательством. Вместе с тем компания получает доход от продажи товаров, привлечения клиентов для выполнения работ и оказания услуг, благодаря электронной платформе, имеющей доменное имя. Наряду с этим, отношения, складывающиеся по вопросу использования доменного имени, включают права, обязанности и ответственность сторон.

Следовательно, с юридической точки зрения доменное имя выступает цифровым правом. В ближайшем будущем именно к этому подходу должно прийти научное сообщество, побудив законодателя к признанию нового объекта гражданских прав. При таком условии сформируется предпосылка к появлению легального основания увеличения конкурсной массы за счет доменного имени, повышения шанса на оплату задолженности в процессе корпоративного банкротства.

Неудивительно, что при неоднозначном толковании правовой сущности доменного имени в отечественном законодательстве не обнаруживаются положения, которые позволяли бы распорядиться рассматриваемым объектом в конкурсном производстве. Данный правовой пробел влечет формальное отсутствие доменного имени как имущественного ресурса, а также создает условия для процессуального спора в корпоративном банкротстве. Обратимся к судебной практике, преодолевшей правовую недостаточность по этому вопросу.

В Арбитражном суде Московской области разбирается дело № А41-47439/2015 о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Экскорт», ранее производящее нефтехимическое оборудование для крупных заказчиков. По отношению к компании введено конкурсное производство, в ходе которого обнаружено доменное имя: *escort.ru*. В 2022 году данное цифровое право включено в конкурсную массу и выставлено на торги за 135 070 рублей. В результате аукциона получена сумма в размере 454 924 рублей, распределенная между кредиторами в порядке очереди [11].

В другом деле № А40-180842/2017 Арбитражного суда города Москвы о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Профконсалт», консультировавшего по вопросам коммерческой деятельности, в процессе конкурсного производства на торги выставлено пять доменных имен: *кирпич.рф*, *керамика.рф*, *кирпичныйзавод.рф*, *вкз*, *vkz.ru*. Начальная цена группы цифровых прав составила 376 229 рублей. Лот продан в 2024 году за 1 354 424,40 рублей, что существенно повлияло на объем удовлетворенных требований кредиторов [12].

В научной среде идет обсуждение правовой неопределенности реализации доменного имени при банкротстве организации. А. В. Тумаков и Н. А. Петраков говорят о появлении новых видов цифровых прав, среди которых доменное имя. Оно является не метафизической категорией, а реальностью современной хозяйственной деятельности организации. В связи с этим необходимо правоустановить регулирование подобного нетипичного объекта в целях устранения возможных препятствий в гражданском обороте, а в особенности при корпоративном банкротстве с учетом всех дестабилизирующих факторов в настоящее время [13, с. 70].

Л. А. Торосян и Т. В. Белова отмечают, что отношение к доменному имени в деле о банкротстве компании меняется в лучшую

сторону, поскольку данное цифровое право выгодно вовлечь в процесс расчетов с кредиторами. Правоведы убеждены в том, что при условии своевременной адаптации законодательства и правоприменительной практики к стремительным изменениям в экономической жизни удастся достичь справедливости и разумности в формировании конкурсной массы [14, с. 183].

Для предотвращения процессуальной неясности при банкротстве юридического лица представляется рациональным дополнить статью 2 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 12-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [15] положением о том, что утилитарные цифровые права, к которым относится доменное имя, признается имуществом. Это нововведение позволит включить доменное имя в конкурсную массу.

Таким образом, совместные усилия научного сообщества и законодателей должны быть направлены на общеправовое признание и юридическое закрепление доменного имени в качестве цифрового права. Благодаря этому достижению, в частности, в конкурсном производстве можно будет законно и обоснованно реализовать доменное имя с целью выплаты требований кредиторов.

Список источников

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (последняя ред.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 ноября 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ст. 3448; 2024. № 48, ст. 7218.
2. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ (утвержденные решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 5 октября 2011 года № 2011-18/81, редакция от 7 ноября 2022 года). URL: <https://cctld.ru/domains/docs/> (дата обращения: 25.02.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) (в ред. от 11 февраля 2025 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 августа 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2024. № 51, ст. 7853.
4. Рябин Р. А. Правовая природа и признаки имущественных прав как объектов гражданских прав // Государственная служба и кадры. 2024. № 4. С. 180–190.
5. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ (последняя ред.) (с изм. и доп., вступ.

в силу с 19 августа 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31, ст. 4418; 2024. № 33, ст. 4959.

6. О валютном регулировании и валютном контроле (последняя ред.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 декабря 2024 года): федеральный закон от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50, ст. 4859; 2024. № 53, ст. 8532.

7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (последняя ред.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 декабря 2024 года): федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31, ст. 5018; 2024. № 53, ст. 8532.

8. Стрельников С. В. К вопросу об отнесении доменных имен к средствам индивидуализации // Государственная служба и кадры. 2022. № 2.4. С. 132–134.

9. Карашев К. А. Правовая природа доменного имени // Право и управление. 2022. № 12. С. 32–35.

10. Кресс В. В. К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекте гражданских прав // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 164–174.

11. Решение Арбитражного суда Московской области от 6 июля 2017 года по делу № А41-47439/2015. URL: <https://old.bankrot.fedresurs.ru/TradeCard.aspx?ID=0bf9b96a-8dae-44c7-b387-9ba619c17e75> (дата обращения: 25.02.2025).

12. Решение Арбитражного суда города Москвы от 24 июля 2020 года по делу № А40-180842/2017. URL: <https://old.bankrot.fedresurs.ru/TradeCard.aspx?ID=ee06d18a-298f-449c-ba0c-48877e2f352f> (дата обращения: 25.02.2025).

13. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67–72.

14. Торосян Л. А., Белова Т. В. Правовое обеспечение формирования конкурсной массы в процедуре банкротства: развитие и перспективы разрешения в условиях динамичной экономики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4. С. 176–183.

15. О несостоятельности (банкротстве) (последняя ред.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 декабря 2024 года): федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43, ст. 4190; 2024. № 53, ст. 8532.

References

1. On information, information technology and information protection: federal law no. 149-FZ of July 27, 2006 (latest version) (as amended and supplemented, entered into force on November 22, 2024). *Collected*

Legislation of the RF, 2006, no. 31, art. 3448; 2024. no. 48, art. 7218. (In Russ.).

2. Rules for registering domain names in the .RU and .Ф domains (approved by the decision of the Coordination Center for the National Domain of the Internet no. 2011-18/81 dated October 5, 2011, revised on November 7, 2022). URL: <https://cctld.ru/domains/docs/> (accessed 25.02.2025). (In Russ.).

3. Civil Code of the Russian Federation (Part 1) (as amended on February 11, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on August 8, 2024). *Collected Legislation of the RF*, 1994, no. 32, art. 3301; 2024, no. 51, art. 7853. (In Russ.).

4. Ryabzin R. A. Legal nature and characteristics of property rights as objects of civil rights. *Civil Service and Personnel*, 2024, no. 4, pp. 180–190. (In Russ.).

5. On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law no. 259-FZ of August 2, 2019 (latest version) (as amended and supplemented, shall enter into force on August 19, 2024). *Collected Legislation of the RF*, 2019, no. 31, art. 4418; 2024. no. 33, art. 4959. (In Russ.).

6. On currency regulation and currency control (latest version) (as amended and supplemented, shall enter into force on December 28, 2024): federal law no. 173-FZ of December 10, 2003. *Collected Legislation of the RF*, 2003, no. 50, art. 4859; 2024, no. 53, art. 8532. (In Russ.).

7. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation (latest version) (as amended and supplemented, entered into force on December 28, 2024): federal law no. 259-FZ of July 31, 2020. *Collected Legislation of the RF*, 2020, no. 31, art. 5018; 2024, no. 53, art. 8532. (In Russ.).

8. Strelnikov S. V. On the issue of classifying domain names as means of individualization. *Civil Service and Personnel*, 2022, no. 2.4, pp. 132–134. (In Russ.).

9. Karashev K. A. Legal nature of a domain name. *Law and Management*, 2022, no. 12, pp. 32–35. (In Russ.).

10. Kress V. V. On the concept of virtual (digital) property as an object of civil rights. *Education. Science. Scientific personnel*, 2024, no. 1, pp. 164–174. (In Russ.).

11. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated July 6, 2017 in case no. A41-47439/2015. URL: <https://old.bankrot.fedresurs.ru/TradeCard.aspx?ID=0bf9b96a-8dae-44c7-b387-9ba619c17e75> (accessed 25.02.2025). (In Russ.).

12. By the decision of the Arbitration Court of Moscow dated July 24, 2020 in case no. A40-180842/2017. URL: <https://old.bankrot.fedresurs.ru/TradeCard.aspx?ID=ee06d18a-298f-449c-ba0c-48877e2f352f> (accessed 25.02.2025). (In Russ.).

13. Tumakov A. V., Petrakov N. A. Civil law aspects of digital property. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4, pp. 67–72. (In Russ.).

14. Torosyan L. A., Belova T. V. Legal support for the formation of the bankruptcy estate in the bankruptcy procedure: development and prospects for resolution in a dynamic economy. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, no. 4, pp. 176–183. (In Russ.).

15. On Insolvency (Bankruptcy) (latest version) (as amended and supplemented, entered into force on December 28, 2024): federal law no. 127-FZ of October 26, 2002. *Collected Legislation of the RF*, 2002, no. 43, art. 4190; 2024, no. 53, art. 8532. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Баринов — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации;

Д. А. Арбузов — студент 2 курса магистратуры юридического факультета Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Information about the authors

A. V. Barinov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines at the Vladimir Branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation;

D. A. Arbuzov — 2nd-year graduate student at the Law Faculty of the Vladimir Branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 349.6

Специфика гражданско-правовой ответственности в экологической сфере

Демичев Алексей Андреевич^{1, 2}

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия;

²Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия, aadem@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>

Аннотация. В данной статье проведен анализ экологического и цивилистического законодательства, материалов судебной практики и исследований ученых, выделены специфические черты гражданско-правовой ответственности в экологической сфере, к таковым мы относим следующее: компенсационный характер, увеличенный срок исковой давности, наступление во всех случаях, когда был причинен вред окружающей среде или возникла реальная угроза его причинения, возможность наступления при отсутствии вины (источник повышенной опасности, причинение вреда в результате правомерного поведения), возникающей одновременно с другими видами юридической ответственности (чаще всего административной или уголовной).

Ключевые слова: экологические правоотношения, юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, вред окружающей среде

Для цитирования: Демичев А. А. Специфика гражданско-правовой ответственности в экологической сфере // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 90–94.

Original article

Specifics of civil liability in the environmental sphere

Alexey A. Demichev^{1, 2}

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

²Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, aadem@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>

Abstract. Based on the analysis of environmental and civil law legislation, case law materials and research by scientists, specific features of civil liability in the environmental sphere are identified. The author attributes the following to these: compensatory nature; extended limitation period; occurrence in all cases where harm to the environment was caused or a real threat of causing it arose; the possibility of occurrence in the absence of fault (source of increased danger, causing harm as a result of lawful behavior); as a rule, occurs simultaneously with other types of legal liability (most often, administrative or criminal).

Keywords: environmental legal relations, legal liability, civil liability, harm to the environment

© Демичев А. А., 2025

For citation: Demichev A. A. Specifics of civil liability in the environmental sphere. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 90–94. (In Russ.).

В перечне видов юридической ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды, содержащемся в статье 75 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — ФЗ «Об охране окружающей среды») отсутствует гражданско-правовая ответственность. Однако наряду с дисциплинарной, административной и уголовной ответственностью в нем нашлось место имущественной ответственности, которая больше не встречается в тексте данного нормативного правового акта.

Теоретически имущественную ответственность можно рассматривать как совокупность гражданско-правовой и материальной ответственности, поскольку и в том и в другом случаях ответственность носит компенсационный характер и заключается в выполнении субъектом правонарушения обязанности имущественного характера. При этом имеется принципиальная разница между этими двумя видами ответственности, она заключается в том, что гражданско-правовая ответственность предполагает компенсацию вреда, причиненного окружающей среде. Материальная ответственность также предполагает компенсацию вреда, но не окружающей среде, а работодателю, то есть вреда, который ему причинил работник при выполнении своих трудовых функций.

На основании анализа статей 77, 78, 78.1, 78.2 и 79 ФЗ «Об охране окружающей среды» мы приходим к выводу о содержании в них гражданско-правовой ответственности. Верховный Суд Российской Федерации придерживается позиции о тождестве имущественной и гражданско-правовой ответственности, на что указывает пункт 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее — ППВС № 21) конструкция: «гражданско-правовая (имущественная) ответственность».

В экологической сфере гражданско-правовая ответственность является основным и наиболее важным видом юридической ответственности. Она максимально соответствует достижению цели природоохранного законодательства, так как имеет компенсационный характер, при этом в пункте 2 ППВС № 21 разъясняется, что

возмещение вреда окружающей среде может носить как самостоятельный характер (то есть без одновременного привлечения к другим видам ответственности), так и наступать вместе с уголовной, административной, дисциплинарной ответственностью.

Компенсационная функция гражданско-правовой ответственности в сфере охраны окружающей среды проявляется и в специальном сроке исковой давности, которых, как известно, в соответствие с частью 1 статьи 196 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) составляет 3 года. Однако по возмещению вреда, причиненного окружающей среде, часть 3 статьи 78 ФЗ «Об охране окружающей среды» устанавливает 20-летний срок исковой давности. Такой подход законодателя представляется верным. Длительный срок исковой давности обусловливается тем, что негативные последствия воздействия на окружающую среду могут иметь накопительный эффект и проявляться далеко не сразу.

Кроме этого, имеются и определенные сложности. Во-первых, за такой длительный период времени не всегда можно установить причинно-следственную связь между конкретным деянием и вредным результатом. Во-вторых, как правило, большой вред окружающей среде причиняют юридические, а не физические лица. За 20 лет юридическое лицо, причинившее вред окружающей среде, может прекратить существование, и найти виновного окажется проблематично.

Как и любой вид юридической ответственности, гражданско-правовая ответственность выполняет стимулирующую и превентивную функцию, причем имеет место как общая, так и частная превенция. Если рассматривать воспитательную функцию юридической ответственности как самостоятельную, а не один из аспектов превентивной функции, то она тоже свойственна гражданско-правовой ответственности, в том числе и в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Некоторые авторы пытаются аргументировать положение и о наличии карательной функции у гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения [1, с. 14]. Мы полагаем, что данная позиция ошибочна — гражданско-правовая ответственность в экологической сфере не содержит карательной составляющей, поскольку к ответственности

субъект привлекается не для наказания как такового, а для возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

Исходя из того, что вред, который был причинен окружающей среде, должен быть возмещен в полном объеме, законодатель в статье 77 ФЗ «Об охране окружающей среды» раскрыл содержание того, что следует понимать под причинением вреда окружающей среде. Причем он обдуманно оставил этот перечень открытым, поскольку многообразие реальных жизненных ситуаций всегда шире узких рамок нормативной урегулированности. Особенно это актуально в ситуации активного потребления природных ресурсов и интенсивного научно-технического прогресса, сопровождаемого внедрением новых технологий, последствия которых не всегда предсказуемы.

В части 2 статьи 77 ФЗ «Об охране окружающей среды» устанавливается, что компенсация вреда окружающей среде, причиненного юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, возлагается не только на указанных субъектов, но может быть возложена и (или только) на заказчика. Такой подход законодателя расширяет круг ответчиков, что на практике способствует достижению цели гражданско-правовой ответственности в экологической сфере.

При причинении вреда окружающей среде актуальным является вопрос не только о том, кто его (вред) должен возмещать, но и как он должен рассчитываться. В части 3 статьи 77 ФЗ «Об охране окружающей среды» перечислены следующие способы возмещения вреда окружающей среде:

- 1) таксовый способ;
- 2) расчет вреда в соответствии с методиками;
- 3) расчет вреда, исходя из фактических затрат. Данный способ применяется в ситуациях, когда не предусмотрен расчет вреда ни по таксам, ни по методикам.

В части 1 статьи 78 ФЗ «Об охране окружающей среды» назван еще один (уже четвертый) способ определения размера вреда окружающей среде – расчет вреда в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ.

Перечисленные способы не являются альтернативными относительно друг друга, а применяются в предусмотренных законом случаях.

Таксовые расчеты используются в тех случаях, когда вред был причинен исчислимым объектам — объектам животного, растительного мира, царства грибов. О. С. Грачева полагает, что таксовый способ расчета применяется, когда объекты, которым причинен вред,

можно посчитать «поштучно» [2, с. 45]. По нашему мнению, в целом это утверждение верно, однако в некоторых случаях таксы устанавливаются не за единицу ресурса, а за 1 кг (например, в постановлении Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2018 года № 1321 «Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам» устанавливается, если речь идет о губках, водорослях, морских травах, кормовых организмах и икре рыб, то такса устанавливается за 1 кг ресурса).

Методики утверждаются различными министерствами и ведомствами и применяются для подсчета вреда, причиненного неисчислимым объектам: водоемам и водотокам, подземным водным объектам, земле и почве, атмосферному воздуху, а также для определения предотвращенного экологического ущерба.

Расчеты фактических затрат, произведенных на восстановление окружающей среды, вместе с подтверждающими документами представляют суду заинтересованные стороны, но на практике их обычно проверяют или проводят собственные расчеты судебные эксперты [3]. Как отмечается в пункте 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» (далее — ППВС № 49) экспертизы могут назначаться с привлечением различных специалистов. Последние необходимы для правильного разрешения вопросов, в том числе в области определения источника происхождения вреда, механизма его причинения, его размера, объема необходимых восстановительных работ, возможности и сроков их проведения, однако для суда (арбитражного суда) заключение экспертизы не является обязательным и непроверяемым. Суд (арбитражный суд) рассматривает заключение экспертизы в совокупности с другими доказательствами и иными материалами дела.

Компенсация вреда, причиненного окружающей среде, может осуществляться либо в добровольном порядке, либо по решению суда (арбитражного суда). Оптимальным, на наш взгляд, является, когда она осуществляется добровольно, поскольку это происходит значительно быстрее, чем в судебном порядке, и минимизирует во времени негативное воздействие на окружающую среду.

Видимо, законодатель осознает значение фактора времени при снижении негативной нагрузки на окружающую среду, поэтому он

стимулирует хозяйствующих субъектов максимально быстро предпринимать меры по устранению вреда окружающей среде (ч. 2.1 ст. 78 ФЗ «Об охране окружающей среды»).

В статье 1082 ГК РФ названо два способа возмещения вреда, а именно: 1) в натуре; 2) возмещение убытков. В экологической сфере оба этих способа применимы. Изначально выбор способа возмещения причиненного вреда имеется у истца, он указывает его в исковом заявлении при обращении в суд, однако, как разъяснено в пункте 13 ППВС № 49, суд «вправе применить такой способ возмещения вреда, который наиболее соответствует целям и задачам природоохранного законодательства».

Теоретически более предпочтительным выглядит возмещение вреда окружающей среде в натуре. Однако в реальности подавляющее большинство природопользователей не имеют технических, организационных и иных возможностей качественно возместить вред в натуре. Не будем оригинальными, но, по нашему мнению, любым делом, в том числе и в экологической сфере, должны заниматься профессионалы, поэтому более разумно взыскивать с причинителя вреда окружающей среде именно денежные средства, которые будут направлены на соответствующие экологические нужды. В пункте 18 ППВС № 49 законодатель акцентирует внимание на том, что удовлетворение требования о возмещении вреда в натуре возможно только при наличии проекта восстановительных работ. Несмотря на то, что по общему правилу вред окружающей среде должен быть возмещен в полном объеме, суд, опираясь на пункт 12 ППВС № 49, с учетом имущественного положения гражданина, в случае неумышленного причинения вреда окружающей среде может уменьшить размер возмещения вреда.

В пункте 1 ППВС № 49 делается очень важный акцент на том, что при рассмотрении споров о возмещении вреда окружающей среды суды должны руководствоваться принципами охраны окружающей среды. Отметим, что В. А. Илюхиной было убедительно обосновано положение, что принципы права играют важную роль в национальной правовой системе Российской Федерации [4]. Естественно, это касается и экологического права.

Как в теории права, так и отраслевых юридических науках основанием юридической ответственности является правонарушение. Для сферы экологических отношений это отчасти является верным. Сущность экологического правонарушения заключается в умышленном или

неумышленном причинении вреда окружающей среде и/или здоровью человека в результате определенного действия или бездействия. Основным признаком правонарушения является противоправность. Однако в реальности нередко имеют место ситуации, когда вред был причинен источником повышенной опасности (в экологической сфере это могут быть, например, нефтепроводы, объекты атомной энергетики, гидротехнические сооружения, промышленные предприятия, линии электропередачи). В этом случае он возмещается в соответствии с правилами статьи 1079 ГК РФ.

В теории права объектом пристального внимания исследователей стала проблема невиновного поведения в праве [5]. Авторы одного из комментариев к ФЗ «Об охране окружающей среды» справедливо указывают, что в качестве исключения из общего правила привлечение к юридической ответственности возможно и за правомерное поведение. Речь идет о причинении вреда в результате эксплуатации источников повышенной опасности окружающей среде, жизни и здоровью людей, имуществу физических и юридических лиц [6]. В научной литературе под правомерным поведением природопользователя понимается не только поведение, которое «соответствует правовым предписаниям, но и разрешается государством, в том числе в рамках административно-правовой процедуры согласования физических параметров (нормативов) природопользования» [7, с. 230]. Экологическая деятельность, которая осуществляется на основании положительного заключения государственной экологической экспертизы в соответствии со специальными разрешениями, лицензиями, договорами на природопользование является правомерной. В качестве примера данного поведения, причиняющего вред окружающей среде, можно привести гибель объектов животного мира при рубке лесных насаждений при наличии всех разрешительных документов (даже в том случае, когда рубка предусмотрена проектом освоения лесов), снятие почвенного слоя для организации добычи полезных ископаемых и т. п.

Следует отметить, что экологическое правонарушение вообще может быть не связано с причинением вреда окружающей среды или с созданием реальной угрозы его причинения, а заключаться в нарушении законных прав и интересов гражданина или иного субъекта экологических правоотношений (например, конституционного права на благоприятную окружающую среду и/или права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды).

Исходя из всего вышеизложенного, можно выделить следующие специфические черты гражданско-правовой ответственности в экологической сфере:

— носит компенсационный характер (главная функция – компенсационная, репрессивная функция отсутствует);

— имеет увеличенный срок исковой давности (20 лет);

— наступает во всех случаях, когда был причинен вред окружающей среде или возникла реальная угроза его причинения;

— наступает при отсутствии вины (источник повышенной опасности, причинение вреда в результате правомерного поведения);

— наступает одновременно с другими видами юридической ответственности (чаще всего, административной или уголовной).

Список источников

1. Османов М. Х. Гражданско-правовая ответственность за экологические правонарушения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 23 с.
2. Грачева О. С. Некоторые проблемные аспекты возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Вопросы российского и международного права. 2016. № 7. С. 42–54.
3. Омелянюк Г. Г., Михалева Н. В., Голубева С. Г. Судебная экспертиза объектов окружающей среды по определению размера ущерба от экологического правонарушения // Судья. 2015. № 9. С. 34–37.
4. Илюхина В. А. Принципы права в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовое исследование): монография / под ред. А. А. Демичева. Москва: Издательство «Директ-Медиа», 2024. 408 с.
5. Хужин А. М. Невинное поведение в праве: методология, теория, практика: монография. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2012. 333 с.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 года № 7-ФЗ

«Об охране окружающей среды» (постатейный) / отв. ред. Н. И. Хлуденева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2025).

7. Переладов А. В. О некоторых проблемах квалификации правомерного причинения вреда при экоделikte // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 6. № 3. С. 229–241.

References

1. Osmanov M. Kh. Civil liability for environmental offenses. Author's abstract ... candidat of legal sciences. Krasnodar, 2010. 23 p. (In Russ.).
2. Gracheva O. S. Some problematic aspects of compensation for damage caused to the environment. *Questions of Russian and international law*, 2016, no. 7, pp. 42–54. (In Russ.).
3. Omelyanuk G. G., Mikhaleva N. V., Golubeva S. G. Forensic examination of environmental objects to determine the amount of damage from an environmental offense. *Judge*. 2015, no. 9. pp. 34–37. (In Russ.).
4. Ilyukhina V. A. Principles of Law in the National Legal Systems of the Russian Federation and the Republic of Armenia (comparative legal study): monograph / ed. by A. A. Demichev. Moscow: Direct-Media, 2024. 408 p. (In Russ.).
5. Khuzhin A.M. Innocent Behavior in Law: Methodology, Theory, Practice: monograph. Moscow: YurLitinform Publ., 2012. 333 p. (In Russ.).
6. Scientific and Practical Commentary on the Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ “On Environmental Protection” (article-by-article) / ed. by N. I. Khlyudeneva. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: ООО “Law Firm Contract”, 2018. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 25.01.2025). (In Russ.).
7. Pereladov A.V. On Some Problems of Qualification of Lawful Infliction of Harm in Environmental Torts. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 229–241. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Демичев — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России; главный научный сотрудник научного центра Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

A. A. Demichev — Doctor of Sciences (Law), Candidate of Sciences (History), Professor, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Principal researcher of the Scientific Center of Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPa.

Научная статья
УДК 347.6

Полигамный вызов российскому институту брака – v. 2

Демичев Кирилл Андреевич

Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия, kadem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2958-7856>

Аннотация. В декабре 2024 года Совет улемов духовного управления мусульман Российской Федерации принял фетву (разъяснение) № 4/24 «Проблематика многоженства в мусульманском сообществе России». В результате бурной общественной реакции и внимания Генеральной прокуратуры Российской Федерации фетва была отозвана. Учитывая, что полный текст фетвы опубликован не был, в настоящей работе проанализирована только ее резолютивная часть с позиций российского семейного и гражданского права. Нами сделаны выводы о том, что разъяснение Духовного управления мусульман Российской Федерации включает механизмы реальной адаптации религиозной формы мусульманского брака к российским правовым реалиям и в первую очередь к институту легального светского брака. Подтверждается, что одной из целей разъяснения является защита женщин и детей, рожденных в полигамном мусульманском браке. Допускается, что разработка гражданско-правовых методов адаптации есть результат обобщения уже сложившейся правовой практики или ее элементов в российской мусульманской среде. Автор приходит к выводу, что использование гражданско-правовых и семейно-правовых инструментов само по себе не является незаконным и не влечет санкции со стороны государства.

Ключевые слова: мусульманский брак, полигамия, Духовное управление мусульман Российской Федерации, гражданско-правовые механизмы адаптации

Для цитирования: Демичев К. А. Полигамный вызов российскому институту брака – v. 2 // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 95–99.

Original article

Polygamous challenge to the Russian institution of marriage – v. 2

Kirill A. Demichev

Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEP, Nizhny Novgorod, Russian Federation, kadem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2958-7856>

Abstract. In December 2024, the Council of Ulema of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation adopted fatwa (explanation) no. 4/24 “The Problem of Polygamy in the Muslim Community of Russia”. As a result of a stormy public reaction and the attention of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation, the fatwa was revoked. Considering that the full text of the fatwa was not published, this paper analyzes only its operative part from the standpoint of Russian family and civil law. We conclude that the explanation of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation includes mechanisms for the real adaptation of the religious form of Muslim marriage to Russian legal realities and, first of all, to the institution of legal secular marriage. It is confirmed that one

© Демичев К. А., 2025

of the goals of the explanation is to protect women and children born in a polygamous Muslim marriage. It is assumed that the development of civil law methods of adaptation is the result of generalizing the already established legal practice or its elements in the Russian Muslim environment. The author concludes that the use of civil and family law instruments is not in itself illegal and does not entail sanctions from the state.

Keywords: muslim marriage, polygamy, spiritual administration of muslims of the russian federation, civil law adaptation mechanisms

For citation: Demichev K. A. Polygamous challenge to the Russian institution of marriage – v. 2. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 95–99. (In Russ.).

В ходе конституционной реформы 2020 года казалось, что вопрос о браке в Российской Федерации решен, если не навсегда, то, по крайней мере, на долгое время. Действительно, в части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации появился пункт «ж 1», установивший, что «...защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях», является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Если вопрос субъектном составе участников российского брака в общественном поле более широко не поднимается, учитывая политику, направленную на сохранение и укрепление традиционных ценностей, то с количественным составом все оказалось не столь однозначным.

До 2020 года включительно в общественном дискурсе вопрос о частичной легализации полигинии (многоженства) как разновидности полигамной формы брака поднимался регулярно, причем исключительно в разрезе мусульманской формы брака. Вне исламского контекста широкая общественная дискуссия о полигамии в Российской Федерации не велась, что указывало и указывает на сугубо религиозный характер такой дискуссии. Инициаторами таких обсуждений выступали общественные [1] и духовные лидеры мусульман [2], некоторые известные политические деятели, такие как ныне покойный лидер партии ЛДПР В. В. Жириновский [3].

Несмотря на то, что подобные инициативы вступали в противоречие с принципом светского государства и принципом равенства, они продолжались вплоть до второй половины 2020 года, однако, как уже было отмечено выше, принятие пункта ж 1 части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, казалось, лишило данные инициативы каких-либо перспектив на обозримое будущее. Между тем в конце 2024 года

был поставлен вопрос о мусульманских браках на первые позиции общественной повестки. Новостные порталы всколыхнула информация о том, что 17 декабря 2024 года Совет улемов (ученых-богословов — К. Д.) духовного управления мусульман Российской Федерации рассмотрел проект фетвы (разъяснение. — К. Д.) № 4/24 «Проблематика многоженство в мусульманском сообществе России». Основным разработчиком фетвы с привлечением не только других богословов, но и юристов [4] выступил член Совета улемов, магистр Высшего института судейства Исламского университета имени имама Мухаммада бин Сауда (КСА) Юсеф Бибарсов. После обсуждения, фетва была принята.

Широкое освещение фетвы со стороны средств массовой информации потребовало комментариев от Духовного управления мусульман Российской Федерации (далее — ДУМ РФ). 21 декабря 2024 года председатель ДУМ РФ муфтий шейх Равиль Гайнутдин был вынужден сделать официальное заявление: «Основная цель этого постановления — защита прав женщин и детей <...>. Является ли принятие фетвы вторжением в сферу светского законодательства? Абсолютно нет, поскольку речь идет не о гражданском браке, зарегистрированном в органах ЗАГС, а о религиозном браке — никахе, который является внутренним делом мусульманской общины и как вид поклонения полностью регулируется только внутренними установлениями религии. Мы настаиваем, чтобы отцы рожденных в таких браках детей полностью их обеспечивали, не вынуждая женщин обращаться к государству за пособиями» [5].

Пояснения Равиля Гайнутдина не только не снизили градуса общественной дискуссии, но, наоборот, по всей видимости, ускорили вмешательство Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 23 декабря Генеральной прокуратурой Российской Федерации было внесено представление ДУМ РФ в связи с обсуждаемой фетвой. В частности, отмечено, что заключение вступает в противоречие со статьями 1 и 14

Семейного кодекса Российской Федерации, а также со статьей 15 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Представитель Генеральной прокуратуры Российской Федерации подчеркнул, что «...богословское заключение совета улемов Духовного управления мусульман России № 4/24 от 17 декабря 2024 года “Проблематика многоженства в мусульманском сообществе России” противоречит действующему законодательству и основам государственной семейной политики в области сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6]. В итоге в этот же день Совет улемов ДУМ РФ в лице председателя Шамиля Аляутдинова заявил о том, что отзывает фетву в связи с призывом Генеральной прокуратуры Российской Федерации и реакцией российской общественности: «На то Божья воля, и Совет улемов ДУМ РФ не видит смысла вступать в полемику» [7].

Казалось бы, на этом заявлении и отзыве фетвы можно поставить точку, однако правовое содержание богословского заключения № 4/24 заслуживает самого внимательного изучения, поскольку представляет из себя первую попытку системной адаптации института мусульманского брака к светской правовой модели Российской Федерации.

На момент написания данной статьи текст резолютивной части богословского заключения № 4/24 был размещен на официальном сайте ДУМ РФ [8], а также на официальной странице ДУМ РФ в социальной сети «ВКонтакте» от 20 декабря 2024 года [9]. Необходимо отметить, что полный текст фетвы не был официально обнародован, а с его содержанием знаком лишь ограниченный круг лиц.

Обоснование выпуска фетвы Совет улемов усматривал в злободневности вопроса полигамного мусульманского брака (никах), часто связанного с несоблюдением «...равноправия в отношении всех жен, состоящих в религиозном браке» [8].

В пункте 1 богословского Заключения № 44/24 (далее — Заключение) констатируется, что мусульманский брак не признается российским государством, не является официальным, а значит, не влечет правовых последствий. По этой причине права всех жен, состоящих в религиозном браке, не закреплены, следовательно, и не защищены правовыми инструментами. Далее Совет улемов отмечает случаи, когда считает возможным заключения религиозного

брака никаха с женщиной со стороны уже женатого мужчины. К ним относится неспособность к деторождению по различным причинам; нежелание законной супруги рожать детей; желание мужчины оказать социальную и материальную поддержку одинокой женщине и ее детям; сексуальная несовместимость супругов, находящихся в законном браке.

В пункте 3 Заключения представлены критерии допустимости многоженства, выраженные в справедливом и равноправном отношении мужа ко всем женам в религиозном браке. В таком браке всем женам обеспечивается равноценное материальное обеспечение, предоставление отдельного жилья; равное время, проведенное с каждой женой в установленной очередности. Приходится лишь констатировать сожаление в связи с отсутствием полного текста фетвы и детального описания, как в правовом отношении все эти элементы будут обеспечиваться. Также возникает вопрос о возможности заключения брачного договора с официальной женой, в котором, например, могло бы быть прописано, что доход каждого из супругов составляет его личную собственность, что позволило бы правовым способом создать материальную базу для содержания всех жен в рамках религиозного института.

Неясно из резолютивной части Заключения, о каком виде жилья для жен идет речь: «Должен ли мужчина, состоящий в исламском браке, предоставлять каждой из его жен отдельное жилье в виде дома (части дома), квартиры (части квартиры), комнаты, с позиции классификации видов жилья в рамках Жилищного кодекса Российской Федерации?». Неясно, и какого рода правоотношения должны возникать между мужем и его женой по поводу предоставления такого жилья: «Переходит ли оно по праву собственности или же предоставляется в пользование по договору?».

В пунктах 4 и 5 предписана необходимость информировать законную жену и религиозных жен/жены о факте заключения религиозной формы брака. Одновременно, согласно пункту 6 Заключения мужчина, состоящий в законном браке, при оформлении религиозного брака, обязан «...осознавать свою ответственность за то, чтобы такой шаг не привел к распаду ранее заключенного брака» [8]. Очевидно, что такая ответственность носит не правовой, а религиозный характер.

Наибольший интерес представляют 7 и 8 пункты Заключения резолютивной части фетвы. Пункт 7 касается института отцовства в религиозном браке. В частности, на мужчину,

состоящего в религиозном браке, возлагается обязанность юридически оформить отцовство своих детей, рожденных в таком браке. Безусловно, что в соответствии со статьей 49 Семейного кодекса Российской Федерации отцовство может быть установлено в судебном порядке, однако возникают ситуации, когда отдельные представители мусульманской общины к такому инструменту не прибегают и препятствуют, чтобы им воспользовалась женщина.

О содержании несовершеннолетних детей в резолютивной части Заключения ничего не говорится. Остается только предполагать, предусмотрел ли Совет улемов на этот случай рекомендации правового характера, например через использование возможности заключения соглашения о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (в соответствии с п. 2 ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации).

В 8 пункте Заключения устанавливается обязанность супругов по религиозному браку оформить завещание в отношении друг друга, предусматривающее взаимный переход в порядке наследования имущества, принадлежащего каждому из них, с учетом предписаний ислама. В этом случае также приходится с сожалением констатировать отсутствие расширенной версии документа, в которой должен присутствовать правовой механизм такого завещания. В данном случае особенно интересно, как именно Совет улемов решает вопрос обязательной доли наследства.

В целом декабрьская попытка поднять вопрос о полигамном мусульманском браке в Российской Федерации оказалась для Духовного управления мусульман Российской Федерации неудачной. Реакция средств массовой информации, общественных организаций и Генеральной прокуратуры Российской Федерации была молниеносной, что привело к тому, что полный текст декабрьской фетвы так и не был опубликован. В то же время, даже знакомство с краткой резолютивной ее частью порождает сожаление о том, что пока отсутствует возможность познакомиться с документом в целом. Намеченные правовые механизмы адаптации религиозной формы брака к существующему институту российского светского брака даже при первом приближении не выглядят невозможными. Кроме того, представляется, что разработка гражданско-правовых методов адаптации есть результат обобщения уже сложившейся правовой практики или ее элементов в российской мусульманской среде. Необходимо понимать,

что использование этих гражданско-правовых инструментов не является незаконным и не влечет каких-либо санкций со стороны государства.

Список источников

1. Муртазин А. Закрепление понятия многоженства в Конституции сформирует юридическую ответственность внутри таких семей // KAZANFIRST. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/519678> (дата обращения: 25.03.2025).
2. Муфтий Москвы предложил узаконить многоженство в России // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20190925/1559123457.html> (дата обращения: 25.03.2025).
3. Блинов М. Жириновский призвал ввести в России многоженство // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191021/1560042261.html> (дата обращения: 25.03.2025).
4. Заседание Совета улемов ДУМ РФ в декабре 2024 // Духовное управление мусульман Рязанской области. URL: <http://dumro.ru/catalogue/?id=2&article=1001617> (дата обращения: 27.03.2025).
5. Муфтий Гайнутдин прокомментировал фетву о многоженстве // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20241221/fetva-1990652000.html> (дата обращения: 27.03.2025).
6. Генпрокуратура предупредила о незаконности решения ДУМ о многоженстве // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22754095> (дата обращения: 27.03.2025).
7. Шамиль Аляутдинов. URL: https://t.me/umma_ru/8570 (дата обращения: 27.03.2025).
8. Богословское заключение № 4/24 «Проблематика многоженства в мусульманском сообществе России»: Постановление // Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Российской Федерации. URL: <https://dumrf.ru/upravlenie/documents/24470> (дата обращения: 04.01.2025).
9. Полный текст постановления Совета улемов ДУМ РФ по фетве «Проблематика многоженства в мусульманском сообществе России» // Совет Улемов ДУМ РФ. URL: <https://vk.com/sovetulemov> (дата обращения: 04.01.2025).

References

1. Murtazin A. Enshrining the concept of polygamy in the Constitution will create legal liability within such families. KAZANFIRST. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/519678> (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
2. The Mufti of Moscow proposed to legalize polygamy in Russia. RIA NOVOSTI. URL: <https://ria.ru/20190925/1559123457.html> (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
3. Blinov M. Zhirinovsky called for the introduction of polygamy in Russia. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/>

ru/20191021/1560042261.html (accessed 25.03.2025). (In Russ.).

4. Meeting of the Ulema Council of the Muslim Spiritual Directorate of the Russian Federation in December 2024. Muslim Spiritual Directorate of the Ryazan Region. URL: <http://dumro.ru/catalogue/?id=2&article=1001617> (accessed 27.03.2025). (In Russ.).

5. Mufti Gainutdin commented on the fatwa on polygamy. RIA NOVOSTI. URL: <https://ria.ru/20241221/fetva-1990652000.html> (accessed 27.03.2025). (In Russ.).

6. The Prosecutor General's Office warned of the illegality of the Muslim Spiritual Directorate's decision on polygamy. TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22754095> (accessed 27.03.2025). (In Russ.).

7. Shamil Alyautdinov. URL: https://t.me/umma_ru/8570 (access 27.03.2025). (In Russ.).

8. Theological opinion no. 4/24 "The problem of polygamy in the Muslim community of Russia": RESOLUTION. Centralized religious organization Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation. URL: <https://dumrf.ru/upravlenie/documents/24470> (accessed 04.01.2025). (In Russ.).

9. Full text of the resolution of the Council of Ulema of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation on the fatwa "The problem of polygamy in the Muslim community of Russia". Council of Ulema of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation. URL: <https://vk.com/sovetulemov> (accessed 04.01.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

К. А. Демичев — кандидат исторических наук, доцент, директор научного центра Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the author

K. A. Demichev — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the of the Scientific Center of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 342:349.2

Особенности разрешения индивидуальных трудовых споров с участием лиц, имеющих инвалидность

Кротова Екатерина Николаевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, krotova.en@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы разрешения индивидуальных трудовых споров с участием лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья. Автор раскрывает понятие и признаки трудового спора, порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров в судебном порядке, а также с участием комиссии по трудовым спорам. В статье приводится актуальное законодательство в области защиты трудовых прав инвалидов, в частности особенности привлечения к ответственности по статье 5.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Автор проводит сравнительный анализ между новой редакцией статьи 5.42 КоАП РФ от ноября 2024 года и ранее действующей редакцией, на основании чего приходит к выводу, что в настоящее время прослеживается тенденция к реформированию законодательства в сторону защиты трудовых прав и свобод инвалидов от фактов дискриминации со стороны работодателя. Проанализированы причины, служащие основанием для дискриминации инвалидов в качестве потенциальных работников (субъективные, объективные и организационные), в результате чего автором внесены предложения относительно повышения эффективности разрешения трудовых споров с участием инвалидов. В частности, особое внимание необходимо уделить финансированию тех работодателей, которые не имеют возможности привести рабочее место инвалида в соответствие с требованиями, предъявляемыми законодательством, также следует бороться с психологической дискриминацией инвалидов.

Ключевые слова: административная ответственность, дискриминация, права инвалидов, судебное разбирательство, трудовые споры

Для цитирования: Кротова Е. Н. Особенности разрешения индивидуальных трудовых споров с участием лиц, имеющих инвалидность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 100–105.

Original article

Specifics of the resolution of individual labor disputes involving persons with disabilities

Ekaterina N. Krotova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, krotova.en@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of resolving individual labor disputes involving persons with disabilities. The author reveals the concept and signs of a labor dispute, the procedure for considering individual labor

© Кротова Е. Н., 2025

disputes in court, as well as with the participation of the labor dispute commission. The current legislation in the field of protecting the labor rights of persons with disabilities is provided, in particular, the features of bringing to justice under Article 5.42 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The author conducts a comparative analysis between the new version of Article 5.42 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated November 2024 and the previously valid version, on the basis of which he comes to the conclusion that at present there is a tendency to reform the legislation towards protecting the labor rights and freedoms of persons with disabilities from discrimination by the employer. The reasons that serve as the basis for discrimination against persons with disabilities as potential employees (such as subjective, objective and organizational) are analyzed, which results in the author making his proposals to improve the efficiency of resolving labor disputes involving persons with disabilities. In particular, it is necessary to pay special attention to funding those employers who are unable to bring the workplace of a disabled person in line with the requirements of the law, and it is also necessary to combat «psychological discrimination» of disabled people.

Keywords: administrative liability, discrimination, rights of disabled people, litigation, labor disputes

For citation: Krotova E. N. Specifics of the resolution of individual labor disputes involving persons with disabilities. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 100–105. (In Russ.).

Безусловно, существование человечества без конфликтов немыслимо, причем данный тезис касается любой сферы общественных отношений. В настоящее время Российская Федерация претерпевает серьезные изменения в плане построения рыночных отношений и экономики в целом, что оказывает влияние на изменение трудовых отношений. Именно труд выступает в качестве одного из факторов производства рыночной экономики, по причине чего умалять значение трудовых конфликтов было бы не совсем уместно.

Несмотря на наличие множества способов урегулирования споров, интересы работодателя и работника не всегда совпадают, что ведет к столкновению их интересов на любой стадии трудового правоотношения. Согласно результатам анализа статистических данных Федеральной службы по труду и занятости Российской Федерации за 2024 год поступило 29 110 обращения граждан, что на 3 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года (29 888) [1]. Подавляющее большинство обращений связано с нарушением трудового законодательства (22 109), в частности, по поводам невыполнения работодателем требований относительно сроков выплаты заработной платы и иных выплат, а также несоблюдения норм пребывания на работе, приема и увольнения работников.

Рассматривая вышеприведенные статистические данные, можно сделать вывод о том, что ситуация, связанная с урегулированием трудовых споров, незначительно улучшается, однако количество обращений, касающихся, например, задержки выплаты заработной платы и других выплат, остается достаточно большим, что стимулирует, с одной стороны, государство

к реформированию трудового законодательства, установлению контроля в сфере обеспечения реализации трудовых льгот, с другой — работодателя и работника в плане соблюдения действующего законодательства, исполнения своих трудовых обязанностей. До сих пор нередкими остаются случаи дискриминации потенциальных работников по различным основаниям. С данной проблемой сталкиваются, в частности, лица, имеющие инвалидность.

Что такое трудовой спор? В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее — ТК РФ) есть определение только двух основных разновидностей трудовых споров (индивидуального и коллективного), а само понятие «трудовой спор» отсутствует, что порождает множество авторских определений этого понятия.

Возникновение любого спора связано с наличием противоборствующих точек зрения. Трудовые конфликты являются разновидностью юридических споров, поскольку имеют определенные правовые последствия для взаимодействующих субъектов. Отличительными чертами трудовых конфликтов выступают специфический субъектный состав (работник, трудоустраивающееся лицо, работодатель), сфера возникновения конфликтной ситуации (исполнение трудовых обязанностей и реализация трудовых прав), последствия (использование способов защиты трудовых прав), порядок рассмотрения. Исходя из данных характеристик, можно сформулировать определение «трудовой спор», который представляет собой разновидность юридического конфликта, возникающего между субъектами трудовых правоотношений, относительно законности и обоснованности применения и исполнения трудового законодательства.

Трудовые споры следует отличать от трудовых правонарушений, поскольку спор может возникнуть даже в случае, когда действия одного субъекта были законными, но с точки зрения другого они неправомерны. В такой ситуации факт правонарушения отсутствует, несмотря на возникновение трудового спора.

Субъектный состав трудового спора зачастую связывают с нарушением законных прав и обязанностей работника и работодателя, вместе с тем необходимо также учитывать интересы лиц, которые находятся только на этапе установления трудовых отношений. В данном случае речь идет о субъектах, намеревающихся заключить трудовой договор, в частности, о лицах, ставшими «жертвами» дискриминации по различным основаниям. Ущемление прав потенциальных работников происходит по расовым, половым, возрастным признакам. В качестве отдельной группы можно выделить лиц, имеющих инвалидность.

Безусловно, конфликты и разногласия, возникающие между участниками трудового спора, имеют определенные предпосылки для их возникновения. Однако зачастую установить истинную причину трудового спора достаточно проблематично — как правило, его порождает совокупность факторов.

Причины трудовых споров — негативные факторы, способствующие возникновению разногласий между работодателем и работником. Применительно к гражданам с ограниченными возможностями здоровья причины трудовых споров можно разделить на три группы.

1. Причины организационного характера, связанные с незнанием трудового законодательства или пренебрежительным отношением к его исполнению. В частности, со стороны работодателя происходит нарушение процедур приема, увольнения или перевода на другую должность лиц, имеющих инвалидность [2, с. 427].

Защита трудовых прав лиц, имеющих инвалидность, гарантируется широким перечнем нормативно-правовых источников. основополагающие нормы в рассматриваемой сфере зафиксированы в Федеральном законе от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», статья 24 которого гласит, что законодательство Российской Федерации устанавливает права, обязанности и ответственность работодателей в сфере занятости инвалидов.

Отдельно следует выделить Федеральный закон от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»,

в котором защите прав инвалидов полностью посвящена глава 7. В статье 38 установлена обязанность работодателей выделять квоты 2–4 % для приема на работу лиц, имеющих инвалидность, в случае, если численность работников превышает 35 человек [3].

Зачастую незнание данных законодательных источников служит причиной, по которой работодатель не принимает на работу лицо, имеющее ограниченные возможности здоровья, а квоты, которые должны быть предназначены для инвалидов, в принципе не выделяются.

2. Причины объективного характера. В ранее упомянутой статье 38 Федерального закона от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» делается ссылка на случаи, когда с работодателя снимается обязанность по выделению квоты для лиц, имеющих инвалидность. Такие случаи установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2024 года № 709 «О порядке выполнения работодателями квоты для приема на работу инвалидов» [4]. В первую очередь они связаны с ухудшением экономического положения работодателя по причине изменения хозяйственно-рыночных отношений, например, банкротство работодателя, изменение ставок по кредитным обязательствам, введение экономических санкций в отношении ряда предприятий, а также если работодатели являются общественными объединениями инвалидов и образованными ими организациями.

3. Причины субъективного характера связаны с возникновением психологического конфликта между работодателем и потенциальным работником, в частности, с формированием у работодателя стереотипного мнения относительно некачественного выполнения трудовых обязанностей лицом, имеющим инвалидность. Кроме того, многие работодатели избегают приема на работу инвалидов, поскольку для них необходимо создавать соответствующие условия труда, предоставлять льготы и обеспечивать реализацию индивидуальной программы реабилитации.

Именно причины субъективного характера в подавляющем большинстве случаев служат основой для совершения нарушений трудовых прав инвалидов. Работодатели квотируют малооплачиваемые, не пользующиеся спросом рабочие места, в результате чего лицо с инвалидностью не может найти подходящее место работы. Помимо этого, работодатели зачастую подают недостоверные сведения в органы занятости относительно свободных квотированных

рабочих мест. Все это служит предпосылками для возникновения индивидуальных трудовых споров. Рассмотрим процедуру разрешения последних более подробно.

Несмотря на наличие законодательно закрепленного определения понятия «индивидуальный трудовой спор», в науке трудового права существуют разногласия относительно того, любой ли конфликт признается таковым. В этой связи выделяют две основные точки зрения: во-первых, момент окончательного формирования трудового спора совпадает с моментом обращения в юрисдикционный орган лица, трудовые права которого, по его мнению, нарушены; до этого момента о трудовом споре говорить нельзя — это лишь разногласие сторон [5, с. 19]; во-вторых, момент возникновения трудового спора никаким образом не связан с передачей на рассмотрение такого в юрисдикционный орган (то есть трудовой спор возникает с появлением первых разногласий между работодателем и работником) [6, с. 323]. Если рассматривать индивидуальный трудовой спор с позиции понятия, которое дает законодатель, то момент подачи обращения в юрисдикционный орган играет ключевое значение, значит, именно с этого времени следует считать трудовой спор сформированным.

Индивидуальные трудовые споры имеют не только свою специфику рассмотрения, но и предмет, а также субъектов, принимающих в нем участие. Предметом индивидуального трудового спора могут быть разнообразные вопросы, связанные с осуществлением трудовой деятельности. Чаще всего к таковым относятся вопросы по поводу предоставления льгот, отпусков, оплаты труда, наложения и снятия дисциплинарных взысканий и т. д.

Субъектами индивидуального трудового спора выступают в первую очередь участники трудового договора — работник и работодатель. Однако трудовой конфликт может возникнуть также с лицом, который только намеревается заключить договор, что как раз будет относиться к таким субъектам, как лица, имеющие инвалидность.

В подавляющем большинстве случаев индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссией по трудовым спорам (далее — КТС). Это создаваемый по инициативе работника или работодателя внесудебный орган, к компетенции которого относится разрешение индивидуальных трудовых споров, если ТК РФ или иными законодательными актами не установлен иной порядок (статья 385 ТК РФ).

Всесторонность рассмотрения заявления обеспечивает возможность вызова на заседание КТС свидетелей и специалистов. При этом у работодателя есть обязанность по предоставлению в течение срока, установленного законодательством, необходимых для всестороннего рассмотрения спора документов.

Заседание КТС проводится с обязательным присутствием не менее 50 % представителей работника и работодателя, все действия заносятся в протокол, подписываемый председателем комиссии. Решение КТС принимается тайным голосованием простым большинством голосов. Срок обжалования решения КТС составляет не более десяти дней со дня получения соответствующей копии, после чего решение должно быть исполнено в течение трех дней.

В ТК РФ предусмотрены случаи, когда спор будет рассматриваться в суде. Например, когда работник сразу обращается в суд минуя КТС; если нарушение трудового законодательства зафиксировано прокурором; по заявлениям, связанным с возмещением вреда, отказом в трудоустройстве, а также дискриминации [7, с. 54].

Для подачи подобных заявлений в суд у работника есть три месяца, которые исчисляются с того момента, когда зафиксирован факт нарушения трудовых прав. Если срок пропущен по уважительным причинам, то он может быть восстановлен. Необходимо отметить, что по рассматриваемым видам споров государственная пошлина не взимается, а судебные расходы государство выплачивает самостоятельно.

Рассматривая процедуру разрешения индивидуальных трудовых споров с участием лиц, имеющих инвалидность, стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев данные вопросы решаются в судебном порядке, а не КТС, поскольку в данном случае необходимо установить присутствие или отсутствие факта дискриминации со стороны работодателя. Кроме того, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) предусматривает административную ответственность в случае нарушения прав инвалидов в области трудоустройства и занятости (статья 5.42 КоАП РФ).

Относительно недавно законодатель решил ужесточить санкцию за нарушение статьи 5.42 КоАП РФ. Так, согласно Федеральному закону от 9 ноября 2024 года № 382-ФЗ «О внесении изменения в статью 5.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» увеличен размер административного штрафа для должностных лиц до 20–30 тысяч

рублей (ранее было 2–3 тысячи рублей). Помимо этого, в санкции появилась ответственность за данное правонарушение для индивидуальных предпринимателей (30–50 тысяч рублей), для юридических лиц (50–100 тысяч рублей). Также была изменена формулировка части 1 статьи 5.42 КоАП РФ, а именно, помимо отказа в принятии на работу лица, имеющего инвалидность, в новой редакции статьи предусмотрена ответственность работодателя за невыделение квот для приема на работу инвалидов.

Несмотря на наличие большого количества правовых норм, регулирующих данную проблему, для лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, вызывает сложность доказать факт дискриминации со стороны работодателя. Последние, как правило, ссылаются на низкий уровень квалификации такого работника или на недостаточный уровень оснащённости рабочего места для инвалида.

Таким образом, в настоящее время установилась тенденция реформирования законодательства в сторону обеспечения защиты трудовых прав инвалидов, тем не менее ужесточение ответственности за совершение подобных правонарушений не позволит разрешить имеющиеся проблемы в полной мере. В данном случае необходим комплексный подход со стороны не только органов государственной власти, но и работодателей. Представляется целесообразным особое внимание уделять финансированию тех работодателей, которые не имеют возможности привести рабочее место инвалида в соответствие с требованиями, предъявляемыми законодательством. Кроме того, необходимо проводить различные просветительские мероприятия в плане борьбы с психологической дискриминацией инвалидов, поскольку, как было сказано выше, среди населения распространено мнение, что инвалиды выполняют свою работу некачественно.

Осуществление данных направлений в совокупности с уже имеющимися изменениями трудового законодательства в области защиты прав инвалидов позволит детально охватить рассматриваемую проблематику, что приведет к снижению фактов дискриминации по признаку наличия ограничений по здоровью.

Список источников

1. Обзор обращений граждан, поступивших в Федеральную службу по труду и занятости за 2024 год // Федеральная служба по труду и занятости: сайт. URL: <https://rostrud.gov.ru/room/obrashcheniya-grazhdan/>

obzor-obrashcheniy/2023/obzor-obrashcheniy-za-i-polugodie-2024/ (дата обращения: 28.01.2025).

2. Федин В. В. Трудовые споры: теория и практика: учебно-практическое пособие для бакалавриата и магистратуры. Москва: Издательство «Юрайт», 2019. 527 с.

3. О занятости населения в Российской Федерации: федеральный закон от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 51, ст. 9138.

4. О порядке выполнения работодателями квоты для приема на работу инвалидов: постановление Правительства Российской Федерации от 30 мая 2024 года № 709 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 23, ст. 3187.

5. Осипова С. В. Трудовые споры: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2019. 48 с.

6. Шаронов С. А., Рыженков А. Я. Трудовое право России: учебник для вузов / под общ. ред. С. А. Шаронова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство «Юрайт», 2023. 448 с.

7. Толкунова В. Н. Трудовые споры и порядок их разрешения. Москва: Издательство «Проспект», 2022. 128 с.

8. Гармонщиков А. В., Дулатов М. Р. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях // Достижения науки и образования. 2022. № 4. С. 125–128.

References

1. Review of citizens' appeals submitted to the Federal Labor and Employment Service for 2024. URL: <https://rostrud.gov.ru/room/obrashcheniya-grazhdan/obzor-obrashcheniy/2023/obzor-obrashcheniy-za-i-polugodie-2024> (accessed 28.01.2025). (In Russ.).

2. Fedin V. V. Labor disputes: theory and practice: an educational and practical guide for undergraduate and graduate studies. Moscow: Yurait Publishing House, 2019. 527 p. (In Russ.).

3. On employment of the population in the Russian Federation: federal law no. 565-FZ of December 12, 2023. *Collection of Legislation of the RF*, 2023, no. 51, art. 9138.4. On the procedure for employers to fulfill the quota for hiring disabled persons: Resolution of the Government of the Russian Federation no. 709 of May 30, 2024. *Collection of Legislation of the RF*, 2024, no. 23, art. 3187. (In Russ.).

4. Osipova S. V. Labor disputes: textbook. manual. Samara: Publishing House of Samara University, 2019. 48 p. (In Russ.).

5. Sharonov S. A., Ryzhenkov A. Ya. Russian labor law: a textbook for universities / under the general editorship of S. A. Sharonov. 7th ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 448 p. (In Russ.).

6. Tolkunova V. N. Labor disputes and the procedure for their resolution. Moscow: Prospekt Publ., 2022. 128 p. (In Russ.).

7. Garmonshchikov A. V., Dulatov M. R. Discrimination on the basis of disability in labor relations. *Achievements of science and education*, 2022, no. 4, pp. 125–128. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Н. Кротова — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

E. N. Krotova — Candidate of Sciences (Law), Lecturer at the Department of Administrative Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 342.951:351.82

Влияние результатов государственной поддержки ИТ-отрасли в Российской Федерации на актуализацию административно-правовой теории

Соломатина Екатерина Александровна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, katesolo@yandex.ru

Аннотация. В 2025 году на смену национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» пришел национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Новый проект направлен на обеспечение доступности передовых решений для граждан и бизнеса, создание современной модели управления на основе больших данных.

В статье проанализированы результаты государственного стимулирования ИТ-отрасли в Российской Федерации за последние шесть лет. Сформулированы выводы о том, каким образом темпы стремительного роста отдельной отрасли затрагивают все сегменты национальной экономики.

Развитие информационных технологий продолжает влиять на цифровизацию государственного управления и ее трансформацию, обосновывая необходимость в модернизации правового знания и разработке цифровой доктрины. Назрел вопрос об актуализации административно-правовой теории в соответствующих правовых конструкциях научно-правовой мысли посредством обработки результатов практической юриспруденции. При этом значительное давление испытывают устоявшиеся догмы административного права в целом и в отдельных институтах в частности, требующие пересмотра с учетом новейших информационных достижений.

Увеличение объема императивных и диспозитивных предписаний влечет за собой актуализацию теории права, науки административного права с учетом новейших тенденций, условий и вызовов настоящего времени, а также разработку систематизации норм административного права в наиболее приоритетном ИТ-направлении для доктринального изучения современного права.

Ключевые слова: результаты стимулирования, информационные технологии, ИТ-отрасль, государственная поддержка, административно-правовая теория, актуализация права, Российская Федерация

Для цитирования: Соломатина Е. А. Влияние результатов государственной поддержки ИТ-отрасли в Российской Федерации на актуализацию административно-правовой теории // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 106–111.

Original article

The impact of government support results the IT-industry in Russian Federation on updating administrative and legal theory

Ekaterina A. Solomatina

V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, katesolo@yandex.ru

Abstract. In 2025, the national program “Digital Economy of the Russian Federation” was replaced by the national project “Data Economics and Digital Transformation of the State”. The new project aims to ensure the availability of advanced solutions for citizens and businesses, and create a modern management model based on big data.

© Соломатина Е. А., 2025

After analyzing the results of government incentives for the IT industry in the Russian Federation over the past six years, the author of the article formulated the conclusions of how the rapid growth rate of a particular industry affected all segments of the national economy. The development of information technology continues to influence the digitalization of public administration and its transformation, justifying the need to modernize legal knowledge and develop a digital doctrine. There is a question of updating administrative and legal theory in the relevant legal structures of scientific and legal thought by understanding the results of practical jurisprudence. At the same time, the well-established dogmas of administrative law in general and in its individual institutions in particular are under considerable pressure, requiring their revision taking into account the latest information achievements.

The increase in the volume of imperative and dispositive prescriptions entails updating the theory of law, the science of administrative law, taking into account the latest trends, conditions and challenges of the present, as well as the development of a systematization of administrative law norms in the most priority IT area for the doctrinal study of modern law.

Keywords: results of incentives, information technology, IT-industry, government support, administrative and legal theory, updating of law, Russian Federation

For citation: Solomatina E. A. The impact of government support results the IT-industry in Russian Federation on updating administrative and legal theory. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 106–111. (In Russ.).

Принятые за последние шесть лет административно-правовые меры в Российской Федерации для стимулирования ИТ-отрасли позволили достичь значительных успехов в этом сегменте экономики.

Разработка и внедрение комплекса управленческих мер для достижения определенных стратегических задач происходили стремительно в условиях проведения специальной военной операции, преодоления иностранных экономических санкций, противодействия информационной пропаганде недружественных стран, предотвращения киберугроз, импортозамещения, повышения эффективности деятельности российских ИТ-компаний, разработки высокотехнологичной национальной продукции, расширения цифровизации в государственном управлении, увеличения объема предоставляемых государственных услуг населению, борьбы с киберпреступлениями и правонарушениями, разработки мер защиты граждан от кибермошенничества.

На ежегодном отчете Правительства Российской Федерации в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в марте 2025 года были отмечены достижения в ИТ-отрасли за прошедшие шесть лет. Она стала одной из наиболее быстрорастущих отраслей в российской экономике, увеличив вклад в валовый внутренний продукт (далее — ВВП) почти в два раза. Уровень развития ИТ-отрасли позволяет наращивать темпы цифровизации государственного управления, в электронном виде предоставлять сервисы государственных услуг миллионам российским гражданам, а также представителям бизнес-сообщества. В этом сегменте создается все больше востребованных

программных продуктов, например, с 2020 года число записей в реестре российского софта выросло в пять раз [1].

В произошедшем скачке развития ИТ-отрасли в Российской Федерации необходимо выделить несколько этапов, включавших в себя введение государственных мер ее стимулирования.

Первый этап относился к 2020 году. В его рамках были предусмотрены налоговые льготы, правительственные гранты, льготное кредитование и другие меры государственной поддержки [2].

Второй этап заключался в введении общесистемных и узко-сегментных мер административно-правовой помощи ИТ-отрасли в 2021 году, в том числе в цифровых отраслевых стандартах, а также в снижении законодательных барьеров для российского ИТ-бизнеса [3].

Третий этап, осуществленный в 2022 году, был связан с появившимися для рассматриваемого сегмента проблемами, сопряженными с внешнеполитическими и внутривнутриполитическими экстренными обстоятельствами (объявление Президентом Российской Федерации о проведении специальной военной операции, частичной мобилизации российских граждан; санкционная политика США и Европейского союза в отношении российской экономики и предпринимателей; уход западных компаний и их высокотехнологических продуктов с российского рынка; необходимость в импортозамещении; стратегическое изменение государственного управления в условиях военных действий и предотвращения информационных атак, цифровой трансформации; дефицит высокоспециализированных ИТ-специалистов и так далее) [4].

Четвертый этап относится к 2023–2024 годам, когда принимались разнообразные правовые

акты для стабилизации положительных результатов трех этапов стимулирования ИТ-отрасли [5] и последующего научно-технологического развития страны за счет, например, принятия Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [6] и обозначения политического курса на трансформацию государственного управления.

Осуществленное государственное стимулирование ИТ-отрасли предоставило широкие возможности для развития административных правовых норм, прежде всего подзаконного характера, в результате чего были достигнуты серьезные положительные результаты. Так, в первом квартале 2025 года подведены итоги развития ИТ-отрасли за 2024 год. Министр Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее — Минцифры) М. И. Шадаев, выступая в ИТ-комитете Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доложил о следующих результатах работы в 2024 году, которые мы рассмотрим для исследования достигнутых результатов ИТ-отрасли после ее активного поэтапного государственного стимулирования:

— объем продаж российских ИТ-решений и услуг увеличился на 46 % и достиг 4,5 трлн рублей;

— число сотрудников ИТ-компаний в России составило 992 тысячи человек, что на 16 % больше, чем в предыдущем году;

— доля ИТ-отрасли в ВВП страны составляет 2,4 %, за год она увеличилась на 0,3 % и имеет весьма большие перспективы для дальнейшего роста;

— инвестиции телеком-операторов в развитие телеком-инфраструктуры вернулись к доковидному уровню. В 2024 году инвестиции мобильных операторов составили 209 млрд рублей, увеличение произошло на 21 %, а фиксированных — 89 млрд рублей (рост на 15 %);

— Ростелеком установил отечественные базовые станции LTE в малочисленные населенные пункты. В рамках опытной эксплуатации на сети одного крупного коммерческого оператора связи уже эксплуатируются в тестовом режиме 200 базовых станций 4G/5G, например, на территории ВДНХ Москвы организована тестовая зона 5G. В 2025–2026 годы ожидается массовый выпуск российских базовых станций;

— на портал государственных услуг ежегодно заходят 14 миллионов пользователей, для них доступны 2,7 тыс. услуг: предоставляются 111 федеральных сервисов, 95 региональных и муниципальных. Рекордным стало

количество уплаченных через ресурс штрафов и пошлин — 169 млн рублей;

— к portalу государственных услуг подключили искусственный интеллект. Пользователям помогает сориентироваться робот Макс, который дает в день три миллиона консультаций. 70 % граждан довольны его услугами;

— согласно реализации проекта «Устранение цифрового неравенства» продолжилось строительство волоконно-оптических линий связи с целью предоставления высокоскоростного доступа к интернету. В 2024 году линии связи провели в 844 поселка с населением от 100 до 500 человек, осуществили соответствующие работы и на новых территориях;

— покрытие сотовой связью распространилось на две автомобильных трассы: М-11 «Нева» и М-12 «Восток», в перспективе — реализация больших подобных проектов;

— продолжают работы по созданию собственной российской низкоорбитальной группировки связи (интернет из космоса). В 2024 году на орбиту вывели три новых отечественных спутника, способных обеспечивать связью движущиеся объекты. Спутниковый интернет на высокой скорости станет доступен в Российской Федерации в 2027 году;

— на цифровые кафедры в 2024 году записалось 240 тысяч студентов, 153 тысячи школьников зарегистрировались как участники на курсы по обучению программированию, рассчитанные по срокам обучения от одного года до двух лет. Отмечается рост количества лиц, поступающих в вузы на ИТ-специальности;

— принят закон о введении оборотных штрафов за утечку персональных данных. Статьей 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации введена ответственность за кражу персональных данных. Легализован оборот и обработка больших персональных данных: любая работа с ними возможна только после обезличивания;

— государственные регуляторы активно блокировали фишинговые ресурсы. В первом чтении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации рассмотрен законопроект о борьбе с кибермошенничеством, направленный на защиту российских граждан;

— ужесточен оборот SIM-карт. На оформление SIM-карт для мигрантов было подано 190 тысяч обращений [1].

В качестве недостатков М. И. Шадаев обозначает тот факт, что треть субъектов критической информационной инфраструктуры

(далее — КИИ) не смогли завершить переход на отечественный софт. IT-компании столкнулись со множеством регуляторных барьеров и ограничений, которые Минцифры планирует устранить, приняв отдельный законопроект [1]. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2023 года № 966 «О дополнительных специальных экономических мерах в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» следует, что данный переход необходимо осуществить в ближайшее время, он касается четырнадцати сфер деятельности, среди которых топливно-энергетический комплекс, финансовый сектор, здравоохранение, наука, транспорт, связь и другие отрасли экономики [7].

По итогам 2024 года минимальный уровень защиты информационной безопасности имеют лишь 13 % субъектов КИИ (согласно оценкам Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (далее — ФСТЭК)). Отмечается, что это низкий показатель и уровень реализации соответствующих административно-правовых норм остается недостаточным. При этом в ноябре 2024 года ФСТЭК сообщала, что на минимально допустимом уровне защищенности находится 11 % из почти 100 обследованных субъектов КИИ. В процессе обследования регулятор выявил более 500 нарушений, возбуждено больше 150 административных дел [8].

Для аналитической оценки необходимо привести и совершенные кибератаки, которым российские компании подвергались в 2024 году. По данным центра мониторинга и реагирования на кибератаки *RED Security SOC* за год совокупное число инцидентов информационной безопасности в компаниях выросло в 2,5 раза по сравнению с 2023 годом и почти достигло 130 тысяч. Киберпреступники, действующие чаще по политическим мотивам, представляют основную угрозу для российского бизнеса: «Ежемесячно количество кибератак за прошедший год составляло около 10 тысяч, общее количество высококритичных инцидентов — за год почти 26 тысяч, примерно каждый пятый инцидент в российских компаниях мог привести к финансовому ущербу свыше миллиона рублей» [9]. Чаще всего кибератакам подвергались организации отраслей КИИ России. На них пришлось «...около 64 % от общего числа инцидентов за год, и давление на этот сегмент экономики с каждым годом усиливается. При этом рост числа хорошо подготовленных целенаправленных

атак — по сравнению с 2023 годом увеличилось примерно на 60 %» [9].

Следует отметить, что, во-первых, ключевые, набравшие для российского общества проблемы IT-отрасли (например, борьба с кибермошенничеством и утечками персональных данных) предполагают пересмотр систем и методов работы операторов связи, банков, цифровых платформ, деятельности IT-организаций, государственных регуляторов, в особенности правоохранительных органов, что в корне меняет или корректирует управленческие механизмы и активизирует междисциплинарное развитие и взаимодействие органов исполнительной власти.

Во-вторых, для науки административного права становятся значимы исследования, связанные с созданием условий для продолжения импортозамещения программного обеспечения на российских предприятиях, развития искусственного интеллекта, обеспечения кибербезопасности и другое.

В-третьих, итоги работы Минцифры как отраслевого в рассматриваемой теме органа исполнительной власти за 2024 год важны для анализа актуализации форм и методов государственного управления, так как они демонстрируют последовательность в переходе к цифровизации государственного сектора посредством развития информационных технологий.

Перечисленные достижения IT-отрасли значимы для совершенствования теоретических основ административно-правового регулирования, на актуализацию которых влияют расширение возможностей использования портала государственных услуг, увеличение количества его пользователей, обеспечение доступности электронных сервисов, упрощение оплаты государственных услуг, развитие электронного документооборота между государственными органами, степень объединения сервисов для доступа к базам данных определенных сегментов при сокращении временных и финансовых затрат, автоматизация ключевых процессов в отдельных узкопрофильных направлениях (например, «Электронное здравоохранение», позволившее упростить взаимодействие пациентов с врачами и другое), формирование иного информационного пространства для реализации процессов государственного управления, укрепление технологического суверенитета посредством внедрения цифровых решений во все сферы экономики, определение общих принципов, подходов в технологических и методологических решениях,

проведения научных дискуссий о необходимости защиты прав граждан при развитии цифрового управления.

Однако при этом, по мнению ряда экспертов, необходимо актуализировать научную работу по современным проблемам систематизации законодательства, в том числе в сфере ИТ. Так, в числе важных задач в области систематизации права Т. Я. Хабриева выделяет «...актуализацию системно-правовой теории с включением в нее новых направлений эволюции права, подготовку доктринальных оснований для нового научного консенсуса относительно дифференциации права и законодательства; выявление динамики в соотношении типичного и нетипичного в структуре и системе права; определение базовых критериев для цифровой инкорпорации правового материала и оптимизации информационно-поисковых систем правовой информации, доктринальное моделирование правовых режимов таких систем и баз данных; формирование доктринальной основы, программных и проектных решений для систематизации норм машиночитаемого права, индивидуализированного регулирования, регуляторных систем, действующих на основе интеграции человека с технологическими комплексами и базами данных» [10]. Данные вопросы необходимо решать при взаимодействии юристов и ИТ-специалистов.

Следует разработать систему оценки эффективности цифровизации органов исполнительной власти, чтобы измерять реальный положительный эффект от внедрения цифровых технологий (например, в рамках сокращения денежных и временных затрат или определения качества оказания услуг российским гражданам). Научные исследования и анализ практики применения цифровой трансформации в деятельности публичных органов власти следует активизировать в более широком масштабе, нежели чем они проводятся в настоящий момент. Для этого талантливым и мотивированным научным работникам, преподавателям и другим специалистам следует консолидировать свои усилия с позиции междисциплинарного подхода и всестороннего изучения происходящих тенденций развития ИТ-отрасли в Российской Федерации.

В этой связи современная юриспруденция вынуждена приспосабливаться и активизироваться для поиска ответов на проблемные вопросы по цифровизации, решать возникающие угрозы для цифровой безопасности, прежде всего граждан страны.

Список источников

1. Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. 25 марта 2025 года // Правительство Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/news/54597/> (дата обращения: 25.03.2025).
2. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 265-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2025).
3. Правительство утвердило второй пакет мер поддержки ИТ-отрасли. Правительство Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/43255/> (дата обращения: 18.02.2025).
4. О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 года № 83. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2025).
5. Концепция технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 года № 1315-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 25.03.2025).
6. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2025).
7. О дополнительных специальных экономических мерах в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2023 года № 966. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2025).
8. ФСТЭК рассказала о методике оценки состояния защиты КИИ URL: <https://d-russia.ru/fstjek-rasskazala-o-metodike-ocenki-sostojaniya-zashhity-kii.html> (дата обращения: 25.03.2025).
9. Хакеры усилили давление на критическую информационную инфраструктуру России — исследование // DigitalRussia: сайт. URL: <https://d-russia.ru/hakery-usilili-davlenie-na-kriticheskiju-informacionnuju-infrastrukturu-rossii-issledovanie.html> (дата обращения: 25.03.2025).
10. Хабриева Т. Я. Современные проблемы систематизации законодательства и наследие И. С. Самощенко: пленарное заседание XII Общероссийского годового собрания теоретиков права «Систематизация законодательства: от устоявшихся концепций к современным новациям (к 100-летию со дня рождения И. С. Самощенко)». URL: <https://izak.ru/institute/events/plenarnoe-zasedanin-xii-obshcherossiyskogo-godovogo-sobraniya-teoretikov-prava-sistemizatziya-zako/> (дата обращения: 25.03.2025).

References

1. Annual report of the Government to the State Duma. March 25, 2025. Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/news/54597/> (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
2. On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation: federal law no. 265-FZ of July 31, 2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
3. The Government approved the second package of measures to support the IT industry. Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/docs/43255/> (of accessed 18.02.2025). (In Russ.).
4. On measures to ensure accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation no. 83 of March 2, 2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
5. The concept of technological development for the period up to 2030: order of the Government of the Russian Federation no. 1315-r of May 20, 2023. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
6. On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 145 of February 8, 2024. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
7. On additional special economic measures in the fuel and energy sector in connection with the unfriendly actions of some foreign states and international organizations: decree of the President of the Russian Federation no. 966 of December 19, 2023. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
8. FSTEC spoke about the methodology for assessing the state of protection of critical information infrastructure URL: <https://d-russia.ru/fstjek-rasskazala-o-metodike-ocenki-sostojanija-zashhity-kii.html> (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
9. Hackers have increased pressure on Russia's critical information infrastructure – research. Channel "DigitalRussia". URL: <https://d-russia.ru/hakery-usilili-davlenie-na-kriticheskiju-informacionnuju-infrastrukturu-rossii-issledovanie.html> (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
10. Khabrieva T. Ya. Modern problems of systematization of legislation and the legacy of I. S. Samoshchenko: plenary session of the XII All-Russian annual meeting of legal theorists "Systematization of legislation: from established concepts to modern innovations (on the 100th anniversary of the birth of I. S. Samoshchenko)". URL: <https://izak.ru/institute/events/plenarnoe-zasedanin-xii-obshcherossiyskogo-godovogo-sobraniya-teoretikov-prava-sistemizatsiya-zako/> (accessed 25.03.2025) (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Соломатина — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

E. A. Solomatina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Научная статья
УДК 343

Дискуссионные проблемы ответственности сотрудника полиции за неоказание первой помощи

Агафонов Сергей Юрьевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, agafonov_sergey82@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены дискуссионные вопросы привлечения к ответственности сотрудников полиции за неоказание первой помощи. Проанализированы коллизии в законодательстве, определяющие обязанность и меру ответственности. Дана оценка этическим и правовым аспектам данной проблемы. Предложены пути совершенствования нормативно-правового регулирования и практики применения соответствующих норм.

Ключевые слова: первая помощь, сотрудник полиции, неоказание помощи, ответственность, уголовная ответственность, административная ответственность, должностные обязанности, крайняя необходимость, коллизии в законодательстве, профессиональная подготовка

Для цитирования: Агафонов С. Ю. Дискуссионные проблемы ответственности сотрудника полиции за неоказание первой помощи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 112–117.

Original article

Controversial issues of police officer liability for failure to provide first aid

Sergey Y. Agafonov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, agafonov_sergey82@mail.ru

Abstract. The article discusses controversial issues of holding police officers accountable for failure to provide first aid, analyzes conflicts in legislation that define the duty and the measure of responsibility. The ethical and legal aspects of this problem are assessed, as well as ways to improve regulatory regulation and the practice of applying relevant norms.

Keywords: first aid, police officer, failure to provide assistance, responsibility, criminal liability, administrative liability, job responsibilities, extreme necessity, conflicts in legislation, professional training

For citation: Agafonov S. Yu. Controversial issues of police officer liability for failure to provide first aid. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 112–117. (In Russ.).

© Агафонов С. Ю., 2025

В соответствии со статей 31 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» первая помощь — комплекс мероприятий, направленных на сохранение и поддержание жизни и здоровья пострадавших, проводимых при несчастных случаях, травмах, ранениях, поражениях, отравлениях, других состояниях и заболеваниях, угрожающих жизни и здоровью пострадавших, до оказания медицинской помощи [1]. Нормативное регулирование оказания первой помощи находит отражение во многих нормативных правовых актах. Так, согласно вышеуказанному нормативному правовому акту субъектами оказания первой помощи являются сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, военнослужащие и работники Государственной противопожарной службы, спасатели аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб, а также сами пострадавшие (самопомощь) или находящиеся вблизи лица (взаимопомощь).

В рамках настоящей статьи автором рассмотрены вопросы, касающиеся непосредственной обязанности сотрудников органов внутренних дел оказывать первую помощь лицам, в этом нуждающимся, а именно: основные состояния пострадавшего, при которых сотрудником полиции должна быть оказана первая помощь, основные мероприятия оказания первой помощи, а также о юридической ответственности сотрудника полиции в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им обязанности оказания первой помощи пострадавшим, проанализирована судебная практика и выдвинуты предложения и криминологические аспекты в рамках противоречивости законодательства и его применения в Российской Федерации в части, касающейся рассматриваемой нами темы.

Следует отметить, что в статье 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» сказано об обязанности сотрудника полиции оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует [2]. В данном случае «оказание» предусматривает осуществление установленного порядка определенных действий (алгоритма), установленных для различных ситуаций, основной целью которых

является сохранение жизни пострадавшего и минимизация ущерба для здоровья.

В рамках профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в учебные программы в обязательном порядке включена дисциплина «Первая помощь», в рамках которой рассматриваются основные мероприятия по оказанию первой помощи, теоретические и практические аспекты. Исходя из этого, каждый сотрудник полиции вне зависимости от подразделения, характера деятельности, времени суток обязан обладать умениями и навыками оказания первой помощи.

Следует отметить верную на наш взгляд позицию К. А. Берчанского, который справедливо указывает на парадоксальную ситуацию, заключающуюся в том, что сотрудники полиции, в отличие от большинства других профессий, несут ответственность за оказание первой помощи практически круглосуточно вне зависимости от местонахождения и выполнения служебных обязанностей. Данное обстоятельство ставит их в крайне уязвимое положение, подвергая существенным правовым рискам даже в свободное от работы время [3].

Вызывает удивление тот факт, что согласно действующему законодательству даже медицинские работники, прошедшие многолетнее обучение, обладающие глубокими знаниями анатомии, физиологии и реанимационных методик, не обязаны оказывать первую помощь вне рамок своей профессиональной деятельности. Их ответственность четко определена и ограничена рамками трудовых отношений. В противоположность этому сотрудник полиции, обнаружив человека в критическом состоянии, юридически обязан предпринять действия по оказанию первой помощи. Невыполнение этой обязанности может повлечь как административную, так и уголовную ответственность, в зависимости от обстоятельств и степени тяжести последствий. Таким образом, сотрудник полиции, даже находясь в отпуске или вне службы, фактически находится «на дежурстве» с точки зрения ответственности за оказание первой помощи.

Следует отметить, что результаты проведенных автором социологических исследований показывают, что сотрудники правоохранительных органов осуществляют первую помощь чрезвычайно редко — всего в 0,7 % случаев [4]. Кроме того, лишь 40 % сотрудников правоохранительных органов, несмотря на обязательное прохождение обучения первой помощи, считают себя способными на это [5].

Другие исследования отличаются более удручающими показателями: 48 % опрошенных сотрудников полиции не знают, что такое первая помощь в принципе, а 90 % отвечают, что при возникновении угрожающего жизни состояния ограничатся вызовом скорой помощи [6].

Особое внимание следует обратить на то, что согласно проведенному нами социологическому опросу среди 120 сотрудников полиции, проходивших профессиональное обучение (как впервые принятых на службу в органы внутренних дел, так и прибывших для повышения квалификации в Нижегородскую академию МВД России на предмет умения оказывать первую помощь и наличие практических случаев применения ими умений и навыков оказания первой помощи результаты) являются скорее негативными: 40 % опрашиваемых указали, что они обладают теоретическими знаниями правил оказания первой помощи при различных состояниях, однако вряд ли смогут применить их на практике; 30 % обладают теоретическими знаниями и практическими умениями оказания первой помощи, однако никогда их не применяли на практике; 20 % опрашиваемых воздержались от ответа, и только 10 % опрашиваемых успешно применяли свои навыки на практике. Данные показатели нельзя назвать положительными, так как менее 50 % опрашиваемых способны в определенных ситуациях оказать первую помощь, остальные опрашиваемые вряд ли эффективно окажут первую помощь при определенных ситуациях. Для исправления данной ситуации необходимо усовершенствовать учебные программы по дисциплине «Первая помощь» в рамках практического применения знаний, а также увеличить количество зачетных мероприятий по определению уровня знаний и квалификации сотрудников.

Ниже мы рассмотрим основные мероприятиями оказания первой помощи сотрудниками полиции в соответствие с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 3 мая 2024 года № 220н «Об утверждении Порядка оказания первой помощи» [7].

Оценка обстановки и обеспечение безопасных условий. Данное мероприятие заключается в определении сотрудником полиции негативных факторов воздействия на состояние пострадавшего, в предотвращении или ликвидации данных факторов, определении состояния пострадавшего для выбора дальнейшего алгоритма действий. Важно уточнить, при каких состояниях пострадавшего сотрудник полиции обязан оказывать первую помощь. К ним относятся

отсутствие сознания, отсутствие дыхания и кровообращения, различные виды наружного кровотечения, нарушение функционирования верхних дыхательных путей, вследствие наличия инородных тел в данной области, различные виды травм частей тела, состояния воздействия на организм крайних высоких и крайних низких температур, то есть ожоги и отморожения, различные виды отравлений (пищевое, химическое и т. д.). При данных обстоятельствах сотрудник полиции, учитывая характер повреждений, оказывает первую помощь.

Вызов бригады скорой помощи. В данном случае важно разделять понятия «первая помощь» и «медицинская помощь». После определения состояния пострадавшего сотрудник полиции обязан оказать комплекс срочных мероприятий, которые могут восстановить жизненные процессы, выиграть время до начала оказания высококвалифицированной помощи. Первую помощь оказывают лица, которые не имеют медицинского образования, но имеют определенные навыки в данной области.

Медицинская помощь заключается в применении специально обученными сотрудниками медицинских организаций комплекса медицинских услуг: от диагностики до профилактики определенных видов травм, повреждений и состояний пострадавших. До начала оказания первой помощи сотруднику полиции необходимо вызвать медицинских работников, чтобы повысить эффективность правила «золотого часа», то есть первые 60 минут, в течение которых медицинскому работнику необходимо оказать медицинскую помощь пострадавшему, чтобы сохранить его жизнь и уменьшить риски осложнений.

Сотруднику полиции следует установить наличие или отсутствие сознания у пострадавшего, восстановить проходимость дыхательных путей, провести сердечно-легочную реанимацию, то есть провести экстренные мероприятия, результатом не оказания которых станет причиной смерти пострадавшего.

После проведения данных мероприятий необходимо придать пострадавшему, безопасное для определенного характера травм положение тела.

Провести подробный осмотр в целях определения первопричины негативного состояния и ее дальнейшего исключения либо предотвращения негативных последствий.

До приезда бригады скорой помощи постоянно контролировать состояние пострадавшего и быть готовым к оказанию первой помощи в любой момент.

После приезда бригады скорой помощи передать им пострадавшего для дальнейшего оказания медицинской помощи.

Только при выполнении указанного комплекса мероприятий обязанность сотрудника в оказании первой помощи будет выполнена.

В рамках анализа судебной практики мы можем встретить ситуации, когда сотрудник полиции в необходимых ситуациях не оказывал первую помощь пострадавшим. Данный аспект встречается на практике довольно редко, что является положительной тенденцией, однако в рамках исследования автором были выделены особенности квалификации действий сотрудников полиции, не выполнивших свои обязанности по оказанию первой помощи пострадавшему.

Во-первых, необходимо указать то, что в статье 124 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) присутствует дефиниция, которая предусматривает уголовную ответственность за неоказание помощи больному [8]. Субъектами данного состава преступления являются и сотрудники полиции. Важным, на наш взгляд, является то факт, что ответственность наступает за неоказание помощи больному без уважительных причин и при наступлении общественно опасных последствий в виде средней тяжести вреда здоровью. Особое внимание следует обратить на отсутствие на законодательном уровне перечня уважительных причин, исключающих наступление соответствующей ответственности по рассматриваемой автором статье уголовного закона, что, по нашему мнению, является пробелом в действующем законодательстве и ведет не только к спорам в юридической науке по данному вопросу, но и к неопределенности правоприменительной практики.

Кроме того, в Российской Федерации отсутствует устоявшаяся судебная практика, которая однозначно определяла бы правомерность действий, приведших к непреднамеренному причинению вреда жизни или здоровью пострадавшего при оказании первой помощи, особенно в ситуации крайней необходимости. Это существенный пробел в законодательстве, напрямую затрагивающий сотрудников правоохранительных органов, в частности, полицейских. Отсутствие четкой правовой базы создает неопределенность и риски как для оказывающих помощь, так и для самих пострадавших [9].

Проблема усугубляется тем, что сотрудники полиции, как правило, не получают специальной подготовки по правовым аспектам оказания первой помощи. Они не осведомлены о

тонкостях применения норм права в ситуациях, когда их действия, призванные спасти жизнь или здоровье человека, невольно приводят к негативным последствиям. Это способствует возникновению ситуации, когда полицейские, опасаясь юридических последствий, могут воздержаться от оказания первой помощи, что, безусловно, противоречит гуманитарным принципам и может привести к более тяжелым последствиям для пострадавшего. Для решения данной проблемы необходимы законодательные изменения, в частности, целесообразно внесение дополнений в действующее законодательство, четко определяющих условия, при которых причинение вреда при оказании первой помощи в состоянии крайней необходимости не влечет за собой юридической ответственности.

В рамках дальнейшего анализа нормативного регулирования данного вопроса необходимо упомянуть статью 125 УК РФ, ответственность за нарушение которой наступает в случае оставления в опасности, то есть при заведомом оставлении без помощи лица, находящегося в опасном состоянии и лишенного возможности принимать меры к самосохранению [8]. Субъектом данной статьи будет являться лицо, которое в рамках определенного рода взаимоотношения с потерпевшим, обязано заботиться о нем (брачно-семейные взаимоотношения, в силу закона, профессии, рода занятий). Исходя из этого, в случае оставления человека в опасности сотрудник полиции будет привлечен к уголовной ответственности, так как в его основные обязанности входит оказание первой помощи.

Обратимся к судебной практике. В апреле 2022 года мировой суд судебного района г. Дальнегорска постановил обвинительный приговор в совершении преступления, предусмотренного статьей 125 УК РФ в отношении сотрудника полиции, который, управляя транспортным средством, совершил дорожно-транспортное происшествие, в результате которого одному из участников дорожного движения по вине водителя был причинен тяжкий вред здоровью. После чего сотрудник полиции скрылся с места происшествия, не оказал первую помощь, не вызвал сотрудников скорой медицинской помощи. В данном случае в рамках вынесенного приговора несколько раз было упомянуто о том, что данное преступное деяние совершено именно сотрудником полиции, в круг основополагающих обязанностей которого входит оказание первой помощи. В результате чего характер и размер наказания также возросли [10].

В рамках последующего анализа судебной практики автором не было найдено ни одного судебного решения, касаемого именно неоказания сотрудником полиции первой помощи пострадавшим. Вероятно, это связано с тем, что в уголовном законодательстве отсутствует специальная норма, субъектом которой является сотрудник полиции. Однако важно ответить на вопрос: «В каких именно случаях сотрудник полиции будет привлекаться к юридической ответственности за неоказание или ненадлежащее оказание первой помощи?».

Материалы судебной практики свидетельствуют о том, что будет за совершение преступления, предусмотренного статьей 293 УК РФ (Халатность). Согласно приговору Белгородского районного суда от 2014 года был осужден сотрудник полиции, являющийся оперативным дежурным дежурной части отдела полиции, который не оказал мероприятий по пресечению драки в комнате задержанных, в результате которой один из участвующих в драке скончался. Первая помощь также не была оказана [11].

Обратимся к недавней судебной практике. 24 января 2025 года Ленинским районным судом г. Нижнего Новгорода был осужден сотрудник полиции, участковый, который выехал на адрес по вызову о незаконном проникновении в жилище. После приезда на адрес между двумя мужчинами возникла драка. Сотрудник полиции не предпринял мер по остановке данных действий, а также оказанию первой помощи, в результате чего один из мужчин скончался. Сотрудник полиции также был осужден по статье 293 УК РФ (Халатность) и приговорен к наказанию в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении [12]. В данном случае в действиях сотрудников полиции и наступившими последствиями установлена причинно-следственная связь. В остальных случаях в рамках правоприменительной практики очень сложно установить данный аспект, потому что эксперты должны понять, являлись бы действия сотрудников полиции действительными, необходимы ли они были при определенных обстоятельствах, есть ли вероятность того, что в случае оказания сотрудником первой помощи возникла бы возможность избежать летальный исход пострадавшего. В связи с этим данный вопрос остается сложным, в некоторых моментах нормативно неурегулированным и требующим необходимого внимания и усовершенствования правоприменительной практики.

Особое внимание обратим на логически верное с нашей точки зрения предложение

Д. Ю. Мамонтова о необходимости издания специального приказа МВД России, регламентирующего оказание первой помощи сотрудниками полиции. Его актуальность обусловлена не только защитой самих полицейских от потенциальных обвинений в халатности или некомпетентности со стороны пострадавших, их родственников и представителей правоохранительных органов, но, что гораздо важнее, и повышением уровня качества и эффективности оказания первой помощи в критических ситуациях. Действующая практика, основанная на общих знаниях и навыках, оказывается недостаточной для обеспечения единого профессионального подхода. Приказ такого рода должен не просто перечислить обязанности, а детально расписать алгоритмы действий в различных ситуациях с учетом типов травм и угроз для жизни. Это позволит исключить любые недоразумения и предотвратить возникновение споров в будущем [6].

Таким образом, автором предложены основные меры преодоления и профилактики случаев ненадлежащего исполнения сотрудником полиции своих основополагающих обязанностей: повышение уровня профессионального обучения сотрудников полиции с внедрением высокотехнологичных инструментов обучения, большого количества практических задач; введение ежегодного экзамена для каждого сотрудника полиции, направленного на определения уровня подготовки, знаний, умений и навыков по оказанию первой помощи.

Список источников

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.01.2025).
2. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.01.2025).
3. Берчанский К. А. Правовое регулирование первой помощи и уголовной ответственности за ее неоказание. Актуальные проблемы российского права. 2022. № 17 (4). С. 86–101.
4. Ивлев А. А., Камышников А. И., Золотухина Т. В. Повышение эффективности оказания первой помощи пострадавшим в ДТП: правовые основания и возможные правовые последствия // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 259–268.
5. Лысенко К. И. Медико-организационные мероприятия первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Москва, 2011. С. 36.

6. Мамонтов Д. Ю. Сотрудник полиции как субъект неоказания помощи больному // Закон и право. 2018. № 11.

7. Об утверждении Порядка оказания первой помощи: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 3 мая 2024 года № 220н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.01.2025).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 января 2025 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.01.2025).

9. Соболева М. В. О правовом регулировании оказания первой помощи сотрудником полиции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 342–346.

10. В Дальнегорске бывший сотрудник полиции осужден за оставление человека в опасности. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_25/mass-media/news?item=73259746 (дата обращения: 27.01.2025).

11. В Белгороде сотрудник полиции осужден за халатность, повлекшую по неосторожности смерть задержанного. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_31/massmedia/news?item=196352 (дата обращения: 27.01.2025).

12. Сергеев И. Участкового Анатолия Азанова осудили за халатность с гибелью взломщика. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7446999?ysclid=m6z0prhz8b91533158> (дата обращения: 25.01.2025).

References

1. On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation: federal law no. 323-FZ of November 21, 2011. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 20.01.2025). (In Russ.).

2. On the Police: federal law no. 3-FZ of February 7, 2011. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 21.01.2025). (In Russ.).

3. Berchansky K. A. Legal Regulation of First Aid and Criminal Liability for Failure to Provide It. Actual

Problems of Russian Law, 2022, no. 17 (4), pp. 86–101. (In Russ.).

4. Ivlev A. A., Kamysnikov A. I., Zolotukhina T. V. Increasing the efficiency of first aid to victims of road accidents: legal grounds and possible legal consequences. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014, no. 4, pp. 259–268. (In Russ.).

5. Lysenko K. I. Medical and organizational measures of first aid to victims of road accidents. Author's abstract... doctor of medicine. Moscow, 2011. P. 36. (In Russ.).

6. Mamontov D. Yu. Police officer as a subject of failure to provide assistance to a patient. Law and Right, 2018, no. 11. (In Russ.).

7. On approval of the Procedure for providing first aid: order of the Ministry of Health of the Russian Federation no. 220n dated May 3, 2024. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 23.01.2025). (In Russ.).

8. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on December 28, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on January 8, 2025). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 24.01.2025). (In Russ.).

9. Soboleva M. V. On the legal regulation of first aid provided by a police officer. Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 1 (33), pp. 342–346. (In Russ.).

10. In Dalnegorsk, a former police officer was convicted of abandoning a person in danger. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_25/mass-media/news?item=73259746 (accessed 27.01.2025). (In Russ.).

11. In Belgorod, a police officer was convicted of negligence that resulted in the death of a detainee through negligence. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_31/massmedia/news?item=196352 (accessed 27.01.2025). (In Russ.).

12. Sergeev I. District police officer Anatoly Azanov was convicted of negligence resulting in the death of a burglar. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7446999?ysclid=m6z0prhz8b91533158> (accessed 25.01.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

С. Ю. Агафонов — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

S. Yu. Agafonov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.98

Характеристика способов преступлений против семьи и несовершеннолетних в системе информационно-криминалистического обеспечения их расследования

Акиев Арби Русланович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, melhi530@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

Аннотация. На основе анализа эмпирических данных и существующих исследований автором предложены дополнительные подходы (критерии) к систематизации способов преступлений против семьи и несовершеннолетних, учитывающие современные тенденции в развитии преступности рассматриваемой группы. Приведены примеры из следственно-судебной практики, иллюстрирующие различные способы совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних. Подчеркнута необходимость в детальном криминалистическом изучении высокотехнологичных способов совершения преступлений в данной сфере. Предложены подходы к систематизации способов преступлений против семьи и несовершеннолетних, которые могут быть использованы для научно-информационного обеспечения следственной деятельности, повышения эффективности анализа конкретных обстоятельств дела и выявления закономерностей, присущих различным способам совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Ключевые слова: способ преступления, криминалистическая систематизация, преступления против семьи и несовершеннолетних, вовлечение в совершение преступления, насильственные способы, ненасильственные способы, дистанционный контакт, делящиеся преступления, продолжаемые преступления

Для цитирования: Акиев А. Р. Характеристика способов преступлений против семьи и несовершеннолетних в системе информационно-криминалистического обеспечения их расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 118–125.

Original article

Characteristics of methods of crimes against the family and minors in the system of information and forensic support for their investigation

Arbi R. Akiev

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, melhi530@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

Abstract. Based on the analysis of empirical data and existing research, the author suggests additional approaches (criteria) to systematize the methods of crimes against the family and minors, taking into account current trends in the development of crime in this group. Examples from investigative and judicial practice are given, illustrating various ways of committing crimes against the family and minors. The need for a detailed forensic study of

© Акиев А. Р., 2025

high-tech ways of committing crimes in this area is emphasized. The proposed approaches to systematization of methods of crimes against the family and minors can be used for scientific and informational support of investigative activities, improving the effectiveness of analyzing specific circumstances of a case and identifying patterns inherent in various methods of committing crimes against the family and minors.

Keywords: method of crime, criminalistic systematization, crimes against the family and minors, involvement in the commission of a crime, violent methods, non-violent methods, remote contact, ongoing crimes, ongoing crimes

For citation: Akiev A. R. Characteristics of methods of crimes against the family and minors in the system of information and forensic support for their investigation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 118–125. (In Russ.).

Способ преступления является одним из центральных элементов в криминалистическом изучении преступной деятельности и ее механизма, что неоднократно подчеркивалось как зарубежными, так и отечественными учеными-криминалистами [1–3]. Именно поэтому разработка системы типовых сведений о способах совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних, основанной на анализе и обобщении эмпирических данных, представляет собой комплексную задачу, имеющую важное значение для криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Необходимо отметить, что способы совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних уже являлись объектом криминалистических исследований в прошлом [4, 5]. Несмотря на научную ценность существующих исследований, многие из них проводились много лет назад, вследствие чего представленные в них типовые сведения не в полной мере отражают современную структуру и особенности рассматриваемой преступной деятельности, трансформировавшейся в условиях интенсивного развития цифровых технологий. Кроме того, при описании способов преступлений против семьи и несовершеннолетних не всегда приводятся данные о действиях по сокрытию преступлений, выступающих элементом способа таких деяний.

Вышеизложенное приводит нас к выводу о целесообразности выработки дополнительных подходов к систематизации способов преступлений против семьи и несовершеннолетних и типовых сведений о них, имеющих значение для научно-информационного обеспечения следственной деятельности.

Важным критерием такой систематизации может выступать структура способа совершения преступления. По этому критерию можно выделить полноструктурные и усеченные (неполноструктурные) способы совершения рассматриваемых деяний.

Очевидно, что структура способов совершения конкретных преступлений против семьи и несовершеннолетних может отличаться даже применительно к деяниям одного вида. В этой связи попытки перечисления всех возможных способов совершения таких деяний в целом вряд ли будут обладать необходимой информационной завершенностью. Более продуктивным с точки зрения криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений данной группы представляется формирование у специалистов-практиков знаний о структуре способов совершения рассматриваемых деяний и об основных действиях, реализуемых на этапах подготовки, непосредственного совершения и сокрытия следов преступления. Такой подход позволит следователям и оперативным сотрудникам более эффективно анализировать конкретные обстоятельства дела и выявлять закономерности, присущие различным способам совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Проведенное эмпирическое исследование показало, что большая часть способов совершения преступлений рассматриваемой группы имела полноструктурный характер, предполагающий консолидацию единым криминальным замыслом действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления.

Усеченные (неполноструктурные) способы в большей степени характерны для ситуативных преступлений против семьи и несовершеннолетних, обусловленных неблагоприятной обстановкой, сложившейся в сфере семейных отношений, и совершаемых, как правило, со внезапно возникшим умыслом. Такие способы характерны, например, для значительной части насильственных преступлений в семье.

Опираясь на результаты проведенного эмпирического исследования, а также на данные предыдущих криминалистических исследований [6–8], можно выделить следующие особенности способов совершения насильственных

преступлений в семье: отсутствие подготовки, непродуманность и спонтанность преступных действий, которые чаще направлены на причинение вреда жизни и здоровью (либо угроз таких действий); при совершении таких преступлений в основном используются подручные предметы (столовая утварь и другие предметы, находящиеся в быту); сокрытие подобных преступлений заранее не продумывается и не планируется, а само сокрытие правильнее рассматривать как элемент уже посткриминального поведения преступника или других лиц.

Изложенное наглядно иллюстрирует следующий пример из следственно-судебной практики. В течение длительного времени тридцатилетние супруги, жители Краснодара, применяли к малолетнему сыну физическое и психологическое насилие, включая побои предметами: деревянным массажером, проводом от зарядного устройства. В результате умышленного нанесения ударов в жизненно важные органы ребенок от полученных травм скончался. Обнаружив смерть ребенка, виновные инсценировали его исчезновение: вывезли тело к реке Кубань, захоронили в песке и подали заявление о розыске [9].

Криминалистически значимой представляется систематизация способов преступлений против семьи и несовершеннолетних, исходя из особенностей контакта преступников и жертв таких деяний. Опираясь на результаты проведенного эмпирического исследования, можно выделить три способа совершения этих преступлений: при непосредственном, удаленном (дистанционном) или смешанном контакте. Каждый из этих способов имеет свои криминалистические особенности, обусловленные механизмом взаимодействия субъекта и жертвы и требующие учета при раскрытии и расследовании преступлений.

Способы преступлений против семьи и несовершеннолетних, реализуемые при непосредственном физическом контакте преступника и жертвы можно дифференцировать:

- на внутрисемейные (совершаются членами семьи в отношении друг друга);
- преступления, совершаемые лицами, не являющимися членами семьи.

Способы контакта жертвы (как правило, несовершеннолетнего) и преступника, не являющихся членами одной семьи, в свою очередь, можно подразделить:

- на сопровождаемые регулярными контактами: преступник и жертва знакомы и поддерживают постоянные или периодические отношения (например, учителя, тренеры, знакомые семьи);

— единичные контакты (эпизодическая встреча между жертвой и ранее неизвестным преступником).

Удаленный (дистанционный) контакт осуществляется с использованием современных средств связи. Этот способ часто применяется для вовлечения несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность, распространения детской порнографии, склонения к самоубийству. Примером может служить случай из Санкт-Петербурга, когда подросток оказывал техническую поддержку мошенническим колл-центрам, получая оплату в криптовалюте [10]. Также распространены случаи вовлечения подростков в диверсионную деятельность через мессенджеры, как это произошло в Красноярском крае [11] и Подмосковье [12]. Рост подобных преступлений подчеркивает необходимость в детальном криминалистическом изучении высокотехнологичных способов совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Способы преступлений против семьи и несовершеннолетних, реализуемые при смешанном контакте, являются наименее распространенными и представляют собой гибридную форму, сочетающую элементы удаленного и непосредственного взаимодействия преступника и жертвы. Как правило, преступник устанавливает контакт с жертвой (чаще с несовершеннолетним) через социальные сети или мессенджеры, используя различные приемы психологического воздействия, чтобы завоевать доверие жертвы и склонить ее к встрече. Непосредственный контакт преступника и жертвы в таких случаях является неотъемлемым элементом реализации преступного замысла при совершении деяний, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, их физическую свободу, склонение к совершению самоубийства и некоторых других (примером здесь служит дело учителя из Калининграда, который через чат онлайн-игры *Dota* вступил в переписку с 13-летней школьницей, а затем при очной встрече совершил в отношении нее преступления сексуального характера [13]).

Способы преступлений против семьи и несовершеннолетних могут быть систематизированы по субъекту их реализации. По этому признаку представляется возможным рассматриваемые способы дифференцировать на реализуемые:

- единолично;
- группой лиц без распределения преступных ролей, действующих спонтанно и не имеющих четкого плана;

— группой лиц с распределением ролей, что характерно для организованной преступной деятельности, зачастую в сфере наркоторговли (например, во Владимире была выявлена преступная группа, занимавшаяся сбытом наркотиков и вовлекавшая в свою деятельность несовершеннолетних в качестве «закладчиков»). Группа имела четкую структуру, включавшую вербовщиков, операторов, оптовых и розничных закладчиков [14].

Следующим важным критерием систематизации способов преступлений против семьи и несовершеннолетних является характер используемых орудий и средств. В их числе:

- различное оружие (огнестрельное, холодное, травматическое);
- предметы бытового, спортивного, технического и иного назначения, используемые в качестве орудий и средств преступлений;
- цифровые средства и технологии;
- цифровые ресурсы, документы и материалы, печатные издания, фото-, видео- и аудиоматериалы, используемые для оказания психологического воздействия, склонения и вовлечения в совершение противоправных действий;
- финансовые средства (включая цифровые), обеспечивающие преступную деятельность.

В зависимости от используемых орудий и средств способы преступлений могут быть разделены как на обычные (низкотехнологичные) так и на высокотехнологичные, имеющие существенные отличия с криминалистической точки зрения [15].

Другим значимым критерием криминалистической систематизации способов преступлений против семьи и несовершеннолетних выступает время их реализации, по указанному критерию можно выделять кратковременные, длящиеся, продолжаемые преступления.

Способы длящихся и продолжаемых деяний против семьи и несовершеннолетних характеризуются длительным периодом реализации, который может составлять от нескольких часов до нескольких лет. Отличия таких способов от кратковременных и между собой во многом обусловлены уголовно-правовым пониманием длящихся и продолжаемых преступлений. В данном вопросе необходимо учитывать и новую позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в постановлении от 12 декабря 2023 года № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» (далее — Постановление № 43) [16], которая важна не только для правильной уголовно-правовой

квалификации совершенных деяний, но и для разработки и совершенствования криминалистических методов и рекомендаций по установлению и доказыванию значимых обстоятельств события таких преступлений, в особенности их способа.

Длящиеся способы, в частности, характерны для преступлений, предусмотренных статьями 156, 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а также таких преступлений (отдельных составов преступлений), как похищение несовершеннолетнего, незаконное лишение свободы, использование рабского труда и некоторых других. Соответственно, способ данных преступлений будет охватывать комплекс соответствующих действий (бездействий). Например, длящееся бездействие, выражаемое в систематическом неисполнении матерью базовых потребностей младенца, включая медицинский уход, соблюдение требований гигиены, посещения с ребенком обязательных медицинских осмотров, лишение его пищи и воды, повлекло смерть ребенка и было признано Томским областным судом преступным (ст. 105, 156 УК РФ) [17].

Способы продолжаемых преступлений против семьи и несовершеннолетних отличаются более сложной структурой, представляя собой серию тождественных действий, объединенных единым умыслом, где каждое отдельное действие может содержать признаки самостоятельного преступления, но в совокупности образуют одно преступление. Примерами таких деяний являются истязание несовершеннолетних, вовлечение их в противоправную деятельность, торговля детьми, изготовление и оборот порнографических материалов с участием несовершеннолетних, а также действия сексуального характера с лицами, не достигшими 16 лет.

Согласно Постановлению № 43 совершение тождественных действий с небольшими временными интервалами одинаковым способом в отношении одного и того же объекта или предмета преступления при наличии общей цели свидетельствует о единстве умысла преступника. Важным моментом здесь является «аналогичность» способа совершения преступлений, хотя данный критерий вызывает дискуссии в юридической литературе. Некоторые авторы считают, что любое изменение способа делает каждый последующий преступный акт самостоятельным [18, с. 14]. Другие, и с этой позицией мы согласны, утверждают, что в рамках единого умысла и общей цели допустимы некоторые изменения, варьирование и совершенствование

способа совершения преступления [19]. Как отмечает П. С. Яни, в криминалистическом смысле способы продолжаемых преступлений могут отличаться, но в уголовно-правовом смысле они тождественны [20, с. 60].

Способы продолжаемых преступлений против семьи и несовершеннолетних не являются исключением и могут трансформироваться в криминалистическом аспекте (например, при совершении высокотехнологичных преступлений структура действий по подготовке, совершению и сокрытию может меняться при использовании преступниками новых технических средств и программного обеспечения, но при этом сохраняет единый преступный замысел).

Истязание является одним из видов продолжаемых преступлений против семьи и несовершеннолетних. Примером может служить уголовное дело, где мать и ее сожитель были осуждены за систематическое истязание 2-летней девочки в течение шести месяцев. Они регулярно избивали ребенка, причиняя ей физическую боль и глубокие психические страдания, выражавшиеся в страхе и ожидании насилия. Подсудимые действовали совместно, скрывая свои действия от окружающих и ограничивая контакты ребенка с другими людьми [21].

Следующим примером продолжаемого способа совершения преступления против семьи и несовершеннолетних является приговор Приволжского районного суда Казани, осудившего Р. за вовлечение 16-летней И. в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) путем устройства ее в созданное им «агентство» по оказанию сексуальных услуг. В течение года И. предоставляла сексуальные услуги мужчинам за денежное вознаграждение [22].

Важным критерием криминалистической классификации способов преступлений против семьи и несовершеннолетних является характер воздействия на жертву: насильственный или ненасильственный. Следует отметить, что такое разделение способов воздействия на несовершеннолетнего, вовлекаемого в совершение преступления (в контексте ст. 150 УК РФ) предлагалось С. А. Куемжиевой [23].

Признавая очевидный научный и практический интерес данной систематизации способов воздействия на жертву преступления, необходимо дополнить, что они характерны не только для преступления, предусмотренного статьей 150 УК РФ, но и для многих других видов преступных деяний против семьи и несовершеннолетних (например, ст. ст. 110.1, 150, 151, 151.2,

230, 240, 242 УК РФ), в том числе в части действий, обеспечивающих сокрытие преступлений. В то же время, как показывает проведенное эмпирическое исследование, преступники, осуществляя воздействие на жертву, зачастую комбинируют насильственные и ненасильственные приемы, стремясь к максимальной эффективности в достижении криминальной цели, что предполагает дополнение указанной систематизации комбинированным способом воздействия. Приведем пример из судебной практики, иллюстрирующий комбинирование ненасильственных и насильственных методов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с целью достижения желаемого преступного результата.

Гражданин Ф. предложил несовершеннолетнему А. совершить кражу из автомобиля, пообещав долю от продажи похищенного. Получив отказ, Ф., опасаясь разоблачения, прибегнул к угрозе физической расправы. Учитывая физическое превосходство Ф., А. воспринял угрозу как реальную, и под давлением согласился на участие в преступлении. Этот пример демонстрирует сочетание подкупа и угрозы применения насилия для достижения преступного результата [24].

Приведенный пример затрагивает следующую проблему, а именно уточнение отнесение отдельных приемов психологического воздействия на потерпевших к группе способов, не связанных с применением насилия. Думается, что шантаж, угрозы распространения позорящих несовершеннолетнего сведений и фактов, искусственное создание ситуаций, повлекших возникновение долговых ситуаций — это по сути также разновидности психологического насилия, подавляющие волю лица и причиняющие ему моральный вред или посягающие на его психику. Как отмечалось Ю. М. Антоном, М. И. Еникеевым и В. Е. Эминовым, психическое насилие это не только угрозы жизни и здоровью пострадавших, их близких или иных лиц, но и другие менее опасные угрозы [25, с. 54].

Также стоит отметить, что воздействие, оказываемое преступниками на потерпевших с целью подчинения их воли, может реализовываться посредством иных способов, в частности, лишение свободы или возможности совершения определенных действий, лишение сна, еды, воды, отказ возврата имущества, а также применение длительного воздействия интенсивными звуковыми или визуальными раздражителями.

Характеризуя способы преступлений против семьи и несовершеннолетних, важно подчеркнуть, что рассматриваемая преступная деятельность может представлять собой совокупность разных преступлений, посягающих на семью и несовершеннолетних. В структуру механизма такой преступной деятельности могут входить и находиться в корреляционной взаимосвязи разные способы деяний рассматриваемой группы. В частности, в криминалистической литературе достаточно подробное описание получили способы преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, похищений и торговли несовершеннолетними, доведения и склонения их к суициду, незаконного лишения свободы; деяний, посягающих на сферу вспомогательных репродуктивных технологий; ятрогенных преступлений в отношении несовершеннолетних и других деяний; преступлений, связанных и изготовлением и распространением детской порнографии.

Не ставя перед собой задачу исчерпывающего анализа существующих научных подходов к описанию способов совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних, мы акцентируем внимание на том, что предложенные в настоящем исследовании критерии и подходы к систематизации таких способов могут быть использованы для дальнейшего совершенствования криминалистической характеристики данного ключевого элемента механизма преступной деятельности. Это будет способствовать решению ряда задач криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, среди которых:

— повышение эффективности раскрытия преступлений (путем сужения круга подозреваемых; установление связи между серийными преступлениями, совершенными одним и тем же лицом или группой лиц; использования соответствующих криминалистических учетов (по способу); обучения сотрудников правоохранительных органов навыкам выявления закономерностей в способах совершения рассматриваемой группы преступлений);

— оптимизация процесса расследования (путем выдвижения обоснованных и проверяемых версий о механизме преступления, личности преступника, мотивах и целях, а также планирования следственных действий, включая назначение экспертиз, обнаружение вещественных доказательств и формулирование вопросов для допроса, исходя из способа совершения преступления);

— разработка и внедрение мер предупреждения преступлений (путем разработки профилактических мероприятий на основе обобщения информации о типичных способах совершения преступлений и информирования населения о них, а также о способах защиты от них).

Таким образом, система типовых сведений о способах совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних занимает важное место в системе информационно-криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов по их раскрытию, расследованию и предупреждению. При этом в рамках дальнейшего криминалистического изучения способов совершения таких деяний необходимо акцентировать внимание на новых способах, получающих все большее распространение, включая использование цифровых и иных высокотехнологичных, а также на серийной преступной деятельности.

Список источников

1. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1970. 30 с.
2. Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1997. 355 с.
3. Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977. 233 с.
4. Слюсарева Н. Д. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против семьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 28 с.
5. Серова Е. Б. Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних. Санкт-Петербург, 2014. Ч. 5. 76 с.
6. Пащенко А. С. Особенности расследования преступлений, связанных с домашним насилием: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 183 с.
7. Колесова А. С. Насильственные преступления в семье: криминалистический анализ. Волгоград, 2011. 151 с.
8. Щепельков В. Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // Криминалистика. 2022. № 2 (39). С. 95–103.
9. Прокуратурой Краснодарского края поддержано государственное обвинение по уголовному делу об истязании, причинении вреда здоровью и убийстве малолетнего ребенка его родной матерью и отчимом. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_23/search?article=87228409 (дата обращения: 20.03.2025).
10. Подростки обслуживали колл-центры украинских мошенников в Санкт-Петербурге. URL: <https://www.vesti.ru/article/3850075> (дата обращения: 20.03.2025).

11. Трех несовершеннолетних обвиняют в поджоге двух релейных шкафов на железной дороге в Красноярском крае. URL: <http://sledcom.ru/press/smi/item/1814364/> (дата обращения: 20.03.2025).

12. В Подмосковье задержали подростков за поджог релейного шкафа. URL: <https://ria.ru/20231222/podzhog-1917402290.html> (дата обращения: 20.03.2025).

13. Житель Калининграда получил пять лет колонии за роман с уральской школьницей. URL: <https://rg.ru/2025/02/18/reg-urfo/zhitel-kaliningrada-poluchil-piat-let-kolonii-za-roman-s-uralskoj-shkolnicej.html> (дата обращения: 20.03.2025).

14. Приговор № 1-17/2024 1-659/2023 от 18 января 2024 года по делу № 1-17/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W0vXQNLeHZQm/> (дата обращения: 20.03.2025).

15. Акиев А. Р. Криминалистические особенности высокотехнологичных преступлений против семьи и несовершеннолетних // Юристы-Правоведь. 2024. № 3 (110). С. 87–92.

16. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о делящихся и продолжаемых преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43 // Российская газета. 2023. № 291.

17. Приговор № 2-21/2019 2-7/2020 от 10 августа 2020 года по делу № 2-21/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uMv36CIMZAbW/> (дата обращения: 20.03.2025).

18. Залов А. Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 28 с.

19. Кулагин А. Н., Ображиев К. В. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы нормативной регламентации и квалификации. Москва: Юрлитинформ, 2019. 149 с.

20. Яни П. С. Неоднократное получение незаконного вознаграждения: совокупность преступлений, продолжаемое взяточничество // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией: сборник научных трудов. Саратов: Сагелит, 2009. С. 59–63.

21. Приговор № 2-34/2017 от 2 ноября 2017 года по делу № 2-34/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SbxD9SMeoc5T/> (дата обращения: 20.03.2025).

22. Приговор № 1-120/2019 от 10 июня 2019 года по делу № 1-120/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8973NmRUYNm5/> (дата обращения: 20.03.2025).

23. Куемжиева С. А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 496 с.

24. Приговор № 1-627/2019 от 6 декабря 2019 года по делу № 1-627/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VNOeP5qFTKoi/> (дата обращения: 20.03.2025).

25. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. Москва: Пенатес-Пенаты, 2000. 451 с.

Reference

1. Zuikov G. G. Forensic Doctrine of the Method of Committing a Crime. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 1970. 30 p. (In Russ.).

2. Kustov A. M. Forensic Doctrine of the Mechanism of a Crime. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 1997. 355 p. (In Russ.).

3. Zhordania I. Sh. Structure and Legal Significance of the Method of Committing a Crime. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1977. 233 p. (In Russ.).

4. Slyusareva N. D. Forensic Support for Investigating Crimes against the Family. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2013. 28 p. (In Russ.).

5. Serova E. B. Forensic Aspects of Counteracting Crimes against the Family and Minors. Saint Petersburg, 2014. Part 5. 76 p. (In Russ.).

6. Pashchenko A. S. Features of the investigation of crimes related to domestic violence. Dissertation... candidate of legal sciences. Volgograd, 2005. 183 p. (In Russ.).

7. Kolesova A. S. Violent crimes in the family: forensic analysis. Volgograd, 2011. 151 p. (In Russ.).

8. Shchepelkov V. F. Combating domestic violence in the Russian Federation: status and prospects. *Criminalist*, 2022, no. 2 (39), pp. 95–103. (In Russ.).

9. The Prosecutor's Office of the Krasnodar Territory supported the state prosecution in a criminal case on torture, harm to health and murder of a minor child by his biological mother and stepfather. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_23/search?article=87228409 (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

10. Teenagers serviced call centers of Ukrainian fraudsters in Saint Petersburg. URL: <https://www.vesti.ru/article/3850075> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

11. Three minors are accused of setting fire to two relay cabinets on the railway in Krasnoyarsk Krai. URL: <http://sledcom.ru/press/smi/item/1814364/> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

12. Teenagers were detained in the Moscow region for setting fire to a relay cabinet. URL: <https://ria.ru/20231222/podzhog-1917402290.html> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

13. A resident of Kaliningrad received five years in prison for an affair with a Ural schoolgirl. URL: <https://rg.ru/2025/02/18/reg-urfo/zhitel-kaliningrada-poluchil-piat-let-kolonii-za-roman-s-uralskoj-shkolnicej.html> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

14. Sentence no. 1-17/2024 1-659/2023 of January 18, 2024 in case no. 1-17/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W0vXQNLeHZQm/> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

15. Akiyev A. R. Forensic features of high-tech crimes against the family and minors. *Yurist-Pravoved*, 2024, no. 3 (110), pp. 87–92. (In Russ.).

16. On some issues of judicial practice in criminal cases on ongoing and continuing crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 43 of December 12, 2023. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, no. 291. (In Russ.).
17. Sentence no. 2-21/2019 2-7/2020 of August 10, 2020 in case no. 2-21/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uMv36CIMZAbW/> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).
18. Zalov A. F. Criminal-legal characteristics of a continuing crime. Author's abstract... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2017. 28 p. (In Russ.).
19. Kulagin A. N., Obrazhiev K. V. Continuous crimes: criminal-legal characteristics, problems of normative regulation and qualification. Moscow: Yurlitinform, 2019. 149 p. (In Russ.).
20. Yani P. S. Repeated receipt of illegal remuneration: a set of crimes, continuing bribery. Criminal-political, criminal-legal and criminological problems of the fight against modern crime and corruption: a collection of scientific papers. Saratov: Satellite, 2009. Pp. 59–63. (In Russ.).
21. Sentence no. 2-34/2017 of November 2, 2017 in case no. 2-34/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SbxD9SMeoc5T/> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).
22. Sentence no. 1-120/2019 of June 10, 2019 in case no. 1-120/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8973NmRUYNm5/> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).
23. Kuemzhieva S. A. Conceptual foundations of the group methodology for investigating crimes against the family and minors. Dissertation... doctor of legal sciences. Krasnodar, 2020. 496 p. (In Russ.).
24. Sentence no. 1-627/2019 of December 6, 2019 in case no. 1-627/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VNOeP5qFTKol/> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).
25. Antonyan Yu. M., Enikeev M. I., Eminov V. E. Psychology of crime and punishment. Moscow: Penates-Penaty, 2000. 451 p. (In Ruuss.).

Информация об авторе

A. P. Akuev — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России.

Information about the author

A. R. Akiev — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.8

О сохранении и восстановлении детско-родительских отношений женщин, осужденных к лишению свободы, в случае ограничения или лишения их родительских прав: проблемы и пути их решения

Борченко Вера Алексеевна¹, Глебова Екатерина Викторовна²

^{1,2}Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия,

¹borchenko.vera@yandex.ru

²kolesnyak@yandex.ru

Аннотация. В статье 38 Конституции Российской Федерации определен основной вектор движения государства, выражающийся в гарантии защиты материнства, детства и семьи, а также оказании им государственной поддержки. Семья выступает основным начальным социальным институтом, формирующим личность человека, его взгляды, отношение к нормам права и другим гражданам. От политики развития и обеспечения института семьи в целом зависит судьба общества. На семейные узы и взаимоотношения оказывают влияние такие факторы, как социальное неравенство, военно-политическое противостояние, финансовый кризис, трудная жизненная ситуация и т. д. Все указанное негативно влияет на супружеские и детско-родительские отношения и ведет к повышению напряженности и конфликтности во взаимоотношениях.

Актуальными направлениями в развитии политики государства являются сохранение и укрепление детско-родительских отношений во всех сферах жизни.

Нами представлен анализ действующего законодательства и сложившейся практики по организации работы, направленной на сохранение и восстановление детско-родительских отношений женщин, осужденных к лишению свободы, в случае ограничения или лишения их родительских прав.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, ограничение родительских прав, лишение родительских прав, осужденные женщины

Для цитирования: Борченко В. А., Глебова Е. В. О сохранении и восстановлении детско-родительских отношений женщин, осужденных к лишению свободы, в случае ограничения или лишения их родительских прав: проблемы и пути их решения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 126–131.

© Борченко В. А., Глебова Е. В., 2025

Original article

On preservation and restoration of parent-child relations of women sentenced to imprisonment in the event of restriction or deprivation of their parental rights: problems and solutions

Vera A. Borchenko¹, Ekaterina V. Glebova²

^{1, 2}Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russian Federation

¹borchenko.vera@yandex.ru

²kolesnyak@yandex.ru

Abstract. Article 38 of the Constitution of the Russian Federation defines the main vector of the state's movement, expressed in the guarantee of protection of motherhood, childhood and family, as well as the provision of state support to them. The family is one of the most basic and initial social institutions that shape a person's personality, his views, attitude to the rule of law and other citizens. The development of society as a whole depends on the policy of development and provision of the institution of the family. Meanwhile, family ties and relationships are influenced by such factors as social inequality, military and political confrontation, financial crisis, difficult life situation, etc. This has a negative impact on marital and parent-child relationships and leads to increased tension and conflict in relationships.

A current direction in the development of state policy is the preservation and strengthening of parent-child relationships in all spheres and areas of life.

We present an analysis of the current legislation and established practice in organizing work aimed at preserving and restoring parent-child relationships of women sentenced to imprisonment in the event of restriction or deprivation of their parental rights.

Keywords: parent-child relationships, restriction of parental rights, deprivation of parental rights, convicted women

For citation: Borchenko V. A., Glebova E. V. On preservation and restoration of parent-child relations of women sentenced to imprisonment in the event of restriction or deprivation of their parental rights: problems and solutions. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 126–131. (In Russ.).

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации в соответствии с международными стандартами обращения с лицами, находящимися в местах лишения свободы, уделяет большое внимание сохранению и укреплению социальных связей осужденных, включая семейные, родственные и детско-родительские отношения. Поддержание этих контактов рассматривается как значимый фактор позитивного воздействия на личность заключенного в период отбывания наказания.

Для исправления и адаптации осужденного важную роль играют социально-полезные связи, сохранению и укреплению которых активно содействуют сотрудники исправительных учреждений в лице специалистов воспитательных, социальных и психологических служб. Заранее прорабатываются вопросы, связанные с визитами родственников и близких людей к осужденным, а также принимаются меры по восстановлению разорванных родственных и дружеских уз.

Часть 1 статьи 63 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) установлено,

что родители не только имеют право, но и несут обязанность по воспитанию своих детей, их развитию и заботе об их здоровье как физическом, так и психическом, духовном и нравственном. На родителей возлагается ответственность за благополучие и полноценное развитие подрастающего поколения [1].

В случаях, когда родители не исполняют свои обязанности должным образом, семейное законодательство предусматривает различные меры ответственности, вплоть до ограничения или лишения родительских прав. Согласно статье 73 СК РФ в целях защиты интересов ребенка суд может принять решение об ограничении родительских прав, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и др.).

Кроме того, ограничение родительских прав допускается также в случаях, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для

ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав. Если поведение родителей не меняется в лучшую сторону, то орган опеки и попечительства обязан по истечении шести месяцев с момента вынесения судом решения об ограничении родительских прав подать иск о лишении родительских прав. При этом в интересах ребенка орган опеки вправе инициировать процесс лишения родительских прав и ранее указанного срока.

Лишение родительских прав является крайней мерой, применяемой для защиты ребенка от ненадлежащего обращения со стороны родителей. Решение о лишении родительских прав может быть принято исключительно судом и влечет за собой серьезные правовые последствия для всех сторон. Обязательными условиями для применения данной меры являются наличие вины со стороны родителя и отсутствие желания изменить свое поведение в лучшую сторону [2].

Статья 69 СК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав, и этот список не подлежит расширительному толкованию.

В случае вынесения судом решения о лишении родительских прав, родители (или один из них) утрачивают не только те права, которые были у них до совершеннолетия детей, но и все другие права, связанные с родством с ребенком. Это распространяется на права, вытекающие как из семейных, так и из других видов правоотношений, таких как гражданские, трудовые и пенсионные. В частности, утрачивается право на льготы и пособия, предназначенные для граждан с детьми, а также право на получение содержания от совершеннолетних трудоспособных детей.

Нахождение в местах лишения свободы создает значительные трудности для осужденных родителей в плане полноценного осуществления своих родительских прав и обязанностей, тем не менее сам факт наличия судимости не может служить достаточным основанием для лишения или ограничения родительских прав. В ситуации если родители отбывают наказание в виде лишения свободы, ребенок передается под опеку или попечительство. Назначенные законные представители наделяются правами и обязанностями аналогичными правам и обязанностям биологических родителей.

На органы опеки и попечительства возложены контрольные функции за тем, как реализуются права и законные интересы ребенка,

находящегося под опекой или попечительством, а также за исполнением обязанностей самими опекунами или попечителями. Осужденные родители не могут напрямую контролировать действия опекуна (попечителя), однако имеют право обратиться с жалобой в орган опеки и попечительства, а впоследствии и в суд, если считают, что действия этих лиц нарушают права ребенка (п. 3 ст. 148.1 СК РФ). Кроме того, у осужденных родителей сохраняется право обращаться за защитой прав ребенка в прокуратуру, к Уполномоченному по правам ребенка (далее — УПР), а также к Уполномоченному по правам человека.

К УПР регулярно поступают обращения матерей, которым препятствуют в поддержании детско-родительских отношений со своими детьми. Кроме того, увеличивается количество обращений осужденных женщин, испытывающих сложности в получении информации о своих детях, возобновлении контакта с ними.

Анализ поступивших УПР обращений, а также результатов выездного мониторинга положения детей в субъектах Российской Федерации предполагает наличие следующих особенностей в практике по поддержанию или восстановлению взаимоотношений родителей с детьми и родственниками:

— бесосновательное установление препятствий к общению ребенка с отбывающим наказанием родителем как со стороны опекунов (попечителей), так и органов опеки и попечительства;

— наложение запретов на общение детей с родителями, лишенными родительских прав, даже в тех случаях, когда рассматривается возможность восстановления этих прав;

— недостаточное использование уполномоченными органами и учреждениями доступных правовых механизмов для организации и поддержки процесса общения между детьми и родителями, находящимися в трудной жизненной ситуации;

— бездействие органов опеки и попечительства в части поиска родственников несовершеннолетнего, проработки опеки (попечительства) родственников в отношении несовершеннолетнего [3].

Согласно статье 100 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УИК РФ) [4] для поддержания детско-родительских отношений в местах лишения свободы могут быть организованы дома ребенка. В этих учреждениях создаются условия, необходимые для нормальной жизни и развития детей. Дети осужденных женщин

могут находиться в домах ребенка при исправительных учреждениях до достижения ими возраста четырех лет. Им может быть разрешено совместное проживание с матерями, а также общение с ними в свободное от работы время без каких-либо ограничений.

Анализ действующей нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность по поддержанию и восстановлению связей между матерями, находящимися в местах лишения свободы, и их детьми, обнаруживает отсутствие четко определенных законодательством обязанностей осужденных женщин по отношению к детям, находящимся вместе с ними в исправительных учреждениях. Не установлены полномочия администрации колонии в этой сфере, не прописана процедура взаимодействия с органами опеки и попечительства, а также отсутствуют положения в УИК РФ, позволяющие применять какие-либо меры воздействия в подобных ситуациях. Таким образом, осужденная может избегать исполнения обязанностей по воспитанию ребенка, при этом используя факт наличия у нее ребенка как аргумент для смягчения условий отбывания наказания, что предусматривается статьями 88, 99, 107 и пунктом 7 статьи 117 УИК РФ. Схожей точки зрения придерживаются О. В. Шляпкинова и Н. А. Сидорова, указывая на возможность злоупотребления осужденной своим положением матери для получения различных льгот, при этом отсутствует эффективный механизм для корректировки такого поведения [5].

Другая проблема, возникающая при реализации родительских прав женщинами, отбывающими наказание, связана с действиями законных представителей ребенка (отца, опекунов, попечителей, приемных родителей), которые могут препятствовать общению осужденной матери со своим ребенком. Признавая, что такие встречи могут быть эмоционально сложными для ребенка, особенно важным становится построение конструктивной работы в первую очередь в интересах самого ребенка. Эта работа должна обеспечиваться согласованным взаимодействием между администрацией исправительного учреждения и органами опеки и попечительства при возможном участии некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на сохранение или восстановление отношений ребенка с матерью.

Уголовно-исполнительное законодательство предоставляет осужденным женщинам возможность общаться с детьми посредством писем, посылок, телефонных звонков, краткосрочных

и длительных свиданий. При этом привезти ребенка на свидание — это право, а не обязанность опекуна, что предоставляет им возможность для визуального общения.

Если отказ в общении с ребенком представляется необоснованным, то осужденная женщина вправе направить обращение в орган опеки и попечительства, а также в Комплексный центр социального обслуживания населения по месту жительства ребенка, в котором она может просить об устранении препятствий к общению и установлению порядка такого общения. Рекомендуются предложить органу опеки альтернативные варианты поддержания контакта с ребенком, такие как регулярная переписка (еженедельные или ежемесячные письма и посылки), телефонные звонки, включая возможность использования видеосвязи или другие способы, которые родитель считает подходящими в данной ситуации и не противоречащими закону. В обязанности органа опеки и попечительства входят анализ полученной информации, проведение работы с опекуном с целью выработки оптимальной модели общения между матерью и ребенком, учитывающей интересы обеих сторон.

На основании изложенного необходимо подчеркнуть, что осужденным женщинам важно поддерживать активный контакт с ребенком. В этих целях УИК РФ закреплено право осужденных на переписку, телефонные переговоры, краткосрочные и длительные свидания.

В целях сохранения и восстановления детско-родительских отношений женщин, осужденных к лишению свободы, в случае ограничения или лишения их родительских прав представляется целесообразным принятие следующих мер.

Во-первых, предоставление осужденным женщинам, изъявившим желание восстановить свои права и обязанности по воспитанию и уходу за ребенком, квалифицированной юридической помощи, комплексной социальной помощи, в том числе при взаимодействии с юридическими клиниками образовательных организаций, органами опеки и попечительства. Данная мера поможет осужденным женщинам с низким уровнем правовой грамотности корректно обращаться в суд с заявлением о восстановлении своих родительских прав.

Во-вторых, проведение психологами исправительных учреждений во взаимодействии с некоммерческими организациями тренингов, направленных на формирование у женщин, освобождающихся из исправительных учреждений, сознательного отношения к личной

безопасности и безопасности окружающих, неприятия любых форм насилия, развития навыков конструктивного общения, снижения рисков деструктивного поведения, пропаганды семейных ценностей. Это соответствует требованиям статьи 15 Федерального закона Российской Федерации от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [6].

В этой связи стоит отметить, что на сегодняшний день закон о пробации в анализируемой сфере недостаточно доработан, о чем говорят и ученые-теоретики, и практические сотрудники, что не умаляет значимости и важности данного нормативного правового акта [7]. Соответственно, для реализации вышеуказанных мероприятий по работе с женщинами, освобожденными из исправительных учреждений, необходимо выработать эффективный механизм.

В-третьих, оказание органами опеки и попечительства содействия женщинам, содержащимся в исправительных учреждениях и лишенным родительских прав, но желающим восстановиться в этих правах, в случаях если супруг, родственники или опекун (попечитель) препятствуют этому.

В-четвертых, законодательно закрепить право родителя, лишенного родительских прав, на общение с детьми, если оно не наносит вред его физическому и моральному развитию, а также не противоречит интересам самого ребенка. Такая мера способствует решению вопроса, касающегося препятствования родственников или другого супруга в поддержании общения осужденной женщины с ребенком, так как будет законное основание на такое общение.

В-пятых, предлагается дополнить УИК РФ отдельной главой, предусматривающей особенности отбывания наказания женщинами, содержащимися в исправительных учреждениях совместно с детьми по аналогии с нормами главы 17 УИК РФ «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях».

В предлагаемой главе необходимо определить:

— родительские права и обязанности осужденных женщин в период их совместного содержания с детьми, включая обязательное посещение детей в свободное от работы время;

— порядок ограничения или лишения родительских прав в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения осужденной женщиной родительских обязанностей, при систематическом нарушении правил внутреннего распорядка или в случае нарушений, за которые

осужденная женщина может быть водворена в штрафной изолятор, признана злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания;

— порядок взаимодействия по данным вопросам с органами опеки и попечительства по месту дислокации исправительного учреждения.

Список источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (с изм. от 23 ноября 2024 года). Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 28.03.2025).

2. Марценюк И. В. Ограничение родительских прав, лишение родительских прав, основания ограничения и лишения родительских прав, правовые последствия ограничения и лишения родительских прав // Актуальные исследования. 2024. № 12-3 (124). С. 38–41.

3. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2023 году. URL: <https://deti.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-306-src-1717497135.5379> (дата обращения: 28.03.2025).

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 года № 1-ФЗ (ред. от 20 декабря 2024 года). Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 28.03.2025).

5. Шляпникова О. В., Сидорова Н. А. Пробелы в правовом регулировании отбывания наказания осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 126–130.

6. О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ (с изм. от 29 мая 2024 года). Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 28.03.2025).

7. Брылева Е. А. Взаимодействие органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с гражданским обществом по вопросам ресоциализации женщин, вернувшихся из мест лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 1. С. 24–28.

References

1. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, no. 223-FZ (as amended on November 23, 2024). Access from the reference legal system "Garant" (accessed 28.03.2025). (In Russ.).

2. Martsenyuk I. V. Restriction of parental rights, deprivation of parental rights, grounds for restriction and deprivation of parental rights, legal consequences of restriction and deprivation of parental rights. *Current research*. 2024, no. 12-3 (124), pp. 38–41. (In Russ.).

3. Report on the activities of the Presidential Commissioner for Children's Rights of the Russian Federation in 2023. URL: <https://deti.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-306-src-1717497135.5379> (accessed 28.03.2025). (In Russ.).

4. Criminal Executive Code of the Russian Federation no. 1-FZ of January 8, 1997 (as amended on December 20, 2024). Access from the reference legal system "Garant" (accessed 28.03.2025). (In Russ.).

5. Shlyapnikova O. V., Sidorova N. A. Gaps in the legal regulation of serving sentences by convicted pregnant women and women with young children in

correctional institutions on the territory of the Russian Federation. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2016, no. 5 (112), pp. 126–130. (In Russ.).

6. On probation in the Russian Federation: federal law no. 10-FZ of February 6, 2023 (as amended on May 29, 2024). Access from the reference legal system "Garant" (accessed 28.03.2025). (In Russ.).

7. Bryleva E. A. Interaction of bodies and institutions of the penal system with civil society on issues of resocialization of women who returned from places of imprisonment. *Bulletin of the criminal executive system*, 2025, no. 1, pp. 24–28. (In Russ.).

Информация об авторах

В. А. Борченко — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России;

Е. В. Глебова — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России.

Information about the authors

V. A. Borchenko — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;

E. V. Glebova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Научная статья
УДК 342.9

Совершенствование публично-правового регулирования содержания потенциально опасных собак в Российской Федерации

Дизер Олег Александрович¹, Гайдов Дмитрий Вадимович²

¹Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия, rio.belui@mail.ru

²Административно-правовое управление Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, dgaidov@mvd.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса развития публично-правового регулирования содержания потенциально опасных собак в Российской Федерации. В частности, рассмотрены действующие нормы и законодательные инициативы, направленные на совершенствование отношений в этой сфере.

Предметом исследования выступают правовые нормы, регламентирующие содержание потенциально опасных собак. Проанализированы положения правовых норм, содержащихся в Федеральном законе от 27 декабря 2018 года № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», дана оценка их содержанию и достаточности для эффективного регулирования общественных отношений в рассматриваемой области. Приведены взгляды отечественных ученых-полицистов, исследован опыт зарубежных стран по нормативному регулированию вопросов содержания потенциально опасных собак. Выявлены типичные правовые инструменты, обеспечивающие повышение уровня безопасности содержания потенциально опасных собак. Проанализированы частные, специальные инструменты, применяемые в отдельных странах. Отражены используемые в зарубежной практике подходы к определению уровня опасности собак, их категоризации в зависимости от характера потенциальных последствий.

По результатам проведенной работы сформулированы предложения по совершенствованию публично-правового регулирования и норм законодательства о содержании потенциально опасных собак в Российской Федерации.

Ключевые слова: потенциально опасные собаки, содержание опасных животных, требования к владельцам животных

Для цитирования: Дизер О. А., Гайдов Д. В. Совершенствование публично-правового регулирования содержания потенциально опасных собак в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 132–141.

© Дизер О. А., Гайдов Д. В., 2025

Original article

Improving the public-legal regulation of keeping potentially dangerous dogs in the Russian Federation

Oleg A. Dizer¹, Dmitry V. Gaidov²

¹Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russian Federation, rio.belui@mail.ru

²Administrative and Legal Department of the Contractual and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, dgaidov@mvd.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of public legal regulation of the maintenance of potentially dangerous dogs in the Russian Federation. In particular, the current norms and legislative initiatives aimed at improving relations in this area are being considered.

The subject of the study is the legal norms governing the maintenance of potentially dangerous dogs. For these purposes, the provisions of the legal norms contained in federal law no. 498-FZ dated December 27, 2018 "On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" are analyzed, their content and sufficiency for effective regulation of public relations in the field under consideration are assessed. The article also presents the views of domestic police scientists, examines the experience of foreign countries in regulating the maintenance of potentially dangerous dogs, identifies typical legal instruments that improve the safety of potentially dangerous dogs, and describes private, special tools used in individual countries. The article reflects the approaches used in foreign practice to determine the danger of dogs, their categorization depending on the nature of potential consequences.

Based on the results of the work carried out, proposals are being formulated to improve public law regulation and improve legislation on the maintenance of potentially dangerous dogs in the Russian Federation.

Keywords: potentially dangerous dogs, dogs, keeping dangerous animals, requirements for animal owners

For citation: Dizer O. A., Gaidov D. V. Improving the public-legal regulation of keeping potentially dangerous dogs in the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 132–141. (In Russ.)

К вопросу законодательного регулирования достойного содержания животных к установлению их правового режима общество естественным образом возвращается в рамках научно-политического дискурса о наличии у зверей сознания, формирования отношения к ним как к субъектам права, способным переживать и ощущать физические и эмоциональные страдания. Человечество прошло долгий путь к пониманию того, что животные — это существа в чем-то похожие на людей. Начало этого пути в определенной степени положило высказывание французского философа-метафизика Н. Мальбранша о сущности животных: «Они едят без удовольствия, плачут без боли, растут, не осознавая этого, они ничего не желают, ничего не боятся, ничего не знают» [1].

В настоящее время в законодательстве зарубежных стран нашли отражение вопросы правосубъектности домашних животных, их регистрации, страхования ответственности за причинение вреда, установления налога на их содержание, периодического медицинского обследования и вакцинации, чипирования [2].

15 мая 2002 года в Основной закон Федеративной Республики Германия были внесены

изменения, дополняющие статью 20 а положениями, гарантирующими защиту отдельного животного от страданий, вреда или боли, которых можно избежать. Германия стала первым государством, закрепившим конституционное право отдельного животного на защиту, что подчеркивает ответственное обращение человека и общества с животными. Способность испытывать боль и чувствовать, особенно у высокоразвитых животных, диктует необходимость в соблюдении минимальных этических норм в человеческом поведении [3].

На сегодняшний день можно констатировать, что в Российской Федерации правовая регламентация отношений, связанных с содержанием домашних животных, только формируется. 27 декабря 2018 года Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 498-ФЗ), закрепивший основные понятия и принципы обращения с животными. Принятие ФЗ № 498-ФЗ стало долгожданным историческим событием, первым шагом к комплексному правовому регулированию

на федеральном уровне содержания, использования и охраны животных [4].

Вместе с тем значительная часть аспектов совместного проживания людей и животных осталась неохваченной ФЗ № 498-ФЗ [5], а некоторые вопросы, нуждающиеся в правовой регламентации, не получили юридического разрешения в полной мере. В качестве одного из таких аспектов выступает институт содержания потенциально опасных собак, имеющий высокий дискуссионный потенциал и разделяющий общество на две радикализованные группы: тех, кто считает, что их питомец не опасен, обосновывая этим, в частности, отсутствие намордника, и тех, кто высказывает по этому поводу серьезные опасения.

ФЗ № 498-ФЗ дает определение термину «потенциально опасная собака»: это «...собаки определенных пород, их гибриды и иные собаки, представляющие потенциальную опасность для жизни и здоровья человека и включенные в перечень потенциально опасных собак, утвержденный Правительством Российской Федерации» [6]. При этом специальные условия содержания такой категории собак и особые требования к их владельцам не устанавливаются.

Отметим, что в иных отраслях российского права, регулирующих деятельность правоохранительных органов, собака выступает в качестве специального средства, использование которого обеспечивает меры государственного принуждения [7]. Право применения собаки как специального средства предоставляется федеральным законом. Например, полиции соответствующее право дано статьей 21 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», предусматривающей также и случаи, в которых служебные собаки могут быть применены [8]. Порядком обращения со служебными животными в органах внутренних дел Российской Федерации определены должностные лица, уполномоченные на применение служебных собак, а также условия их применения [9]. Применение служебных собак, как и иных специальных средств (например, палок специальных, электрошоковых устройств, специальных газовых средств), связано с оказанием имobilизирующего воздействия на человека [10], что ограничивает гражданские права и создает риски причинения вреда здоровью. Указанные обстоятельства формируют повышенные требования к компетенции лица, применяющего служебную собаку, и определяют пределы ее применения.

Происходящие системные изменения в социально-политической и экономической сферах жизни общества требуют переосмысления роли органов публичной власти государства в обеспечении прав и свобод граждан. Это обстоятельство обуславливает обращение к полицистике, предметом которой главным образом являлось обеспечение благосостояния не только всего общества, но и отдельного человека.

Сегодня изучение истории полицейской деятельности приобретает важное значение в связи с формированием современной парадигмы защиты прав граждан. Среди факторов, определяющих ее формирование, ведущее место должно отводиться устоявшимся национально-историческим традициям. По мнению ученого-полициста Э. Биттнера, обращение к истории полиции является главным условием понимания ее современного развития, так как позволяет выяснить ее основания, уточнить особую природу, а значит, определить направления изменений современной формы этого института [11, с. 8].

По словам известного полициста Р. Моля, поддержание общественного порядка «...остается всегда главной задачей государства, которая облегчает достижение всех прочих» [12, с. 251]. Он также полагал, что «...здоровью и жизни человека всегда грозит опасность, причем не только от болезней. Многие внешние случайности еще могут повредить им или даже их разрушить <...> В большинстве случаев эти угрозы могут быть устранены лучше всего, а в некоторых случаях исключительно только мерами или принудительным велением, исходящим от государства» [13, с. 282]. К важнейшим государственным мерам подобного рода ученый относил в том числе меры против опасных животных: отчасти против диких зверей, которых следует умерщвлять или содержать в крепких помещениях, отчасти против бешеных. В последнем аспекте собаки требуют особого внимания и строгого надзора. Необходимые меры, по мнению Р. Моля, могут заключаться в уменьшении количества собак посредством обложения чувствительным налогом содержащих их из прихоти, в предписании не выпускать собак из домов в подозрительных случаях, в немедленном умерщвлении бродячих собак, которые могут причинить вред человеку [13].

В дальнейшем вопросы содержания потенциально опасных собак не получили должного развития, лишь в последнее десятилетие принят ряд норм, направленных на устранение

имеющихся пробелов в регулировании указанных вопросов. Это связано в том числе с тем, что собаки могут быть использованы для выражения человеческой агрессии и иметь последствия, сопоставимые с применением специальных средств и гражданского оружия самообороны [14], при этом законодательство не устанавливает требований к личности владельца потенциально опасной собаки, а также не регулирует условия владения, содержания и использования таких собак. Важно учитывать, что владение потенциально опасной собакой представляет опасность как для ее хозяина, так и для совместно проживающих с ним лиц.

Если нарушение правил содержания потенциально опасной собаки приводит к нарушению прав других лиц, то к владельцу могут быть применены меры воздействия, предусмотренные нормами административного и уголовного законодательства. Так, нарушение требований законодательства в области обращения с животными, повлекшее причинение вреда жизни или здоровью граждан либо имуществу, в том случае если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, образуют состав административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 8.52 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Уголовная ответственность может наступать, например, при условии, что собака повредила или уничтожила чье-то имущество либо причинила тяжкий вред здоровью, смерть (ст. 168, ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 118 Уголовного кодекса Российской Федерации соответственно) [15].

Единственным специальным предписанием Федерального закона № 498-ФЗ в отношении содержания потенциально опасной собаки выступает запрет выгула без намордника и поводка. Данное предписание длительное время не обеспечивалось мерами административного принуждения, а официальная позиция органов законодательной и исполнительной власти по указанному вопросу изменялась на диаметрально противоположную за относительно короткий промежуток времени. Так, 31 октября 2023 года в Государственную Думу Российской Федерации Законодательным Собранием Санкт-Петербурга внесен проект федерального закона № 407944-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», предусматривающий дополнение КоАП РФ новой статьей 8.52, устанавливающей административную ответственность за выгул потенциально опасной собаки

без намордника и поводка. Законопроект был отклонен Государственной Думой на основании того, что установленный в Федеральном законе № 498-ФЗ формальный запрет на выгул потенциально опасной собаки без намордника и поводка в существующих условиях являлся вполне достаточным для предотвращения такого выгула [16]. Менее чем через год Федеральным законом от 30 ноября 2024 года № 440-ФЗ «О внесении изменений в статью 8.52 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» в КоАП РФ все-таки были внесены изменения, формирующие возможность привлечения к административной ответственности лиц, выгуливающих без намордника и поводка потенциально опасных собак.

Попытки совершенствовать правовое регулирование содержания потенциально опасных собак принимались также в проектах федеральных законов № 473986-8 «О внесении изменений в статью 9 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» и № 378236-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части разведения животных)».

В первом законопроекте было предложено внести изменения в действующее законодательство, согласно которым владельцы потенциально опасных собак должны проходить проверку навыков послушания своего питомца, а также ставить его на учет; предусматривалось установление запрета на разведение потенциально опасных собак в жилых помещениях.

Второй законопроект носил более комплексный характер. Его положениями определялись субъекты, имеющие право на содержание и разведение опасных пород собак, устанавливался лицензионный порядок содержания и разведения опасных собак, органы внутренних дел наделялись полномочиями по выдаче лицензий на содержание и разведение собак потенциально опасных пород, а также функциями лицензионного контроля.

Правительство Российской Федерации весьма критически оценило оба законопроекта, после чего один был отозван субъектами законодательной инициативы, а другой — отклонен Государственной Думой Российской Федерации [18].

Анализ содержания указанных законопроектов, а также процесс их рассмотрения и оценки свидетельствуют о некотором эпизодическом и

хаотическом характере формирования законодательства в данной области. В контексте необходимости развития законодательства о содержании потенциально опасных собак речь прежде всего должна идти о «пакетности» принятия норм, регламентирующих общественные отношения в рассматриваемой сфере, в противном случае вся эта деятельность рискует стать бессистемной и фрагментарной. Формирование в законодательстве Российской Федерации положений, определяющих административно-правовой режим содержания потенциально опасных собак, должно основываться на изучении имеющегося опыта нормативного правового регулирования данной сферы в законодательстве зарубежных стран, а также оказанного им регулирующего воздействия.

Анализируя меры административного воздействия, которые используются в других государствах, можно прийти к заключению об их универсальности. В большинстве случаев к таким мерам относятся ограничение разведения (распространения) потенциально опасных собак, введение разрешительной системы их содержания, установление требования о прохождении владельцем специального обучения, определение условий содержания и выгула. Имеются и сугубо правовые особенности, существование которых обусловлено уровнем социально-экономического развития государства и формой его устройства. Так, согласно законодательству Франции в зависимости от породы опасные собаки разделены на две категории: атакующие собаки (первая категория) и сторожевые и защитные собаки (вторая категория). Правовое регулирование нацелено на ограничение распространения собак первой категории, поэтому любое приобретение, передача за плату или бесплатно, ввоз на территорию Франции запрещены и подлежат наказанию. Любой владелец собак первой и второй категорий должен иметь разрешение на их содержание, свидетельство о прохождении соответствующей подготовки, документы, удостоверяющие личность собаки, ее прививку от бешенства, ветеринарное свидетельство о стерилизации (для собак первой категории), а также свидетельство о страховании гражданской ответственности владельца. В возрасте от 8 месяцев до 1 года собаки первой и второй категорий должны пройти оценку поведения, осуществляемую уполномоченным ветеринаром. До прохождения оценки владельцам выдается временное разрешение на содержание [19].

В Германии хозяева бойцовых собак обязаны иметь специальное разрешение, платить

повышенный налог на содержание, проходить специальный курс по воспитанию питомцев [20]. Для собак, отнесенных законами и постановлениями федеральных земель Германии к бойцовым породам, а также для собак, агрессия которых была документально зафиксирована, существует предписание о периодическом прохождении сущностного теста, в рамках которого проверяется социальное и коммуникативное поведение животного. В этих целях уполномоченный оценщик инсценирует ситуации, способные вызвать агрессию у собаки.

Законодательство Литвы содержит определение понятий «опасное животное», «агрессивные собаки», «бойцовая собака», «помесь бойцовой собаки», требование об обязательном чипировании собак, запрет на содержание в многоквартирных домах собак потенциально опасных пород и их метисов, а также ввоз в страну новых собак таких пород без получения соответствующего разрешения [21].

В Соединенных Штатах Америки законы, регулирующие вопросы содержания потенциально опасных собак, изданы в 42 штатах и округе Колумбия. Во многих городах и округах действуют собственные постановления по содержанию опасных собак. Наряду с термином «опасная собака» в законах штатов может применяться термин «злая собака», однако в некоторых штатах он используется дополнительно. В отдельных штатах в законы об опасных собаках включены менее опасные категории: «собака, доставляющая неудобства», «угрожающая собака». Если собака признана опасной, злобой или потенциально опасной, то владелец, как правило, должен соблюдать особые меры предосторожности, чтобы снизить вероятность причинения вреда другому человеку или животному. В штатах Вирджиния и Пенсильвания владелец опасной собаки обязан зарегистрировать ее в веб-реестре, а также соблюдать типичные требования по содержанию, микрочипированию, татуировке, поводку и наморднику [22].

В Аргентине регулирование содержания собак, считающихся потенциально опасными, осуществляется законами провинций. В основном эти законы содержат стандартное предписание о необходимости использования поводка и намордника при ее выгуле. Однако, например, в законе № 8129 провинции Тукуман содержатся положения, предусматривающие право граждан на обращение в правоохранительные органы в случаях возникновения у них субъективного опасения возможности причинения вреда, основанного на опасном или агрессивном

поведении собаки. После подачи такого заявления правоохранительный орган должен проверить поведение животного и в случае установления агрессивности собаки изъять животное на срок, который сочтет целесообразным [23].

Различные исследователи считают оптимальной модель, разработанную в канадском городе Калгари (Канада), позволившую существенно уменьшить количество случаев нападения собак. Она включает в себя проведение образовательных программ, регистрацию всех собак и применение строгих мер к владельцам собак, которые участвуют в нападениях [24].

В Республике Беларусь, которая наиболее близка российским реалиям, рассматриваемая сфера регламентирована Законом от 1 апреля 2024 года № 361-З «Об ответственном обращении с животными» (далее — Закон РБ № 361-З). Он содержит как понятие «опасная собака» (собака, причинившая вред жизни или здоровью физического лица и (или) животного), установленное судебным постановлением или решением уполномоченного государственного органа, так и понятие «собака, требующая особой ответственности владельца» (собака определенной породы, а также ее гибриды и метисы, включенные в соответствующий перечень). Для владельцев обеих категорий собак Законом РБ № 361-З предусмотрена обязанность по прохождению специальных курсов с получением соответствующего удостоверения. Также регламентированы вопросы содержания собак, требующих особой ответственности владельца, опасных собак на придомовых территориях, совершения сделок, предметом которых они выступают, а также временного изъятия таких собак.

Согласно законодательству Республики Беларусь запрещено приобретать в собственность собак, требующих особой ответственности владельца, и опасных собак лицам, признанным недееспособными, недостигшим 18 лет, в отношении которых установлено психиатрическое диспансерное наблюдение, а также лицам, ранее привлеченным к административной ответственности в соответствии со статьей 16.29 («Жестокое обращение с животным или избавление от животного») Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, или имеющим судимость по статье 339¹ («Жестокое обращение с животным») Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Таким образом, изучение и применение зарубежного опыта может в значительной степени обеспечить безопасность содержания потенциально опасных собак и в Российской Федерации.

Работу по совершенствованию нормативно-правового регулирования содержания опасных собак следует начать с возврата к оценке того, насколько удачно Федеральным законом № 498-ФЗ сформулирована дефиниция «потенциально опасные собаки» и не требуется ли введение дополнительных категорий (в зависимости от физиологических и поведенческих параметров собак), указывающих на опасность собаки для иных животных и людей или ее надоедливость. К таким новым категориям собак также должны применяться меры, ограничивающие их оборотоспособность [25], а также устанавливающие особенности содержания.

Мнение о том, что потенциальная опасность собаки обуславливается не только ее принадлежностью к определенной породе, неоднократно высказывалось специалистами-кинологами как в процессе формирования положений Федерального закона № 498-ФЗ, так и после его принятия. Данная точка зрения отражена в трудах Д. Б. Горохова [25], А. А. Шамардина [26], В. Г. Тюкина [27], А. А. Кондратьева [28], В. Н. Ходака [29] и других ученых.

Нормативное правовое регулирование зарубежных стран (например, США) также зачастую не связывает потенциальную опасность собаки с конкретной породой. Наконец, законодательные акты субъектов Российской Федерации, ограничивающие возможность выгула собаки без намордника и поводка, в качестве признака собаки указывают не породу, а рост собаки. Так, в Республике Башкортостан без поводка и намордника можно выгуливать собак ростом ниже 30 см, в Оренбургской области — ниже 35 см, в Саратовской области — ниже 20 см, в Томской области — ниже 25 см.

Необходимо отметить, что вопрос о легитимности регулирования законами субъектов Российской Федерации отношений по содержанию, использованию животных, их охране и защите и, соответственно, установлению административной ответственности за нарушение правил содержания животных поднимался и до принятия Федерального закона № 498-ФЗ. Федеральными законами от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» региональные органы государственной власти не наделены соответствующими полномочиями [30]. В Федеральном законе № 498-ФЗ

также не предусмотрено наделение соответствующими полномочиями органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Таким образом, мы считаем, что Федеральный закон № 498-ФЗ следует дополнить положениями, которые устанавливали бы механизм отнесения к собакам, представляющим потенциальную опасность, также собак, не включенных в перечень, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2019 года № 974 [31].

Представляется весьма обоснованными введение требований к личности владельца потенциальной собаки, в том числе и о прохождении подготовки по обращению с собаками такой категории, введение системы регистрации потенциально опасных собак, установление отдельных запретов (например, выгула потенциально опасных собак лицами, не достигшими 14-летнего возраста, или одновременного выгула более чем двух потенциально опасных собак).

Важным вопросом, требующим разрешения, выступает наличие органа, обеспечивающего контроль за соблюдением административно-правового регулирования содержания потенциально опасных собак. Превалирующей идеей выступает передача указанных полномочий органам внутренних дел (полиции), в частности, такое предложение содержалось в проекте федерального закона № 378236-8.

Системный анализ положений статей 1 и 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» свидетельствует о том, что задачи полиции — защита от противоправных посягательств жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности [32]. Несмотря на то, что введение разрешительного режима содержания потенциально опасных собак формально связано с защитой жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, проектируемые нормы относятся к области права, регулирующей отношения в сфере обращения с животными. Эта сфера не входит в компетенцию полиции, поэтому указанные полномочия не являются характерными для нее. Увеличение количества функций, выполняемых органами внутренних дел, может спровоцировать их перегруженность и отрицательно повлиять на результативность выполнения как новых, так и уже реализуемых полномочий.

Согласно пункту 8 Постановления Совета министров Республики Беларусь полномочия

регистрации животных, а также проверки соответствия владельцев собак, требующих особой ответственности владельца, и опасных собак требованиями Закона Республики Беларусь № 361-З предоставлены сельским, поселковым, районным, городским (городов областного и районного подчинения) исполнительным комитетам, местной администрации района в городе [33].

На наш взгляд, сегодня сложилась ситуация, при которой возможно введение института лицензирования (регистрации) деятельности, связанной с содержанием потенциально опасных животных, в том числе и собак. Подобное нововведение вполне соответствует требованиям об обеспечении защиты прав и свобод граждан. По нашему мнению, основными элементами лицензирования должны стать регистрация и контроль потенциально опасных собак, проверка должностными лицами соответствующих контролирующих органов требований по их содержанию, контроль за установленными правилами выгула потенциально опасных собак. Следует отметить, что в научной литературе уже высказывались аналогичные предложения [34].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что включение в Федеральный закон № 498-ФЗ положений, регламентирующих общие условия содержания потенциально опасных собак, устанавливающих требования к личности владельца и его подготовке, а также необходимость регистрации потенциально опасных собак, является закономерным и естественным этапом развития публично-правового регулирования содержания потенциально опасных собак. Скорейшее решение законодателем указанных вопросов станет следующим своевременным необходимым шагом на пути к формированию современной модели публично-правового регулирования содержания потенциально опасных собак.

Список источников

1. Malebranche Nicolas. *Euvers completes* / ed. G. Rodis-Lewis: Paris: J. Vrin, 1958. 394 p.
2. Дутковский Е. В., Пагава Т. В., Неймышев Л. А. Элементы правосубъектности домашних животных и их неотчуждаемые права // Современное российское право. 2020. № 8 (17). С. 29–34.
3. Государственная цель по защите животных. URL: <https://dip.bundestag.de/vorgang/.../116451> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Горохов Д. Б. Проблемы качества и эффективности применения Закона об ответственном обращении с животными // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 153–170.

5. Чернуха А. А., Туркулец С. Е. Качество и эффективность применения закона об ответственном обращении с животными // Проблемы и перспективы юридической науки и практики: трибуна молодых: материалы межвузовской молодежной научно-практической конференции. Хабаровск, 2024. С. 304–311.
6. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 498-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2025).
7. Гайдов Д. В., Булатецкий С. И. Специальные средства в правоохранительной деятельности: понятие, признаки, перспективы совершенствования // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 1. С. 43–49.
8. Грозан Е. Н., Дизер О. А., Филиппов О. Ю. Правовое обеспечения применения специальных средств сотрудниками полиции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 32–36.
9. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (утв. приказом МВД России от 19 сентября 2022 года № 688) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2025).
10. Молянов А. Ю. Специальные средства полиции России: к вопросу об определении понятия: административно-правовой аспект // Административное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 333–350.
11. Bittner E. Aspects of Police Work. Boston. 1990. 416 p.
12. Моль Р. Энциклопедия государственных наук. Санкт-Петербург. 1868. 591 с.
13. Моль Р. Наука полиции по началам юридического государства. Санкт-Петербург: печ. В. И. Головина, 1871. 336 с.
14. Дизер О. А., Сургутсков В. И. Гражданское оружие: законодательное регулирование оборота: практическое пособие. URL: <https://studfile.net/preview/3858840/> (дата обращения: 10.05.2025).
15. Лю Х., Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Об уголовной ответственности владельца за вред, причиненный домашним животным (собакой) третьим лицам // Международное публичное и частное право. 2024. № 2. С. 32–37.
16. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части введения административной ответственности за выгул потенциально опасных собак без намордника и поводка): заключение Комитета по государственному строительству и законодательству Государственной Думы от 18 января 2024 года на проект федерального закона № 407944-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/407944-8>. (дата обращения: 20.05.2025).
17. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: пояснительная записка к проекту федерально-
- го закона № 41446-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41446-8> (дата обращения: 10.05.2025).
18. Протокол заседания Совета Государственной Думы от 23 октября 2023 года № 129. URL: http://duma.khv.ru/Monitoring5/файл/2931682/6462_3-3-5-pdf (дата обращения: 10.05.2025).
19. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства и продовольственного суверенитета Франции. URL: <https://agriculture.gouv.fr/les-chiens-de-categorie-1-et-2-dits-chiens-dangereux> (дата обращения: 10.05.2025).
20. Богданова Ю. З., Попкова Л. О. О содержании собак в Германии // Интеграция науки и практики для развития агропромышленного комплекса: сборник статей Международной научно-практической конференции. Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2018. С. 194–196.
21. Голованова. Н. А., Селезнев В. А., Трещенкова Н. Ю. Некоторые аспекты административно-правового регулирования содержания домашних животных // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 223–230.
22. Charlotte Walden. State Dangerous Dog Laws. Michigan State University College of Law. URL: <https://www.animallaw.info/topic/state-dangerous-dog-laws> (дата обращения: 20.05.2025).
23. Gustavo Daniel Lobo. Perros potencialmente peligrosos: entre la estigmatización, la falacia y la ley // Revista Iberoamericana de Derecho, Cultura y Ambiente. Edición. 2024. № 5. URL: www.aidca.org/revista (дата обращения: 20.05.2025).
24. Hendrik J van As. Do Municipalities have the Power to Regulate the Keeping of «Dangerous» Dogs? // Obiter V. 2023. No. 44. I. 4. Pp. 858–878.
25. Горохов Д. Б. О некоторых тенденциях в современном российском законодательстве // Законодательство и экономика. 2016. № 6. С. 19–38.
26. Шамардин А. А. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными»: оправдались ли надежды? // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 39. С. 73–80.
27. К вопросу обучения сотрудников службы участковых уполномоченных полиции эффективным правомерным технико-тактическим действиям в типовых ситуациях оперативно-служебной деятельности, связанных с нападением опасных животных (собак) / В. Г. Тюкин [и др.] // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 115–118.
28. Кондратьев А. А., Бондарь М. И. Особенности привлечения к административной ответственности за нарушение правил содержания собак // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2018. № 4 (77). С. 66–69.
29. Ходак В. Н. Приемы и способы защиты от собак: учебное пособие. Пермь: Пермский военный ин-

ститут войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. 62 с.

30. Салахетдинова Л. Н. О некоторых правовых аспектах, связанных с содержанием домашних животных // Инновационная экономика и право. 2015. № 1 (1). С. 132–135.

31. Об утверждении перечня потенциально опасных собак: постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 2019 года № 974 // Доступ из СПС «ГАРАНТ» (дата обращения: 10.05.2025).

32. Федеральный закон «О полиции»: научно-практическое пособие: в 3 т. / А. Н. Гугунский [и др.]. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. Ч. 3. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26169842> (дата обращения: 10.05.2025).

33. Об утверждении правил содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь: постановление Совета министров Республики Беларусь 4 июня 2001 года № 834. URL: <https://www.baranovichi-gjk.gov.by/uploads/files/Vlast/jkh/Pravila-soderzhanija-domashnix-zhivotnyx.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

34. Губарева Т. И., Трусов А. И. Административно-правовое регулирование приобретения и содержания домашних животных: постановка проблемы // Административное право и процесс. 2019. № 4. С. 69–72.

References

1. Malebranche Nicolas. *Euvers completes* / ed. G. Rodis-Lewis: Paris: J. Vrin, 1958. 394 p.

2. Dutkovsky E. V., Pagava T. V., Neymyshev L. A., Elements of the legal personality of domestic animals and their inalienable rights. *Modern Russian law*, 2020, no. 8 (17), pp. 29–34. (In Russ.).

3. State goal for the protection of animals. URL: <https://dip.bundestag.de/vorgang/.../116451> (accessed 20.05.2025). (In Russ.).

4. Gorokhov D. B. Problems of the quality and effectiveness of the application of the Law on Responsible Treatment of Animals. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 4, pp. 153–170. (In Russ.).

5. Chernukha A. A., Turkulets S. E. Quality and efficiency of application of the law on responsible treatment of animals. Problems and prospects of legal science and practice: tribune of the young: materials of the interuniversity youth scientific and practical conference. Khabarovsk, 2024. Pp. 304–311. (In Russ.).

6. On responsible treatment of animals and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law no. 498-FZ of December 27, 2018. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.05.2025). (In Russ.).

7. Gaidov D. V., Bulatetsky S. I. Special means in law enforcement: concept, features, prospects for improvement. *Problems of law enforcement*, 2025, no. 1, pp. 43–49. (In Russ.).

8. Grozan E. N., Dizer O. A., Filippov O. Yu. Legal support for the use of special means by police officers. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (57), pp. 32–36. (In Russ.).

9. On the police: federal law no. 3-FZ of February 7, 2011 (approved by the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated September 19, 2022 no. 688). Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.05.2025). (In Russ.).

10. Molyanov A. Yu. Special means of the police of Russia: on the issue of defining the concept: administrative and legal aspect. *Administrative and municipal law*, 2014, no. 4, pp. 333–350. (In Russ.).

11. Bittner E. *Aspects of Police Work*. Boston. 1990. 416 p.

12. Mol R. *Encyclopedia of State Sciences*. Saint Petersburg. 1868. 591 p. (In Russ.).

13. Mol R. *Police Science on the Principles of a Legal State*. Saint Petersburg: printed by V. I. Golovin, 1871. 336 p. (In Russ.).

14. Dizer O. A., Surgutskov V. I. *Civilian Weapons: Legislative Regulation of Circulation: A Practical Guide*. URL: <https://studfile.net/preview/3858840/> (accessed 10.05.2025). (In Russ.).

15. Liu H., Truntsevsky Yu. V., Sevalnev V. V. On the Criminal Liability of the Owner for Harm Caused by a Pet (Dog) to Third Parties. *International Public and Private Law*, 2024, no. 2, pp. 32–37. (In Russ.).

16. On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (regarding the introduction of administrative liability for walking potentially dangerous dogs without a muzzle and leash): conclusion of the Committee on State Building and Legislation of the State Duma dated January 18, 2024 on draft federal law no. 407944-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/407944-8>. (accessed 20.05.2025). (In Russ.).

17. On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: explanatory note to draft federal law no. 41446-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41446-8> (accessed 10.05.2025). (In Russ.).

18. Minutes of the State Duma Council meeting no. 129 dated October 23, 2023. URL: http://duma.khv.ru/Monitoring5/file/2931682/6462_3-3-5-pdf (accessed 10.05.2025). (In Russ.).

19. Official website of the Ministry of Agriculture and Food Sovereignty of France. URL: <https://agriculture.gouv.fr/les-chiens-de-categorie-1-et-2-dits-chiens-dangereux> (accessed 10.05.2025).

20. Bogdanova Yu. Z., Popkova L. O. On keeping dogs in Germany. Integration of science and practice for the development of the agro-industrial complex: collection of articles from the International scientific and practi-

cal conference. Tyumen: State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, 2018. Pp. 194–196. (In Russ.).

21. Golovanova N. A., Seleznev V. A., Treschenkova N. Yu. Some aspects of administrative and legal regulation of keeping pets. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 7, pp. 223–230. (In Russ.).

22. Charlotte Walden. State Dangerous Dog Laws. Michigan State University College of Law. URL: <https://www.animallaw.info/topic/state-dangerous-dog-laws> (accessed 20.05.2025). (In Russ.).

23. Gustavo Daniel Lobo. Potential Pet Owners: Between Estigmatization, Failure, and Life. *Revista Iberoamericana de Derecho, Cultura y Ambiente. Edición*. 2024, no. 5. URL: www.aidca.org/revista (accessed 20.05.2025).

24. Hendrik J van As. Do Municipalities have the Power to Regulate the Keeping of «Dangerous» Dogs? *Obiter V*. 2023. No. 44. I. 4. Pp. 858–878.

25. Gorokhov D. B. On Some Trends in Modern Russian Lawmaking. *Legislation and Economics*, 2016, no. 6, pp. 19–38. (In Russ.).

26. Shamardin A. A. Federal Law «On Responsible Treatment of Animals»: Have Hopes Come True? Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy. 2019. No. 39. Pp. 73–80.

27. On the issue of training employees of the district police commissioner service in effective lawful technical and tactical actions in typical situations of operational and service activities related to attacks by dangerous animals (dogs) / V. G. Tyukin [and other]. *World of science, culture, education*, 2018, no. 6 (73), pp. 115–118. (In Russ.).

28. Kondratyev A. A., Bondar M. I. Features of bringing to administrative responsibility for violation of the

rules for keeping dogs. *Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov*, 2018, no. 4 (77), pp. 66–69. (In Russ.).

29. Khodak V. N. Techniques and methods of protection against dogs: a tutorial. Perm: Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2024. 62 p. (In Russ.).

30. Salakhedinova L. N. On some legal aspects related to keeping pets. *Innovative Economics and Law*, 2015, no. 1 (1), pp. 132–135. (In Russ.).

31. On approval of the list of potentially dangerous dogs: Resolution of the Government of the Russian Federation no. 974 of July 29, 2019. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 10.05.2025). (In Russ.).

32. Federal Law “On Polic”: scientific and practical manual: in 3 volumes / A. N. Gugunsky, A. V. Semenny, P. A. Soloshenkov, A. G. Nikolaev, A. V. Shevtsov, A. S. Uskova [and others]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2013. Part 3. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26169842> (accessed 10.05.2025). (In Russ.).

33. On approval of the rules for keeping domestic dogs, cats, as well as catching stray animals in populated areas of the Republic of Belarus: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus no. 834 of June 4, 2001. URL: <https://www.baranovichi-gik.gov.by/uploads/files/Vlast/jkh/Pravila-soderzhanija-domashnix-zhivotnyx.pdf> (accessed 10.05.2025). (In Russ.).

34. Gubareva T. I., Trusov A. I. Administrative and legal regulation of the acquisition and keeping of pets: problem statement. *Administrative law and process*, 2019, no. 4, pp. 69–72. (In Russ.).

Информация об авторах

О. А. Дизер — доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина;

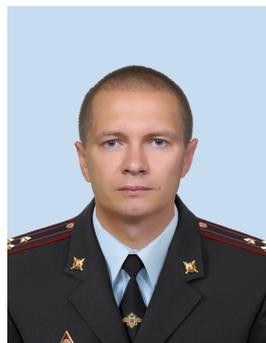
Д. В. Гайдоев — главный эксперт Отдела законодательства в области охраны общественного порядка Административно-правового управления Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Information about the author

O. A. Dizer — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Institute (for research work) of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin;

D. V. Gaidov — Chief Expert of the Department of Legislation in the Field of Public Order Protection of the Administrative and Legal Department of the Contractual and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.7

К вопросу о квалификации и отграничении смежных составов хищений (кражи и мошенничества)

Курилова Елена Николаевна¹, Максименко Александр Владимирович²

^{1,2}Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹alkut_91@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8975-6083>

²mav1202@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9200-9138>

Аннотация. В статье проведен анализ особенностей квалификации и разграничения составов актуальных на сегодняшний день форм ненасильственных хищений, а именно кражи (ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации) и мошенничества (ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации). Рассмотрены примеры судебно-следственной практики данных составов преступлений. Актуальность вопроса, касающегося отграничения смежных составов преступлений в уголовном праве, не вызывает сомнения, так как он влияет не только на доктрину уголовного права, но и на правоприменительную деятельность сотрудников правоохранительных органов, а также на соблюдение в приговоре суда основополагающих принципов, провозглашенных в уголовном законе. Для решения вышеуказанного вопроса проанализированы и систематизированы признаки элементов смежных составов общественно опасных деяний с целью выявления именно ограничительных признаков, свойственных конкретному преступлению. Авторами при помощи анализа научной литературы, а также уголовно-правовых норм сформулированы свои умозаключения о правовых критериях, позволяющих отграничить данные общественно опасные деяния. Сделан упор на рассмотрение постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 (ред. от 15 декабря 2022 года) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Предложены меры по более точной квалификации и разграничению указанных преступлений.

Ключевые слова: кража, мошенничество, умысел, хищения, квалификация

Для цитирования: Курилова Е. Н., Максименко А. В. К вопросу о квалификации и отграничении смежных составов хищений (кражи и мошенничества) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 142–147.

Original article

On the issue of qualification and delineation of related compositions of theft (theft and fraud)

Elena N. Kurilova¹, Alexander V. Maksimenko²

^{1,2}Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

¹alkut_91@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8975-6083>

²mav1202@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9200-9138>

Abstract. The article analyzes the features of qualification and differentiation of the compositions of currently relevant forms of non-violent theft, namely theft (article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation) and fraud (article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation). Examples of judicial and investigative practice of these crimes are

© Курилова Е. Н., Максименко А. В., 2025

considered. The relevance of the issue related to the delimitation of related crimes in criminal law is beyond doubt, since it affects not only the doctrine of criminal law, but also the law enforcement activities of law enforcement officers, as well as compliance in the court sentence with the fundamental principles proclaimed in the criminal law. To resolve the above issue, the signs of elements of related compositions of socially dangerous acts are analyzed and systematized in order to identify precisely the restrictive features inherent in a particular crime. The authors, using the analysis of scientific literature, as well as criminal law norms, formed their own conclusions on the legal criteria that allow us to delimit these socially dangerous acts. The focus is on the consideration of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 48 of November 30, 2017 (as amended on December 15, 2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation". Measures are proposed for a more precise qualification and delineation of these crimes.

Keywords: theft, fraud, intent, embezzlement, qualification

For citation: Kurilova E. N., Maksimenko A. V. On the issue of qualification and delineation of related compositions of theft (theft and fraud). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 142–147. (In Russ.).

Преступления, совершенные с корыстным мотивом, в любом обществе и во все времена являлись самым распространенным видом преступности. Это связано с тем, что распределение материальных благ происходило и происходит неравномерно [1, с. 125]. Доля корыстных преступлений в общей массе преступлений колеблется в районе 50 %, что свидетельствует о необходимости выработки специальных мер, направленных на уменьшение преступности в данной сфере.

Кража и мошенничество — это два преступления, которые обладают уникальными особенностями в российском уголовном праве. Несмотря на то, что оба эти деяния связаны с незаконным присвоением чужого имущества, они существенно различаются по способу совершения, характеру умысла и правовым последствиям [2, с. 245]. В данной статье мы подробно рассмотрим основные отличия между кражей и мошенничеством, опираясь на нормы действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и судебную практику.

Преступления против собственности являются наиболее распространенным видом общественно опасных деяний в Российской Федерации.

По состоянию на январь – декабрь 2023 года удельный вес хищений в общем объеме всех преступлений составляет 53,5 %, из которых кражи — 583,3 тысячи (-16,4 %), мошенничества — 433,7 тысячи (+26,4 %). По состоянию преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года на 15,9 % уменьшилось количество краж, в том числе на 27,6 % — квартирных и на 22,2 % — краж автомобилей [3].

Кража представляет собой тайное хищение, при котором преступник старается избежать какого-либо взаимодействия с владельцем имущества. Мошенничество же предполагает активное взаимодействие с жертвой и использование обмана или злоупотребления доверием для достижения своих целей [4, с. 150]. Понимание различий между этими двумя преступлениями помогает более точно квалифицировать действия злоумышленника и назначить справедливое наказание в соответствии с нормами действующего российского законодательства (табл.). Это также способствует защите прав граждан и предупреждению преступлений против собственности, обеспечивая справедливость и законность в обществе.

Таблица

Особенности составов преступлений, совершенных путем кражи и мошенничества

Table

Distinctive features of the composition of crimes committed by means of theft and fraud

Кража	Мошенничество
Способ совершения преступления	
Преступление совершается тайно, преступник действует скрытно, чтобы его действия не были замечены окружающими. Это может включать проникновение в помещение, карманное воровство или кражу предметов из магазина. Важным элементом кражи является отсутствие свидетелей — преступник стремится к максимальной скрытности	Преступник использует обман, ложные обещания или злоупотребляет доверием для того, чтобы получить имущество или права на него (например, мошенник может убедить жертву вложить деньги в фиктивную инвестицию либо получить доступ к банковскому счету под предлогом оказания помощи). В этом случае взаимодействие с жертвой является необходимым элементом совершения преступления

Объект преступления — право собственности	
Преступник действует тайно, без взаимодействия с собственником, нарушая право собственности	Злоумышленник активно вступает во взаимодействие с владельцем, зачастую убеждая его добровольно передать имущество или право на него. Допускается не только хищение имущества, но и получение прав на имущество
Характер умысла	
Преступник действует с целью тайного завладения имуществом, избегая любого контакта с владельцем. Его мотив заключается в том, чтобы скрытно похитить имущество, чтобы жертва не узнала о его действиях до совершения хищения	Преступник стремится создать ложное представление о своих намерениях, обманывая потерпевшего и злоупотребляя его доверием. Мотивы мошенничества, как правило, включают личную наживу, получение финансовой выгоды или других имущественных благ. Мошенник сознательно вводит жертву в заблуждение, пользуясь ее доверием для достижения своих целей
Характер передачи имущества:	
Имущество изымается у владельца без его ведома или согласия. Преступник не вступает в контакт с потерпевшим и стремится избежать обнаружения	Жертва сама передает имущество или права на него под влиянием обмана. Это может быть добровольная передача денег, ценных бумаг или другого имущества в результате введения в заблуждение. Таким образом, при мошенничестве потерпевший фактически соглашается на передачу имущества, не осознавая истинных намерений преступника

Предмет мошенничества по своей сути двойственный. Так, А. Г. Безверхов отмечает, что он охватывает как материальное имущество (физический объект), так и права на нематериальную собственность (нематериальное явление) [5, с. 14].

Мошенничество часто связано с использованием доверительных отношений между преступником и потерпевшим. Злоумышленник может быть знакомым, коллегой или даже родственником потерпевшего, что позволяет ему проще ввести жертву в заблуждение и получить выгоду. Использование доверительных отношений является важным элементом мошенничества, который отличает его от кражи, где преступник, как правило, не имеет личных связей с потерпевшим и действует скрытно.

При краже доверительные отношения обычно отсутствуют. Преступник действует независимо, стараясь не оставлять следов и избегать контактов, которые могли бы привести к его разоблачению. В этом отношении мошенничество может быть более изощренным и требовать от преступника особых навыков манипуляции и убеждения.

В УК РФ предусмотрены различные виды наказания за кражу и мошенничество. Порог максимального размера наказания идентичен — 10 лет [6]. В дополнение к лишению свободы наказание включает штрафы или обязательные работы, что зависит от тяжести и обстоятельств преступления [7].

При применении правоприменителями норм уголовного законодательства становится очевидным, что юридические определения должны эволюционировать с целью устранения сложностей при разграничений указанных деяний.

Чтобы лучше понять различия между кражей и мошенничеством, рассмотрим примеры из судебной практики. Несмотря на достаточное внимание, уделяемое уголовно-правовой доктрине по вопросам кражи и мошенничества, можно говорить о проявлении новых дискуссий, диктуемых изменениями в современном обществе.

Обратите внимание, что в правоприменительной практике подход к квалификации содеянного различен: в одном случае лицо привлекается к уголовной ответственности по статье 158 УК РФ, а в другом — по статье 159 УК РФ.

Согласно приговору Кировского районного суда Новосибирска от 13 декабря 2021 года № 1-131/2022(1-700/2021) Т., действуя из корыстных побуждений, создавая видимость снятия порчи, попросила потерпевшую № 1 передать принадлежащие ей серьги и завернуть их в лист бумаги. Потерпевшая № 1 в указанный период времени находилась в <адрес>. Будучи обманутой, Т., полагая, что последняя действительно снимет ей порчу, сняла принадлежащие ей две серьги из золота и завернула их в лист бумаги, который передала Т. Далее Т., продолжая реализацию своего преступного умысла, действуя из корыстных побуждений, в целях

противоправного безвозмездного изъятия и обращения чужого имущества в свою пользу, взяла принадлежащие потерпевшей № 1 две серьги из золота, завернутые в лист бумаги, сообщив, что для завершения снятия порчи принадлежащие ей серьги, завернутые в лист бумаги, необходимо будет забрать в диване через час, и воспользовавшись тем, что потерпевшая № 1 ей поверила и за ее преступными действиями не наблюдает, тайно удерживая при себе две серьги из золота, скрылась с места совершения преступления, получив реальную возможность распорядиться указанным имуществом [8].

Суд Кассационной инстанции оставил решение Кировского районного суда Новосибирска без изменения, указав, что необходимость квалификации действий осужденной по части 2 статьи 159 УК РФ отсутствует, действия Т. Кировским районным судом Новосибирска правильно квалифицированы по пункту «а» части 3 статьи 158 УК РФ.

Рассмотрим пример, когда действия виновного квалифицированы по статье 159 УК РФ. В июне 2024 года у А. возник преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем обмана для незаконного личного обогащения. Согласно разработанному им преступному плану по хищению товара, продаваемого на онлайн-платформе «Авито», А. должен отыскать размещенное на официальном сайте указанной онлайн-платформы объявление о продаже выбранного им для хищения дорогостоящего товара, который в последующем для личного незаконного обогащения возможно будет продать за большую цену третьим лицам, после чего он совершил онлайн-перевод со своего счета денежных средств, предназначенных для оплаты приобретения выбранного товара, на зарезервированный указанной онлайн-платформой для этой покупки счет, чтобы фиктивно оформить заказ на приобретение данного товара с использованием для конспирации своих преступных действий чужого профиль-аккаунта, зарегистрированного на официальном сайте указанной онлайн-платформы. Затем, когда данный товар, якобы приобретенный в результате такой мнимой покупки, через службу доставки поступил в выбранный А. пункт выдачи заказов, он, путем тайной подмены дорогостоящего товара в упаковке из-под этого товара на дешевую копию, внешне идентичную этому товару и заблаговременно приисканную для этого, отказался от приобретения данного

фиктивно заказанного им товара. После этого в упаковке из-под данного товара продавцу под видом дорогостоящего товара вернулась дешевая копия, а денежные средства А., которые должны были быть потрачены на покупку такого товара со специально зарезервированного с этой целью счета, при отказе от товара вернулись обратно на счет А. Муляжи, которые он подкладывал вместо мобильных телефонов, приобретались им на сайте «Вайлด์беррис» [9].

На наш взгляд, в обоих примерах потерпевший под влиянием обмана или злоупотребления его доверием передавал виновному свое имущество или право на имущество.

В абзаце 3 пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее — Постановление № 48) указано, что «...если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа» [10].

Считаем, что обман возможен и при совершении краж, но он используется не для завладения имуществом, а доступа к имуществу, проникновения в жилище, помещение или иное хранилище либо для сокрытия уже совершенной кражи. В рассматриваемых нами приговорах судов виновное лицо изначально ввело в заблуждение потерпевших для завладения имуществом. Собственники сами передавали право на имущество либо не препятствовали изъятию этого имущества, внешне происходит добровольная передача имущества от потерпевшего мошеннику. В первом и во втором случаях умысел у виновных возник до получения чужого имущества, о чем свидетельствует стадия приготовления к совершению преступления: изучение действий по снятию порчи, приобретение муляжа телефона.

Проведя анализ материалов судебной практики, считаем, что буквальное толкование абзаца 3 пункта 2 Постановления № 48 может приводить к ошибкам в уголовно-правовой оценке действий виновных, так как усматривается противоречие пункта 1 Постановления № 48: «...приобретения права на чужое имущество при мошенничестве являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества

или приобретению права на него другим лицом» и абзаца 3 пункта 2 Постановления № 48.

Таким образом, если собственники сами передают свое имущество, то необходимо квалифицировать действия виновного как мошенничество. Если лицо изымало имущество без участия собственника, то действия образуют состав кражи [11, с. 79].

Состояние преступности против собственности свидетельствует о необходимости совершенствования подходов к решению проблемных вопросов правового характера путем совершенствования уголовного законодательства.

Считаем целесообразным внесение дополнений в постановление Пленума № 48, которые укажут не только на разграничение способов изъятия чужого имущества, но и места совершения преступления, размера похищенного и иных признаков, характеризующих степень общественной опасности того или иного вида хищения, в связи с тем, что абзац 3 пункта 2 Постановления № 48 противоречит смыслу понятия кражи, как тайного хищения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кадников Н. Г., Карпова Н. А. К вопросу отграничения краж от иных преступлений против собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 123–127.
2. Гладченкова С. В. Некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты кражи: вопросы теории и практики // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 243–249.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 05.02.2025).
4. Головкин Л. В. Преступления против собственности: теория и практика. Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 2022. С. 150–152.
5. Безверхов А. Г. Некоторые проблемы применения статьи 163 УК РФ, предусматривающей ответственность за вымогательство // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 3 (26). С. 13–16.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. Москва: Издательство «Юрайт», 2024.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. Москва: Издательство «Проспект», 2023.
8. Приговор Кировского районного суда города Новосибирска от 13 декабря 2021 года № 1-131/2022(1-700/2021).

9. Приговор Свердловского районного суда от 15 декабря 2024 года по делу № 1-380/2024.

10. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 05.02.2025).

11. Лившиц А. А. Квалификация хищений: теория и судебная практика. Москва: Издательство «Норма», 2021. С. 78–79.

References

1. Kadnikov N. G., Karpova N. A. On the Issue of Distinguishing Theft from Other Crimes against Property. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 6, p. 123–127. (In Russ.).
2. Gladchenkova S. V. Some Criminal-Law and Criminological Aspects of Theft: Theory and Practice. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 243–249. (In Russ.).
3. Brief Characteristics of the State of Crime in the Russian Federation for January–December 2024. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (accessed 05.02.2025). (In Russ.).
4. Golovko L. V. Crimes against Property: Theory and Practice. Saint Petersburg: Piter, 2022. Pp. 150–152. (In Russ.).
5. Bezverkhov A. G. Some problems of applying Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for extortion. *Vector of Science of Togliatti State University*, 2016, no. 3 (26), pp. 13–16. (In Russ.).
6. Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Yurait Publ., 2024. (In Russ.).
7. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by A. V. Brilliantov. Moscow: Prospect Publ., 2023. (In Russ.).
8. Verdict of the Kirovsky District Court of Novosibirsk no. 1-131/2022(1-700/2021) dated December 13, 2021. (In Russ.).
9. Sentence of the Sverdlovsk District Court of December 15, 2024 in case no. 1-380/2024. (In Russ.).
10. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 48 of November 30, 2017. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (accessed 05.02.2025). (In Russ.).
11. Livshits A. A. Qualification of theft: theory and judicial practice. Moscow: Norma, 2021. Pp. 78–79. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Н. Курилова — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина;

А. В. Максименко — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.

Information about the authors

E. N. Kurilova — Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin;

A. V. Maksimenko — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin.

Научная статья
УДК 343.103

К вопросу о современном состоянии института отказа государственного обвинителя от обвинения в суде

Лапатников Максим Владимирович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, maks4@mail.ru

Аннотация. В статье проанализировано современное состояние уголовно-процессуального института отказа государственного обвинителя от обвинения в порядке части 7 статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что установленная законом обязанность суда прекратить уголовное преследование в связи отказом прокурора от обвинения не является категоричной и безусловной, поскольку связана с рядом ограничений, по сути позволяющих при необходимости «нейтрализовать» указанную категоричность.

Ключевые слова: преследование, прокурор, отзыв обвинения, судебное разбирательство

Для цитирования: Лапатников М. В. К вопросу о современном состоянии института отказа государственного обвинителя от обвинения в суде // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 148–156.

Original article

On the issue of the current state of the institution of the state prosecutor's refusal to bring charges in court

Maksim V. Lapatnikov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maks4@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current state of the criminal procedure institute of the public prosecutor's refusal to bring charges in accordance with Part 7 of Article 246 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the court's obligation to terminate criminal prosecution due to the prosecutor's refusal to bring charges, as established by law, is not categorical and unconditional, since it is associated with a number of restrictions, which, in fact, allow, if necessary, to "neutralize" this categorical nature.

Keywords: prosecution, prosecutor, withdrawal of charges, trial

For citation: Lapatnikov M. V. On the issue of the current state of the institution of the state prosecutor's refusal to bring charges in court. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 148–156. (In Russ.).

© Лапатников М. В., 2025

Принятый в далеком 2001 году новый на тот момент Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержал ряд новелл, вызвавших немало удивление, изумление, а также неприятие и одобрение теоретиков и практиков. Одной из таких новелл стало введение нового порядка отказа прокурора как государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, предусмотревшее императивную обязанность суда прекращать производство по делу в связи с указанным отказом, причем по реабилитирующим основаниям (ч. 7 ст. 247 УПК РФ). Одновременно был установлен однозначный запрет на обжалование данного решения в порядке апелляционного, кассационного и надзорного производств (ч. 9 ст. 246 УПК РФ).

Столь жесткие императивность и предопределенность, по всей видимости, были обусловлены декларируемым переходом от розыскного уголовного судопроизводства к состязательному [1]. Действуя в русле данного подхода, законодатели насыщали судебное производство состязательными элементами, одним из которых выступало право прокурора на отказ от обвинения с последующей обязанностью суда следовать этому решению.

Если посмотреть в историческом ракурсе, то такой порядок появился в отечественном законодательстве впервые. В дореволюционную эпоху в статье 740 Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее — УУС) хоть и было предусмотрено право прокурора отказаться от обвинения, но не обязывало суд следовать ему в безусловном порядке. Согласно УПК РСФСР 1960 года отказ прокурора не имел обязательного значения для суда, который вправе был продолжить судебное разбирательство при несогласии с указанным решением (ст. 248 УПК РСФСР), что полностью соответствовало господствовавшей в то время методологической установке на установление объективной истины. По сути, речь шла о праве прокурора на ходатайство перед судом о принятии решения о прекращении уголовного дела, но не о правомочии обвинителя по распоряжению государственным обвинением в суде.

На практике статья 248 УПК РСФСР практически не применялась, так как к услугам прокурора, а также суда, был институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, позволявший при необходимости при возникновении ситуации потенциально оправдания вернуть уголовное дело на досудебное производство, чтобы исправить

ошибки предварительного расследования, тем самым позволяя избежать «вынуждения» суда к ответу на основной вопрос уголовного процесса и принятию возможного оправдательного решения. Конечно, функция института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование не сводилась исключительно к указанной опции, так как возвращение уголовного дела могло быть связано и с иными обстоятельствами, устранение которых в суде невозможно.

Вернемся к рассматриваемому вопросу. Конструируя часть 9 статьи 246 УПК РФ, законодатель, по-видимому, явно ориентировался не на европейские образцы, а на опыт англосаксонских стран, причем в больше мере США, чем Англии, так как подмечает Л. В. Головкин: «...английский уголовный процесс не дает нам устойчивой модели отношения к отказу прокурора от обвинения» [2]. В то же время именно в США прокурор (атторней) как представитель исполнительной власти вправе дискреционно распоряжаться обвинением, в том числе правом на отказ от него. По всей видимости, сказались имевшая место в период введения действие УПК РФ 2001 года увлеченность американской уголовно-процессуальной моделью, рассматривавшейся чуть ли не как эталонное и наиболее совершенное построение уголовно-процессуального механизма. Хотя, как указывает американский процессуалист Дж. Лангбейн, по сути, США — единственное государство, в праве которого прокурор имеет монополию на уголовное преследование, совмещенную с полной свободой дискреции в части принятия решения о том, предъявлять ли лицу окончательное обвинение или, напротив, отказаться от его преследования [3].

Стремясь к столь прямому и некритичному заимствованию американского опыта, творцы УПК РФ 2001 года предпочли не учитывать, что российский уголовный процесс как процесс континентального типа отталкивается от иных, нежели в процессе англо-американском, посылов, в том числе при построении судебного разбирательства вообще и обвинения в частности. В целом, как мы полагаем, особенности построения архитектуры обвинения определяются, во-первых, целевым назначением всей уголовно-процессуальной деятельности; во-вторых, концепцией легитимизации деятельности обвинителя со стороны общества; в-третьих, местом публичного начала (принципа публичности) в уголовном судопроизводстве.

Если обратиться к США, то, отталкиваясь от первой особенности, необходимо отметить, что

американский уголовный процесс преимущественно направлен на разрешение спора по существу в условиях формального юридического равенства сторон, в то время как на континенте целью выступает достижение материальной истины.

Вторая особенность связана с тем, какую роль занимает прокурор в уголовном судопроизводстве с позиции интересов, которые он представляет. В США прокурор (атторней) — это политическая фигура, ориентирующаяся по большей части на избирателей и зачастую отталкивающаяся от политических соображений. В европейских странах должностное лицо прокуратуры рассматривается в основном как представитель общества и государства, состоящий в иерархично построенной в организационном смысле органе власти и действующий в публичных интересах.

Третья особенность обуславливается собственно местом, которое занимает публичность как принцип уголовно-процессуальной деятельности. В настоящее время англо-американский уголовный процесс перестал быть процессом частно-исковым, трансформировавшись в процесс публично-исковой, но при этом, будучи ориентированным на спор сторон перед судом, он по-прежнему сохраняет значительное влияние частных начал. Это контрастирует с процессом европейских стран, где публичность имеет определяющее влияние. В конечном счете в англо-американском уголовном процессе обвинение в целом имеет исковую природу, предполагающую широкую форму усмотрения обвинителя по выдвижению, поддержанию, изменению и отказу от обвинения, то есть по распоряжению обвинением. Отсюда право прокурора на отказ от обвинения носит дискреционный характер, так как модель спора сторон перед судом исходит из того, что право распоряжаться обвинением является прерогативой соответствующей стороны, и, соответственно, суд как арбитражный орган, стоящий над сторонами, не вправе продолжать процесс, даже если он не согласен с отказом от обвинения.

В то же время Франции и Германии в силу большего доминирования публичного начала свойственно ограничение возможностей обвинителя по распоряжению обвинением в судебном разбирательстве. Согласно континентальной процессуальной логике судья, будучи обязанным выяснять материальную (объективную) истину, обязан предпринять все необходимые и зависящие от него меры по установлению обстоятельств дела и правильной

квалификации содеянного, в то время как деятельность прокуратуры в суде определяется не столько соображениями состязания с противоположной стороной, сколько содействием судье в осуществлении правосудия. Как подчеркивает А. А. Михайлов, «...прокурору в континентальном уголовном процессе государство и общество не предоставляет возможность распоряжаться материальным правом на наказание лица, совершившего преступление, исходя из чего прокурор не имеет и распорядительных полномочий в отношении обвинения» [4]. Соответственно, в Германии после открытия судебного разбирательства прокурор не вправе отказаться от обвинения. По сути говоря, примерно аналогичная ситуация во Франции.

Вернемся к отечественным реалиям. Принятая в 2001 году конструкция отказа от прокурора обвинения вызвала немало критики со стороны значительной части ученого сообщества и отдельных правоприменителей. Радикализм законодателя обусловил его неприятие со стороны многих ученых и практиков. Основной посыл этой критики сводился к тому, что суд должен иметь полное право, как и ранее в советском уголовном процессе, не соглашаться с отказом обвинителя от обвинения и продолжать разбирательство по делу. Кроме того, безусловность отказа от обвинения, по мнению многих специалистов, ограничивала независимость суда, не учитывала его внутреннее убеждение, не соответствовала публичному интересу. Упрекали законодателя и в игнорировании прав потерпевшего.

Согласно мнению В. В. Кальницкого, «...осуществляя правосудие, суд вправе проверить не только обоснованность обвинения, но и правомерность отказа от него, свободно высказаться по представленному на его рассмотрение делу» [5]. Как констатирует А. Р. Белкин, «...рассматриваемая норма появилась как уступка чисто формальному подходу к трактовке понятия состязательности, ущемляющая полномочия суда и могущая привести к тяжким судебным ошибкам» [6]. По мнению О. А. Рыковой, «...только тогда, когда суд примет отказ государственного обвинителя от обвинения и на его основе вынесет собственное решение, выразив свою волю как органа правосудия, можно с полным правом утверждать, что постановление о прекращении уголовного преследования принято судом и что именно суд отвечает за его законность, обоснованность и справедливость» [7].

С другой стороны, присутствовали мнения и в пользу сохранения обязанности прекращать

уголовное дело в связи с отказом от обвинения. К примеру, М. Ю. Черкова настаивает на том, что «...суд без направления каких-то лишних запросов и попыток доказать виновность подсудимого, должен действовать в соответствии с требованиями закона, а именно прекратить уголовное дело. Продолжение судебного разбирательства и постановление обвинительного приговора после отказа прокурора от обвинения означало бы инициацию обвинительной деятельности самим судом, что в условиях состязательного судопроизводства недопустимо» [8]. Указанную категоричность этот специалист компенсирует тем, что предлагает в случае отказа прокурора от обвинения разрешить потерпевшему продолжить обвинительную деятельность в суде.

Острота научной дискуссии не стихает до сих пор. Однако у нас возникли вопросы: «Каково состояние анализируемого института в настоящее время? Насколько обоснованна критика со стороны значительной части научного сообщества?!». На первый взгляд ответ положительный, поскольку, несмотря на снятие запрета на обжалование судебного решения, обусловленного отказом прокурора от обвинения, сама часть 7 статьи 246 УПК РФ по-прежнему императивно обязывает суд прекращать уголовное дело. Но такой ответ будет лишь в том случае, если ограничиться исключительно анализом части 7 статьи 246 УПК РФ.

На наш взгляд, в настоящее время отсутствуют основания полагать, что отказ прокурора от обвинения в суде сам по себе будет определять окончание уголовно-правовых претензий со стороны государства. Мы настаиваем на условности такого отказа, связанного с тем, что в настоящее время законодатель и высшие судебные инстанции установили ряд ограничений, позволяющих при необходимости «нейтрализовать» категоричность и безусловность части 7 статьи 246 УПК РФ.

Да, формально уголовно-процессуальный закон императивно обязывает суд принимать решение о прекращении производства по уголовному делу при отказе обвинителя от обвинения, но оценивать данное правило следует в совокупности с иными правовыми реалиями. Для этого необходимо проанализировать как нормативные основы института отказа государственного обвинителя от обвинения, так позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, ведомственных актов в судебной практике.

На настоящий момент Конституционный Суд Российской Федерации предусмотрел ряд ограничительных факторов, при необходимости позволяющих не просто проверить законность и обоснованность такого решения, но и достаточно легко его нейтрализовать. В частности, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации отказ прокурора от обвинения должен быть мотивирован со ссылкой на предусмотренные законом основания, а при несогласии с ним решение, принятое по итогам отказа, может быть проверено в вышестоящей инстанции [9].

Конституционный Суд Российской Федерации, во-первых, по сути, нейтрализовал часть 9 статьи 246 УПК РФ, отменив запрет на обжалование судебного решения, принятого ввиду отказа прокурора от обвинения, а во-вторых, вел новое основание для пересмотра итогового судебного решения, «сигнализируя» государственному обвинителю о дамокловом мече, висящем над прокурором, решившимся на такой отказ.

В случае если прокурор все-таки настаивает на своей позиции и суд будет вынужден принять решение о прекращении уголовного дела, то вышестоящий прокурор имеет все возможности по коррекции позиции прокурора-обвинителя. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации если при поддержке обвинения в суде не были обеспечены публичные интересы, то вышестоящий прокурор обязан отреагировать на это, приняв меры по исправлению сложившейся ситуации [10].

Генеральный прокурор прямо обязывает прокурора-обвинителя докладывать прокурору, который поручил ему поддерживать государственное обвинение в суде, о факте расхождения его позиции с выводами обвинительного заключения (акта, постановления), а при возникновении основания для отказа от обвинения в обязательном порядке его уведомлять (п. 3.3) [11]. В таком случае последний, как предписывает этот ведомственный акт, при несогласии с позицией обвинителя должен предпринять меры по его замене либо самому поддерживать обвинение. Генеральный прокурор предписывает государственному обвинителю не допускать какого-либо отклонения от общей стратегии, отдавая приоритет ведомственному интересу над процессуальным.

Таким образом, утверждать статус государственного обвинителя как полноценного распорядителя правом на отказ от обвинения не приходится.

Впрочем, все эти правила скорее рассчитаны на исключительную ситуацию, сбой, когда обвинитель в суде по каким-то причинам проявит излишнюю самостоятельность, идущую вразрез с общими установками вышестоящих должностных лиц. Необходимо помнить, что как сам прокурор (его заместитель), так и уполномоченное им иное должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее государственное обвинение в суде первой инстанции, являются должностными лицами в централизованной и иерархично устроенной властной системе, в силу чего их позиция, соответственно, есть не что иное, как продолжение воли вышестоящих руководителей.

Для прояснения ситуации обратимся к позиции Верховного Суда Российской Федерации. В постановлении Пленума от 19 декабря 2017 года № 51 высший орган судебного надзора указывает судам на то, что решение о прекращении уголовного дела в связи с отказом от обвинения суд принимать обязан, но при выполнении ряда условий, а именно «...после завершения исследования в процедуре, отвечающей требованием состязательности, значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и стороны защиты об обоснованности позиции государственного обвинителя» [12].

Фактически здесь высшая судебная инстанция предписывает судам не автоматический порядок принятия решения итогового решения ввиду отказа прокурора от обвинения, как это формально предусмотрено законом, а жестко связывает его с выполнением определенных процедур.

На ограниченность возможностей прокурора по распоряжению отказа от обвинения указывает и тот факт, что в апелляционной инстанции ни о какой обязанности суда прекращать уголовное дело в связи с данным отказом речи не идет. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что суд апелляционной инстанции не связан с позицией прокурора в данном вопросе, и если он придет к выводу об ошибочности позиции прокурора и установит, что вынесенный приговор является законным, обоснованным и справедливым, то он вправе отказать в удовлетворении апелляционного представления прокурора [13].

Что касается непосредственно суда первой инстанции, то в соответствии частью 7 статьи 246 УПК РФ суд все равно будет обязан прекратить уголовное дело, если прокурор откажется от обвинения, не побоявшись

возможного обжалования. В практике нередко можно встретить случаи, когда вышестоящая инстанция реагировала на бездействие суда первой инстанции, так как это представлено в следующем примере.

Согласно Кассационному определению Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2013 года № 83-О13-1 [14], приговором суда А.А.Н. и С.Д.В. признаны виновными в том, что, являясь должностными лицами, совершили действия, явно выходящие за пределы их полномочий и повлекшие существенное нарушение прав гражданина, а также группой лиц по предварительному сговору, лично получили взятку в виде денег в значительном размере за незаконное бездействие.

По итогам рассмотрения кассационной жалобы Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор Брянского областного суда от 30 июля 2012 года в отношении А.А.Н. и С.Д.В., уголовное дело направил на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе. В обоснование своего решения суд указал, что суд первой инстанции хотя и указал в приговоре, что в соответствии с требованиями части 7 статьи 246 УПК РФ признал частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, однако никаких процессуальных решений по заявленному отказу от обвинения не принял и в нарушение требований статьи 134 УПК РФ не рассмотрел вопрос о признании за А.А.Н. права на частичную реабилитацию. Таким образом, вопрос закрыт и суд будет просто обязан прекратить уголовное дело в случае отказа прокурора от обвинения.

Однако мы полагаем, что у суда имеется вполне легальная гипотетическая возможность не следовать позиции прокурора и вынести судебное решение вопреки его позиции. Наши аргументы в пользу этого тезиса отталкиваются в первую очередь от методологической позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в так называемом постановлении по делу Б.Т. [15]. Данное постановление было вынесено в связи с рассмотрением вопросов, связанных с институтом возвращения уголовного дела прокурору, но соотносится со всем уголовным процессом. Как было установлено органом конституционного контроля, «... безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной

по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны» [15]. Поскольку указанная позиция имеет общепроцессуальный характер, то суд вправе не согласиться с отказом прокурора от обвинения и принять итоговое решение вопреки его позиции.

В другом решении орган конституционного контроля установил, что «...суд, принимая решение, обусловленное позицией государственного обвинителя, обязан не просто рассмотреть мотивы его действий, но и в процедуре, отвечающей требованиям самостоятельности, установить обоснованность таких отказа или изменения, для чего необходимо исследовать обстоятельства дела, проверить и оценить собранные и представленные суду доказательства» [16].

Таким образом, по крайней мере теоретически суд первой инстанции может отказаться прекращать уголовное дело в связи с отказом обвинителя от обвинения. Понятно, что здесь также возникают проблемные вопросы, в частности: «Насколько это законно, если уголовно-процессуальный закон устанавливает обязательность участия обвинителя в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 246 УПК РФ)? Должен ли он в обязательном порядке учитывать здесь позицию потерпевшего?». Учитывая, что обвинитель вправе отказаться от обвинения только на этапе прений сторон, ничего не мешает суду после этого завершить прения выслушать последнее слово подсудимого и удалиться в совещательную комнату для постановления итогового решения в соответствии со своим внутренним убеждением. Что касается потерпевшего, то на данный момент законодатель не обязывает судью в обязательном порядке учитывать позицию потерпевшего.

Учитывая императивность правила о том, что отказ от обвинения должен повлечь за собой прекращение уголовного дела, сложившуюся судебную практику, то неудивительно, что суды не стремятся в таком случае принимать решение, что называется «вопреки». Не надо забывать, что при возникновении спорной ситуации суд может воспользоваться институтом возвращения уголовного дела прокурору, который, как мы отмечали выше, в силу открытости его оснований может быть задействован практически без каких-либо ограничений. Не следует сбрасывать со счетов и сложившиеся особо «тесное» отношение между судьями и прокурорами, в силу которого кооперация указанных лиц может выходить за рамки процессуального взаимодействия.

На практике встречаются ситуации отмены вышестоящими инстанциями судебного решения, постановленного в связи с отказом прокурора от обвинения, хотя и они достаточно редки, что мы связываем с наличием в арсенале суда иных средств решения рассматриваемой ситуации. Как правило, прокуроры-обвинители стараются прибегать к полному отказу от обвинения институту только в крайних случаях, несмотря на то, что многое может указывать на незаконность или необоснованность обвинения.

Встречаются ситуации, когда сам прокурор, уполномочивающий сотрудника прокуратуры на поддержание обвинения в суде первой инстанции, меняет свою позицию и просит об отмене судебного решения.

В качестве иллюстрации приведем следующий пример. П.Д.Ю. и Д.Р.Х.-оглы обвинялись в убийстве К. группой лиц из хулиганских побуждений, а также в покушении на убийство К., совершенном в отношении двух лиц, группой лиц из хулиганских побуждений, то есть в преступлениях, предусмотренных пунктами «ж», «и» части 2 статьи 105 УК РФ и частью 3 статьи 30, пунктами «а», «ж», «и» части 2 статьи 105 УК РФ. Д.Р.Х.-оглы был признан невиновным в совершении данных преступлений, за отсутствием в его действиях состава преступления на основании пункта 3 части 2 статьи 302 УПК РФ с признанием права на реабилитацию.

Побуждающим мотивом для оправдания Д.Р.Х.-оглы явилось изменение государственным обвинителем в судебных прениях предъявленного П.Д.Ю. и Д.Р.Х.-оглы обвинения, в силу чего последний был оправдан.

Государственный обвинитель, будучи не согласен с таким оправданием, подал апелляционное представление, ходатайствуя об отмене оправдательного приговора ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела и нарушений уголовно-процессуального законодательства. К данному представлению присоединились областная прокуратура и потерпевший, подавшие свои дополнительные жалобы.

Отменяя приговор, апелляционная инстанция указала, что суд первой инстанции дал неверную оценку изменению обвинения, в результате чего пришел к неправильному выводу о невиновности Д.Р.Х.-оглы в совершении преступлений в отношении К. и К. и квалификации действий П.Д.Ю. в отношении К. как умышленного причинения легкого вреда здоровью потерпевшего. По мнению суда второй инстанции,

оправдывая Д.Р.Х.-оглы в пособничестве, суд не учел показания свидетеля Д., очевидца событий, в части произнесенных Д.Р.Х.-оглы угроз присутствующим на месте совершения преступления лицам [17].

В следующем примере кассационная инстанция отменила решение суда первой инстанции, принятое в результате отказа прокурора от обвинения. В соответствии с кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 года кассационная инстанция отменила постановление Ленинградского областного суда от 16 октября 2023 года в отношении А.В.В.-оглы, передав уголовное дело на новое судебное рассмотрение в Ленинградский областной суд со стадии судебного разбирательства иным составом суда. В обоснование своего решения кассационная инстанция указала, что суд первой инстанции завершил судебное следствие, не исследовав все доказательства по уголовному делу должным образом, удовлетворил заявленное ходатайство государственного обвинителя о переквалификации действий подсудимого на уголовный закон о менее тяжком преступлении, не мотивировал свое решение ссылками на исследованные доказательства, принял частичный отказ от обвинения, не установив обоснованность такого отказа государственного обвинителя от обвинения и изменения обвинения [18].

Подведем итоги. Попытка законодателя образца 2001 года внедрить радикально составительную вариацию института отказа обвинителя от обвинения потерпела крах, и единственное, что напоминает об этом, это формальное закрепление в части 7 статьи 246 УПК РФ обязанности суда первой инстанции прекращать уголовное дело при таком отказе. Вышестоящие суды, а также руководство прокуратуры имеют все необходимые возможности по отмене такого решения. Кроме того, вправе не согласиться с отказом и суд первой инстанции. Таким образом, отказ обвинителя от обвинения не является обязательным для суда. Ни суд первой инстанции, ни вышестоящие суды, не связаны позицией государственного обвинителя.

Список источников

1. Петрухин И. Л. От инквизиции — к состязательности // Государство и право. 2003. № 7. С. 32.
2. Головкин Л. В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсовет-

ские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2.

3. Langbein J. H. Controlling Prosecutorial Discretion in Germany // University of Chicago Law Review, 1974. Vol. 41, pp. 440–443.

4. Михайлов А. А. Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1).

5. Кальницкий В. В. Развитие уголовно-процессуальной формы вступает в противоречие с основами доказательственного права // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.): в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 398.

6. Белкин А. Р. Независимость суда и отказ прокурора от обвинения. URL: <https://www.iauaj.net/node/189?ysclid=m7uf3gwg1j333407975> (дата обращения: 20.03.2025).

7. Рыкова О. А. Право суда не согласиться с государственным обвинителем // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2014. № 6. С. 192.

8. Черкова М. Ю. Правовые последствия отказа прокурора от обвинения для потерпевшего и суда // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 23 (4). С. 264.

9. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П. Доступ из СПС Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2025).

10. По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 года № 226-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.03.2025).

11. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 года № 376. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2025).

12. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 51. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

13. По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определе-

ние Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 года № 2800-О // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2025).

14. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2013 года № 83-О13-1 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2025).

15. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 16-П // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2025).

16. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Мамкина Даниила Даниловича и Мамкиной Нины Ивановны на нарушение их конституционных прав частью седьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2016 года № 1744-О // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2025).

17. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2019 года № 57-АПУ19-2 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2025).

18. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 года № 33-УДП24-18 // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2025).

References

1. Petrukhin I. L. From the Inquisition to Adversarialism. *State and Law*, 2003, no. 7, p. 32. (In Russ.).

2. Golovko L. V. Institutions of the Prosecutor's Refusal to Indict and Changing the Indictment in Court: Post-Soviet Prospects in the Context of Theoretical Misconceptions. *State and Law*, 2012, no. 2. (In Russ.).

3. Langbein, J. H. Controlling Prosecutorial Discretion in Germany. *University of Chicago Law Review*, 1974. Vol. 41. Pp. 440–443. (In Russ.).

4. Mikhailov A. A. The Prosecutor's Right to Manage the Indictment in Court and Its Limits. *Criminal Justice*, 2013, no. 1 (1). (In Russ.).

5. Kalnitsky V. V. Development of the criminal procedural form contradicts the foundations of the law of evidence. 50 years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (SUI): materials of the International scientific and practical conference (Ekaterinburg, January 27–28, 2005): in 2 parts. Ekaterinburg, 2005. Part 1. P. 398. (In Russ.).

6. Belkin A. R. Independence of the court and the prosecutor's refusal to bring charges. URL: <https://www.iuaj.net/node/189?ysclid=m7uf3gwg1j333407975> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

7. Rykova O. A. The right of the court to disagree with the public prosecutor. Gaps in Russian legislation. *Law journal*, 2014, no. (6), pp. 192. (In Russ.).

8. Cherkova M. Yu. Legal consequences of the prosecutor's refusal to bring charges for the victim and the court. *Bulletin of Kostroma State University*, 2017, 23 (4), pp. 264. (In Russ.).

9. On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with requests from courts of general jurisdiction and complaints from citizens: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 18-P of December 8, 2003. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

10. At the request of the Kurgan Regional Court to verify the constitutionality of Part Eight of Article 246 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 226-O of February 10, 2016. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 06.03.2025). (In Russ.).

11. On the participation of prosecutors in the judicial stages of criminal proceedings: order of the Prosecutor General's Office of Russia no. 376 dated June 30, 2021. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

12. On the practice of applying legislation when considering criminal cases in the court of first instance (general procedure for legal proceedings): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 51 of December 19, 2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

13. At the request of the court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug to verify the constitutionality of the provisions of part four of Article 37, part seven of article 246 and part one of article 389.13 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: definition of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 2800-O of December 7, 2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

14. Cassation ruling of the Supreme Court of Russian Federation no. 83-O13-1 dated February 6, 2013. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

15. On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part One of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 16-P dated July 2, 2013. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

16. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Mamkin Danila Danilovich and Mamkina Nina Ivanovna regarding the violation of their constitutional rights by part seven of Article 246 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1744-O dated July 19, 2016. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

17. Appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 57-APU19-2 dated June 26, 2019. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

18. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation no. 33-UDP24-18 dated October 22, 2024. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.03.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

М. В. Лапатников — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

M. V. Lapatnikov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.2/7

Основные ориентиры уголовной политики в отношении женщин, совершивших преступление: X – начало XX века

Латышева Людмила Александровна

Вологодский институт права и экономики ФСИН России (ВИПЭ ФСИН России), Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru

Аннотация. Изучение исторических корней уголовной политики в отношении женщин, совершивших преступление, позволяет сформировать представление об основных подходах к назначению и исполнению наказаний в отношении рассматриваемой категории лиц. В этой связи в представленной научной статье предпринята попытка выявить отдельные тенденции уголовной политики касательно женщин-преступниц в период от Древней Руси до советского государства. Особый акцент сделан на принципы реализации уголовной ответственности, деяния, субъектом которых выступают женщины; виды и размеры применяемых к ним наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Отдельно рассмотрены предпосылки дифференциации уголовной ответственности женщин и гуманного отношения к ним. В этом контексте примечателен опыт Попечительного о тюрьмах общества, дамских попечительных комитетов, основной деятельностью которых являлась ресоциализирующая составляющая. В научной статье рассмотрены зарождение механизмов пробации применительно к женщинам в XIX веке. Вместе с тем указывается, что отдельные положения законодательства периода от Древней Руси до советского государства представляют научный и практический интерес, могут быть полезны сегодня в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: женщина-преступник, уголовная ответственность женщин, уголовное наказание, исторический генезис, дифференциация уголовной ответственности женщин

Для цитирования: Латышева Л. А. Основные ориентиры уголовной политики в отношении женщин, совершивших преступление: X – начало XX века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 157–164.

Original article

The main guidelines of criminal policy in relation to women who have committed a crime: X – early XX centuries

Ludmila A. Latysheva

Vologda Institute of Law and Economics Federal Penitentiary Service of Russia (VIPE FSIN Russia), Vologda, Russian Federation, mila.latysheva.1988@mail.ru

Abstract. The study of the historical roots of the formation of criminal policy in relation to women who have committed a crime allows us to form an idea of the main approaches to the appointment and execution of punishments in relation to this category of persons. In this regard, the presented scientific article attempts to identify individual trends in criminal

© Латышева Л. А., 2025

policy regarding women criminals in the period from Ancient Russia to the Soviet state. The emphasis is placed on the principles of criminal responsibility, the acts of which women are the subject, the types and amounts of punishments and other criminal law measures applied to them. The prerequisites for differentiating the criminal responsibility of women and humane treatment of them are considered separately. In this context, the experience of the Prison Care Society and women's care committees, whose activities are based on the resocializing component, is noteworthy. The scientific article draws attention to the emergence of probation mechanisms for women in the 19th century. At the same time, it is pointed out that certain provisions of the legislation of the period from Ancient Russia to the Soviet state are of scientific and practical interest, and may be useful today in the context of reforming the penal system.

Keywords: female criminal, criminal responsibility of women, criminal punishment, historical genesis, differentiation of criminal responsibility of women

For citation: Latysheva L. A. The main guidelines of criminal policy in relation to women who have committed a crime: X – early XX centuries. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, No. 2 (70), pp. 157–164. (In Russ.).

Несмотря на то, что удельный вес женской преступности в общей структуре преступности весьма небольшой, однако она является одной из острых проблем современной действительности. Неоспоримо отрицательное влияние преступлений, совершенных рассматриваемой категорией лиц, на общество в целом. Как справедливо отмечают И. А. Волошин, А. Д. Акмоллаева, в женской преступности присутствует ряд негативных последствий, важных для здорового развития общества. Это связано с существенным влиянием женщин на важнейший социальный институт семьи, воспитание детей [1, с. 54].

Изучение природы женской преступности, ее проявлений, специфических характеристик невозможно без обращения к историческому опыту, позволяющему уяснить сущность и особенности отдельных институтов, применяемых в отношении женщин в различные периоды существования Российского государства, а также выявить их влияние на дальнейшее развитие уголовного права.

Основные веяния уголовной политики в отношении женщин издавна определялись ее ролью и местом в социуме, правовым положением.

Уголовное законодательство периода зарождения государственности на Руси фактически не знало «женского вопроса». При этом некоторые аспекты, выявленные в ряде исторических источников уголовного права, свидетельствуют о том, что ответственность женщин имела все-таки отдельные отличительные особенности от мужской (например, в некоторых документах регламентировались «женские преступления», в частности, в Уставе князя Владимира «О суде церковных и о десятине» говорится о таких проступках (преступлениях) женщин, как блуд, прелюбодеяние и проституция).

К сожалению, женщина порой находилась в более дискриминируемом положении, что

подтверждают случаи распространения влияния уголовно-правовых последствий не только на мужчину, совершившего преступление, но и на его жену. В качестве иллюстрации можно привести в пример разграбление, которое предполагало конфискацию имущества, но и не исключало превращение в холопов жены и детей преступника [2, с. 87].

В Древней Руси, как справедливо отмечает Н. А. Белова, правовой статус женщины являлся преимущественно предметом церковного права [3, с. 43]. Следует отметить, что такое явление, как проституция, безоговорочно осуждалось и наказывалось именно Церковью. Вместо понятия «проституция» довольно длительное время упоминался термин «непотребство» [4, с. 404].

Считалось, что Церковь направляла природное влечение людей в русло брачной жизни: муж и жена исповедовались у одного духовного лица, соответственно, вполне понятен механизм управления семьей и населением в целом [2, с. 156]. В этой связи уголовной ответственности подлежало половое сношение с родственниками, в том числе за кровосмешение. Если крестный отец и крестная мать вступали в половую связь, то на них накладывались штраф и епитимия («аже кум с кумою створить блуд, епископу гривна золота, и во опитемии») [2, с. 169, 179]. Суровое наказание предусматривалось за половую связь свойственников («аже свекор с снохою сблудить, епископу 100 гривен, а опитемия по закону») [2, с. 169, 182]. Женщина, вступившая в половые отношения с двумя братьями, заключалась в церковный дом [2, с. 169, 183]. В случае двоеженства вторая жена подлежала наказанию в виде заключения в церковном доме.

Строго наказывалась женщина за убийство своих детей («детское душегубство») и аборты

(«искажившая» в себе ребенка). Церковь в данном случае делегировала полномочия наказывать («казнить») таких женщин мужьям [5, с. 21].

Характерными преступлениями периода Древней Руси являлись колдовство, чародейство и знахарство, которые получили дальнейшее распространение в период феодальной раздробленности и Московского государства. В Московском государстве любое обращение к магии запрещалось духовными и светскими властями, преследовалось и осуждалось как религиозное преступление [6, с. 52].

В первой половине XVII века одной из тенденций уголовной политики в отношении женщин стало ужесточение ответственности и суровость применяемых наказаний. Так, согласно Соборному Уложению 1649 года к женщине, совершившей убийство или отравление мужа, применялся квалифицированный вид смертной казни. В соответствии со статьей 14 Соборного Уложения женщину казнили путем закапывания в землю и держали так до наступления смерти [7, с. 45].

Следует отметить, что в Соборном Уложении появилась статья, предусматривающая наказание за сводничество (ст. 25): «А будет кто мужеского, или женского, забыв про божий и христианский закон, учнут делати свады женками и девками на блудное дело, а сыщется про то допряма, и им за такое беззаконное и скверное дело учинити жестокое наказание бити кнутом». На практике наказывались не только сводники, но и вершившие блуд [8, с. 250, 436]. Как отмечает А. Малахов, помимо этого царь Алексей Михайлович обязал городских объездчиков пресекать появление на улицах продажных женщин [9]. Строго продолжает наказываться детоубийство (новорожденного) путем применения смертной казни.

Н. Е. Аленкин, рассуждая о санкциях, предусмотренных Соборным Уложением 1649 года за убийство матерью или отцом ребенка, отмечает, что они были направлены не на охрану интересов новорожденных, а на охрану брачных отношений и половой морали [10, с. 89].

В период централизованного государства продолжает проследиваться тенденция к наказанию мужчины-преступника вместе с семьей. Согласно царскому указу от 12 августа 1663 года фальшивомонетчики ссылались в Сибирь на вечное житье вместе с женами и детьми [3, с. 71].

Женщины, придерживавшиеся старой веры, подлежали уголовному наказанию. В этой связи царевной Софьей в 1684 году был издан

указ «О наказании рассеивающих и принимающих ереси и расколы», согласно которому таких лиц подвергали пыткам и смертной казни, в частности, сожжению в срубе. В апреле 1685 года «Указные статьи о раскольниках» предусматривали к старообрядцам применять смертную казнь, лишение свободы (заточение в монастырь), ссылку в украинные города, телесные наказания (битье кнутом и батогами), имущественные санкции (штрафы, конфискация имущества) [3, с. 86].

В период правления Петра I продолжалась борьба с проституцией. Согласно Артикулу воинскому при полках запрещалось находиться блудницам, их немедленно выгоняли раздетыми. Наряду с этим половые преступления (содомский грех, насилие и блуд) перешли в подсудность государственного суда.

В Петровскую эпоху одним из новых видов наказаний стали каторжные работы. Первоначально к данному виду наказания приговаривались исключительно мужчины, так как выполняемые на каторге работы были непосильны женщинам.

В период царствования Петра II женщины продолжали нести наказания, в частности, ссылку, вместе с мужьями-преступниками (например, князь А. Д. Меншиков, обвиненный в самоуправстве, был подвергнут ссылке вместе с женой и детьми, при этом по милости императора Петр II оставшиеся дети князя были возвращены из ссылки.) Подобный факт свидетельствует о том, что имели место акты помилования и гуманного отношения к женщинам.

В целом на протяжении всей истории классового общества женщина была объектом угнетения как в семье, так и в социуме. Начиная с древнейших времен законы закрепляли ее неравенство, о чем свидетельствует ряд источников права. Например, женщина не имела права поднимать руку на мужа, бить его («аще жена бьет мужа, митрополиту 3 гривны») [2, с. 191]. Указом Анны Иоанновны от 25 мая 1731 года регламентировалась ответственность женщин за колдовство. В отношении их предусматривалась казнь через сожжение и битье кнутом.

В эпоху правления Елизаветы Петровны на женщин, совершавших преступления против половой морали, распространялось действие Артикула воинского от 26 апреля 1715 года [11, с. 327]. Согласно артикулу 169 за прелюбодеяние «жены замужней» с «мужем женатым» подлежали наказанию оба виновника

преступления «по делу и вине смотря» [11, с. 359]. Если в подобном деянии уличались особы, одна из которых была свободна, а другая «обреталась в супружестве», то карались в зависимости от их «состояния» и обстоятельств. Женщинам за греховную связь обычно назначались «жестокое заключение» или «посылка на каторгу на время» (артикул 170). Блуд ближайших родственников карался смертной казнью (артикул 173) [11, с. 360].

Во времена дворцовых переворотов смягчалась участь придворных особ, совершивших преступление. Например, публичной поркой кнутом, лишением языка и ссылкой в Сибирь в 1743 году была заменена смертная казнь Н. Ф. Лопухиной.

Отдельные проявления гуманного отношения к женщинам, совершившим преступление, в части реализации уголовных наказаний имели место на протяжении всей истории российского государства [12, с. 386]. Однако до восхождения на престол Екатерины Великой носили в основном спорадический характер, естественно, не имели законодательного закрепления.

Екатерина II, как и ее предшественники, использовала казематы государственных тюрем для изоляции политических противников. За государственные преступления в отношении женщин была предусмотрена ссылка в отдаленные монастыри. Условия содержания женщин в них были довольно суровыми: теснота, холод, скудное питание, отсутствие медикаментов, теплой одежды.

В сфере уголовной политики в отношении женщин присутствовали и довольно интересные веяния. Так, Уставом благочиния 1782 года устанавливались периодические медицинские осмотры женщин, занимающихся проституцией, и определенные местности для нахождения публичных домов [13, с. 63].

Именно Екатериной II были предприняты первые попытки дифференциации уголовной ответственности женщин. По проекту императрицы уголовные тюрьмы должны были включать тюрьмы губерний и уездов. Губернские тюрьмы включали как мужские, так и женские горницы (отделения) с созданием соответствующих в них условий [14, с. 75]. В целом следует отметить, что уголовная политика периода правления Екатерины Великой отличалась большей гуманностью в отношении осужденных — карательные элементы имели второстепенное значение.

В начале XIX века женщины, как и в предыдущий период, продолжают направляться

в смиренные и работные дома для отбывания наказания в виде лишения свободы [15, с. 188, 190]. Женщины и мужчины содержались в местах заключения отдельно друг от друга [16, с. 119]. В данный период к женским преступлениям продолжают относиться преступления против семьи (изгнание плода (аборт), убийство новорожденного ребенка, мужеубийство), проституция, отравление, поджог, кликушество. Наряду с этим, именно в XIX веке произошли кардинальные изменения относительно уголовной политики в отношении женщин.

Обратимся первому уголовному кодексу России — Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (1845) (далее — Уложение). Важно отметить, что в Уложении устанавливается важный принцип нераспространения лишения прав состояния ни на жену, ни на детей осужденного [15, с. 313].

Акцент ставился на ресоциализирующую составляющую процесса исполнения наказания. В 1819 году в России было учреждено Попечительное о тюрьмах общество. Попечение о заключенных женского пола возлагалось на Дамский попечительный комитет.

Осужденных женщин учили Закону Божьему, грамоте, ремеслу, брали на поруки, трудоустроивали за вознаграждение. В 1843 году по инициативе Комитета был открыт приют для «вольных девочек» (дочерей арестанток), в 1870 году — для мальчиков [17, с. 136]. Впоследствии были открыты ясли для грудных младенцев, где уход за детьми осуществляли специальные няни [18, с. 19]. Подобный подход позволял сохранять социальные контакты заключенных с детьми. В настоящее время сохранение и развитие социально полезных связей осужденных, содержащихся в условиях исправительного учреждения, с детьми, оставленными на свободе, является одним из приоритетных направлений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Указание на необходимость данной деятельности пронизывает и международное право [19, с. 280].

Важно обратить внимание и на определенные предпосылки к зарождению механизмов probation в контексте оказания помощи освобожденным от наказания женщинам в период правления императора Александра II. В частности, в 1872 году в Петербурге для освобожденных женщин было открыто убежище. Интересная особенность заключалась в том, что часть заработанных во время отбывания наказания денег передавалась женщинам в момент освобождения [17, с. 136].

Сегодня постпенитенциарная пробация представляет собой особое направление государственной политики [20, с. 179].

В конце XIX века стали организовываться первые специальные тюрьмы для женщин.

За преступления против веры (Церкви), в сфере половых отношений в XIX – начале XX века продолжала практиковаться ссылка в монастырь. Как отмечает Н. А. Белова, при повторении женщинами греховных проступков срок их пребывания в монастыре увеличивался [3]. Таким образом, профилактика рецидивной преступности осуществлялась усилением уголовной ответственности. Наряду с этим, женщин, ссылаемых на заводы вместо бессрочных рудничных работ, предписывалось содержать в ножных и ручных кандалах, но менее тяжелых, по сравнению с мужскими.

В соответствии со статьей 8 Уголовного Уложения 1903 года за убийство (в том числе покушение на убийство) новорожденного незаконнорожденного ребенка женщина направлялась в исправительный дом. Как отмечает Л. А. Кудаева, наказание дифференцировалось в зависимости от законного положения младенца [21, с. 236]. Так, за убийство своего ребенка женщина направлялась в исправительный дом на срок до 3 лет, за убийство незаконнорожденного — в тюрьму. Аборт также был уголовно наказуем: за него женщина наказывалась тюремным сроком до 3 лет.

Отметим, что в Уголовном уложении 1903 года регламентирован такой вид наказания, как каторга, суть которого заключалась в содержании заключенных в тюрьме с привлечением к тяжким принудительным работам. Женщинам разрешалось отбывать каторгу в особых помещениях при исправительных домах.

В XIX – начале XX века, когда набирает обороты революционное движение, женщины стали совершать политические преступления. В этой связи наблюдается ужесточение уголовной политики в отношении данной категории преступниц: за подобные преступления они приговаривались к смертной казни. Некоторым смертная казнь была заменена тюремным заключением.

Проведенный исторический обзор уголовной политики в отношении женщин позволяет констатировать, что довольно долго эта направленность носила карательно-репрессивный характер, что нашло отражение в видах, размерах применяемых наказаний, особенностях правового статуса женщины. По мнению Е. Н. Яковец, в целом исполнение наказаний и

применение мер исправительного воздействия на различных исторических этапах определялось соответствующей временной спецификой [22, с. 134]. Например, отдельные проявления гуманизма к женщинам присутствовали в различные исторические периоды, однако в большинстве из них носили эпизодический характер.

«Женский вопрос» в законодательстве России обозначился лишь на рубеже XVIII–XIX веков. Иллюстрацией этого служит пересмотр принципов уголовной ответственности женщин, дифференциация условий отбывания отдельных видов наказаний, оказание помощи лицам, освободившимся из мест заключения.

В целом дифференциация наказания осуществлялась по половому признаку: женщин содержали отдельно от мужчин, со временем стали появляться специальные тюрьмы для женщин, к преступницам перестали применять телесные наказания и средства, доставляющие физическую боль и мучения, стали прибегать к менее суровым видам уголовных наказаний.

Обращение к историческому генезису уголовной политики в отношении женщин продиктовано необходимостью поиска наиболее оптимальных и эффективных путей для дальнейшего развития уголовного и уголовно-исполнительного права. Исторический опыт (в частности, опыт дамских комитетов, отдельных тюрем для женщин, создания детских приютов для детей осужденных, убежищ для женщин, выходящих из мест заключения, предоставления им пособий после освобождения) может быть полезен в сегодня в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы. Например, целесообразным видится организация и функционирование специальных учреждений для женщин, освободившихся из мест лишения свободы, как некоего прототипа убежищ, создаваемых дамскими комитетами. Следует добавить, что основная функция подобных учреждений в первую очередь должна сводиться к решению вопросов бытового и трудового устройства с привлечением специалистов различного профиля.

Не менее интересным является возрождение института поручительства. Применение данного института в XIX веке касалось преимущественно лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Сегодня поручительство можно рассматривать как одно из оснований освобождения от наказания. В перспективе поручителями могут выступать трудовые коллективы,

в которых женщина осуществляла профессиональную деятельность до осуждения, общественные и религиозные организации.

Важно оказывать помощь и содействие детям осужденных женщин, которые находятся вместе с ними в условиях исправительного учреждения. Практика создания яслей для детей заключенных применялась в XIX веке. Сегодня при некоторых исправительных учреждениях создаются дома ребенка, в которых предусмотрено совместное проживание. К сожалению, создание дома ребенка при каждом учреждении представляет отдельные трудности. Решение проблемы мы видим во внедрении альтернативных дому ребенка форм: отдельных блоков, комнат матери и ребенка и пр.

Актуальность данных положений не вызывает сомнений, так как развитие и совершенствование института пробации сегодня выступает одним из приоритетных направлений уголовно-исполнительной политики. Основная цель пробации как раз сводится к ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы [23, с. 194].

Список источников

1. Волошин И. А., Акмоллаева А. Д. Отдельные аспекты женской преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 54–59.
2. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома А. Г. Маньков. Москва: Издательство «Юридическая литература», 1985. 512 с.
3. Белова Н. А. Исполнение наказаний в России в отношении женщин: история и современность: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2016. 340 с.
4. Семенова В. Ю. Преступления, связанные с проституцией, в России: исторический аспект // Молодой ученый. 2019. № 21 (259). С. 404–407.
5. Лыско Е. А. Исторический аспект женской преступности // Вопросы российского и международного права. 2016. № 6. С. 19–27.
6. Белова Н. А. Наказание женщин за колдовство в Московском государстве в XV–XVII вв. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 51–55.
7. Хачак Б. Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 203 с.
8. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома В. Л. Янин. Москва: Издательство «Юридическая литература», 1984. 432 с.
9. Малахов А. Три века российской проституции // Коммерсантъ Деньги. 2001. № 17 (321). — URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 20.01.2025).
10. Аленкин Н. Е. Вопросы уголовной ответственности за детоубийство (ст. 106 УК РФ) // Вестник Московского университета. 2013. № 5. С. 87–101.
11. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Издательство «Юридическая литература», 1986. 512 с.
12. Кунц Е. В., Латышева Л. А. Гуманизм в процессе назначения и исполнения наказаний в отношении женщин // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 4 (68). С. 385–390.
13. Тюнин В. И., Радошнова Н. В. Проституция в дореволюционной России и ее регламентация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 60–66.
14. Шурухнов Н. Г. Тюрьмы России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1–4). № 1. С. 71–82.
15. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Издательство «Юридическая литература», 1989. 520 с.
16. Касьянов С. Н. Женщины в местах лишения свободы. Исторические аспекты. Сложившаяся в Южном федеральном округе практика // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2010. № 7. С. 118–124.
17. Ворошилова С. В. Аспекты борьбы с женской преступностью в дореволюционной России // Информационная безопасность регионам. 2011. № 1 (8). С. 135–139.
18. Батчаева М. К. Санкт-Петербургский «Дамский попечительный о тюрьмах комитет» и его региональное ставропольское отделение в 1819–1890 гг. XIX в. // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2008. № 36. С. 17–20.
19. Бабаян С. Л., Устинов А. А. Оказание содействия в восстановлении и укреплении социальных связей лицам, в отношении которых применяется пробация: правовые и организационные вопросы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 3 (67). С. 279–288.
20. Дворянсков И. В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 2 (66). С. 179–186.

21. Кудяева Л. А. Становление и реализация уголовного законодательства в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами, в досоветский, советский и постсоветские периоды // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 233–238.

22. Яковец Е. Н. О содержании российского пенитенциарного законодательства дореволюционного и советского периодов // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 2 (62). С. 134–143.

23. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 2 (58). С. 194–203.

References

1. Voloshin I. A., Akmollaeva A. D. Certain aspects of female crime. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. *Legal science*, 2016, vol. 2 (68), no. 3, pp. 54–59. (In Russ.).

2. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vol. Vol. 3. Acts of the Zemsky Sobors / under the general editorship of O. I. Chistyakov; responsible editor of the volume A. G. Mankov. Moscow: Publishing house “Legal literature”, 1985. 512 p. (In Russ.).

3. Belova N. A. Execution of punishments in Russia in relation to women: history and modernity: monograph. Vologda: VIPE FSIN of Russia, 2016. 340 p. (In Russ.).

4. Semenova V. Yu. Prostitution-related crimes in Russia: a historical aspect. *Young scientist*, 2019, no. 21 (259), pp. 404–407. (In Russ.).

5. Lysko E. A. Historical aspect of female crime. *Issues of Russian and international law*, 2016, no. 6, pp. 19–27. (In Russ.).

6. Belova N. A. Punishment of women for witchcraft in the Moscow state in the 15th–17th centuries. *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2016, no. 3 (35), pp. 51–55. (In Russ.).

7. Khachak B. N. Gender approach in the institution of criminal punishment: criminal-legal, penitentiary and criminological problems. Dissertation... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2014. 203 p. (In Russ.).

8. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes. Volume 1. Legislation of Ancient Rus' / ed. by O. I. Chistyakov; responsible editor of the volume V. L. Yanin. Moscow: Legal Literature Publishing House, 1984. 432 p. (In Russ.).

9. Malakhov A. Three centuries of Russian prostitution. *Kommersant Dengi*, 2001, no. 17 (321). URL: <https://www.kommersant.ru> (accessed 20.01.2025). (In Russ.).

10. Alenkin N. E. Issues of criminal liability for infanticide (Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of Moscow University*, 2013, no. 5, pp. 87–101. (In Russ.).

11. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes. Volume 4. Legislation of the period of the formation of absolutism / ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature Publishing House, 1986. 512 p. (In Russ.).

12. Kunts E. V., Latysheva L. A. Humanism in the process of assigning and executing punishments against women. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 385–390. (In Russ.).

13. Tyunin V. I., Radoshnova N. V. Prostitution in pre-revolutionary Russia and its regulation. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1 (65), pp. 60–66. (In Russ.).

14. Shurukhnov N. G. Prisons of Russia according to the personal project of Empress Catherine II of 1787 (a brief retrospective review). *Man: Crime and Punishment*, 2021, vol. 29 (1–4), no. 1, pp. 71–82. (In Russ.).

15. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes. Vol. 6. Legislation of the first half of 19th century / ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature Publishing House, 1989. 520 p. (In Russ.).

16. Kasyanov S. N. Women in places of deprivation of liberty. Historical aspects. The practice established in the Southern Federal District. *Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 2010, no. 7, pp. 118–124. (In Russ.).

17. Voroshilova S. V. Aspects of the Fight against Female Crime in Pre-Revolutionary Russia. *Information Security for the Regions*, 2011, no. 1 (8), pp. 135–139. (In Russ.).

18. Batchaeva M. K. St. Petersburg “Ladies’ Prison Guardianship Committee” and its regional Stavropol branch in 1819–1890 of the XIX century. *Bulletin of the Herzen State Pedagogical Univ*, 2008, no. 36, pp. 17–20. (In Russ.).

19. Babayan S. L., Ustinov A. A. Assistance in Restoring and Strengthening Social Ties for Persons Subject to Probation: Legal and Organizational Issues. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 279–288. (In Russ.).

20. Dvoryanskov I. V. Post-penitentiary probation: conceptual principles. *Penitentiary science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 179–186. (In Russ.).

21. Kudayeva L. A. Formation and implementation of criminal legislation in relation to crimes committed exclusively by women in the pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods. *Gaps in Russian legislation*, 2015, no. 3, pp. 233–238. (In Russ.).

22. Yakovets E. N. On the content of Russian penitentiary legislation of the pre-revolutionary and Soviet periods. *Penitentiary science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 134–143. (In Russ.).

23. Golodov P. V. Probation in the Russian Federation: Some Problems of Content and Legal Regulation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 194–203. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. А. Латышева — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России (ВИПЭ ФСИН России).

Information about the author

L. A. Latysheva — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (VIPE FSIN of Russia).

Научная статья
УДК 343.3/7

Точечная криминализация уголовного законодательства об ответственности за преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». 2024 год: итоги

Летёлкин Николай Владимирович

Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, letelkin.nn@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Проведен анализ инициативы по принятию Федерального закона от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», существенно изменившего направление уголовной политики Российской Федерации в рассматриваемой сфере. Сделан вывод о необходимости унификации уголовного законодательства.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, уголовная политика, точечная криминализация, унификация уголовного законодательства, преступления против личности, информационные преступления

Для цитирования: Летёлкин Н. В. Точечная криминализация уголовного законодательства об ответственности за преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». 2024 год: итоги // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 165–170.

Original article

Targeted criminalization of criminal legislation on liability for crimes against the individual committed using information and telecommunications networks, including the Internet. 2024: results

Nikolay V. Letelkin

Nizhny Novgorod branch of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee, Nizhny Novgorod, Russian Federation, letelkin.nn@mail.ru

Abstract. The article examines aspects of the formation and development of domestic criminal legislation on liability for crimes committed using information and telecommunications networks. An analysis of the initiative to adopt federal law no. 218-FZ of August 8, 2024, which significantly changed the direction of the criminal policy of the Russian Federation in this area, is carried out. A conclusion is made on the need to unify criminal legislation.

© Летёлкин Н. В., 2025

Keywords: Information and telecommunication networks, criminal policy, targeted criminalization, unification of criminal legislation, crimes against the person, information crimes

For citation: Letelkin N. V. Targeted criminalization of criminal legislation on liability for crimes against the individual committed using information and telecommunications networks, including the Internet. 2024: results. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70). pp. 165–170. (In Russ.).

Современная международная обстановка, осложняющаяся попытками сохранения устаревшей модели однополярного мира, привела к тому, что информационно-телекоммуникационные сети рассматриваются в качестве действенных инструментов гибридной войны, в рамках которой объектами противоправных посягательств выступают разные группы общественных отношений.

Огромный инфраструктурный и экономический потенциал сетевой телекоммуникации, а также сущность указанных технологий плодотворно влияют не только на развитие государства и общества, но также существенно повышает уровень криминогенности этой среды.

Результаты исследования материалов официальной статистики свидетельствуют о тенденциях к снижению уровня преступности в Российской Федерации. В частности, за последние пять лет количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации сократилось на 113 079 деяний (5,59 %). При этом доля посягательств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации увеличилось на 159,9 % — с 294 409 до 765 365 деяний. Особый количественный скачок произошел в рамках преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Так, в 2019 году было зарегистрировано 157 036 таких посягательств, в то время как в 2024 году их число составило 649 064 единиц. Таким образом, рост преступлений данной категории за 5-летний период составил 313,3 %, то есть более чем в три раза и фактически сегодня каждое третье преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [1].

Необходимо признать, что отечественный законодатель стремится адекватно реагировать на возникающие угрозы. На основании количественных и качественных показателей сетевой преступности ежегодно в уголовное законодательство вносятся изменения по включению в ту или иную норму признака криминального использования информационно-телекоммуникационных сетей. Таким образом,

последовательно формируется уголовно-правовой институт охраны законного использования сетей телекоммуникации.

Учитывая, что понятие «информационно-телекоммуникационная сеть» нашло отражение в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], а уголовная ответственность за использование сетей телекоммуникации при совершении преступлений появилась лишь в 2009 году, мы делаем вывод о том, что рассматриваемый институт является достаточно молодым — в 2024 году ему исполнилось 15 лет.

В то же время за сравнительно небольшой период времени оборот «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» был интегрирован в десятки уголовно-правовых норм. Уже в 2018 году, когда указанный нами признак использовался в 18 уголовно-правовых нормах, стало понятно, что продолжение точечной криминализации существенно утяжеляет структуру Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), были проведены профильные уголовно-правовые исследования, подтвердившие этот тезис и показавшие бессистемный и ситуативный характер изменений закона [3].

Таким образом, 2018 год возможно признать некоторой точкой бифуркации российской уголовной политики в рассматриваемой сфере. В этот период выявлены проблемы точечной криминализации деликвентного использования сетей телекоммуникации и предложены качественные механизмы их решения на законодательном, интерпретационном и практическом уровнях, в частности, приводилась унификация уголовного законодательства, в структуру закона внедрялись нормы о криминальном использовании компьютерной техники, информационно-телекоммуникационных сетей и других высокотехнологичных инструментов.

Несмотря на это, практика включения признака использования информационно-телекоммуникационных сетей при совершении отдельных видов преступлений продолжилась. За шесть лет развития отечественного уголовного законодательства рассматриваемый признак

интегрирован еще в 23 уголовно-правовые нормы, содержащие 30 составов преступлений, в качестве средства совершения которых рассматриваются сети телекоммуникации.

Так, только в 2024 году вступили в силу три федеральных закона [4–6], точно криминализирующих использование информационно-телекоммуникационных сетей в рамках посягательств на четыре самостоятельные группы общественных отношений по видовому признаку: жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинство личности, интересы семьи и несовершеннолетних, а также установленный порядок управления государством.

Наиболее серьезно подверглась изменению глава 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». В рамках указанного структурного элемента УК РФ внесены изменения в семь уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за убийство и причинение вреда здоровью, угрозу этих действий, а также побои и истязание [4]. Необходимо отметить, что ранее информационно-телекоммуникационные сети рассматривались в качестве средства совершения доведения до самоубийства и смежных деяний, предусмотренных статьями 110¹ и 110² УК РФ.

Изучение пояснительной записки проекту Федерального закона от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» свидетельствует о том, что в первую очередь он направлен на противодействие треш-стримингу ввиду того, что указанное направление сетевой активности является деструктивным и дополнительно посягает на общественные отношения в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности.

Причем показательны некоторые аспекты обсуждения указанного законопроекта. Так, председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по молодежной политике А. П. Метелев в своем выступлении заявил, что «...информационно-телекоммуникационная сеть не является библиотеккой и все чаще используется при реализации разного рода деликвентного поведения» [7].

В качестве аргументации заявленной инициативы приведем приговоры и. о. мирового судьи судебного участка № 376 Пресненского района Москвы по делу 1-11/2021 года от 9 июля 2021 года в отношении Б., а также Раменского городского суда Московской области от 27 апреля 2021 года по делу № 1-166/2021 в отношении Р.

В рамках первого решения судом установлено, что Б. во время трансляции на видеохостинге *YouTube* из хулиганских побуждений нанес побои рядом находившейся девушке. Указанные действия транслировались в прямом эфире неопределенному количеству пользователей информационно-телекоммуникационных сетей [8].

При изучении второго приведенного приговора установлено, что осужденный, находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанес потерпевшей множественные удары кулаками, другими частями тела и компьютерным креслом, от чего последняя скончалась. Указанные действия транслировались в прямом эфире на одном из ресурсов сетей телекоммуникации [9].

Как следует из фрагмента стенограммы обсуждения рассматриваемого законопроекта, изменения в части внесения в диспозицию уголовно-правовых норм соответствующего признака касаются преступлений, в рамках которых наиболее распространены прямые трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях, то есть деяний, предусмотренных статьями 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 127² УК РФ.

Таким образом, в рамках рассматриваемой инициативы также усматриваются некоторые признаки ситуативности. Причем перечень норм о преступлениях против личности представляется не совсем полным. В частности, в отечественной практике не являются редкими и треш-стримы совершения изнасилований (ст. 131 УК РФ), насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) [10, 11]. Использование информационно-телекоммуникационных сетей при квалификации указанных деяний не учитывается и не может быть учтено в виду отсутствия конструктивного признака состава преступления.

В то же время необходимо признать, что рассматриваемое средство реализации объективной стороны не является чуждым для технико-юридических конструкций о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В частности, в 2022 году Федеральным законом от 7 марта 2022 года № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в статью 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера» введена часть 3, в том числе и квалифицирующий пункт, предусматривающий ответственность за

совершение указанного деяния в отношении несовершеннолетнего с использованием сетей телекоммуникации [12].

Говоря о посягательствах на общественные отношения в сфере охраны свободы, чести и достоинства личности, необходимо признать, что криминализация использования информационно-телекоммуникационных сетей также осуществлена точно, не в полной мере охватывая все сферы интересов личности. В частности, при треш-стриминге зачастую страдает право личности на свободу совести и вероисповеданий в контексте статьи 148 УК РФ в прямом эфире сжигают и растаптывают предметы религиозного культа, допускают высказывания, затрагивающие чувства верующих, совершают иные действия, образующие объективную сторону указанного состава преступления, что подтверждается как материалами судебной практики [13; 14], так и многочисленными публикациями в средствах массовой информации [15].

В качестве примера следует привести приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 19 декабря 2022 года по делу № 1-657/2022, в рамках которого установлена вина О. в совершении деяния, предусмотренного частью 1 статьи 148 УК РФ. Судом установлено, что О., ведя прямую трансляцию в одном из каналов видеохостинга *Youtube*, осуществил высказывания, направленные на оскорбление чувств верующих, выражающие явное неуважение к обществу [16].

Представленные примеры точечной криминализации использования информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений против личности в очередной раз показывают необходимость разработки и внедрения в отечественное уголовное законодательство унифицированных инструментов, позволяющих осуществить учет использования сетей телекоммуникации при совершении общественно-опасных деяний. Решением обозначенных проблем может являться самостоятельный уголовно-правовой запрет использования указанных высокотехнологичных инструментов, который позволит существенно облегчить структуру уголовного закона, а также исключить аспекты точечной и ситуативной криминализации в будущем.

Некоторые примеры такой унификации реализованы в 2024 году, в частности, Федеральным законом от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ перечень обстоятельств, отягчающих наказание, дополнен пунктом «т», предусматривающим соответствующие неблагоприятные

последствия для лица, совершившего преступление, в случае использования информационно-телекоммуникационных сетей при его совершении [4]. Таким образом, были учтены многочисленные сигналы представителей уголовно-правовой доктрины, отраженные в исследованиях монографического характера [17, 18].

Список источников

1. Состояние преступности за 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 годы. Москва: ГИАЦ МВД России.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. I, ст. 3448.
3. Летёлкин Н. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): монография / отв. ред. А. В. Петрянин. Москва: Издательство «Проспект», 2020. 176 с.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33, ч. I, ст. 4914.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 9 ноября 2024 года № 383-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 46, ст. 6911.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2024 года № 514-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53, ч. I, ст. 8524.
7. Стенограмма обсуждения проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в Государственной Думе Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 05.01.2025).
8. Приговор и. о. мирового судьи судебного участка № 376 Пресненского района Москвы по делу № 1-11/2021 года от 9 июля 2021 года. URL: <https://mos-sud.ru/376/cases/criminal> (дата обращения: 10.02.2025).
9. Приговор Раменского городского суда Московской области от 27 апреля 2021 года по делу № 1-166/2021 по части 4 статьи 111 УК РФ // Архив Раменского городского суда Московской области.
10. Цыганкова С. В. Карелии задержали треш-стримера за насилие над несовершеннолетней. URL: <https://rg.ru/2024/03/04/reg-szfo/v-karelii-zaderzhali-tresh-strimera-za-nasilie-protiv-nesovershennoletnej.html> (дата обращения: 10.02.2025).
11. Приговор Верховного суда Республики Якутия по делу № 2-7/2024 от 22 апреля 2024 года по статье

158 части 2 пункта «в»; статьи 158 части 3 пункта «г»; статьи 132 части 5 пункта «б» УК РФ.

12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 6 марта 2022 года № 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10, ст. 1395.

13. Приговор Красноармейского районного суда Волгограда от 11 декабря 2024 года по делу № 1-571/2024 // Архив Красноармейского районного суда Волгограда.

14. Приговор Новоалександровского районного суда Ставропольского края от 5 сентября 2024 года по делу № 1-98/2024 // Архив Новоалександровского районного суда Ставропольского края.

15. Буланов С. В Москве суд продлил задержание треш-блогера Кудрявого на 72 часа. URL: <https://rg.ru/2023/03/31/reg-cfo/v-moskve-sud-prodlil-zaderzhanie-tresh-blogera-kudriavogo-na-72-chasa.html> (дата обращения: 10.02.2025).

16. Приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 19 декабря 2022 года по делу № 1-657/2022 // Архив Армавирского городского суда Краснодарского края.

17. Шутова А. А. Уголовно-правовое противодействие информационным преступлениям в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 264 с.

18. Антипов А. И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 248 с.

References

1. The state of crime in 2020, 2021, 2022, 2023, 2024. Moscow: GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.).

2. On information, information technology and information protection: federal law no. 149-FZ of July 27, 2006. *Collected Legislation of the RF*, 2006, no. 31 (Part I), art. 3448. (In Russ.).

3. Letyolkin N. V. Criminal-legal counteraction to crimes committed using information and telecommunication networks (including the Internet): monograph / ed. by A. V. Petryanin. Moscow: Prospect Publishing House, 2020. 176 p. (In Russ.).

4. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: federal law no. 218-FZ of August 8, 2024. *Collected Legislation of the RF*, 2024, no. 33 (Part I), art. 4914. (In Russ.).

5. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law

no. 383-FZ of November 9, 2024. *Collected Legislation of the RF*, 2024, no. 46, art. 6911. (In Russ.).

6. On Amendments to the Criminal Code of Russian Federation: federal law no. 514-FZ of December 28, 2024. *Collected Legislation of the RF*, 2024, no. 53 (Part I), art. 8524. (In Russ.).

7. Transcript of the discussion of the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of Russian Federation" in the State Duma of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (accessed 05.01.2025). (In Russ.).

8. Verdict of the acting justice of the peace of judicial district no. 376 of the Presnensky district of Moscow in case no. 1-11/2021 dated July 9, 2021. URL: <https://mos-sud.ru/376/cases/criminal> (accessed 10.02.2025). (In Russ.).

9. Verdict of the Ramenskoye City Court of Moscow Region dated April 27, 2021 in case no. 1-166/2021 under Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of Russian Federation. Archive of Ramenskoye City Court of the Moscow Region. (In Russ.).

10. Tsygankova S. In Karelia, a trash streamer was detained for violence against a minor. URL: <https://rg.ru/2024/03/04/reg-szfo/v-karelii-zaderzhali-tresh-strimera-za-nasilie-protiv-nesovershennoletnej.html> (accessed 10.02.2025). (In Russ.).

11. The verdict of the Supreme Court of Republic of Yakutia in case no. 2-7/2024 dated April 22, 2024 under article 158, part 2, paragraph "с"; article 158, part 3, paragraph "g"; article 132, part 5, paragraph "b" of the Criminal Code of the Russian Federation. (In Russ.).

12. On Amendments to the Criminal Code of Russian Federation and article 280 of the Criminal Procedure Code of Russian Federation: federal law no. 38-FZ of March 6, 2022. *Collected Legislation of the RF*, 2022, no. 10, art. 1395. (In Russ.).

13. Verdict of the Krasnoarmeysky District Court of Volgograd dated December 11, 2024 in case No. 1-571/2024. Archive of Krasnoarmeysky District Court of Volgograd. (In Russ.).

14. Verdict of the Novoaleksandrovsky District Court of Stavropol Krai dated September 5, 2024 in case No. 1-98/2024. Archive of the Novoaleksandrovsky District Court of Stavropol Krai. (In Russ.).

15. Bulanov S. In Moscow, the court extended the detention of trash blogger Kudryavy by 72 hours. URL: <https://rg.ru/2023/03/31/reg-cfo/v-moskve-sud-prodlil-zaderzhanie-tresh-blogera-kudriavogo-na-72-chasa.html> (accessed 10.02.2025). (In Russ.).

16. The verdict of the Armavir City Court of Krasnodar Territory dated December 19, 2022 in case no. 1-657 / 2022. Archive of the Armavir City Court of the Krasnodar Territory. (In Russ.).

17. Shutova A. A. Criminal-legal counteraction to information crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied aspects. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2017. 264 p. (In Russ.).

18. Antipov A. I. Criminal-legal significance of the use of mass media and information and telecommunication networks in the commission of crimes with signs of appeals, inducement, illegal circulation of objects and materials. Dissertation... candidate of legal sciences. Saint Petersburg, 2022. 248 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. В. Лемёлкин — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

N. V. Letelkin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics Nizhny Novgorod branch of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

К вопросу о классификации длящихся юридических фактов в современном российском уголовном праве

Орлова Александра Андреевна¹, Ханахмедова Людмила Викторовна²

¹Академия ФСИН России, Рязань, Россия, orlova4685@yandex.ru

²Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия, milars-19@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию теоретико-правовых аспектов классификации длящихся юридических фактов в контексте уголовно-правовых отношений. Авторы статьи рассматривают различные подходы к определению понятия «длящийся юридический факт» и его значимости в правоприменительной практике. Анализируются существующие критерии классификации длящихся юридических фактов, а также предлагаются новые подходы к их классификации. Особое внимание уделяется проблемам определения границ длящегося юридического факта и его влиянию на классификацию преступлений.

Ключевые слова: юридический факт, уголовно-правовые отношения, применение права, норма права

Для цитирования: Орлова А. А., Ханахмедова Л. В. К вопросу о классификации длящихся юридических фактов в современном российском уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 171–175.

Original article

On the classification of continuing legal facts in modern russian criminal law

Alexandra A. Orlova¹, Lyudmila V. Khanakhmedova²

¹Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, orlova4685@yandex.ru

²Ryazan Branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russian Federation, milars-19@mail.ru .

Abstract. This article is devoted to the study of theoretical and legal aspects of the classification of continuing legal facts in the context of criminal law relations. The authors consider various approaches to defining the concept of «lasting legal fact» and its significance in law enforcement practice. The existing criteria for classifying ongoing legal facts are analyzed, and new approaches to their classification are proposed. Special attention is paid to the problems of defining the boundaries of a continuing legal fact and its impact on the classification of crimes.

Keywords: legal fact, criminal law relations, application of law, rule of law

For citation: Orlova A. A., Khanakhmedova L. V. On the classification of continuing legal facts in modern russian criminal law. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 171–175. (In Russ.).

© Орлова А. А., Ханахмедова Л. В., 2025

В любом обществе существует множество разнообразных отношений между людьми, организациями и государственными структурами: трудовые, экономические, семейные, политические, религиозные. В свою очередь, все эти отношения имеют упорядоченность, организованность и опосредованы с помощью обычаев, этических, религиозных, корпоративных и других социальных норм. Абсолютное большинство этих отношений регулируется нормами закона. Такие отношения существуют во всех сферах жизни общества, создают в нем правопорядок, придают ему стабильный и целенаправленный характер. Их именуют правовыми отношениями или же правоотношениями.

Существует множество подходов к пониманию правоотношений, однако наиболее современный и предпочтительный подход — это тот, который определяет правоотношения как некую модель поведения, складывающуюся на основе правовых норм и определенных жизненных обстоятельств конкретных субъектов права, обладающих субъективными правами и корреспондирующими обязанностями.

На основе этого возникает вопрос: «А с чем связано возникновение этих связей, благодаря чему возникают те самые права и обязанности, которые представляют собой содержание конкретных правоотношений?».

В теории права такие обстоятельства именуется юридическими фактами. Факт как явление объективной действительности — материален, а как правовая модель — идеален, выступает некой абстракцией, набором юридически выделенных признаков [1, с. 71].

В настоящее время в теории права нет единого мнения относительно понимания сущности юридических фактов, однако, благодаря исследованиям ученых правоведов, выработано множество классификаций, которые помогают понимать важность данной категории.

Длящиеся юридические факты занимают особое место в теории и практике уголовного права. Их специфика заключается в длительном характере существования, что порождает ряд вопросов относительно квалификации преступных деяний, сроков давности и иных процессуальных моментов. Несмотря на важность данной категории фактов, в современной правовой науке отсутствует единая концепция их классификации и применения. Это обуславливает необходимость дальнейшего исследования и разработки новых подходов к решению проблем, связанных с длящимися юридическими фактами.

Длящийся юридический факт представляет собой длительное состояние, имеющее юридическое значение и существующее в течение определенного периода времени. Важность данного понятия обусловлена тем, что оно влияет на определение момента окончания преступления, сроки давности привлечения к уголовной ответственности и другие аспекты правоприменения [2, с. 56].

Однако отсутствие четкого законодательного определения и единых критериев классификации создает трудности в практической деятельности правоохранительных органов.

Существует несколько подходов к классификации длящихся юридических фактов. Одним из наиболее распространенных является деление на объективные и субъективные длящиеся юридические факты. Объективные юридические факты связаны с длительным состоянием внешнего мира, тогда как субъективные — с продолжающимся поведением лица. Другой подход предлагает классифицировать длящиеся юридические факты по степени их влияния на квалификацию преступления: первичные и вторичные. Первичные юридические факты непосредственно влияют на квалификацию, тогда как вторичные служат лишь дополнением к основным обстоятельствам дела.

Также предлагается различать длящиеся юридические факты по продолжительности их существования: краткосрочные и долгосрочные. Краткосрочные юридические факты имеют ограниченный срок действия, тогда как долгосрочные могут существовать неопределенно долго. Еще одним критерием может служить степень контроля над фактом: контролируемые и неконтролируемые. Контролируемые юридические факты зависят от воли субъекта, тогда как неконтролируемые существуют независимо от его действий.

Одной из ключевых проблем является определение начала и окончания длящегося юридического факта. Вопросы возникают, когда речь идет о временных рамках деяния, особенно если оно состоит из нескольких этапов (например, в случае незаконного хранения оружия, данное действие может длиться годами, возникает вопрос: «Когда начинается и заканчивается этот юридический факт?»). Также проблематично определить границы длящихся фактов, связанных с непрерывным поведением, таким как уклонение от уплаты налогов или алиментов.

Кроме того, существует проблема совмещения длящихся фактов с одноразовыми

действиями (например, кража имущества может начаться как однократное действие, но перерасти в длительный процесс сокрытия украденного. В таком случае возникает вопрос: «Считать ли весь период деяния кражей или разделить его на отдельные этапы?»).

Классификация длящихся юридических фактов имеет непосредственное влияние на квалификацию преступлений (например, продолжительность незаконного хранения наркотиков может повлиять на тяжесть наказания. Если хранение продолжается долгое время, это может свидетельствовать о более высокой степени общественной опасности деяния, однако кратковременное хранение может рассматриваться как менее серьезное преступление).

Проблематичным остается вопрос о квалификации преступлений, состоящих из нескольких длящихся юридических фактов (например, если лицо совершает серию краж, каждая из которых является самостоятельным длящимся юридическим фактом, возникает вопрос: «Квалифицировать ли эти действия как одно продолжаемое преступление или как совокупность отдельных эпизодов?»).

Классификация длящихся юридических фактов является важной задачей для российского уголовного права. Решение этой задачи требует комплексного подхода, включающего разработку новых концепций и критериев, а также совершенствования законодательной базы [3, с. 600].

Предложенные меры помогут улучшить качество правоприменения и повысить эффективность борьбы с преступностью.

Границы длящихся юридических фактов оказывают значительное влияние на квалификацию преступлений по нескольким ключевым аспектам. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Во-первых, при определении момента окончания преступления, границы длящегося юридического факта определяют, когда именно преступление считается законченным (например, при незаконном хранении наркотических веществ важно установить начало и конец хранения. От правильного установления этих границ зависит квалификация деяния и назначение наказания).

Во-вторых, при применении сроков давности привлечения к уголовной ответственности сроки исчисляются с момента окончания преступления. Если границы длящегося юридического факта определены неверно, это может привести к ошибкам в расчете срока давности, что повлечет за собой необоснованное освобождение виновного от ответственности.

В-третьих, в случае квалификации множественности преступлений при наличии нескольких длящихся юридических фактов возникает вопрос о том: «Следует ли квалифицировать их как одно продолжаемое преступление или как совокупность отдельных эпизодов?» [4, с. 601].

Неправильная оценка границ каждого из фактов может привести к неправильной квалификации и назначению чрезмерно мягкого или строгого наказания.

В-четвертых, при разграничении составов преступлений. Определение границ длящегося юридического факта помогает правильно квалифицировать деяние по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (например, незаконное хранение оружия отличается от его незаконного приобретения и правильное установление границ между этими двумя этапами играет ключевую роль в квалификации преступления).

В-пятых, при установлении степени общественной опасности продолжительность длящегося юридического факта часто свидетельствует о большей степени общественной опасности деяния (например, длительное незаконное хранение наркотиков может указывать на намерение использовать их в дальнейшем или распространять, что увеличивает опасность для общества).

И, наконец, при совмещении длящихся и однократных действий. Иногда одно и то же деяние может начинаться как однократное действие, но впоследствии перерасти в длящийся факт (например, кража имущества может перейти в длительное сокрытие украденного). Здесь важно правильно оценить границы каждого этапа, чтобы верно квалифицировать преступление.

Определение начала и конца юридического факта — одна из сложнейших задач в уголовном праве, поскольку от точности этих границ зависит правильная квалификация преступления и применения правовых последствий [1, с. 72].

Началом длящегося юридического факта может считаться момент, когда поведение субъекта начинает соответствовать признакам состава преступления. Окончание наступает либо после прекращения противоправного поведения, либо по иным основаниям, предусмотренным законом (например, в случае незаконного хранения оружия началом будет фактическое обладание оружием, а концом — изъятие или добровольная сдача оружия).

Часто момент начала и окончания длящегося юридического факта связывается с судьбой

материального объекта преступления (например, хищение имущества начинается с завладения предметом, а продолжается до тех пор, пока имущество находится в распоряжении похитителя. Аналогично, при незаконном обороте наркотиков началом будет получение вещества, а концом — утрата контроля над ним).

Если субъект продолжает контролировать ситуацию, в которой осуществляется длящееся правонарушение, то длящийся факт будет продолжать свое существование. Как только контроль утрачивается, факт прекращается (например, при неисполнении обязательств по алиментам моментом начала может стать первое нарушение обязательства, а окончанием — прекращение нарушения путем исполнения долга).

Иногда границы длящегося юридического факта определяются через действия и намерения правонарушителя (например, длящийся факт может прекратиться, если субъект добровольно прекращает противоправную деятельность или предпринимает шаги для исправления ситуации.) Важно учитывать, были ли такие действия совершены исключительно под давлением обстоятельств или действительно являлись результатом осознания вины.

Судебная практика играет важную роль в определении границ длящихся фактов. Решения высших судебных инстанций создают прецеденты, которые используются нижестоящими судами для разрешения аналогичных ситуаций (например, если Верховный Суд Российской Федерации определил, что незаконное хранение наркотических веществ должно оканчиваться в момент обнаружения их правоохранительными органами, то это стало ориентиром для всех последующих дел).

Для точного определения начала и конца длящегося юридического факта необходимо применять комплексный подход, учитывая не только буквальное толкование закона, но и обстоятельства конкретного дела. Важно оценивать поведение субъекта, его мотивы, последствия и внешние факторы, которые могли повлиять на развитие событий.

Правильное определение начала и конца длящегося юридического факта позволяет точно квалифицировать преступление, соблюдая принципы справедливости и законности.

Длящиеся юридические факты классифицируются по степени их влияния на квалификацию преступления следующим образом.

Первичные длящиеся юридические факты непосредственно влияют на квалификацию преступления. Они являются основой для

признания деяния преступным и определяют основную статью УК РФ, которую применяют к данному случаю (примером может служить незаконное хранение наркотических веществ, где сам факт хранения является центральным элементом состава преступления) [4, с. 10].

Вторичные длящиеся юридические факты играют вспомогательную роль и служат для уточнения обстоятельств дела или усиления тяжести наказания. Они могут использоваться для дополнительной квалификации преступления или для определения степени общественной опасности деяния (например, длительное сокрытие похищенного имущества после кражи может усилить ответственность за кражу, хотя само по себе сокрытие не является основным составом преступления).

Эта классификация помогает следователям и судьям лучше понимать структуру преступления и правильно выбирать правовые нормы для квалификации деяния.

Разграничение длящихся и одноразовых фактов в уголовном праве — важная задача, поскольку от правильной квалификации зависит выбор статей УК РФ и назначение соответствующего наказания.

Основной критерий для разграничения — это длительность совершения деяния. Одноразовый факт характеризуется однократным действием, имеющим конкретный временной отрезок, который легко идентифицировать. Длящийся факт, напротив, предполагает длительное существование состояния, характеризующегося постоянным нарушением закона.

Длящиеся юридические факты часто характеризуются наличием умысла на продолжение противоправного поведения. Субъект осознает, что его действия будут продолжаться какое-то время и желает сохранить статус-кво. Одноразовые юридические факты, наоборот, предполагают выполнение действия единожды без продолжения аналогичного поведения.

Одноразовые юридические факты чаще всего состоят из одного акта, который нельзя разделить на составляющие части. Длящиеся юридические факты, напротив, могут включать несколько последовательных действий, каждое из которых поддерживает общее состояние правонарушения.

Длящиеся юридические факты характеризуются постоянным воздействием на объект преступления. Одноразовые юридические факты завершают свое воздействие немедленно после совершения. Длящиеся юридические факты преследуют долговременные цели и приводят

к устойчивым последствиям. Одноразовые юридические факты вызывают немедленные последствия и направлены на достижение конкретных целей.

Точное разделение длящихся и одноразовых фактов важно для корректной квалификации преступлений. Оно определяет срок давности (например, длящиеся юридические факты могут продлевать срок давности); применение норм о совокупности преступлений (совокупность длящихся юридических фактов оценивается иначе, чем совокупность одноразовых); назначение адекватного наказания (одноразовые акты могут наказываться строже за счет отсутствия смягчающих факторов, присущих длящимся действиям).

Иногда грань между длящимися и одноразовыми юридическими фактами становится трудноразличимой (например, действия, которые начинаются как одноразовые, могут превратиться в длящиеся, если они продолжают длительное время). В данном случае важно рассматривать конкретные обстоятельства дела и мотивацию обвиняемого.

Таким образом, для разграничения длящихся и одноразовых юридических фактов необходимо учитывать длительность, намеренность, последовательность действий, характер воздействия на объект и общие цели совершаемого деяния.

Информация об авторах

А. А. Орлова — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Академии ФСИН России;

Л. В. Ханахмедова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

A. A. Orlova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

L. V. Khanakhmedova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Список источников

1. Погорелов Д. А. Юридические факты в наше время // Символ науки. 2023. № 6-2. С. 70–74.
2. Миронов В. О., Зин Н. В. Юридические факты: понятие, признаки, классификация // Аграрное и земельное право. 2020. № 3 (183). С. 56–59.
3. Халецкая П. Д. К вопросу об отличиях продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 599–603.
4. Винокуров В. Н. Критерии продолжаемого сбыта наркотических средств // Наркоконтроль. 2020. № 1. С. 9–11.

References

1. Pogorelov D. A. Legal facts in our time. *Symbol of science*, 2023, no. 6-2, pp. 70–74. (In Russ.).
2. Mironov V. O., Zin N. V. Legal facts: concept, features, classification. *Agrarian and land law*, 2020, no. 3 (183), pp. 56–59. (In Russ.).
3. Khaletskaya P. D. On the issue of differences between a continuing crime and a set of crimes. *Innovations. Science. Education*, 2021, no. 36, pp. 599–603. (In Russ.).
4. Vinokurov V. N. Criteria for the continued sale of narcotic drugs. *Drug Control*, 2020, no. 1, pp. 9–11. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.985

Системно-деятельностный подход в криминалистической методике расследования преступлений

Подольный Николай Александрович

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия, ipk-saransk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4206-7719>

Аннотация. Успех расследования преступления во многом зависит от полноты и всесторонности исследования лица, раскрывающего совершенное деяние. С помощью системно-деятельностного подхода у следователя появляется возможность повысить достоверность полученных знаний о событии совершенного преступления, возникает способность формирования системы доказательств, объективно отображающих совершенное преступное деяние. В настоящее время исследование личности преступника ограничивается анализом обстоятельств совершенного преступления. Однако это не всегда позволяет понять особенности личности и ее способность к совершению определенных действий, данная проблема может решаться с помощью применения системно-деятельностного подхода, который позволяет поэтапно исследовать личность лица, являющегося причастным к совершению преступления.

Ключевые слова: расследование, криминалистическая методика расследования, системно-деятельностный подход, метод расследования

Для цитирования: Подольный Н. А. Системно-деятельностный подход в криминалистической методике расследования преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 176–182.

Original article

System-activity approach in forensic methods of crime investigation

Nikolai A. Podolnyy

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan, Russian Federation, ipk-saransk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4206-7719>

Abstract. The success of the investigation largely depends on the completeness and comprehensiveness of the investigation of the identity of the person who is involved in the crime. Such a study is part of the investigation, and it makes it possible to establish the circumstances of the crime. The effectiveness of personality research can be

© Подольный Н. А., 2025

significantly improved by a system-activity approach. Thanks to him, the investigator has the opportunity to increase the reliability of the knowledge gained about the event of the crime. It has the ability to form a system of evidence that objectively reflects the committed criminal act. As a rule, currently the investigation of the criminal's identity is limited to the analysis of the circumstances of the crime committed. However, this does not always allow us to understand the characteristics of a personality and its ability to perform certain actions. This problem can be solved by applying a system-activity approach, which allows a systematic investigation of the identity of the person who is supposed to be involved in the commission of a crime. It should be taken into account when forming forensic methods for investigating relevant types of crimes.

Keywords: investigation; criminalistic investigation methodology; system-activity approach; investigation method

For citation: Podolny N. A. System-activity approach in forensic methods of crime investigation. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 176–182. (In Russ.).

Традиционно качество расследования деяния оценивается тем, насколько полно и всесторонне выявлены обстоятельства совершения преступления, изобличено лицо, его совершившее, и тем, насколько быстро это было сделано. От качества расследования зависит социальная справедливость, которую призвано восстановить уголовное правосудие, таким образом, вопрос о качестве расследования имеет социальное значение и связан с вопросом эффективности работы государственного аппарата. При этом расследование — это особого рода деятельность, посредством которой на основе установления имевшего место события решается вопрос о возможности восстановления нарушенных прав и привлечения к уголовной ответственности тех лиц, которые эти права нарушили или нанесли вред другим людям. Для государства важным является то, чтобы его граждане оставались довольными тем, как организовано и ведется расследование преступлений в стране, от этого во многом зависит доверие граждан государству, поэтому постоянно актуальным является совершенствование расследования, состоящее в стремлении к тому, чтобы событие каждого преступления было познано настолько глубоко, насколько это необходимо для вынесения справедливого процессуального решения, в том числе, приговора суда. Качественное расследование позволяет изобличить виновное лицо и предпринять меры к восстановлению прав и возмещению ущерба, лицу, пострадавшему от совершенного преступления.

Одним из направлений совершенствования расследования является создание эффективной системы методик, следование которым способно существенно сократить вероятность совершения следователем ошибок и упущений, способных негативно отобразиться на установлении обстоятельств совершения

преступлений [1]. На основе качественных методик следователь имеет возможность в каждом конкретном случае создавать алгоритм действий, который пошагово приведет его к установлению того события, которое имело место. Это позволяет следователю прогнозировать изменения следственной ситуации и целенаправленно воздействовать на нее для создания благоприятных условий познания того события, которое имело место и которое стало предметом проводимого расследования [2], таким образом, обеспечивается достаточно высокое качество расследования конкретных преступлений, исходя из этого, следует, что чем больше качественных криминалистических методик, тем больше вероятность того, что расследование каждого конкретного преступления будет качественным. В связи с этим криминалистическая методика является не просто определенной теоретической конструкцией, но и достаточно эффективным средством, которое используется для оптимизации расследования каждого конкретного совершенного преступления.

Криминалистическая методика всегда рассматривается как источник криминалистических рекомендаций, следование которым обеспечивает эффективность расследования. Однако криминалистическая методика — это не только криминалистические рекомендации, а также теоретические конструкции, в которых аккумулируются знания, полезные для расследования конкретных преступлений определенных видов. В частности, такие теоретические конструкции, как криминалистическая характеристика преступлений определенного вида, типичные следственные ситуации, которые складываются на различных этапах расследования, выдвигаемые при расследовании версии и целый ряд иных теоретических конструкций, применение которых позволяет следователю разрешить встающие перед ним проблемы и обеспечить

познание имевших место обстоятельств совершения конкретного преступления. Криминалистическая методика в связи с этим представляет собой систему средств, использование которых ориентировано на решение вполне конкретных проблем, которые могут возникнуть перед следователем при расследовании преступлений. Значение криминалистических методик состоит в том, что они позволяют применять все эти средства системно при возникновении проблем, а часто еще задолго до их появления. Криминалистические методики позволяют следователю прогнозировать возможность появления определенных проблем и на основе этого предпринимать действия по предупреждению их появления. При умелом использовании криминалистической методики у следователя появляются гарантии установления всех обстоятельств совершенного преступления, выявления всех доказательств, указывающих на них и позволяющих изобличить виновное лицо.

Но, помимо криминалистической методики, имеются методы расследования преступлений. Они также ориентированы на разрешение проблем, которые встают перед следователем на определенных этапах расследования конкретных преступлений. В частности, известен и достаточно хорошо себя зарекомендовал такой метод расследования, как ситуационное моделирование расследования, когда следователь не только анализирует сложившуюся следственную ситуацию, но и прогнозирует возможные наиболее вероятные направления ее развития [3]. Этот метод в настоящее время достаточно широко применяется в практике расследования и показывает хорошие результаты, благодаря ему следователь имеет возможность оптимизировать познание имевшего место события. Причем для расследования важно то, что следователь имеет возможность многофакторного анализа конкретной ситуации, то есть он может видеть не только свои действия, но и действия других лиц, а также воздействие стихийных сил, которые способны влиять на общую картину следов, оставшихся после совершенного преступления. Таким образом, благодаря методу ситуационного моделирования следователь имеет возможность правильно спрогнозировать развитие соответствующей следственной ситуации и на основе этого обеспечить четкость планирования своих действий. Данный метод существенно повышает эффективность как проведения всего расследования, так и проведения отдельных следственных действий.

Достаточно эффективным для расследования является системно-деятельностный подход [4], он достаточно давно известен в криминалистике, однако является, в сравнении с методом ситуационного моделирования, менее распространенным в практике расследования преступления. Вместе с тем этот метод, как показывает практика, зарекомендовал себя положительно, поскольку позволяет следователю выявлять далеко не очевидные обстоятельства совершения преступления, чем обеспечивает глубину и всесторонность познания соответствующего события и участия в нем конкретного лица. Суть этого метода состоит в том, что следователь не должен ограничиваться анализом только тех действий конкретного лица (лиц), которые сформировали преступную деятельность, но и всего поведения этого лица даже в той его части, которая выходит за пределы преступного деяния и соответствующего события. Данный метод позволяет понять: способно ли конкретное лицо совершить соответствующие преступные действия. Это особенно важно при расследовании преступлений, совершенных преступными сообществами, когда оно «назначает» виновного за совершенное преступное посягательство с тем, чтобы истинный виновный имел возможность уйти от уголовного наказания и продолжать свою преступную деятельность. Имеют место также случаи, когда в силу определенных обстоятельств ответственность берет на себя лицо, которое к преступлению не имеет никакого отношения. Не всегда имеется возможность следователю, исходя только из обстоятельств совершения преступления, сделать достоверный вывод о причастности к нему соответствующего лица. Только выход за пределы этих обстоятельств может позволить увидеть детали, которые кардинально меняют картину имевшего место события.

Анализ поведения конкретного человека позволяет сделать вывод об его наклонностях, особенностях характера, стереотипах восприятия и действиях, отношении к миру, обществу и другим людям, предпочтениях, навыках, интеллектуальном уровне [5], способности к самоконтролю, наличии волевых качеств [6]. Субъективные особенности личности всегда познаются через деятельность конкретного человека, при этом важным является системное понимание личности конкретного человека. Такое понимание обусловлено тем, что для понимания личности необходимо восприятие ее качеств во взаимосвязи и целостно. Кроме

того, преступление и любой иной акт поведения также представляют собой целостную систему, поэтому знание только отдельных качеств личности конкретного человека без их взаимосвязи будет фрагментарным, а потому недостаточным для воссоздания полной картины расследуемого события. На основании знания одного качества личности без связи его с другими качествами достаточно сложно сделать вывод о способности конкретного человека совершить соответствующее деяние, из этого сложно определить то, как конкретный человек поведет себя в сложившейся ситуации. Получить достоверное знание о причастности конкретного человека к совершенному преступлению можно лишь на основе системного анализа его личности [7]. Это позволяет понять то, насколько естественным проявлением личности конкретного человека является совершение им конкретного преступления. Хорошо известно, что не всякий человек, способный без колебаний, обманным путем завладеть чужим имуществом, способен лишить жизни другого человека.

Несомненно то, что данные об обстоятельствах совершения преступления позволяют понять человека, особенности его личности, ее деформацию. Но это лишь часть данных, на основании которых можно делать вывод об особенностях личности, которые проявились в совершенном преступлении. Преступление — это деяние, а человек всегда познается через действие, оно является проявлением личности. Иного способа познать личность, кроме анализа ее действий, не существует. Действие отражает личностные особенности конкретного человека, через его анализ делается вывод о соответствующих качествах этого человека, но одного лишь действия мало для того, чтобы делать выводы об особенностях личности, чтобы сформировать полное представление о личности, необходимо проанализировать не одно, а как можно больше действий человека, необходимо проанализировать его поведение. Для того чтобы сделать вывод о личности конкретного человека, мало анализа только совершенного им преступления, необходим анализ всего его поведения, в том числе тех его действий, которые не связаны с этим преступлением. Необходимо исследовать личность конкретного человека для того, чтобы можно было делать достаточно обоснованный вывод об его причастности к совершенному преступлению, то есть для того, чтобы понять конкретное преступление, необходимо выйти за его пределы в изучении конкретной личности. Необходимо исследовать поведение

этого человека, чтобы понять возможность его причастности к совершенному преступному деянию. Если замыкаться только на тех действиях этого человека, которые были им совершены в рамках конкретного события преступления, то возможна ошибка в определении виновного лица и в оценке его действий.

Достаточно распространенным являются случаи, когда совершенное преступление явно не соответствует личности того, кто его совершал. Уже само по себе несоответствие должно быть поводом к тому, чтобы усомниться в том, что к преступлению причастно только лицо, которое его совершило. В связи с этим необходимо выяснить, в чем конкретно проявляется это несоответствие, а также насколько и в чем совершенное преступное деяние не соответствует личности лица, которое предполагается виновным в его совершении. Анализ данного несоответствия позволяет обосновать выдвижение версии причастности к преступлению других лиц, которые спланировали преступление или осуществляли помощь в его совершении. Такое несоответствие часто указывает на то, что к преступлению причастна организованная группировка, а конкретное лицо было лишь исполнителем, который действовал в соответствии с планом, разработанным другими людьми. Наиболее часто на это может указывать несоответствие интеллекта виновного, сложности механизма совершенного деяния [8]. В этом усматривается то, что лидеры соответствующей группировки стремятся возложить всю ответственность на менее ценного члена этой группировки, а сами уходят от уголовной ответственности. Но не только в случаях совершения преступлений преступными группировками обнаруживается названное несоответствие между совершенным деянием и тем, кто якобы в одиночку его совершил. Достаточно распространенными являются случаи, когда инсценируется преступление так, чтобы логика обнаруженных следов однозначно указывала на лицо, которое на самом деле к преступлению не имеет никакого отношения [9]. Выявление такого несоответствия указывает на то, что необходимо более тщательно подойти к исследованию обстоятельств совершения конкретного преступного деяния.

Несоответствие между совершенным преступлением и личностью преступника часто характерна для совершения преступлений молодежными преступными группировками [10]. Для этих преступлений характерно то, что они инсценируются так, будто их совершает один

человек, и при этом виновным является несовершеннолетний. Сам несовершеннолетний признается в том, что именно он совершил конкретное преступление и готов нести за это уголовную ответственность в полном объеме. Однако обстоятельства совершения преступления и особенности личности конкретного несовершеннолетнего не соответствуют друг другу. Это несоответствие может быть разным. Бывают случаи, когда несовершеннолетний не обладает достаточным для совершения преступления, которое ему вменяется, интеллектом. Его интеллект не позволяет запланировать сложное по структуре механизма преступление и достаточно четко его выполнить без помощи других лиц, которые имеют более высокий уровень умственного развития. Кроме этого, на несоответствие может указывать отсутствие у конкретного несовершеннолетнего криминальных навыков. Иногда на несоответствие указывают особенности характера конкретного несовершеннолетнего. Бывают случаи, когда насильственное преступление совершалось несовершеннолетним с жестокостью, в быту характеризовался знавшими его людьми как заботливый по отношению к близким, уважительный к другим людям, любящим животных, а также обладающим массой других положительных качеств. Налицо явное несоответствие содеянному, оно обусловлено тем, что такой несовершеннолетний был принужден к совершению насильственного преступления молодежной группировкой. Он не мог противиться воле этой группировки, а потому совершил преступление, которое не соответствует его личности для расследования деяния данное несоответствие важно, поскольку оно позволяет увидеть в преступлении то, что оно было совершено не одиночкой, а группой лиц. Для полноты расследования в подобных случаях необходимо, используя системно-деятельностный подход, исследовать поведение несовершеннолетнего, создав портрет несовершеннолетнего, после чего сопоставить его с содеянным им преступным деянием. Так, имеется возможность установить ранее неизвестные обстоятельства, указывающие на причастность к совершенному преступлению ранее неизвестных лиц.

К сожалению, несмотря на свою очевидную привлекательность для расследования, системно-деятельностный подход до настоящего времени недостаточно распространен. На это указывают ошибки, которые делаются при расследовании преступлений, связанные

с недостаточно полным исследованием личности лица, которое подозревается в совершении соответствующего преступления. Личность подозреваемого в преступлении, конечно же, изучается, но она изучается лишь в той части, которая связана с совершенным преступлением, то есть личность воспринимается только в рамках совершенного преступления. Это не позволяет выявить значимые для полноты расследования обстоятельства, из-за того, что данный подход не применяется, остается не выявленным участие в совершении конкретных преступлений группировок, преступных сообществ, соучастников, лиц, которые были исполнителями конкретного преступления. В итоге от уголовной ответственности уходят организаторы преступлений и остаются неразоблаченными целые преступные сообщества, совершаются новые преступления, что способствует латентности преступлений. Преодолением этого может быть лишь включение в качестве одного из элементов существующих криминалистических методик системно-деятельностного подхода, применение которого может способствовать преодолению названных ошибок и промахов.

Системно-деятельностный подход является методом, применение которого способно существенно повысить эффективность проводимого расследования, данный метод достаточно универсален, поскольку может применяться при расследовании преступлений самых различных видов. Он никак не связан со спецификой расследования отдельных видов преступлений. Однако его универсальность не предполагает того, что его применение допускает абстрагирование от особенностей конкретного преступления и той следственной ситуации, которая складывается. Он применяется всегда с учетом особенностей конкретного преступления, а также личности лиц, причастных к нему. Всегда должны приниматься во внимание особенности ситуации, в которой оказался конкретный человек в момент совершения преступления. При исследовании личности предполагаемого преступника целесообразным бывает обратить внимание на факторы, которые на нее влияли или могли повлиять. Следует принимать во внимание также особенности процессов, которые личность конкретного человека переживала на момент совершения преступления, к примеру, это может быть процесс воспитания, который формирует личность, определяя ее особенности, качества. В отдельных случаях существенным является

исследование профессиональной деградации, которая могла иметь значение при совершении отдельных видов преступлений, следовательно изучение которой существенно для проводимого расследования.

Несмотря на универсальность системно-деятельностного подхода, для эффективности его применения он должен быть адаптирован к особенностям расследования преступлений конкретного вида. Он должен учитывать также особенности других средств, которые используются в ходе проводимого расследования. В связи с этим данный метод должен рассматриваться как элемент криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений. При этом в конкретной криминалистической методике должно четко определяться, в каких действиях данный метод должен реализовываться. Криминалистическая методика не должна ограничиваться лишь его упоминанием без конкретизации действий, в которых он воплощается, это обусловлено тем, что любой метод расследования — это не научная абстракция, а вполне определенная система действий, ориентированных на получение реального результата. В криминалистической методике расследования данный метод проявляется в сформулированных рекомендациях того, какие действия и в каком порядке целесообразнее выполнить в определенный момент расследования с тем, чтобы получить желаемый результат. Системно-деятельностный подход в криминалистических методиках проявляется в рекомендациях относительно того, какие обстоятельства, указывающие на особенности личности, посредством каких следственных и иных действий могут быть выявлены.

Список источников

1. Таран А. Н., Гошкодеря О. А., Батраков А. В. Криминалистическая методика расследования преступлений: понятие, классификация, перспективные направления // *Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сборник научных статей по итогам работы круглого стола № 3 со Всероссийским и международным участием. Шахты.* 2022. С. 67–69.

2. Головин А. Ю., Головина Е. В. К вопросу консолидации криминалистических методик расследования преступлений // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* 2022. № 3. С. 3–9.

3. Серопол Д. И., Анисич В. А., Влезько Д. А. Ситуационное моделирование в планировании следственных действий // *Евразийский юридический журнал.* 2024. № 3 (190). С. 398–400.

4. Шевкопляс Н. П. Организованная преступная игорная деятельность с позиции системно-деятельностного подхода // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения.* 2023. № 2 (40). С. 94–104.

5. Головин А. Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения.* 2024. № 2 (44). С. 25–33.

6. Кравченко А. А., Гареева Э. Р. Поведенческая схема личности преступника // *Научный аспект.* 2024. Т. 21. № 4. С. 2647–2654.

7. Исмагилов А. А. Психологические аспекты изучения личности преступника при расследовании преступлений // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2022. № 5-1(68). С. 138–140

8. Гаужаева В. А., Вдовин А. С. Общие тактические положения расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами // *Евразийский юридический журнал.* 2024. № 4 (191). С. 332–333.

9. Ибрагим Л. А. И. Осмотр места происшествия как средство выявления убийств, скрытых инсценировками // *Евразийский юридический журнал.* 2024. № 8 (195). С. 306–310.

10. Кузнецова М. О. Тактические особенности расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных молодежными неформальными группировками // *Юрист-Правоведь.* 2024. № 1 (108). С. 145–151.

References

1. Taran A. N., Goshkoderya O. A., Batrakov A.V. Criminalistic methods of crime investigation: concept, classification, promising directions. *Legal science in the 21st century: current problems and prospects for their solutions: collection of scientific articles based on the results of the round table no. 3 with National and international participation, Shakhty.* 2022. Pp. 67–69. (In Russ.).

2. Golovin A. Yu., Golovina E. V. On the issue of consolidation of criminalistic methods of crime investigation. *Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences,* 2022, no. 3, pp. 3–9. (In Russ.).

3. Seropol D. I., Anisich V. A., Vlezko D. A. Situational modeling in planning investigative actions. *Eurasian Law Journal,* 2024, no. 3 (190), pp. 398–400. (In Russ.).

4. Shevkoplyas N. P. Organized criminal gambling activity from the perspective of a system-activity approach. *Siberian criminal procedural and criminalistic readings,* 2023, no. 2 (40), pp. 94–104. (In Russ.).

5. Golovin A. Y. Artificial intelligence technologies in criminalistics: tasks that need to be solved. *Siberian Criminal Procedural and criminalistic readings,* 2024, no. 2 (44), pp. 25–33. (In Russ.).

6. Kravchenko A. A., Gareeva E. R. The behavioral pattern of the criminal's personality. *Scientific aspect,* 2024, vol. 21, no. 4, pp. 2647–2654. (In Russ.).

7. Ismagilov A. A. Psychological aspects of studying the personality of a criminal in the investigation of crimes. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 5-1 (68), pp. 138–140 (In Russ.).

8. Gauzhaeva V. A., Vdovin A. S. General tactical provisions for the investigation of crimes committed by organized criminal groups. *Eurasian Law Journal*, 2024, no 4 (191), pp. 332–333 (In Russ.).

9. Ibragim L. A. I. Inspection of the scene as a means of detecting murders hidden by staging. *Eurasian Law Journal*, 2024, no 8 (195), pp. 306–310. (In Russ.).

10. Kuznetsova M. O. Tactical features of the investigation of extremist crimes committed by youth informal groups. *Jurist-Pravoved*, 2024, no. 1 (108), pp. 145–151. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. А. Подольный — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Information about the author

N. A. Podolnyy — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science. Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Научная статья
УДК 343.3

Незаконный найм в экстремистских и террористических преступлениях: вопросы взаимообусловленности и противодействия

Пшеничнов Илья Михайлович^{1, 2}

¹Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия;

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, pshenichnov.im@skspba.ru

Аннотация. В статье проведено исследование феномена незаконного найма в контексте экстремистских и террористических преступлений с акцентом на его криминологическую специфику и уголовно-правовую оценку. Актуальность рассмотренной проблематики обусловлена трансформацией преступных практик, в рамках которых договорные формы взаимодействия между заказчиком и исполнителем становятся инструментом реализации насильственных актов, в том числе идеологически мотивированных. В условиях цифровизации, глобализации и роста маргинализации отдельных социальных групп незаконный найм приобрел устойчивый характер и сформировал особый вид латентной угрозы, способствующей коммерциализации политического насилия. В статье проанализированы нормативные, доктринальные и эмпирические аспекты указанного явления. Особое внимание уделено отсутствию единого подхода к определению и правовому осмыслению данного феномена в законодательствах различных стран, что препятствует эффективному международному взаимодействию в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Ключевые слова: трансформация преступности, общественная опасность, экстремистские и террористические преступления, наемник, исполнитель по найму, радикализация

Для цитирования: Пшеничнов И. М. Незаконный найм в экстремистских и террористических преступлениях: вопросы взаимообусловленности и противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 183–188.

Original article

Illegal hiring in extremist and terrorist crimes: issues of interdependence and counteraction

Ilya M. Pshenichnov^{1, 2}

¹SK RF SPb Academy, Saint Petersburg, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

²National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation, pshenichnov.im@skspba.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the phenomenon of illegal hiring in the context of extremist and terrorist crimes, with an emphasis on its criminological specifics and criminal law assessment. The relevance of the considered issue is due to the transformation of criminal practices, in which contractual forms of interaction between

© Пшеничнов И. М., 2025

the customer and the contractor become a tool for the implementation of violent acts, including ideologically motivated ones. In the context of digitalization, globalization, and the growing marginalization of certain social groups, illegal hiring is becoming sustainable and forms a special kind of latent threat that contributes to the commercialization of political violence. The article analyzes the normative, doctrinal and empirical aspects of this phenomenon. Particular attention is paid to the lack of a unified approach to the definition and legal understanding of this phenomenon in the legislation of various countries, which hinders effective international cooperation in the fight against extremism and terrorism.

Keywords: transformation of crime, public danger, extremist and terrorist crimes, mercenary, contractor, radicalization

For citation: Pshenichnov I. M. Illegal hiring in extremist and terrorist crimes: issues of interdependence and counteraction. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 183–188. (In Russ.).

Современные реалии экстремистской и террористической деятельности обнаруживают все большую зависимость от инструмента незаконного найма как способа реализации противоправных замыслов. Использование наемных исполнителей, готовых за материальные или иные выгоды участвовать в подготовке и осуществлении актов насилия, приводит к качественной трансформации структуры преступности, усиливая ее скрытый характер и увеличивая масштабы деструктивного воздействия на общественные отношения. Незаконный найм в этом контексте становится не только средством достижения экстремистских целей, но и важным элементом криминального бизнеса, где человеческий ресурс превращается в объект товарно-денежных отношений.

Особую остроту данной проблеме придает стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, способствующих заключению преступных соглашений в условиях высокой анонимности и трансграничной мобильности участников. Легкость вербовки, отсутствие устойчивых организационных связей между заказчиком и исполнителем, а также слабая правовая проработанность механизмов пресечения подобных форм поведения формируют новое поколение угроз, подрывающих устойчивую национальную безопасность и затрудняющих международное взаимодействие в борьбе с терроризмом и экстремизмом. В условиях указанной криминальной динамики необходимость научного переосмысления «незаконного найма» и его взаимосвязи с идеологически мотивированными преступлениями приобретает первостепенное значение.

При этом особого внимания заслуживает обстоятельство, что обозначенный деструктивный феномен обретает черты институционализированного явления, выступающего самостоятельным фактором эскалации социальной

дестабилизации. Рост квалифицирующих признаков преступных деяний, сопряженных с применением информационно-телекоммуникационных технологий, демонстрирует, что практически любое противоправное действие сегодня может быть реализовано посредством заказа криминальных услуг. Формирование «черного рынка труда», функционирующего вне рамок правового регулирования, способствует укоренению квазисоциальных структур, где человеческие ресурсы используются в интересах антиобщественной деятельности.

В рамках этой псевдоэкономической модели наиболее опасными становятся формы взаимодействия, основанные на договорных отношениях между инициатором и исполнителем экстремистских актов. Договорная природа таких соглашений значительно снижает уровень самоконтроля среди потенциальных участников и облегчает вовлечение лиц, не способных в силу личностных или социальных причин самостоятельно прийти к совершению противоправного поступка. Подобное делегирование насилия усиливает криминогенный потенциал общества, способствует радикализации маргинализированных групп и создает благоприятную среду для реализации идеологических доктрин через коммерциализированные формы насилия.

Уголовно-правовое противодействие незаконному найму в экстремистских и террористических преступлениях осложняется транснациональным характером угроз, усиленным глобализацией и развитием цифровых технологий. Глобальные коммуникационные сети не только способствуют координации преступной деятельности, но и обеспечивают анонимный рекрутинг исполнителей, минуя традиционные механизмы правового контроля. По данным Европола, более 40 % террористических актов, предотвращенных на территории Европейского

союза в 2023 году, были организованы с участием лиц, завербованных через закрытые цифровые платформы и анонимные каналы связи [1]. Одновременно радикализация уязвимых групп населения, вызванная социальными кризисами, экономическим неравенством и миграционными процессами, формирует благоприятную почву для привлечения новых лиц к совершению противоправных действий. Исследования *Radicalisation Awareness Network* фиксируют, что именно личные кризисы и маргинализация являются ведущими факторами ускоренной вербовки лиц для участия в террористической активности [2, с. 24–25].

Таким образом, незаконный наем трансформируется в один из наиболее гибких и опасных инструментов экстремистской преступности, что требует от национальных и международных институтов пересмотра существующих подходов к его уголовно-правовому регулированию и профилактике. При этом несовершенство нормативной базы для определения сущности таких феноменов в законодательствах различных государств существенно осложняет международное сотрудничество, препятствуя выработке согласованных правовых механизмов эффективного противодействия.

Статья 1 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» раскрывает сущность интересующего нас феномена через призму следующей совокупности общественно опасных деяний: организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта; подстрекательство к ним; организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации данной деятельности; пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности [3].

Представленная официальная интерпретация не является в полной мере удачной, поскольку не отражает необходимые отличительные признаки соответствующей дефиниции, не позволяет однозначно сформировать представление о концептуальной сущности

рассматриваемого явления, а лишь предоставляет строго определенный перечень категорий, составляющих различные его проявления. С отсутствием должного подхода к толкованию, в данном контексте также прослеживается социально правовой нюанс, заключающийся в факте признания международным сообществом борьбы народов за свое самоопределение и независимость, который лишь усиливает свою значимость благодаря неоднозначным и порой противоречивым принципам, заложенным в основу мирового правопорядка, в том числе внутреннего территориального суверенитета. Как справедливо отмечается в гуманитарной доктрине, использование единого терминологического аппарата при формировании соответствующего определения способствовало бы унификации существующих на международной арене подходов к противодействию фундаментальным основам рассматриваемого деструктивного феномена, в рамках чего были бы заложены необходимые социально-правовые предпосылки к формированию комплекса мер, регулирующего, закрепительного, а также профилактического характера [4, с. 49].

Наряду с этим технико-юридический аспект обеспечения противодействия представленному девиантному поведению лишь усугубляется с учетом законодательного подхода к толкованию категории экстремистская деятельность, консолидировавшему в своем содержании еще большую совокупность вариаций криминальной активности, в том числе включающей и проявления терроризма [5]. Подобного рода нормотворческие решения, с одной стороны, упрощают соотношение конкретного события с элементом, указанным в перечне, а с другой — размывают границы противоправного поведения, сущность которого становится фактически не сформированной в социальном правосознании. В силу чего утрачивается изначальный правоохранительный посыл, заложенный в соответствующих источниках права, ведущий к последующему включению в перечень деяний, не отвечающих этимологическому содержанию экстремизма, что, соответственно, порождает и различия в подходах к противодействию подобным феноменам на международной арене.

Борьба с терроризмом и экстремизмом также ставит перед мировым сообществом задачу балансирования между обеспечением национальной безопасности и соблюдением прав человека, чтобы избежать ограничения основных свобод и эскалации социальной напряженности.

С учетом этого в рассматриваемом контексте именно феномен незаконного найма приобретает особую актуальность, поскольку он олицетворяет собой процесс формирования взаимовыгодных договорных отношений между заказчиком и исполнителем, в основе которого располагается факт добровольного заключения соглашения о совершении соответствующего противоправного деяния за материальное вознаграждение или иного рода личную выгоду [6, с. 79]. В контексте современной уголовно-правовой парадигмы проблема использования наемников в террористической и экстремистской деятельности приобретает особую актуальность. Эта тенденция усиливает сложность противодействия таким видам преступности, поскольку наемники часто обладают специализированными навыками, могут быть мотивированы финансовой выгодой и при этом не имеют «привязанности» к конкретным странам, организациям и идеологиям, что затрудняет их идентификацию и преследование.

Наемничество в контексте исследуемых форм криминальной активности может проявляться в различных формах, включая использование боевиков для проведения терактов, участие в вооруженных конфликтах, оказание услуг по обеспечению безопасности или логистической поддержки преступных группировок, а также предоставление технических знаний, например, в области кибербезопасности или взрывных устройств. Одна из ключевых проблем, связанных с использованием наемников, заключается в том, что они могут действовать как независимые агенты, не принадлежа к определенной организации, что усложняет установление их принадлежности и нахождение способов юридического влияния на них. Кроме того, они могут переходить от одной группировки к другой, распространяя опыт и знания, что способствует обмену тактиками и стратегиями между различными экстремистскими образованиями.

Современные технологии и глобализация также способствуют распространению наемничества в представленной сфере общественных отношений. Интернет предоставляет платформу для анонимной вербовки данного рода «специалистов» в то время как легкость трансграничного передвижения позволяет им быстро перемещаться в районы конфликтов или в страны, где они могут избегать юридической ответственности. Правовое обеспечение противостояния использованию наемников в террористической и экстремистской деятельности

требует усовершенствования национального и международного законодательства, в том числе посредством их унификации. Важно также обеспечить эффективное взаимодействие между странами для обмена информацией и совместных операций по пресечению деятельности подобных криминальных формирований.

В контексте экстремистско-террористических преступлений отдельной проблемой является мотивация, которая движет нанятым лицом. Данное целеполагание не всегда ориентировано на личное благополучие, оно может быть направлено на благосостояние членов семьи или иных лиц. Не исключена ситуация, в которой человек в силу различных жизненных обстоятельств самостоятельно сформировал негативное отношение к существующей в стране государственной власти, например, из-за недостаточно высокого качества жизни, низкой зарплаты, обеспечивающей потребности его семьи, психологического воздействия различных информационных источников. Подобный субъект становится идеальным инструментом в руках экстремистских формирований, которым уже не требуются особые усилия по переубеждению и реструктуризации моральных ценностей «отчаявшегося» человека, им достаточно лишь оказать содействие идеологического и материального плана для пополнения своих рядов очередным радикалом, руководствующимся исключительно личной выгодой, замаскированной под якобы «благие цели».

Вспомним о недавнем трагическом событии, которое произошло в Ницце 14 июля 2016 года, когда местные жители и туристы собрались на городской набережной, чтобы отпраздновать День взятия Бастилии. Внезапно водитель грузовика, гражданин Т. М. Б., двигаясь со скоростью 60–70 км/ч, умышленно осуществил наезд на толпу людей, в результате чего погибли 84 человека и более 300 человек получили серьезные ранения. В ходе расследования были выявлены интересные факты: семья террориста получила 100 тысяч евро за пару дней до трагедии [7].

Однако даже среди самых страшных ситуаций находится место событиям, превосходящим все человеческие представления о морали и нравственности, например, когда становятся известными факты использования несовершеннолетних в преступлениях экстремистско-террористического толка. Так, например, в 2013 году 14-летний О. А. К. в эфире

сирийского телевидения рассказал о деталях своего участия в преступлениях, включая его вербовку и присоединение к боевикам, мотивированное обещаниями о материальном вознаграждении [8]. В том же году в Афганистане сирота по имени *Neaz* пришел сдать в полицейский участок и рассказал, что в восьмилетнем возрасте боевики Талибана переманили его на свою сторону. Они дарили ему конфеты и в итоге привели его к жилету смертника, заполненному пулями и гранатами. Затем они предложили ему деньги и попросили взорвать себя на контрольно-пропускном пункте. Мальчик спросил, что он будет делать с деньгами, если взорвет себя, но они продолжали поощрять его, говоря, что если он сделает это, то попадет в рай [9].

На основании изложенного представляется возможным утверждать, что феномен незаконного найма достаточно прочно укрепился в деятельности экстремистских и террористических формирований, в рамках которых он выступает ключевым катализатором криминальной активности, представляющей в настоящее время одну из наиболее серьезных угроз для национальной и международной безопасности. С учетом этого противодействие обозначенным деструктивным явлениям должно включать в себя не только репрессивные меры, но и комплекс профилактических мероприятий, направленных на уменьшение мотивации к участию в таких действиях, включая социальную интеграцию, экономическое развитие и образовательные программы, способствующие повышению осведомленности о рисках и последствиях участия в незаконных вооруженных формированиях.

Таким образом, борьба с использованием наемников в террористической и экстремистской деятельности требует всестороннего подхода, включающего законодательные инициативы, международное сотрудничество, а также общественно-политические мероприятия, направленные на предотвращение вовлечения людей в подобные общественно опасные деяния.

Список источников

1. European Union Terrorism Situation and Trend Report – Executive summary. URL: <https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/TE-SAT%202024%20-%20Executive%20Summary%20-%20EN.pdf> (дата обращения: 17.03.2025).
2. PISOIU D., RENARD T. Responses to returning foreign terrorist fighters and their families 2nd Edition,

2022 // Directorate-General for Migration and Home Affairs, 2022. 127 p.

3. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

4. Селютин В. И., Лустин К. А. Проблема определения понятия терроризма в отечественной и зарубежной науке // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12. № 9А. С. 45–51.

5. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

6. Пшеничнов И. М. Ответственность за наем в российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 302 с.

7. Федякина А. Террорист из Ниццы отправил 100 тысяч евро семье перед атакой // Российская газета. 2016.

8. Syrian boy describes how he turned into a terrorist. URL: <http://en.alalam.ir/news/1523592> (дата обращения: 17.03.2025).

9. Taliban Lures Children to Become Suicide Bombers. URL: <http://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13920431000907> (дата обращения: 17.03.2025).

References

1. European Union Terrorism Situation and Trend Report – Executive summary. URL: <https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/TE-SAT%202024%20-%20Executive%20Summary%20-%20EN.pdf> (accessed 17.03.2025). (In Russ.).
2. PISOIU D., RENARD T. Responses to returning foreign terrorist fighters and their families 2nd Edition, 2022. Directorate-General for Migration and Home Affairs, 2022. 127 p.
3. On counteracting terrorism: federal law no. 35-FZ of 6 March 2006. *Collection of Legislation of the RF*, 2006, no. 11, art. 1146. (In Russ.).
4. Selyutin V. I., Lustin K. A. The Problem of Defining the Concept of Terrorism in Domestic and Foreign Science. *Theories and Problems of Political Research*, 2023, vol. 12, no. 9A, pp. 45–51. (In Russ.).
5. On Counteracting Extremist Activity: federal law no. 114-FZ of July 25, 2002. *Collected Legislation of the RF*, 2002, no. 30, art. 3031. (In Russ.).
6. Pshenichnov I. M. Responsibility for Hiring in Russian Criminal Legislation: Theoretical and Applied Research. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod. 2017. 302 p. (In Russ.).
7. Fedyakina A. Terrorist from Nice sent 100 thousand euros to his family before the attack. *Rossiyskaya Gazeta*, 2016. (In Russ.).

8. Syrian boy describes how he turned into a terrorist.
URL: <http://en.alalam.ir/news/1523592> (accessed 17.03.2025).

9. Taliban Lures Children to Become Suicide Bombers. URL: <http://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13920431000907> (accessed 17.03.2025).

Информация об авторе

И. М. Пшеничнов — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета; доцент кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Information about the author

I. M. Pshenichnov — Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.

Научная статья
УДК 343.7

Мошенничество в свете законодательной текстологии

Ситникова Александра Ивановна

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, orcrimpravo@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена стремлением законодателя ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации новые виды мошенничества в разных сферах социально-экономической деятельности и тем самым оградить интересы граждан от мошеннических посягательств. В качестве методологической основы исследования использован диалектический метод в совокупности с инструментальными методами познания. Автор приходит к выводам, что для формулирования оптимальных по объему и содержанию уголовно-правовых предписаний необходимо ввести к статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации дефинитивное примечание бланкетного характера о едином предмете посягательства для всех видов мошенничества; исключить из диспозиции части 1 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации второй альтернативный способ — злоупотребление доверием, поскольку в приговорах по уголовным делам одновременно учитываются оба способа с применением союза «и»; внести уточнения в статью 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации путем указания дополнительного непосредственного объекта, предмета и конкретного способа совершения мошенничества. Текстологический подход позволил автору статьи выявить недостатки уголовно-правовых предписаний о мошенничестве и внести предложения, направленные на улучшение качества нормативного текста за счет устранения законодательно-текстологических дефектов.

Ключевые слова: законодательно-текстологический подход, недостатки уголовно-правовых предписаний, видовые составы мошенничества

Для цитирования: Ситникова А. И. Мошенничество в свете законодательной текстологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 189–195.

Original article

Fraud in the light of legislative textology

Alexandra I. Sitnikova

Southwestern State University, Kursk, Russian Federation, orcrimpravo@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research topic is evidenced by the desire of the legislator to introduce new types of fraud in various spheres of socio-economic activity into the Criminal Code of the Russian Federation and thereby protect the interests of citizens from fraudulent encroachments. The dialectical method in combination with instrumental methods of cognition was used as a methodological basis for the study. As a result, the author comes to a number of conclusions: in order to formulate criminal-legal regulations that are optimal in volume and content, it is necessary to introduce a blanket definitional note to Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation on a single subject of attack for all types of fraud; to exclude the second alternative method — abuse of trust, from the disposition of Part 1 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, since both methods are simultaneously taken into

© Ситникова А. И., 2025

account in criminal sentences using the conjunction “and”; to clarify Article 159³ of the Criminal Code of the Russian Federation by indicating an additional direct object, subject and specific method of committing fraud. The textual approach made it possible to identify the shortcomings of criminal-legal regulations on fraud and make proposals aimed at improving the quality of the normative text by eliminating legislative-textual defects.

Keywords: legislative-textual approach, shortcomings of criminal-legal regulations, types of fraud

For citation: Sitnikova A. I. Fraud in the light of legislative textology. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 189–195. (In Russ.).

За время действия уголовного закона законодатель внес в главу 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Преступления против собственности» множество дополнений и уточнений, содержащихся в ста федеральных законах. Значительные изменения в текст уголовного закона введены Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в результате чего в главу 21 уголовного закона были включены статьи 159¹–159⁶ УК РФ, формулирующие ответственность за мошенничество в разных сферах деятельности: в сфере кредитования, при получении выплат с использованием электронных средств платежа, в сфере предпринимательской деятельности (статья утратила силу, Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») в сфере страхования, в сфере компьютерной информации. Инициаторы этих нововведений мотивировали необходимость дифференциации видов мошенничества причинением существенного вреда большим группам граждан в различных сферах деятельности [1]. Однако при обсуждении данного законопроекта депутаты Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации высказали критические замечания о том, что новые виды мошенничества вносят в определение понятия традиционного мошенничества громоздкость, бессистемность и неустойчивость [2]. В этой связи заслуживает одобрения позиция В. М. Баранова, по мнению которого, «реализовать смысл закона призваны не только правоприменители, но и законодатель до тех пор, пока он не «выдаст» новое аутентичское (авторское) толкование ситуации либо не изменит закон» [3, с. 15].

Однако множество нововведений не свидетельствует о повышении качества уголовного закона. В этой связи многочисленные изменения текста УК РФ вызвали обоснованную критику представителей научного сообщества.

Ученые-криминалисты оценивают беспрецедентное реформирование уголовного закона как бурную реформу уголовного законодательства [4, с. 92], нормотворческий зуд [5, с. 20–23], в результате чего, по мнению А. В. Елинского, изменения УК РФ «приобрели непредсказуемый и лавинообразный характер» [6, с. 40].

Законодательно-текстологический подход к уголовно-правовым предписаниям, сформулированным в статьях о различных видах мошенничества, позволяет выявить недостатки законодательных конструкций составов мошенничества, снижающие качество уголовного закона:

1. О совершенстве законодательных конструкций уголовно-правовых предписаний с позиции законодательной текстологии должна свидетельствовать возможность их классификации, в основе которой лежит выработка единого классификационного критерия. Такого критерия для классификации новых видов мошенничества нет, что подтверждает наличие двух точек зрения на введенные в закон виды мошенничества: одни авторы рассматривают их как специальные составы [7, с. 23], другие — как привилегированные [8, с. 279]. Разная оценка новых видов мошенничества создает существенные трудности во время квалификации содеянного: при признании новых видов мошенничества специальными составами правоприменитель должен следовать правилам квалификации при конкуренции общей и специальной нормы, а в случае признания их привилегированными составами квалификация должна осуществляться по правилам применения привилегированной нормы. Для устранения терминологической рассогласованности в обозначении новых видов мошенничества и выработки единообразной практики применения уголовно-правовых предписаний предлагаем считать новые виды мошенничества *видовыми*, поскольку таковыми они являются по своей юридической природе.

2. В классической формуле мошенничества (ст. 159 УК РФ) и при совершении мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ) предметом преступления признается

чужое имущество или право на чужое имущество. В качестве предмета преступления в других видах мошенничества выступают денежные средства (ст. 159¹ УК РФ), денежные средства или иное имущество (ст. 159² УК РФ), чужое имущество (ст. 159⁵ УК РФ), при этом в статье 159³ УК РФ предмет преступления не указан. Таким образом, в пяти статьях о мошенничестве законодатель закрепляет в качестве предмета преступления чужое имущество, иное имущество, право на чужое имущество, денежные средства, однако в одной статье предмет мошенничества пропущен.

Необходимо отметить, что гражданское законодательство (ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)) к объектам гражданских прав относит вещи, то есть наличные деньги, документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, включая безналичные денежные средства, цифровые рубли, цифровые права. Перечисленные предметы мошенничества на основании гражданско-правовых предписаний являются объектами гражданского права и в этой связи, на наш взгляд, приемлемым является объективация (закрепление) в примечании к статье 159 УК РФ определения понятия «предмет мошенничества», в качестве которого выступает единый предмет разных видов мошенничества — объекты гражданского права, за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ.

Предлагаемое примечание к статье 159 УК РФ может быть сформулировано в следующем виде.

Примечание: Предметом мошенничества являются объекты гражданского права, указанные в статье 128 ГК РФ, за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ.

Данный вид примечания является дефинитивным и имеет бланкетный характер, поскольку адресаты нормы получают дополнительную информацию из гражданского законодательства, дающую определенное представление о дефинируемом понятии. Законодательно-текстологический подход к введению в текст статей о мошенничестве интегрированного предмета посягательства (*объекты гражданского права*) позволит сформулировать оптимальные по объему и содержанию уголовно-правовые предписания, позволяющие обеспечить экономии законодательного материала и включить в нормативный текст все признаки преступного посягательства. Помимо этого, введение

единого предмета преступления для всех видов мошенничества исключит доктринальную полемику о соотношении разных по значению, но одинаковых по смыслу предметов мошенничества, таких как «чужое имущество» и «иное имущество».

3. Законодательно-текстологический подход позволяет выявить неполноту формулировок уголовно-правовых предписаний, что оказывает отрицательное воздействие на правоприменительную практику. В частности, недостаточно полно законодатель сформулировал предмет мошенничества в сфере получения выплат (ст. 159² УК РФ) и в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ).

Предметом мошеннических действий (по ч. 1 ст. 159² УК РФ) являются денежные средства или иное имущество при получении социальных выплат в виде пособий, компенсаций, субсидий и иных видов вспоможения. Законодатель неоднозначно сформулировал предмет мошеннических действий в сфере получения выплат, в связи с чем в уголовно-правовой литературе идет длительная дискуссия о том, что относится к социальным выплатам, а в правоприменительной практике серьезные трудности вызывает адекватная квалификация действий лиц, получающих социальные выплаты, путем предоставления заведомо ложных или недостоверных сведений, а также путем умолчания о фактах, влекущих прекращение социальных выплат. Обращает на себя внимание, что одна часть ученых считает, что любые социальные выплаты из муниципального или федерального бюджетов, полученные обманом путем, представляют собой мошенничество, квалифицируемое по статье 159² УК РФ [3]. Другая часть ученых, напротив, считает, что по статье 159² УК РФ нельзя оценивать действия, связанные с целевыми программами, грантами, выплатами, направленными на стимулирование сельскохозяйственного производства, в качестве мошенничества [4].

На наш взгляд, минимизировать доктринальный спор и неоднородную практику применения статьи 159² УК РФ возможно путем формулирования дефинитивного примечания к статье 159² УК РФ, в котором необходимо сформулировать определение понятия «социальная выплата» с четким обозначением соответствующих признаков. Данное нововведение позволит отграничить социальные выплаты, признаки которых даны в части 1 статьи 159² УК РФ, от иных выплат, которые не являются предметом мошенничества. Дефиницию социальной

выплаты можно сформулировать следующим образом: «Социальная выплата — это выплата в виде денежных средств, установленная законом или иным нормативно-правовым актом, а также выплата, предназначенная для государственной поддержки социально уязвимых групп граждан за счет государственных бюджетов различного уровня и специальных госфондов».

Предметом компьютерного преступления законодатель признал компьютерную информацию. Определение данного понятия закреплено в примечании 1 к статье 272 УК РФ. В статье 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дано общее определение понятия «информация». При этом в указанном законе отсутствует определение понятия «компьютерная информация». Текстотрический подход к уголовно-правовой формуле «компьютерная информация» позволяет выявить текстуальные недостатки, которые затрудняют обоснованное применение статьи 159⁶ УК РФ:

— во-первых, в законодательном определении в качестве вида компьютерной информации обозначены электрические сигналы, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Однако Верховный Суд Российской Федерации в своем официальном отзыве на законопроект от 7 апреля 2011 года справедливо отметил, что «термин «электрические сигналы» не вносит достаточной ясности в определение понятия компьютерной информации, в связи с чем требуется дополнительное пояснение» [26];

— во-вторых, в силу ускоренного развития IP-технологий существуют различные виды информации, не подпадающие под легальное определение понятия «компьютерная информация», так как информация может быть сформирована и циркулировать вне электрических сигналов. В настоящее время информация довольно результативно передается по беспроводным каналам связи, а также посредством использования электромагнитных сигналов и оптоволокон, кроме того, она может храниться для последующей передачи на флэш-картах, DVD-дисках и обессточенных жестких дисках.

Для приведения в соответствие законодательного текста с развитием современных технологий в сфере компьютерной информации необходимо модернизировать легальное определение понятия «компьютерная информация». Соответствующее определение можно сформулировать в следующем виде: «Компьютерная

информация представляет собой данные, представленные в цифровом виде на любом носителе, независимо от средств его хранения, обработки и передачи посредством существующих компьютерных систем либо информационно-телекоммуникационных сетей».

Предлагаемое определение с достаточной полнотой предусматривает все носители и средства распространения информации, в том числе магнитные и оптические диски; всевозможные технические поверхности с нанесенными на них кодами, волоконно-оптические линии, а также электромагнитные поля различных радиоканалов цифровой связи.

4. Наряду с указанными недостатками, законодательно-текстологический подход позволяет выявить недостатки описания мошеннических действий, содержащихся в диспозициях статей. Два вида преступных действий — хищение или приобретение права — содержатся в статьях 159, 159⁶ УК РФ, хищение как единичное мошенническое действие закреплено в статьях 159¹, 159², 159⁵ УК РФ, а в статье 159³ УК РФ отсутствует указание на мошенничество как вид хищения.

С позиций законодательной текстологии несоблюдение правил описания преступных действий, оказывающих существенное влияние на квалификацию преступлений, нарушает структурно-смысловую взаимосвязь между элементами и признаками состава мошеннических действий. В этой связи в статье 159³ УК РФ необходимо внести уточнение и предусмотреть, что данный вид преступного посягательства совершается в виде хищения чужого имущества с использованием электронных средств платежа.

5. Составообразующим признаком объективной стороны состава мошенничества является способ совершения преступных действий. В классической формуле мошенничества (ст. 159 УК РФ) законодатель предусмотрел два альтернативных способа совершения мошенничества: обман или злоупотребление доверием. В новых составах мошенничества законодательно закреплен один способ совершения мошеннических действий — обман, который терминологически выражен по-разному: в статье 159¹ УК РФ — «путем предоставления банку или кредитору заведомо ложных и (или) иных недостоверных сведений», в статье 159² УК РФ — «путем предоставления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах», в статье 159⁴ УК РФ — «путем обмана», в статье 159⁶ УК РФ — «путем

ввода, удаления, блокирования, модификации либо иного вмешательства», при этом в статье 159³ УК РФ способ не описан.

В науке уголовного права ведется дискуссия об обоснованности закрепления в части 1 статьи 159 УК РФ двух способов совершения мошенничества. Одни авторы (С. М. Кочои, А. Г. Безверхов и их сторонники) рассматривают злоупотребление доверием как самостоятельный способ [9, с. 182–183, 10, с. 278], по мнению Г. В. Назаренко, мошенничеству присущ только один способ — обман [11, с. 30–32], А. А. Южин утверждает, что злоупотребление доверием является частным случаем обмана [12, с. 10].

Полагаем, что стоит согласиться с позицией А. А. Южина и поддержать исключение из диспозиции статьи 159 УК РФ второго способа мошенничества — злоупотребление доверием, поскольку мошенничество совершается только путем обмана, а злоупотребление доверием предшествует обману и является условием, способствующим совершению обмана. Необходимость модернизации формулы мошенничества подтверждает правоприменительная практика, поскольку в приговорах отсутствует дифференциация способов мошенничества и при квалификации одновременно учитывается обман и злоупотребление доверием [13, с. 52–56].

6. Особо стоит рассмотреть законодательно-текстологические упущения при формулировании предписаний части 1 статьи 159³ УК РФ:

— во-первых, в указанной норме отсутствует описание сферы совершения мошенничества, то есть дополнительного непосредственного объекта и предмета преступления. Сферой совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа является сфера электронных платежей, а предметом в части 1 статьи 159³ УК РФ в соответствии со статьей 128 ГК РФ выступают вещи, то есть наличные денежные средства и иное имущество в виде безналичных денежных средств;

— во-вторых, законодатель не указал, что мошенническое действие имеет форму хищения;

— в-третьих, в отличие от других составов мошенничества не описан конкретный способ совершения данного преступления.

Для устранения недостатков, имеющих место в составе мошенничества с использованием электронных средств платежа, предлагаем уточнить редакцию части 1 статьи 159³ УК РФ и ввести недостающие признаки объективной стороны в состав мошенничества.

Мошенничество в сфере электронных платежей, то есть хищение наличных денежных средств или иного имущества путем обмана с использованием электронных средств платежа.

7. Графическое оформление статей уголовного закона должно быть направлено на повышение качества восприятия законодательно текста за счет выделения юридически значимых фрагментов статей. Однако законодатель не провел абзацно-литерное членение квалифицирующих признаков, в результате чего уголовно-правовые предписания представлены в виде недифференцированного перечня. Без соблюдения данного законодательно-текстологического приема изложены квалифицирующие признаки частей 2, 3, 4 статьи 159 УК РФ, частей 3, 4 статьи 159.1 УК РФ, частей 3, 4 статьи 159.2 УК РФ, частей 3, 4 статьи 159.3 УК РФ, частей 2, 3, 4 статьи 159.5 УК РФ, частей 2, 4 статьи 159.6 УК РФ. Композиционно-графическое членение имеет место только в части 3 статьи 159⁶ УК РФ, в которой с использованием буквенной литеации сформулированы три квалифицирующих признака. На наш взгляд, квалифицирующие признаки классического мошенничества и новых его видов следует привести в соответствие с требованиями законодательной текстологии и придать уголовно-правовым предписаниям абзацно-литерное членение, которое характерно для других форм хищения. Композиционно-графическое оформление квалифицирующих признаков мошенничества позволит повысить качество уголовного закона за счет дифференциации квалифицирующего признаков по степени общественной опасности групповых форм соучастия и размеров ущерба.

В заключение необходимо отметить, что законодательно-текстологический подход к уголовно-правовым предписаниям, предусматривающим ответственность за мошенничество, дает возможность рассмотреть тексты статей 159–159⁶ УК РФ как текстуальный феномен, который состоит из определенных конструктивных элементов и признаков. Предписания уголовного закона, не имеющие обязательных признаков, считаются некачественными.

Рассмотрение уголовно-правовых предписаний о мошенничестве с позиции текстоцентрического подхода [14] позволило выявить в нормативном тексте отсутствие конструктивных элементов и признаков, затрудняющих применение уголовно-правовых норм. На основании этих данных к числу законодательно-текстологических недостатков, имеющих место в статьях 159–159⁶ УК РФ, отнесены:

— во-первых, выявлено отсутствие единого классификационного критерия, позволяющего осуществить видовую классификацию составов мошенничества;

— во-вторых, установлена необходимость введения посредством примечания к статье 159 УК РФ интегрированного предмета мошенничества;

— в-третьих, обнаружена неточность и внесено уточнение в часть 1 статьи 159³ УК РФ в отношении вида мошеннического посягательства и предмета преступления, содержащегося в примечании 1 к статье 272 УК РФ;

— в-четвертых, сформулировано определение понятия «социальная выплата», которое предлагается выделить в качестве дефинитивного примечания к статье 159² УК РФ;

— в-пятых, в статье 159² УК РФ выявлено отсутствие способа совершения преступления и проведена модернизация составообразующего признака мошенничества — способа мошеннических действий;

— в-шестых, установлено отсутствие ряда признаков, которые необходимо ввести в состав мошенничества, предусмотренного частью 1 статьи 159³ УК РФ;

— в-седьмых, предложено легальное определение понятия «компьютерная информация», которое охватывает все виды информации, переданные по всем носителям и средствам распространения;

— в-восьмых, обнаружены композиционно-графические дефекты, имеющие место при оформлении квалифицирующих признаков составов мошенничества (ч. 2, 3, 4 ст. 159 УК РФ, ч. 3, 4 ст. 159¹ УК РФ, ч. 3, 4 ст. 159² УК РФ, ч. 3, 4 ст. 159³ УК РФ, ч. 2, 3, 4 ст. 159⁵ УК РФ, ч. 2, 4 ст. 159⁶ УК РФ).

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: паспорт проекта Федерального закона № 53700-6. URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2025).

2. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации от 23 ноября 2012 года. URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2025).

3. Баранов В. М. Кодификация правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации: сущность, необходимость, перспективы // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2023. № 1 (61). С. 12–27.

4. Кибальник А. Г. О новой редакции УК РФ // *Современная уголовная политика: поиск оптимальной мо-*

дели: материалы VII РКУП (30 мая-1 июня 2012 года). Москва: Издательство «Проспект», 2012. С. 93–98.

5. Благов Е. В. Новый Уголовный кодекс или новая его редакция // *Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII РКУП (31 мая – 1 июня 2012 года)*. Москва: Издательство «Проспект», 2012. С. 19–23.

6. Елинский А. В. Конституционализация российского уголовного законодательства в контексте задач его обновления // *Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII РКУП (31 мая — 1 июня 2012 года)*. Москва: Издательство «Проспект», 2012. С. 40–46.

7. Мусьял И. А., Шевелева С. В. Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы. Курск, 2018. 303 с.

8. Пряжина Н. И., Щепельков В. Ф. Социально-правовые основания уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015. № 2. С. 277–289.

9. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. Москва: Издательство «Проспект», 2000. 288 с.

10. Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. 359 с.

11. Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Преступления против собственности: научно-практическое пособие. Москва: Юрлитинформ, 2020. 168 с.

12. Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 238 с.

13. Петров С. А. Доверие как условие совершения мошенничества // *Уголовное право*. 2015. № 4. С. 52–56.

14. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология: монография. Москва: Издательство «Проспект», 2016. 304 с.

Referances

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: passport of the Draft Federal Law no. 53700-6. URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru> (accessed 15.04.2025). (In Russ.).

2. Transcript of the State Duma Russian Federation meeting of November 23, 2012. URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru> (accessed 15.04.2025). (In Russ.).

3. Baranov V. M. Codification of Legal Positions of the Supreme Court of the Russian Federation: Essence, Necessity, Prospects. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (61), pp. 12–27. (In Russ.).

4. Kibalnik A. G. On the new version of the Criminal Code of the Russian Federation. Modern criminal policy: search for an optimal model: materials of the VII RCUP

(May 30 – June 1, 2012). Moscow: Prospect Publ., 2012. Pp. 93–98. (In Russ.).

5. Blagov E. V. The new Criminal Code or its new versionю Modern criminal policy: search for an optimal model: materials of the VII RCUP (May 31 – June 1, 2012). Moscow: Prospect Publ., 2012. Pp. 19–23. (In Russ.).

6. Elinsky A. V. Constitutionalization of Russian criminal legislation in the context of the tasks of its update. Modern criminal policy: search for an optimal model: materials of the VII RCUP (May 31 – June 1, 2012). Moscow: Prospect Publ., 2012. Pp. 40–46. (In Russ.).

7. Musial I. A., Sheveleva S. V. Differentiated types of fraud: theoretical and practical problems. Kursk, 2018. 303 p. (In Russ.).

8. Pryakhina N. I., Shchepelkov V. F. Social and legal grounds for criminal liability for fraud in the sphere of entrepreneurial activity. *Criminological journal of the*

Baikal state university of economics and law, 2015, no. 2, pp. 277–289. (In Russ.).

9. Kochoi S. M. Liability for acquisitive crimes against property. Moscow: Prospect Publ., 2000. 288 p. (In Russ.).

10. Bezverkhov A. G. Property crimes. Samara: Samara. 2002. 359 p. (In Russ.).

11. Nazarenko G. V., Sitnikova A. I. Crimes against property: scientific and practical manual. Moscow: Yurlitinform Publ., 2020. 168 p. (In Russ.).

12. Yuzhin A. A. Fraud and its types in Russian criminal law. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2015. 238 p. (In Russ.).

13. Petrov S. A. Trust as a condition for committing fraud. *Criminal law*, 2015, no. 4, pp. 52–56. (In Russ.).

14. Sitnikova A. I. Criminal-legal textology: monograph. Moscow: Prospect Publishing House, 2016. 304 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. И. Ситникова — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета.

Information about the author

A. I. Sitnikova — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law at Southwestern State University.

Научная статья
УДК 343

**К вопросу о понятии и содержании мониторинга
как одного из этапов деятельности подразделений ЭБиПК
по оперативному обслуживанию территории (линии, объекта)**

Телицын Николай Александрович¹, Мищенко Леонид Васильевич²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹120805@ro.ru

²mishchenkoLV@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-прикладных аспектов организации деятельности подразделений ЭБиПК по оперативному обслуживанию. С учетом достигнутых результатов научных исследований и выработанной организационной структуры рассматриваемого направления деятельности в качестве самостоятельного ее этапа предложено выделить *мониторинг состояния оперативной обстановки*. Авторская позиция аргументируется как результатами оперативно-служебной деятельности, так и достижениями актуальных научных исследований в рассматриваемой сфере деятельности.

Ключевые слова: оперативное обслуживание, общая модель деятельности, этапы, мониторинг, подразделения ЭБиПК

Для цитирования: Телицын Н. А., Мищенко Л. В. К вопросу о понятии и содержании мониторинга как одного из этапов деятельности подразделений ЭБиПК по оперативному обслуживанию территории (линии, объекта) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 196–202.

Original article

**On the issue of the concept and content of monitoring
as one of the stages of the activities of the EBiPK
units for operational maintenance of the territory (line, object)**

Nikolay A. Telitsyn¹, Leonid V. Mishchenko²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹120805@ro.ru

²mishchenkoLV@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of theoretical and applied aspects of organizing the activities of operational maintenance departments. Taking into account the achieved results of scientific research and the developed organizational structure of the area of activity under consideration, it is proposed to single out monitoring the state of the operational situation as an independent stage. The author's position is justified both by the results of operational activities and by the achievements of current scientific research in the field of activity under consideration.

© Телицын Н. А., Мищенко Л. В., 2025

Keywords: operational maintenance, general model of activity, stages, monitoring, departments of electrical safety and security

For citation: Telitsyn N. A., Mishchenko L. V. On the issue of the concept and content of monitoring as one of the stages of the activities of the EBiPK units for operational maintenance of the territory (line, object). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 196–202. (In Russ.).

Оперативное обслуживание территории (линии, объекта) выступает в качестве организационно-управленческого направления деятельности, призвано повысить уровень эффективности деятельности оперативных подразделений по борьбе с преступностью посредством анализа и оценки состояния оперативной обстановки и выработки с учетом ее состояния соответствующих управленческих решений. Теоретические основы данной деятельности на монографическом уровне изучены в нескольких исследованиях на соискание ученой степени кандидата наук и одном исследовании на соискании ученой степени доктора наук [1; 2]. Полученные научно значимые результаты способствовали существенному развитию теоретических подходов к данному направлению деятельности, отграничив его от смежных явлений и аргументировав наличие самостоятельных цели, задач и результатов деятельности. Представленные результаты опубликованы и стали доступны научному сообществу с 2002 года, когда была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора наук [1].

Дальнейшее развитие теории оперативно-розыскной деятельности в контексте оперативного обслуживания, по нашему мнению, уже не имело столь значительных научно значимых результатов и двигалось в контексте исследования отдельных аспектов данного направления деятельности на уровне публикации отдельных научных статей немногочисленными авторами. В основном теоретическое осмысление пошло по пути разработки базовой методики организации оперативного обслуживания, включающей исследование теоретических аспектов содержания и алгоритма реализации отдельных его этапов [3, 4], а также посредством разработки частных методик оперативного обслуживания применительно к конкретным линиям (территориям, объектам) обслуживания [5]. Среди исследователей, достигших, по нашему мнению, наибольших успехов, следует отметить А. А. Агеенкова, И. И. Басецкого, Н. В. Ерошенкова, С. И. Ефанова, А. С. Малахова, А. С. Поправко и А. В. Скалдина, С. А. Ярошенко [5–7; 3–4; 8].

Вместе с тем контент-анализ доступных исследований по вопросам теории и практики

осуществления оперативного обслуживания наглядно демонстрирует всю сложность исследуемой проблематики.

Во-первых, следует отметить сравнительно небольшое число научных публикаций, что косвенно может свидетельствовать как о высокой степени сложности проблематики вопросов, так и о небольшом количестве квалифицированных специалистов, обладающих необходимыми компетенциями и способных дискутировать по заявленной проблематике. Так, за период с 2011 года по настоящее время проведено 34 исследования, посвященных вопросам оперативного обслуживания, что составляет в среднем около трех публикаций в год. Из них 18 публикаций размещены в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и 16 публикаций — в фонде специальной библиотеки Нижегородской академии МВД России.

Во-вторых, следует отметить, что подавляющее большинство публикаций (25 из 34), как правило, базируется на научных достижениях 70-80-х годов прошлого века, без учета тех научно значимых результатов, полученных в 1995–2002 годах А. В. Куликовым, Л. Н. Литковским, Н. Н. Перепелицей. Указанные теоретики ОРД исследовали организационные и иные аспекты оперативного обслуживания на монографическом уровне. Их результаты были приняты научным сообществом как достоверные. Следует отметить и тот факт, что до сих пор встречаются такие публикации, где авторы «...начинают заново изобретать велосипед». По этическим соображениям ссылки на данные публикации не приводятся. Большая часть публикаций размещена в открытом доступе и любой желающий имеет возможность самостоятельно ознакомиться с ними. Все эти обстоятельства наглядно демонстрируют проблему недостаточной исследованности и научной проработанности проблематики.

При всей сложности исследуемой проблематики как оперативные работники, так и теоретики ОРД отмечают, что деятельность подразделений ОВД по оперативному обслуживанию территории (линий, объектов) требует дальнейшего совершенствования [9–11]. Аргументируя свою позицию, адъюнкт Академии управления

МВД России К. В. Калашников приводит результаты анкетирования: «83 % практических работников признают важность и значимость данного направления деятельности, отмечая необходимость научно обоснованных рекомендаций по повышению эффективности оперативного обслуживания объектов (сфер, территорий)» [12, с. 138]. Аналогичной позиции придерживаются И. И. Басецкий, А. В. Скалдин [6, с. 87]. В этой связи к перспективным направлениям исследований, по нашему мнению, могут быть отнесены как разработка частных методик оперативного обслуживания в разрезе отдельных линий (территорий, объектов) обслуживания и (или) деятельности отдельных территориальных оперативных подразделений МВД России [5], так и вопросы, касающиеся разработки базовой методики организации оперативного обслуживания, включая ее отдельные теоретические аспекты [3–4].

Ранее уже были высказаны предложения о совершенствовании организационной структуры оперативного обслуживания путем включения/обособления в качестве его самостоятельного этапа «...мониторинга ее (оперативной обстановки) текущего состояния» [13; 14]. В целом идея такого организационного построения оперативного обслуживания, где мониторинг выступал бы в качестве одного из его этапов, по нашему мнению, достаточно нова и оригинальна. Об этом может свидетельствовать контент-анализ наименований исследованных публикаций, а также качественный анализ их содержания. Так, термин «мониторинг» был использован лишь в двух публикациях в контексте его использования в качестве равнозначного словосочетанию «оперативное обслуживание» и более предпочтительного, поскольку такой контекст, по мнению авторов, более точно передает содержание данного направления деятельности [6; 15]. При этом изученные публикации, а также доступные фондовые лекции и открытые учебники по теории ОРД не содержат результатов теоретических исследований по вопросам понятия и содержания мониторинга оперативной обстановки, а также прикладных аспектов практической деятельности, например, в виде различных частных методик деятельности подразделений ЭБиПК по мониторингу обстановки какой-либо территории (линии, объекта) обслуживания. В этой связи полагаем рассмотрение теоретических подходов к определению и содержанию мониторинга, выступающего в качестве ключевого этапа оперативного обслуживания, актуальным

и значимым для теоретической разработки. Данное направление научных исследований будет способствовать дальнейшему развитию идей А. В. Куликова, Л. Н. Литковского, Н. Н. Перепелицы.

Приступая к разработке высказанной гипотезы, необходимо отметить, что, например, в Толковом словаре Дмитриева, этапом называют отдельный момент, период в какой-либо деятельности, который по своему характеру и результатам отличается от предыдущих и последующих периодов этой деятельности. С учетом этого в качестве основных аргументов, могущих подтвердить обоснованность и целесообразность выделения мониторинга в качестве самостоятельного этапа деятельности подразделений ЭБиПК по оперативному обслуживанию территории (линии, объекта), допустимо привести следующие:

— «*время реализации этапа*». Мониторинг начинается сразу после реализации первого этапа «*Получение сведений о состоянии оперативной обстановки за отчетный период*» и заканчивается подготовкой аргументированных выводов о состоянии оперативной обстановки, складывающихся тенденций, наличии определенных рисков и т. п., которые выступают базой для реализации третьего этапа «*Выработка и реализация управленческих решений*»;

— «*специфика задач, решаемых в рамках каждого этапа*». В качестве ключевой задачи первого этапа выступает организация получения необходимых данных об оперативной обстановке, в которую входят мероприятия по определению источников информации; по обеспечению полноценного и своевременного поступления данных (например путем организации взаимодействия и взаимного информирования с различными органами власти); по обобщению и интерпретации их с учетом специфики элементов оперативной обстановки и т. д. В ходе мониторинга необходимо реализовать задачи по аналитической обработке полученных данных: на предмет ревизии их полноты, актуальности и достаточности с учетом изменения оперативной обстановки (второстепенная задача); на предмет обнаружения критически важных условий, обстоятельств, факторов, существенно влияющих на динамику состояния обстановки на территории (линии, объекте) обслуживания (основная задача). На третьем этапе необходимо решить задачи по выработке управленческих решений, информационной основой для которых будут результаты реализации задач второго этапа.

— «специфика результатов, достигаемых по окончании каждого этапа». Результатом первого этапа выступает описательная часть обзорной справки по литерному делу, в которой изложены основные актуальные показатели по каждому из элементов оперативной обстановки (условия внешней среды, силы и средства, криминогенная характеристика). По окончании мониторинга формируются как промежуточные, так и общие выводы по каждому из разделов обзорной справки. Они должны содержать аргументированные суждения оперативного работника о наличии/отсутствии рисков и степени их угрозы, складывающихся тенденциях, и т. п., что в конечном счете станет основой для принятия соответствующих управленческих решений. По результатам реализации третьего этапа должен быть выработан план мероприятий на очередной период, содержащий перечень конкретных решений, сроки их реализации и соответствующих исполнителей.

В целом суть рассматриваемого этапа оперативного обслуживания заключается, по нашему мнению, в систематическом контроле за состоянием оперативной обстановки и актуализации выводов о степени ее тревожности, а также складывающихся тенденций ее развития. Формально такие контроль и актуализация проводятся не реже, чем один раз в полгода при подготовке отчетных документов по линии (территории, объекту) оперативного обслуживания; фактически — постоянно, то есть по мере поступления новой информации об оперативной обстановке из различных источников в процессе осуществления оперативно-служебной деятельности.

На практике подобный контроль и актуализация данных реализуются посредством изучения имеющихся фактических данных об оперативной обстановке на предмет выявления критически важных факторов среды, влияющих на динамику обстановки и требующих принятия управленческих решений. Основой для такого изучения служит анализ. В зависимости от стоящих цели и задач в конкретный момент времени речь может идти как об оперативном (текущем), так и о стратегическом анализе [16]. В настоящее время ведомственная наука практически не проводит исследований в данном направлении. В то же время вопросы стратегического анализа достаточно активно разрабатываются специалистами других научных специальностей, не связанных с науками криминального цикла [15].

Отдельные аспекты оперативного и стратегического анализа, востребованных сегодня

сотрудниками оперативных подразделений ЭБиПК в процессе реализации мониторинга оперативной обстановки на территории (линии, объекте) обслуживания, разработаны и внедрены в образовательный процесс коллективом кафедры Судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России [17]. В данном случае речь идет о реализации экономико-криминалистического и оперативно-экономического видов анализа, теория и практика использования которых активно разрабатывалась отечественными учеными в 80-е годы XX века.

Полагаем, что экономико-криминалистический и оперативно-экономический виды анализов вполне успешно могут быть реализованы в процессе мониторинга такого элемента оперативной обстановки, как «условия внешней среды». Полученные результаты, помимо выработки управленческих решений, могут быть использованы в рамках реализации первого этапа поисковой деятельности «*Определение перспективных направлений поисковой деятельности*», где ключевое значение отводится сужению круга поиска мест, объектов и лиц, которых могут быть причастны к искомому противоправным действиям.

Проблемные аспекты реализации различных видов анализа в настоящее время не нашли широкого освещения в научных публикациях ведомственных специалистов и встречаются в виде крайне редких публикаций А. С. Поправко и А. С. Малахова, тогда как их научная разработка могла бы способствовать оптимизации деятельности сотрудников оперативных подразделений по организации борьбы с преступностью.

Таким образом, мониторинг можно определить как самостоятельный и в некотором смысле ключевой этап деятельности сотрудников подразделений ЭБиПК по оперативному обслуживанию линии (территории, объектов), направленный на изучение фактических данных об оперативной обстановке и реализуемый в первую очередь посредством использования методик оперативно-экономического и экономико-криминалистического анализа и имеющий цель формирование оперативного и стратегического понимания складывающихся тенденций развития оперативной обстановки, необходимой для выработки своевременных и эффективных управленческих решений по оптимизации борьбы с преступностью.

С учетом изложенного реализация мониторинга оперативной обстановки позволит

обеспечить своевременное обнаружение рисков, оценить складывающуюся ситуацию, спрогнозировать и смоделировать ее дальнейшее развитие, включая возможное наступление общественно опасных последствий, требующих своевременного принятия управленческих решений в сфере ОРД.

Список источников

1. Куликов А. В. Оперативное обслуживание подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями объектов и сфер экономики (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2002. 56 с.

2. Литковский Л. Н. Правовое и методическое обеспечение оперативного обслуживания предприятий малого бизнеса (подразделениями БЭП ГОРОВД): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1995. 24 с.

3. Поправко А. С., Малахов А. С. Экономико-правовой анализ при оперативном обслуживании объектов строительства подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 267–271.

4. Поправко А. С. Деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по осуществлению экономико-правового анализа в ходе выявления и раскрытия налоговых преступлений в сфере строительства // Вестник ВИ МВД России. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-podrazdeleniy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-i-protivodeystviya-korruptsii-po-osuschestvleniyu-ekonomiko-pravovogo-analiza> (дата обращения: 29.05.2025).

5. Ерошенков Н. В. Отдельные аспекты оперативного обслуживания объектов железнодорожного транспорта подразделениями по борьбе с преступными посягательствами на грузы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2017. № 1 (29). С. 53–55.

6. Басецкий И. И., Скалдин А. В. Территориальный мониторинг ситуации (оперативной обстановки) в сфере противодействия преступности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2011. № 2 (30). С. 87–91.

7. Ефанов С. И., Агеенков А. А. К вопросу об организации оперативного обслуживания органов власти и управления, объектов экономики по линии выявления и раскрытия взяточничества и коммерческого подкупа // Актуальные проблемы использования сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (25–26 апреля 2018 года). Иркутск, 2018. С. 189–196.

8. Ярошенко С. А. Вопросы оперативного обслуживания федеральных автомобильных дорог и объектов, с ними связанных // Вестник Дальневосточного юридического института. 2017. № 2 (39). С. 137–141. URL: <http://dot.kostacademy.kz/bible/files/271322944.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

9. Артюхов А. В., Катков С. В. Организационно-тактические основы деятельности подразделений уголовного розыска в современных условиях: монография. Волгоград, 2020. 152 с.

10. Головкин С. Н. К вопросу о понятии оперативного обслуживания (линии работы), сущности и содержания оперативной обстановки в оперативно-розыскной деятельности подразделений собственной безопасности территориальных органов МВД России // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов межведомственной научно-практической конференции (Нижегород, 26 июня 2020 года) / под общ. ред. В. И. Шарова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. С. 47–55.

11. Иванов П. И., Солдатов А. В. Организация оперативно-розыскной деятельности подразделений ЭБиПК по выявлению и раскрытию экономических и коррупционных преступлений, совершаемых при расходовании бюджетных средств, в социальной сфере: учебное пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 149 с.

12. Калашников К. В. Сущность и значение оперативного обслуживания объектов (сфер, территорий) // Право и государство: теория и практика. 2019. № 6 (174). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-ponyatie-operativnogo-obsluzhivaniya-obektov-sfer-territoriy> (дата обращения: 29.05.2025).

13. Телицын Н. А. К вопросу о формировании понятия оперативного обслуживания объектов и линий работы в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел: исторический и сущностный аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 1. С. 62–68.

14. Телицын Н. А. К вопросу об организационной структуре оперативного обслуживания и ее адаптации к потребностям повседневной оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК (на примере организации борьбы с противоправными посягательствами в бюджетной сфере, включая и преступления, предусмотренные ст. 285.1 и 285.2 УК РФ) // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 178–184.

15. Бурцев С. А., Горбунова О. А. Стратегический анализ среды функционирования бюджетного учреждения // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 1. С. 71–81.

16. Панкратов А. Ю., Мулько А. С. Стратегический анализ внутренней и внешней среды организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4-2.

17. Экономико-криминалистический анализ: учебное пособие / Голубятников С. П., Воронов С. С., Леханова Е. С., Мамкин А. Н. 2-е изд., доп. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. 83 с.

References

1. Kulikov A. V. Operational servicing of economic facilities and sectors by units combating economic crimes (theoretical and practical issues). Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2002. 56 p. (In Russ.).
2. Litkovsky L. N. Legal and methodological support for operational servicing of small businesses (by units of the Economic Security and Anti-Corruption Bureau of the City Department of Internal Affairs). Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 1995. 24 p. (In Russ.).
3. Popravko A. S., Malakhov A. S. Economic and legal analysis in operational servicing of construction sites by units of economic security and anti-corruption. Activities of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXI international scientific and practical conference. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. Pp. 267–271. (In Russ.).
4. Popravko A. S. Activities of economic security and anti-corruption units to carry out economic and legal analysis in the course of identifying and solving tax crimes in the field of construction. *Bulletin of the VI Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-podrazdeleniy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-i-protivodeystviya-korrupsii-po-osuschestvleniyu-ekonomiko-pravovogo-analiza> (accessed 29.05.2025). (In Russ.).
5. Eroshenkov N. V. Certain aspects of operational servicing of railway facilities by units to combat criminal encroachments on cargo. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*, 2017, no. 1 (29), pp. 53–55. (In Russ.).
6. Basetskiy I. I., Skal'din A. V. Territorial monitoring of the situation (operational environment) in the field of combating crime. *Issues of criminology, criminalistics and forensic examination*, 2011, no. 2 (30), pp. 87–91. (In Russ.).
7. Efanov S. I., Ageenkov A. A. On the issue of organizing operational servicing of government and administrative bodies, economic facilities in the area of identifying and disclosing bribery and commercial bribery. Actual problems of using forces, means and methods of operational-search activities: collection of materials from the All-Russian interdepartmental scientific and practical conference (April 25–26, 2018). Irkutsk, 2018. Pp. 189–196. (In Russ.).
8. Yaroshenko S. A. Issues of operational servicing of federal highways and facilities associated with them. *Bulletin of the Far Eastern Law Institute*, 2017, no. 2 (39), pp. 137–141. URL: <http://dot.kostacademy.kz/bible/files/271322944.pdf> (accessed 20.05.2025). (In Russ.).
9. Artyukhov A. V., Katkov S. V. Organizational and tactical foundations of the activities of criminal investigation units in modern conditions: monograph. Volgograd, 2020. 152 p. (In Russ.).
10. Golovko S. N. On the concept of operational service (line of work), the essence and content of the operational situation in the operational-search activities of the internal security units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Current issues in the theory and practice of operational-search activities: collection of materials from the interdepartmental scientific and practical conference (Nizhny Novgorod, June 26, 2020) / ed. by V. I. Sharov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Pp. 47–55. (In Russ.).
11. Ivanov P. I., Soldatov A. V. Organization of operational-search activities of the EBiPK units to identify and solve economic and corruption crimes committed when spending budget funds in the social sphere: a tutorial. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 149 p. (In Russ.).
12. Kalashnikov K. V. The essence and significance of operational servicing of objects (spheres, territories). *Law and state: theory and practice*, 2019, no. 6 (174). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-ponyatie-operativnogo-obslyuzhivaniya-obektov-sfer-territoriy> (accessed 29.05.2025). (In Russ.).
13. Telitsyn N. A. On the issue of forming the concept of operational servicing of objects and work lines in the activities of operational units of internal affairs bodies: historical and essential aspects. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*, 2022, no. 1, pp. 62–68. (In Russ.).
14. Telitsyn N. A. On the issue of the organizational structure of operational services and its adaptation to the needs of the daily operational and service activities of the EBIPC units (on the example of organizing the fight against illegal encroachments in the budgetary sphere, including crimes under Articles 285.1 and 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1, pp. 178–184. (In Russ.).
15. Burtsev S. A., Gorbunova O. A. Strategic analysis of the operating environment of a budgetary institution. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, 2018, no. 1, pp. 71–81. (In Russ.).
16. Pankratov A. Yu., Mulko A. S. Strategic analysis of the internal and external environment of the organization. *Economy and Business: Theory and Practice*, 2021, no. 4-2. (In Russ.).
17. Economic and forensic analysis: a textbook / Golubyatnikov S. P., Voronov S. S., Lekhanova E. S., Mamkin A. N. 2nd ed., suppl. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 83 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. А. Телицын — кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности УНКПЭиНП Нижегородской академии МВД России;

Л. В. Мищенко — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности УНКПЭиНП Нижегородской академии МВД России.

Information about the author's

N. A. Telitsyn — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Professional Activities of Employees of Economic Security Units of the UNKPEiNP of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

L. V. Mishchenko — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Professional Activities of Employees of Economic Security Units of the UNKPEiNP of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343

Устность судебного разбирательства по уголовным делам: современное состояние и перспективы

Шарипова Алия Рашитовна¹, Зуева Юлия Владимировна²

¹Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru;

²Нижегородская коллегия адвокатов, Нижний Новгород, Россия, zuevajulia2009@yandex.ru.

Аннотация. В данной статье на основании сравнения значений устности и письменности для уголовного, арбитражного, гражданского и административного судопроизводства определено, что общее условие устности применительно к судебному разбирательству по уголовным делам нуждается в актуализации. Социальные, экономические и информационные изменения действительности диктуют необходимость преобразования абсолютного приоритета устности в соотношение устности и письменности в судебном производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовный процесс, устность, письменность, уголовное дело, арбитражный процесс

Для цитирования: Шарипова А. Р., Зуева Ю. В. Устность судебного разбирательства по уголовным делам: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 203–208.

Original article

Orality of criminal trial: current status and prospects

Aliya R. Sharipova¹, Yulia V. Zueva²

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, nord-wind23@mail.ru,

²Nizhny Novgorod Bar Association, Nizhny Novgorod, Russian Federation, zuevajulia2009@yandex.ru

Abstract. Based on the comparison of the significance of orality and writing for criminal, arbitration, civil and administrative proceedings, it is determined that the general condition of orality in relation to criminal proceedings requires updating. Social, economic and informational changes in reality dictate the need to transform the absolute priority of orality into a ratio of orality and writing in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, orality, writing, criminal case, arbitration process

For citation: Sharipova A. R., Zueva Yu. V. Orality of criminal trial: current status and prospects. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 203–208. (In Russ.).

© Шарипова А. Р., Зуева Ю. В., 2025

Устность судебного разбирательства по всем видам юридических дел, особенно по уголовным, является в настоящее время давно устоявшимся условием, хотя процессуальных норм, отчетливо требующих «проговаривания» чего-либо в судебном разбирательстве в противовес «чтению», «просмотру» не так много, однако даже в статье 123 Конституции Российской Федерации закреплено именно «слушание» дел. Очевидно, что «устность» предполагает «говорение», а не «слушание», но, вероятно, одно по смыслу неразрывно связано с другим. В действительности «говорение» хоть и создает условия для «слушания», но никак не обуславливает второе с необходимостью, а значит, нужно выяснить, что же важнее в суде — говорить или слушать.

В данной статье нами рассмотрено, насколько современно условие устности судебного разбирательства в том виде, который сложился исторически, и нет ли предпосылок для его трансформации. Так, статья 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) «Непосредственность и устность» предусматривают, что «суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта <...> оглашает протоколы и иные документы...». Для сравнения отметим, что в статье 157 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) прямо указано следующее: «судебное разбирательство дела происходит устно», а статья 140 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) предусматривает устное разбирательство, если данным кодексом не установлено иное: им считается упрощенное производство, которое в скобках именуется письменным. Нужно обратить на это внимание: упрощение проявляется, в первую очередь, в отказе от устности, а значит «устность» в настоящее время — это «сложность».

Иными словами, судья по уголовному делу вслух произносит наименования и содержания процессуальных документов и на слух воспринимает показания. Исключения из этих правил существуют, они могут быть как процессуальные, так и непроцессуальные. Суд не заслушивает показания свидетелей в тех случаях, когда они не явились, оглашает их по протоколам допросов, оформленным на стадии предварительного расследования. И хотя УПК РФ подробно процедуру оглашения содержащихся в материалах дела документов не предусматривает, обычно судьи по описям дел перечисляют

только наименования, реквизиты и основную суть документа.

Отсюда возникает вопрос: «Есть ли необходимость изменять то, что работает? Что не так с условием устности судебного разбирательства?». По нашему мнению, ответ заключается в колоссальном возрастании нагрузки на суды всех уровней и подсистем. И. В. Решетникова считает (применительно к цивилистическому процессу), что устное судопроизводство уступает место письменному, электронному [1]. В условиях, когда суды поглощены огромным количеством дел, резонно задуматься: «Нужно ли тратить время судьи и других участников процесса на то, без чего можно обойтись? Если говорить предельно конкретно, насколько целесообразно тратить время профессионалов на чтение вслух того, с чем они уже ознакомились?». На основании изменений, внесенных в статью 310 УПК РФ Федеральным законом от 29 декабря 2022 года № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», оглашению по уголовным делам подлежат только вводная и резолютивная части приговора.

Разумеется, лица, вовлеченные в уголовный процесс, в состоянии прочесть процессуальные документы, так как содержащаяся в них информация требует внимательного анализа и сопоставления и очень тяжело воспринимается на слух.

Исходя из состоявшихся изменений в отношении провозглашения приговора, предполагается, что с учетом всеобщей грамотности и распространенности современных технологий передачи электронных документов, содержательная часть приговора будет уяснена заинтересованными лицами посредством чтения, а не слушания. Из этого следует вывод, что принципиально законодатель согласен с тем, что люди способны воспринимать юридическую информацию без помощи слуха.

Кроме того, в логике исследования современной востребованности условия устности судебного разбирательства возникает еще один вопрос: «Чем оно исторически и ситуативно обусловлено?». Уголовный и цивилистический процессы в Российской Федерации и зарубежных странах пережили переходы от письменного производства к устному, и в свое время это было прогрессивной реформой. Совершенно ясно, что если производство ведется по фрагментарным документам, составленным посторонними лицами, без возможности участия в их составлении обвиняемого (ответчика), без возможности для него читать и понимать

эти документы и подавать свои, то оно однобоко и не объективно. В таких условиях «читать вслух», «говорить» и «слушать» единственные способы реализовать состязательность или ее элементы.

Возникает вопрос, вытекающий после ответа на предыдущий: «Есть ли сейчас условия, чтобы обеспечивать состязательность без тотальной устности?». Надо полагать, что есть, фактически в российском уголовном процессе очень редко заявления или ходатайства излагаются только в устной форме; как правило, стороны процесса предпочитают и имеют возможность дублировать все действия, которые считают значимыми, в письменной форме. Даже выступления в прениях сторон, которые традиционно понимаются как совокупность устных выступлений, речей обвинителя и защитника (ч. 1 ст. 292 УПК РФ) целесообразно сопровождать письменным изложением правовых позиций сторон, передаваемых в суд, для последующего зрительного восприятия судом в спокойной обстановке совещательной комнаты, на что мы обращали внимание в прежних наших публикациях [2]. Письменное изложение правовой позиции государственного обвинителя практикуется в органах прокуратуры как форма отчетности о государственном обвинении. Сочетание устной и письменной форм изложения правовой позиции позволяет сделать эту позицию более убедительной и аргументированной, а также не обременять устное выступление излишними подробностями, которые трудно воспринимать на слух.

При этом ставить под сомнение устность судопроизводства вплоть до относительно недавнего времени было нельзя, хотя всеобщая грамотность позволяла писать и читать самостоятельно обвиняемым и потерпевшим уже давно. Именно сейчас письменная форма преобразовалась в электронную, а последняя имеет несколько важных особенностей. Передавая электронные файлы, мы можем быть уверены в идентичности их содержания и для этого не нужно их вручную сличать (можно использовать хэширование, например); навигация и поиск по электронным документам позволяет проще находить в них нужную информацию; копирование и распространение электронных документов, в отличие от письменных, мгновенно и бесплатно.

Устность судебного разбирательства в течение всего периода своего существования была еще и средством обеспечения прозрачности правосудия, при помощи которого

общественность осуществляла контроль за законностью судопроизводства. Письменный характер судопроизводства в противовес устному способствовал бы кулуарности и закрытости правосудия, однако распространенность электронных средств связи и обработки информации позволяет знакомить общественность с содержанием материалов судебных дел явно не в меньшей мере (а при желании в гораздо большей степени), чем это получается при помощи «чтения вслух».

Следующий вопрос касается требуемого сейчас соотношения устности и письменности. Нет никакой речи об отказе от устности, особенно, когда речь идет об уголовных делах. Мы вполне согласны с идеей о диспозитивном использовании электронной коммуникации наряду с традиционными способами, высказанной в отношении цивилистического процесса [3, с. 25], и считаем ее распространяемой на уголовный процесс. Нет нужды доказывать ценность устной речи — это основа человеческого взаимодействия. Даже при рассмотрении арбитражных дел, производство по которым исторически было скорее письменным, чем устным, всегда подобный отказ был бы неуместным, поскольку в каких-то случаях концентрированные по смыслу устные выступления сторон позволяют быстрее сориентировать судью в содержании юридического спора, чем изучение нескольких томов письменных документов. Устность судебного разбирательства с участием присяжных заседателей является неизменным условием использования этой формы отправления правосудия в принципе. Непрофессиональные судьи по самому смыслу привлечения их к разбирательству уголовных дел не должны быть заранее осведомлены об их обстоятельствах из каких-то письменных и тем более из электронных источников информации, а должны убедиться в объективной правоте профессиональных юристов со стороны обвинения и защиты при непосредственном восприятии того, что сами присяжные видят и слышат в суде. Однако и при этой форме судопроизводства присяжные имеют возможность ознакомиться с письменными документами из уголовного дела, но главное — они отвечают на письменно сформулированные вопросы из вопросного листа, который в совокупности с их ответами становится впоследствии вердиктом — итоговым решением коллегии, определяющим содержание приговора. Важно отметить, что процессы цифровизации правосудия этой ситуации практически не изменили ни в одной из стран, практикующих суд присяжных [4].

Нужно отметить, что вопрос сочетания устности и письменности в судопроизводстве (по крайней мере, в цивилистическом) беспокоил ученых и практиков всегда. Письменный порядок представления доводов и доказательств дисциплинирует стороны и задает рамки доказывания, зато устный делает доказывание более доступным для сторон; и тот и другой по отдельности создают массу возможностей для злоупотребления правом [5].

В современном цивилистическом процессе ученые выделяют «неписанный» принцип сочетания устности и письменности, чего, однако, мы не обнаружили в уголовном процессе, хотя и в нем за счет досудебного производства своя доля «письменности» присутствует. Сочетание устного и письменного в уголовном процессе предполагает отсутствие письменных доказательств, положенных в основу судебного решения, но не оглашенных в судебном заседании, и отсутствие устных действий, не зафиксированных письменно. В арбитражном процессе это сочетание более подвижно: письменные доказательства передаются сторонам в виде копий в срок, обеспечивающий возможность ознакомления с ними, при этом нет препятствий для получения устных показаний свидетелей или консультаций специалистов.

Наконец: «Какovy важнейшие, а не ритуально-традиционные проявления устности в уголовном процессе?». Полагаем, главным образом мы бы хотели слышать показания свидетелей, причем из их собственных уст, а не из уст судьи, оглашающего протоколы допросов, проведенных на предварительном расследовании. Неслучайно, думается, статья 240 УПК РФ объединяет два условия судебного разбирательства: непосредственность и устность. Сама по себе устность в виде оглашения протокола не заменяет дачу показаний самим свидетелем; она имеет смысл только в сочетании с тем, из чьих «уст» показания звучат. Кстати, Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации и КАС РФ допускают после устной дачи показаний оформление их в письменной форме самим свидетелем по предложению суда; и с точки зрения непосредственности этот вариант лучше, чем фиксация в письменном протоколе показаний другим лицом.

Выполнение условия устности применительно к свидетельским показаниям по уголовным делам является неотъемлемой частью процесса, однако часто свидетели не являются на судебный процесс. Устность обеспечивается оглашением ранее данных показаний, но вряд ли

это тот стандарт правосудия, к которому нужно стремиться. Более того, во многих случаях суд и не пытается вызывать свидетелей, изначально ориентируясь на оглашение показаний [6]. А в последнее время появилась новая тенденция, которая связана с резким сокращением доли рассмотренных в особом порядке дел. Мотивы обвиняемых, согласных с предъявленным обвинением и ходатайствующих о рассмотрении дела в порядке главы 40 УПК РФ, не исчерпываются обязательным снижением наказания. И даже в условиях, когда государственное обвинение формально возражает против соответствующего порядка, реальная его востребованность для сторон по уголовному делу высока. В связи с этим, мы полагаем, появился «квази-особый порядок», когда уголовное дело рассматривается судом по ординарным правилам, но при этом никто из свидетелей реально не вызывается и не допрашивается, а все показания оглашаются по протоколам с согласия подсудимого на основании части 1 статьи 281 УПК РФ.

Не секрет, что неявка свидетелей — одна из главных причин увеличения сроков рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции [7, 8]. При этом практически 100 % уголовных дел содержат свидетельские показания как доказательство. Безусловно, во многих случаях доказывание по уголовным делам оперирует свидетельскими показаниями совершенно обоснованно, поскольку часто нет никаких иных способов получить сведения о произошедшем. Но частота необходимости использования свидетельских показаний по уголовным делам относительна: она выше, чем по гражданским и административным делам, и гораздо выше, чем по арбитражным делам. Это связано с особенностями материально-правового спора, который разрешается в соответствующем виде судопроизводства. Но эта частота в объективно требуемой части не беспредельна и должна существенно различаться по разным уголовным делам. Мы понимаем, что, например, по уголовным делам, возбужденным по статье 105 УК РФ в связи с безвестным отсутствием человека, должно быть допрошено много свидетелей, но это связано с необходимостью раскрытия преступления, а не доказывания вины в суде. В современной практике допрашивается огромное количество свидетелей по латентным экономическим и должностным преступлениям, причем о таких фактах, какие человеку не свойственно непосредственно воспринимать органами чувств и фиксировать в памяти (например, по одному уголовному делу по статье 204 УК РФ

«Коммерческий подкуп» были допрошены десятки свидетелей-работников коммерческой организации, показывающих, что у обвиняемого были организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия, хотя из документов организации это не следовало). Известен случай, когда при наличии видеозаписи дорожно-транспортного происшествия допрашивались свидетели, которые полностью его не видели и не помнили, а для «освежения» их памяти им была продемонстрирована запись. Отметим, что мы не хотим дискредитировать свидетельские показания как явление, напротив, современные тенденции цифровизации не исключают свидетельские показания полностью, а создают для них новые ниши (например, в Англии цифровая платформа для электронной подписи документов предусматривает участие свидетеля, подтверждающего, что подпись ставит тот, кому она принадлежит) [9, с. 165].

Очень часто допрашиваемые свидетели предоставляют схожие сведения. Понятно, что таким образом они подтверждают достоверность показаний друг друга, но «качество» доказательства от такого повторения растет несущественно и недолго. С какого-то момента дублирующие друг друга показания перестают иметь хоть какую-то ценность, однако, как справедливо отмечает С. А. Курочкин, процессуальная наука не исследует избыточность доказательств [10]. Практика тоже не считает избыточность проблемой: нам удалось найти всего одно уголовное дело, в котором суд отказывает в допросе еще одного свидетеля по этому мотиву [11].

А между тем финансовые, организационные и временные затраты на получение и исследование этих доказательств несутся, не принося никакого положительного результата, а иногда вызывая даже негативные последствия. Скажем: «Какова вероятность полноценного и непосредственного допроса 10 свидетелей, указанных в обвинительном заключении?». Это вполне реально. А если их сто или больше? Скорее всего, суд будет стремиться как можно больше «огласить» показаний, и, возможно, среди них окажутся именно те, которые в интересах правды нужно было воспринимать непосредственно от свидетеля.

«Секрет» появления в конкретном уголовном деле огромного количества дублирующих друг друга свидетельских показаний может быть вообще не связан с доказыванием. Для обоснования необходимости продления срока предварительного следствия следователи указывают, что им нужно допросить большое количество

свидетелей, поскольку понятно, что для этого требуется время. При этом реальная потребность в продлении срока может быть связана с чем-то совершенно другим, например, ожиданием окончания производства судебной экспертизы. Получив согласие руководителя на соответствующее продление, следователь берет на себя обязательство провести эти «ненужные» допросы.

Взаимодействие традиции избыточности использования в доказывании свидетельских показаний и традиции устности судебного разбирательства заставляют правоприменителя искать причудливые формы реализации собственного интереса. И эта тенденция позволяет вести разговор о необходимости замены условия устности судебного разбирательства на сочетание устности и письменности как более соответствующего современным реалиям.

Список источников

1. Решетникова И. В. Искусственный интеллект в арбитражном процессе: возможные сферы применения // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 2. С. 30–41.
2. Тарасов А. А., Шарипова А. Р. Роль юридической риторики в кадровом обеспечении современной юриспруденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2015. Т. 15. № 3. С. 67–72.
3. Кондюрина Ю. А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 197 с.
4. Тарасов А. А. «Народный элемент» в правосудии: мировые тенденции и национальные особенности // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 2 (22). Т. 7. С. 111–124.
5. Иванов О. С. Роль письменности и устности в развитии науки гражданского процессуального права Германии // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 149–162.
6. Багаутдинов Ф. Н. Актуальные вопросы оглашения в суде показаний потерпевших и свидетелей // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3.
7. Курочкина Л. Потерпевший и свидетель в уголовном судопроизводстве // Законность. 2009. № 3.
8. Багаутдинов Ф. Н., Хайруллин М. М. Разумные сроки судопроизводства: вопросы теории и практики // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 53–55.
9. Смолина О. С. Показания свидетелей как доказательства по экономическим спорам в России и Англии // Аграрное и земельное право. 2024. № 8. С. 162–166.
10. Курочкин С. А. Эффективность доказывания в гражданском процессе: общетеоретические и методологические аспекты // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 349–385.

11. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29 марта 2021 года № 22-1063/2021 по делу № 1-230/2020.

References

1. Reshetnikova I. V. Artificial intelligence in arbitration proceedings: possible areas of application. *Bulletin of civil procedure*, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 30–41. (In Russ.).

2. Tarasov A. A., Sharipova A. R. The role of legal rhetoric in staffing modern jurisprudence. *Bulletin of the South Ural State University*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 67–72. (In Russ.).

3. Kondyurina Yu. A. Principles of the civilistic process in the electronic justice system. Dissertation... candidate of legal sciences. Saratov, 2020. 197 p. (In Russ.).

4. Tarasov A. A. "Popular element" in justice: global trends and national characteristics. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2 (22), vol. 7, pp. 111–124. (In Russ.).

5. Ivanov O. S. The role of writing and orality in the development of the science of civil procedural law in Ger-

many. *Russian Law Journal*, 2022, no. 4, pp. 149–162. (In Russ.).

6. Bagautdinov F. N. Actual issues of reading out testimonies of victims and witnesses in court. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2024, no. 3. (In Russ.).

7. Kurochkina L. Victim and witness in criminal proceedings. *Legality*, 2009, no. 3. (In Russ.).

8. Bagautdinov F. N., Khairullin M. M. Reasonable terms of legal proceedings: issues of theory and practice. *Russian justice*, 2011, no. 6, pp. 53–55. (In Russ.).

9. Smolina O. S. Witness testimony as evidence in economic disputes in Russia and England. *Agrarian and land law*, 2024, no. 8, pp. 162–166. (In Russ.).

10. Kurochkin S. A. Effectiveness of proof in civil proceedings: general theoretical and methodological aspects. *Bulletin of civil procedure*, 2021, no. 5, pp. 349–385. (In Russ.).

11. Appellate ruling of the St. Petersburg City Court dated March 29, 2021 no. 22-1063/2021 in case no. 1-230/2020. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Р. Шарипова — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий;

Ю. В. Зueva — кандидат юридических наук, адвокат Нижегородской коллегии адвокатов.

Information about the authors

A. R. Sharipova — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology.

Yu. V. Zueva — Candidate of Sciences (Law), lawyer at the Nizhny Novgorod Bar Association.

Научная статья
УДК 343.98

Оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное право

Шаров Виктор Иванович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, v-i-sharov@rambler.ru

Аннотация. В статье говорится о возникновении оперативно-розыскного права — новой правовой отрасли, ранее развившейся в системе ведомственного нормативного регулирования. Проводится анализ мнений ученых, которые поддерживают оперативно-розыскное право, показывая самостоятельность данной правовой отрасли. Констатируется, что становление новой правовой отрасли поднимет ряд вопросов, один из которых — о месте оперативно-розыскного права в правовой системе. В литературе присутствует мнение, что, несмотря на наличие в оперативно-розыскной деятельности иных правоотношений и элементов уголовного, уголовно-процессуального и иных правовых отраслей, оперативно-розыскное право обладает всеми признаками самостоятельной комплексной правовой отрасли. В статье сделан вывод, что такое видение представляется несколько преувеличивающим нормативное регулирование оперативно-розыскной деятельности, а установление оперативно-розыскного права на одну ступень с уголовным и уголовно-процессуальным правом, не соответствующим сложившимся общественным отношениям в сфере уголовного правосудия. По мнению автора статьи, совершенно обоснованно можно рассматривать тенденцию, направленную на то, чтобы сформировать оперативно-розыскное право как подотрасль уголовно-процессуального права, причем с очевидной закономерностью еще большего сближения оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса за счет включения в процессуальное законодательство норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность.

Ключевые слова: оперативно-розыскное право, оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальное право, негласные следственные действия

Для цитирования: Шаров В. И. Оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное право // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 209–213.

Original article

Operational search and criminal procedural law

Victor I. Sharov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, v-i-sharov@rambler.ru

Abstract. The article discusses the emergence of operational-search law, a new legal branch that had previously developed in the system of departmental regulatory framework. It analyzes the opinions of scientists who support operational-search law, demonstrating the independence of this legal branch. It is stated that the formation of a new legal branch will raise a number of questions, one of which is about the place of operational-search law in the legal

© Шаров В. И., 2025

system. There is an opinion in the literature that, despite the presence of other legal relations and elements of criminal, criminal-procedural and other legal branches in operational-search activity, operational-search law has all the characteristics of an independent complex legal branch. The article concludes that such a vision seems to be somewhat exaggerating the normative regulation of operational-search activity, and the establishment of operational-search law on the same level with criminal and criminal-procedural law, which does not correspond to the established social relations in the sphere of criminal justice. In the opinion of the author of the article, it is entirely justified to consider the tendency aimed at forming operational-investigative law as a sub-branch of criminal-procedural law, with the obvious regularity of even greater convergence of operational-investigative activity and criminal procedure due to the inclusion in procedural legislation of norms regulating operational-investigative activity.

Keywords: operational investigative law, operational investigative activity, criminal procedure law, covert investigative actions

For citation: Sharov V. I. Operational search and criminal procedural law. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 209–213. (In Russ.).

Принятие Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД») положило начало оперативно-розыскному законодательству, а его достаточно интенсивное развитие в последнее время вполне обоснованно поставило вопрос о возникновении оперативно-розыскного права — новой правой отрасли, ранее развивавшейся в системе ведомственного нормативного регулирования.

Сегодня наличие оперативно-розыскного права признают многие ученые в области оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Одним из первых поднял вопрос об уголовно-розыскном праве А. Ю. Шумилов, вполне убедительно аргументируя его наличием. Соглашается с его существованием П. И. Иванов, утверждая, что оперативно-розыскное (уголовно-розыскное) право может быть правовой отраслью, поскольку имеет четко выраженный предмет и метод [1, с. 51]. Процесс признания новой отрасли идет достаточно интенсивно, так, омские ученые уже выпускают «Оперативно-розыскное право: научно-практический журнал» [2]. Наличие периодического издания уже о многом говорит, по крайней мере, для формирования научного мнения.

Становление новой правовой отрасли поднимет целый ряд вопросов, один из которых — о месте оперативно-розыскного права в правовой системе.

Без сомнения, оперативно-розыскное право регулирует весьма обособленную группу общественных отношений, что приводит большую часть исследователей к справедливому выводу о том, что оно является самостоятельной правовой отраслью. Эта отрасль представляется как комплексная, поскольку характер общественных отношений неоднороден и в некоторых случаях пересекается с другими группами

общественных отношений. Констатируя наличие в оперативно-розыскном законе норм, принадлежащих иным правовым отраслям, Е. В. Кузнецов поясняет, что их использование в ФЗ «Об ОРД» говорит о наличии в нем нетипичных для ОРД правоотношений, не соответствующих месту правового регулирования этой деятельности в правовой системе общества. Он пишет, что «...это, позволяет сегодня говорить об оперативно-розыскном праве как о правовом образовании, представляющем из себя весьма своеобразную комплексную отрасль права, нормы которой, наряду со специфическими оперативно-розыскными правоотношениями, регулируют и другие правоотношения» [3, с. 13].

В основе агентурной работы, по мнению А. В. Серова, лежат трудовые правоотношения. Он указывает, что «...изучение главы IV ФЗ “Об ОРД”, регламентирующей содействие граждан оперативно-розыскным органам, показывает, что нормы в данной главе посвящены таким вопросам, как заключение контракта, обязанности содействующих лиц, охрана и оплата их труда, различные социальные выплаты и т. д.» [4, с. 95]. В связи с изложенным автор делает вывод, что данные нормы регулируют трудовые правоотношения, хотя специфика негласной деятельности настолько очевидна, что нормы трудового законодательства в данном случае потребовалось откорректировать и детализировать применительно к ОРД. Представляется, что статья 18 Закона «Об ОРД» не повторяет нормы трудового законодательства, а лишь уточняет некоторые положения. Например, указание на право на пенсионное обеспечение для лиц, оказывающих содействие по контракту субъектам ОРД, вряд ли совершенствует систему трудовых правоотношений.

Несмотря на палитру мнений, доминирующая позиция в литературе, причем совершенно

оправданно, состоит в том, что оперативно-розыскное право представляет собой самостоятельную комплексную правовую отрасль. Так, Е. В. Кузнецов, исследовавший проблему в диссертационной работе, убежден, что «...совпадение объектов оперативно-розыскных отношений с аналогичными элементами уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также сочетание самостоятельных предмета и метода позволяют говорить о существовании специфической отрасли оперативно-розыскного права, входящей в систему подобных отраслей наряду с уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом» [5, с. 18].

В своей монографии С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко, В. П. Сальников также подчеркивают самостоятельность оперативно-розыскного права. Они пишут: «...оперативно-розыскное право существует как самостоятельная отрасль права и органично вписывается в существующую ныне систему российского права в качестве комплексной отрасли» [6, с. 90].

Такое видение представляется нам несколько преувеличивающим нормативное регулирование ОРД, поскольку объем регулируемых правоотношений в случае оперативно-розыскного права существенно уже, чем в уголовно-процессуальном праве, а определяющее значение материального права соответствует современным представлениям правоведов.

Определение соотношения оперативно-розыскного права с иными правовыми отраслями вызывает необходимость рассмотреть следующую точку зрения.

По своей сущности оперативно-розыскное право является процессуальным правом, достаточно близко к нему уголовно-процессуальное право. Оно регулирует общественные отношения, возникающие между участниками в сфере уголовного судопроизводства, направленные на реализацию их прав и обязанностей, защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений и т. д. Мы полагаем, что они характерны и для оперативно-розыскных правоотношений.

Конечно, уголовный процесс содержит регламентацию предварительного расследования и судебного следствия, оперативно-розыскное право — деятельность по выявлению преступлений, то есть совокупность правоотношений возникает на разных стадиях уголовного преследования, что создает впечатление об их разном характере. ОРД также направлена и на документирование преступлений, фиксацию фактов и предметов, которые могут стать

доказательствами, лиц, которые могут стать свидетелями по делу. Материалы приобщаются к уголовному делу, для чего они должны соответствовать требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), что делает их легитимными и позволяет использовать результаты ОРД в доказывании. Это способствует тому, что УПК РФ становится одним из источников оперативно-розыскного права, что, собственно, не вызывает сомнений и сложилось исторически.

Производство дознания полицией присутствует в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. В статье 254 говорится, что полиция не производит процессуальных действий в виде обысков, выемок в домах, а необходимые данные собирает, проводя розыски, словесные расспросы и негласное наблюдение, иначе говоря, проводя оперативно-розыскные мероприятия. Указание на «негласное полицейское разведывание» присутствует в статье 312 Устава уголовного судопроизводства: «...для начала следствия прокурор и его товарищи не должны требовать начатия следствия без достаточных к тому оснований. В сомнительных случаях они обязаны собрать сведения посредством негласного полицейского разведывания» [7].

Присутствует указание на ОРД (более чем краткое) в советском законодательстве. В частности, это статья 118 УПК РСФСР, а также статья 29 Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 года, в которых на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. Тем самым ОРД представляется законом как одно из средств борьбы с преступностью, предоставляющим сведения в уголовный процесс.

Итак, ОРД направлена на обеспечение уголовного процесса, но только при помощи своих специфических средств. Собственно, средства ОРД и будут определять ее особенность и отличия от уголовного процесса. Однако и эти различия стираются, поскольку средства ОРД все больше проникают в уголовный процесс, размывая отличия этих видов деятельности. К таким относится прослушивание телефонных переговоров, которое может осуществляться как следственное действие согласно статье 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров» и как оперативно-розыскное мероприятие «Прослушивание телефонных переговоров». И то и другое отличает негласный характер действий, фактически их проводят одни и те же субъекты (оперативно-технические

подразделения), что максимально сближает это следственное действие с анализируемым оперативно-розыскным мероприятием.

Как подмечено в литературе, между прослушиванием телефонных переговоров как следственным действием и аналогичным ОРМ «...нет принципиальных различий, поскольку само техническое осуществление прослушивания и звукозаписи производится оперативными подразделениями технической разведки <...> в условиях конспирации, то есть оперативно-розыскными средствами» [8]. Это требует дальнейшего обоснования, когда речь идет об идентичной совокупности действий, имеющих разную правовую регламентацию, а в статье 186 УПК РФ задействованы возможности ОРД для осуществления контроля и записи переговоров. Если в отечественном уголовном процессе это только единичный пример, то в законодательстве ряда постсоветских и западных стран уже реализована идея так называемых «негласных следственных действий». Конечно, словосочетание режет слух, но зато довольно точно отражает сущность предусматриваемых ими действий. Проведение этих следственных действий остается в тайне для лица, в отношении которого они осуществляются, и на это прямо указывается в процессуальном законе. Так, в процессуальном кодексе Германии содержится норма, регламентирующая одно из таких следственных действий: «...телекоммуникация может контролироваться и записываться также без ведома лиц, которых затрагивают данные меры» [9]. Негласные следственные действия объединены в самостоятельный блок и сопровождаются описанием особых условий их проведения, отличающихся от обычных. Вполне понятно, что они вызваны двумя обстоятельствами: необходимостью обеспечения прав граждан и достоверностью получаемой информации.

Тем самым достаточно большая и емкая часть ОРД, связанная с регламентацией оперативно-розыскных мероприятий, включена в структуру уголовно-процессуального законодательства, а ряд оперативно-розыскных мероприятий получает статус следственных действий. Поскольку каждое из этих негласных следственных действий весьма специфично, то их регламентация должна сопровождаться достаточно подробными условиями обеспечения оснований и проведения их как всех этих негласных следственных действий в целом, так и каждого из них в отдельности, то есть требуется сформировать специальное разрешение для каждого из них. Существующее состояние и перспективы сближения

оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса приводит к мысли о единстве этих областей права:

— уголовно-процессуальное право регулирует сходную с оперативно-розыскным правом группу общественных отношений;

— уголовно-процессуальное право регулирует ОРД в части использования ее результатов, регламентируя особенности представления и вид передаваемых материалов, порядок их оформления;

— средства, свойственные ОРД, активно используются уголовным процессом, тенденции сближения этих видов деятельности очевидны.

Процессуальный характер норм, регламентирующих ОРД, отмечен учеными. Так, А. В. Серов не считает оперативно-розыскное право в качестве самостоятельной правовой отрасли. По его мнению, «...наиболее перспективным направлением совершенствования нормативно-правового регулирования ОРД является имплементация норм, определяющих порядок проведения ОРМ и использования их результатов, в уголовно-процессуальном законодательстве» [4, с. 99].

В сложных по составу отраслях выделяют части, называемые подотраслью права. Подотрасль права представляет собой группу норм, которые регулируют близкий, относительно самостоятельный вид общественных отношений, находящийся в рамках основной отрасли права. Такое же отношение может сформироваться и между правом оперативно-розыскным, развивающимся пока как самостоятельная отрасль, и уголовным процессом.

На наш взгляд, совершенно обоснованно можно констатировать тенденцию, направленную на то, чтобы сформировать оперативно-розыскное право как подотрасль уголовно-процессуального права, причем с очевидной закономерностью еще большего сближения ОРД и уголовного процесса за счет включения в процессуальное законодательство норм, регулирующих ОРД.

Полагаем, что необходимо в ОРД выделить правовую составляющую оперативно-розыскное право и организационно-деятельностную — собственно ОРД с ее организационно-тактической составляющей. Разделить как уголовный процесс и криминалистику. Тогда правовую часть вполне логично отнести к уголовному процессу, организацию и тактику дать право регулировать ведомственными нормативными актами. При этом уголовно-процессуальная часть должна быть более

тщательно расписана по условиям и основаниям проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Полагаем, что такой подход перспективен.

Список источников

1. Иванов П. И. Уголовное и оперативно-розыскное право: межотраслевые связи // Уголовное право и оперативно-розыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 28–29 апреля 2022 года). Ч. 1 / под ред. Г. В. Щербакова, Г. С. Шкабина. Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2022. С. 50–54.
2. URL: <https://ordrf.ru/science/оперативно-розыскное-право-журнал-2017>. (дата обращения: 18.02.2025).
3. Кузнецов Е. В. Теоретические основы становления оперативно-розыскного права в качестве самостоятельной отрасли права // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4. С. 8–13.
4. Серов А. В. Оперативно-розыскное право и оперативно-розыскное законодательство // Научный портал МВД России. 2021. № 2. С. 94–100.
5. Кузнецов Е. В. Оперативно-розыскная деятельность как отрасль российского права // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 3. С. 13–20.
6. Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография / Москва: Норма, 2015. 400 с.
7. Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 16.04.2025).
8. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2025).
9. Головненков П. Спица Наталья. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия — Strafprozessordnung (StPO) — Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam. 2012. С. 148.

Информация об авторе

В. И. Шаров — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел УНКПЭиНП Нижегородской академии МВД России.

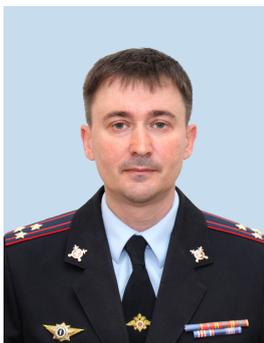
Information about the author

V. I. Sharov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Operational investigative activities of the Internal Affairs bodies of the UNKPEiNP of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

References

1. Ivanov P. I. Criminal and operational investigative law: intersectoral relations. Criminal law and operational investigative activities: problems of legislation, science and practice: proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 28-29, 2022). Part 1 / ed. by G. V. Shcherbakov, G. S. Shkabina Moscow: Federal State Budgetary Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022, pp. 50–54. (In Russ.).
2. URL: <https://ordrf.ru/science/оперативно-розыскное-право-журнал-2017> / (accessed 18.02.2025). (In Russ.).
3. Kuznetsov E. V. Theoretical foundations of the formation of operational investigative law as an independent branch of law. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 4, pp. 8–13. (In Russ.).
4. Serov A. V. Operational investigative law and operational investigative legislation. *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2, pp. 94–100. (In Russ.).
5. Kuznetsov E. V. Operational investigative activity as a branch of Russian law. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 3, pp. 13–20. (In Russ.).
6. Operational investigative activity in the XXI century: a monograph / S. I. Zakhartsev, Yu. Y. Ignashchenkov, V. P. Salnikov. Moscow: Norma Publ., 2015. 400 p. (In Russ.).
7. The Statute of Criminal proceedings. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (accessed 16.04.2025). (In Russ.).
8. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article) under the general editorship of A. V. Smirnov. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 22.04.2025). (In Russ.).
9. Golovnenkov P. Natalia Spica. The Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO) – Scientific and practical commentary and translation of the text of the law. Universitätsverlag Potsdam. 2012. p. 148. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.985.2

Использование цифровых технологий в доказывании по уголовным делам о преступлениях в отношении культурного наследия народов России: прикладные аспекты

Янин Сергей Александрович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, s.yanin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена возможностям применения цифровых устройств и продуктов в ходе расследования преступлений, совершаемых в отношении культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Проанализированы последствия глобальной цифровизации современной жизни общества в части криминальной ее составляющей, варианты использования достижений научно-технического прогресса в борьбе с преступлениями в отношении культурного наследия народов России. Отмечены недостатки в работе органов внутренних дел в названном направлении. Обобщены и сформулированы направления, в которых цифровые устройства и источники могут применяться в деятельности следователя и органа дознания при раскрытии и расследовании преступлений данной категории. В статье уделено внимание криминалистическому обеспечению расследования в части применения следователем, оперативными сотрудниками различных цифровых устройств для получения обзорной информации, а также выявления, фиксации, изъятия криминалистически значимых сведений. Отмечены также источники получения ориентирующих и потенциально доказательственных данных по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории. Сделан вывод о повышении эффективности расследования преступлений отмеченной категории в результате широкого применения современных возможностей цифровизации в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровизация, расследование, культурное наследие, доказывание, видеонаблюдение, цифровые источники, информация, видеоаналитика

Для цитирования: Янин С. А. Использование цифровых технологий в доказывании по уголовным делам о преступлениях в отношении культурного наследия народов России: прикладные аспекты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 214–219.

Original article

The use of digital technologies in evidence in criminal cases on crimes against the cultural heritage of people of Russia: applied aspects

Sergey A. Yanin

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation, s.yanin1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the possibilities of using digital devices and products during the investigation of crimes committed against the cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation. The consequences of global digitalization of modern social life in terms of its criminal component,

© Янин С. А., 2025

options for using the wide possibilities of scientific and technological progress in the fight against crimes against the cultural heritage of the peoples of Russia are analyzed. Shortcomings in the work of the internal affairs bodies in this direction are noted. The directions in which digital devices and sources can be used in the activities of the investigator and the inquiry body in solving and investigating crimes of this category are summarized and formulated. The main attention in the article is paid to the forensic support of the investigation in terms of the use of various digital devices by the investigator and operational officers to obtain overview information, as well as identify, record, and seize forensically significant information. The sources of obtaining orientation and potentially evidentiary data on criminal cases of crimes of the category in question are also noted. A conclusion is made about the increase in the efficiency of the investigation of crimes of the noted category as a result of the widespread use of modern digitalization capabilities in criminal proceedings.

Keywords: digitalization, investigation, cultural heritage, evidence, video surveillance, digital sources, information, video analytics

For citation: Yanin S. A. The use of digital technologies in evidence in criminal cases on crimes against the cultural heritage of people of Russia: applied aspects. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 214–219. (In Russ.).

Глобальная цифровизация общества является, бесспорно, одной из реалий современной действительности. Изначально задуманная для удобства и комфорта человека, увеличения скорости вычислений и выполнения различных технологических операций, цифровизация привнесла с собой специфические риски, с которыми человечество до недавнего времени не сталкивалось. Речь идет об использовании цифровых устройств и пространства для совершения противоправных деяний.

По сведениям МВД России в 2024 году 40 % преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких деяний зарегистрировано на 13,1 % больше, чем в 2023 году, в том числе тяжких и особо тяжких составов — на 7,8 % [1]. Заметим: в данном случае речь идет именно об использовании названных технологий как способе совершения преступления. Количество деликтов, где сотовая связь, сеть «Интернет», мессенджеры, социальные сети, сопутствующие им цифровые устройства выступают в качестве вспомогательных средств у фигурантов (например, при поиске интересующей преступников информации, сбыта похищенного имущества и т. д.), обобщить и подсчитать не представляется возможным.

Однако и правоохранительные органы, в свою очередь, накапливают опыт борьбы с названными преступлениями. Такие наработки вкуче с возможностями цифровых устройств могут быть успешно использованы в расследовании преступлений иных видов, в том числе связанных с посягательствами на культурное наследие народов России.

Современная правоохранительная практика, результаты анкетирования практических сотрудников следственных подразделений

органов внутренних дел (так, за период с января по декабрь 2024 года нами по специально разработанной анкете было проанкетировано 248 сотрудников следственных подразделений территориальных органов МВД России из 34 субъектов Российской Федерации) свидетельствуют о не вполне удовлетворительном уровне применения отмеченных выше наработок в борьбе с преступностью. Изложенное, на наш взгляд, является следствием недостаточности научно-методического обеспечения подготовки профильных специалистов (следователей, дознавателей, оперативных сотрудников) по вопросам использования достижений цифровизации в уголовном судопроизводстве в целом и борьбе с преступными посягательствами на культурное наследие народов России, в частности. В настоящей статье мы сформулировали и обобщили их, исходя из целей и задач такой деятельности.

По нашему мнению, применение цифровых устройств в раскрытии и расследовании преступлений рассматриваемого вида может осуществляться по двум основным направлениям.

1. Вспомогательному, заключающемуся в совершенствовании процессуально-организационных аспектов расследования.

2. Основному, предусматривающему повышение эффективности криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Последнее напрямую связано с процессами раскрытия и расследования преступлений, поскольку предусматривает использование цифровых технологий для выявления, получения и закрепления криминалистически значимой информации. Она в дальнейшем может использоваться либо как ориентирующая и помогающая установить значимые факты, связи фигурантов, либо выступать как доказательственная база.

Данное направление использования современных цифровых аппаратных и программных возможностей имеет важнейшее значение для раскрытия и расследования посягательств на культурное наследие. Вместе с тем результаты изучения материалов уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории свидетельствуют о том, что широкие возможности цифровизации в данном направлении применяются не в полном объеме, именно поэтому целью настоящей статьи является необходимость освещения вариантов применения цифровых устройств и возможностей в расследовании.

Как известно, механизмы совершения преступлений различных видов в отношении культурного наследия порой кардинально отличаются друг от друга. Такие отличия обуславливают и разную материальную следовую картину, однако механизм следообразования в части оставления преступниками цифровых следов не просто схож, а во многом типичен. Это позволяет получать в распоряжение следствия запечатленную цифровыми носителями информацию, при помощи которой зачастую можно установить уже криминалистически значимые сведения, трансформируемые затем в доказательства по уголовному делу.

Кроме того, при расследовании столь разных иногда по характеру преступлений могут использоваться типовые цифровые устройства, помогающие следователю эффективно обнаружить и закрепить следы, а также результаты проводимых действий. Исходя из изложенного выше, представляется целесообразным сгруппировать действия следователя по использованию современных возможностей цифровых устройств и продуктов в ходе расследования преступлений, рассматриваемой категории, следующим образом.

Использование возможностей цифровых технических устройств и аппаратно-программных комплексов непосредственно в ходе подготовки и производства следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий.

Данная группа возможностей предусматривает следующее.

1. Дополнительная фиксация хода результатов процессуальных действий. В этом случае речь идет о применении уже привычных нам в практике расследования преступлений цифровых фотоаппаратов, видеокамер. В настоящее время перечисленные устройства успешно дополняются беспилотными

воздушными судами, позволяющими выполнять цифровую фото- и видеосъемку с высоты, тем самым повышая эффективность следственных действий и наглядность полученных результатов.

Так, по уголовному делу по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного статьей 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания» еще в 2019 году в ходе осмотра места происшествия — участка поля во Владимирской области недалеко от города Юрьев-Польского, где С. проводились незаконные раскопки и были найдены 1 479 серебряных монет русских княжеств и 5 слитков (гривен), датированных концом XIV — началом XV века, присвоенных им и впоследствии выставленных на продажу в сети «Интернет», для осуществления фотосъемки успешно применялось беспилотное воздушное судно [2].

Кроме применения цифровой фото- и видеосъемки, появились возможности лазерного 3D-сканирования обстановки места происшествия для создания его трехмерной модели, что позволяет наиболее полно воспроизвести обстановку и расположение объектов на месте происшествия. В распоряжении следователя предоставляются координаты каждой отсканированной точки, позволяющие проводить все виды измерений без каких-либо искажений, что дает возможность измерить расстояния, углы, площади, объемы. Результатом послужит 3D-модель осматриваемого объекта, которую при необходимости можно использовать в дальнейшем для установления и проверки значимых обстоятельств.

2. Использование компьютерных программ и аппаратно-программных комплексов для проведения различных судебных экспертиз и исследований.

Производство ряда судебных экспертиз и иных исследований порой предусматривает необходимость в использовании специфического программного обеспечения либо аппаратно-программных комплексов — «связки» специализированных приборов с установленными программными продуктами (например, компьютерная судебная экспертиза, производство которой требует наличия указанной аппаратуры). В результате следователь получает заключение эксперта, которое принимается в качестве доказательства по делу.

3. Использование специальных технических средств и программного обеспечения.

Названные средства хотя и используются не следователем, а специализированными подразделениями для проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий (контроля и записи телефонных и иных переговоров, снятия информации с технических каналов связи, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами), позволяют в результате следователю-инициатору получить доказательственную информацию по уголовному делу.

Получение, анализ и последующее использование в качестве ориентирующей информации либо доказательств данных, хранящихся в виртуальном пространстве и цифровых источниках.

В повседневной жизни человека окружает большое количество цифровых устройств, в которых накапливается информация о проводимых им действиях, местонахождении его в определенный момент времени и т. п. В качестве источников названной информации выступают сеть «Интернет», мессенджеры, смартфоны, персональная электронно-вычислительная машина (далее — ПЭВМ), флеш-карты, автомобильные видеорегастраторы; бортовой компьютер и датчики автомобиля, камеры наружного наблюдения (локального характера, установленные в отдельных объектах и не сведенные в единую сеть, но и информация, которая хранится в памяти ПЭВМ организаций либо частных лиц, являющихся пользователями системы видеонаблюдения).

Хранящиеся в перечисленных нами выше устройствах сведения зачастую являются криминалистически значимыми и после соответствующей процессуальной «обработки» могут использоваться в качестве доказательств по уголовным делам, подтверждая либо опровергая значимые для установления истины обстоятельства.

Так, по уже упомянутому уголовному делу в отношении С. в ходе обыска был обнаружен ноутбук подозреваемого, в котором находился скан карты Владимирской губернии Российской империи, датированной XIX веком, с расположением сел и деревень на тот период времени. Карта использовалась С. для поиска потенциальных мест проведения незаконных раскопок [2].

Использование соответствующего программного обеспечения, программно-технических устройств и комплексов для сбора

и анализа информации как в общедоступной цифровой среде, так и в специализированных информационных системах.

Такая информация далеко не всегда является доказательственной. Зачастую она носит ориентирующий характер. Однако, помня о том, что криминалистика является наукой не только о расследовании, но и о раскрытии преступлений, можно утверждать, что названная информация всегда имеет криминалистическое значение, помогая направить процессуальную проверку либо расследование в определенном направлении, установить «по горячим следам» важные факты, сориентировать органы дознания и следствия в выборе верного направления действий. В данную группу входят следующие системы.

1. Автоматизированные информационные системы, выступающие формой организации и ведения некоторых криминалистических учетов.

Как верно отмечает М. В. Соболева, «...совершенствование информационного обеспечения органов внутренних дел на основе оснащения их современными программно-техническими комплексами и системами, а также внедрение в практическую деятельность новых и перспективных информационных технологий является одним из приоритетных направлений повышения эффективности правоохранительной деятельности» [3, с. 257]. Так, одними из наиболее информативных для раскрытия и расследования преступных посягательств на культурные ценности является криминалистический учет похищенных ценностей АИПС «Антиквариат», автоматизированная дактилоскопическая система «Папилон», Федеральная база данных геномной информации и т. д.

2. Системы видеонаблюдения вкупе с возможностью осуществления видеоаналитики.

На сегодняшний день в России видеонаблюдением охвачена значительная часть территорий населенных пунктов. Речь идет, во-первых, об аппаратно-программном комплексе «Безопасный регион» [4], оператором которого являются администрации регионов Российской Федерации, а пользователями, в том числе «силовые» структуры; во-вторых, об аппаратно-программных комплексах локального видеонаблюдения в отдельных населенных пунктах Российской Федерации, в-третьих, о системах видеонаблюдения на различных видах транспорта, в-четвертых, о специальном программном обеспечении МВД России «Паутина».

Постоянное наблюдение за установленным участком местности и накапливаемый массив

видеоинформации могут сыграть значительную роль в установлении интересующей следствие информации как ориентирующего характера, так и доказательственного (например, если камера видеонаблюдения запечатлела само преступное событие).

Эффективность и значимость перечисленных комплексов возрастают в разы при применении вкуче с ними систем видеоаналитики, таких, например, как «Сфера» [5], FindFace в специализированной комплектации CIBR (*Criminal Investigation Biometric Registry*) [6]. Они позволяют при помощи искусственного интеллекта при наличии фото- либо видеоизображения лиц, представляющих интерес для правоохранительных органов, осуществлять их поиск, передавая операторам информацию о фиксировании появления таких лиц в режиме реального времени в местах, где установлены соответствующие камеры видеонаблюдения.

Так, 27 января 2019 года из Инженерного корпуса Третьяковской галереи в Лаврушинском переулке в Москве в вечернее время при окружающих одним из посетителей выставки была открыто похищена картина Архипа Куинджи «Ай-Петри. Крым». Личность подозреваемого — Д.Ч., 1986 года рождения — была установлена, как отмечают источники, благодаря системе «Безопасный город» и ее возможностям распознавания лиц [7].

Специальное программное обеспечение «Паутина» [8] предназначено для идентификации транспортных средств, в том числе представляющих оперативный интерес. Система способна определять маршруты движения автомобилей, места их наиболее частого появления, пересечения маршрутов с другими транспортными средствами, также представляющими интерес, дату и время проезда автомобиля мимо соответствующей камеры и т. п.

3. Системы сотовой связи.

Данный источник имеет крайне важное значение для расследования преступлений, поскольку, как верно отмечают А. Р. Арсланова и М. А. Нуров, «...операторы связи в силу технических особенностей функционирования сотовой связи обладают значительным объемом информации, в том числе о действиях, произведенных с технического устройства при совершении преступлений» [9, с. 78].

Анализ предоставленной операторами информации позволяет установить не только данные о телефонных соединениях с другими абонентами (на основании чего впоследствии может возникнуть необходимость прослушивания

телефонных и иных переговоров), но и значимую ориентирующую информацию (например, сведения о геолокации, то есть географическом местонахождении телефонного аппарата в интересующее следствие время. Последнее, к примеру, имеет особое значение при установлении обстоятельств незаконных раскопок, а именно наличия фигуранта в определенной местности, где совершалось указанное преступление).

4. Программный продукт Интерпола ID-Art [10] (бесплатное мобильное приложение), позволяющий идентифицировать похищенные произведения искусства, предотвратить их незаконный оборот и повысить шансы на возвращение.

Указанное приложение предусматривает возможность фотографирования интересующего предмета искусства и проверки его с использованием технологий распознавания изображений и искусственного интеллекта по базе данных Интерпола, в которой числятся пропавшие культурные ценности. При совпадении произведения с числящемся в базе как пропавшее в сервис с помощью всплывающего уведомления предложит сообщить о нем правоохранительным органам.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии в настоящее время в распоряжении правоохранительных органов значительного цифрового инструментария, при помощи которого можно и нужно эффективно раскрывать и расследовать преступления в отношении культурного наследия народов России.

Представляется, что ознакомление действующих сотрудников органов дознания, следственных подразделений с видами и возможностями освещенных в данной работе программных продуктов, технических средств, цифровых устройств будет способствовать повышению эффективности расследования преступлений рассматриваемого вида, что, в свою очередь, положительно скажется на сфере охраны культурного наследия в целом.

Список источников

1. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoj-federatsii2024/> (дата обращения: 20.04.2025).
2. Архив Юрьев-Польского районного суда Владимирской области: уголовное дело № 1-1/2019.
3. Соболева М. В. Совершенствование информационного обеспечения органов внутренних дел как

одно из приоритетных направлений повышения эффективности правоохранительной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 257–261.

4. О Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 года № 2446-р.

5. Биометрическая система распознавания лиц — RUCOM. URL: <https://rucom.agency/project/sfera> (дата обращения: 20.04.2025).

6. FINDFACE MULTI. URL: <https://ntechlab.ru/findface-multi/> (дата обращения: 20.04.2025).

7. Бабкин С. Похититель холста Куинджи найден благодаря системе «Безопасный город». URL: <https://rg.ru/2019/01/28/reg-cfo/pohititel-holsta-kuindzhinajden-blagodaria-sisteme-bezopasnyj-gorod.html> (дата обращения: 20.04.2025).

8. Вопросы организации эксплуатации сервиса для автоматизации деятельности центров автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения на базе специального программного обеспечения «Паутина@»: приказ МВД России от 29 марта 2021 года № 169. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.03.2025)

9. Арсланова А. Р., Нуров М. А. Информационные ресурсы операторов сотовой связи, провайдеров и владельцев сайтов, используемые при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник МВД России. 2024. № 1. С. 77–85.

10. ID-Art mobile app. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cultural-heritage-crime/ID-Art-mobile-app> (дата обращения: 20.04.2025).

References

1. The Russian Ministry of Internal Affairs publishes statistical information on the state of crime in the Russian Federation for 2024. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu>

informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/ (accessed 20.04.2025). (In Russ.).

2. Archive of the Yuryev-Polsky District Court of the Vladimir Region: criminal case no. 1-1/2019. (In Russ.).

3. Soboleva M. V. Improving the information support of internal affairs bodies as one of the priority areas for increasing the effectiveness of law enforcement activities. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 4 (36). Pp. 257–261. (In Russ.).

4. On the Concept for the Construction and Development of the Safe City Hardware and Software Complex: order of the Government of the Russian Federation no. 2446-r dated December 3, 2014. (In Russ.).

5. Biometric facial recognition system — RUCOM URL: <https://rucom.agency/project/sfera> (access date: 20.04.2025). (In Russ.).

6. FINDFACE MULTI. URL: <https://ntechlab.ru/findface-multi/> (access date: 20.04.2025). (In Russ.).

7. Babkin S. The thief of Kuindzhi's canvas was found thanks to the Safe City system. URL: <https://rg.ru/2019/01/28/reg-cfo/pohititel-holsta-kuindzhinajden-blagodaria-sisteme-bezopasnyj-gorod.html> (accessed 20.04.2025). (In Russ.).

8. Issues of organizing the operation of a service for automating the activities of centers for automated recording of administrative offenses in the field of road traffic based on special software “Web”: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2021 no. 169. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 05.03.2025). (In Russ.).

9. Arslanova A. R., Nurov M. A. Information resources of mobile operators, providers and website owners used in the detection and investigation of crimes committed using information and telecommunication technologies. *Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1, pp. 77–85. (In Russ.).

10. ID-Art mobile app. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cultural-heritage-crime/ID-Art-mobile-app> (accessed 20.04.2025). (In Russ.).

Информация об авторе

С. А. Янин — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Information about the author

S. A. Yanin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Investigative Work of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 342.9

Административно-правовое применение *lex sportiva* на спортивно-массовых мероприятиях

Генералов Владислав Владимирович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, v.generalov@unn.ru

Аннотация. В статье рассмотрены понятие и содержательные элементы *lex sportiva*. Центральное внимание уделяется практике реализации *lex sportiva* на спортивно-массовых мероприятиях. Выделяется особая роль спортивных организаций, традиций и правоприменительной практики в *lex sportiva*. Автором сформулировано собственное определение *lex sportiva* и высказаны предложения по совершенствованию административно-правового применения.

Ключевые слова: административно-правовое применение, *lex sportiva*, спортивно-массовые мероприятия, спортивные соревнования, правила поведения зрителей, административный запрет

Для цитирования: Генералов В. В. Административно-правовое применение *lex sportiva* на спортивно-массовых мероприятиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 220–224.

Original article

Administrative and legal application of *lex sportiva* at mass sport events

Vladislav V. Generalov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, v.generalov@unn.ru

Abstract. The article discusses the concept and substantive elements of *lex sportiva*. The central focus is on the practice of implementing *lex sportiva* at mass sports events. The special role of sports organizations, traditions and law enforcement practices in *lex sportiva* is highlighted. In conclusion, the author of the study formulates his own definition of *lex sportiva* and makes suggestions for improving administrative and legal application.

Keywords: administrative and legal application, *lex sportiva*, mass sports events, sports competitions, rules of conduct for spectators, administrative prohibition

For citation: Generalov V. V. Administrative and legal application of *lex sportiva* at mass sports events. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 220–224. (In Russ.).

© Генералов В. В., 2025

В административно-правовом регулировании спортивно-массовых мероприятий концептуально выделяют классический блок нормативных правовых актов (международного, федерального и регионального уровней), а также смежный блок источников *lex sportiva*, к определению которого в доктрине имеются различные подходы.

Так, по мнению С. В. Алексеева, Р. Г. Гостева, «...основной массив норм относительно организации и проведения спортивных соревнований принимается общероссийскими и международными спортивными организациями (федерациями), которые, несомненно, относятся к нормам *lex sportiva*» [1, с. 26].

В концепции И. В. Понкина, А. И. Понкиной «...*lex sportiva* понимается как объединение комплексов внеправовой нормативной регламентации (негосударственных невластных регуляторов различного по своей природе происхождения) в области спорта, характеризующийся гетерогенностью по степени устойчивости, мере взаимодействия/индифферентности и по иерархичности внутрисистемных и межсистемных связей, а также по когерентности и степени императивности их регламентирующего воздействия на предметную область регулирования как на международном, так и на национальном уровне, детерминированное автономией сферы общественных отношений в области спорта от национальных публичных порядков и от международного правопорядка» [2, с. 114].

В заключении статьи Л. И. Захарова высказывается мнение, что *lex sportiva* «...основывается не на обычаях, возникающих на низовом уровне в неформальном общении, а на писаных нормах, закрепленных на высшем уровне пирамидальной системы — в уставах и регламентах спортивных организаций» [3, с. 75].

Необходимо отметить высокую степень реализации действия *lex sportiva* в Российской Федерации вне зависимости от уровня спортивно-массовых мероприятий. Так, Правительство Российской Федерации взяло на себя ряд обязательств (не просто декларировало обязанности, а предоставило *Fédération Internationale de Football Association* (далее — ФИФА) правительственные гарантии) для проведения масштабного спортивно-массового мероприятия на территории Российской Федерации — чемпионата мира по футболу 2018 года.

Как указано в правительственной декларации, «...Правительство Российской Федерации от имени и по поручению Российской Федерации безотзывно и безусловно отказывается от

любой неприкосновенности и любого правового иммунитета в отношении себя и своих активов в случае нарушения Правительственных гарантий» [4].

Высший орган исполнительной власти Российской Федерации, возлагающий первоначально на себя обязанности по защите прав человека на территории Российской Федерации, организации определенного уровня безопасности на всей территории, обеспечивал реализацию *lex sportiva* через специально принятый федеральный закон [5], в котором предусматривалось следующее:

— к дочерним организациям ФИФА и их контрагентами, Российскому футбольному союзу, Оргкомитету «Россия-2018» не применялись требования о репатриации иностранной валюты и валюты Российской Федерации;

— въезд и выезд на территории Российской Федерации зрителей матчей чемпионата мира по футболу осуществлялся без оформления виз по документам, удостоверяющим личность, и персонифицированной карте зрителя;

— закреплялось правило проведения официальных церемоний (в том числе церемонии открытия и закрытия спортивных соревнований) в соответствии с требованиями ФИФА.

Согласно Федеральному закону от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» «...профильные общественные отношения основываются на принципе сочетания государственного регулирования отношений в области физической культуры и спорта с саморегулированием», а «спортивное соревнование определяется как состязание, проводимое по утвержденному его организатором положению (регламенту)» [6], то есть фактически в действующее российское законодательство интегрированы элементы *lex sportiva*.

Реализацией *lex sportiva* можно назвать положения Технического регламента Континентальной хоккейной лиги, утвержденного советом директоров ООО «КХЛ» протоколом от 27 июля 2021 года № 119 (далее — Технический регламент КХЛ) [7]. В данном акте определены требования к спортивным сооружениям, положения по обеспечению безопасности, а также специальные правила для зрителей и клубов в рамках чемпионата КХЛ.

Примечательно, что Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации в пояснительных записках к проектам приказов неоднократно обращалось к содержанию *lex sportiva*. Так, рассматривались учредительные

документы спортивных организаций, регламентные акты спортивных федераций, ассоциаций, союзов, лиг, локальные нормативные акты спортивных клубов и других физкультурно-спортивных организаций и т. д. Акты саморегулирования субъектов сферы спорта относятся к системе внеправовой нормативной регламентации в области спорта — *lex sportiva*. При этом их нормы носят главным образом императивный характер. В пояснительных проектах также было отмечено, что нормативные акты международных спортивных организаций — важная группа источников, на основе которых осуществляются подготовка и проведение официальных спортивных мероприятий [8–10].

Вместе с указанными содержательными элементами *lex sportiva* особое внимание в административно-правовом применении также стоит уделять традициям и правоприменительной практике. Так, в правоприменительной практике гражданам Российской Федерации инкриминировалось совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.31 КоАП РФ «Нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» [11], без учета сформировавшихся в спорте традиций.

В феврале 2025 года в информационном пространстве получил большой резонанс случай с задержанием болельщиков хоккейного клуба «Ак Барс» на ледовой площадке «СКА Арена» за выброс головных уборов на лед после хет-трика («трюка со шляпой» при трех забитых шайбах) на матче КХЛ. Так, А.Д. и его 10-летний сын, празднуя третью шайбу игрока «Ак Барс», выбросили на лед кепку (бейсболку), за что в отношении отца был составлен протокол об административном правонарушении. После публичной огласки в средствах массовой информации с Д. связались представители ХК СКА и сообщили об отсутствии претензий и дальнейших юридических последствий выброса бейсболки [12].

В этом же матче протокол об административном правонарушении был составлен в отношении другого 18-летнего болельщика, который в этот же момент выбросил клубную шапку «Ак Барс» (примечание: акцент был сделан, что это не бейсболка), однако дальнейшая юридическая судьба данного инцидента на данный момент не озвучена [13]. Необходимо отметить, что после схожих инцидентов в 2014 году в техническом регламенте КХЛ было принято решение официально закрепить, что выбрасывание на лед бейсболок при таких

обстоятельствах является следованием мировой хоккейной традиции, опасности для матча не представляет [7].

Схожие ситуации не единичные случаи, а имели системный характер и рассматривались в суде. Так, во время хоккейного матча один из игроков забросил свою четвертую шайбу в матче, гражданин Российской Федерации не смог сдержать положительных эмоций и по хоккейной традиции в честь такого знакового события бросил свою бейсболку на лед [14], чем, исходя из протокола об административном правонарушении, нарушил пункт «в» раздела 2 части 5 постановления Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2013 года № 1156 «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» [15], однако суд на основе фактических обстоятельств дела пришел к обоснованному выводу, что указанные действия лица не образуют состава правонарушения, поскольку в данном случае бейсболку лицо бросило, следуя мировой хоккейной традиции, что не запрещено Техническим регламентом КХЛ [14].

Правоприменительная практика показала, что данные положения могут быть проигнорированы либо трактоваться слишком узко, что свидетельствует о необходимости в подготовке официального разъясняющего акта для недопущения таких систематических ситуаций.

Традиция «трюка со шляпой» (хет-трика) спустя более ста лет трансформируется в различные финансовые сборы, в том числе направленные на благотворительность (на спортивную площадку выбрасывают игрушки для пожертвований), что также является содержательным развитием *lex sportiva*. Данная традиция распространена не только в хоккее, но и в большинстве командных спортивных соревнований.

Другая традиция с выходом болельщиков на спортивное поле (игровую зону) после победы (чемпионства) на практике остается неоднозначной, так как может быть расценена как проникновение в места, не обозначенные во входном билете или в ином документе.

Так, в мае 2017 года футбольный клуб «Спартак» после чемпионского матча открыл доступ на поле для болельщиков, который тогда прокомментировал вице-премьер Российской Федерации, президент Российского футбольного союза В. Л. Мутко: «Болельщики “Спартака”, вышедшие на футбольное поле после завершения матча, поддержали мировую традицию, главное, что все прошло мирно» [16].

Традиция, когда болельщики выбегают на поле сразу после финального свистка, действительно широко распространена в спортивной среде Англии, Германии, Франции и других стран [17]. Однако для ее реализации необходимо соблюдение требований, утвержденных организатором спортивно-массового мероприятия с целью обеспечения безопасности и должного правопорядка. Так, лица привлекли к административной ответственности за грубое нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований (ч. 3 ст. 20.31 КоАП РФ) за проникновение на игровое поле, доступ куда был ограничен организатором, несмотря на то, что лицо являлось старшим группы болельщиков волейбольной команды. Исходя из материалов дела, ему с достоверной точностью было известно о запрете совершения таких действий, однако он продолжил свои противоправные действия, столкнулся с игроками команды, нанес удары сотрудникам службы безопасности спортивного мероприятия [18].

Основой *lex sportiva* действительно являются акты профильных общероссийских и международных спортивных организаций, однако правоприменительная практика указывает на необходимость учета подобных содержательных элементов как традиции и деятельность уполномоченных субъектов.

На основе вышеприведенного исследования мы с полной уверенностью делаем вывод, что под *lex sportiva* следует понимать совокупность саморегулированных отношений в сфере физической культуры и спорта, образованных профильными спортивными организациями, традициями и деятельностью уполномоченных субъектов с целью внеправовой нормативной регламентации в соответствующей области.

Полагаем, что вышеизложенные особенности положений *lex sportiva* следует изложить в специальных разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации и учесть при подготовке методических рекомендаций МВД России о правоприменительной практике привлечения лиц к административной ответственности на спортивно-массовых мероприятиях, как и другие имеющиеся по данному вопросу проблемные аспекты, анализируемые автором в своих исследованиях: разграничение соблюдения традиций и правонарушений; сравнение составов правонарушений, предусмотренных статьями 20.21 и 20.31 КоАП РФ; определение места проведения официальных спортивных соревнований и другие [19], а также внести соответствующие изменения в постановление Правительства

Российской Федерации от 16 декабря 2013 года № 1156 «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» (соблюдение и границы традиций «хет-трика», благотворительных выбросов, выхода на поле и др.).

Список источников

1. Алексеев С. В., Гостев Р. Г. Спортивное право: источники регулирования физкультурных и спортивных мероприятий // Культура физическая и здоровье. 2013. № 5 (47). С. 16–31.
2. Понкин И. В., Понкина А. И. О корреляции *lex sportiva* и спортивного права // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 109–118.
3. Захарова Л. И. *Lex mercatoria* и *lex sportiva*: особенности, сходства и различия // *Lex Russica*. 2019. № 11 (156). С. 70–77.
4. Правительственная декларация от 14 апреля 2010 года № 1684п-П12. URL: <https://www.minsport.gov.ru/5drond02062014.doc> (дата обращения: 10.01.2025).
5. О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 июня 2013 года № 108-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2013. № 23, ст. 2866.
6. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2007. № 50, ст. 6242.
7. Технический регламент КХЛ. URL: https://www.khl.ru/documents/KHL_technical_regulations_2024_4.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
8. Об утверждении профессионального стандарта «Контролер-распорядитель»: приказ от 13 апреля 2017 года № 357н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).
9. Об утверждении профессионального стандарта «Спортивный судья»: приказ от 28 марта 2019 года № 193н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).
10. Об утверждении профессионального стандарта «Руководитель физкультурно-спортивной организации»: приказ от 23 октября 2015 года № 769н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2025).
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 1, ч. 1. ст. 1.
12. Лысенков П. Бросить кепку на лед — и попасть в полицию. URL: https://matchtv.ru/hockey/matchtvnews_NI2165337_Brosit_kepku_na_led__i_

popast_v_policiju_Kak_SKA_razrulil_skandalnuju_istoriju_s_bolelshhikom?ysclid=m7i1460ah8802801990 (дата обращения: 10.02.2025).

13. Скандал на «СКА-Арене»: фанатов «Ак Барса» увели в полицию – за то, что бросили кепки на лед. URL: <https://www.sports.ru/hockey/blogs/3297656.html?ysclid=m7i1vo3s2574281567> (дата обращения: 10.02.2025).

14. Постановление Красноперекопского районного суда от 3 октября 2017 года № 5-467/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.01.2025).

15. Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2013 года № 1156 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51, ст. 6866.

16. Мутко: выход болельщиков клуба-чемпиона на поле — мировая традиция. URL: <https://tass.ru/sport/4260384> (дата обращения: 10.01.2025).

17. Куимова П., Орахин В. Счастливые болельщики «Ман Сити» сломали ворота! Массовые забеги на поле — уже традиция. URL: <https://www.championat.com/page/legal/> (дата обращения: 10.01.2025).

18. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 24 августа 2021 года № 5-643/2021. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.01.2025).

19. Генералов В. В. Актуальные проблемы, возникающие при реализации административно-правового режима проведения спортивно-массовых мероприятий // Законность и правопорядок. 2020. № 1 (25). С. 55.

References

1. Alekseev S. V., Gostev R. G. Sport Law: Sources of Regulation of Physical Culture and Sports Events. *Physical Culture and Health*, 2013, no. 5 (47), pp. 16–31. (In Russ.).

2. Ponkin I. V., Ponkina A. I. On the Correlation of Lex Sportiva and Sport Law. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, 2012, no. 3, pp. 109–118. (In Russ.).

3. Zakharova L. I. Lex Mercatoria and Lex Sportiva: Features, Similarities and Differences. *Lex Russica*, 2019, no. 11 (156), pp. 70–77. (In Russ.).

4. Government Declaration no. 1684p-P12 of April 14, 2010. URL: <https://www.minsport.gov.ru/5drond02062014.doc> (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

5. On the preparation and holding in the Russian Federation of the 2018 FIFA World Cup, the 2017 FIFA Confederations Cup, the 2020 UEFA European Football Championship and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law no. 108-FZ of June 7, 2013. *Collected Legislation of the RF*, 2013, no. 23, art. 2866. (In Russ.).

6. On Physical Culture and Sports in the Russian Federation: federal law no. 329-FZ of December 4, 2007. *Collected Legislation of the RF*, 2007, no. 50, art. 6242. (In Russ.).

7. KHL Technical Regulations. URL: https://www.khl.ru/documents/KHL_technical_regulations_2024_4.pdf (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

8. On approval of the professional standard “Controller”: order no. 357n of 13 April 2017. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

9. On approval of the professional standard “Sports referee”: order no. 193n of 28 March 2019. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

10. On approval of the professional standard “Head of a physical education and sports organization”: order no. 769n of October 23, 2015. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

11. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses no. 195-FZ of December 30, 2001. *Collection of Legislation of the RF*, 2002, no. 1, (part 1), art. 1. (In Russ.).

12. Throwing a Cap on the Ice and Ending Up in Police. URL: https://matchtv.ru/hockey/matchtvnews_NI2165337_Brosit_kepku_na_led__i_popast_v_policiju_Kak_SKA_razrulil_skandalnuju_istoriju_s_bolelshhikom?ysclid=m7i1460ah8802801990 (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

13. Scandal at the SKA Arena: «Ak Bars» Fans Taken to Police for Throwing Caps on Ice. URL: <https://www.sports.ru/hockey/blogs/3297656.html?ysclid=m7i1vo3s2574281567> (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

14. Resolution of the Krasnoperekopsky District Court dated October 3, 2017 no. 5-467/2017. URL: <http://sudact.ru> (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

15. On approval of the Rules of conduct for spectators during official sports competitions: Resolution of the Government of the Russian Federation no. 1156 of December 16, 2013. *Collected Legislation of the RF*, 2013, no. 51, art. 6866. (In Russ.).

16. Mutko: Fans of the Champion Club Entering the Field is a World Tradition. URL: <https://tass.ru/sport/4260384> (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

17. Happy Man City Fans Broke Down the Gate! Mass Runs onto the Field are Already a Tradition. URL: <https://www.championat.com/page/legal/> (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

18. Decision of the Saint Petersburg city court no. 5-643/2021 of August 24, 2021. URL: <http://sudact.ru> (accessed 10.01.2025). (In Russ.).

19. Generalov V. V. Actual Problems Arising in the Implementation of the Administrative and Legal Regime for Conducting Mass Sports Events. *Legality and Law and Order*, 2020, no 1 (25), pp. 55. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.10

Действия и решения прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, в системе стадий и производств уголовного процесса Российской Федерации

Дружинкин Николай Сергеевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ppk.ppk90@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы суждения доктрины и нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие действия и решения прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением (глава 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) с позиций отнесения этого этапа уголовно-процессуальной деятельности к самостоятельной стадии уголовного процесса Российской Федерации. На основе анализа системы признаков, характеризующих каждую из стадий процесса, обоснован тезис о том, что исследуемый этап, безусловно, — стадия уголовного судопроизводства России. В обоснование автор определяет непосредственные задачи этой самостоятельной стадии, методы ее решения, предусмотренные законом, уполномоченных участников стадии и ее внутреннюю структуру.

Ключевые слова: этап, стадия, задачи и методы стадии, участники и структура, прокурор, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Дружинкин Н. С. Действия и решения прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, в системе стадий и производств уголовного судопроизводства Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 225–232.

Original article

Actions and decisions of the prosecutor in a case filed with an indictment in the system of stages and proceedings of the criminal process of Russian Federation

Nikolai S. Druzhinkin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ppk.ppk90@mail.ru

Annotation. The work analyzes the judgments of the doctrine and norms of the criminal procedure law governing the actions and decisions of the prosecutor in a case filed with an indictment (Chapter 31 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) from the standpoint of attributing this stage of criminal procedural activity to an independent stage of the criminal process of Russia. Based on the analysis of the system of signs characterizing

© Дружинкин Н. С., 2025

each of the stages of the process, the thesis is substantiated that the stage under study is, of course, the stage of criminal proceedings in Russia. In substantiation, the author defines the immediate tasks of this independent stage, the methods of its solution provided for by law, the authorized participants of the stage, and its internal structure.

Keywords: stage, stages, tasks and methods of the stage, participants and structure, prosecutor, criminal proceedings

For citation: Druzhinkin N. S. Actions and decisions of the prosecutor in a case filed with an indictment in the system of stages and proceedings of the criminal process of Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 225–232. (In Russ.).

Характеризуя производство по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, И. Д. Перлов методологически точно отметил, что, фактически эта стадия оказалась среди «забытых» в доктрине российского уголовно-процессуального права. Практически полное отсутствие монографических исследований, посвященных анализу предмета и сути деятельности суда на этом «забытом» процессуальном этапе и крайне лапидарное «явление» отдельных статей по данной тематике, безусловно, подтверждали этот вывод. В итоге именно этот публичный акцент послужил если не основанием, то достаточным поводом для того, чтобы к настоящему времени уголовно-процессуальная доктрина и практика сформировали достаточно целостное представление обо всех сторонах и явлениях (выше) указанного производства и стадии в точном соответствии с их нормативной сутью и назначением.

Данное отступление и его основные константы вызваны тем, что указанный вывод и все взаимосвязанные с ним установки в полной мере относятся к такой структурной части действующего уголовного судопроизводства Российской Федерации, как «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением» (гл. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)). Ни действующий уголовно-процессуальный закон, ни отраслевая доктрина, ни собственно процессуальная практика к настоящему времени не в состоянии обеспечить исходной и достаточной ясности в вопросах:

— о месте и назначении данного института, процессуального производства, этапа процесса в общей, структурно согласованной и строго последовательной системе стадий и производств уголовного судопроизводства Российской Федерации;

— предмете, сути, телеологическом назначении деятельности на этом этапе как прокурора (основного субъекта реализации действий и принятия значимых процессуальных решений),

так и иных заинтересованных участников процесса;

— оптимальности уголовно-процессуальной формы всех действий и решений, реализуемых участниками процесса по факту направления уголовного дела с обвинительным заключением от органа предварительного расследования непосредственно к прокурору;

— как следствие, об истинной сути акта прокурора по утверждению обвинительного заключения в контексте общих задач и целей уголовного судопроизводства Российской Федерации.

На основании изложенного цель и непосредственные задачи любого исследования по этим актуальным вопросам требуют прежде всего методологической точности и определенности в указанных выше моментах, ибо «... кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя наткнуться на эти общие вопросы» [1, с. 368]. Более того, приоритет среди этих «общих» вопросов, на наш взгляд, однозначно должен быть отдан точному уяснению точного места и роли исследуемого этапа, института, производства в общей системе стадий и производств уголовного судопроизводства Российской Федерации.

Понятие «стадия» уголовного процесса является одним из ключевых для российского уголовно-процессуального права и собственно практической деятельности, осуществляемой на каждом обособленном этапе реализуемой процессуальной деятельности. Достаточно известно и то, что именно посредством указанного понятия и имманентно присущих ему значимых свойств можно достаточно верно охарактеризовать как в целом внутреннюю структуру уголовного судопроизводства Российской Федерации, так и системно исследовать процесс нарастающего уголовно-процессуального познания фактов и обстоятельств о преступном деянии и лице, его совершившем. Как следствие, на данный момент уже практически не является предметом дискуссии тезис о том, что посредством категории «стадия» телеологически

точно и практически оптимально выстроена вся система уголовного процесса Российской Федерации, связанная диалектикой взаимообусловленных целей и взаимодополняющих их непосредственных процессуальных задач, последовательно решаемых на каждом обособленном процессуальном этапе. В системе каждая из стадий процесса в соответствии со своим назначением в первую очередь призвана к проверке надлежащей процессуальной формы и информационного результата предшествующего процессуального производства и только, во-вторую — к решению своей непосредственной процессуальной задачи, в том числе в части формирования оснований для перехода производства по делу на следующий структурный этап общей процессуальной системы: передачи для целей законного и обоснованного решения основного вопроса уголовного дела (о виновности и наказании) и реализации конституционного назначения уголовного процесса как системы права и системы собственно деятельности.

Для понимания ценности точного определения этапа и категории «стадия» принципиально и то, что обязательным условием их выделения в общей системе процесса является признак материально-центричности — неразрывной связи осуществляемой деятельности с нормами материального (уголовного) права. Суть этой связи заключается в том, что непосредственная задача стадии, которую необходимо эффективно решить на каждом обособленном процессуальном этапе процесса, в конечном счете определяется задачами не только уголовного судопроизводства, но и разрешением вопросов материального права, тем самым, как справедливо замечает Л. В. Головкин, исключаются возможность и субъективная заинтересованность производного (нарастающего) «воспроизводства» стадий для достижения сугубо процессуальных задач [2, с. 21].

В контексте столь высокозаявленной ценности точного определения этапа и категории «стадия» доктрина в целом определилась в критериях, во-первых, позволяющих точно «отграничить» отдельные из этапов процесса как собственно стадии, во-вторых, призванных к сущностной характеристике этих институционально обособленных этапов.

Для решения задач, поставленных в рамках этой статьи, обозначим систему характеризующих признаков, которая фактически является доминирующей в российской уголовно-процессуальной доктрине. В качестве определяющих исследователи чаще всего приводят признаки,

которые характеризуют а) непосредственную задачу стадии (которую должно решать на этом процессуальном этапе); б) средства решения этой задачи, напрямую установленные уголовно-процессуальным законом; в) круг субъектов процесса, заинтересованно функционирующих на этом этапе; г) структуру стадии. Последний элемент, как правило, включает начальный и итоговый моменты стадии, ее легальные временные пределы, конкретный процессуальный акт, завершающий производство на этом этапе и актуализирующий либо потребность перехода к следующему процессуальному этапу, либо прекращение в целом процесса в виду объективации пресекательных к тому оснований.

Обозначив в качестве непосредственного предмета научно-практического анализа деятельность прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением (гл. 31 УПК РФ), определимся, к какому из этапов процесса отнесены его полномочия, акты и отношения, нормативно «определенные» законодателем между завершением (окончанием) стадии предварительного расследования и стадией подготовки дела к судебному разбирательству. Посильными средствами данного поиска определим позиции уголовно-процессуальной доктрины.

Обратимся к изданию «Уголовный процесс» под общей редакцией профессора В. Т. Томина, где авторы «...раздела о стадиях» однозначно суммируют, что с позиций структуры уголовного судопроизводства Российской Федерации исследуемый этап — это не стадия; это «самостоятельная часть уголовного процесса». Приводятся и сущностные отличия этой «части» от собственно стадии. Последние заключаются в том, что (1) на этом этапе функционирует только один субъект — прокурор; (2) его деятельность носит не уголовно-процессуальный, а организационно-распорядительный характер. При этом распорядительные полномочия в целом направлены лишь к проверке материалов, поступившего дела и утверждению обвинительного заключения для целей направления и дела, и данного акта в суд [3, с. 31].

Пока оставим без комментария как точность, так и правомерность указанного суждения, и акцентируем исключительно факт (отдельного) упоминания о данном этапе применительно к внутренней структуре в целом уголовного процесса Российской Федерации.

В ряде изданий учебного и методического по сути характера в принципе отсутствуют упоминания об этом этапе и о характере деятельности

прокурора или оптимальности предоставленных ему полномочий, скорее всего в силу того что данный этап либо «неинтересен» исследователям, либо не «актуален» для понимания ими общей структуры процесса.

Напротив, знаковыми для исследуемого вопроса видятся суждения тех исследователей, которые оценивают нормативные предписания названного этапа как элемента заключительной части стадии предварительного расследования. Эти суждения отражены в учебниках уголовного процесса под общей редакцией П. А. Лупинской (2003) [4, с. 437], Ю. К. Якимовича (2007) [5, с. 518–520], А. В. Смирнова (2008) [6, с. 466–470], А. П. Кругликова (2009) [7, с. 489–491], С. Б. Россинского (2009) [8, с. 459], Н. С. Мановой (2010) [9, с. 256–257], В. М. Лебедева (2012) [10, с. 590–597], А. В. Гриненко (2013) [11, с. 198], В. П. Божьева и Б. Я. Гаврилова (2017) [12, с. 257], А. И. Бастрыкина и А. А. Усачева (2017) [13, с. 230], а также в работе «Курс уголовного процесса» под редакцией Л. В. Головки (2016) [2, с. 412]. Суть содержательных пояснений, как констатирует Н. Н. Ковтун, как правило, сводится либо к парафразу нормативных велений, установленных статьями 221–222 УПК РФ, либо к итоговым констатациям, по смыслу которых деятельность прокурора на этом этапе является одной из форм надзора за процессуальной деятельностью органов следствия, не более. Ни суть рассматриваемой деятельности, ни ее непосредственные задачи, ни собственно «место» указанного этапа в общей (внутренней) структуре процесса либо отдельно не обсуждаются либо вуалируются общими рассуждениями об обязанности прокурора проверить качество предыдущего производства по делу [14, с. 130–135]. С какой целью и на предмет чего именно проверить, как правило, дополнительно не поясняется.

Как следствие, весьма серьезными новациями на фоне подобных суждений представлены позиции А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского. Исследователи прямо указывают, что характеризуемый этап обладает определенной процессуальной самостоятельностью, для него установлены свои задачи, сроки, итоговые решения. Подвергнут сомнению и «общеизвестный» тезис о том, что этот этап — суть заключительная часть стадии предварительного расследования; для авторов — это итог в целом досудебного производства по делу. Продуктивен и акцентирующий посыл, суть которого заключается в том, что на этом этапе прокурор впервые берет на себя ответственность за качество обвинения

(утверждения о виновности), которое прокуратуре в последующем должно поддерживать в суде [6, с. 466]. На этом характеризующие новации, правда, заканчиваются. В силу каких причин авторы не сформировали систему итоговых выводов по сути столь интересных суждений, остается гадать, тем более что базис для завершающих констатаций доктриной (ранее) был в целом представлен.

Впервые тезис о том, что этап, на котором прокурор реализует комплекс решений и действий, связанных с проверкой поступившего к нему дела с обвинительным заключением, целесообразно считать именно стадией, был поставлен на обсуждение еще Г. М. Миньковским [15, с. 39]. Более точно акценты по этой проблеме были расставлены Н. П. Подольной, однозначно характеризующей этот этап как «стадию прокурорской проверки». Суть данной проверки, по ее мнению, сведена к оценке надлежащим прокурором законности и обоснованности окончательного предварительного расследования по уголовному делу [16, с. 5–8]. С какой именно целью осуществляется эта оценка, для каких последующих актов или задач, в том числе прокурора, при этом, естественно, не пояснялось.

На тех же исходных посылах, но уже максимально детально, всесторонне и на монографическом уровне этот этап был исследован В. С. Зеленецким, который не только охарактеризовал его как обособленную процессуальную стадию, но и акцентировано связал с обвинением, которое должно быть изучено прокурором [17]. Казалось бы, определенность достигнута. Увы, ни в доктрине, ни в законе, ни в практике «прорыва» не получилось, ибо эти идеи уголовно-процессуальной доктрины в принципе не были восприняты.

Нет единства позиций и в исследованиях последнего времени. Одни авторы, обращаясь к сути норм главы 31 УПК РФ, традиционно делают вывод, что деятельность прокурора по утверждению обвинительного заключения (обвинительного акта) — суть составная часть стадии предварительного расследования; ее заключительный этап [18, с. 261; 19, с. 44–50]. Другая, содержательно оппонируя этим подходам, пытается отстоять тезис о том, что указанный этап в системе производства по делу по сути является самостоятельной стадией уголовного процесса [20, с. 65–70; 14, с. 129]. При этом целевое назначение как указанной деятельности, так и непосредственно стадии, и первыми, и вторыми характеризуется принципиально различно. К примеру, Н. С. Манова, характеризуя

деятельность прокурора по поступившему к нему уголовному делу, в качестве самостоятельной стадии процесса полагает, что суть и телеологический вектор указанной деятельности заключаются в предании обвиняемого суду [21, с. 143]. Согласиться с указанным сложно, ибо и в доктрине российского уголовно-процессуального права и непосредственно в практике акт предания обвиняемого суду (в генезисе его становления), как правило, связывается с такой самостоятельной стадией, как «...предание суду», «...назначение судебного разбирательства», «...подготовка уголовного дела к судебному разбирательству». В структуре действующей формы процесса это либо единоличный порядок предания обвиняемого суду (гл. 33 УПК РФ), либо предварительные слушания как коллегияльная форма решения всех задач указанной стадии (гл. 34 УПК РФ). И первая, и вторая формы однозначно не предмет доминирующей деятельности прокурора, так как основным, полномочным субъектом данных обособленных форм однозначно обозначен именно суд.

Непоследователен в этих моментах и М. В. Белов, с одной стороны, акцентированно отстаивающий позиции, по сути которых предварительное расследование в форме дознания, по букве закона, заканчивается утверждающей резолюцией руководителя органа дознания на обвинительном акте (обвинительном постановлении); с другой — «сокрушающийся», что если поддержать тех авторов, которые предлагают обязать непосредственно прокурора составлять и утверждать непосредственно обвинительное заключение (обвинительный акт) по делу, то это неизбежно повлечет затягивание сроков предварительного расследования [22, с. 12, 13]. В итоге автор так и не смог однозначно определиться в основном моменте проблемы: реализуя комплекс решений и действий, предусмотренных нормами главы 31 УПК РФ, прокурор является участником стадии предварительного расследования, или он функционирует как управомоченный, властный субъект иной, самостоятельной стадии.

Е. В. Сидоренко, достаточно интересно обсуждая нормативные и практические коллизии, связанные с полномочиями (статусом) и актами прокурора по нормам главы 31 УПК РФ, одновременно именуется этот процессуальный этап то «стадией утверждения обвинительного заключения» [23, с. 49], то стадией «изучения материалов уголовного дела в порядке статьи 221 УПК РФ» [23, с. 52]. И первое, и второе однозначно не истина. Во-первых, в силу того, что согласно

тому же предмету и с тем же телеологическим вектором прокурор изучает дело, поступившее с обвинительным актом (ст. 226 УПК РФ) или обвинительным постановлением (ст. 226.8 УПК РФ) — с целью их утверждения; что, соответственно, требует уточнения «дефиниции». Во-вторых, итоговые решения прокурора могут быть кардинально отличны от акта утверждения каждого из названных актов, что также не соответствует, предлагаемым именованию стадии. Наконец, акцентуация акта «утверждение» никак не раскрывает ни истинной цели последнего, ни нормативной сути столь важного властного акта.

О том, что исследуемый этап именно стадия, пишет и А. Ю. Шахматова, причем с акцентирующими констатациями, что на данный конкретный момент дело уже находится в производстве прокурора, а не органа предварительного расследования, соответственно, прокурор должен уже обладать всей полнотой властных полномочий [24, с. 175–181].

Интересны в этих моментах и позиции Н. Н. Ковтуна. Исследуя генезис данной проблемы, автор однозначно суммирует, что суть и назначение деятельности прокурора по нормам главы 31 УПК РФ заключается в том, чтобы, во-первых, объективно оценить и проверить, насколько материалы (оконченного) следственного производства могут быть направлены в суд для рассмотрения этого дела по существу; во-вторых, в объективной независимой оценке прокурором реального наличия оснований для формирования государственного обвинения по делу, которое как иск-притязание обвинительной власти может быть адресовано для разбирательства по существу суду первой инстанции [14, с. 130–137].

Таким образом, акценты, по идее, расставлены, и надо суммировать. Мы однозначны в нашем итоговом выводе: исследуемый этап не «самостоятельная часть» уголовного судопроизводства Российской Федерации. Это стадия со своими непосредственными процессуальными задачами, специфическими средствами их разрешения, установленными уголовно-процессуальным законом, особым кругом участников, собственной внутренней структурой. И с этих позиций прежде всего несостоятельным является тезис о том, что действия и решения прокурора на этом этапе носят не уголовно-процессуальный, а «организационно-распорядительный» характер. Поясним.

Каждое из полномочий прокурора, оценивающего как материалы, поступившего дела,

так и непосредственно обвинительное заключение, основано на нормах действующего уголовно-процессуального закона. Это нормы: в части императивности указаний прокурора, связанных с возвращением этого дела в следственный орган (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ) или в части его направления вышестоящему прокурору (п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). В части решения вопросов, связанных с отменой (действующей) меры пресечения в отношении обвиняемого (ч. 2 ст. 221 УПК РФ). Или необходимости ее (дальнейшего) продления в судебном порядке (ч. 2.1 ст. 221 УПК РФ). Именно в уголовно-процессуальном порядке разрешаются также процессуальные споры между следственным органом, несогласным с указаниями прокурора, и внутренним убеждением прокурора об их исходной законности (ч. 4 ст. 221 УПК РФ). По правилам процессуальных, а не «организационно-распорядительных», отношений разрешаются ходатайства заинтересованных лиц, адресуемые прокурору на этом этапе. Исключительно нормами уголовно-процессуального закона, а не иными актами, определен и предмет проверки и оценки прокурора на этом этапе. В итоге мы, как и Н. Н. Ковтун [14, с. 130–135], не видим ни сугубо «организующих», ни исключительно «распорядительных» или «административных» действий и решений прокурора, связанных с проверкой материалов дела и принятием итоговых решений на этом этапе.

Неактуальным является и довод о том, что прокурор — единственным участником (субъектом) этой «самостоятельной части». В соответствии с нормами статьей 221–222, 226, 226.8 УПК РФ круг процессуальных участников, функционирующих на этом этапе, ни в части перечня, ни в части предоставленных прав, ни в чем не уступает кругу участников стадии предварительного расследования или стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Полноправными субъектами возникающих отношений, с одной стороны, является прокурор, с другой — следователь и руководитель следственного органа, в случаях предусмотренных пунктом 2 части 1 статьи 221 УПК РФ. Вышестоящий руководитель следственного органа — прокурор (в случае обжалования следователем указаний прокурора, сформированных в порядке ст. 221 УПК РФ). Суд и иные заинтересованные участники судебного заседания (в рамках судебного контроля) — в случаях, предусмотренных частью 2.1 статьи 221 УПК РФ, обвиняемый (его защитник, законный представитель), потерпевший (его представитель) — в случаях заявления ими ходатайств непосредственно прокурору; и т. д.

Выдержаны уголовно-процессуальным законом и элементы структуры стадии. Непосредственно нормами УПК РФ урегулированы начальный и конечный моменты деятельности прокурора в рамках указанной стадии, ее предельные временные интервалы (чч. 1 и 1.1 ст. 221 УПК РФ); виды итоговых решений прокурора, принимаемых по итогам проверки и завершающих стадию (пп. 1-3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). В целом известна и их надлежащая процессуальная форма (ч. 3 ст. 221 УПК РФ). Как следствие, и этот критерий подтверждает характеристики самостоятельной стадии.

Для достоверности тезиса об этом этапе как непосредственно стадии осталось оценить критерий самостоятельной непосредственной задачи, подлежащей разрешению прокурором. Критерий материально-центричной сути указанной стадии, призванной, как было отмечено выше, обеспечить векторы решения вопросов не только уголовно-процессуального, но и материального права. И то и другое объективно в наличии, ибо непосредственная задача исследуемой стадии, повторимся, — формирование государственного обвинения-иска к суду, имеющего предметом разрешение дела по существу. Критерий материальной центричности здесь всецело в наличии, ибо оценка обвинительного заключения с позиций доказанности «следственного обвинения-тезиса» и достаточности оснований для внесения в суд государственного притязания-иска неразрывно связана с оценкой точности и полноты применения норм материального права. Именно с этих позиций прокурором оцениваются точность и полнота юридической квалификации содеянного, качественная характеристика доказанности этого обвинения системой доказательств, сформированных в ходе расследования. В итоге на данном этапе прокурор решает не только вопросы уголовно-процессуального характера, но и вопросы материального права, что еще раз свидетельствует об обоснованности притязаний на характеристики этого этапа процесса, как непосредственно стадии.

Список источников

1. Ленин В. И. Отношение к буржуазным партиям // Полное собрание сочинение: в 55 т. Т. 15. Москва: Издательство Политической литературы, 1978. 583 с.

2. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. Москва: Издательство «Статус», 2016. 1278 с.

3. Александров А. С., Ковтун Н. Н., Поляков М. П., Сереброва С. П. Уголовный процесс России: учебник / научн. ред. В. Т. Томин. Москва: Издательство «Юрайт-Издат», 2003. 821 с.
4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. Москва: Издательство «Юрист», 2003. 1008 с.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. Ю. К. Якимович. Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр «Пресс»», 2007. 890 с.
6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2008. 704 с.
7. Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. проф. А. П. Кругликов. Москва: Проспект, 2009. 736 с.
8. Россинский С. Б. Уголовный процесс: учебник. Москва: ЭКСМО, 2009. 736 с.
9. Манова Н. С. Уголовный процесс: курс лекций. Москва: ЭКСМО, 2010. 400 с.
10. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. В. М. Лебедева. Москва: Издательство «Юрайт», 2012. 1016 с.
11. Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник для вузов. 2-е изд., перераб и доп. Москва: Издательство «Юрайт», 2013. 334 с.
12. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. Москва: Издательство «Юрайт», 2017. 490 с.
13. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство «Юрайт», 2017. 511 с.
14. Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.
15. Миньковский Г. М. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. Москва: Госюриздат, 1957. 211 с.
16. Подольная Н. П. Деятельность прокурора по делам с обвинительным заключением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1975. 28 с.
17. Зеленецкий В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьковском университете, 1979. 144 с.
18. Шаталова П. А. Действия прокурора по направлению уголовного дела в суд как отдельная стадия уголовного судопроизводства // Проблемы совершенствования российского законодательства: сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов (Барнаул, 12–13 апреля 2022 г.). Барнаул: БЮИ МВД России, 2023. С. 260–262.
19. Решетова Н. Ю. Функции прокурора после завершения предварительного расследования и до начала судебного разбирательства уголовного дела // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5. С. 44–50.
20. Алексеев И. М. Деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, как самостоятельная стадия уголовного процесса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3. С. 65–70.
21. Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциация их форм: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 250 с.
22. Белов М. В. Направление уголовного дела, расследованного в форме дознания, прокурору как гарантия законности // Российский следователь. 2024. № 2. С. 12–15.
23. Сидоренко Е. В. Решение прокурора по поступившему к нему делу, проблемы на практике // Уголовный процесс. 2024. № 4. С. 48–53.
24. Шахматова А. Ю. Переквалификация уголовного дела прокурором на этапе утверждения обвинительного заключения // Global and Regional Research. 2023. Т. 5. № 2. С. 175–181.

References

1. Lenin V. I. Attitude to the bourgeois parties. Complete works: in 55 volumes. Vol. 15. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1978. 583 p. (In Russ.).
2. Course of criminal procedure / ed. by Doctor of Law, Professor L. V. Golovko. Moscow: Publishing House "Statut", 2016. 1278 p. (In Russ.).
3. Aleksandrov A. S., Kovtun N. N., Polyakov M. P., Serebrova S. P. Criminal procedure of Russia: textbook / scientific ed. V. T. Tomin. Moscow: Publishing House "Yurait-Izdat", 2003. 821 p. (In Russ.).
4. Criminal procedural law of the Russian Federation: textbook / responsible ed. P. A. Lupinskaya. Moscow: Izdatelstvo "Yurist", 2003. 1008 p. (In Russ.).
5. Criminal Procedure Law of the Russian Federation / ed. Yu. K. Yakimovich. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Legal Center Press". 2007. 890 p. (In Russ.).
6. Smirnov AV, Kalinovskiy KB Criminal Procedure: textbook / ed. by prof. A. V. Smirnov. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: KNORUS, 2008. 704 p. (In Russ.).
7. Criminal Procedure of the Russian Federation: textbook / ed. by prof. A. P. Kruglikov. Moscow: Prospect, 2009. 736 p. (In Russ.).
8. Rossinsky SB Criminal Procedure: textbook. Moscow: EKSMO, 2009. 736 p. (In Russ.).
9. Manova N. S. Criminal Procedure: Lecture Course. Moscow: EKSMO, 2010. 400 p. (In Russ.).
10. Criminal Procedure Law: textbook / ed. by V. M. Lebedev. Moscow: Yurait Publishing House, 2012. 1016 p. (In Russ.).

11. Grinenko A. V. Criminal Procedure: textbook for universities. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2013. 334 p. (In Russ.).
12. Criminal Procedure: textbook for the academic bachelor's degree / ed. by V. P. Bozhev, B. Ya. Moscow: Yurait Publishing House, 2017. 490 p. (In Russ.).
13. Criminal Procedure: textbook for the academic bachelor's degree / ed. by A. I. Bastrykin, A. A. Usachev. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow: Izdatelstvo "Yurait", 2017. 511 p. (In Russ.).
14. Kovtun N. N. Formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 9, pp. 123–137. (In Russ.).
15. Minkovsky G. M. Completion of the preliminary investigation and the right of the accused to defense. Moscow: Gosyurizdat, 1957. 211 p. (In Russ.).
16. Podolnaya N. P. Activities of the prosecutor in cases with an indictment. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 1975. 28 p. (In Russ.).
17. Zelenetsky V. S. Initiation of public prosecution in Soviet criminal proceedings. Kharkov: Higher School. Publishing House at Kharkov University, 1979. 144 p. (In Russ.).
18. Shatalova P. A. Actions of the prosecutor in referring a criminal case to court as a separate stage of criminal proceedings. Problems of improving Russian legislation: collection of abstracts of the All-Russian (with international participation) scientific conference of cadets, listeners and students (Barnaul, April 12-13, 2022). Barnaul: BYul MVD RF, 2023. Pp. 260–262. (In Russ.).
19. Reshetova N. Yu. Functions of the prosecutor after the completion of the preliminary investigation and before the start of the trial of a criminal case. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2020, no. 5, pp. 44–50. (In Russ.).
20. Alekseev I. M. Activities of the prosecutor in a criminal case received with an indictment, as an independent stage of the criminal process of the Russian Federation. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 3, pp. 65–70. (In Russ.).
21. Manova N. S. Theoretical problems of criminal procedural proceedings and differentiation of their forms. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2005. 250 p. (In Russ.).
22. Belov M. V. Referral of a criminal case investigated in the form of an inquiry to the prosecutor as a guarantee of legality. *Russian investigator*, 2024, no. 2, pp. 12–15. (In Russ.).
23. Sidorenko E. V. The prosecutor's decision on the case received by him, problems in practice. *Criminal Procedure*, 2024, no. 4, pp. 48–53. (In Russ.).
24. Shakhmatova A. Yu. Requalification of a criminal case by the prosecutor at the stage of approval of the indictment. *Global and Regional Research*, 2023, vol. 5, no. 2, pp. 175–181. (In Russ.).

Научная статья
УДК 342.98

К вопросу о необходимости формирования навыков применения огнестрельного оружия в экстремальных условиях при обучении в ведомственных образовательных организациях МВД России

Кобленков Андрей Юрьевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, koblenkoff@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован вопрос формирования навыков действий сотрудников правоохранительных органов при пресечении правонарушений в экстремальных условиях. Умение применять огнестрельное оружие в динамичной, быстроразвивающейся ситуации, безусловно, является актуальной и отвечающей современным вызовам компетенцией. Тренированность и способность полицейского принимать решение в условиях ограниченного времени, правомерно применять огнестрельное оружие зависят от личной компетентности правоохранителя. Профессиональные умения полицейских являются основой развития правомерных и грамотных действий в экстремальных условиях. Формирование профессиональных компетенций по преодолению стресс-факторов, возникающих при пресечении правонарушений, обусловлено необходимостью строгого соблюдения действующих норм административного и уголовного законодательства. Выполнение правоохранительных функций предполагает преодоление сопротивления, оказываемого сотрудникам полиции. В этой связи в качестве исключительной меры правоохранителям разрешено правомерное применение огнестрельного оружия. Умения и навыки применения огнестрельного оружия в экстремальных условиях службы предполагают правомерные действия полицейских при преодолении активного сопротивления правонарушителей в ситуациях оказания активного сопротивления, когда иные меры силового воздействия (физическая сила, специальные средства) неуместны или неэффективны в сложившихся обстоятельствах. Ситуация применения огнестрельного оружия по своему развитию является уникальной, поскольку действия правонарушителей никогда не повторяются, агрессия и сопротивление всегда проявляются по-разному. В этой связи правоохранителя необходимо обучать в ведомственных вузах и поддерживать в практических органах уровень личной компетентности, позволяющий профессионально применять огнестрельное оружие в экстремальных условиях. Тренированность полицейских должна поддерживаться в практических подразделениях на занятиях по огневой подготовке.

Ключевые слова: экстремальные условия, огнестрельное оружие, правоохранительные органы, ведомственные образовательные организации, профессиональные компетенции, комплексное обучение

Для цитирования: Кобленков А. Ю. К вопросу о необходимости формирования навыков применения огнестрельного оружия в экстремальных условиях при обучении в ведомственных образовательных организациях МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 233–240.

© Кобленков А. Ю., 2025

Original article

On the issue of the need to develop skills in the use of firearms in extreme conditions when studying at departmental educational institutions of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Andrey Y. Koblenkov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, koblenkoff@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the issue of forming the skills of law enforcement officers in suppressing offenses in extreme conditions. The ability to use firearms in a dynamic, rapidly developing situation is certainly an urgent competence that meets modern challenges. The training and ability of a police officer to make decisions in a limited time and to use firearms lawfully depend on the personal competence of the law enforcement officer. The professional skills of police officers are the basis for the formation of lawful and competent actions in extreme conditions. The formation of professional competencies to overcome stress factors that arise during the suppression of offenses is conditioned by the need for strict compliance with the applicable norms of administrative and criminal legislation. Performing law enforcement functions involves overcoming resistance to police officers, in this regard, as an exceptional measure, law enforcement officers are allowed to lawfully use firearms. The skills of using firearms in extreme conditions of service presuppose the legitimate actions of police officers in overcoming the active resistance of offenders in situations of active resistance, when other measures of force (physical force, special means) are inappropriate or ineffective in the circumstances. The situation of the use of firearms is unique in its development, since the actions of offenders are never repeated, aggression and resistance always manifest themselves in different ways. In this regard, law enforcement officers should be trained in departmental universities and maintain a level of personal competence in practical bodies that allows them to professionally use firearms in extreme conditions. The training of police officers should be maintained in practical units during fire training classes.

Keywords: extreme conditions, firearms, law enforcement agencies, departmental educational organizations, professional competencies, comprehensive training

For citation: Koblenkov A. Y. On the issue of the need to develop skills in the use of firearms in extreme conditions when studying at departmental educational institutions of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 233–240. (In Russ.).

На современном этапе развития общественных взаимоотношений сотрудники полиции выполняют обязанности по охране правопорядка в сложной обстановке, которая зачастую принимает экстремальный характер. Действия правоохранителей в экстремальных условиях подвержены трансформации под давлением физиологических и психических факторов. В этой связи добросовестное и эффективное исполнение обязанностей, возложенных на правоохранительные органы, возможно лишь при высоком уровне профессионализма и подготовленности полицейских. В свете изложенного выше неоспоримой видится необходимость в формировании готовности полицейских к действиям в экстремальных ситуациях (массовые беспорядки, активное вооруженное сопротивление, внезапная агрессия со стороны правонарушителя) в процессе обучения в ведомственной образовательной организации МВД России.

Именно в период обучения закладываются основы грамотных, своевременных, правомерных

и эффективных действий сотрудника в экстремальных условиях. Умения справляться со стрессом, принимать решение в условиях ограниченного времени, правомерно применять огнестрельное оружие — все это зависит от компетентного построения и дальнейшего освоения учебной программы в образовательной организации. Особое место в учебном процессе ведомственных образовательных организациях занимает курс учебной дисциплины «Огневая подготовка». По моему мнению, технологически современный и модернизированный курс огневой подготовки, гармонично интегрированный в образовательный процесс, становится основой для формирования высокопрофессиональных действий сотрудников правоохранительных органов в экстремальных условиях.

Экстремальная ситуация может отличаться своими масштабами, последствиями и способами устранения. Наибольшее значение имеют экстремальные ситуации, возникающие при несении службы, которые приводят к

потенциальному применению огнестрельного оружия в качестве исключительной меры пресечения правонарушения. В качестве сопутствующих факторов необходимо отметить угрозу здоровью или жизни правопослушных граждан, а также самого правоохранителя. В этой связи необходимо дать определение и указать признаки экстремальной ситуации, которая может возникнуть при несении службы. Исследования по рассматриваемому вопросу проводятся как в области психологии и юриспруденции, так и в сфере профессионально-служебной, тактической и огневой подготовки. Обратимся к авторским определениям.

Р. Н. Самойлюк, Е. П. Тупичкин, А. И. Свиридов, В. В. Розов обращаются к широкому пониманию экстремальной ситуации. Исследователи предлагают считать, что экстремальная ситуация – возникшие обстоятельства, приводящие к отрицательному влиянию на сознание человека, которые требуют мобилизации личности для пресечения негативных последствий [1, с. 213]. Нельзя не согласиться с представленным определением, однако оно требует уточнения и детализации применительно к деятельности сотрудников полиции.

Исследователь В. В. Рауш однозначно трактует понимание экстремальной ситуации, акцентируя, что несение службы в особых обстоятельствах происходит при активной фазе поиска, задержания вооруженных правонарушителей, при ликвидации членов незаконного вооруженного формирования [2, с. 78]. Исходя из определения, данного автором, экстремальные обстоятельства связаны с несением службы сотрудниками полиции в особых условиях и специальных правовых режимах. По моему мнению, данное определение излишне и необоснованно сужено, поскольку экстремальные ситуации могут возникать в результате многочисленных обстоятельств, складывающихся при несении службы.

Анализ представленных определений позволяет сделать вывод о том, что понятие «экстремальная ситуация» нельзя рассматривать в качестве синонима к любой непредвиденной ситуации, однако и излишне сужать данный термин также нецелесообразно. В этой связи необходимо выделить признаки, по которым конкретное событие может быть отнесено к экстремальной ситуации в профессиональной деятельности сотрудников полиции (рис. 1).

Рис. 1. Особенности экстремальной ситуации в деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции)

Таким образом, приведенный выше анализ авторских позиций, а также факторов, представленных на рисунке 1, позволяет сформулировать и предложить собственную дефиницию «экстремальная ситуация».

Под экстремальной ситуацией в деятельности сотрудников полиции предлагаем понимать ситуацию, внезапно возникшую при несении службы, связанную с угрозой здоровья и жизни людей или сотрудника полиции, обязательно предполагающую потенциальное применение огнестрельного оружия в обстоятельствах эмоционального напряжения, интенсивной психологической и физической нагрузки.

Необходимо подчеркнуть, что экстремальные ситуации могут возникнуть не только при несении службы в служебных командировках, при введении режимов ЧС, КТО или в особых условиях. Экстремальные обстоятельства характеризуются возникновением и динамичным развитием в штатной ситуации; отличительным признаком является наличие возможности применения огнестрельного оружия при дефиците времени на принятие компетентного решения. Необходимо обратить внимание, что экстремальные ситуации являются неожиданными и не возникают постоянно. По этой причине у действующих сотрудников полиции нет привычки к определенным действиям, поэтому требуется тренированность и готовность к примерному алгоритму действий.

Представленная дефиниция, по нашему мнению, объединяет положительные черты рассмотренных авторских позиций и полно характеризует экстремальные ситуации при несении службы сотрудниками ОВД.

Указанные выше факторы имеют выраженный отрицательный характер. Экстремальные ситуации создают сложности в деятельности правоохранителей, вынуждают привлекать дополнительные физические и психологические ресурсы, затрудняют выполнение профессиональных

обязанностей, угрожают жизни и здоровью полицейского или иных лиц. В этой связи негативному влиянию экстремальных ситуаций должны быть противопоставлены профессионализм, компетентность, психологическая и физическая устойчивость сотрудников полиции.

Согласно статистическим данным в 2020 году в Нижегородской области зарегистрировано четыре случая применения огнестрельного оружия: 2 — для остановки транспортного средства; 2 — для производства предупредительного выстрела. В 2021 году количество случаев применения огнестрельного оружия достигло шести: 1 — для защиты другого лица от посягательства; 4 — для остановки транспортного средства; 1 — для производства предупредительного выстрела. В 2022 году сотрудники полиции Нижегородской области применили огнестрельное оружие девять раз: 1 — для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием; 5 — для остановки транспортного средства; 1 — для обезвреживания животного; 2 — для производства предупредительного выстрела. В 2023 году зарегистрировано также девять фактов применения огнестрельного оружия: 7 — для остановки транспортного средства; 2 — для производства предупредительного выстрела [3].

Таким образом, на территории Нижегородского региона прослеживается тенденция к увеличению количества случаев применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях.

Интерес представляет статистика противоправных посягательств в отношении сотрудников правоохранительных органов. Для ее анализа обратимся к статистике по статьям 317 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) и 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти) (табл.) [4].

Таблица

Количество осужденных по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации

Статья УК РФ	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Статья 317 УК РФ	38	42	41	26	21	28	31
Статья 318 УК РФ	7 158	6 695	6 370	6 287	7 523	8 586	8 975

Анализ представленных статистических сведений позволяет сделать вывод о том, что

количество случаев применения огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях с каждым

годом растет. Растет и количество противоправных посягательств на жизнь и здоровье сотрудника правоохранительного органа, в результате которых могут возникнуть основания для применения огнестрельного оружия, к чему полицейский зачастую оказывается не готов. В этой связи огромное значение приобретает формирование профессиональных навыков, которые необходимо начать формировать с момента обучения сотрудника.

Указанные проблемы с течением времени становятся все более актуальными, однако по-прежнему не находят однозначного окончательного решения. При несении службы проблемные аспекты обостряются и усиливают негативное влияние на физическое и психическое состояние полицейского. Готовность сотрудника к решению и преодолению экстремальной ситуации во многом зависят от профессионализма и уровня подготовки [5, с. 19]. Нами выдвинут тезис о том, что в основе формирования готовности сотрудника правоохранительных органов к действиям в условиях экстремальной ситуации ведущая роль отводится занятиям по огневой, физической, тактико-специальной и административной подготовке (в контексте умения написать компетентный рапорт по факту применения огнестрельного оружия) в процессе обучения в ведомственной образовательной организации МВД России. Для подтверждения данного тезиса нами организовано практико-ориентированное исследование, состоящее из двух этапов.

На первом этапе нами проведено социологическое исследование в форме анкетирования. В опросе приняли участие 100 респондентов:

20 человек — обучающиеся 1–3 курсов НА МВД России;

30 человек — слушатели 5 курса НА МВД России, сотрудники, которые в ближайшее время пополнят территориальные подразделения МВД России;

30 человек — слушатели Факультета профессиональной подготовки (ФПП) НА МВД России;

20 человек — слушатели Факультета переподготовки и повышения квалификации (ФПиПК) НА МВД России, которые являются действующими сотрудниками территориальных органов полиции.

При анкетировании обучающиеся отвечали на вопросы, связанные с профессиональной подготовленностью сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия. Некоторые вопросы анкеты имеют непосредственное отношение к экстремальным ситуа-

циям в деятельности практических сотрудников полиции.

По результатам проведенного анализа можно констатировать, что абсолютно все опрошенные респонденты единогласно предлагают начинать проводить занятия по огневой, физической и тактической подготовке с 1 курса обучения ведомственного вуза. Необходимо обратить внимание на разницу в приоритетах этапов проведения занятий по огневой подготовке.

Обучающиеся младших курсов высказали мнение о примерно равномерном распределении времени при обучении учебной дисциплине «Огневая подготовка»: 1) выполнение стрелковых упражнений; 2) приемы и правила стрельбы; 3) тренировка выполнения нормативов и совершенствование знаний материальной части оружия. При этом курсанты 1–3 курсов уделяют незначительное внимание дополнительным занятиям по учебной дисциплине, особенно дополнительной работе с оружием без производства выстрела.

По мнению обучающихся 5 курса, комплексное объединение всех элементов обучения: 1) теоретический раздел дисциплины; 2) тренировка нормативов, приемы и правила стрельбы; 3) упражнения с боевым патроном, позволяет добиться положительного стабильного результата по огневой подготовленности.

Исходя из этого, можно утверждать о формировании комплексной картины лишь к середине – окончанию обучения в образовательной организации.

Примечательно, что слушатели ФПП уделяют незначительное внимание теоретическому разделу огневой подготовки, акцентируя усилия и мотивацию на практических стрельбах. Слушатели ФПиПК отмечают, что выполнение должностных обязанностей и большая загруженность не всегда позволяют участвовать в проведении занятий и учебных стрельбах.

Многие практические сотрудники говорят о неуверенности в применении огнестрельного оружия в сложившейся экстремальной ситуации. Это связано с неуверенностью полицейских в умениях применить оружие во внезапно возникшей и быстроразвивающейся ситуации, знании законодательной базы и умении написать мотивированный рапорт после применения оружия.

Совокупность указанных выше причин позволяет сделать следующий вывод обучающимся: отсутствие регулярных стрельб и занятий в тире приводит к утрате навыков владения оружием,

а созданные «идеальные» условия стрелковых упражнений в практических органах не позволяют выработать алгоритм действий в реальной ситуации в экстремальных условиях [6. с. 175].

Слушатели-респонденты единогласно отметили большое значение уровня огневой подготовленности сотрудников полиции в профессиональной деятельности.

Слушатели ФПП и ФПИПК акцентировали внимание на большой значимости занятий по огневой подготовке в процессе обучения. Они дополнительно отметили, что именно в процессе обучения закладывается фундамент

практических умений и навыков, необходимых полицейскому в практической деятельности. В силу высокой загруженности занятия по огневой подготовке в территориальных органах посещаются сотрудниками нерегулярно, в этой связи тренировка и поддержание навыков применения оружия должны происходить во время первоначального обучения.

Анализ представленных сведений позволяет нам выделить основные компоненты профессиональной подготовки сотрудника полиции для действий в экстремальной ситуации, представленных на рисунке 2.

Рис. 2. Система подготовки сотрудников полиции к действиям в экстремальных ситуациях

Совокупность указанных элементов образуют единую системную интегральную подготовку полицейских к действиям в экстремальных условиях. По нашему мнению, внедрение данной интегральной системы в образовательный процесс должно обеспечить комплексность и структурность при подаче учебного материала. Представляется, что данные элементы должны быть освоены обучающимися в составе единой рабочей программы согласно разработанному тематическому плану, обеспечивающему компетентный подход к прохождению обучения.

Таким образом, в рамках проведенного социологического исследования все категории обучающихся отметили большое значение обучения учебным дисциплинам по огневой, физической и тактико-специальной подготовке для дальнейшего профессионального прохождения службы в территориальном органе внутренних дел. Респонденты выделили проблемные аспекты при организации огневой подготовки в период обучения и в процессе служебной деятельности. В первую очередь следует обратить внимание на дефицит

наличия профессионально подготовленного инспекторского кадрового состава в территориальных органах МВД России, способного качественно проводить занятия и готовить полицейских к применению огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях. Также отсутствуют специализированные программы по подготовке личного состава к применению огнестрельного оружия: сотрудники практических органов (инспектора профессиональной подготовки) руководствуются и ограничиваются в обучении полицейских стрелковым упражнением, регламентированным приказом МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [7]. Отмеченные проблемы снижают эффективность применения огнестрельного оружия в экстремальных обстоятельствах.

Анализ информации, представленной респондентами, позволил нам сформировать систему подготовки сотрудников полиции к действиям в экстремальных ситуациях, которая, по нашему мнению, может быть гармонично и эффективно включена в образовательный процесс.

Экстремальные ситуации различны по своему характеру, источнику возникновения и протеканию. Они могут возникнуть в деятельности сотрудника любого подразделения полиции. Наибольшую потенциальную опасность представляют обстоятельства, непосредственно связанные с потенциальным применением огнестрельного оружия. Стремительность возникновения, наличие угрозы жизни и здоровью, дефицит времени, высокий уровень ответственности, эмоциональной и физической напряженности — все это делает экстремальные ситуации серьезным стрессовым фактором, требующим от сотрудника высокого профессионализма и подготовленности.

В настоящее время имеется ряд проблем в обучении, поддержании подготовленности и применении сотрудниками полиции огнестрельного оружия. В условиях экстремальной ситуации проблемные аспекты обостряются и негативно влияют на физическое и психическое состояние полицейских.

По нашему мнению, повышенное внимание к профессиональной подготовке сотрудников полиции со стороны руководителей всех уровней, разработка единых для всех органов профессиональных программ и введение новой учебной дисциплины с рабочим названием «Личная безопасность сотрудников полиции при пресечении правонарушений», дополнительное

повышение квалификации инспекторов профессиональной подготовки не реже одного раза в течение трех лет в образовательных организациях МВД России будут способствовать улучшению подготовленности сотрудников к применению огнестрельного оружия. Необходимо контролировать вопрос дефицита кадров и наличия инструкторов (специалистов) по проведению занятий по профессиональной подготовке в экстремальных ситуациях, а также высокую степень технической оснащенности ведомственных образовательных организаций и практических органов МВД России.

Список источников

1. Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика: учебное пособие для студентов вузов. Москва: Юнити, 2002. 607 с.
2. Рауш В. В. Проблемы правового регулирования применения сотрудниками физической силы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 2. С. 76–80.
3. Отчет о фактах применения и утраты огнестрельного оружия сотрудниками ГУ МВД России по Нижегородской области // Архив ГУ МВД России по Нижегородской области.
4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.12.2024).
5. Самойлюк Р. Н., Давидов Д. С. Проблемы правового регулирования применения сотрудниками полиции физической силы как меры государственного принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 18–21.
6. Кобленков А. Ю. Особенности формирования профессиональных навыков применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в экстремальных условиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 174–180.
7. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.01.2025).

References

1. Stolyarenko A. M. Extreme psychopedagogy: a textbook for university students. Moscow: Unity, 2002. 607 p. (In Russ.).
2. Raush V. V. Problems of legal regulation of the use of physical force by employees. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013. no. 2. pp. 76–80. (In Russ.).

3. Report on the facts of the use and loss of firearms by employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Nizhny Novgorod region. Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Nizhny Novgorod region. (In Russ.).

4. Samoylyuk R. N., Davidov D. S. Problems of legal regulation of the use of physical force by police officers as a measure of state coercion. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2. pp. 18–21. (In Russ.).

5. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial URL Statistics: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 12.10.2024). (In Russ.).

6. Koblenkov A. Y. Features of the formation of professional skills in the use of firearms by police officers in extreme conditions. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65). pp. 174–178. (In Russ.).

7. On approval of the Procedure for organizing personnel training for positions in the Internal Affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 44 of February 2, 2024. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.01.2025). (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.3

Незаконная миграция как угроза национальной безопасности

Кобяков Иван Михайлович

ГУ МВД России по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия, i.van1994@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема незаконной миграции в Российской Федерации, ее влияние на экономику, социальную сферу, правопорядок и политическую стабильность. Проанализированы основные угрозы, связанные с нелегальной миграцией, включая увеличение уровня преступности, перегрузку социальной инфраструктуры, повышение террористических рисков и ухудшение экономической ситуации. Рассмотрены меры по борьбе с незаконной миграцией, в том числе совершенствование миграционного законодательства, усиление пограничного контроля, международное сотрудничество и интеграционные программы для мигрантов. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к решению проблемы и выработке стратегий, направленных на минимизацию рисков, связанных с нелегальной миграцией.

Ключевые слова: незаконная миграция, национальная безопасность, миграционная политика, экономика, социальная напряженность, криминогенная обстановка, интеграция мигрантов

Для цитирования: Кобяков И. М. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 241–245.

Original article

Illegal migration as a threat to national security

Ivan M. Kobayakov

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russia, i.van1994@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of illegal migration in the Russian Federation, its impact on the economy, social sphere, law and order and political stability. The main threats associated with illegal migration are analyzed, including the growth of crime, overload of social infrastructure, increased terrorist risks and deterioration of the economic situation. Measures to combat illegal migration are considered, including the improvement of migration legislation, strengthening of border control, international cooperation and integration programs for migrants. A conclusion is made about the need for a comprehensive approach to solving the problem and developing strategies aimed at minimizing the risks associated with illegal migration.

Keywords: illegal migration, national security, migration policy, economy, social tension, crime situation, integration of migrants

For citation: Kobayakov I. M. Illegal migration as a threat to national security. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 241–245. (In Russ.).

© Кобяков И. М., 2025

Незаконная миграция — одна из актуальных проблем современного мира, которая влияет на экономику, социальную сферу, криминогенную обстановку и может представлять серьезную угрозу для национальной безопасности государства. Государственные институты различных стран вынуждены адаптировать свою миграционную политику, чтобы противодействовать негативным последствиям этого явления. Эффективное регулирование миграционных потоков требует всестороннего анализа проблемы и разработки комплексных мер, учитывающих как внутренние, так и международные аспекты.

Незаконная миграция представляет из себя процесс пересечения границ государства или пребывания на его территории в нарушение действующего законодательства. Может включать нелегальное пересечение границы, проживание без необходимых документов, нарушение сроков пребывания или осуществление трудовой деятельности без соответствующих разрешений. Юридический подход рассматривает данное явление сквозь призму нарушений закона: экономический — анализирует его влияние на рынок труда; социальный — оценивает воздействие на общественные процессы, а политический — рассматривает угрозу устойчивости государства.

Исследователи и практики в области миграции выделяют несколько ключевых аспектов проблемы.

Согласно мнению российского социолога А. Г. Вишневого, незаконная миграция связана не только с экономическими факторами, но и с глобальными демографическими процессами, такими как старение населения в развитых странах [1, с. 151].

Другие эксперты, например, политолог В. И. Мукомель, подчеркивают, что нелегальная миграция во многом является следствием несовершенства миграционного законодательства и отсутствия адекватных механизмов его исполнения [2, с. 24].

Практики в сфере правоохранительных органов отмечают, что многие незаконные мигранты становятся жертвами криминальных структур, оказываясь в положении трудового рабства. По мнению экспертов ООН, одним из наиболее эффективных способов борьбы с незаконной миграцией является международное сотрудничество и обмен информацией между странами для предотвращения нелегального пересечения границ [3].

Незаконная миграция может представлять серьезную опасность, поскольку способствует

росту социальной нестабильности, увеличению уровня преступности, перегрузке социальной инфраструктуры и ухудшению эпидемиологической обстановки. Исследования показывают, что незаконные мигранты зачастую оказываются в теневом секторе экономики, что ведет к недополучению бюджетных доходов и снижению уровня социальной защиты трудящихся. Кроме того, массовые миграционные потоки могут обострять межэтнические и религиозные конфликты, вызывая напряженность в обществе. В странах с высокой долей нелегальной миграции наблюдается рост радикальных настроений среди местного населения, что также создает дополнительные риски для национальной безопасности.

Миграционная политика Российской Федерации направлена на регулирование потоков мигрантов, защиту национальной безопасности и поддержание социально-экономической стабильности. Среди основных направлений выделим совершенствование законодательства, усиление пограничного контроля, создание программ интеграции легальных мигрантов и борьбу с теневой экономикой, однако в реальной практике данные меры сталкиваются с рядом проблем.

Высокий уровень незаконной миграции обусловлен как географическим положением Российской Федерации, так и экономическими факторами. По оценкам экспертов, в стране находятся миллионы нелегальных мигрантов, что является значительным вызовом для правоохранительных органов.

Одна из серьезных проблем — коррупция, позволяющая мигрантам получать фиктивные документы и уклоняться от депортации. В этом контексте важное значение приобретают ужесточение контроля за работодателями, использующими труд нелегальных мигрантов, а также развитие механизмов международного сотрудничества в области миграционной политики.

Анализируя современные вызовы, специалисты сходятся во мнении, что необходимо не только ужесточение законодательства, но и комплексные меры по адаптации мигрантов, обеспечению их легального трудоустройства и социальной интеграции. Важную роль в их процессах могут сыграть образовательные программы, направленные на изучение языка, культуры и правовых норм страны пребывания. Кроме того, следует усилить контроль за выдачей разрешений на работу, а также активно внедрять новые цифровые технологии для мониторинга миграционных потоков.

Таким образом, незаконная миграция остается одной из значимых угроз для национальной безопасности, оказывая мощнейшее влияние на экономику, социальную стабильность и криминогенную обстановку. Для минимизации негативных последствий требуется комплексный подход, включающий развитие законодательных механизмов, усиление контроля, интеграционные программы и международное сотрудничество. Только реализация сбалансированной миграционной политики позволит эффективно регулировать миграционные потоки и минимизировать риски, связанные с нелегальной миграцией. Государствам необходимо не только совершенствовать механизмы контроля и управления миграцией, но и разрабатывать программы по улучшению экономической ситуации в странах-донорах миграции, что позволит уменьшить масштабы нелегального передвижения людей.

Масштабы незаконной миграции продолжают увеличиваться, что требует от правительства разработки эффективных мер противодействия. Воздействие незаконной миграции на государственные институты, общественные процессы и правопорядок требует детального рассмотрения, поскольку ее влияние многослойно и распространяется на множество аспектов жизнедеятельности общества.

Как было сказано нами выше, одна из ключевых проблем, связанных с незаконной миграцией, заключается в негативном влиянии на экономику государства. Нелегальные мигранты зачастую работают в теневом секторе экономики, не платят налоги и не имеют социальных гарантий. Это приводит к недополучению государственным бюджетом значительных сумм, что, в свою очередь, снижает возможности финансирования социальной политики, здравоохранения, образования и других важных сфер. Кроме того, нелегальная занятость создает конкуренцию для местных рабочих, снижая уровень заработной платы и ухудшая условия труда. В результате складывается ситуация, при которой граждане страны испытывают трудности в поиске работы, а работодатели, пользуясь возможностью привлечь дешевую рабочую силу, предпочитают нанимать нелегалов. Это ведет к дальнейшему росту безработицы среди местного населения и создает дополнительные трудности для функционирования экономики [4, с. 33].

Приток большого количества нелегальных мигрантов может вызывать социальную напряженность. В обществе, где мигранты

неинтегрированы, зачастую возникает усиление ксенофобских настроений, растет недовольство среди местного населения и даже конфликтные ситуации. В условиях ограниченных ресурсов социального обеспечения нелегальная миграция может привести к перегрузке систем здравоохранения, образования и социальной помощи, что снижает их доступность и качество для граждан страны. В некоторых случаях это приводит к ухудшению социальной обстановки в районах с высокой концентрацией мигрантов, что может спровоцировать возникновение стихийных протестов и волнений [4, с. 38].

Незаконная миграция может повлиять на демографическую и культурную ситуацию в стране. В случае значительного притока мигрантов из стран с отличающейся культурой и традициями возникают проблемы адаптации, что приводит к формированию замкнутых этнических анклавов, где не соблюдаются законы принимающей страны. Это угрожает национальной идентичности и приводит к социальным разломам в обществе. Отсутствие интеграционной политики усугубляет проблему, поскольку мигранты продолжают жить по своим традициям, не испытывая необходимости адаптироваться к новой культуре. В долгосрочной перспективе это может привести к изменению национального облика страны, появлению новых этнических конфликтов и росту социальной изоляции.

Незаконные мигранты, лишенные легальных возможностей трудоустройства, нередко оказываются вовлеченными в криминальные структуры [5, с. 46]. Среди наиболее распространенных преступлений можно выделить нелегальный оборот наркотиков, торговлю людьми, мошенничество и участие в организованных преступных группировках. Отсутствие правового статуса затрудняет идентификацию и привлечение к ответственности лиц, совершающих преступления, что повышает общий уровень криминогенной обстановки в стране. Действующие преступные группировки активно вербуют нелегалов в свои ряды, используя их уязвимое положение, и создают криминальные сети, функционирующие параллельно с легальными структурами [6, с. 115].

Отсутствие должного контроля за передвижением мигрантов создает благоприятные условия для проникновения радикальных элементов, что представляет серьезную угрозу для национальной безопасности. Незаконные миграционные потоки могут быть использованы террористическими организациями для перемещения боевиков и организации

атак на территории принимающих государств. В последние десятилетия неоднократно были зафиксированы случаи, когда нелегальные мигранты участвовали в террористических атаках, пользуясь слабым миграционным контролем и укрывательством в среде соотечественников. Это создает дополнительные риски для национальной безопасности, вынуждая государственные органы усиливать контроль за миграционными процессами [7, с. 82].

Неконтролируемый приток мигрантов способствует всплеску инфекционных заболеваний. В странах с низким уровнем медицинского обслуживания распространены такие болезни, как туберкулез, гепатиты и различные паразитарные инфекции. Отсутствие медицинского контроля за незаконными мигрантами может привести к эпидемиям и повышенной нагрузке на систему здравоохранения страны. В этом контексте государство вынуждено выделять дополнительные ресурсы на медицинский контроль и вакцинацию мигрантов, что усиливает давление на бюджет.

Рост числа нелегальных мигрантов является фактором дестабилизации политической ситуации в стране. Политические партии и движения могут использовать проблему миграции для манипуляции общественным мнением, что ведет к поляризации общества. В некоторых случаях мигранты становятся объектами политического давления, а их присутствие используется в качестве аргумента в политической борьбе, что приводит к радикализации политических движений, росту популярности националистических партий и усилению политического кризиса внутри страны.

Массовый наплыв нелегальных мигрантов оказывает значительное давление на городскую инфраструктуру. Недостаток доступного жилья, переполненные школы, увеличенные очереди в медицинских учреждениях — все это последствия нелегальной миграции. В крупных городах, где концентрация мигрантов особенно высока, возникают проблемы с транспортом, водоснабжением и прочими коммунальными услугами. В конечном счете это ухудшает качество жизни населения и создает дополнительные сложности для управления городскими ресурсами.

Нелегальная миграция способствует развитию коррупции среди государственных служащих, занимающихся регулированием миграционных потоков. Выдача фиктивных документов, незаконные сделки с правоохранительными органами и другие схемы позволяют мигрантам оставаться в стране нелегально, что подрывает

авторитет государственных институтов. Уровень коррупции в сфере миграционного контроля во многом определяет эффективность борьбы с незаконной миграцией и требует постоянного внимания со стороны властей.

Проблема незаконной миграции влияет и на международные отношения. Страны, являющиеся источниками миграции, могут конфликтовать с принимающими государствами из-за вопросов экстрадиции, депортации и соблюдения прав мигрантов. Кроме того, миграционные кризисы нередко приводят к ужесточению визовых режимов, усилению контроля на границах и возникновению дипломатических напряженностей. В современном мире это становится одной из причин межгосударственных конфликтов и осложняет дипломатические отношения.

Одним из важнейших направлений противодействия незаконной миграции является совершенствование миграционной политики и ужесточение контроля за въездом и пребыванием иностранных граждан. В Российской Федерации реализуются различные меры, направленные на борьбу с этим явлением, включая усиление пограничного контроля, создание специализированных подразделений по выявлению и депортации нелегалов, а также внедрение цифровых технологий в систему учета мигрантов [8]. Однако проблемы остаются актуальными, требуя дальнейшего реформирования законодательства и межведомственного взаимодействия.

Как было сказано выше, одним из перспективных путей решения проблемы является развитие международного сотрудничества в сфере миграционного регулирования. Взаимодействие с соседними странами, заключение двусторонних соглашений о депортации и реадмиссии, обмен информацией между правоохранительными органами позволяют более эффективно бороться с незаконной миграцией и предотвращать новые потоки нелегалов. Также особое внимание должно уделяться политике трудовой миграции, созданию законных механизмов привлечения к занятости иностранных работников, что позволит сократить масштабы нелегального трудоустройства и снизить риски для экономики и общества.

Таким образом, незаконная миграция — серьезная угроза для национальной безопасности Российской Федерации, затрагивающая экономические, социальные, криминогенные и политические аспекты. Эффективное противодействие этому явлению требует комплексного подхода, включающего ужесточение контроля за миграционными потоками, развитие международного сотрудничества, реформирование

миграционного законодательства и реализацию программ по интеграции легальных мигрантов. Только скоординированные действия государства, общества и международных партнеров позволят минимизировать риски, связанные с нелегальной миграцией, и обеспечить стабильность и безопасность страны.

Список источников

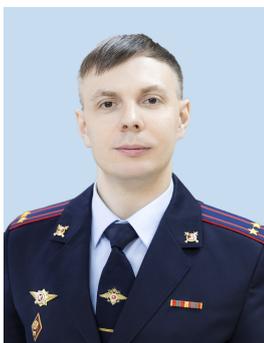
1. Вишневецкий А. Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000. Москва: Новое издательство, 2006. 616 с.
2. Мукомель В. И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. Москва: Издательство «ИСПИ РАН», 2017. 280 с.
3. Unodc. 2024. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/WG_SOM_2024/2/CTOC_COP_WG.7_2024_2_R.pdf (дата обращения: 06.05.2025).
4. Гладких В. В. Незаконная миграция: социальные и экономические последствия // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 32–45.
5. Рязанцев С. В., Новикова Ж. В. Трудовая миграция в России: масштабы, тенденции, перспективы // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 45–58.
6. Зайончковская Ж. А. Современные миграционные процессы в России и вызовы национальной безопасности // Политика. 2019. № 2. С. 113–129.
7. Абрамова С. В. Влияние нелегальной миграции на криминогенную обстановку в России // Государство и право. 2022. № 4. С. 78–89.
8. О мерах Правительства Российской Федерации по противодействию нелегальной миграции:

постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 23 декабря 2016 года № 631-СФ РФ // Собрание законодательства РФ. 2017, ст. 109.

References

1. Vishnevsky A. G. Demographic modernization of Russia, 1900–2000. Moscow: New Publishing House, 2006. 616 p. (In Russ.).
2. Mukomel V. I. Migration policy of Russia: post-Soviet contexts. Moscow: ISPI RAS Publishing House, 2017. 280 p. (In Russ.).
3. Unodc. 2024. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/WG_SOM_2024/2/CTOC_COP_WG.7_2024_2_R.pdf (accessed 06.05.2025).
4. Gladkikh V. V. Illegal migration: social and economic consequences. *Economic issues*, 2021, no. 8, pp. 32–45. (In Russ.).
5. Ryazantsev S. V., Novikova Zh. V. Labor migration in Russia: scales, trends, prospects. *Sociological research*, 2020, no. 6, pp. 45–58. (In Russ.).
6. Zayonchkovskaya J. A. Modern migration processes in Russia and challenges to national security. *Politiya*, 2019, no. 2, pp. 113–129. (In Russ.).
7. Abramova S. V. The impact of illegal migration on the criminal situation in Russia. *State and Law*, 2022, no. 4, pp. 78–89. (In Russ.).
8. On measures of the Government of Russian Federation to counter illegal migration: Resolution of Federation Council of the Federal Assembly of Russian Federation no. 631-SF RF dated December 23, 2016. *Collection of Legislation of the RF*, 2017, art. 109 (Part I). (In Russ.).

Научная статья
УДК 343

Совершенствование системы уголовных наказаний Российской Федерации

Ковалев Александр Федорович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, velnos@mail.ru

Аннотация. Автор статьи, основываясь на результатах обобщения и анализа актуальных доктринальных источников, проведенном социологическом исследовании в форме анкетирования и результатах социологических исследований, осуществленных компетентными субъектами за период с 2021 по 2025 год, предлагает новации, связанные с совершенствованием отечественной системы уголовных наказаний. Обоснование получили следующие предложения юридико-технического характера: реинкарнация уголовного наказания в виде конфискации имущества, возобновление практики применения смертной казни в отношении определенной категории осужденных; включение в систему нового уголовного наказания в виде выдворения за пределы Российской Федерации, которое целесообразно применять в качестве дополнительного вида уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание, виды уголовных наказаний, система уголовных наказаний

Для цитирования: Ковалев А. Ф. Совершенствование системы уголовных наказаний Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 246–253.

Original article

Improving the system of criminal punishments in Russian Federation

Aleksandr F. Kovalev

Senior lecturer of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, velnos@mail.ru

Abstract. The author of the article, based on the results of generalization and analysis of actual doctrinal sources, conducted sociological research in the form of questionnaires and the results of sociological research conducted by competent subjects, for the period from 2021 to 2025 offers a number of innovations related to the improvement of the domestic system of criminal punishments. The following proposals of legal and technical nature have been substantiated: reincarnation of criminal punishment in the form of confiscation of property; resumption of the practice of application of the estimated execution in respect of a certain category of convicts; inclusion in the system of a new criminal punishment in the form of expulsion from the Russian Federation, which it is advisable to apply as an additional one.

Keywords: criminal punishment, types of criminal punishment, system of criminal punishments

For citation: Kovalev A. F. Improving the system of criminal punishments in Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 246–253. (In Russ.).

© Ковалев А. Ф., 2025

Система уголовных наказаний не может и не должна находиться в статичном, неизменном положении, так как она связана общественными отношениями, которые постоянно меняются. Уголовный закон в качестве ответной реакции на изменения способен криминализовать/декриминализовать формы поведения, связанные с воздействием на определенные общественные отношения, а равно пенализировать/депенализировать ответственность за данное поведение.

Учитывая стремительно меняющиеся внешнеполитические и внутрисоциальные условия, важно своевременно проводить ревизию и вносить необходимые изменения в инструментарий использования которого субъектами правоприменения (судьями) позволит достичь таких целей, как предупреждение совершения новых преступлений, восстановление социальной справедливости и исправление виновного лица.

Однако возникают трагические ситуации, которые остаются в памяти у жителей не только нашей страны, но и живущих на территории Содружества Независимых Государств и в странах ближнего зарубежья (например, Норд-Ост (октябрь 2002 год), Беслан (сентябрь 2004 год), Крокус Сити Холл (март 2004 год)). Такие примеры дают повод задуматься о том: «Способны ли лица, которые совершили деяния, исправиться или нет?». Если нет, то какой вид наказания целесообразно применить и исполнить в отношении них.

Нами было проведено социологическое исследование в форме анкетирования (в нем приняли участие 150 респондентов, имеющих опыт правоприменения, и 163 респондента, не имеющих юридического образования, профессиональная деятельность которых не связана с правоохранительными органами, уголовным судопроизводством). Участникам исследования предлагалось дать ответ на вопрос: «Как вы относитесь к возможности возобновления практики применения наказания в виде смертной казни за особо тяжкие преступления?».

Большинство анкетированных, независимо от профессиональной принадлежности и образования, (54 %) ответили, что к возобновлению практики применения наказания в виде смертной казни относятся положительно, но считают нецелесообразным увеличение количества статей, предусматривающих применение к осужденным крайней меры наказания; 19 % респондентов ответили, что положительно относятся к практике применения смертной казни и считают, что необходимо увеличить количество статей, предусматривающих данный вид

наказания. Участвующие в анкетировании дополнительно указали на то, что расширить практику применения смертной казни необходимо за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, а также преступные деяния, связанные с террористической деятельностью; 20 % опрошенных к применению наказания в виде смертной казни относятся отрицательно; 4 % — также отрицательно и считают необходимым окончательно убрать из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) данный вид наказания; 3 % затруднились ответить на поставленный вопрос.

Таким образом, большинство участвующих в опросе положительно относятся к возобновлению практики применения смертной казни. Полученные в результате исследования данные подтверждают релевантность результатов иных исследований общественного мнения по данной проблематике.

В опросе, проводившемся фондом «Общественное мнение» с 26 по 27 октября 2019 года в 53 регионах Российской Федерации, приняли участие более 1 500 респондентов. Были получены следующие данные: 69 % респондентов полагают, что за сексуальные преступления против несовершеннолетних, убийство и терроризм возможно назначать виновным наказание в виде смертной казни. Практически половина опрошенных (52 %) уже сейчас готовы вернуть исключительную меру государственного принуждения в российскую практику назначения уголовных наказаний. Против возвращения данного наказания в правоприменение высказались лишь 21 % респондентов [1].

В 2021 году было проведено исследование общественного мнения по изучаемой нами проблематике методом личного интервьюирования. Всего в опросе участвовали 1 620 человек в возрасте от 18 лет из 50 субъектов Российской Федерации. И вновь большинство (41 %) респондентов высказались за восстановление смертной казни в качестве исключительной меры государственного принуждения; 16 % опрошенных сказали о необходимости расширения практики применения смертной казни. За сохранение действующего в настоящий момент запрета на применение исключительной меры государственного принуждения выступили 20 % респондентов; 7 % опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос; за полную отмену смертной казни высказались только 17 % респондентов [2].

В телефонном опросе, проводимом Всероссийским центром изучения общественного

мнения по аналогичной тематике, приняли участие 1 600 респондентов, получены следующие данные: 49 % опрошенных считают, что смертную казнь необходимо разрешить и применять в отношении осужденных; 26 % полагают, что необходимо оставить смертную казнь в системе уголовных наказаний, как и мораторий на ее применение; 15 % высказались за полную отмену смертной казни в Российской Федерации; 10 % затруднились ответить [3].

Обобщая результаты проведенных исследований, направленных на изучение общественного мнения по вопросу о возобновлении практики применения смертной казни, можно говорить о том, что большая часть респондентов (от 49 до 73 %) считают целесообразным вернуть практику применения исключительного вида наказания.

В научном сообществе отсутствует единодушие на счет назначения/исполнения такого вида наказания, как смертная казнь. Анализ публикаций, посвященных данному виду наказания, позволил нам сгруппировать существующие позиции ученых по трем группам.

Первая группа поддерживает применение данного вида уголовного наказания (например, С. И. Баршев [4], С. Е. Десницкий [5], О. И. Горегляд [6], С. И. Захарцев [7], Е. П. Ищенко [8]).

Ученые второй группы выступают за исключение смертной казни из системы уголовных наказаний, в случае, если она все же останется, от за ее фактическое неприменение (например, Е. В. Виноградова [9], И. А. Волошин и А. В. Чайка [10], Н. С. Таганцев [11], А. Ф. Кистяковский [12], С. В. Познышев [13]).

Существует и третья группа ученых, которые не могут однозначно ответить: «Допустить возможность применения исключительной меры наказания в России или нет?». Основным аргументом их позиции являются нерешенные проблемы, возникающие в случае ее применения [14].

Полагаем, что *сохранение смертной казни в системе уголовных наказаний способно оказать положительный эффект на лиц, относящихся к низкосоциализированному типу*, так как они противопоставляют себя обществу и целенаправленно нарушают уголовно-правовые запреты. Возможность применения смертной казни сдерживает их от преступного деяния. Для них характерно руководствоваться своими интересами, которые противоречат общепризнанным нормам морали и нравственности. Единственное, что способно удержать их от преступления, и его рецидива — строгость и неотвратимость наказания.

При решении проблем, о которых говорят ученые из третьей названной группы, и в связи с изменившимися социально-политическими условиями *смертную казнь как исключительную меру наказания* необходимо ввести за совершение особо тяжких преступлений, сопряженных с умышленным лишением жизни двух или более лиц (убийство, террористический акт, вооруженный мятеж, диверсия). Мы предлагаем в УК РФ и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК РФ) закрепить положения о праве суда предоставить отсрочку исполнения наказания на два года с наблюдением за поведением лица, совершившем деяния, и возможностью замены смертной казни пожизненным лишением свободы. Данный промежуток времени позволит выявить и исправить допущенные судебные ошибки, а осужденный сможет доказать своим поведением, что он не потерян для социума.

Для этого необходимо не только внести соответствующие изменения в статью 59 УК РФ, главу 23 УИК РФ, но и инициировать перед Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ) рассмотрение вопроса о признании утратившим силу определения КС РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления КС РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» [15].

Указ Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 года № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» по сравнению с решениями КС РФ, а равно иными федеральными законами, которые регламентируют порядок назначения и применения смертной казни в соответствии с действующей нормативно-правовой иерархией, является нижестоящим, что делает не корректным его применение судами общей юрисдикции [16]. Следовательно, после отмены решений КС РФ Указ Президента Российской Федерации не может выступать препятствием к возобновлению применения смертной казни в Российской Федерации.

Согласно анализу судебно-следственной практики с 2022 года происходит увеличение лиц, которые умышленно лишают жизни одновременно нескольких человек, стремятся причинить наибольший вред отношениям, которые охраняются уголовным законом и связаны с жизнью. Кроме этого, они совершают данные преступления по антисоциальным мотивам, выбирая особо жестокие, дерзкие, циничные способы преступного поведения. Это вызвано активизацией на территории страны террористической и диверсионной активности вследствие деятельности как террористических организаций, так и недружественных государств. Ее целью является подрыв социальной, экономической и политической стабильности российского общества, противодействие специальной военной операции в Донецкой и Луганской народных республиках, Запорожской и Херсонской областях. Некоторые из завербованных и прошедших специальную подготовку террористов и диверсантов умышленно выбирают наиболее уязвимые объекты социальной инфраструктуры (учебные заведения, больницы) с целью массовых убийств. В отношении подобных лиц для предотвращения новых трагедий допустимо применение смертной казни.

Проводимые социологические исследования указывают на то, что в обществе сформировался запрос на возвращение в уголовное законодательство наказания в виде *конфискации имущества* как дополнительного наказания, которое следует назначать за совершаемые из корыстных побуждений либо с корыстной целью общественно опасные деяния против службы в органах власти, организациях, учреждениях или в сфере экономики. При этом в конфискации имущества граждане видят изъятие всего имущества (за исключением предметов первой необходимости) и у иных лиц даже в том случае, когда они не знали и не должны были знать, что оно получено в результате преступного поведения. Результаты анкетирования и экспертного опроса работников органов предварительного расследования и суда также свидетельствуют о необходимости применения более ощутимых (строгих) мер государственного принуждения к лицам, совершившим преступления названных видов.

Если дополнить вышеизложенное описание проблем, связанных с применением конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера, то становится очевидна необходимость во внесении изменений в текст уголовного закона.

Таким образом, мы предлагаем внести изменения в Общую часть УК РФ, а именно: а) главу 151 УК РФ признать утратившей силу, а часть 1 статьи 44 УК РФ дополнить пунктом «е¹) конфискация имущества»; б) в главу 9 «Понятие и цели наказания. Виды наказаний» УК РФ включить статью 51¹ «Конфискация имущества» следующего содержания:

«...1. Конфискация имущества заключается в безвозмездном принудительном изъятии части или всего имущества осужденного в собственности государства, а также изъятии имущества, принадлежащего родственникам и третьим лицам, если оно приобретено на средства, полученные в результате преступления, совершенного осужденным.

2. Если имущество, полученное в результате совершения преступления, либо доходы от него были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, то конфискации подлежит та его часть, которая соответствует стоимости имущества, полученного преступным путем, а равно доходам от него.

3. Конфискация имущества назначается в качестве дополнительного вида наказания по усмотрению суда.

Примечания. 1. Конфискации не подлежат предметы, без которых жизнь и здоровье осужденного, лиц, находящихся на его иждивении, и третьих лиц могут быть поставлены под угрозу.

2. При конфискации имущества государство не отвечает по долгам и обязательствам осужденного, если они возникли после принятия органом дознания, следствия или судом мер по сохранению имущества для решения вопроса о дальнейшей его частичной или полной конфискации».

Коррективы содержания УК РФ потребуют дополнение (изменение) содержания главы 9 «Исполнение дополнительных видов наказаний» УИК РФ и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве».

Строгость данного вида наказания предопределена создавшейся обстановкой и типом лиц, совершивших преступления и подвергаемых уголовным наказаниям. Должностные лица, а равно иные субъекты, совершившие корыстные, служебные преступления или деяния экономической направленности, тщательно скрывают имущество, полученное в результате преступной деятельности. Результаты изучения судебной практики показывают, что установить

точное количество денежных средств, иного имущества, полученных от преступной деятельности, является чрезвычайно сложной и не всегда выполнимой задачей, особенно в случаях, когда происходит объединение преступно нажитого имущества со средствами, полученными законным путем, ведь материальный достаток обвиняемого, членов его семьи и иных родственников явно не соответствует полученному доходу или доход родственников и близких лиц существенно увеличивается практически сразу после назначения обвиняемого на «высокую» должность. Это приводит к тому, что первоначально установленный ущерб уменьшается до той суммы, которую удалось документально зафиксировать.

Применение предлагаемой нормы создает условия, при которых совершение служебных и экономических преступлений станет максимально невыгодным. Это связано с тем, что будет возможным изъятие практически всего имущества осужденных, их родственников, других близких лиц. Именно невыгодность совершения преступления, обусловленная с риском потери всего имущества, является основным фактором, способным нивелировать плюсы от совершения преступлений указанной группы.

Мерой государственного принуждения, которую в качестве наказания целесообразно включить в статью 44 УК РФ, является *выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина*.

В статье 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) закреплено, что административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства состоит в контролируемом принудительном перемещении вышеназванных лиц через государственную границу Российской Федерации за ее пределы, а в определенных случаях заключается в самостоятельном выезде из страны под контролем уполномоченных лиц.

Проанализировав уголовно-правовые нормы иностранных государств на наличие уголовного наказания, связанного с выдворением граждан из этих государств, мы установили, что большинство стран (Бельгия, Болгария, Германия, Литва, Россия, Украина, Финляндия, Белоруссия, Швеция, республики Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, США, Корея) не закрепляет подобную меру государственного принуждения.

Однако в некоторых странах (Испания, Латвия, Франция, Эстония, Молдова, Швейцария)

данная мера существует. Например, в соответствии с уголовным законом Франции к иностранному гражданину и лицам без гражданства может применяться наказание в виде *запрета нахождения на территории*. Данный запрет бывает двух видов: временный, на срок до 10 лет, и окончательный (пожизненный), применяется данная мера государственного принуждения в качестве основного или дополнительного вида наказания. Когда запрет пребывания на территории Франции сопровождается лишением свободы, его исполнение откладывается на срок реального лишения свободы (например, ст. 131-30 УК Франции). В Республике Молдова *высылка* относится не к уголовным наказаниям, а к «мерам безопасности» и применяется как самостоятельно, так и в дополнение к иным видам уголовного наказания (например, ст. 105 УК Молдовы).

Предложение перенять зарубежный опыт по введению в отечественное уголовное право высылки в качестве меры государственного принуждения (наказания) за совершение уголовно наказуемых деяний не является новым. В 2018 году оно было озвучено председателем Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, доктором юридических наук М. Д. Федотовым. В своем выступлении он предложил в целях гуманизации системы уголовных наказаний и сокращения численности иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в местах лишения свободы, дополнить УК РФ новым видом наказания: *выдворение за пределы Российской Федерации*. Применять данное наказание предлагалось в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести. О необходимости введения в систему наказаний новой меры высылки иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы государственной границы высказывались и иные представители научного сообщества [17].

Правительством Российской Федерации утверждена новая концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. В ней говорится, что систематизация и развитие законодательства должны быть направлены на повышение эффективности обеспечения прав лиц, отбывающих наказания, в целях улучшения условий содержания осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, включая содержание отдельных категорий, в том числе иностранных граждан и лиц без гражданства [18].

Применение данной меры государственно-принуждения позволит снизить количество иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в исправительных учреждениях. Освободившиеся в результате этого денежные средства возможно перенаправить на иные государственно значимые цели.

Для совершенствования отечественной системы уголовных наказаний предлагаем внести изменения в содержание части 1 статьи 44 УК РФ, дополнить ее пунктом «е²) выдворение за пределы Российской Федерации». В части 3 статьи 45 УК РФ вместо фрагмента «Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград применяется только в качестве дополнительных видов наказаний» необходимо написать: «Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, государственных наград, конфискация имущества, выдворение за пределы Российской Федерации применяются только в качестве дополнительных видов наказаний».

Главу 9 УК РФ нужно дополнить статьей 51² «Выдворение за пределы Российской Федерации» следующего содержания:

«1. Выдворение, то есть контролируемое перемещение иностранных граждан, в том числе имеющих двойное или множественное гражданство и лиц без гражданства, в принудительном порядке из Российской Федерации за пределы ее государственной границы с запретом въезда в Российскую Федерацию на определенный судом срок.

2. Запрет на въезд в Российскую Федерацию для иностранных граждан, в том числе имеющих двойное или множественное гражданство, и лиц без гражданства, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, устанавливается на срок от трех лет до семи лет. Для иностранных граждан, в том числе имеющих двойное или множественное гражданство, и лиц без гражданства, совершивших преступления, относящиеся к категории тяжких или особо тяжких, запрет на въезд устанавливается на срок от семи лет до пожизненного.

3. Выдворение за пределы Российской Федерации назначается в качестве дополнительного вида наказания по усмотрению суда. В случае въезда выдворенного лица на территорию Российской Федерации в течение срока действия запрета суд вправе заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы из расчета один день

принудительных работ или один день лишения свободы за четыре дня запрета на въезд».

В связи с закреплением в уголовном законе новой нормы необходимо внести ряд изменений и дополнений в некоторые статьи УК РФ, в содержание УИК РФ в части установления органа, уполномоченного исполнять новый вид наказания, и регламентации порядка его исполнения. Также надлежит внести изменения в иные федеральные законы, определяющие правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

Дополнительным аргументом в пользу введения в систему новых видов наказаний, не связанных с изоляцией виновного от общества, служат результаты исследований, проведенных учеными, ранее посвященных эффективности наказаний в виде лишения свободы, ареста и содержания в дисциплинарной воинской части. В результате анализа работ установлено единство позиций в том, что изоляция от общества сопряжена с возникновением у осужденного психологических проблем в виде десоциализации и деадаптации к нормальным социальным условиям, которая лишь усиливается при длительных сроках заключения. Нельзя забывать и про психологические проблемы у близких родственников виновного, в особенности детей. Наиболее эффективна изоляция от общества на срок от двух до семи лет, а незначительные сроки до двух лет не обеспечивают достижение целей в виде исправления осужденного и обеспечения специальной превенции. Предлагаемые меры должны эффективно влиять на достижение целей наказания, не связаны с изоляцией от общества и не требуют для реализации серьезных финансовых средств.

Список источников

1. Отношение к смертной казни. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14285> (дата обращения: 26.02.2025).
2. Исследование общественного мнения: Смертная казнь и преступность. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/25/smertnaya-kazn-i-prestupnost/> (дата обращения: 01.03.2025).
3. Исследование общественного мнения: Казнить нельзя помиловать. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kaznit-nelzja-pomilovat> (дата обращения: 03.03.2025).
4. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. Раздел 2. О наказаниях вообще. Москва: Университетская типография, 1841. С. 20–21.

5. Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. Москва, 1770. С. 18–19.

6. Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права. Санкт-Петербург, 1815. С. 13–14, 28–29.

7. Захарцев С. И. К дискуссии о смертной казни // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 246.

8. Ищенко Е. П. Реформой правит криминал? Москва: Юрлитинформ, 2013. 188 с.

9. Виноградова Е. В. Смертный приговор. Справедливость или кара. Москва: Эдипус, 2022. 226 с.

10. Волошин И. А., Чайка А. В. Смертная казнь: за или против // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 99–104.

11. Таганцев Н. С. Смертная казнь: сборник статей. Санкт-Петербург, 1913. С. 93–95, 172.

12. Кистьяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Санкт-Петербург: Издательство А. Ф. Пантелеева, 1896. С. 271–273.

13. Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. Москва: Университетская типография, 1904. С. 390–391, 394–395.

14. Дворецкий М. Ю., Анапольская А. И. Смертная казнь: за и против // Пенитенциарная наука. 2019. № 13 (4). С. 502.

15. О разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”»: определение КС РФ от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48, ст. 5867.

16. Полищук Н. И. Правовые проблемы моратория на смертную казнь // Вестник Кузбасского института. 2014. № 1 (18). С. 36.

17. Амельчаков И. Ф., Катаева О. В. Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 138–159.

18. V раздел Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 года № 1138-р // Собрание Законодательства РФ. 2021. № 20, ст. 3397.

References

1. Attitudes towards the death penalty. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14285> (accessed 26.02.2025). (In Russ.).

2. Public Opinion Research: Death Penalty and Crime. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/25/smertnaya-kazn-i-prestupnost/> (accessed 01.03.2025). (In Russ.).

3. Public opinion research: Execution cannot be pardoned. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kaznit-nelzja-pomilovat> (accessed 03.03.2025). (In Russ.).

4. Barshev S. I. General beginnings of theory and legislation on crimes and punishments. Section 2. On punishments in general. Moscow: University Printing House, 1841. Pp. 20–21. (In Russ.).

5. Desnitsky S. E. Word about the reasons of death executions in criminal cases. Moscow, 1770. pp. 18–19. (In Russ.).

6. Goreglyad O. I. Experience of outlining the Russian criminal law. Saint Petersburg: Tipografiya Ios. Iannesov, 1815. Pp. 13–14, 28–29. (In Russ.).

7. Zakhartsev S. I. To the discussion on the death penalty. *Law and State: Theory and Practice*, 2022, no. 1 (205), 246 p. (In Russ.).

8. Ishchenko E. P. Criminal rules the reform? Moscow: YurLitinform, 2013. 188 p. (In Russ.).

9. Vinogradova E. V. Death sentence. Justice or punishment. Moscow: Edipus, 2022. 226 p. (In Russ.).

10. Voloshin I. A., Chaika A. V. Death penalty: for or against. Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. *Juridical Sciences*, 2019, no. 2, pp. 99–104. (In Russ.).

11. Tagantsev N. C. Capital punishment: a collection of articles. Saint Petersburg, 1913. pp. 93–95, 172. (In Russ.).

12. Kistiakovskiy A. F. Research on the death penalty. Saint Petersburg: A. F. Panteleyev Publishing House, 1896. Pp. 271–273. (In Russ.).

13. Poznyshev S. V. Basic questions of the doctrine of punishment. Moscow: University Printing House, 1904. Pp. 390–391, 394–395. (In Russ.).

14. Dvoretzky M. Y. Anapolskaya A. I. Death penalty: for and against. *Penitentiary Science*, 2019, no. 13 (4), 502 p. (In Russ.).

15. On the clarification of paragraph 5 of the operative part of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999, no. 3-P on the case of verification of the constitutionality of the provisions of Article 41 and Part Three of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, paragraphs 1 and 2 of the Decision of the Supreme Soviet of the Russian Federation of July 16, 1993 “On the Procedure of Enactment of the Law of the Russian Federation ‘On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR ‘On the Judicial System of the

RSFSR', the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of the RSFSR on Administrative Offences": Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 19, 2009 № 1344-O-R. *Collection of Legislation of the RF*, 2009, no. 48, art. 5867. (In Russ.).

16. Polishchuk N. I. Legal problems of moratorium on the death penalty. *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2014, no. 1 (18), 36 p. (In Russ.).

17. Amelchakov I. F., Kataeva O. V. B. Expulsion of a foreign citizen as a restriction of his right to freedom of movement and as a way to ensure national security. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 3, pp. 138–159. (In Russ.).

18. Section V of the Concept for the Development of the Criminal Executive System of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 № 1138-r. *Collection of Legislation of the RF*, 2021, no. 20, art. 3397. (In Russ.).

Научная статья
УДК 347.191.4:347.471.036:347.72.036

К вопросу о правовой природе органов юридического лица

Левашов Владимир Константинович

Национальный исследовательский Нижегородский университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, vov199@mail.ru

Аннотация. В статье исследован вопрос о правовой сущности действий лиц, выполняющих функции органов юридического лица (посредством анализа правил об их ответственности). Сделан вывод о том, что правила о возможности предъявления третьими лицами прямых внебанкротных исков к субъектам, выполняющим функции органов, ведут к разрушению ядра теории, предполагающей сущностное разграничение между органами и представителями юридического лица. Кроме этого, сфокусировано внимание на особом характере представительства органов и вытекающих из этого особенностях их ответственности, исключающих возможность предъявления к ним прямых деликтных исков контрагентами компаний до исчерпания возможностей получения удовлетворения от самих юридических лиц.

Ключевые слова: юридические лица, органы, субсидиарная ответственность, ответственность из причинения вреда

Для цитирования: Левашов В. К. К вопросу о правовой природе органов юридического лица // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 254–259.

Original article

On the issue of the legal nature of bodies of a legal entity

Vladimir K. Levashov

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation, vov199@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of the legal nature of the actions of persons performing the functions of bodies of a legal entity (by analyzing the rules on their liability). It is concluded that the rules on the possibility of third parties filing direct non-bankruptcy claims against entities performing the functions of bodies lead to the destruction of the core of the theory, which assumes an essential distinction between bodies and representatives of a legal entity. In addition, attention is focused on the special nature of the representation of bodies and the resulting features of their liability, excluding the possibility of filing direct tort claims against them by counterparties of companies until the exhaustion of the possibilities of obtaining satisfaction from the legal entities themselves.

Keywords: legal entity, the bodies of a legal entity, subsidiary liability, tort liability

For citation: Levashov V. K. On the issue of the legal nature of bodies of a legal entity. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 254–259. (In Russ.).

© Левашов В. К., 2025

«Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы» (п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)). «Юридическое лицо <...> возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей» (п. 1 ст. 1068 ГК РФ). Несмотря на то, что данные правила из ГК РФ разделяют более одной тысячи статей, воплощают в себе единую идею отождествления действий органов (работников) компаний с действиями самого юридического лица. Появлению этой идеи в отечественном законодательстве мы во многом обязаны А. Г. Гойхбаргу, участвовавшему в подготовке ГК РСФСР 1922 года и считавшему, что для объяснения природы ответственности юридического лица за действия его органов деятельность последних необходимо обособить от действий иных представителей, «за недозволенные действия» которых юридическое лицо отвечать не может [1, с. 32–33].

В дальнейшем разграничение между органами и представителями (далее — классическая теория органа юридического лица) получило широкое признание в литературе [2, с. 110; 3, с. 44]. В настоящее время судебная практика также в целом признает, что ответственность юридического лица за причиненный третьим лицам вред является не «...опосредованной, носящей производный от деликта работника характер», а «...непосредственной, наступающей [как бы] за свои действия» [4, с. 80] (далее — теория идентификации). Естественным следствием всего этого является исключительная подвластность и подотчетность субъектов, уполномоченных выступать от имени юридического лица (далее — органы) самому юридическому лицу, перед которым они отвечают за причиненные убытки (ст. ст. 531, 1081 ГК РФ, ст. ст. 232–250, 277 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ)), и в то же время неподвластность и неподотчетность органов третьим лицам.

Впрочем, такое положение дел не является повсеместным. Согласно статье 1068 ГК РФ, юридическое лицо несет ответственность только в случае, если органы (работники) действовали «при исполнении трудовых (служебных) обязанностей». С учетом актуальной (но не до конца устоявшейся) судебной практики эту оговорку следует понимать как допускающую предъявление исков к органам, если нет «связи вреда с рабочим местом или временем» [4, с. 73].

Сложности, однако, возникают при применении этой логики к случаям, когда вред причинен

преступлением, подтвержденным вступившим в законную силу приговором, поскольку в качестве причинителя вреда в тексте судебного акта будет значиться именно конкретный делинквент (орган и/или работник), а не компания. Более того, если вред причинен в рамках договорных правоотношений, но в результате действий, квалифицированных приговором суда как мошенничество или растрата (ст. ст. 159–160 УК РФ), то неопределенной оказывается еще и судьба требований, следующих из договора.

Стремясь разрешить эти коллизии в судебной практике, на уровне Высшего арбитражного суда Российской Федерации в определении от 17 марта 2014 года № ВАС-2286/14 предложили подход, в соответствии с которым преступные действия работника по своей правовой сути не могут входить в круг его трудовых или служебных обязанностей и быть связаны с производственной необходимостью, чем по сути исключили ответственность юридических лиц за преступные действия своих органов (работников).

В дальнейшем от данной прямолинейной логики стал наблюдаться отход, итоги которого зафиксированы в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу». Заложенная в этом разъяснении идея заключается в следующем: гражданский закон допускает привлечение к ответственности лиц, не являющихся непосредственными причинителями вреда (абз. 2 п. 1 ст. 1064 ГК РФ), так как за вред, причиненный преступными действиями работника, квалифицированными по части 2 статьи 109, статьи 143 или статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), гражданская ответственность может быть возложена на само юридическое лицо.

Открытым остается вопрос о судьбе требований, следующих из договорных отношений, поскольку среди приведенных примеров таковые не обозначены. Учеными-криминалистами высказано предположение: если при мошенничестве договор составляет «лишь способ (средство) обмана», то его «юридическая сущность» не может быть определена как «правомерная, действительная сделка», на заключение которой направлена воля обеих сторон, следовательно, он не является сделкой, а источником возникающих правоотношений следует признать деликт, отвечать за который должен работник, если при этом нет самостоятельной вины юридического лица [5].

Подобная квалификация гражданских правоотношений встретила непонимание среди ученых-цивилистов, ведь сделки, совершенные под влиянием обмана или со злоупотреблением доверием, отнесены законом к оспоримым (ст. ст. 174, 179 ГК РФ) [6], а «тайные оговорки» вступающих в правоотношения лиц не могут влиять сами по себе на действительность договора [7], не говоря уже о том, что возможность прямого обращения с иском к органам «ставит под сомнение конструкцию юридического лица» и лежащий в ее основе «принцип отделения» [8, с. 57].

Рассогласованность наблюдается и в судебной практике, в том числе на уровне Верховного Суда Российской Федерации. Если в определении от 24 января 2023 года № 31-КГ22-5-К6 данный суд пишет, что само по себе присуждение денежных сумм с кооператива «не препятствует истцу привлечь ответчиков к самостоятельной гражданско-правовой ответственности <...> исходя из ненадлежащего исполнения ими обязанностей председателя правления и директора кооператива, создавшего условия для совершения преступления», или в определении от 10 марта 2020 года № 34-КГ19-12 не видит противоречий в возложении ответственности на директора, в отношении которого уголовное дело прекращено по нереабилитирующим основаниям при наличии неисполненных обязательств на стороне возглавляемых им действующих юридических лиц, то в определении от 18 октября 2022 года № 46-КГ22-31-К6, напротив, указывает, что в соответствии со статьей 1068 ГК РФ отвечать за причиненный вред должно само юридическое лицо.

Изложенное заставляет вновь возвратиться к правовым основаниям возложения ответственности за действия органов (работников) на саму компанию. Кроме классической теории органа юридического лица, существует возникшая хронологически раньше концепция, в соответствии с которой понятия «орган» и «представитель» рассматривались в целом как тождественные (далее — теория органа-представителя). Именно в рамках этой теории первоначально и сложился взгляд на ответственность юридических лиц перед третьими лицами за вред от действий их органов (работников) как об ответственности за действия других лиц, однако в основе такого возложения лежали не теория идентификация, а идея самостоятельной вины и принцип *cuius commodum, eius periculum* (кто получает выгоду, тот и несет сопряженный с ней риск). Соответственно, юридическое лицо должно было отвечать за действия

своих уполномоченных в той мере, в которой их действия «...совершены в пределах данного им поручения <...> равно как за действия, одобренные обществом, хотя бы они составляли нарушение прав третьих лиц» [9, с. 298]. Вина самих органов (работников) строилась на общих основаниях, что делало возможным одновременное (солидарное) привлечение к ответственности как юридического лица, так и органов (работников) последнего [2, с. 110–112; 4, 67–71].

В настоящее время взгляд на органы юридических лиц как на представителей закреплен в пункте 121 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», что в целом отражает рост популярности в правовой литературе теории органа-представителя [3, с. 45]. Вместе с тем не все исследователи согласны, что органы действительно являются представителями. Многие не видят оснований для отказа от классической теории органа юридического лица, указывая, что к органам могут быть применены только некоторые положения из главы 10 ГК РФ (п. п. 1 и 3 ст. 182 ГК РФ, ст. 183 и п. 5 ст. 185 ГК РФ), в связи с чем нет достаточных оснований для пересмотра устоявшейся концепции [10].

Стараясь купировать это возражение, сторонники теории органа-представителя причиной столь выборочного применения правил о представительстве называют законный характер представительства органов, в то время как правила главы 10 ГК РФ ориентированы на представителей добровольных [3, с. 45–46].

При детальном рассмотрении этого аргумента легко обнаружить, что он не выдерживает критики как с семантической точки зрения (ведь устав не есть закон [9, с. 299]), так и с логической. Как верно пишут даже сторонники этого взгляда, полномочия органов одновременно следуют из устава и решения о назначении (избрании), в силу чего «занимают промежуточное положение между добровольным и законным представительством» [3, с. 44].

Промежуточный характер представительства проявляется также в том, что решение о возложении функций органа принимается по своей воле, однако единожды назначенный на должность представитель уже «...подчиняется не воле своих избирателей, а постановлениям закона» (устава) и «в этих установленных законом пределах <...> и является ответственным пред обществом» [11, с. 103]. Этого достаточно,

чтобы рассматривать представительство органов не в качестве законного или добровольного, а как самостоятельный вид, который вслед за А. О. Гордоном можно точно назвать смешанным представительством [11, с. 100].

Но подобной специфики, как уже отмечалось, может быть недостаточно, чтобы отказаться от классической теории органа юридического лица. Для ответа на вопрос: «Возможно ли в настоящее время рассматривать эту концепцию в качестве адекватного отражения юридической действительности?» необходимо исследовать, соответствуют ли текущие правила об ответственности за вред, причиненный органами (работниками), основному принципу классической теории, заключающемуся в том, что действия органов — это суть действия самого юридического лица, в силу чего вменение вины за эти действия лично органам, а равно и предъявление к ним прямых деликтных исков должно быть невозможно.

Современное отечественное законодательство допускает предъявление прямых исков с целью получения компенсации понесенных кредиторами компаний имущественных потерь к органам юридического лица в следующих случаях: 1) производство по делу о банкротстве прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедуры (подп. 1 п. 12 ст. 61¹¹ Федерального закона Российской Федерации от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»); 2) юридическое лицо исключено из Единого государственного реестра юридического лица в административном порядке (п. 3 ст. 64² ГК РФ, п. 6 ст. 21.1 закона о регистрации юридических лиц; п. 31 ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — ФЗ «Об ООО»)).

Анализ перечисленных норм показывает, что они предполагают возложение на органы прямой ответственности перед третьими лицами за действия, совершенные именно в качестве органов, а условием возложения таковой называют несответствие их действий критериям добросовестности и разумности (п. 10 ст. 61¹¹ Федерального закона Российской Федерации от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»); п. 31 ст. 3 ФЗ «Об ООО»), то есть предполагают ответственность при наличии их самостоятельной вины, не разграничивая при этом, возникли ли у третьих лиц потери вследствие совершенного компанией деликта или ввиду невыполнения договорных обязательств.

Чтобы исключить возможные возражения о том, что само по себе возложение ответственности на органы юридического лица не подрывает основ классической теории, поскольку с точки зрения последней исключалась именно прямая деликтная ответственность перед третьими лицами, в то время как наличие, скажем, договорной обязанности у работника по возмещению вреда третьему лицу никоим образом взгляд на действия этих субъектов как частей юридического лица не подрывает данной ответственности, остановимся также на вопросе о природе.

В пользу ее договорного характера можно привести два аргумента: во-первых, она носит тесно связанный и во многом переплетающийся характер с ответственностью перед самим юридическим лицом за причинение последнему убытков (ст. 53¹ ГК РФ); во-вторых, по своему описанию такая ответственность близка к частовстречающейся в корпоративном праве субсидиарной ответственности участников пред третьими лицами. Рассмотрим эти аргументы подробнее.

Первый аргумент исходит из верного утверждения, что правоотношения между органом и юридическим лицом строятся на началах договора. Сам этот аргумент построен на явном смешении понятий: ответственность одного субъекта перед юридическим лицом (своим работодателем в широком смысле) и ответственность этого же субъекта перед третьими лицами не может даже в теории быть ответственностью из одного основания, поскольку основу одной из них составляет договор, а в основу другой таковой быть положен не может.

Второй аргумент верно отражает тот факт, что субсидиарная ответственность, скажем, членов производственного кооператива (п. 2 ст. 106¹ ГК РФ), носит добровольный (договорный) характер. Вместе с тем, как верно отмечает О. В. Гутников, «...ответственностью [это], строго говоря, не является» и представляет собой скорее обеспечительное обязательство [12], по своей правовой природе близкое к поручительству в силу закона (п. 2 ст. 361 ГК РФ) [8], вследствие чего носит зависимый характер от обязательств самого юридического лица, то есть в случае прекращения обязательств последнего в связи с ликвидацией (ст. 419 ГК РФ) также подлежит прекращению (п. 4 ст. 329 ГК РФ), если только ранее кредитор не успеет предъявить соответствующее требование к субсидиарному должнику (п. 1 ст. 367 ГК РФ).

В рассматриваемых же случаях, как это ясно следует из предписаний пункта 3 статьи 64² ГК РФ и пункта 3¹ статьи 3 ФЗ «Об ООО» субсидиарная ответственность не просто «переживает» юридическое лицо, но сама ликвидация такого выступает в качестве основания для появления у кредитора права на предъявление соответствующего иска, следовательно, оснований для признания договорного характера за этой ответственностью не имеется.

Действуя в соответствии с законом исключения третьего, мы могли бы сразу заключить, что рассматриваемая ответственность носит именно деликтный характер, однако среди исследователей обоснованность подобного вывода в последнее время оспаривается. Одни ссылаются на то, что «классическое причинение вреда» всегда есть действие, «которым причинен именно физический ущерб» вещам.

В рассматриваемом случае «...страдает отнюдь не имущество <...> а субъективное гражданское право <...> ожидание <...> [что будет] погашено требование» [13, с. 91–92]; другие считают, что в данном случае следует в принципе говорить про особую «корпоративную ответственность», не являющуюся «договорной или внедоговорной» [12, с. 45–51]. На наш взгляд, эти возражения против деликтной природы ответственности не могут быть приняты. Первое, поскольку не учитывает, что в гражданском обороте уже сейчас достаточно объектов, которые «...не относятся к разряду вещей <...> [но] не образуют вместе с тем никакого самостоятельного юридического механизма, а благополучно действуют в качестве субсидиарного элемента существующих юридических конструкций, в том числе и таких, которые традиционно используются при обороте вещей» [14, с. 527]. Второе, как признают сами сторонники этой теории, «...корпоративное законодательство не предусматривает общих оснований и условий корпоративной ответственности» из-за чего к ней должны применяться «общие нормы гражданского права о возмещении убытков» [12, с. 49].

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что ответственность органов перед третьими лицами носит именно деликтный характер. Поскольку эта ответственность наступает за действия, которые совершаются при исполнении функций органов юридического лица (а, точнее, при ненадлежащем исполнении), то необходимо признать, что классическая теория органа юридического лица в настоящее время создает искаженное представление о правовой действительности. Хотя действия органов и продолжают

в соответствии с теорией идентификации приравниваться к действиям юридического лица, сами органы все же могут быть привлечены к ответственности перед третьими лицами в случае исчерпания возможностей последних по получению удовлетворения от самих юридических лиц.

Таким образом, на поставленные в статье вопросы предложены следующие ответы.

1. Действия органов юридических лиц никогда не могут считаться проявлением дееспособности последних, поскольку совершающие их лица действуют по отношению к третьим лицам как самостоятельные субъекты (за что несут пред ними субсидиарную ответственность), и только в силу наличия представительских отношений между ними и юридическим лицом совершаемые ими действия переходят на само юридическое лицо (в силу чего они оказываются ответственными уже пред последним за сделанные упущения).

2. Совершенные органами (работниками) действия в качестве представителей юридических лиц остаются действительными действиями юридических лиц, независимо от наличия «тайных оговорок» или иных пороков в их мотивах. Взгляд на преступные действия как не могущие быть связанными с рабочим процессом, вне рамок классической теории органа юридического лица не имеет никаких рациональных оправданий, а потому должен быть оставлен.

3. Наличие договорных связей с юридическим лицом не означает невозможность предъявления прямых деликтных исков к органам последнего, если действиями таковых причинен вред. При этом с учетом специфики смешанного характера представительства органов, а также для исключения риска получения двойного возмещения возможность предъявления иска должна возникать только после исчерпания иных вариантов получения удовлетворения от самой компании. Практика предъявления прямых исков к органам действующих юридических лиц на основании вступивших в силу приговоров подлежит прекращению.

Список источников

1. Гойхбарг А. Г. Хозяйственное право РСФСР. Т. I. Гражданский кодекс. Москва, Петроград: Государственное издательство, 1923. 212 с.
2. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1951. 239 с.
3. Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство: исследование судебной практики. Москва: Статут, 2016. 389 с.

4. Галушкин Ф. В. Прямой деликтный иск к работнику: в поисках генерального подхода // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 12. С. 65–96.
5. Яни П. С. Мошенничество, прикрытое договором, порождает внедоговорное обязательство // Законность. 2022. № 8. С. 22–27.
6. Скловский К. И. Недействительность сделки и хищение // Законодательство. 2019. № 7. С. 63–70.
7. Байгушева Ю. В. Тайная оговорка представителя // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 7. С. 4–11.
8. Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 48–67.
9. Проект книги первой Гражданского уложения. С объяснительной запискою. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1895. II, 520 с.
10. Филипенко Н. В. Органы, работники и представители юридического лица // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 3.
11. Гордон А. О. Представительство в гражданском праве. Санкт-Петербург: Типография Шредера, 1879. XI, 434 с.
12. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского гражданского права. 2018. № 3. С. 39–52.
13. Монастырский Ю. Э. Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц // Журнал российского гражданского права. 2019. № 2. С. 82–95.
14. Мареев Ю. Л. Российское энергетическое законодательство: риски доктрины в поиске определения // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 526–528.
2. Fleishitz E. A. Obligations resulting from harm and unjust enrichment. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1951. 239 p. (In Russ.).
3. Egorov A. V., Papchenkova E. A., Shirvindt A. M. Representation: a study of judicial practice. Moscow: Statute, 2016. 383 p. (In Russ.).
4. Galushkin F. V. Direct Tort Claim against an Employee: In search of a Master Approach. *The Herald of Economic Justice*, 2023, no. 12, pp. 65–96. (In Russ.).
5. Yani P. S. Contract-covered fraud gives rise to a non-contract obligation. *Zakonnost'*, 2022, no. 8. pp. 22–27. (In Russ.).
6. Sklovskiy K. I. Invalidity of transaction and theft. *Zakonodatel'stvo*, 2019, no. 7, pp. 63–70. (In Russ.).
7. Baygusheva Y. V. Secret Reservation of the Representative. *The Herald of Economic Justice*, 2024, no. 7, pp. 4–11. (In Russ.).
8. Gutnikov O. V. Subsidiary Liability in Corporate Legal Relations: Problems and Prospect. *Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 7, pp. 48–67. (In Russ.).
9. Draft of the first book of the Civil Code. With an explanatory note. Saint Petersburg: State Printing House, 1895. II, 520 p. (In Russ.).
10. Filipenko N. V. Corporate Bodies, Employees and Representatives of Legal Entities. *The Herald of Economic Justice*, 2015, no. 3. (In Russ.).
11. Gordon A. O. Representation in civil law. Saint Petersburg: Schroeder Printing House, 1879. XI, 434 p. (In Russ.).
12. Gutnikov O. V. Corporate Liability in Russian Civil Law. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 3, pp. 39–52. (In Russ.).
13. Monastyrskiy Y. E. Legal Logic of a Losses Imposition on the Controlling Persons. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 2. pp. 82–95. (In Russ.).
14. Mareyev Y. L. Russian Energy Legislation: Risks of The Doctrine In Search Of Definition. *Juridical Techniques*, 2019, no. 13. pp. 526–528. (In Russ.).

References

1. Goykhbarg A.G. Economic law R.S.F.S.R. T. I. Civil Code. Moscow, Petrograd: State Publishing House, 1923. 212 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 347.79; 656.615

К вопросу о юридических подходах к понятию международной морской контейнерной перевозки

Маслов Кирилл Андреевич

Адвокатское бюро Санкт-Петербурга «Инмарин», Санкт-Петербург, Россия, mka@inmarin.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены подходы к понятию международной морской контейнерной перевозки, легальное определение которого на сегодняшний день отсутствует в международных и национальных нормативных актах Российской Федерации. Проведен анализ действующих норм права в отношении понимания содержания терминов «морская контейнерная перевозка» и «международная морская контейнерная перевозка». На основе определения особенностей морской контейнерной перевозки и анализа действующих нормативных подходов сформулирован авторский подход к содержанию термина «международная морская контейнерная перевозка», который предлагается внести в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации.

Ключевые слова: морской контейнер, перевозка морских контейнеров, международная морская контейнерная перевозка, нормативный акт

Для цитирования: Маслов К. А. К вопросу о юридических подходах к понятию международной морской контейнерной перевозки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 260–264.

Original article

On the issue of legal approaches to the concept of international sea container transportation

Kirill A. Maslov

Law Office of St. Petersburg “Inmarin”, Saint. Petersburg, Russian Federation, mka@inmarin.ru

Abstract. This article examines approaches to the concept of international sea container transportation, the legal definition of which is currently absent from international and national regulatory acts of the Russian Federation. An analysis of current legal norms is conducted regarding the understanding of the content of the terms “sea container transportation” and “international sea container transportation”. Based on the definition of the features of sea container transportation and the analysis of current regulatory approaches, the author’s approach to the content of the term “international sea container transportation” is formulated, which is proposed to be included in the Merchant Shipping Code of the Russian Federation.

Keywords: sea container, sea container transportation, international sea container transportation, regulatory act

For citation: Maslov K. A. On the issue of legal approaches to the concept of international sea container transportation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 260–264. (In Russ.).

© Маслов К. А., 2025

В современных условиях расширения международных связей транспортной-логистическая система государства, особенно в отношении обеспечения трансграничных перевозок, выступает важным критерием успешности экономического развития. Перевозки морских грузов являются наиболее востребованным видом транспортного сообщения ввиду экономической выгоды. При этом все чаще грузы перевозятся с помощью морских контейнеров, доля которых среди всего объема услуг мирового флота постоянно увеличивается [1, с. 64].

Основной объем перевозок морских контейнеров осуществляется транснациональными или крупными иностранными компаниями. На мировом рынке российские операторы пока не представлены, поэтому отечественные грузоотправители вынуждены использовать услуги зарубежных перевозчиков. В связи с этим крайне важной представляется задача формирования правовых основ для обеспечения перевозки контейнерных грузов в международном и национальном сообщении. Вместе с тем до сих пор в российском законодательстве отсутствует нормативное определение понятия морских контейнерных грузоперевозок.

В наиболее общем понимании под морскими контейнерными перевозками (контейнерным трансфертом или контейнеризацией) следует рассматривать бесперегрузочную доставку от отправителя получателю грузов морским транспортом с использованием контейнеров, что позволяет значительно сокращать объем промежуточных погрузочно-разгрузочных работ [2].

Согласно резолюции 63/122 Генеральной Ассамблеи ООН о Конвенции ООН о договорах полностью или частично морской перевозки грузов (далее — Роттердамские правила), принятой 11 декабря 2008 года, являющейся наиболее актуальным международным нормативным актом в области морских перевозок грузов, введено понятие контейнера, но отсутствует легальное определение морских контейнерных перевозок [3].

В национальном законодательстве государств, имеющих значительную историю мореплаваний и давние традиции осуществления морских перевозок грузов (например, Великобритании), также отсутствует нормативно определенное понятие международных контейнерных перевозок [4].

Аналогичная ситуация отмечается не только в национальном законодательстве развитых западных стран, но и в документах крупных экономических объединений, например,

Европейского Союза (далее — ЕС). Согласно действующим нормативным подходам морские контейнерные перевозки только лишь выделяются в один из видов перевозки грузов морским транспортом [5].

Необходимо отметить, что морские перевозки в международном сообщении упоминаются в различных нормативных документах как Российской Федерации, так и Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). Вместе с тем единого подхода к пониманию морских контейнерных перевозок на сегодняшний день не существует, так как в каждом отдельном случае действующие нормы имеют определенную область применения. Например, в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС) представлены различные термины, касающиеся перевозки контейнеров, но самого определения международной морской контейнерной перевозки нет [6].

Общим подходам при международной перевозке грузов и перемещении транспортных средств через таможенную границу посвящена Глава 38 ТК ЕАЭС, но здесь также нет разделения по видам транспорта, а требования к международным морским контейнерным перевозкам являются общими.

Вопросам перевозки грузов посвящена Глава 40 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации [7] (далее — ГК РФ), но в данном случае нормы применимы только к внутренним перевозкам. При этом в статье 784 ГК РФ дана отсылка о регулировании отдельных видов перевозок транспортными уставами, кодексами и специальными законами. В ГК РФ также не представлено понятие морских контейнерных перевозок, что не позволяет сформулировать требуемое понятие и в аспекте международных сообщений.

В статье 164 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) приводится определение международных перевозок товаров для применения ставок налогообложения в отношении соответствующих услуг [8]. В данном случае рассматриваются международные перевозки товаров различными видами транспорта, когда пункт отправления или пункт назначения расположен за пределами территории Российской Федерации. При этом в НК РФ, исходя из целей налогообложения, нет разделения международных перевозок товаров по видам транспорта.

Морским перевозкам грузов по акватории Северного морского пути посвящена статья 5.1 Кодекса торгового мореплавания

Российской Федерации [9] (далее — КТМ РФ). В Главе VIII КТМ РФ детально расписаны нормы договора морской перевозки, согласно которого осуществляется доставка груза от отправителя в порт назначения за установленную плату. Вместе с тем в данном нормативном акте также отсутствует понятие международных морских контейнерных перевозок.

Нормы о транзитной перевозке грузов в международном сообщении изложены в Федеральном законе от 8 декабря 2003 года № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [10] (далее — Закон № 164-ФЗ). В данном случае представлены важные с позиции проводимого нами исследования определения внешнеторговой деятельности, внешней торговли товарами и услугами, импорта и экспорта товаров, заказчиков и исполнителей услуг, но не представлены подходы законодателя по детализации осуществления международных морских контейнерных перевозок. В статье 31 Закона № 164-ФЗ, как и в статье 142 ТК ЕАЭС, обозначены общие условия свободы международного транзита, но сделана отправка к нормативным актам в области таможенного законодательства.

С 1997 года в Российской Федерации действуют Правила перевозки грузов в контейнерах морским транспортом (РД 31.11.21.18-96) [11]. В данном документе значительное внимание уделено обеспечению безопасности контейнерных перевозок, размещению контейнеров на судне и их креплению, в том числе с отсылкой к международным правилам. Но при этом в тексте данного нормативного акта не представлено разъяснения самого понятия морских контейнерных перевозок, хотя есть специальный раздел (приложение), касающееся основных терминов при осуществлении перевозок контейнеров морским транспортом.

В РД 31.11.21.18-96 в отношении перевозок контейнеров в международном сообщении представлен специальный раздел, но опять же, понятие подобных перевозок не приводится в тексте документа.

Аналогичным образом с июня 1990 года до сих пор действуют Общие правила перевозки грузов морем (РД 31.10.10-89) [12], в которых также не приводится понятие морских контейнерных перевозок.

Следует полагать, что в связи с изменяющимися условиями транспортных сообщений, продолжающейся глобализацией,

расширением как потока грузовых сообщений, так и путей их доставки (в том числе через территорию Российской Федерации), необходимо дать не только четкое определение морских контейнерных перевозок, но и именно международной морской контейнерной перевозки.

Отметим ряд специфических свойств морских контейнерных перевозок, которые позволяют отделить их от других видов перевозки грузов морским транспортом:

- 1) применение специальных емкостей для перевозки грузов морских контейнеров [13–14];
- 2) перемещение морских контейнеров в опломбированном виде, что ограничивает доступ к грузу и повышает надежность транспортировки [15–16];
- 3) возможность использования морских контейнеров для осуществления смешанных перевозок различными видами транспорта без перемещения груза в другую тару, что сокращает время и стоимость проведения погрузочно-разгрузочных работ [17–20].

Исходя из указанных нами специфических характеристик, отличающих морские контейнерные перевозки от морских навалочных перевозок, морских танкерных перевозок и прочих, а также из анализа содержания и смысла норм ГК РФ, НК РФ, ТК ЕАЭС, Закона № 164-ФЗ, КТМ РФ можно сформулировать авторское определение международной морской контейнерной перевозки, в качестве которой необходимо рассматривать перемещение грузов на судах в стандартной форме многооборотной емкости с применением пломбировки, обеспечивающей сохранность и универсальность погрузочно-разгрузочных работ в отношении груза, доставляемого морским транспортом грузов, при котором место отправления и место назначения расположены на территории двух и более государств либо на территории одного государства, если предусмотрена остановка на территории другого государства.

Полагаем, что предлагаемое нами определение международной морской контейнерной перевозки следует включить в КТМ РФ, а также в новые нормативные акты, которые придут на смену морально устаревшим правилам РД 31.10.10-89 и РД 31.11.21.18-96.

Список источников

1. Вериго С. А., Кудряшов А. Б. Северный морской путь как международный транспортный коридор // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 5-1. С. 63–70.

2. Кузнецов С. М. Повышение эффективности управления контейнерными перевозками на морском транспорте России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2011. 25 с.
3. Конвенция ООН о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов – Роттердамские правила (Нью-Йорк, 11 декабря 2008 года). URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 01.03.2025).
4. Grammenos C. Handbook of Maritime Economics & Business. London: Lloyd's of London. 2002. 168 p.
5. Waterborne Transport // Summary of EU legislation. URL: http://europa.eu/legislation_summaries/transport/waterborne_transport (дата обращения: 01.03.2025).
6. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29 мая 2019 года) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года). URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 01.03.2025).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (ред. от 24 июля 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5, ст. 410.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 года № 117-ФЗ (ред. от 30 сентября 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32, ст. 3340.
9. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 года № 81-ФЗ (ред. от 22 июня 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18, ст. 2207.
10. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 164-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50, ст. 4850.
11. Руководящий документ РД 31.11.21.18-96 «Правила перевозки грузов в контейнерах морским транспортом» (утв. приказом Росморфлота от 22 октября 1996 года № 39) (опубликован не был). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.03.2025).
12. Руководящий документ РД 31.10.10-89. Общие правила перевозки грузов морем (утв. Минморфлотом СССР 02.01.90). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200069698> (дата обращения: 01.03.2025).
13. Калиниченко В. А., Сеницын М. Г. Контейнерные перевозки по СМП: проблемы и пути решения // Совершенствование науки в наши дни: междисциплинарные аспекты: материалы XLIV Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 330–332.
14. Киселева Е. В., Широкоград О. А., Егоров Д. К. Определение структуры потенциального контейнеропотока Северного морского пути и параметров линии для обоснования технико-эксплуатационных характеристик транспортного судна // Образование. Транспорт. Инновации. Строительство. Омск, 2022. С. 227–230.
15. Семенова Е. Г. Правовое регулирование морских контейнерных перевозок: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Океанский менеджмент. 2024. № 2 (26). С. 31–35.
16. Виданов К. Ю. Использование электронных пломб для контейнеров в условиях развития Северного морского пути между европейской частью России и Дальним Востоком // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 8. С. 1070–1074.
17. Долина В. М. Проблемы Северного морского пути в рыбной отрасли на современном этапе // Балтийский морской форум: материалы XI Международного Балтийского морского форума: в 8 т. Калининград, 2023. С. 240–246.
18. Лебедева А. С., Будрина Е. В., Роговичене Л. И. К вопросу о развитии Северного морского пути в условиях санкций // Современные проблемы инновационной экономики. 2023. № 10. С. 217–224.
19. Тойменцева И. А., Федоренко Р. В. Перспективы развития транспортно-логистической инфраструктуры Северного морского пути в рамках программы «Один пояс, один путь» // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2023. Т. 2. № 1 (51). С. 140–149.
20. Шамрай Ф. А., Омаров М. М. Обеспечение конкурентоспособности морских перевозок с использованием в глобальной логистике Северного морского транзитного коридора // Известия Международной академии аграрного образования. 2022. № 59. С. 162–167.

References

1. Verigo S. A., Kudryashov A. B. The Northern Sea Route as an International Transport Corridor. *Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2023, vol. 13, no. 5-1, pp. 63–70. (In Russ.).
2. Kuznetsov S. M. Improving the Efficiency of Container Transportation Management in Russian Maritime Transport. Author's abstract... candidate of legal of sciences (Economy). Moscow, 2011. 25 p. (In Russ.).
3. UN Convention on Contracts for the International Carriage of Goods Wholly or Partly by Sea – the Rotterdam Rules (New York, 11 December 2008). URL: www.pravo.gov.ru. (accessed 01.03.2025). (In Russ.).
4. Grammenos C. Handbook of Maritime Economics & Business. London: Lloyd's of London. 2002. 168 p.
5. Waterborne Transport // Summary of EU legislation. URL: http://europa.eu/legislation_summaries/transport/waterborne_transport (accessed 01.03.2025). (In Russ.).
6. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on May 29, 2019) (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated April 11, 2017). URL: www.pravo.gov.ru. (accessed 01.03.2025). (In Russ.).
7. Civil Code of the Russian Federation no. 14-FZ of 26 January 1996 (as amended on 24 July 2024).

Collected Legislation of the RF, 1996, no. 5, art. 410. (In Russ.).

8. Tax Code of the Russian Federation no. 117-FZ of August 5, 2000 (as amended on September 30, 2024). *Collected Legislation of the RF*, 2000, no. 32, art. 3340. (In Russ.).

9. Merchant Shipping Code of the Russian Federation no. 81-FZ of April 30, 1999 (as amended on June 22, 2024). *Collected Legislation of the RF*, 1999, no. 18, art. 2207. (In Russ.).

10. On the Fundamentals of State Regulation of Foreign Trade Activities: federal law of December no. 164-FZ 8, 2003 (as amended on August 8, 2024). *Collected Legislation of the RF*, 2003, no. 50, art. 4850. (In Russ.).

11. Guidance document RD 31.11.21.18-96 "Rules for the carriage of goods in containers by sea" (approved by the order of Rosmorflot no. 39 dated October 22, 1996) (was not published). Access from the SPS "ConsultantPlus". (accessed 01.03.2025). (In Russ.).

12. Guidance document RD 31.10.10-89. General rules for the carriage of goods by sea (approved by the USSR Ministry of Maritime Fleet on 02.01.90). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200069698> (accessed 01.03.2025). (In Russ.).

13. Kalinichenko V. A., Sinitsyn M. G. Container transportation along the NSR: problems and solutions // Improving science these days: interdisciplinary aspects: materials of the XLIV All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, 2022. Pp. 330–332. (In Russ.).

14. Kiseleva E. V., Shirokorad O. A., Egorov D. K. Determining the structure of the potential container flow of the Northern Sea Route and the line parameters to

justify the technical and operational characteristics of the transport vessel in the collection: Education. Transport. Innovations. Construction. Omsk, 2022. Pp. 227–230. (In Russ.).

15. Semenova E. G. Legal regulation of sea container transportation: current state, problems and development prospects. *Ocean management*, 2024, no. 2 (26), pp. 31–35. (In Russ.).

16. Vidanov K. Yu. Use of electronic seals for containers in the context of the development of the Northern Sea Route between the European part of Russia and the Far East. *Issues of sustainable development of society*, 2022, no. 8, pp. 1070–1074. (In Russ.).

17. Dolina V. M. Problems of the Northern Sea Route in the fishing industry at the present stage // Baltic Maritime Forum: Proceedings of the XI International Baltic Maritime Forum. In 8 volumes. Kaliningrad, 2023. Pp. 240–246. (In Russ.).

18. Lebedeva A. S., Budrina E. V., Rogavichene L. I. On the development of the Northern Sea Route in the context of sanctions. *Modern problems of innovative economics*, 2023, no. 10, pp. 217–224. (In Russ.).

19. Toymentseva I. A., Fedorenko R. V. Prospects for the Development of the Transport and Logistics Infrastructure of the Northern Sea Route within the Framework of the One Belt, One Road Program. *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*, 2023, vol. 2, no. 1 (51), pp. 140–149. (In Russ.).

20. Shamrai F. A., Omarov M. M. Ensuring the Competitiveness of Maritime Transport Using the Northern Sea Transit Corridor in Global Logistics. *Bulletin of the International Academy of Agrarian Education*, 2022, no. 59, pp. 162–167. (In Russ.).

Научная статья
УДК 347.44

Правовая квалификация дистрибьюторского договора: анализ зарубежного опыта

Муромцев Антон Ильич

Международный институт информатизации и государственного управления имени П. А. Столыпина, Москва, Россия, anton.muromtsev999@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы правовой квалификации дистрибьюторского договора в российском законодательстве. Проанализированы особенности и различные подходы к регулированию дистрибьюторского договора в зарубежных юрисдикциях. Предложены пути внедрения и применения международных стандартов, способствующие повышению правовой определенности и защите интересов сторон в современных условиях глобализации российского рынка.

Ключевые слова: дистрибьюторский договор, российское право, зарубежный опыт, правовое регулирование, квалификация договора, адаптация законодательства международной практики

Для цитирования: Муромцев А. И. Правовая квалификация дистрибьюторского договора: анализ зарубежного опыта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 265–271.

Original article

Legal qualification of distribution agreements: analysis of foreign experience

Anton I. Muromtsev

International Institute of Informatization and Public Administration named after P. A. Stolypin, Moscow, Russian Federation, anton.muromtsev999@mail.ru

Abstract. In this article, the problems of the legal qualification of distribution agreements in Russian legislation were examined. The features and various approaches to the regulation of distribution agreements in foreign jurisdictions were analyzed, and ways to implement and apply international standards were proposed, contribute to increasing legal certainty and protecting the interests of the parties in the modern conditions of the globalization of the Russian market.

Keywords: distribution agreement, Russian law, foreign experience, legal regulation, qualification of the agreement, adaptation of legislation to international practice

For citation: Muromtsev A. I. Legal qualification of a distribution agreement: analysis of foreign experience. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 265–271. (In Russ.).

© Муромцев А. И., 2025

Несмотря на широкое применение дистрибьюторского договора в российской практике, гражданское законодательство Российской Федерации до сих пор не содержит специальной правовой нормы, регулирующей: определение, условия заключения, изменения, исполнения и расторжения, правовое положение сторон дистрибьюторского договора. Отсутствие ясного правового регулирования дистрибьюторского договора приводит к неправильной интерпретации судом договора и его условий, вызывает споры между сторонами в части их правового статуса, а также неопределенность как для российских, так и для иностранных компаний, работающих на российском рынке.

В зарубежных странах дистрибьюторский договор является ключевым инструментом для обеспечения эффективного распространения товаров и услуг в сфере международной торговли.

В разных странах действуют специфические нормы, касающиеся прав и обязанностей дистрибьюторов, вопросов эксклюзивности, интеллектуальной собственности и ответственности сторон.

В США дистрибьюторский договор регулируются различными федеральными законами, особенно в тех случаях, когда речь идет о межгосударственной торговле. Одним из ключевых федеральных законов, который применяют к регулированию дистрибьюторского договора, является Закон от 3 января 2012 года «О Федеральной торговой комиссии» (*Federal Trade Commission Act*, 15 U.S.C. § 45). Этот закон включает положения, касающиеся недобросовестных условий при заключении и исполнении дистрибьюторского договора, тем самым запрещающая недобросовестную (обманную) и несправедливую практику в торговле [1].

Закон от 14 августа 2008 года «О повышении безопасности потребительских товаров» (*Consumer Protection and Contract Conditions Law*) защищает потребителей дистрибьюторского договора, регулирует условия и порядок продажи, продвижения и распространения продукции в определенной юрисдикции [2].

Дистрибьюторский договор попадает под действие антимонопольного законодательства. Такие антимонопольные законы США, как Антитрестовский закон Шермана от 2 июля 1890 года (*Sherman Act*, 15 U.S.C. § 1) [3] и Закон Клейтона от 22 июня 2004 года (*Clayton Act*, 15 U.S.C. § 12–27), запрещают любые соглашения или действия, которые могут существенно ограничивать конкуренцию [4]. Например, положения

о минимальных ценах, эксклюзивных территориях или ограничении права дистрибьютора продавать продукцию конкурентов могут быть признаны недействующими, если они необоснованные, нарушают антимонопольное законодательство и наносят вред конкуренции. В деле *Leegin Creative Leather Products, Inc. v. PSKS, Inc.* от 28 июня 2007 года № 06-480 (551 U.S. 877) Верховный суд США признал, что соглашения о минимальных розничных ценах не являются по своей природе незаконными, но могут быть признаны таковыми в случае их негативного воздействия на рынок [5]. Например, компания *PHOENIX FOOTWEAR GROUP INC.* (лицензиар) производит обувь и заключает дистрибьюторский договор с компанией *CANADA SHOE (1998) CORP.* (дистрибьютор) на продажу обуви на территории Канады (штат Канзас, США). Согласно договору дистрибьютор обязуется продавать обувь только на территории данного штата и не продавать ее ниже минимальной цены, установленной лицензиаром. Компания *PHOENIX FOOTWEAR GROUP INC.*, в свою очередь, обязуется предоставлять компании *CANADA SHOE (1998) CORP.* информацию об обуви и ее ценах и обеспечивать поставку обуви в соответствии с договором [6].

Дистрибьюторский договор также регулируются на уровне штатов. Многие штаты приняли законы, направленные на защиту дистрибьюторов и дилеров. Например, в штате Висконсин действует Закон от 5 апреля 1974 года «О честных дилерских центрах» (*Wisconsin Fair Dealership Law*, *Wis. Stat.* § 135.01-135.07), который предоставляет дистрибьюторам определенные права, такие как право на уведомление перед расторжением договора и на компенсацию убытков [7].

Штаты устанавливают свои правила относительно добросовестности исполнения дистрибьюторского договора. Например, в соответствии с Единым коммерческим кодексом США от 1 января 1964 года (*Uniform Commercial Code*, *UCC*, § 174), который штаты приняли к своему регулированию, стороны договора обязаны действовать добросовестно при исполнении своих обязательств (*UCC* § 1–304). Согласно условиям дистрибьюторского договора единый торговый кодекс США, также регулирует продажу товаров, (*UCC Article 2: Sales*) [8].

Дистрибьюторский договор в Федеративной Республике Германии играет важную роль в регулировании товарооборота.

В Германии правовое регулирование дистрибьюторского договора закреплено в отдельном

законодательном акте, однако его нормы могут быть выведены из различных правовых институтов, таких как торговое право и антимонопольное законодательство.

Ключевые положения, регулирующие дистрибьюторские отношения, в частности, обязательственные отношения (§§ 305–310 *BGB*), договоры купли-продажи (§§ 433–479 *BGB*) и комиссии (§§ 383–406 *BGB*), закреплены в Гражданском кодексе Германии от 1 июля 1896 года (*Bürgerliches Gesetzbuch, BGB*) [9], а также в Коммерческом кодексе Германии от 10 мая 1897 года (*Handelsgesetzbuch, HGB*) [10].

Наряду с положениями Гражданского кодекса Германии, в Германии действует Закон от 10 мая 1897 года «Об ограничении конкуренции» (*Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen, GWB*), который регулирует вопросы, связанные с недобросовестной конкуренцией и злоупотреблением рыночной властью. Например, при заключении эксклюзивных дистрибьюторских договоров, которые ограничивают свободу дистрибьютора в выборе поставщиков, необходимо учитывать § 19 *GWB*, который запрещает злоупотребление доминирующим положением на рынке [11].

Дистрибьюторский договор регулируется нормами Договора «О функционировании Европейского Союза» от 26 октября 2012 года (*TFEU*, № 12012E/TXT), в частности, статьи 101 и 102 *TFEU*, касающиеся конкуренции. Важно учитывать, что дистрибьюторский договор, накладывающий ограничения на территориальную свободу или вводящий ценовые ограничения, может рассматриваться как антиконкурентный, нарушающий статьи *TFEU* [12].

Правоприменение дистрибьюторского договора также определяют Решения Федерального суда Германии (*BGH*). Например, Федеральный суд Германии установил, что дистрибьютор может претендовать на компенсацию за свою деятельность, даже если договор не был официально расторгнут, но дистрибьютор фактически потерял право продавать продукцию поставщика. Так, в решении по делу *Renault Nissan Deutschland* от 24 июня 2009 года № VIII ZR 150/08, Федеральный суд Германии уточнил соотношение между первичными и вторичными дистрибьюторскими соглашениями в свете короткого периода расторжения, предусмотренного статьей 3(5) (b) Регламента ЕС 1400/2002 г., и подтвердил, что дистрибьютор имеет право требовать эксклюзивности территориальных прав и объема продаж, а также компенсацию, если дистрибьютор доказал, что он

своей деятельностью привлек поставщику новых клиентов и эта клиентская база, созданная в ходе дистрибуции, приносит и продолжает приносить доход поставщику после расторжения договора. Данное положение также применяется, если договор расторгается не по вине дистрибьютора. Это решение послужило основой для защиты интересов дистрибьюторов в немецкой практике [13].

Дистрибьюторский договор в Германии регулируется правом Европейского Союза (*TFEU*). Статьи 101 и 102 права Европейского Союза запрещают антиконкурентные соглашения и злоупотребления доминирующим положением.

Европейская Комиссия выпустила Регламент Комиссии (ЕС) от 20 апреля 2010 года № 330/2010 «О применении статьи 101 (3) Договора о функционировании Европейского Союза к категориям вертикальных соглашений и согласованных практик» [14].

В Федеративной Республике Бразилии дистрибьюторский договор регулируется Законом от 10 января 2002 года № 10.406 (Гражданский кодекс) Бразилии [15] и Законом от 28 ноября 1979 года № 6.729 «О разрешенных сделках с автомобилями между производителями и дистрибьюторами» (Закон *Ferrari*) [16], а также Директивой Совета Европейских Сообществ от 18 декабря 1986 года 86/653/ЕЭС «О координации законов государств-членов, касающихся самозанятых коммерческих агентов» (*TFEU*, № 31986L0653) в отношении вопросов, затрагивающих условия недобросовестной коммерческой практики, деятельность независимых торговых агентов, защиту прав потребителей [17]. Например, между компаниями «*AMPIO PHARMACEUTICALS, INC.*» (поставщик) и компанией «*FBM INDUSTRIA FARMACEUTICA, LTDA.*» (дистрибьютор) заключено эксклюзивное дистрибьюторское соглашение на распространение и реализацию перорально разлагающегося таблетированной формы активного ингредиента *Zertane*, используемого в полевых условиях на территории Анаполис, городского округа Бразилии. Согласно условиям дистрибьюторского договора дистрибьютор обязуется не назначать других дистрибьюторов, не продвигать, рекламировать, распространять и продавать товары конкурентов, на территории Анаполиса городского округа Бразилии на протяжении срока действия договора [18].

По мнению И. В. Задко, «...в таких странах, как: Объединенные Арабские Эмираты, Дания и Бельгия, уже существуют специальные законы, регулирующие дистрибьюторские договоры.

Отдельное нормативное регулирование этих договоров помогает решить проблемы, возникающие в практике их применения, а также позволяет упорядочить терминологию и упростить разрешение споров, связанных с дистрибьюторскими отношениями» [19, с. 27].

В статье Н. В. Власова добавила, что «...законодательство некоторых стран Латинской Америки содержит специальные нормы о дистрибьюторском договоре. К таким странам относятся Бразилия (Гражданский кодекс), Гватемала (Торговый кодекс), Парагвай (Закон «О правовом режиме договоров между зарубежными производителями и компаниями и физическими и юридическими лицами Республики Парагвай»), Пуэрто-Рико (Закон «О дистрибьюторских соглашениях») и Гондурас (Закон «Об отечественных и зарубежных представителях, дистрибьюторах и агентах»)» [20, с. 79].

А. Сосна и И. Арсени подчеркивают, что «...в странах Латинской Америки дистрибьюторские договоры рассматриваются, как отдельные договорные формы с 60-х годов XX века. Например, в Парагвае принят специальный закон, регулирующий такие договоры. В Пуэрто-Рико 24 июня 1964 года был принят Закон «О дистрибьюторских соглашениях», который охватывает все дистрибьюторские договоры на территории страны. В Бразилии Гражданский кодекс содержит специальную главу, посвященную регулированию дистрибьюторских договоров. Кроме того, 27 июля 1961 года в Бельгии был принят закон, касающийся одностороннего расторжения эксклюзивных дистрибьюторских договоров, заключенных на неопределенный срок» [21, с. 160].

Д. Имамова указывает, что «...во многих странах дистрибьюторский договор регулируется специальными правовыми нормами. Например, нормы существуют в таких европейских странах, как: Нидерланды и Франция, а также в странах Латинской Америки. В Бразилии они включены в Гражданский кодекс, в Гватемале — в Торговый кодекс, а в Парагвае, Пуэрто-Рико, Гондурасе и Бельгии — в специальные законы» [22, с. 87].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Изучение зарубежного опыта в регулировании дистрибьюторского договора и внедрение его в российскую правовую систему:

а) способствует совершенствованию российского законодательства, в части решения проблемы правовой квалификации дистрибьюторского договора;

б) имеет теоретическую и практическую значимость для развития национальной правовой системы;

в) усиливает правовую защиту сторон дистрибьюторских отношений;

г) улучшает деловой климат в стране. В условиях глобализации и интернационализации бизнеса российские компании все чаще используют дистрибьюторский договор для расширения своего присутствия на рынках, что, в свою очередь, обеспечивает эффективное распространение товаров и услуг, увеличивает их сбыт, расширяет узнаваемость бренда производителя (поставщика);

д) позволяет снизить барьер для международной торговли, упростить ведение бизнеса, укрепить доверие между компаниями из разных стран, минимизировать риски, обеспечить соблюдение интересов сторон дистрибьюторского договора как на национальных, так и на международных рынках.

2. Специальное правовое регулирование дистрибьюторского договора в США:

а) защищает как дистрибьютора, так и производителя в зависимости от характера сделки и места ее осуществления, торговые марки, патенты, конфиденциальную и коммерческую тайну сторон договора;

б) определяет права и обязанности сторон, включая эксклюзивность, объемы поставок, сроки выполнения обязательств и порядок разрешения споров;

в) минимизирует риски и предотвращает возможные разногласия сторон в будущем;

г) обеспечивает соблюдение всех применимых норм законодательства, соответствие законодательства штатов условиям федерального законодательства, включая законы, регулирующие коммерческую деятельность, антимонопольные нормы и права потребителей.

Таким образом, специальное правовое регулирование дистрибьюторского договора в США является одним из факторов для успешного и безопасного ведения бизнеса, позволяет избежать правовых рисков и обеспечить соблюдение всех норм законодательства.

3. Дистрибьюторский договор в Германии базируется на различных источниках. Основные положения дистрибьюции, регулируются Гражданским кодексом Германии, которые, в частности, закрепляет:

а) механизмы защиты как для поставщиков, так и для дистрибьюторов, обеспечивая справедливые и стабильные деловых отношения;

б) территориальные ограничения и условия эксклюзивности. Это помогает избежать конкуренции и конфликтов между дистрибьюторами одного и того же производителя;

в) ответственность и гарантийные обязательства дистрибьютора перед конечными потребителями;

г) срок действия договора и пролонгацию (условия, при которых дистрибьюторский договор может быть автоматически продлен или расторгнут).

4. Дистрибьюторский договор является одним из наиболее распространенных видов коммерческих договоров в Бразилии. Данный вид договора заключается между производителем или поставщиком товаров и дистрибьютором, который обязуется продавать товары производителя на определенной территории. В Бразилии дистрибьюторский договор регулируется специальным Законом от 10 января 2002 года № 10.406 (Гражданский кодекс) Бразилии. Данный закон является важным инструментом для регулирования отношений между производителями или поставщиками и дистрибьюторами в Бразилии. Закон содержит основные положения, касающиеся дистрибьюторского договора: определение территории, цены и условий оплаты, срок действия договора, прав и обязанностей сторон, обеспечивая эффективное сотрудничество и защиту интересов обеих сторон.

Список источников

1. О Федеральной торговой комиссии: закон от 3 января 2012 года (Federal Trade Commission Act, 15 U.S.C. § 45). URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/USCODE-2023-title15/USCODE-2023-title15-chap2-subchap1-sec45/context> (дата обращения: 02.01.2025).

2. О повышении безопасности потребительских товаров: закон от 14 августа 2008 года (Federal Trade Commission Act, 15 U.S.C. § 4 5). URL: <https://www.cpsc.gov/s3fs-public/cpsia.pdf> (дата обращения: 02.01.2025).

3. Антитрестовский закон Шермана от 2 июля 1890 года (Sherman Antitrust Act). URL: <https://butnowyouknow.net/those-who-fail-to-learn-from-history/sherman-anti-trust-act-and-analysis/> (дата обращения: 03.01.2025).

4. Закон Клейтона от 22 июня 2004 года (Clayton Act, 15 U.S.C. § 12–27). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-3049/pdf/COMPS-3049.pdf> (дата обращения: 04.01.2025).

5. Дело Leegin Creative Leather Products, Inc. v. PSKS, Inc. № 06-480. от 28 июня 2007 года (551 U.S. 877). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/551/06-480/index.pdf> (дата обращения: 04.01.2025).

6. Дистрибьюторское соглашение от 28 декабря 2010 года между компанией «PHOENIX FOOTWEAR GROUP INC.» (лицензиар) и компанией «CANADA SHOE (1998) CORP.» (дистрибьютор) на распространение и продажу обуви в Канаде (штат Канзас, США). URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/26820/000119312511001209/dex101.htm> (дата обращения: 04.01.2025).

7. О честных дилерских центрах: закон от 5 апреля 1974 года (Wisconsin Fair Dealership Law, Wis. Stat. § 135.01-135.07). URL: https://www.housingalliance.us/wp-content/uploads/Wisconsin_Fair_Dealership_Act-private.pdf (дата обращения: 05.01.2025).

8. Единый коммерческий кодекс США от 1 января 1964 года (Uniform Commercial Code, UCC). URL: <https://www.michigan.gov/-/media/Project/Websites/sos/01lawensn/entireuccbook.pdf?rev=3ee2675b795240d3b65f8d92a4ce2969> (дата обращения: 05.01.2025).

9. Гражданский кодекс Германии от 1 июля 1896 года (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/ (дата обращения: 06.01.2025).

10. Коммерческий кодекс Германии от 10 мая 1897 года (Handelsgesetzbuch, HGB). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_hgb/ (дата обращения: 06.01.2025).

11. Об ограничении конкуренции: закон от 10 мая 1897 года (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen, GWB). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/hgb/BJNR002190897.html> (дата обращения: 06.01.2025).

12. О функционировании Европейского Союза: договор 26 октября 2012 года (TFEU, № 12012E/TXT). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:12012E/TXT> (дата обращения: 07.01.2025).

13. Решение Федерального суда Германии по делу Renault Nissan Deutschland от 24 июня 2009 года № VIII ZR 150/08. URL: <https://www.concurrences.com/en/bulletin/news-issues/june-2009/The-German-Federal-Court-of-32010> (дата обращения: 07.01.2025).

14. Регламент Комиссии (ЕС) от 20 апреля 2010 года № 330/2010 о применении статьи 101 (3) Договора о функционировании Европейского Союза к категориям вертикальных соглашений и согласованных практик. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32010R0330> (дата обращения: 07.01.2025).

15. Закон от 10 января 2002 года № 10.406 (Гражданский кодекс) Бразилии. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/9615> (дата обращения: 08.01.2025).

16. О разрешенных сделках с автомобилями между производителями и дистрибьюторами: закон от 28 ноября 1979 года № 6.729 (Закон Ferrari). URL: https://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/////LEIS/L6729.htm (дата обращения: 08.01.2025).

17. О координации законов государств-членов, касающихся самозанятых коммерческих агентов: ди-

ректива Совета 86/653/ЕЭС от 18 декабря 1986 года (TFEU, № 31986L0653). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31986L0653> (дата обращения: 08.01.2025).

18. Дистрибьюторское соглашение от 1 мая 2012 года между компанией «AMPIO PHARMACEUTICALS, INC.» (поставщик) и компанией «FBM INDUSTRIA FARMACEUTICA, LTDA.» (дистрибьютор) на распространение и реализацию перорально разлагающегося таблетированной формы активного ингредиента «Zertane», используемый в полевых условиях на территории Анаполис, г. о. Бразилии. URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1385818/000119312515216481/d935226dex107.htm> (дата обращения: 08.01.2025).

19. Задко И. В. Дистрибьюторский договор: основная характеристика, проблемы правового регулирования, международные и национальные аспекты // Коломна. 2012. № 2. С. 25–28 (дата обращения: 11.01.2025).

20. Власова Н. В. Трансграничный дистрибьюторский договор в национальном законодательстве и международной коммерческой практике // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 3. С. 78–89 (дата обращения: 13.01.2025).

21. Сосна А., Арсени И. Дистрибьюторский договор в праве зарубежных стран. 2017. № 1. С. 159–165 (дата обращения: 15.01.2025).

22. Имамова Д. Проблемы правового регулирования международного дистрибьюторского договора // Вестник юридических наук – Review of law sciences. 2018. № 3. С. 85–91 (дата обращения: 17.01.2025).

References

1. Federal Trade Commission Act of January 3, 2012 (15 U.S.C. § 45). URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/USCODE-2023-title15/USCODE-2023-title15-chap2-subchap1-sec45/context> (accessed 02.01.2025). (In Russ.).

2. Consumer Product Safety Improvement Act of August 14, 2008 (Federal Trade Commission Act, 15 U.S.C. § 45). URL: <https://www.cpsc.gov/s3fs-public/cpsia.pdf> (accessed 02.01.2025). (In Russ.).

3. Sherman Antitrust Act of July 2, 1890. URL: <https://butnowyouknow.net/those-who-fail-to-learn-from-history/sherman-anti-trust-act-and-analysis/> (accessed 03.01.2025). (In Russ.).

4. Clayton Act of June 22, 2004 (15 U.S.C. § 12–27). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-3049/pdf/COMPS-3049.pdf> (accessed 04.01.2025). (In Russ.).

5. Leegin Creative Leather Products, Inc. v. PSKS, Inc. no. 06-480. June 28, 2007 (551 U.S. 877). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/551/06-480/index.pdf> (accessed 04.01.2025). (In Russ.).

6. Distribution Agreement of December 28, 2010 between PHOENIX FOOTWEAR GROUP

INC. (Licensor) and CANADA SHOE (1998) CORP. (Distributor) for the distribution and sale of footwear in Canada (Kansas, USA). URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/26820/000119312511001209/dex101.htm> (accessed 04.01.2025). (In Russ.).

7. Wisconsin Fair Dealership Law of April 5, 1974 (Wis. Stat. § 135.01-135.07). URL: https://www.housingalliance.us/wp-content/uploads/Wisconsin_Fair_Dealership_Act-private.pdf (accessed 05.01.2025). (In Russ.).

8. Uniform Commercial Code of January 1, 1964 (UCC). URL: <https://www.michigan.gov/-/media/Project/Websites/sos/01lawensn/entireuccbook.pdf?rev=3ee2675b795240d3b65f8d92a4ce2969> (accessed 05.01.2025). (In Russ.).

9. Civil Code of Germany of July 1, 1896 (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/ (accessed 06.01.2025). (In Russ.).

10. Commercial Code of Germany of May 10, 1897 (Handelsgesetzbuch, HGB). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_hgb/ (accessed 06.01.2025). (In Russ.).

11. Law on the Restriction of Competition of May 10, 1897 (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen, GWB). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/hgb/BJNR002190897.html> (accessed 06.01.2025). (In Russ.).

12. Treaty on the Functioning of the European Union October 26, 2012 (TFEU, No. 12012E/TXT). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:12012E/TXT> (accessed 07.01.2025). (In Russ.).

13. Decision of the Federal Court of Germany in the case Renault Nissan Deutschland, no. VIII ZR 150/08, of June 24, 2009. URL: <https://www.concurrences.com/en/bulletin/news-issues/june-2009/The-German-Federal-Court-of-32010> (accessed 07.01.2025). (In Russ.).

14. Commission Regulation (EU) no. 330/2010 of April 20, 2010 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32010R0330> (accessed 07.01.2025). (In Russ.).

15. Law no. 10,406 of January 10, 2002 (Civil Code) of Brazil. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/9615> (accessed 08.01.2025). (In Russ.).

16. On Permitted Transactions with Automobiles between Manufacturers and Distributors: law no. 6,729 of November 28, 1979 (Ferrari Law). URL: https://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/LEIS/L6729.htm (accessed 08.01.2025). (In Russ.).

17. On the Coordination of the Laws of Member States Relating to Self-Employed Commercial Agents: council directive 86/653/EEC of December 18, 1986 (TFEU, No. 31986L0653). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31986L0653> (accessed 08.01.2025). (In Russ.).

18. Distribution Agreement of May 1, 2012 between AMPIO PHARMACEUTICALS, INC. (Supplier) and FBM INDUSTRIA FARMACEUTICA, LTDA. (Distributor) for the distribution and sale of the orally disintegrating tablet form of the active ingredient "Zertane", used in field conditions in Anápolis, Brazil. URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1385818/000119312515216481/d935226dex107.htm> (accessed 08.01.2025). (In Russ.).

19. Zadko I. V. Distribution Agreement: Main Characteristics, Issues of Legal Regulation, International and National Aspects. *Kolomna*, 2012, no. 2, pp. 25–28 (accessed 11.01.2025). (In Russ.).

20. Vlasova N. V. Cross-Border Distribution Agreements in National Legislation and International Commercial Practice. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 78–89 (accessed 13.01.2025). (In Russ.).

21. Sosna A., Arseniy I. Distribution Agreements in the Law of Foreign Countries. 2017. No. 1. Pp. 159–165 (accessed 15.01.2025). (In Russ.).

22. Imamova D. Issues of Legal Regulation of International Distribution Agreements. *Review of Law Sciences*, 2018, no. 3, pp. 85–91 (accessed 17.01.2025). (In Russ.).

Научная статья
УДК 341.4:343

Правовая природа и охват международного обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*)

Сливинская Надежда Юрьевна

Московский государственный институт (университет) международных отношений при Министерстве иностранных дел, Москва, Россия, kathrineelizabeth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-5003>

Аннотация. Международное обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование, выраженное латинской максимой *aut dedere aut judicare*, представляет из себя альтернативное обязательство, механизм реализации которого направлен на обеспечение неотвратимости наказания. Обязательство включено в положения большинства международных договоров глобального и регионального уровней и является одним из ключевых инструментов для обеспечения и поддержания должного уровня сотрудничества между государствами в борьбе с разными видами преступлений. Доктринально приняты две точки зрения: с одной стороны, *aut dedere aut judicare* является обязательством по международному обычному праву; с другой — *aut dedere aut judicare* носит характер договорного обязательства. В статье проанализированы доклады и представлены основные выводы рабочей группы Комиссии по международному праву ООН, осуществляющей анализ правовой природы обязательства; освещены позиции делегаций государств по заявленной проблематике. Особое внимание уделено дилемме отличия понятия универсальной юрисдикции от понятий универсальности пресечения и квазиуниверсальности пресечения по отношению к действию механизма обязательства *aut dedere aut judicare*.

Ключевые слова: *aut dedere aut judicare*, Комиссия международного права ООН, «или выдай, или суди», универсальная юрисдикция, квазиуниверсальная юрисдикция, международные преступления.

Для цитирования: Сливинская Н. Ю. Правовая природа и охват международного обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 272–278.

Original article

The legal nature and the scope of the international obligation to extradite or prosecute (*aut dedere aut judicare*)

Nadezhda U. Slivinskaya

Moscow State Institute (University) of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation, kathrineelizabeth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-5003>

Abstract. The international obligation to extradite or prosecute (lat. *aut dedere aut judicare*) is an alternative obligation to combat crimes and ensure the inevitability of punishment. Most of global and regional treaties provide for

© Сливинская Н. Ю., 2025

the international obligation and that is one the key legal instrument to maintain the international cooperation between States to combat different types of crimes. The obligation to extradite or prosecute has a complex ambivalent structure and theoretically, there are two point of view to prove that thesis: on the on hand, aut dedere aut judicare is an obligation under customary international law; on the other hand, aut dedere aut judicare is a contractual obligation. The article provide for basic assumptions of the UN International Law Commission and working groups reports that explicit the legal nature of the obligation and highlight the State delegations positions on the stated issues. Accurate attention is paid to the dilemma of the difference between the concept of universal jurisdiction, concept of universal prosecution and quasi-universal prosecution to the mechanism of aut dedere aut judicare.

Keywords: aut dedere aut judicare, UN International Law Commission, «extradite or prosecute», universal jurisdiction, quasi-universal jurisdiction, international crimes

For citation: Slivinskaya N. U. The legal nature and the scope of the international obligation to extradite or prosecute (aut dedere aut judicare). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 272–278. (In Russ.).

Одной из главных целей Организации объединенных наций (далее — ООН) является обеспечение мира и глобального порядка. По мере развития международных отношений и на фоне устойчивой глобализации по всему миру усугубилась криминогенная обстановка, а на смену традиционным формам организованной преступности пришли более доступные и гибкие способы совершения противоправных деяний. Соответствующие факторы послужили катализатором к совершенствованию действующих и разработке новых, ориентированных на современные реалии, механизмов международного сотрудничества [1]. С развитием международного договорного права возникло осознание целесообразности включения в положения международных договоров инструментов, позволяющих государствам своевременно осуществлять взаимодействие в разных направлениях сотрудничества. Одним из таких ключевых инструментов является обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование (лат. *aut dedere aut judicare*). По причине того, что международное обязательство обладает комплексной и сложной структурой, для унификации и гармонизации подхода государств к его имплементации в положения национального законодательства и должного исполнения еще в 2004 году Комиссия по международному праву ООН (далее — КМП ООН) включила в долгосрочную программу работы «обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*)», и уже к концу того же года был представлен подробный подход к исследованию заявленной проблематики обязательства [2]. Так, специальный докладчик З. Галицкий привлек внимание КМП ООН и представителей глав государств, участвующих в работе над обязательством, к вопросам, имеющим отношение

к правовой основе, охвату, содержанию и условиям возникновения обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование. Главная дилемма, которую предстояло решить КМП ООН, заключалась в бинарности правовой природы обязательства: ограничивается ли реализация его механизма действия исключительно положениями международных договоров, налагающими на государства обязательство по выдаче или осуществлению судебного преследования, или в основу обязательства заложены общие принципы или обычные нормы международного права [3]. Следует сразу заметить, что даже с опорой на авторитетное мнение ученых в области исследования международного права КМП ООН не удалось достичь консенсуса в отношении заявленной проблематики, поскольку сформировалась устойчивая концепция восприятия *aut dedere aut judicare* как обязательства, в основу которого заложены не только положения международных договоров, но и нормы обычного права в отношении отдельных категорий преступлений [4].

Интересным представляется мнение Э. Брауна, который пришел к выводу о том, что, если государство подписало и ратифицировало международный договор, положения которого устанавливают обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование, то государство на практике доказывает, что обязательство *aut dedere aut judicare* признается нормой международного обычного права, поскольку оно является эффективным способом предотвращения определенных форм преступности, тем самым государства, принимая обязательства по международному договору и имплементируя его положения в национальное законодательство, выражают свое *opinio juris* [5]. КМП ООН со ссылкой на мнение таких ученых, как Л. Садат,

Ш. Бассиуни, К. Эделенбос, поддержала данный тезис, развивая его следующим образом: в основу обязательства в части *aut judicare* в отношении преступлений против человечности заложено обязательство в рамках международного обычного права, а судебная практика государств, доклады Генерального Секретаря ООН, доклады Генеральной Ассамблеи ООН (далее — ГА ООН) позволяют прийти к выводу о формировании подобной нормы [6]. В качестве примера, подтверждающего данный тезис, представляется возможным упомянуть Декларацию о территориальном убежище от 14 декабря 1967 года, принятую на основании Резолюции ГА ООН 2312, которая впервые установила обычно-правовое обязательство осуществлять судебное преследование лиц, совершивших преступления против человечности [7].

Предположение о том, что обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование является обязательством по международному обычному праву при рассмотрении его в контексте тяжких международных преступлений высказали делегации из Мексики, Венгрии, Кубы и других государств. Среди тяжких преступлений, помимо военных преступлений и преступлений против человечности, особое внимание было уделено следующим составам преступлений: геноцид, пиратство, работорговля, коррупция, терроризм и апартеид. Противоположной точки зрения придерживались делегации из Германии, Республики Корея, США, Израиля и Великобритании, обосновывая свою позицию тезисом о том, что из обычно-правовых норм, запрещающих тяжкие международные преступления, невозможно вывести обычно-правовой характер обязательства, поскольку так или иначе *aut dedere aut judicare* носит ограниченный характер и применяется к конкретным составам преступлений — преступлениям международного характера, чью правовую природу не представляется возможным сопоставить с международными преступлениями, представляющими угрозу всему мировому сообществу [8].

С учетом отсутствия единой позиции государств в отношении правовой природы обязательства «или выдай, или суди» КМП ООН в процессе работы решила руководствоваться трудами Ш. Бассиуни, который предлагал использовать широкий и узкий подходы при исследовании обычно-правовой природы обязательства. Профессор утверждал, что, с одной стороны, обязательство может обладать обычной правовой природой в отношении конкретного состава преступления в рамках профильного

договора; с другой — являясь обычным международным обязательством, оно может быть применимо к целому ряду международных преступлений без опоры на договорные положения, однако в таком случае будет порождать больше последствий [9]. Такая точка зрения объясняется тем, что обязательство, обладая обычно-правовой природой, если оно закреплено в положениях международного договора, будет иметь обязательную юридическую силу даже для государств, которые его не ратифицировали. Следовательно, придерживаясь подхода о том, что обязательство не носит исключительно договорной характер, можно утверждать, что оно создает эффективный механизм по надзору за его соблюдением [10]. В подтверждении тезиса о том, что обязательство *aut dedere aut judicare* носит характер нормы международного обычного права, Ш. Бассиуни привел ряд аргументов. Во-первых, профессор сделал упор на ретроспективу обязательства, отметив, что ранее оно не было ограничено по кругу преступлений, что соответствовало концепции *civitas maxima*. Во-вторых, сама формулировка латинской максимы уже несет альтернативу, где «выдавать» является несовершенным обязательством по отношению к обязательству «осуществлять судебное преследование». В-третьих, обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование установлено в положениях большинства международных договоров, которые охватывают широкий круг преступлений, как международных, так и международного характера, однако приоритет обязательства в части «осуществлять судебное преследование» в договорах, направленных на борьбу с международными преступлениями, указывает на его особый статус, а также на то, что обязательство может быть принято в качестве позитивной нормы общего права. В-четвертых, действие обязательства направлено на пресечение безнаказанности за тяжкие преступления по международному праву, которые нарушают императивные нормы *jus cogens* и обязательство *erga omnes*, а, следовательно, обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование на практике может быть признано обязательством по международному обычному праву [10].

При рассмотрении действия механизма обязательства *aut dedere aut judicare* КМП ООН уделила особое внимание вопросу об отличии универсальной юрисдикции и универсальности пресечения от квазиуниверсальной юрисдикции. Исследование в этой области КМП ООН

начала с обязанности государств обеспечить борьбу с безнаказанностью как основного источника *sui generis* международного обязательства. Борьба с безнаказанностью опирается на действующую обязанность государств осуществлять всестороннее сотрудничество. Например, в статье 1 Устава ООН [11] указана цель обеспечить международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, культурного, социального и гуманитарного характера, а также в поощрении и развитии уважения к основным правам и свободам человека. Аналогичную цель можно встретить в Декларации о принципах международного права [12], касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, которая призывает государства осуществлять сотрудничество в различных областях международных отношений для поддержания мира и стабильности. Однако ни один из перечисленных правовых инструментов не содержит обязывающих норм.

С развитием международного права договоров обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование было включено в подавляющее число международных договоров, направленных на борьбу с отдельными видами преступлений. В каждом из договоров установлен разный приоритет применения одной из частей обязательства. Более того, отличаются формы закрепления обязательства в текстах международных договоров. Наиболее универсальная форма закрепления обязательства — Гагская формула, которая, в свою очередь, делится на два альтернативных варианта: а) обязательство в части *aut judicare* реализуется тогда, когда государство приняло решение осуществлять экстерриториальную юрисдикцию; б) обязательство в части *aut judicare* возникает при отсутствии удовлетворения запроса о выдаче [13].

Особую важность обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование подчеркивает его сочетание с принципом универсальности пресечения, благодаря которому у лица, совершившего преступление, отсутствует возможность избежать ответственности. Однако понятие универсальности пресечения неэквивалентно понятию универсальной юрисдикции.

КМП ООН описывает универсальную юрисдикцию как способ любого государства проводить расследование и осуществлять судебное преследование в отношении преступлений, которые были совершены за

пределами территориальных границ государства, даже если такие преступления не причинили никакого ущерба ни государству, ни безопасности и его национальным интересам, ни его гражданам [14]. В рамках 48 сессии Комиссия, рассматривая вопрос установления универсальности пресечения в статье 9 Проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, пришла к выводу о том, что универсальная юрисдикция в ее прямом правовом значении применима к ограниченному кругу международных преступлений, однако на эти же преступления одновременно распространяется и обязательство *aut dedere aut judicare* с приоритетом в части *aut judicare*. Следовательно, два правовых явления не заменяют, а дополняют друг друга, обеспечивая должный механизм для контроля за соблюдением международных обязательств. В то же время универсальность пресечения не ограничена по кругу преступлений — она распространяет свое действие на конвенционные составы преступлений и на общеуголовные преступления. Другими словами, там, где не действует универсальная юрисдикция, возникает квазиуниверсальная юрисдикция и начинают действовать другие механизмы, которые обеспечивают неотвратимость наказания, среди которых также можно выделить обязательство *aut dedere aut judicare*.

В контексте рассматриваемой проблематики целесообразно также отметить позицию международной неправительственной организации Международная амнистия (анг. *Amnesty International*). В юридическом меморандуме, посвященном анализу правовой природы обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование [14], Организация отметила, что между обязательством и принципом универсальной юрисдикции присутствует тесная связь, однако концептуально это абсолютно две разные нормы международного права. Универсальная юрисдикция является диспозитивной нормой, которая отражена в положениях международных договоров, положениях национального законодательства и судебной практике государств, однако в то же время она является неотъемлемой частью международного обычного права. Несмотря на то, что доктринально принято, что универсальная юрисдикция применима исключительно к международным преступлениям, на практике государства распространяют универсальную юрисдикцию и на другие категории преступлений, в частности, на преступления международного характера и на общеуголовные преступления в том числе.

Однако подобный шаг следует расценивать как желание государств обеспечить всесторонний подход к соблюдению принципа неотвратимости наказания за большее число составов преступлений. Прямая задача универсальной юрисдикции заключена в обеспечении борьбы с безнаказанностью за тяжкие преступления по международному, следовательно, в данном случае возникает понятие квазиуниверсальности привлечения.

В рамках 63 сессии ГА ООН некоторые делегации отметили, что практика включения в положения международных договоров обязательства «или выдай, или суди» ставит вопрос об унификации некоторых аспектов его действия. В частности, была проведена аналогия между национальной юрисдикцией государств и обязательством, поскольку международные договоры, устанавливающие универсальную юрисдикцию, определяют круг преступлений и обязывают государств, которые приняли на себя обязательства по договору, осуществлять расследование и судебное преследование, либо выдавать лиц [15]. Следовательно, государства, подписавшие и ратифицировавшие положения международного договора, обязаны соблюдать обязательство *aut dedere aut judicare*.

Интересным представляется то, что на доктринальном уровне отсутствует единый подход ученых к интерпретации правовой природы универсальной юрисдикции.

Первая группа ученых построила свою концепцию на последовательном применении принципа универсальности на основании международного правового обычая. Например, некоторые исследователи посчитали, что в отношении пиратства может применяться универсальная юрисдикция. А. Н. Лавлинская отметила тот факт, что в отношении пиратства универсальная юрисдикция осуществляется на протяжении многих веков, однако лишь сравнительно небольшое число уголовных процессов было возбуждено на основании принципа универсальности. Правоприменительная практика показывает, что государства запрещали национальным судам отправлять правосудие в отношении пиратства на основании принципа универсальности, в результате чего каждый отдельный процесс мог быть инициирован на основании юрисдикции национальных судов [16].

Вторая группа ученых предположила, что действие универсальной юрисдикции зависит от круга преступлений, которые нарушают императивные нормы *jus cogens* и обязательство *erga omnes*. К таким преступлениям ученые,

помимо преступлений против человечности и военных преступлений, отнесли незаконный захват воздушных судов, апартеид, насильственное исчезновение лиц и некоторые другие преступления, которые ныне признаются как преступления международного характера [17].

Третья группа ученых связала применение принципа универсальной юрисдикции с альтернативным обязательством или выдавать, или осуществлять судебное преследование, однако не провела различие универсальностью и квазиуниверсальностью. Так, Э. Кобрик заметил, что характерные различия между разными категориями международных преступлений не всегда могут быть четко определены, что безусловно ставит под вопрос осуществление универсальной юрисдикции в ее исходном правовом предназначении [18].

Наиболее распространенная точка зрения заключается в следующем: 1) если обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование рассматривается как норма обычного международного права, то а) оно применимо к международным преступлениям; б) установлено в положениях международных договоров, направленных на борьбу с международными преступлениями; в) гарантией соблюдения обязательства служит обязательство *erga omnes*, в силу наличия нарушения императивных норм международного права (*jus cogens*); г) обязательство пересекается с принципом универсальной юрисдикции, но носит характер квазиуниверсальности пресечения; 2) если обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование рассматривается как договорное, то а) оно применимо к преступлениям международного характера (реже к общеуголовным преступлениям); б) установлено в положениях международных договоров, направленных на борьбу с отдельными видами преступлений; в) гарантией соблюдения обязательства служит принцип *pacta sunt servanda*; г) обязательство носит характер квазиуниверсальности пресечения (квазиуниверсальная юрисдикция) [19].

Таким образом, обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование представляет из себя альтернативное международное обязательство, которое, с одной стороны, является обязательством по международному обычному праву, применяется в отношении международных преступлений и пересекается с универсальной юрисдикцией, но имеет статус квазиуниверсальности с преимуществом в части осуществления судебного преследования;

с другой — является договорным обязательством, носит юридически обязывающий характер только для государств, которые ратифицировали положения международного договора, применяется к широкому кругу преступлений, отличается квазиуниверсальным принципом юрисдикции.

Список источников

1. УНП ООН и организованная преступность. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/organized-crime/index.html> (дата обращения: 17.02.2025).

2. Обзор многосторонних конвенций, которые могут иметь значение для работы Комиссии международного права над темой «Обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование (aut dedere aut judicare)» A/CN.4/630 от 18 июня 2010 года. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_630.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

3. Обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование (aut dedere aut judicare) A/CN.4/571. 2006. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp11.pdf> (дата обращения: 17.02.2025).

4. Bassiouni Ch., Wise E. Aut dedere aut judicare // Dordrecht: Martinus Nijhoff. 1995. P. 340.

5. Enache-Brown C., Fried A. Universal Crime, Jurisdiction and Duty: the obligation of aut dedere aut judicare in International Law // McGill Law Journal. 1998. Pp. 628–629. URL: <https://canlii.ca/t/2bfp> (дата обращения: 17.02.2025).

6. Christianti D. W. Why we need Erga Omnes character for obligation to combat impunity for international Crimes? // PJH. 2017. URL: <https://doi.org/10.22304/pjih.v4n2.a8> (дата обращения: 17.02.2025).

7. Декларация о территориальном убежище от 14 декабря 1967 года, принятая резолюцией 2312 Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/territorial_asylum.shtml (дата обращения: 17.02.2025).

8. Fourth report on the obligation to extradite or prosecute (aut dedere aut judicare) by Mr. Zdzislaw Galicki, Special Reporter A/CN.4/648 30.05.2011. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/648> (дата обращения: 17.02.2025).

9. Boven v. T. Human Rights and Humanitarian Norms as Customary Law // Cambridge University Press. 1991. Vol. 85. Pp. 212–214.

10. Weil P. Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law. 1983. Pp. 413–442.

11. Устав ООН от 26 июня 1945 года. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 17.02.2025).

12. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и со-

трудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи 2625 от 24 октября 1970 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 17.02.2025).

13. Plachta M. Aut dedere aut judicare: An overview of models of Implementation and Approaches // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 1999. No. 6. Pp. 331–365.

14. ILC The obligation to extradite to prosecute (aut dedere aut judicare). 2009. URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/48000/ior400012009en.pdf> (дата обращения: 17.02.2025).

15. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят седьмой сессии. 2005 год. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/208/23/PDF/N0620823.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.06.2024).

16. Лавлинская А. Н. Универсальная юрисдикция и принцип aut dedere aut judicare в международной борьбе с морским пиратством // Евразийский юридический журнал. 2011. С. 46–50.

17. Каюмова А. П. Уголовная юрисдикция государств в международном праве // Российский юридический журнал. 2004 (1). С. 58–67.

18. Kobrick E. S. The Ex Post Facto Prohibition and the Exercise of Universal Jurisdiction over International Crimes // Columbia Law Review. Vol. 87 (7). 1987. P. 1524.

19. The obligation to extradite or prosecute (aut dedere aut judicare): Final Report of the International Law Commission 2014. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/reports/7_6_2014.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

References

1. Office on Drugs and Crime and Organized crime. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/organized-crime/index.html> (accessed 17.02.2025). (In Russ.).

2. Survey of multilateral instruments which may be of relevance for the work of the International Commission on the topic “The obligation to extradite or prosecute” (aut dedere aut judicare) A/ CN. 4/ 630 June 18, 2010. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_630.pdf (accessed 17.02.2025). (In Russ.).

3. Obligation to extradite or prosecute (aut dedere aut judicare) A/CN.4/571. 2006. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp11.pdf> (accessed 17.02.2025). (In Russ.).

4. Bassiouni Ch., Wise E. Aut dedere aut judicare. Dordrecht: Martinus Nijhoff. 1995. P. 340.

5. Enache-Brown C., Fried A. Universal Crime, Jurisdiction and Duty: the obligation of aut dedere aut judicare in International Law. *McGill Law Journal*, 1998, pp. 628–629. URL: <https://canlii.ca/t/2bfp> (accessed 17.02.2025).

6. Christianti D. W. Why we need Erga Omnes character for obligation to combat impunity for international

Crimes? PJHI. 2017. URL: <https://doi.org/10.22304/pjih.v4n2.a8> (accessed 17.02.2025).

7. Declaration on Territorial Asylum adopted by General Assembly Resolution 2312 14 December 1967. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/territorial_asylum.shtml (accessed 17.02.2025). (In Russ.).

8. Fourth report on the obligation to extradite or prosecute (aut dedere aut judicare) by Mr. Zdzislaw Galicki, Special Reporter A/CN.4/648 30.05.2011. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/648> (accessed 17.02.2025).

9. Boven V. T. Human Rights and Humanitarian Norms as Customary Law. *Cambridge University Press*, 1991, vol. 85, pp. 212–214.

10. Weil P. Towards Relative Normativity in International Law? *American Journal of International Law*, 1983, pp. 413–442.

11. United Nations Organization Charter June 26, 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (accessed 17.02.2025). (In Russ.).

12. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations adopted by General Assembly Resolution 2625 October 24, 1970. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (accessed 17.02.2025). (In Russ.).

13. Plachta M. Aut dedere aut judicare: An overview of models of Implementation and Approaches. *Maas-tricht Journal of European and Comparative Law*, 1999, no. 6, pp. 331–365.

14. ILC The obligation to extradite to prosecute (aut dedere aut judicare). 2009. URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/48000/ior400012009en.pdf> (accessed 17.02.2025).

15. Report of the International Law Commission on the work of its fifty-seventh session January 13, 2006. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/208/23/PDF/N0620823.pdf?OpenElement> (accessed 17.02.2025). (In Russ.).

16. Lavlinskaya A. R. Universal jurisdiction and the “aut dedere aut judicare” obligation to combat maritime piracy. *Eurasian Law Journal*, 2011, pp. 46–50.

17. Kayumova A. R. Criminal jurisdiction of states in international law. *Russian Law Journal*, 2004, no. 1, pp. 58–67. (In Russ.).

18. Kobrick E. S. The Ex Post Facto Prohibition and the Exercise of Universal Jurisdiction over International Crimes. *Columbia Law Review*, vol. 87, no. 7, 1987. P. 1524.

19. The obligation to extradite or prosecute (aut dedere aut judicare): Final Report of the International Law Commission 2014. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/reports/7_6_2014.pdf (accessed 17.02.2025).

Научная статья
УДК 340

Ответственность за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни, как предмет сравнительного уголовного правопедения

Фарида Саиджафар Файзализода

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ffarida98@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируется значимость межгосударственного взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан по совместному решению проблем противодействия преступности, в том числе общеуголовной, связанной со склонением к деятельности, представляющей опасность для жизни. Обращается внимание на то, что сотрудничество двух дружественных стран должно осуществляться по линии научного обеспечения вопросов совершенствования национальных уголовных законодательств, однако для этого необходимо принять во внимание значимые методологические положения, связанные с корректностью сравнения уголовно-правовых систем двух упомянутых государств. Сделан вывод о том, что уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан имеет общность историко-политического развития и обладает множеством схожих черт.

Ключевые слова: уголовная ответственность, склонение, деятельность, представляющая опасность для жизни, сравнительное правопедение, правовая семья, правовая система, принципы сравнения, Российская Федерация, Республика Таджикистан

Для цитирования: Файзализода Ф. С. Ответственность за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни, как предмет сравнительного уголовного правопедения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 279–285.

Original article

Responsibility for inducing activities that pose a danger to life as a subject of comparative criminal law

Farida S. Faizalizoda

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ffarida98@mail.ru

Abstract. The presented article highlights the importance of interstate cooperation between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in jointly solving the problems of combating crime, including ordinary crime related to inducement to activities that pose a danger to life. Attention is drawn to the fact that cooperation between the two friendly countries should also be carried out in the field of scientific support for the improvement of national criminal legislation, but for this it is necessary to take into account significant methodological provisions related to the correctness of comparing the criminal law systems of the two mentioned states. It is concluded that the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan has a common historical and political development and has many similar features.

© Файзализода Ф. С., 2025

Keywords: criminal liability, declension, life-threatening activities, comparative jurisprudence, legal family, legal system, principles of comparison, Russian Federation, Republic of Tajikistan

For citation: Fayzalizoda F. S. Responsibility for inducing activities that pose a danger to life as a subject of comparative criminal law. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no 2 (70), pp. 279–285. (In Russ.).

В последние десятилетия сотрудничеству Российской Федерации с Республикой Таджикистан в вопросах противодействия преступности уделяется особое внимание как в рамках деятельности региональных международных организаций (Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности), так и в рамках двустороннего взаимодействия.

Помимо проблем противодействия транснациональным угрозам (терроризму, экстремизму, наркотизму), все более актуальным становится вопрос об унификации государственных механизмов обеспечения внутренней безопасности в условиях повсеместного насаждения неолиберальных ценностей и организации цветных революций западными режимами. В частности, на встрече представителей МВД России и Таджикистана в сентябре 2024 года активно обсуждались проблемы совместного противодействия общеуголовным преступлениям [1]. К числу последних относятся и общественно опасные посягательства, связанные со склонением к деятельности, представляющей опасность для жизни. Их количество в общем объеме преступности не столь велико, однако они имеют значительный деструктивный потенциал, который может быть реализован против социально незащищенных слоев населения. По этой причине законодатели Российской Федерации и Республики Таджикистан закономерно предусмотрели за упомянутые посягательства уголовную ответственность. Несмотря на это, устанавливающие ее уголовно-правовые нормы не отличаются совершенством и юридико-технической проработанностью и заслуживают своего исследовательского внимания.

Представители юридического научного сообщества Российской Федерации и Республики Таджикистан, не умаляя исследовательских национальных приоритетов, нуждаются во взаимном обмене идеями в целях выработки непротиворечивой идеологии и практики противодействия преступности, в том числе средствами уголовного закона. Этого возможно достигнуть за счет проведения сравнительно-правовых исследований законодательства, судебной практики и доктрины

Российской Федерации и Республики Таджикистан. Особенно это касается отраслей права, регулирующих наиболее значимые общественные отношения, к числу которых, несомненно, относится и уголовное право. Среди актуальных проблем важное место занимает и проблема повышения эффективности уголовного законодательства в сфере охраны личности, в том числе от склонения к деятельности, представляющей опасность для жизни.

Исследование формы и содержания работ, посвященных сравнительно-правовому исследованию уголовного права России и Таджикистана, показало, что в них практически не уделяется внимание разъяснению авторской позиции относительно понимания сущности и задач такого исследования, в основе которого лежит конкретный юридический метод (компаративистский). Это порождает возникновение методологических ошибок и неточностей, существенно влияющих на объективность и достоверность получаемых итоговых результатов.

Сравнительно-правовой или компаративистский от лат. *comparativus* — «сравнительный» метод является фундаментом относительно самостоятельной междисциплинарной области юридической науки — сравнительного правоведения. Оно активно развивается с середины XIX столетия, став результатом глобализационных процессов в сферах экономики, политики, культуры и права. За прошедшие два столетия активного развития теории сравнительного правоведения были достигнуты существенные результаты, связанные главным образом с описанием объекта, предмета, целей, задач и значения компаративистики, особенностей и методики применения соответствующего специально-юридического метода. Данные положения не могут быть проигнорированы при изучении уголовной ответственности за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Как отмечается в научной литературе, объектом сравнительного правоведения являются правовые явления, идеи, механизмы и процессы, существующие в правовой реальности различных стран [2, с. 40–43]. В настоящее время

ником не оспаривается теоретико-прикладная значимость сравнительного правоведения, поскольку оно позволяет расширить представление об уровне культурно-правового развития других государств, обнаружить положительный и негативный опыт регулирования общественных (в том числе уголовно-правовых) отношений, выявить особенности подходов к решению той или иной социальной проблемы правовыми средствами, осознать допущенные в национальном законодательстве и практике его применения ошибки, заимствовать способы их разрешения, а также обеспечить наполнение юридической доктрины новыми идеями [3, с. 125–129].

Вполне закономерно, что сравнительное правоведение имеет внутренние подсистемы, выделяемые на основании отдельных отраслей права, позволяющие более предметно сопоставлять многочисленные элементы правовых семей мира. По этой причине можно вести речь о наличии *сравнительного уголовного правоведения*, в рамках которого осуществляется изучение все того же объекта и предмета, преломленных сквозь уголовно-правовую призму, и решающих аналогичные вышеприведенные задачи для целей развития уголовного права.

Высокую научно-прикладную ценность сравнительного уголовного правоведения определил В. Н. Додонов, указавший на то, что оно способствует гармонизации и совершенствованию национальных уголовных законодательств, делает межгосударственное взаимодействие в борьбе с преступностью более доступным и эффективным [4, с. 3].

Обозначив в общих чертах содержание сравнительного уголовного правоведения, обратим внимание на два значимых фактора, имеющих ключевое значение для корректного решения задач настоящего исследования.

Во-первых, говоря о применении сравнительно-правового метода, необходимо иметь в виду, что он отличается многообразием своих форм и характеризуется определенной методикой, базирующейся на ряде принципов (об этом чуть ниже).

Во-вторых, фундаментальной категорией теории сравнительного правоведения и соответствующего ей метода выступает «правовая семья» («правовая система»). По этой причине важно установить концептуальную сопоставимость/несопоставимость уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, описать методологическую программу компаративистского изучения соответствующих нормативных положений, а также

указать на значимые принципы, которым оно подчинено. Иначе говоря, следует ответить на вопросы: «Имеют ли уголовно-правовые системы Российской Федерации и Республики Таджикистана схожие по своей сущности методологические основания? Един ли тип правового понимания в указанных странах, а также идеология противодействия преступности силами уголовного закона?».

Исходными явлениями сравнительного правоведения вообще и уголовного в частности выступают, как это было отмечено выше, феномены «правовая семья» и «правовая система». В рамках сравнительного изучения зарубежного уголовного законодательства рассмотрению подвергаются не случайная норма, институт или отрасль права, а норма, институт и отрасль, существующая в парадигме конкретной правовой системы, являющейся неотъемлемой частью определенной правовой семьи.

Правовую систему можно определить как совокупность правовых явлений (система права, законодательство, институты и отрасли), взглядов, традиций и стереотипов правового мышления, установившихся в конкретном государстве. В свою очередь, правовая семья — это группа национальных правовых систем, объединенных общностью историко-идеологического развития, схожестью системных характеристик права, процедурой его применения и практикой толкования, а также организацией юридических учреждений. Можно заметить, что термин «правовая семья» выступает более обобщенным и широким по своему объему по сравнению с термином «правовая система». Исходя из этого, в научной литературе выделяются, соответственно, уголовно-правовые семьи и уголовно-правовые системы, сходные в вопросах отношения к преступлению, наказанию, перечню источников уголовного законодательства и т. д. [5, с. 5–12]. На наш взгляд, явление «уголовно-правовая семья» носит искусственный «надстроечный», излишний и мало что дающий науке права характер. Если обратиться к соответствующим работам по уголовному праву, то уголовно-правовая семья описывается преимущественно через признаки и критерии, принятые для характеристики в целом существующих правовых семей мира.

Начиная с середины XX века западноевропейскими учеными предлагались типологии правовых семей мира, в основании которых лежали многочисленные критерии: идеология, юридическая техника, правовой стиль, нравственно-религиозные факторы, тип экономической

системы, географическое расположение и т. д. Солидаризируемся с авторами, называющими выделение различных правовых семей достаточно условной процедурой, обусловленной принципом системности проведения исследования, поскольку в настоящее время в чистом виде не функционирует ни одна из них [6]. По этой причине, рассуждая о принадлежности Российской Федерации и Республики Таджикистан, к конкретной правовой семье, мы будем относить совокупность доминирующих, наиболее значимых характеристик, определяющих данный фактор, одновременно с этим разумея, что в их правовой организации так или иначе встречаются признаки и других правовых семей.

Исходя из этого, в нашей статье стоит придерживаться наиболее распространенной типологии, сформулированной французским правоведом Р. Давидом, в соответствии с которой можно вести речь о трех основных (материнских) правовых семьях: романо-германской (континентальной), англосаксонской (общего права) и семье социалистического права [7, с. 20–28]. К обозначенной триаде правовых семей сегодня традиционно относится также мусульманская (или более корректно сказать, обобщенно — религиозная) правовая семья [8].

Четыре обозначенные наиболее обобщенные правовые семьи, под которые можно подвести правовые системы всех государств мира, обладают специфическими чертами, присущими законодательству, правовой идеологии, доктрине и практике, позволяющими разграничивать их друг от друга.

Генезис российской государственности, ее многовековое развитие, сложившиеся правовые традиции и утвердившиеся подходы к форме и содержанию правовых актов и юридической деятельности в целом по преобладающей точке зрения дают основания относить правовую систему Российской Федерации к романо-германской правовой семье (ее восточной ветви) [9]. Длительное время на правовую организацию общества влияли византийские традиции, что отчасти сближало ее с порядками, заведенными в европейских странах.

Признавая убедительность некоторых аргументов сторонников «особого правового пути» России, считаем все же, что по ключевым характеристикам ее правовая действительность тяготеет к романо-германской традиции, вне всяких сомнений обладая специфическими особенностями и элементами других правовых семей.

Несколько более сложным представляется вопрос, связанный с определением

принадлежности правовой системы Республики Таджикистан к конкретной правовой семье, поскольку на ее становление оказывало воздействие множество объективных и субъективных факторов. Таджикская государственность переживала периоды доминирования религиозного мировоззрения и сопутствующих ему ценностей зороастризма (X в. до н. э. — VII в. н. э.) и ислама (VII в. — первая половина XVIII в.) [10]. Долгое время сильно влияли на организацию общества оказывали нормы шариата, что отразилось и на правовой культуре исторического Таджикистана, являвшегося некогда неотъемлемой частью Древнего Ирана, государства Саманидов, Гуридского султаната и других политико-правовых образований.

В настоящий момент нельзя отрицать факт существенного воздействия, оказанного Россией на социально-политическую, культурную и экономическую жизнь Таджикистана, в особенности последние два столетия. Закономерно, что это повлияло и на право (в широком понимании этого слова). По мнению Ф. К. Иброхимова, правовые системы России и Таджикистана, в частности, уголовное законодательство, начинают совместное развитие с момента образования Туркестанского генерал-губернаторства в составе Российской империи во второй половине XIX столетия [11, с. 9]. Централизация государственной имперской власти требовала организованного распространения механизмов нормативного регулирования на все входящие в ее состав территории. С этого времени исламские принципы правопорядка начинают сменяться светскими представлениями об устройстве государства и права, что обусловило идеологические изменения в правовой системе исторического Таджикистана в направлении восприятия элементов романо-германской правовой семьи [12].

После смены государственно-правового устройства в 1917 году и вхождения в 1924 году Таджикской АССР в состав Узбекской ССР (а впоследствии выделения Таджикской ССР в 1929 году в статусе самостоятельной союзной республики) на ее уголовное законодательство существенное влияние оказывали Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, еще более способствовавшие унификации уголовно-правовых систем. Принятые УК Таджикской ССР 1935 года и 1961 года опирались в своей основе на законодательные положения «братских союзных республик», в частности УК РСФСР и УК Узбекской ССР [13, с. 35].

Провозглашение Республикой Таджикистан государственной независимости в 1991 году и взятый курс на построение суверенного, светского демократического правового государства, ее присоединение к авторитетным межгосударственным институтам не привело к кардинальным изменениям основополагающих принципов и институтов уголовного права, оформившихся в советское время (также как этого не произошло и в Российской Федерации).

Таким образом, компаративистское исследование уголовного законодательства, в том числе вопросов ответственности за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни, необходимо осуществлять исходя из постулата о преобладающем правовом влиянии России на Таджикистан последние практически два столетия. Несмотря на имеющиеся социально-экономические и культурно-нравственные особенности, правовые системы Российской Федерации и Республики Таджикистан обладают множеством схожих черт, обусловленных общностью историко-политического развития.

Доминирующие и провозглашаемые на территории Таджикистана правовые ценности, порядок организации юридической деятельности и особенности правопонимания позволяют отнести его правовую систему к романо-германской правовой семье с элементами восточно-исламской правовой традиции.

Здесь следует сделать небольшое отступление и рассмотреть особенности применения сравнительно-правового метода. Лежащий в основе любого сравнительно-правового (в том числе уголовно-правового) исследования специально-юридический компаративистский метод для достижения положительных научных результатов должен базироваться на определенных принципах. В отношении них в современной правовой науке нет единства взглядов. Не вдаваясь в существующие дискуссии по этому вопросу, полагаем возможным сформулировать в обобщенной форме следующие принципы.

Во-первых, сравниваемые объекты должны обладать правовым свойством (понятийно-правовым единством). Формулируя данное требование к слову, не часто встречающееся на страницах научной литературы, В. С. Нерсесянц имел в виду то, что исследуемые в разных странах правовые явления, несмотря на социально-исторические, идеологические, национальные, технико-юридические и прочие различия, должны детерминироваться единым типом правопонимания [14, с. 163–164]. В настоящий

момент для Российской Федерации, Республики Таджикистан, как и для большинства других государств мира, характерен позитивистский (легистский) тип понимания права как официально-властного, принудительного, общеобязательного инструмента, регулирующего поведение людей.

Во-вторых, теснейшим образом связанным с первым упомянутым принципом и органически следующим из него, является принцип потенциальной сравнимости уголовно-правовых норм. Как справедливо отмечали известные компаративисты К. Цвайгерт и Х. Кетц, сравнивать нужно лишь сравнимое, а сравнимым является то, что выполняет одну и ту же задачу, одну и ту же функцию, и притом концептуально единообразным образом [15, с. 50]. Как было установлено выше, в основе уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан находятся одни и те же социальные задачи, решаемые идентичными средствами, материализованными в схожих по своей форме (структуре) и содержанию правовых актах — национальных уголовных кодексах.

В-третьих, при проведении сравнения необходимо учитывать историко-социальные условия появления и развития сопоставляемых правовых явлений. Действующее уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан зародилось в лоне единой политико-правовой постсоциалистической парадигмы, характеризующейся переходом к рыночным отношениям, утверждением правовых демократических ценностей и стремительной заменой советских правовых установок в вопросах организации общества.

В российской юридической доктрине также ведется речь о разновидностях сравнения, на которых вкратце мы и остановимся. В зависимости от предмета, объема и времени сравнения выделяются микросравнение, институциональное сравнение, макросравнение; диахронное и синхронное сравнение [16, с. 150–153]; бинарное и мультиполярное сравнение; внутрисемейное и межсемейное сравнение [17, с. 25–26].

Полагаем, что изучение уголовной ответственности за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни, в Российской Федерации и Республике Таджикистан базируется на приеме *микросравнения*, под которым подразумевается рассмотрение уголовно-правовых средств, используемых государством в решении конкретного, частного вопроса уголовно-правового характера. Иначе говоря, осмыслению будут подвергаться конкретные

уголовно-правовые нормы, предусмотренные в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Количество подвергаемых комплексному изучению правовых систем ограничивается двумя: правовой системой Российской Федерации и Республики Таджикистан. По этой причине в основу сравнения положено бинарное сравнение.

Наконец, по принадлежности изучаемых правовых систем к правовым семьям, как это уже отмечалось выше, сравнение имеет характер внутрисемейного.

Резюмируя результаты проведенного в статье исследования ответственности за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни, как предмета сравнительного уголовного правоведения, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, складывающиеся социально-экономические и политико-правовые отношения, геополитическая напряженность, обостряемая угрозами транснациональной преступности, обуславливают тесное взаимодействие Российской Федерации и Республики Таджикистан в вопросах обеспечения безопасности на территории Содружества Независимых Государств.

Во-вторых, в связи с изложенным необходимо осуществлять постоянное сотрудничество не только по линии заинтересованных ведомств, но и в научной сфере, в частности, по вопросам совершенствования уголовного законодательства. Как показало исследование, в настоящий момент имеется незначительный корпус сравнительно-правовых исследований Российского и Таджикского уголовного законодательства, что не позволяет оперативно обнаруживать положительный опыт противодействия преступности средствами уголовного закона.

В-третьих, корректное и достоверное компаративистское изучение уголовной ответственности за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни, в законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан должно основываться на определении принадлежности их правовых систем к конкретным правовым семьям и соответствовать определенным доктринально разработанным принципам.

В-четвертых, история развития российской государственности позволяет утверждать о принадлежности правовой системы Российской Федерации к романо-германской правовой семье. Действующее уголовное законодательство Республики Таджикистан представляет собой результат длительного взаимовлияния региональных культурно-исторических особенностей

и воздействия российских правовых традиций в вопросах правовой организации общества, начиная со второй половины XIX века. По этой причине правовая система Республики Таджикистан также относится к романо-германской правовой семье.

В-пятых, по своей компаративистской сущности исследование ответственности за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни, по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан, является бинарным внутрисемейным микросравнением с элементами как синхронного, так и диахронного характера.

Список источников

1. Представители МВД России и Таджикистана обсудили вопросы двустороннего взаимодействия. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/55406929/?ysclid=m75r7tllt828550630> (дата обращения: 15.03.2025).
2. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. Москва: Норма, 1996. 427 с.
3. Кузнецов А. П. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права // Вестник российского университета кооперации. 2021. № 3. С. 125–129.
4. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ С. П. Щербы. Москва: Юрлитинформ, 2009. 448 с.
5. Кругликов Л. Л. Сравнительное уголовное право: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 99 с.
6. Есаков Г. А. Основы сравнительного уголовного права: монография. Москва: ООО «Издательство Элит», 2007. 152 с.
7. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Москва: Международные отношения, 1996. 453 с.
8. Наумов А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX века // Государство и право. 1998. № 6. С. 50–58.
9. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под ред. В. А. Туманова. Москва: Юристъ, 2003. 509 с.
10. Буриев И. Б. Действие мусульманского права на территории дореволюционного Таджикистана (VIII – начало XX вв.). Душанбе, 1999. 205 с.
11. Иброхимов Ф. К. Контрабанда в уголовном праве Таджикистана и России: сравнительный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 26 с.
12. Зоиров Д. М. Таджики: от государства Саманидов до суверенной государственности (историко-правовой анализ). Санкт-Петербург: Ренома, 2014. 286 с.

13. Хамракулов Р. Вопросы теории и практики кодификации уголовного законодательства союзной республики: по материалам Таджикской ССР. Душанбе, 1962. 160 с.

14. Нерсесянц В. С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2022. № 2. С. 162–174.

15. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1: Основы. Москва, 2000. 726 с.

16. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство «Проспект», 2016. 784 с.

17. Бирюков П. Н., Галушко Д. В. Сравнительное правоведение: учебник. Москва: Издательство «Проспект», 2021. 280 с.

References

1. Representatives of the Ministry of Internal Affairs of Russia and Tajikistan discussed issues of bilateral cooperation. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/55406929/?ysclid=m75r7tllt828550630> (accessed 15.03.2025). (In Russ.).

2. Tikhomirov Yu. A. Course of comparative Law. Moscow: Norm Publ., 1996. 427 p. (In Russ.).

3. Kuznetsov A. P. Comparative jurisprudence in the field of criminal law. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2021, no. 3, pp. 125–129. (In Russ.).

4. Dodonov V. N. Comparative criminal law. The general part: monograph / under the general editorship of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation S. P. Shcherba. Moscow: Yurilitinform Publ., 2009. 448 p. (In Russ.).

5. Kruglikov L. L. Comparative criminal law: a textbook. 2013. 99 p. (In Russ.).

6. Yesakov G. A. Fundamentals of comparative criminal law: a monograph. Moscow: Elite Publishing House, 2007. 152 p. (In Russ.).

7. David R., Geoffrey-Spinosi K. The main legal systems of our time. Moscow: International Relations Publ., 1996. 453 p. (In Russ.).

8. Naumov A. V. Convergence of legal systems as a result of the development of criminal law in the 20th century. *State and law*, 1998, no. 6, pp. 50–58. (In Russ.).

9. Saidov A. H. Comparative jurisprudence (basic legal systems of modernity): textbook / ed. by V. A. Tumanov. Moscow: Jurist Publ., 2003. 509 p. (In Russ.).

10. Buriev I. B. The effect of Muslim law on the territory of pre-revolutionary Tajikistan (VIII – early XX centuries). Dushanbe, 1999. 205 p. (In Russ.).

11. Ibrokhimov F. K. Smuggling in the criminal law of Tajikistan and Russia: comparative aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2019. 26 p. (In Russ.).

12. Zoirov D. M. Tajiks: from the Samanid State to sovereign statehood (historical and legal analysis). Saint Petersburg: Renoma Publ., 2014. 286 p. (In Russ.).

13. Khamrakulov R. Issues of theory and practice of codification of criminal legislation of the Union Republic: based on the materials of the Tajik SSR. Dushanbe: Tajik State University named after V. I. Lenin Publ., 1962. 160 p. (In Russ.).

14. Nersesyants V. S. Comparative jurisprudence in the system of jurisprudence. *State and law*, 2022, no. 2, pp. 162–174. (In Russ.).

15. Zweigert K., Ketz H. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law: in 2 vol. Vol. 1. Fundamentals. Moscow: "International Relations" Publ., 2000. 726 p. (In Russ.).

16. Marchenko M. N. Comparative jurisprudence: textbook. 2nd ed., revised and add. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 784 p. (In Russ.).

17. Biryukov P. N., Galushko D. V. Comparative jurisprudence: textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 280 p. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343

Оценочные понятия и законодательная техника уголовного права: теоретико-инструментальное исследование

Халезова Яна Максимовна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ykhaliezova@bk.ru

Аннотация. В представленной статье актуализируются роль и значение законодательной техники в процессе построения Уголовного кодекса Российской Федерации, раскрывается ее инструментальное содержание, определяется сущность оценочных понятий в уголовном праве и их теоретико-доктринальное положение в системе законодательной техники, формулируется вывод о том, что они базируются на языковых правилах, определяют порядок применения гносеологических средств, выступая одной из разновидностей приемов техники. Проведенное исследование носит методологический характер и ориентировано на лучшее понимание оценочных понятий в уголовном праве. В процессе его проведения применялась система выработанных и многократно апробированных методов научного познания, среди которых диалектико-материалистический метод, общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование) и специально-юридические методы (сравнительный, формально-юридический и др.).

Ключевые слова: качество уголовного закона, законодательная техника, правотворчество, инструментарий законодательной техники, правило, средство, прием, оценочные понятия

Для цитирования: Халезова Я. М. Оценочные понятия и законодательная техника уголовного права: теоретико-инструментальное исследование // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 286–293.

Original article

Evaluative concepts and legislative technique of criminal law: theoretical and instrumental research

Yana M. Khalezova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ykhaliezova@bk.ru

Abstract. The presented article actualizes the role and importance of legislative technology in the process of constructing the Criminal Code of the Russian Federation, reveals its instrumental content, defines the essence of evaluative concepts in criminal law and their theoretical and doctrinal position in the system of legislative technology, formulates the conclusion that they are based on linguistic rules, determine the order of application of epistemological means, acting as one of the varieties of techniques. The conducted research is methodological in nature and is focused on a better understanding of evaluative concepts in criminal law. In the course of its implementation, a system of developed and repeatedly tested methods of scientific cognition was used, including the dialectical-materialistic

© Халезова Я. М., 2025

method, general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction) and special legal methods (comparative, formal legal, etc.).

Keywords: quality of the criminal law, legislative technique, law-making, legislative technique tools, rule, means, technique, evaluative concepts

For citation: Khalezova Ya. M. Evaluative concepts and legislative technique of criminal law: theoretical and instrumental research. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), p. 286–293. (In Russ.).

Принятый 24 мая 1996 года Государственной Думой Российской Федерации Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [1] является жестким регулятором общественных отношений, кодифицированным нормативным правовым актом, имеющим сложную форму и содержание, от качества законодательно-технического оформления которых зависят обеспечение гарантий законности и охрана наиболее значимых сфер жизни. По этой причине неслучайно последние десятилетия столь большое внимание в уголовно-правовой науке уделяется проблемам законодательной техники, включая языковое, логическое, структурно-композиционное и криминологическое обоснование уголовного законодательства. Она играет важную роль в обеспечении целостности и эффективности отечественного законодательства.

Законодательную технику следует понимать в двух взаимосвязанных аспектах: во-первых, как совокупность требований к форме и содержанию нормативных актов, соблюдение которых сделает их ясными и непротиворечивыми, доступными в толковании и применении; во-вторых, как теоретико-прикладную область юридических знаний об упомянутых выше требованиях, процедуре разработки и принятия самых разных правотворческих документов.

Законодательная техника в первом значении, как отмечает А. Л. Санташов, появилась практически одновременно с зарождением государственного права, поскольку во все времена люди в той или иной мере задумывались о качестве регулятивных средств [2, с. 103–104]. Законодательная техника во втором значении начала системно оформляться в эпоху духовной секуляризации и зарождения концепции прав человека, а также увеличения роли и объема законодательных актов во второй половине XVIII века. В трудах мыслителей французского Просвещения и по сей день можно встретить актуальные тезисы технико-правового характера. Так, Ш. Монтескье писал о необходимости изложения законов ясным, доступным и точным языком, а нормативная терминология, по

словам упомянутого ученого, должна быть конкретной и определенной [3, с. 651].

В России проблемы законодательной техники в современном понимании этого явления стали обсуждаться лишь во второй половине XIX столетия. Сегодня не подвергается сомнению большое значение законодательной техники в обеспечении качества нормативного материала, ее цементирующее влияние на весь процесс правотворческой деятельности. За прошедшие два столетия развития теории законодательной техники отчетливо определилась ее внутренняя структура, характеризующаяся отраслевым делением. В настоящий момент справедливо вести речь о существовании наряду с общей, законодательной техникой уголовного, гражданского, административного и прочего права. Это обусловлено тем, что кроме общих требований, предъявляемых к форме и содержанию нормативных актов, можно говорить о специальных требованиях, определяемых особенностями предмета и метода правового регулирования. В сфере уголовного права это выражается, например, в особых критериях, которым должно подчиняться построение диспозиций и санкций норм Особенной части УК РФ, ее структура и т. п., нехарактерных для правовых документов иной отраслевой принадлежности.

Законодательная техника уголовного права активно развивается начиная с 60-х годов XX века и до сих пор составляет предмет многочисленных исследований и дебатов. К настоящему времени заложены фундаментальные положения теории законодательной техники уголовного права, и она имеет устойчивую тенденцию к отраслевой детализации познаваемых явлений с учетом динамично меняющихся отношений, геополитической обстановки и повсеместной цифровизации общественных процессов.

Можно сказать, что в обобщенном виде законодательная техника представляет собой прикладную систему профессиональных теоретико-прикладных знаний, используемых в ходе целенаправленной нормотворческой

деятельности для придания ей эффективности. Она обеспечивает внешнюю форму правовых актов и их соответствие фактически складывающимся общественным отношениям, способствует отражению социальных потребностей, а также устойчивости и постоянству уголовного закона. Уровень законодательной техники уголовного права является наглядным показателем культуры противодействия преступности в нашей стране.

Уже традиционным стало рассмотрение законодательной техники сквозь призму составляющего ее содержания инструментария. Под последним понимается система логикомыслительных (идеальных) правил, приемов и средств, рациональное использование которых выступает необходимым условием надлежащего оформления государственной воли в нормативном акте. По мнению Д. А. Керимова, они выработывались государствами в течение веков, и лишь относительно недавно мы стали осознавать их в конкретизированном виде [4, с. 1].

До сих пор отсутствует единое мнение в определении перечня упомянутых инструментов и их сущностно-содержательной характеристики. Бесспорно одно: правила, приемы и средства законодательной техники уголовного права теснейшим образом связаны с логикой, языком и композицией уголовного законодательства в целом и отдельных его положений в частности. Это детерминировало формирование «инструментального» подхода к законодательной технике, в соответствии с которым она представляет собой систему исторически сложившихся устойчивых правил, приемов и средств, комплексно применяемых в правотворческой деятельности в целях придания уголовному закону оптимальной формы и содержания [5, с. 12]. Процедура определения инструментального содержания законодательной техники осложняется тем, что авторы называют различный набор таких инструментов либо вкладывают в них неоднородное значение в зависимости от контекста. Нельзя не отметить, что законодательно-технические инструменты характеризуются междисциплинарностью, обладают не только правовой природой: они аккумулируют в себе положения других отраслей социогуманитарной науки, в частности, философской, логической, филологической и социологической. Инструментарий законодательной техники уголовного права функционально воплощается в профессиональном уголовном правотворчестве. Его эффективное применение зависит от уровня

соответствующих законодательно-технических компетенций «творца» закона, знания языково-стилистических, логических, структурно-композиционных требований, предъявляемых к закону, опыта профессиональной юридической деятельности, связанного с применением положений законодательства, и т. д.

Наименьшие дискуссии вызывают упомянутые выше правила, приемы и средства как составные элементы законодательно-технического инструментария. Они теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены. Надо полагать, их выделение носит искусственный характер и осуществляется для систематизации законодательно-технических знаний и решения конкретных исследовательских задач. Как отмечал С. С. Алексеев, порой создается впечатление, что столь подробное внимание к правилам и приемам техники представляет собой излишнюю формалистику, «буквоедство» ученых, на деле эти положения имеют непосредственное практическое рационализаторское значение и постепенно ведут к совершенству правовых актов [6, с. 114]. По мнению Б. А. Миренского, законодательно-технические правила, приемы и средства отражают уголовную политику, а также транслируют приоритетные задачи государства в области противодействия преступности [7, с. 88–89].

Одним из распространенных и широко критикуемых инструментов, присущих УК РФ, выступают оценочные понятия. Под ними понимаются «...понятия, законодателем неопределенные и конкретизируемые непосредственно при применении уголовного закона» [8, с. 63]. По мнению С. Д. Шапченко, они есть не что иное как понятия — общие представления, необходимые законодателю для предоставления правоприменителю возможности самостоятельно регулировать общественные отношения [9, с. 12].

Размышления об оценочных понятиях можно встретить в работах отдельных ученых уже в дореволюционную эпоху. Так, известный правовед М. А. Унковский писал о том, что неясность закона бывает чрезмерно вредна для населения страны, поскольку формирует у отдельных лиц ложное представление о своих правах и обязанностях, а также провоцирует их на увеличение случаев обращения в органы и учреждения за разъяснениями правовых положений [10, с. 3–4]. Последнее побуждает государство содержать значительно больший штат служащих, раздувая тем самым бюрократический аппарат [10, с. 3–4].

Один из родоначальников действующей концепции доктрины уголовного права, профессор

Н. С. Таганцев, характеризуя Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, обращал внимание на малое количество обобщений и оценочных категорий в диспозициях норм, что, по его мнению, приводило к невероятной многостатейности упомянутого правового акта [11, с. 222–224].

В настоящий момент место оценочных понятий в системе законодательной техники вызывает дискуссии, что препятствует их содержательной характеристике в уголовном праве, поэтому считаем целесообразным определить их теоретико-доктринальное положение в современной уголовно-правовой науке. Это будет способствовать лучшему пониманию их онтологической сущности, разграничению с другими правовыми явлениями, а также установлению институциональных связей с юридической деятельностью.

Чтобы верно определить принадлежность оценочных понятий к конкретному правилу, приему или средству, осуществим их краткую характеристику. В доктринальной литературе в числе наиболее общих требований законодательной техники называются *правила*. Под ними понимаются выработанные теорией права принципы построения отрасли, института или нормы права, соблюдение которых способствует достижению их целевого назначения [12, с. 76]. Правила регулируют применение средств и приемов законодательной техники, представляя собой первичные «клетки», формирующие норму права [13, с. 54–55].

Профессор М. И. Ковалев отмечал, что правила законодательной техники ведут к единству и консолидации в тексте уголовного закона политических, моральных и экономических интересов господствующего класса [14, с. 112]. На важное политическое и правовое значение правил в свое время указывал М. М. Гродзинский [15]. К слову, М. М. Гродзинский один из первых ученых, предпринявший успешную попытку их систематизации в сфере уголовного права. Немало внимания этому уделил и М. Д. Шаргородский, сформулировавший ряд конкретных правил уголовно-законодательной техники, относящихся к ее языку, структуре и способам изложения диспозиций [16]. В современной уголовно-правовой науке выделяются языковые, логические, структурные, реквизитные и процедурные правила, которым должно подчиняться построение уголовного законодательства [17].

Правила выступают наиболее общими нормами по отношению к деятельности, связанной с определением формы и содержания закона.

Оценочные понятия в этом контексте основываются на языковых правилах, однако их роль в конструировании уголовного закона куда скромнее, чем правила законодательной техники, поэтому они относятся к категории нижестоящего порядка.

Разница между приемами и средствами техники не столь очевидна, в связи с чем целесообразно описать их целевое назначение.

К средствам законодательной техники уголовного права относят первичные логико-гносеологические мыслительные категории, задействованные в процессе воплощения государственной воли в уголовно-правовом предписании, придающие ему гибкий и нетипичный характер. Среди средств законодательной техники называются часто встречаемые в уголовном законодательстве и активно обсуждаемые на страницах научной литературы презумпции, преюдиции, фикции, конструкции, дефиниции, символы и аксиомы, рациональному применению которых уделяется большое внимание. Как представляется, они задействуются в процессе построения отдельных правовых норм, носят частный характер, применяются к конкретным моделям логического изложения нормы.

Неграмотная реализация перечисленных средств может привести к негативным правовым последствиям, связанным с необоснованной криминализацией того или иного поведения, порождением пробела или коллизии, не позволяющих в полной мере достигнуть запланированных охранительно-предупредительных целей. Пример тому — получившая распространение в практике применения уголовного закона презумпция знания того или иного факта (например, сводки Министерства обороны Российской Федерации, положения приговора Нюрнбергского трибунала), имеющего ключевое значение для установления субъективной стороны состава преступления (это относится главным образом к статьям 207³ 354¹ УК РФ) [18]. Другим случаем порочного применения законодательно-технического инструментария, в частности, дефиниции, можно назвать закрепление в примечании к статье 274² УК РФ понятия должностного лица для целей данной нормы, что сделано без учета и вопреки традиционному определению должностного лица, отраженному в примечании к статье 285 УК РФ, принципиально различающего должностное лицо и лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации [19, с. 278]. Пробел обнаруживается в использовании средства

законодательной техники — символа, выражающейся в ненаказуемости по статье 329 УК РФ надругательства над государственным гимном Российской Федерации, а также флагами и гербами субъектов Российской Федерации [20]. Кроме того, затрудняет практическую реализацию статья 354¹ УК РФ отсутствие нормативно закреплённого перечня символов воинской славы Российской Федерации.

Можно и дальше продолжить перечисление допущенных законодателем ошибок в использовании средств техники, однако мы не будем отвлекаться от основного предмета настоящего исследования.

Резюмируя вышеизложенное, следует заметить, что оценочные понятия по своей сути не относятся ни к правилам, ни к средствам законодательной техники уголовного права. Более корректно относить их к разряду приемов законодательной техники. Последние связаны с типовыми способами оформления уголовного законодательства, представляя собой своеобразные правовые «трафареты», на которых базируется конструирование отдельных уголовно-правовых норм и институтов. В отличие от ранее рассмотренных средств, для них характерны большая универсальность, применимость ко всему массиву нормативного материала. Приемы во многом определяют порядок результативного использования средств техники. Приемы законодательной техники уголовного права при их правильной, научно обоснованной реализации способствуют полному, точному и строго юридическому изложению уголовно-правовых предписаний, их понятной формальной фиксации в тексте уголовного закона.

Наиболее точно, на наш взгляд, природу и виды приемов техники описал С. С. Алексеев. Он полагал, что их можно разделить на две основные группы: приемы юридического выражения и внешнего изложения воли законодателя [21, с. 281]. Данные группы приемов неотделимы друг от друга образуют диалектическое единство. Понимая это, С. С. Алексеев выбрал иной критерий для системного описания приемов техники и все их отнес 1) либо к приемам, характеризующим способ изложения элементов юридической нормы, 2) либо к приемам, отражающим степень обобщения правового материала.

К первым относятся прямой, ссылочный и бланкетный приемы, достаточно подробно исследованные в уголовно-правовой доктрине, главным образом в контексте построения диспозиций норм Особенной части.

Во вторую группу он определил абстрактный и казуистический приемы, от которых зависит, соответственно, степень обобщенности и конкретности нормативных формулировок.

Нормы любого правового акта, в том числе уголовного закона, не могут излагаться при помощи исключительно одного из указанных приемов — предполагается их органическая сочетаемость. Однако оптимальное соотношение абстрактного и казуистического приема, при котором бы обеспечивалась устойчивость, стабильность и законность правового регулирования, представляет собой сложную теоретико-прикладную проблему. В научной литературе обращается внимание на то, что, разрешая вопрос о соотношении формализованных (то есть конкретных) и обобщенных положений, необходимо учитывать, какой промежуток времени предполагается для существования закона, допустима ли аналогия и каков характер описываемого преступного деяния [22, с. 71–72]. Д. А. Керимов называет эволюционно закономерным переход от конкретных понятий в праве и законе ко все более абстрактным [4, с. 1].

Казуистический прием заключается в конкретизированном, точном закреплении в правовой норме необходимых и достаточных для ее непосредственной реализации фактических данных путем их перечисления, индивидуализации признаков и т. д. Наглядным примером использования казуистического приема в действующем УК РФ является статья 63, закрепляющая перечень обстоятельств, отягчающих наказание, диспозиции статей 141¹ УК РФ или 185⁵ УК РФ, перечисляющие объективную сторону, соответственно, нарушения порядка финансирования избирательной кампании и фальсификации решения общего собрания акционеров хозяйственного общества.

В научной литературе отмечается, что распространенность казуистического приема изложения является показателем низкой по уровню правовой культуры, архаичности и отсталости законодательства, не успевающего за динамично развивающимися общественными отношениями [23, с. 26–28]. Как правило, свойство казуистичности связывается с примитивным механизмом правового регулирования, характерным для государств прошлых эпох.

Не поддерживая столь категоричных тезисов в отношении казуистического приема в современном правотворчестве, обратим внимание на его несомненные достоинства, без которых современные акты не могут претендовать на эффективность. Есть немало примеров того,

где без конкретизации и перечисления не обойтись без ущерба принципам законности и разумности правоприменительного усмотрения. В конце концов, в ряде случаев законодательные формулировки, в основание которых положен казуистический прием, удобнее и понятнее для толкования (и последующего применения) обычными гражданами и профессиональными юристами. Кроме того, без казуистического приема в уголовном праве немислимо конструирование квалифицирующих признаков и специальных составов преступлений. Как указывает М. И. Ковалев, благодаря казуистическому приему задача правильной квалификации того или иного деяния значительно упрощается [24, с. 142].

По этой причине казуистический прием достаточно распространен и имманентно присущ уголовному законодательству. Правотворческие органы никогда не откажутся от его применения, иначе лишат себя эффективного инструмента воздействия на преступность. Его объективным изъяном выступает то, что казуистика неминуемо порождает пробелы в правовом регулировании, не позволяет учесть всех аспектов и граней реально складывающихся общественных отношений.

М. И. Ковалев писал о том, что недостатки чрезмерной конкретизации уголовного законодательства «излечиваются» аналогией [22, с. 72], которая по известным причинам не воспринимается современными уголовно-правовыми континентальными системами положительно.

Абстрактный прием выступает противоположностью и средством ликвидации дефектов вышерассмотренного приема. Он связан с выражением реальных фактов общественной жизни в обобщающих, в том числе оценочных, формулировках, охватывающих своим содержанием множество явлений тождественных, однородных. На наш взгляд, абстрактный прием законодательной техники уголовного права олицетворяется в оценочных понятиях, которые составляют его форму материализации в тексте закона.

Таким образом, определяя место оценочных понятий в системе законодательной техники уголовного права, можно сказать, что они являются частью абстрактного приема, основывающегося на соответствующих языковых правилах. Одновременно с этим нельзя полностью отождествлять абстрактный прием и оценочные понятия, поскольку степень абстрактности (обобщенности) уголовно-правовых норм может быть различной и не всегда связана с применением

оценочных понятий. Как справедливо указывает А. В. Иванчин, диспозиция части 1 статьи 105 УК РФ изложена абстрактно, но не оценочно, что свидетельствует об ошибочности приравнивания друг к другу двух этих приемов [13, с. 147].

Проведенное нами краткое теоретико-методологическое исследование позволяет сформулировать следующие научные тезисы в отношении заявленной темы:

— во-первых, эффективность уголовного законодательства напрямую связана с качеством техники его оформления, совершенствованию которой в настоящее время уделяется много исследовательское внимание;

— во-вторых, одним из инструментов законодательной техники уголовного права выступают оценочные понятия, выражающие неконкретизированные законом положения, содержание которых в значительной мере определяется правоприменителем, исходя из требований УК РФ и обстоятельств конкретного дела;

— в-третьих, оценочные понятия — неотъемлемый компонент УК РФ, способствующий выражению политико-правовой воли, оптимизации процесса квалификации преступлений, экономии текста уголовного закона;

— в-четвертых, по своей сущности и теоретико-доктринальному положению оценочные понятия представляют собой разновидность абстрактного приема, базирующегося на языковых правилах законодательной техники уголовного права.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

2. Санташов А. Л. Ответственность несовершеннолетних, совершивших преступление: *de lege lata de lege ferenda*: монография. Москва: Юрлитинформ, 2021. 184 с.

3. Монтескье Ш. Избранные произведения. Москва, 1955. 800 с.

4. Керимов Д. А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. Репр. изд. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 128 с.

5. Абдулханьянов И. А. Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2023. 31 с.

6. Алексеев С. С. Государство и право: учебное пособие. Москва: Проспект, 2025. 152 с.

7. Миренский Б. А. Теоретические основы совершенствования уголовного законодательства / отв. ред. Г. А. Ахмедов; предисл. Н. А. Стручкова. Ташкент: Узбекистан, 1983. 120 с.

8. Браинин Я. М. Уголовный закон и его применение. Москва: Юридическая литература, 1967. 240 с.
9. Шапченко С. Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1988. 24 с.
10. Унковский М. А. О неясности законодательства как общественном бедствии и о ближайших путях к ее устранению. Санкт-Петербург: В. Тимофеев, 1913. 23 с.
11. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. I. Санкт-Петербург, 1902. 819 с.
12. Ковалев М. И. Роль правосознания и юридической техники в развитии уголовного законодательства // Советское государство и право. 1985. № 8. С. 73–79.
13. Иванчин А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2011. 208 с.
14. Ковалев М. И. Уголовное правотворчество и законодательная техника // Криминология и уголовная политика. Москва, 1985. С. 112–114.
15. Гродзинский М. М. Об усовершенствовании законодательной техники // Социалистическая законность. 1957. № 1. С. 11–18.
16. Шаргородский М. Д. Техника и терминология уголовного закона // Советское государство и право. 1948. № 1. С. 58–65.
17. Абдулханьянов И. А. Правила юридической техники в уголовном праве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 4. С. 79–84.
18. Кибальник А. Г. Презюмированное знание факта как составляющая часть умысла в условиях «новой криминализации» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 3. С. 109–115.
19. Кузнецов А. П. Уголовная политика противодействия информационным преступлениям // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1. С. 275–279.
20. Гончарова Н. С. Символы в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2023. 301 с.
21. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. II. Москва: Юридическая литература, 1982. 360 с.
22. Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 68–74.
23. Кузнецов А. П., Алексеев А. М. Юридическая техника: учебное пособие. Чебоксары, 2019. 240 с.
24. Ковалев М. И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 142–146.
2. Santashov A. L. Responsibility of minors who have committed a crime: de lege lata de lege ferenda: monograph. Moscow: Yurлитinform Publ., 2021. 184 p. (In Russ.).
3. Montesquieu S. Selected works. Moscow, 1955. 800 p. (In Russ.).
4. Kerimov D. A. Legislative technique: scientific, methodological and educational manual / Repr. ed. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2023. 128 p. (In Russ.).
5. Abdulkhannyanov I. A. Fiction in criminal law: theoretical and applied research. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2023. 31 p. (In Russ.).
6. Alekseev S. S. The state and law: a textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2025. 152 p. (In Russ.).
7. Mirenskiy B. A. Theoretical foundations of improving criminal legislation / ed. by G. A. Akhmedov; preface by N. A. Struchkova. Tashkent: Uzbekistan, 1983. 120 p. (In Russ.).
8. Brainin Ya. M. Criminal law and its application. Moscow: Jurid. lit. Publ., 1967. 240 p. (In Russ.).
9. Shapchenko S. D. Evaluative signs in the composition of specific crimes. Authors abstract... candidate of legal science. Kiev, 1988. 24 p. (In Russ.).
10. Unkovsky M. A. On the ambiguity of legislation as a public disaster and the nearest ways to eliminate it. Saint Petersburg: V. Timofeev, 1913. 23 p. (In Russ.).
11. Tagantsev N. S. Russian criminal law. Vol. I. Saint Petersburg, 1902. 819 p. (In Russ.).
12. Kovalev M. I. The role of legal awareness and legal technology in the development of criminal legislation. *The Soviet State and law*, 1985, no. 8, pp. 73–79. (In Russ.).
13. Ivanchin A.V. Legislative technique and its role in Russian criminal lawmaking: a monograph. Moscow: Yurлитinform Publ., 2011. 208 p. (In Russ.).
14. Kovalev M. I. Criminal law-making and legislative technique. *Criminology and criminal policy*. Moscow, 1985. pp. 112–114. (In Russ.).
15. Grodzinsky M. M. On the improvement of legislative technology. *Socialist legality*, 1957, no. 1, pp. 11–18. (In Russ.).
16. Shargorodsky M. D. Technique and terminology of criminal law. *The Soviet State and law*, 1948, no. 1, pp. 58–65. (In Russ.).
17. Abdulkhannyanov I. A. Rules of legal technique in criminal law. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*, 2021, no. 4, pp. 79–84. (In Russ.).
18. Kibalnik A. G. Presumed knowledge of fact as an integral part of intent in the context of the “new criminalization”. *Criminal law: development strategy in the 21st century*, 2024, no. 3, pp. 109–115. (In Russ.).
19. Kuznetsov A. P. Criminal policy of countering information crimes. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry*

References

1. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ dated June 13, 1996. *Collection of legislation of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.).

of *Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 1, pp. 275–279. (In Russ.).

20. Goncharova N. S. Symbols in Russian criminal law. Dissertation... candidate of legal sciences. Voronezh, 2023. 301 p. (In Russ.).

21. Alekseev S. S. General theory of law. In two volumes. Vol. II. Moscow: Legal literature Publ., 1982. 360 p. (In Russ.).

22. Kovalev M. I. Optimal ratio of formal and evaluative in criminal law. *Soviet State and law*, 1973, no. 11, pp. 68–74. (In Russ.).

23. Kuznetsov A. P., Alekseev A. P. Legal technology: a textbook. Cheboksary: Chuvash Publishing House University Publ., 2019. 240 p. (In Russ.).

24. Kovalev M. I. On the technique of criminal law. *Law studies*, 1962, no. 3, pp. 142–146. (In Russ.).

Научная статья
УДК 343.131

Новый взгляд на противоречие между состязательностью и розыском

Шуров Алексей Юрьевич

Государственное унитарное предприятие Севастополя «Севтеплоэнерго», Севастополь, Россия, shurov_aleksey@inbox.ru

Аннотация. В статье раскрыты взаимоотношения между двумя ключевыми идеями уголовного процесса: состязательностью и розыском. Указано, что данные идеи не являются чистыми противоположностями. Кроме этого, рассмотрены предпосылки современных проблем конфликта этих идей, которые необходимо искать в далекой исторической ретроспективе.

Ключевые слова: розыск, состязательность, идеология уголовного процесса, инквизиционность, розыскной тип процесса

Для цитирования: Шуров А. Ю. Новый взгляд на противоречие между состязательностью и розыском // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 294–296.

Original article

A new look at the contradiction between competitiveness and search

Alexey Y. Shurov

State Unitary Enterprise of Sevastopol "Sevteploenergo", Sevastopol, Russian Federation, shurov_aleksey@inbox.ru

Abstract. The article reveals the relationship between two key ideas of criminal procedure: adversarial nature and search, and indicates that these ideas are not pure opposites. In addition, the prerequisites for modern problems of conflict of these ideas, which must be sought in distant historical retrospect, are considered.

Keywords: search, competitiveness, ideology of the criminal process, inquisitiveness, investigative type of process

For citation: Shurov A. Yu. A new look at the contradiction between adversarialism and search. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 294–296. (In Russ.).

В настоящее время появляется большое количество публикаций, посвященных типологии уголовного процесса. Преображается характер внимания науки к розыскному типу процесса [1; 2].

Ключевое противоречие, генерирующее исторически настроенное отношение к розыскному

типу процесса в юридической науке, пока не прояснено до приемлемых параметров, позволяющих наметить не просто адекватные, а настоящему эффективные пути его преодоления.

Нам представляется, что источники искомой противоречивости не лежат на поверхности.

© Шуров А. Ю., 2025

Правда, многие исследователи с этим вряд ли согласятся и в первую очередь возражат те, кто говорит и пишет о конкуренции в современном уголовном процессе розыскных и состязательных начал. И именно в этой конкуренции авторами и подразумевается искомое противоречие. Но почему-то эти же авторы без рассмотрения оставляют не менее важный вопрос: «А что и с чем конкретно конкурирует, какие принципы, какие идеи? И конкурируют ли они вообще, эти начала?». Ведь вполне может получиться, что если очистить эти якобы конкурирующие состязательные и розыскные начала до уровня исходных процессуальных (технологических) идей, то могут не обнаружиться и противоречия между ними, поскольку состязательность и розыск (в их изначальном замысле) — это идеи разного методологического наполнения.

Нам представляется, что в идеальном уголовном процессе (как образе, необходимом для теоретического осмысления сущности судопроизводства), они, скорее всего, не пересекаются так линейно и уж точно не перемешиваются. Отечественный уголовный процесс — смешанный. Это факт. Но фактом остается и другая констатация: он смешанный, но не перемешанный. И это не просто благозвучная игра слов. История уголовного процесса демонстрирует нам на многовековых эмпирических примерах, что розыскные идеи не растворяются в состязательных, равно как и состязательные сохраняют свою самобытность в розыскных концепциях.

Иными словами, на уровне чистых идей состязательность и розыск не отрицают друг друга и даже не конкурируют. Таково наше научное предположение, которое мы ниже постараемся опровергнуть или подтвердить.

Подобная «идеологическая» постановка гипотезы сегодня крайне важна. Как не парадоксально, но именно на уровне идеологии эти идеи и пытаются столкнуть между собой, навязать им методологически необоснованные антагонистические отношения. В научном обороте сегодня в ходу понятия «розыскная (следственная) идеология» и «состязательная идеология». Причем указанные понятия презентуются исследователями как обозначающие идеологии, находящиеся в непримиримой борьбе.

Вот показательная цитата, которая в сети «Интернет» переключивается из одного студенческого реферата в другой: «Антипод состязательности — это следственность, при том, что и то и другое есть механизм появления доказательств, наполнения ими процесса. В реальности же всегда имеет место смешанная модель» [3].

В одной этой формулировке уже отражается серьезная проблема. Получается, что противоречие между следственностью и состязательностью преимущественно «теоретическое». И та и другая технологическая идея (авторы не напрасно прибегают к слову «механизм») в конечном счете работает на одну и ту же цель — создание надежной информационной базы судопроизводства. И вероятно, что каждая эта идея при жизненном воплощении имеет свои изъяны и преимущества, поэтому реальное уголовное судопроизводство не может обойтись какой-то одной концепцией. Правда, забыв об объективности, наука сегодня сосредоточилась на преимуществах состязательности и изъянах розыска. Однако нередко сравнению подвергаются не совместимые параметры этих начал (что можно при желании квалифицировать как определенную методологическую уловку).

Мы полагаем, что слово «антипод» применительно к сравнительной характеристике ключевых идей состязательности и следственности (розыска) представляется неудачным. По нашим оценкам, вопиющей антиподной разницы здесь как раз и не наблюдается. Все противоречия между состязательной и розыскной концепциями, о которых идет речь в юридической науке, выстроены, как правило, на периферийных основаниях. В качестве основных аргументов «антагонизма» розыска и состязательности приводятся издержки процессуальной формы. Но на уровне формы можно разглядеть лишь функциональные различия, но никак не методологические противоречия. Если же мы пытаемся выявить противоречия между концепциями, то противоречивость (или ее отсутствие) нужно искать на уровне идей.

Именно на уровне исходных идей может оказаться очевидной другая расстановка акцентов (это опять же наша догадка). Мы предполагаем, что истинная (исконная) противоречивость существует не между состязательностью и розыском как таковыми, а между идеями более высокой степени общности, которые являются методологическими предшественниками этих идей, их «материнской» основой.

По нашему мнению, такие процессуальные идеи, как состязательность и розыск, вполне могут оказаться лишь надстройками над более древним идеологическим базисом, поэтому, чтобы объективно понять сущность розыскной идеи, нужно искать не только истоки розыскной идеи как таковой, но и вскрыть первопричины идеи состязательной. Несмотря на то, что разные идеи могут быть поняты лишь как

парные категории. При этом (подчеркнем это особо) необходимо искать очень древние истоки этих идей.

Исходя из вышесказанного, мы можем сформулировать еще одну рабочую гипотезу: источник проблемы розыскных начал современного уголовного процесса может хронологически находиться в далекой исторической ретроспективе. Однако эта ретроспектива включает в себя не только историю судопроизводства, но и более широкий культурно-исторический контекст.

Однако эта гипотеза пока имеет странный вид (странный в содержательном ключе). Дело в том, что гипотеза эта как бы с двумя неизвестными: первое — это то, по поводу чего делается само предположение, историческое расположение источника проблемы розыскных начал современного уголовного процесса, а второе — сама проблема розыскных начал. Получается, что мы выдвигаем предположение об истоках проблемы, не разгадав предварительно загадки: «В чем же заключается суть проблемы розыскных начал современного уголовного процесса? Какова формула этой проблемы?».

Однако так ли уж автономны эти два неизвестных элемента в нашей гипотезе? Отсылая себя к древним истокам проблемы, мы, по сути, отправляемся и за уяснением истинной сути самой проблемы розыска, что же касается современной формулы этой проблемы, то и она едва ли может быть осознана без глубокого исторического экскурса. Без этого глубинного хронологического понимания мы можем составить лишь фрагментарное представление о современной проблематике розыска.

Неудивительно, что формула современного понимания проблемы розыскных начал не лежит на поверхности, она проявляет себя в отдельных нюансах, в специфике подходов и по-разному видится сторонникам розыска и состязательности. Так, по ощущениям сторонников чистой состязательности, в самых общих чертах эта проблема проявляется в том, что курс на полную состязательность, взятый более полутора десятков лет назад, пока не в состоянии устранить розыскных начал из

современного уголовного процесса. Активная, многолетняя, теоретическая (хотя скорее пропагандистская) борьба за преодоление розыскных начал в уголовном судопроизводстве на практике не приносит реальных побед. Розыскные начала не только не сдают своих позиций в привычных для них «ареалах», но и захватывают новые «территории» в том числе и в судебных стадиях процесса.

Подобные «аномальные явления» сторонники чистой состязательности пытаются объяснить не проявлением внутренней природы уголовного судопроизводства, а внешними обстоятельствами, например, влиянием отдельных государственных личностей и должностных лиц, противостоянием состязательности определенным политическим группировкам и правоохранительных органов и т. п. Однако нам представляется, что объяснение сложившемуся положению дел, живучести и непобедимости розыскных начал нужно искать не в русле взаимоотношений людей, а в плоскости взаимодействия идей.

Список источников

1. Конев А. Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России: монография. Москва: Издательство «Проспект», 2021. 416 с.
2. Ламтева А. В. Концептология современного типа уголовного процесса // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3 (31). С. 31–37.
3. URL: http://studopedia.net/2_16006_printsip-sostyazatelnosti.html (дата обращения: 25.05.2025).

Reference

1. Konev A. N. The ideological foundations of modern criminal justice in Russia: monograph. Moscow: Prospekt Publishing House, 2021. 416 p. (In Russ.).
2. Lamteva A. V. Conceptology of the modern type of criminal procedure. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (31), pp. 31–37. (In Russ.).
3. URL: http://studopedia.net/2_16006_printsip-sostyazatelnosti.html (accessed 25.05.2025). (In Russ.).

Всероссийский междисциплинарный круглый стол
с международным участием на тему «Законодательство России о науке:
совершенствование содержания и формы»

All-Russian interdisciplinary round table
with international participation on the topic
“Russian legislation on science: improving content and form”

Председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина Кабышев Сергей Владимирович опубликовал в журнале «Lex russica» (2025. Т. 78. № 2. С. 132–141) неординарную и полемическую статью «Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации».

Редационный совет и редакционная коллегия журнала «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России» приняли решение провести ее межвузовское обсуждение.

Предлагаем читателям поступившие статьи.

Chairman of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Science and Higher Education, professor of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin Sergey Vladimirovich Kabyshev published an extraordinary and polemical article “Conceptual issues of improving the legislation on science and scientific and technological development in the Russian Federation” in the journal “Lex russica” (2025, vol. 78, no. 2, pp. 132–141). The editorial board and the editorial board of the journal “Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia” decided to hold an inter-university discussion of it.

We offer the received articles to the readers.

Тарасов Николай Николаевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета

**Некоторые проблемы совершенствования законодательства о науке:
теоретическое понимание**

Правовое регулирование отношений в духовной и интеллектуальной сферах общества в целом и науки, образования, искусства в частности — традиционно проблемная область теоретической юриспруденции. С одной стороны, понятно, что это сферы деятельности, определяемых не столько социальным нормированием, сколько собственными принципами и нормами. С другой — оставлять их без социального (прежде всего государственного) контроля и управления, правово-

го регулирования тоже кажется неправильным, поскольку их значение для общества неуклонно возрастает и, совершенно справедливо замечено, приобретает качество основы суверенитета, безопасности и стратегической устойчивости современного государства¹ (подчеркнем, что автор говорит именно о науке). Вряд ли можно определить культурно-исторические приоритеты данных сфер, поэтому внимание к любой из них определяется скорее конфигурацией целевых структур в практиках конкретного периода. Причем это совершенно не снижает, а, скорее, обостряет актуальность исследования проблем правового регулирования и разработки эффективных регулятивных инструментов, в данном случае — в сфере науки.

Прежде всего, следует обратиться к основаниям полагания, что правовое регулирование в сфере науки должно отличаться от правового регулирования, скажем, в сфере производства. Для начала обратим внимание на принятое различие науки как формы познания и науки как социального института. Понятно, что как форма познания (осуществляемая определенными методами деятельности по производству и организации нового знания) наука в принципе не поддается социальному нормированию вообще и правовому регулированию в частности². Пренебрежение этим принципом приводит в лучшем случае к подмене научного знания «здоровым смыслом» и представлениями на уровне бытовой разумности, а то и к разрушению самой научной деятельности³. В рамках такого понимания, задающего определенную стратегию развития государственного управления и правового регулирования в сфере науки, оценка значения и роли науки в современном обществе должна строиться не в модальности должного — что наша наука должна сделать для государства и общества, а в модальности возможного — что она может или не может по своей природе. Продуктивность такого обсуждения напрямую зависит от качества проработки применяемых понятий, непротиворечивости понятийных структур. В частности, определяя на законодательном уровне цели и задачи научно-технологического развития⁴ и обсуждая на теоретическом уровне его экономические, организационные, юридические условия и гарантии, мы часто создаем контексты, в которых могут возникать некоторые понятийные неопределенности, ведущие к «смысловой диффузии», которая, в свою очередь, порождает проблемы (например, с определением предмета и выбора методов правового регулирования в сфере науки). Если редуцировать проблему до принципиальной схемы, то научно-технологическое развитие можно принять как рамочное понятие, охватывающее несколько деятельностей, безусловно, связанных с данным понятием, но существенно различающихся по целям, задачам, средствам и основанных на различных нормах. В их числе можно указать: теоретическую науку как исследовательскую работу с понятиями и их отношениями, приведенными к организованным в форме научной гипотезы или концепции; деятельность по экспериментальной проверке теоретических гипотез и концепций; инженерно-проектировочную деятельность как разработку технических систем, основанных на соответствующих теоретических принципах, и, наконец, разработку технологических систем, включающих в себя функционально связанные технические устройства и операции, компетентности исполнителей и регламентированные условия деятельности, обеспечивающие массовое производство требуемого продукта.

Таким образом, в рамках научно-технологического развития (даже в существенно упрощенной трактовке) обнаруживаются как минимум четыре различные деятельности, осуществляемые в том числе разными научными и техническими сообществами по различным нормам (нормам данных деятельностей) и в различных оргформах.

Надо сказать, что для целей исследования условий и способов совершенствования законодательства о науке и оптимизации правового регулирования отношений в сфере науки ее структури-

¹ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex Russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 133.

² Здесь можно вспомнить о «постнеклассическом» типе научной рациональности, в рамках которого любая наука «учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями». Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. *Философия науки и техники*. Москва, 1996. С. 305. Однако такое понимание современной науки не отменяет тезиса о невозможности правовой регламентации процесса научного познания, поскольку согласование внутринаучных и вненаучных ценностно-целевых структур не влияет на нормы деятельности по производству нового научного знания.

³ В нашей истории достаточно вспомнить так называемую «лысенковщину».

⁴ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642 // *Собрание законодательства РФ*. 2016. № 49, ст. 6887.

рование через систему деятельностей может показаться избыточным. В данных контекстах более адекватной представляется иная онтология, категоризирующая науку как социальный институт. Для юридического мышления такой подход не просто оптимальный, но и, по сути, единственно возможный, поскольку, как известно, в позитивной юриспруденции право — институциональный регулятор, то есть правовые нормы действуют только в рамках социальных институтов. В этом плане наука ничем не отличается от любого другого социального института, а процесс производств новых знаний — от процесса производства, например автомобилей. Поэтому и законодательство, и практика правового регулирования отношений в сферах науки, техники и технологии определяются не положениями, скажем, общей теории деятельности, а правовыми доктринами, формулирующими понятия системности права, предмета и метода правового регулирования и их отраслевых моделей. Не случайно оценка перспектив углубления регулятивной «спецификации» правового регулирования в сфере науки путем разработки специальных законов и соответствующей «настройки» отраслевого законодательства у исследователей данной проблематики не слишком оптимистична¹. Более того, в действующем законодательстве можно найти, по сути, механизмы противодействия возможному законодательному отходу от фундаментальных начал и принципов отрасли, ее предметного единства и системности метода. Так, пункт 2 статьи 3 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что «Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу», что, по сути, блокирует или, по крайней мере, существенно осложняет любые попытки применить к отношениям, отнесенным к предмету данной отрасли, юридические конструкции, не соответствующие принципам и методам гражданско-правового регулирования. Понятно, что на практике здесь возможны варианты толкования, а приоритет кодифицированного нормативного акта перед иными законами данной отрасли — не более чем доктринальное положение. Однако понятно и то, что любые отступления от этого положения влекут риски снижения системного качества отрасли и, следовательно, ее регулятивной устойчивости.

Наряду со сказанным надо признать, что путь и стратегия исключений малоэффективны в правовом регулировании как раз в силу его системности, а именно в силу полиструктурности системы права. По сути, здесь на примере науки обозначается одна из проблем обеспечения эффективности и оптимизации правового регулирования в сферах плохо стандартизируемых деятельностей. С этой точки зрения самым простым противоречием в сфере науки является противоречие между природой научной деятельности и формами ее институциализации. Так, в принципе можно поддержать С. В. Кабышева в том, что, в отличие от западной традиции, российские научные организации, возникавшие по решению власти и функционировавшие при ее существенном участии, изначально ориентированы на содействие успехам Российского государства, процветанию России². Однако это применимо только к научным учреждениям, возможно, какой-то части ученых, но совершенно не имеет отношения к научному познанию как деятельности. В связи со сказанным следует, что задача совершенствования законодательства о науке требует выхода за рамки целей государственной политики в этой сфере, разработки эффективных конфигураций регулятивного инструментария (юридические конструкции, типы, способы и методы правового регулирования и т. д.) и качества законодательной техники. Все это, разумеется, должно быть проработано, но главной становится уже обозначенная проблема построения механизмов учета особенностей научного познания и создания условий для его развития.

К числу правовых инструментов такой работы следует отнести формирование особых правовых режимов деятельности научных организаций. При этом следует учитывать, что в данном случае разработка особых правовых режимов — сложно устроенный процесс, не сводимый к юридической технике, предполагающий системную теоретическую и доктринальную работу и не только юристов, но и экономистов, управленцев и т. д. Дело не только в системном «сопротивлении» действующего законодательства, юридических практик и структур государственного управления, хотя и это вполне заслуживающие внимания трудности, которые придется преодолевать. Основные препятствия сегодня следует связывать с особенностями нашей картины мира и структурами современного общественного сознания. Основная наша проблема в том, что необходимость науки как интеллектуальной базы развития общества надежно обоснована в теоретической модели, признана официальной идеологией, но не является фактом текущих практик. Для наглядности можно задать вполне наи-

¹ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-техническом развитии в Российской Федерации // *Lex Russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 137.

² См. там же. С. 133.

вный вопрос: «А кому в современном обществе действительно нужна наука и научно-технологическое развитие?». Причем вопрос не в том, сохранилась ли наука в числе обсуждаемых масс-медиа вопросов и актуальных тем, а является ли наука необходимым элементом сегодняшних социальных практик. К сожалению, ответ не очевиден даже в отношении естественных наук. Хуже того, не очевиден он и в отношении высоких технологий, создающих техническую среду будущего. В частности, в плане экономии основных ресурсов современного производства (время, финансы, знания и т. д.), увеличения объема прибыли и снижения рисков часто выгоднее не осваивать продвинутое технологии, а сохранять давно освоенные, не требующие сложных технических систем, легко обеспечиваемые дешевой рабочей силой, например за счет организации потока мигрантов. Что сегодня и наблюдается как вполне сложившаяся тенденция, одним из следствий которой является замедление технологического развития. Известно, что в условиях экономической среды изменить ситуацию посредством прямых юридических предписаний и управленческих решений невозможно. Требуется как минимум создание явных преимуществ для бизнеса, построенного на продвинутых технологиях.

Предложенная «логика» оправдывает и следующий вопрос: «Кто заинтересован в развитии сферы прикладных научных исследований и разработок?». Подчеркнем: не кому нужны новые поколения технических устройств, эффективных химических препаратов, высококачественных семян и т. д., как не связанные происхождением результаты таких исследований и разработок, а как связаны сами исследования и разработки как деятельности, обеспечивающие национальные технологические и экономические перспективы? Существуют ли сегодня поставщики технологий, которые не могут решать свои производственные задачи и развивать бизнес без продвижения в этом направлении?

Наконец, пожалуй, самый сложный вопрос: «Кто заинтересован в развитии фундаментальной науки как деятельности с неопределенным результатом, не подчиняющейся общему нормированию и формальному контролю?» Все попытки формализовать науку создают гораздо больше препятствий на пути научного познания, нежели условий, ему благоприятствующих. Оценка продуктивности научных исследований наукометрическими инструментами привела к резкому росту «отписочных» публикаций и сокращению разработок, содержащих действительно научную новизну. Это, в свою очередь, привело к замещению новых идей разного рода переинтерпретациями хорошо известных положений¹. Вменение науке идеологии практичности привело к парадоксальной ситуации, когда одним из критериев оценки вузовской науки становится количество заработанных для вуза денег. Хотя, если основываться на хрестоматийном понимании сущности и роли науки в обществе, важнее обсуждать стратегии и механизмы инвестиций в науку, поскольку, как любая основанная на творчестве интеллектуальная деятельность, наука создает условия для развития общества постольку, поскольку общество создает условия для развития науки². Таким образом, такого рода размышления приводят к мысли, что фундаментальная наука по большому счету не нужна никому в том смысле, что субъекты, для которых фундаментальные исследования являются ресурсом развития, обнаружить не удастся. Понятно, что «естественной» субъектностью в этом плане в силу стратегического значения фундаментальной науки, ее в определенном смысле цивилизационного значения для общества является государство. Однако без выстраивания соответствующих форм и механизмов фундаментальная наука рано или поздно приводится к «общему знаменателю» и попадает в те же схемы управления и правовые режимы, как иные сферы общества. Все это начинает сопровождаться типовым планированием, принципиальным ростом объемов и усложнением форм отчетности и многими другими продуктами бюрократической культуры.

Все изложенное позволяет обозначить как одну из основных проблем совершенствования законодательства о науке противоречие между сущностью и нормами научной деятельности и ее институциональными формами. Суть данного противоречия заключается в разной природе

¹ Так, Н. А. Власенко говорит о наполнении юридической науки «необоснованными и бездоказательными идеями и конструкциями, удвоением терминологии, обоснованием метафор и метафорических сравнений как научных категорий, а также так называемой философской вольностью или попросту игнорированием принципов и требований научного познания и, наконец, прямым или скрытым заимствованием чужих идей и положений». Власенко Н. А. О кризисе современной правовой науки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 268.

² При этом возражения типа «раз развивается общество, то развивается и наука, являющаяся частью общества» не работают, поскольку наука и технология являются ключевыми факторами развития не каждого общества.

связанности указанных видов научной деятельности и оснований отношений их организационных форм. Если взаимодействие видов научной деятельности основано на их функциональной связи, то отношения их организационных форм определяются бизнес-моделями, правовыми институтами и управленческими структурами.

Принципиальное решение данной проблемы связано с юридическим проектированием системы организационных форм видов научной деятельности, построенной по принципу ресурсной зависимости. Это позволит, с одной стороны, максимально адаптировать организационные формы к фундаментальным и прикладным исследованиям, техническим и технологическим разработкам. С другой — повысить их системные эффекты, в том числе путем формирования эффективных управленческих моделей и правовых форм. Что касается проработки предмета, методов и способов регулирования, как и сам выбор юридических конструкций, то при такой обоснованной и системно проработанной модели это превратится в задачи юридической техники, способы решения которых разрабатываются юристами давно и достаточно успешно.

Плетников Виктор Сергеевич,

доктор юридических наук, доцент Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева;

Плясов Константин Анатольевич,

доктор юридических наук, академик Российской академии юридических наук, начальник Нижегородской академии МВД России

Концептуализация законодательства о научной деятельности

Современный мировой правопорядок, вызовы, стоящие перед российским обществом, требуют от органов публичной власти России, в первую очередь законодательных, принять меры, которые позволят сохранить российскую государственность. Практика последних 10 лет показывает, что одним из существенных условий для этого является обеспечение технологического суверенитета. Без современных технологий невозможно создать условия для нормального функционирования общества, обеспечить обороноспособность государства. Российская Федерация должна стать лидером в вопросах обеспечения технологического суверенитета, а для этих целей необходимо обратить внимание не только и не столько на финансовые, материальные ресурсы¹, сколько на создание условий для появления в российском обществе увлеченных своим делом, стремящихся к поиску истины, действующих сообща ученых-исследователей, результаты научной деятельности которых являются основой для прогрессивного развития общества.

В вопросах организации научной деятельности не последняя роль принадлежит праву, которое «определяет минимальные правовые установки, гарантирующие автономность личности»². Сегодня основным нормативным правовым актом, регулирующим научную деятельность в Российской Федерации, является Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — ФЗ № 127), который определяет ряд общих вопросов, базовые характеристики субъектов, организацию и принципы регулирования научной деятельности, а также указывает особенности формирования и реализации государственной научно-технической политики и государственной поддержки инновационной деятельности. С сожалением приходится констатировать, что в условиях четвертой научно-технической революции³ данный Федеральный закон требует пристального внимания со стороны законодателя. Необходимо

¹ Согласно записке заместителя председателя Государственного комитета обороны Молотова (1943) всего потребовалось для познания атома российским ученым (Сила атома: гендиректор «Росатома» выступил на форуме «Знание. Государство»: «Для проведения работ по урану выделить лаборатории № 2 Академии наук СССР 100 рулонов кальки, 50 пар резиновых сапог, 500 лопат, 300 топоров...»). URL: <https://strana-rosatom.ru/2025/02/03/sila-atoma-gendirektor-rosatoma-vy/> (дата обращения: 27.05.2025).

² Теория государства и права: учебник: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. А. С. Шабуров, В. С. Плетников. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009. С. 104.

³ Яницкий О. Н. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chetve-rtaya-nauchno-technicheskaya-revoljutsiya-i-glubinnye-izmeneniya-protsessov-globalizatsii> (дата обращения: 27.05.2025).

пересмотреть его место и роль в российской правовой системе. Он должен обеспечить проведение необходимых институциональных преобразований в российском обществе, без которых невозможно технологическое лидерство России. При этом важно понимать, что есть различные варианты.

Первый — продолжить вносить изменения¹, актуализировать его сообразно моменту. При условии, что сегодня значительная часть изменений имеет целью внесение технических или отражающих современную политико-правовую ситуацию корректив — неэффективный способ. Данный вариант в большинстве случаев позволит обеспечить стабильность отношений в сфере науки, но не даст возможностей изменить отношение к научной деятельности и лицам, ею занимающимся.

Второй — отказаться от базового закона, который регулирует общие вопросы организации и осуществления научной деятельности. Остановиться на разработке и принятии отдельных федеральных законов, которые определяют, например, вопросы создания и деятельности научных организаций, научных фондов, научной деятельности образовательных организаций и т. д. Причем все предпосылки для этого есть². Только возникает одна проблема — несбалансированность развития, дефектность отдельных механизмов организации научной деятельности.

Третий — концептуально пересмотреть роль базового закона в организации научной деятельности, заложить иную структурно-логическую схему, которая позволит его использовать как организующее начало для качественного научного обеспечения всех процессов в российском обществе — предпочтительный вариант в условиях технологизации общественных отношений.

Важно понять одно, что без существенных изменений в правовом регулировании научной деятельности не удастся добиться искомого результата, как минимум необходимо принять меры для повышения эффективности ее организации.

Во-первых, необходимо, как верно пишет С. В. Кабышев³, конкретизировать предмет правового регулирования ФЗ № 127. Причем конкретизация не должна выражаться во внесении точечных поправок в действующий акт, изменение отношения законодателя к его положениям. Внимание должно быть уделено установлению в первых статьях закона (преамбуле) границ правового воздействия. На первый взгляд это может показаться не существенным, но отсутствие данных положений вызывает острое желание у всех институтов публичной власти своими действиями исправить данную ситуацию. Только закрепление предмета правового регулирования в тексте закона способно обеспечить стабильность и правильность понимания разрешенного объема действий.

Сегодня в преамбуле ФЗ № 127 сказано, что он регулирует «отношения между субъектами <...>, в том числе по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности», то есть закон, который должен устанавливать правовые основы организации и осуществление научной деятельности с точки зрения предмета, не содержит ни одного упоминания о такого рода деятельности. В данном плане региональные акты намного более содержательны, например:

— закон Новосибирской области от 20 апреля 1995 года № 17-ОЗ «О научной деятельности и научно-технической политике Новосибирской области» устанавливает «основы организации научной... деятельности, ...виды государственной поддержки в сфере научной деятельности»;

— закон Свердловской области от 2 апреля 2001 года № 33-ОЗ, поскольку называется «О государственной научно-технической политике Свердловской области» определяет «цели, основные задачи и принципы, порядок формирования и реализации государственной научно-технической политики Свердловской области...». И в первой же статье закона говорится о том, что «целями государственной научно-технической политики Свердловской области является усиление роли наук...».

При этом, как будет называться данный закон, не имеет большого значения, в отечественной практике много ситуаций, когда название не отражает содержание акта, например, таких актов много в сфере обеспечения безопасности⁴. Принципиально, что он должен быть организован таким образом, чтобы выполнять возложенные на него цели.

¹ Согласно данным СПС «КонсультантПлюс» действует 48 редакция.

² О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 2 ноября 2013 года № 291-ФЗ; О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 27 сентября 2013 года № 253-ФЗ; Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ и т. д.

³ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 132–142.

⁴ Плетников В. С., Федоров А. Ю., Плетникова М. С. Обеспечение общественной безопасности (теоретико-прикладные аспекты): монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2012. С. 3–7.

Следовательно, второй момент, который требует принципиального решения: соотношение науки и практики (в отдельных случаях данный ряд может быть дополнен понятием «образование»). В современных реалиях на законодательном уровне фактически закрепляется обязанность для представителей научного мира обеспечить внедрение результатов научной деятельности в практику, активно искать направления возможного применения научного знания. Наука попала в подчиненное положение к практике, которая выступает в качестве высшего основания, цели и критерия, определяющего возможность существования науки¹. При таком положении дел ученый должен быть в первую очередь не исследователем, а предпринимателем, который стремится получить выгоду от достигнутых результатов. Как следствие, не стоит требовать от субъекта, коммерциализирующего результаты своего труда, преданности Отечеству, следования высоким нравственным идеалам, служения обществу и т. д.

Ситуацию можно изменить только при условии, если в ФЗ № 127 будет не только декларативное упоминание о фундаментальной науке, например установлен принцип гарантированного приоритетного развития фундаментальных научных исследований, но и определены субъекты, связи, объемы финансирования и другие положения. Стоит отметить, что ФЗ № 127 — не самый плохой вариант, поскольку в статье 15 данного закона, например, отмечен источник финансирования фундаментальных научных исследований — федеральный бюджет. Проблема в другом — в объемах и правилах получения финансирования, в том числе из научных фондов.

Сегодня, возможно, даже стоит отдельно обозначить, что лица, не принимающие участия в фундаментальных исследованиях, не допускаются до выполнения научных работ на возмездной (грантовой) основе. Правда, и здесь многое будет зависеть от семантики словоупотребления. Главное — правильно донести до исследователя волю государства²: необходимость проведения фундаментальных исследований (безвозмездное участие в такого рода исследованиях), наличие научных (нефинансовых) интересов в науке и т. д. При иных интерпретациях обозначенного положения возможна обратная реакция — отвержение/отторжение науки.

В-третьих, следует уделить внимание и правильно использовать разработанные представителями правоведения юридические конструкции³, в частности конструкцию правоотношения, которая лежит в основе значительного количества нормативных правовых актов России: субъект, объект и содержание правоотношений.

Сегодня ФЗ № 127 содержит лишь некоторые общие характеристики субъектов (участников) отношений в научной сфере, а также отдельные положения, отражающие содержание данных правоотношений. К сожалению, несмотря на положительные примеры, Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ФЗ № 127 не содержит характеристик объекта. Складывается впечатление, что законодатель умышленно оставляет без внимания собственно «науку», не использует конституционные положения, определяющие границы правового воздействия, как это сделано во многих других законах.

Особое внимание при реформе правового регулирования научной деятельности следует уделить воплощению в жизнь положений теории систем. Фактически любой закон, с помощью которого осуществляется общее правовое регулирование как сложная система, должен включать некоторый набор элементов⁴ (части, разделы, главы), в которых сконцентрированы нормы, позволяющие определить:

- базовые характеристики предмета правового регулирования – элементы системы;
- структуру системы, то есть отношения и связи между элементами системы;

¹ Актуальные проблемы теории государства и права: учебник / кол. авт.; под ред. В. Д. Перевалова. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2019. С. 94–97, 108.

² Это сделано в Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) (распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 года № 3684-р), в которой должна идти речь о проведении фундаментальных исследований, а в разделе 6 сказано: «Реализация плана направлена на получение новых знаний... для ответа на большие вызовы, ... своевременного ответа на них».

³ Пономарев Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 175 с.; Баранов В. М., Мареев Ю. Л. Юридические конструкции: сценарий компьютерного урока // Юридическая техника. 2013. № 7-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-konstruktsii-stsenariy-kompyuternogo-uroka> (дата обращения: 27.05.2025).

⁴ Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. Москва: Знание, 1964. 48 с.; Юдин Э. Г. Методология. Системность. Деятельность. Москва: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.

— внешние связи системы: сферы, субъекты, которые зависят от элементов системы и наоборот, которые оказывают принципиальное воздействие на элементы системы;

— функции системы: ее роль в современном российском обществе.

Только при условии, что все вышепредставленные характеристики отражены в тексте закона, регулирующего научную деятельность, будет возможно обеспечить качественную включенность науки и ее представителей во все социальные процессы. В ином случае, как верно отмечает С. В. Кабышев, ФЗ № 127 так и не приобретет «базового консолидирующего характера»¹.

И последнее, что, возможно, напрямую не касается проблемы качества ФЗ № 127, но существенным образом влияет на правовое регулирование научной деятельности — система нормативных правовых актов, регулирующих научную деятельность, и все, что так либо иначе с ней связано. Когда концепция и структура закона, регулирующего научную деятельность, будет соответствовать выдвинутому выше требованию, важно продолжить работу и добиться, чтобы в обществе сложилось соответствующее понимание и отношение к науке, ее представителям и результатам. Другие нормативные акты должны обеспечивать должную ретрансляцию положений базового закона, то есть фактически выступать специальными нормами по отношению к общим положениям базового закона (даже несмотря на их статус федерального закона). Важно, чтобы закон писался под стратегию развития, а стратегия могла быть сформирована в рамках действующих общих положений.

Подводя итог, реализация выдвинутых предложений позволит обеспечить концептуализацию законодательства о научной деятельности, сформировать/сконструировать представления о научной деятельности таким образом, чтобы все участники отношений понимали общие правила работы в данной сфере и совместными действиями обеспечили российское технологическое лидерство.

Сивицкий Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

К вопросу о содержании нового законодательного регулирования науки

1. Федеральный закон № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» принят 23 августа 1996 года. Данный нормативный акт постоянно претерпевает изменения. При этом сложилось понимание необходимости принятия взамен него нового закона (далее — Закон о науке). А вот как это делать? Каким должен быть новый Закон о науке? Это как раз предмет возможного и даже необходимого обсуждения.

Закон является наиболее подходящим правовым средством для установления прав и обязанностей широкого круга участников правоотношений. Не говоря уж о том, что согласно части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации он является единственно возможной формой установления ограничений прав, которые также могут быть необходимыми в такой значимой для национальных интересов сфере, как наука.

Как верно отмечено в статье С. В. Кабышева, «при формировании концепции нового закона о науке, вероятно, оправданно исходить из того, что он должен <...> обеспечить необходимые правовые формы реализации обновленной Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»² (далее — Стратегии). В развитие тезиса о необходимости обеспечить необходимые правовые формы реализации Стратегии уместно процитировать одного из крупнейших российских исследователей проблем правотворчества В. М. Баранова, выдвинувшего три следующих «взаимосвязанных и в определенной степени парадоксальных», как он сам указал, тезиса.

«Первый — теоретически неоправданно полагать, что качественный закон может деформировать и сделать неэффективным его «плохое» применение.

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 132–142.

² См. там же.

Второй — практически вредно считать, что после разработки и принятия закона можно создать высокоэффективный механизм его реализации.

Третий — социально опасно утверждать, что лучше иметь некачественный, «сырой» закон, нежели не иметь никакой правовой регламентации в той или иной сфере деятельности¹.

Соответственно, чтобы новый Закон о науке получился качественным, он должен содержать в себе механизмы достижения той цели и выполнения тех задач, которые Российская Федерация ставит перед собой в области науки. При этом необходимо исходить из презумпции, что эти цель и задачи определены в Стратегии, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145.

2. Развертывание цели научно-технологического развития (которой согласно пункту 23 Стратегии является обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, достижения национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов путем создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации) осуществляется следующим образом. Пункт 24 Стратегии определяет основные задачи, которые необходимо решить для достижения цели (их пять), а дальше пункты с 28 по 32 Стратегии, определяя «основные направления государственной политики в области научно-технологического развития и меры по ее реализации», по сути, раскрывают и конкретизируют каждую из этих задач, закрепляя достаточно конкретно то, в чем должно выражаться ее решение (применена нормативная конструкция «осуществляется путем», «обеспечивается путем», «достигается путем»), то есть в определенном смысле тем самым определяется целевое состояние данной сферы общественных отношений в соответствии с задачами, указанными в Стратегии, и, соответственно, для достижения установленной ею цели.

Соответственно, логика работы над новым Законом о науке должна состоять в том, чтобы для каждого из подпунктов пунктов с 28 по 32 Стратегии продумать, что должно быть сделано для того, чтобы максимально быстро, эффективно и экономно получить желаемый эффект. Например, с помощью каких инструментов осуществить «вовлечение научных и образовательных организаций, малых технологических компаний в технологическое обновление отраслей экономики и в создание новых рынков товаров и услуг во взаимодействии с крупными компаниями и органами государственной власти Российской Федерации» (подп. «в» п. 28), реализовать «поддержку отдельных территорий (субъектов Российской Федерации) с высоким научно-технологическим потенциалом в целях его сохранения, укрепления и эффективного использования, а также в целях трансфера технологий, товаров и услуг, привлечения высококвалифицированных кадров в научно-технологической и производственной сферах в иные субъекты Российской Федерации» (подп. «г» п. 29) и так далее, то есть необходимо определить, какие управленческие, экономические и финансовые инструменты для этого надо использовать, чьи и какие права и обязанности надо установить (при необходимости и в других законах) и так далее, чтобы соответствующий элемент требуемого состояния научно-технологической сферы был достигнут.

При этом не обязательно, чтобы структура нового Закона о науке строго следовала за подпунктами пункта 24 Стратегии (перечень задач научно-технологического развития). Важнее обеспечить в содержании Закона полное «покрытие» всех элементов требуемого состояния научно-технологической сферы регулированием, служащим их достижению. Такое «покрытие» не должно быть формальным. Например, вряд ли будет достаточно просто установить, что «Правительство обеспечивает вовлечение научных и образовательных организаций, малых технологических компаний в технологическое обновление отраслей экономики»: лишь только этим достижение целевого состояния согласно подпункту «в» пункта 28 Стратегии инструментально обеспечено не будет.

3. Также нужно учитывать следующее. В пункте 48 (раздел VII) Стратегии перечислены инструменты ее реализации. К таковым отнесены государственная программа в области научно-технологического развития, в которой консолидируются все меры и инструменты поддержки научных исследований и разработок федерального уровня; национальные проекты (программы) и предусмотренные ими федеральные проекты; отраслевые документы стратегического планирования в части, касающейся прогнозирования, целеполагания, планирования на федеральном,

¹ Баранов В. М. Прогнозирование вариантов противодействия закону как необходимое условие его качества // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации. Москва; Нижний Новгород, 2007. С. 34.

региональном и муниципальном уровнях в области научно-технологического развития; стратегические инициативы Президента Российской Федерации в научно-технологической сфере, в том числе важнейшие инновационные проекты государственного значения, федеральные научно-технические программы, а также Национальная технологическая инициатива; программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период; стратегические и программные документы Российского научного фонда и иных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности; плановые и программно-целевые документы государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний и иных организаций, созданных на основании федеральных законов, содержащие мероприятия, направленные на развитие науки, технологий и технологического предпринимательства; иные государственные программы Российской Федерации, государственные программы субъектов Российской Федерации, муниципальные программы, национальные и федеральные проекты, а также нормативные правовые и распорядительные акты, разработанные на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в том числе экономические и организационные инструменты, способствующие повышению эффективности реализации государственной политики в области научно-технологического развития в целях обеспечения независимости и конкурентоспособности государства.

Но это укрупненные инструменты. Наверное, порядок и условия использования каждого из них применительно к особенностям сферы науки могут быть урегулированы в Законе о науке либо непосредственно, либо через достаточно адресную отсылку к другим федеральным законам. Но вопрос о том: «Как эти инструменты будут использоваться применительно к достижению установленных подпунктами пунктов 28–32 Стратегии элементов целевого состояния научно-технологической сферы и все ли они будут использоваться для достижения каждого из этих элементов?», как раз и нуждается в обсуждении при разработке нового Закона о науке. Таким образом, важно не ограничиться лишь регулированием этих укрупненных инструментов, а обеспечить в новом Законе о науке механизмы с вовлечением в них этих инструментов достижения соответствующего целевого состояния согласно Стратегии.

Это не отрицает тот факт, что именно программно-проектные инструменты реализации Стратегии должны быть основным «приводным ремнем» трансформации государственной воли в сфере научно-технологического развития в осязаемый результат. Задача Закона о науке состоит, в частности, в том, чтобы сделать использование этих инструментов наиболее эффективным, сопрячь задачи в их конкретизированном пунктами 28–32 Стратегии выражении и данные инструменты.

4. Разработка этого Закона должна начинаться со своеобразного «мозгового штурма» по разработке механизмов. Причем, как представляется, очень важно не сдерживать и не связывать себя при таких мозговых штурмах какими-то догмами и привычным модусом действий в этой сфере. Наоборот, должны приветствоваться и поощряться яркие, нестандартные решения. Если идти по накатанному пути, то это не обеспечит необходимый научно-технологический прорыв.

Когда будут обдуманы и придуманы механизмы достижения целевого состояния научно-технологической сферы, то по большому счету положить это в текст нового Закона о науке — дело юридической техники. Но когда первый проект нового Закона о науке будет готов, положения подпунктов пунктов 28–32 Стратегии опять же должны быть критериями для сверки его соответствия определенным в ней задачам: условно говоря, берем каждый из этих подпунктов и смотрим, как он обеспечен в содержании Закона о науке. Если выявится лакуна, следовательно, проект не содержит в себе механизмы, с помощью которых будет достигаться то, что предусмотрено соответствующим подпунктом, значит, что-то не доделано до конца в его тексте, и это срочно надо исправить. И такую сверку надо проводить на каждом этапе его прохождения, чтобы не «выпало» что-то важное.

Естественно, сказанное не означает, что в Законе о науке не должно быть чего-то, выходящего за рамки содержания Стратегии. Но ни в коем случае в нем не должно быть положений, препятствующих реализации установленных ею задач, поэтому, помимо анализа наличия необходимого обеспечения положений пунктов 28–32 Стратегии необходимыми механизмами, в процессе работы над проектом Закона о науке необходим сквозной анализ его положений на предмет рисков создания препятствий для достижения соответствующего состояния научно-технологической сферы.

5. Не хотелось бы быть понятым в том смысле, что новый Закон о науке должен быть таким, что охватит вообще все нормативное регулирование науки, то есть не оставит за своими пределами предмета для правового регулирования в этой сфере. Было бы опрометчиво пытаться создать, условно говоря, «Кодекс законов о науке», это был бы громоздкий и негибкий документ.

Во-первых, безусловно, часть вопросов должна остаться в сфере подзаконного регулирования — разного рода порядки, положения, правила и т. д. Но при этом Закон о науке должен четко определить систему такого подзаконного регулирования, возможно установить принципиальные для реализации задач Стратегии положения, которые потом уже будут конкретизироваться на подзаконном уровне, то есть Закон о науке будет смысловым ядром для системы нормативного регулирования.

Во-вторых, не стоит пытаться интегрировать в Закон о науке положения федеральных законов, которые уже добротнo регулируют отдельные аспекты научно-технологического развития. Как, например, Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 216 «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» урегулирована эта форма его обеспечения. Другое дело, что между новым Законом о науке и иными законами, затрагивающими эту сферу, должна быть выстроена такая системная связь, чтобы было понятно, как они дополняют друг друга.

Червонюк Владимир Иванович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Гарантии свободы научного творчества и статус ученого: юридическая конструкция *de lege ferenda*

Проблема, подвергнутая концептуальному осмыслению в привлеченной публикации С. В. Кабышева, требует специального анализа по самым разным аспектам разрабатываемого закона о науке. Безусловно, что с позиции *de lege lata* вопрос о субъектах научной деятельности, гарантиях носителю научных идей, равно как и инициатору внедрения инноваций в самые различные области общественной практики новатору, в современных реалиях не может удовлетворять экспертную среду. Более того, имея в виду, что в значительной, если не в решающей мере качество науки определяет качество государства, что «наука и ее научный потенциал», как вытекает из документов стратегического планирования, есть «национальное достояние, определяющее будущее нашей страны», отмеченное состояние законодательного регулирования науки не соответствует и стратегии развития российского общества.

В этой связи правильного уяснения требует вопрос о том, что подлежит урегулированию в разрабатываемом законе о науке или, иными словами, уточнение касается предмета законодательного регулирования в проектных установлениях. По степени значимости автор упомянутой публикации проблему «определения предмета правового регулирования, в частности, наименования закона»¹ выдвигает в качестве первоочередной. Не пренебрегая методологическими строгостями и основываясь на доктринальном различии объекта и предмета правового регулирования², обратит внимание на объект и предмет регулирования в предполагаемом законе о науке.

Как представляется, объектом законодательного регулирования науки являются следующие взаимосвязанные и зависимые друг от друга социально-правовые конструкты: (1) организация науки, а равно инновационной деятельности; (2) собственно научная и инновационная деятельность; (3) личность ученого (новатора), свобода его научного творчества (юридическое содержание, пределы, ограничения), статус и инструментарий его обеспечения.

Предмет регулирования в предполагаемом законе — комплекс интересов³, реализующихся в действиях, решениях, проектах, замыслах, соответственно, в связи с организацией науки,

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 135.

² См.: Червонюк В. И. Теория государства и права. Москва: ИНФРА-М, 2006. С. 346 и сл.

³ Об интересе как эссенциальном (сущностном) свойстве права, предмете регулирования и др. см.: Червонюк В. И. Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования: монография. Москва: Юстицинформ, 2024. С. 728–812.

научной деятельностью и собственно творчеством ученого (новатора). Интересы порождают имеющие юридическое значение и соответствующие правовые последствия многочисленные связи и отношения. Причем применительно к сфере действия закона о науке, следует вести речь не просто о различных, но о разнотипных интересах: в зоны, участки действия данного закона одновременно вовлекаются как публичные, так и имеющие частноправовую природу интересы; интересы, прямо урегулированные законом, приобретающие характер субъективных прав и опосредованно связанные с правом, в том числе приобретающие форму так называемого «законного интереса»¹; интересы, не противоречащие праву, так и реализующиеся вопреки его целям и смыслу.

Что касается наименования предполагаемого закона, то сохранение версии действующего Федерального закона от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке), наверное, допустимо, имея в виду, что наименование закона отражает его общую цель и назначение. Собственно говоря, отмеченное наименование отвечает данному требованию: (1) в нем сделан акцент на утверждение ценности науки как общественного института и (2) определена основная сфера (пространство) его (закона) действия — реализация государственной научно-технической политики. Это обстоятельство достаточно точно отражено в анализируемой публикации С. В. Кабышева². Можно обратить внимание, что действующие в зарубежных странах законодательные акты о науке в чем-то сходны с наименованием упомянутого Закона³. Вместе с тем вариативность наименования проектируемого Закона сохраняется. С учетом преследуемых и уже заявленных целей проектируемого закона, своеобразия времени его принятия, видимо, наименование «Федеральный закон о науке и инновационной деятельности» все же выглядит предпочтительнее.

С предметной сферой законодательного регулирования науки напрямую связано использование особенного инструментария нормативного регулирования⁴. Отмеченное в том числе предопределено внеотраслевым характером «права науки» (высшей юридической формой которого наряду с Конституцией Российской Федерации выступает Закон о науке) — интенсивно формирующейся и подверженной динамике особой нормативной общности в структуре современного права. Сформулированные в полезной и содержательной работе категоричные выводы о том, что «научное право позиционируется в качестве особой отрасли российского права со всеми атрибутами: предметом, методом, принципами», что «законодательство о науке с учетом многочисленности нормативных правовых актов и их содержания давно обособилось в отдельную отрасль российского законодательства» в принципе устарели и не соответствуют закономерностям формирова-

¹ Червонюк В. И. «Законные интересы»: традиционный взгляд (позитивистская интерпретация) и оценка в контексте естественно-правовой природы прав человека // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 2 (58). 12–23.

² Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 136.

³ Это, в частности, один из множества действующих в данной сфере фундаментальных актов США — Закон «О научно-технической политике, организации и приоритетах» 1976 года; в Республике Корея действует Специальный закон «О поддержке науки и техники в целях укрепления национальной конкурентоспособности в научно-технической сфере», в КНР — Закон о научном и технологическом прогрессе, в Нидерландах — Закон о высшем образовании и научных исследованиях от 8 октября 1992 года; в Японии в 1995 году принят «Основной Закон о науке и технологиях», а Основным законом в области науки для Соединенного королевства является Акт «О науке и технологиях» 1965 г. (*The Science and Technology Act*, 1965); в Израиле функциям «закона о науке» более всего соответствует так называемый «Закон о поощрении НИР» 5744/1984 г.; в Чехии базовым в данной сфере является Акт № 130 «О поддержке науки и технологий, финансируемых из государственных фондов»; во Франции действует Исследовательский кодекс Французской Республики (Четвериков А. О. Кодификация законодательства о науке и научной политике в зарубежных странах (пример Исследовательского кодекса Французской Республики): монография. Москва: КноРус, 2025. 119 с.). При том, что Швеция имеет самый высокий показатель среди стран Евросоюза по количеству защищаемых диссертаций и получению ученых степеней (PhD), а по числу трудоустроенных (на 100 тыс. человек), имеющих ученую степень, страна уступает только Финляндии (Талагаева Д. А. Шведская научная политика в рамках Европейского научного пространства // *Вестник Брянского государственного университета*. 2019. № 4), тем не менее в Швеции нет основополагающего документа, определяющего регулирование научно-технической сферы. На уровне Европейского Союза Генеральным директором Европейской комиссии по исследованиям утверждена Европейская Хартия исследователей и Кодекс правил приема исследователей на работу от 1 марта 2005 года. Аналогичный российскому приняты законы в государствах СНГ. В частности, в Республике Казахстан действует Закон от 1 июля 2024 года № 103-VIII ЗРК «О науке и технологической политике» (в ред. от 31 мая 2025 года).

⁴ Научное право: монография / под ред. А. А. Васильева. Москва: ИНФРА-М, 2024. С. 16, 17.

ния структуры современного права¹. Отсюда и суждения авторов о методе регулирования в Законе о науке нуждаются в коррекции. Если совсем коротко, то инструментарий законодательного регулирования предопределен, буквально «связан» характером опосредуемых интересов; их «распознавание» в правотворческом познании дает подсказку законодателю относительно выбора метода регуляции; вероятность законодательной ошибки в таком случае ничтожна или вовсе исключена. Отсюда метод (методы) регулирования, применяемые правовые режимы, включая «мягкий» регулятивный ресурс техники и технологии в отношении организации науки и научной (инновационной) деятельности, оказываются особенными. При этом следует иметь в виду, что фактор конвергенции в современных условиях оказывает доминантное влияние на характер складывающихся на основе объективирующихся интересов связей и отношений: реализация одних и тех же интересов в различных интеракциях может предполагать или частнопроводные, или публично-правовые коммуникативные связи и отношения. Конечно, в этой ситуации законодателю важно «не сбиться с курса».

Обращение к аналитике законодательства о науке (равно и инновационной деятельности) целой группы стран, для которых научный прогресс является едва ли не главным драйвером успешного развития в экономике и социальной области, позволяет найти по меньшей мере один из главных ответов на вопрос относительно причины успеха². Причина успеха, как это доказывает практика преуспевающих стран, заключена в заданных национальным законодательством и политическими практиками отношениях между государством (всей системой публичной власти), обществом и субъектами осуществления научной и инновационной деятельности. В сущности, речь идет о социальном статусе научного работника (новатора).

Действующий Закон о науке, претерпевавший множество изменений (более 50-ю законами вносились такие изменения), тем не менее весьма поверхностно касается данной проблемы³. Есть опасения, что и в новом Законе о науке этот намеренный первоначальный пробел не будет устранен. Недостатком действующего Закона о науке является его достаточно своеобразная оценка субъектов научной деятельности. Это, прежде всего, касается терминологических изъянов, но таких, которые имеют субстантивное значение. В объемном по содержанию Законе о науке понятие ученого — действительного носителя научных идей, не встречается. В пунктах 1, 6–9 статьи 4 Закона о науке используется понятие «научный работник», однако в данном нормативном акте научные работники не представлены (помимо прочего, это непосредственно влияет на оценку труда научного работника). Отмеченное является законодательной ошибкой, которая не только существенно снижает социальный статус ученого⁴, но и девальвирует ценность науки как общественного института. Понятно, что разрабатываемая версия Закона о науке должна учесть данное обстоятельство. При этом обязательной должна быть и категоризация ученых — введение законодателем в оборот понятия «ведущие ученые». Не будет лишним предусмотреть в Законе учреждение и такой высокой академической степени, как «доктор философии» (Doctor Philosophy, PhD), что не только традиционно для стран Запада, но и, к примеру, воспринято в новом Законе Республики Казахстан от 1 июля 2024 года № 103–VIII ЗПК «О науке и технологической политике» (п. 47 ст. 1.3). В этой же связи в новом законе должна появиться специальная глава⁵ предпочтительно с наименованием «Гарантии статуса субъектов научной и (или) научно-технической деятельности», в содержание которой отдельными статьями были бы инкорпорированы по меньшей мере следующие правоположения: «Оплата труда научных работников»; «Отпуск научных работников»; «Творческий отпуск

¹ См.: Червонюк В. И. Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования: монография. Москва: Юстицинформ, 2024. 942 с.

² Причину же «неуспеха» российской науки исследователи проблемы главным образом усматривают в некоей триаде. Это «недофинансирование» науки, ее «не востребованность», а равно «плохое управление», в котором каждая в отдельности из таких причин порождает другую.

³ На исходе 90-х годов XX века под влиянием и при участии научной общественности Совет Федерации Российской Федерации, реализуя право законодательной инициативы, инициировал рассмотрение в Государственной Думе Российской Федерации проекта федерального закона «О статусе научного работника». Притом, что законопроект отличался добротностью его подготовки, именно на стадии обсуждения его рассмотрение было завершено.

⁴ Известно, что во Франции научный работник имеет статус государственного служащего или должностного лица, что, несомненно, способствует как формированию высокого социального статуса, так и утверждению его особой роли в государственном управлении. Правда, здесь не все понятно, в частности, как свобода творчества ее носителя совмещается с публично-правовым статусом этого же лица.

⁵ Если вернуться к проектам федеральных законов о науке, внесенных на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации в 1994 году (в преддверии принятия действующего Закона о науке), то исключенная из законопроекта статья «статус научного работника» постоянно напоминает о себе.

ученого»; «Стажировка»; «Меры социальной защиты научных работников» (включая преференции на приобретения жилья и земельных участков); «Меры поощрения ученых, научных работников научных организаций и организаций высшего и (или) послевузовского образования»; «Подготовка, переподготовка и стажировка научных, научно-технических кадров». Безусловно, специальные гарантии статуса должны распространяться и в отношении субъектов инновационной деятельности.

Новации должны коснуться иных субъектов научной деятельности, в частности научной организации, понятие которой в действующем Законе о науке не соответствует ее действительному смыслу; представленное в дефинитивном установлении (ст. 5.1) определение исключает из общего числа большое количество организаций, для которых осуществление научной и (или) научно-технической деятельности хотя и не является основной деятельностью, но тем не менее такую деятельность пусть и не в качестве основной, но они осуществляют. Очевидно, что в проектируемом законе следует четко определить понятие организации, ведущей научную и научно-техническую деятельность. Как на это обратили внимание исследователи, юридические лица, которые были зарегистрированы как научные организации, выполняли далекие от научной и научно-технической деятельности работы и при этом, пользуясь возможностями предоставленного статуса, участвовали в конкурсах на получение грантов для научных исследований, в том числе за счет средств государственного бюджета¹.

Известно, что для получения определенных государственных преференций в первоначальной редакции Закона о науке научным организациям предлагалось пройти аккредитацию. В последующем внесенными в Закон о науке изменениями такое обременение было исключено. Представляется целесообразным в новый закон о науке включить положение следующего содержания: «Субъекты научной и (или) научно-технической деятельности, участвующие в государственном финансировании, подлежат процедуре обязательной аккредитации».

Как представляется, в новом законе о науке должны получить отражение установления, ориентированные на достижение общественно ожидаемых результатов. В этой связи следует признать неоправданным детальное регулирование в действующем Законе о науке порядка защиты диссертаций, присуждения ученых званий и степеней (ст. 4.1), порядка осуществления научной организацией образовательной деятельности (ст. 5), полномочий ВАК (ст. 6.1).

Автор обсуждаемой публикации справедливо обращает внимание на связь права и этических норм в правовом регулировании научной деятельности. Действительно, сфера науки, инновационной деятельности весьма чувствительна по отношению к стремлению управляющих систем подвигнуть пространство научной и инновационной деятельности детальной регламентации. Отмеченное не означает, что доступ в пространство науки и инновационной деятельности для права оказывается весьма ограниченным. Речь идет о перераспределении методов правового регулирования, умном дерегулировании (не регуляторной гильотине), использовании возможностей «мягкого» права, механизмов саморегулирования, в связи с чем корпоративное право получает новый импульс к развитию; законодательное закрепление в этой связи «нормы-признания» весьма желательно. Безусловно, эффективным регулятором в этом случае оказываются принципы права. Новый закон о науке в указанном смысле должен все же превзойти действующий аналог.

Крусс Владимир Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета

К вопросу продуктивности диалога о правовом регулировании в научно-технической сфере: неопозитивизм и конституционализм

Ниткой большой камень не поднять
Японская половица

В ряду актуальных задач российской юридической науки стоит проблема адаптации традиционных форм правового регулирования к беспрецедентным технологическим инновациям четвертой и

¹ См.: Миндели Л. Э., Фетисов В. П. Основы российского законодательства о науке: проблемы и перспективы. Москва: ИПРАН РАН, 2017.

уже подступающей пятой промышленной революции¹. Наглядное ускорение социального времени не помешало ученым-юристам увидеть связь технологического бума с изменениями самого права, его элементов (форм) и системы². Однако приоритетным должно оставаться онтологически взвешенное конструирование на основе определенного понимания сущности права.

Приверженность конституционному правопониманию как составляющей философии, теории и практики реального конституционализма³ вынуждает нас усомниться в возможности положительного ответа на вопрос, имплицитно поставленный в названии публикации. Подлинное согласие – как цель и оправдание юридико-догматических споров о модернизации законодательства о научной деятельности – маловероятно. Тем не менее мы попробуем приблизиться к этой цели через сравнение установок и методологии конституционной теории права с юридическим неопозитивизмом. Такой выбор обусловлен тем, во-первых, что не озабоченный различием «юридических диалектов» российский законодатель обращается преимущественно именно к позитивистам (неопозитивистам), когда ищет научно-юридического содействия своей миссии. И, во-вторых, отечественные позитивисты в своих суждениях уже вполне убедительно опираются на положения Конституции Российской Федерации (для них — Основного закона).

Различие двух подходов в отношении к праву между тем сохраняется и проявляется как и положено главному в деталях. В частности, теоретический конституционализм отвергает знак равенства — при всех *выгодах* такого восприятия — между наукой и научно обоснованной государственной политикой⁴.

Наука в ее конституционно-аутентичном понимании есть высшая форма рационально-духовного творчества человека (ученого) и человечества, *изначально* обусловленная подсознательной устремленностью к образу будущего. Однако уже в конце XIX столетия прагматическая связь науки и производства (материальных благ) «усиливает тенденции дегуманизации как индустрии, так и науки»⁵. Беспрецедентный технологический «прорыв» артикулирует уже сугубо количественную интерпретацию идеи научного прогресса. Юридический позитивизм демонстрирует готовность принять ее без какого-либо критического противопоставления «своему» идеалу должного. (Заявляя обратное, он противоречил бы самому себе.) Только конституционное правопонимание, не декларируя, но «раскрывая» *человека как личность*, позволяет обосновать и легитимные ограничения свободы творчества, и алгоритм надлежащего восприятия государством этого феномена. Применительно же к тому комплексу вариаций личностного самовыражения, который охватывается понятием научно-технологического творчества, такая конкретизация и актуализация оказываются максимально проблематичными.

Реальный конституционализм одинаково не приемлет трактовки научно-технологического творчества и как сугубо личностного процесса, исключаяющего любые схемы рационализации (а значит, и юридические конструкции), с одной стороны, и как результата административного приведения в соответствие с общественными (достоверно — государственными) интересами и целями, с другой стороны. Дело не в том, что названные варианты невозможны или критично непродуктивны. История России знает примеры обратного: от востребованных открытий П. Яблочкова и А. Попова до прорывных проектов И. Курчатова и С. Королева, причем в реалиях *сущностно различных* политических режимов. Пытаться объяснить это «идей служения интересам Отечества» – заложенной в матрицу институциональных форм и подходов к упорядочению интеллектуального творчества — видится нам намерением более комплиментарным, чем верифицируемым⁶.

¹ См., напр.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва, 2016. 208 с.

² См., в частности: Баранов В. М., Толстик В. А. Кодифицированный процесс и результат // Кодификация законодательства: теория практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Ниžний Новгород, 25–26 сентября 2008) // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 130–140; Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–86.

³ См.: Крусс В. И. Реальность российской Конституции // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации, 60-летию Всеобщей декларации прав человека (Санкт-Петербург, 13-14 ноября 2008) / отв. ред. В. Д. Зорькин. Москва, 2009. С. 235–250.

⁴ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 133.

⁵ См.: Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, «ПАРАПРИНТ». 1998. С. 543.

⁶ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 133.

Тем более трудно согласиться с утверждением, что именно наука призвана служить «важнейшим смыслообразующим, ценностно-мировоззренческим фактором развития России»¹. Осознание и обретение смыслов и ценностей предполагает не научный, а философский уровень. Особенно в России, где и концептуалистика научного этоса, и рациональная юридическая методология не могут игнорировать того — недавнего по времени — «откровения», что становление отечественной философии права неизбежно связано «с восприятием и последующей эволюцией христианского философско-религиозного мирозерцания в его греческой (византийской) версии»². Однако за рамками такого признания позитивизм спокойно «констатирует», что «православное мирозерцание уступило свои доминирующие позиции» и «остается малозаметным в идейном позиционировании в условиях постсоветского доктринального плюрализма»³. Реальный конституционализм превосходит такого рода «эмпирические истины».

Раскрывая философско-библейское измерение человеческой личности и, опираясь на установление Конституции (ч. 2 ст. 67.1), конституционализм руководствуется целеполаганием возвращения к «национальным истокам и ценностным характеристикам»⁴. С позиций конституционной антропологии психологическая и/или экзистенциальная («глубинная или мистическая») творческая мотивация не «освобождает» человека от объективной детерминации его решений и действий. Причем именно личностное начало (ипостась) творца не позволяет ему абстрагироваться от реалий национальной правовой системы как факторов, определяющих спекулятивный и/или технологический инструментарий творческого самовыражения (ч. 1 ст. 44) и одновременно примиряет с нормативными режимами, всегда совмещающими конкретизированные возможности и актуализированные ограничения личностной свободы в «вертикальных» и «горизонтальных» конституционных правоотношениях⁵.

Неопозитивизм «удручающе» последователен. Ему присуща искренняя уверенность, что вновь принятый федеральный закон *непосредственно обеспечит* системное, комплексное, всеохватного характера (включая социогуманитарные аспекты) регулирование отношений в научно-технологической сфере, прежде всего посредством адекватного определения наименования и предмета закона. Затем, опираясь на Конституцию Российской Федерации и «наши традиции», будут узаконены «необходимые правовые формы» реализации профильного акта стратегического планирования⁶, которым, между прочим, уже определены цель, основные задачи и приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации, установлены принципы, основные направления государственной политики в этой области и меры по ее реализации⁷. И, даже отвлекаясь от этого обстоятельства, остановиться на достигнутом не получится. Цель «всеохватного» регулирования потребует разработки подзаконных нормативных конструкций, хотя бы и в порядке конституционного делегирования исполнительной власти таких полномочий, а значит с иллюзией регулирования «непосредственного» лучше заблаговременно расстаться. О чем давно «предупреждала» теория конституционного правопользования, учитывая, что правовое регулирование и регулирование прав и свобод человека — далеко не одно и то же⁸.

Логика позитивизма наиболее уязвима там, где поднимаются вопросы справедливости, в том числе применительно к оценке эффективности творческих затрат. Вполне *разумное* признание ос-

¹ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 133.

² См.: Графский В. Г. О своеобразии русской философии права / Философия права в России: история и современность: материалы третьих философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2009. С. 8.

³ См. там же.

⁴ См.: Бондарь Н. С. Равенство в этико-правовом измерении человека как юридической личности (от равенства перед Богом — к конституционному равенству) // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. № 4. С. 5–21. С. 9.

⁵ См.: Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, «ПАРАПРИНТ». 1998. С. 900–901.

⁶ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 135–136.

⁷ См.: О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2025).

⁸ См., в частности: Крусс В., Смирнова А. А. Некоторые аспекты административной реформы в Российской Федерации с позиций теории конституционного правопользования // *Российский юридический журнал*. 2007. № 5. С. 21–30.

нованием соответствующего правового механизма качественной экспертизы (выводов научного сообщества) немедленно дополняется *применением* — «в разумно обоснованных пределах» — наукометрических инструментов¹. Кто как ни чиновники-администраторы будут определять такие пределы, утверждая и отстаивая *свою* правоту в спорах и разбирательствах. Нормотворческая практика подтверждает именно это предположение. Правительство Российской Федерации «нашло» необходимую законодательную предпосылку² и утвердило масштабную конкретизацию наукометрических показателей и инструментов, воплощенных в неординарные алгоритмы, детализации и формулы³. И все они легально соотносены с конституционно значимыми целями, приоритетами, основными направлениями государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации и мерами по ее реализации. Ближайшее будущее покажет, как воспримут эти конструкты субъекты научно-технологической свободы, с одной стороны, и их персонифицированные оппоненты — представители механизма государственного регулирования (чиновники), с другой стороны. Нужно надеяться, что у первых, обязанных соблюдать и отчитываться по реестрам многостраничных Перечней и Правил, останутся силы и время на призвание. Вторые же, несомненно, отнесутся к новым публично-властным полномочиям ответственно и добросовестно, в особенности те из них, кто будет определять рейтинги научных конференций и журналов для расчета рентабельности научно-технологического творчества.

Конституционное правопонимание намечает качественно иную институциональную композицию обеспечения, ограничения и регулирования конституционного правопользования в сфере научно-технического творчества. Соответствующая законодательная практика должна опираться исключительно на конституционно значимые ценности, преследовать конституционные цели и конкретизировать принципы. И в первую очередь, в силу прямого установления статьи 18 Конституции Российской Федерации, она призвана быть сосредоточенной на «сверхзадаче» воплощения в законах смысла и содержания прав и свобод человека и гражданина. Позитивизм в этом отношении вряд ли будет надежным помощником.

Конституционализм интегрирует широкий спектр междисциплинарных категорий и смыслов. Разделяя идею социального характера научно-технологической политики в Российской Федерации, он дополняет ее требованиями *солидарности*. Дело в том, что творчество — это критично высокорисковая форма трудовой личностной самореализации. Предсказать и предвидеть успех или провал на этом пути невозможно. По ряду творческих направлений эта неопределенность и ее «снятие» остаются проблемой самого творца, его жизненной драмой или трагедией. Поэт, музыкант, художник — все «один на один» со своим замыслом от зарождения до практического воплощения.

Однако творчество научно-технологическое неизбежно приобретает вид коллективного правопользования; оно крайне ресурсозатратно и объективно предполагает «внешнее», инструментально-агрегатное и организационно-структурное оснащение. Поэтому в конституционно-правовом преломлении речь здесь идет о деятельности *солидарной по своей природе* — как в горизонтальном (корпоративном), так и в вертикальном (публично-частном) измерении. Государство *обязано* именно так воспринимать конституционную свободу научно-технического творчества и применительно к ее конституционному гарантированию проявлять себя заинтересованным партнером и со-инвестором, разделяя — на солидарной основе — блага *неочевидной* выгоды и риски неудачи.

Разумеется, конституционализм и неопозитивизм не противостоят друг другу, а любые коннотации и ссылки на текст Конституции Российской Федерации — приветствуются, но не по умолчанию, а в обоснованиях перехода к теории и практике конституционализации⁴, в контексте которой могут быть купированы и справедливые опасения о рисках законодательной энтропии «для фундаменталь-

¹ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 135.

² О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ (ред. от 13 июля 2024 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2025).

³ См.: Перечень показателей эффективности мер и инструментов государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации и количественных значений указанных показателей; утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2025 года № 880-р и Правила определения показателей эффективности мер и инструментов государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации; утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2025 года № 571. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ См.: Крусс В. И. Юридические предпосылки и перспективы конституционализации российского законодательства // *Конституционное и муниципальное право*. 2008. № 5. С. 2–5.

ной науки и гуманитаристики»¹. Дефицит патриотизма и нравственной духовности молодых специалистов — признак серьезных нестроений в системе российского образования, перманентно и исподволь настраиваемой на прагматические и утилитарные приоритеты, чуждые отечественным мировоззренческим стандартам, но комплиментарные космополитическим иллюзиям². Конституционные характеристики юридического и технологического образования в этом аспекте ничем не различаются. Гуманизация — их общий вектор, от следования которому и будет зависеть «технотронно-электронное» будущее³.

В завершение поясним выбор эпитафии к предлагаемым размышлениям. «Концептуальные основы» законодательного регулирования научно-технологических реалий должны быть сущностно конституционными. Любая инновационная «нить», которую в этом отношении способен предложить неопозитивизм, окажется слишком «тонкой» и не соразмерной грузу существующей проблемы. Отождествляя право и закон, проблему эту не решить (не «поднять»). Нужна концептуальная разработка комплексного — нормативного и правоприменительного — *института и механизма* обеспечения пользования конституционной свободой научно-технического творчества и надлежащего выполнения государством корреспондирующих этой свободе конституционных обязанностей⁴. Одной из «несущих конструкций» этого проекта мог бы стать федеральный закон «Об основах правового регулирования и профессиональной подготовки специалистов в сфере научно-технологического творчества в Российской Федерации».

Бошно Светлана Владимировна,
доктор юридических наук, профессор, SJD,
главный редактор журнала «Право и современные государства», Президент Фонда Консалтинга и правовой защиты населения

Актуальные вопросы совершенствования законодательства о науке

Статья Председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию С. В. Кабышева «Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации» очень многозначная. В ней поднимается множество проблем, связанных между собой и вращающихся вокруг вопроса о том, каким будет новый закон о науке. В данном материале мы представили наши реакции на тезисы статьи С. В. Кабышева, основанные в том числе на собственных исследованиях, результаты которых опубликованы в научных журналах⁵ и публичных ресурсах (канал Клуба Правовой Доктрины⁶).

Юриспруденция — наука?

Юриспруденция является областью знания. Она много лет «мечется» в неопределенности между наукой и практикой. И не находит ни покоя ни решения. Позиционирование юриспруденции как науки является дискуссионным и в целом необоснованным. Юриспруденция, занятая обслуживанием каждодневных правовых вопросов через правоприменение, не имеет никаких свойств науки. Эта деятельность не создает общественно ценный результат. Это сервисное обслуживание интересов субъектов права. Он создается законодателем, который и есть наивысший законовед, законознаец. Он создает свои результаты в соответствии с высшими идеалами нравственности и ценности, имеющимися в данном обществе. Если признать, что персональными носителями

¹ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 134, 136.

² См.: Бондарь Н. С. Конституционализм – базовое начало юридического образования // *Вестник Московского университета*. Серия 11. Право. 2023. Т. 64. № 6. С. 13–18 и др.

³ См.: Умнова-Конюхова И. А. Генерология и футурология права: тенденции и прогноз развития: монография / ИНИОН РАН; отдел правоповедения. Москва, 2023. С. 8–9.

⁴ См.: Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. Москва: Норма, 2007. С. 472–500.

⁵ Бошно С. В. Индекс Хирша как показатель доктринальности (по результатам социологических опросов) // *Право и современные государства*. 2023. № 6. С. 9–22; Её же. Факторы, влияющие на формирование Персоны-Доктрины // *Право и современные государства*. 2024. № 3. С. 24–41; Её же. Контент-анализ как метод научной деятельности // *Право и современные государства*. 2021. № 5–6. С. 26–44.

⁶ Нулевой Хирш как лифт в мире кадровой политики (по результатам социологических опросов). URL: <https://dzen.ru/video/watch/6738df8dabc4395f7be2c554> (дата обращения: 20.05.2025).

юридической науки являются депутаты и сенаторы с научными степенями, то такое соединение науки и практики на благо законодательству и обществу достаточно легко установить, очертить, персонализировать. А значит, проблема как бы решена.

Активный исследователь в сфере юриспруденции, скорее всего, может быть только субъектом законодательства о науке. Для этого надо определить, кто этот человек, каковы значимые характеристики отбора. Будут очевидные затруднения, так как юридические исследования не внедряются в практику, в связи с тем, что не определено, что есть практика для юристов. Я задавалась вопросом идентифицировать ведущий вид деятельности «Персон-Доктрин», данная тактическая стратегия показала, что юристы чаще всего позиционируют себя как исследователи, несмотря на то, что они проводят свою трудовую деятельность, например, в Конституционном Суде Российской Федерации или Верховном Суде Российской Федерации.

В юриспруденции в обозримом прошлом нет никаких прорывов. Господствует описание и комментирование, что также является аргументом против юриспруденции как науки.

Как общественная наука с неисчисляемым и непроверяемым результатом, она часто исходит из государственного заказа. Этот заказ устанавливается политическими акторами. Интересно, что акторы могут менять свои идеи на противоположные, ходить по кругу, возвращаясь к старому и требуя признать его новым. В точных науках с природными законами, вероятно, сложнее сказать, что например, в соответствии с законом силы притяжения предмет упадет на землю после 5–10. Но такие кульбиты можно объяснить в «науке» и практике, и провести в законодательстве пользу — вред, например, зимнего — летнего времени. Примеров много, но этот вопиющий, очевидный. Не наука.

С учетом сказанного целесообразно повременить с отнесением юриспруденции к наукам. Другое дело — правовая доктрина. Она может быть социально значимой. Однако в законодателях нет представителей доктрины «Персон-Доктрин».

Для решения практической задачи я не стала бы отождествлять *научное право* и законодательство о науке. Это совершенно разные, несравнимые понятия, которые условно объединяет корень «наук (науч)». Но содержательно они даже не пересекаются. Научное право используется для обозначения правовой академической доктрины. Законодательство о науке — это совокупность нормативных актов, регулирующих научную деятельность. Ничего общего, несравнимо.

Юридические публикации, включая диссертации, *не имеют никаких методов*. А описание не может быть наукой.

Искусственный интеллект пишет статьи, формирует библиографические списки, что ведет к конфузам. Приведу пример произведений, которые профессор С. В. Бошно не писала, а люди их читали. Более того, они цитируют несуществующие публикации в своих «трудах». Так, группа авторов М. Р. Богатырев, Н. М. Альханов, К. С. Иналкаева в статье «Современная наука теории государства и права в России: основные направления и перспективы развития» // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 2. С. 16–21 процитировали «книгу» Бошно С. В. «Международное и национальное право: коллизии и гармонизация». Москва: Юрлитинформ, 2021. 304 с. Другой пример, «статья» А. В. Кудашкина и С. В. Бошно «Правовые аспекты деятельности Росгвардии в сфере контроля за оборотом оружия» // *Журнал российского права*. 2020. № 5. С. 45–56 процитирована в публикации Фадеева А. И. «Контрольно-надзорная деятельность Росгвардии за частной детективной и охранной деятельностью в Российской Федерации: правовые основы, механизмы и проблемы реализации» // *Московский научный юридический журнал*. 2025. № 2 (8). С. 37–42. Не чудо ли?

Идеология и цензура

Мы исследовали отношение юристов к цензуре в исследованиях. Большинство отрицают личный опыт, утверждают, что никто и никогда на них не оказывал идеологического воздействия. Однако, абстрагируясь от собственного опыта, 18,9 % признают допустимость и даже пользу **цензуры**.

Исследования цензуры показали, что есть положительная оценка этого феномена в научной среде. В начале 90-х годов XX века слово «идеология» обладало исключительно негативной коннотацией и ассоциировалось с КПСС. В недалеком прошлом КПСС была ликвидирована. Общество праздновало победу плюрализма, который стал основополагающим конституционным принципом. Спустя 30 лет 18,9 % респондентов не видят ничего отрицательного во всеобщей государственной идеологии.

Патриотизм, духовность, этичность, новизна должны стать отправными идеями нового закона о науке, по мнению С. А. Кабышева. Предположим, что эти установки могут дать объективный результат в правовых исследованиях. Гениальные правоведа с правильными идеологическими уста-

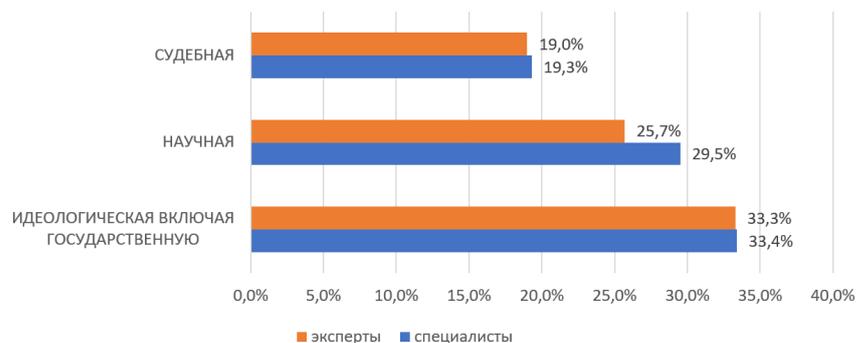
**КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ
CONFERENCES, ROUND TABLES, SEMINARS**

новками известны в отечественной юриспруденции. Бесспорным лидером является профессор С. С. Алексеев. Но если результат predetermined, то отпадает потребность в исследовании.

Вместе с тем духовность необходима во избежание крайностей. Если бы здравый смысл, этичность и патриотизм были бы в юридической среде, то, очевидно, не могла состояться защита диссертации «Карательные органы Советского государства и нацистской Германии в 30-е годы XX века: сравнительно-правовой анализ», подготовленной Шлотгауэром В. О. в 2012 году. Позорная ситуация, которую надо исправить.

Политическое идеологическое управление наукой не является новым тезисом. Он меняет свою очевидность с явного до латентного, но не исчезает. Для гуманитарного знания, особенно политологического, философского, юридического идеологическое управление имеет особое значение. Управление содержанием, создание нового продукта с предустановленными характеристиками в области юриспруденции не являются новшеством. Задача юристов — описать и объяснить принятые политические решения, созвучные идеологической доктрине. Для активного идеологического управления цели и задачи исследований должны формулироваться максимально определенно. Почва для этого существует. В соответствии с контент-анализом публикаций правоведов фиксируется самое высокое положение идеологической доктрины в сравнении с академической и судебной.

Диаграмма. Сравнение мнений экспертов и специалистов о признании типов доктрин (укрупненные группы)

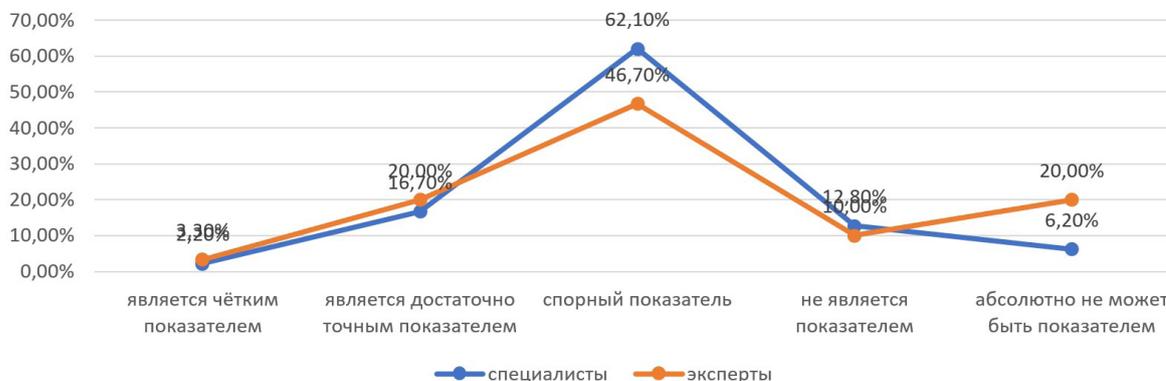

Индексы и другие количественные показатели

Тезис о ранжировании исследователей на основе отечественных (в противовес международным) наукометрических показателей является актуальным для управления научными исследованиями, но очень неоднозначным и противоречивым.

Мы провели социологическое исследование доверия к индексу Хирша.

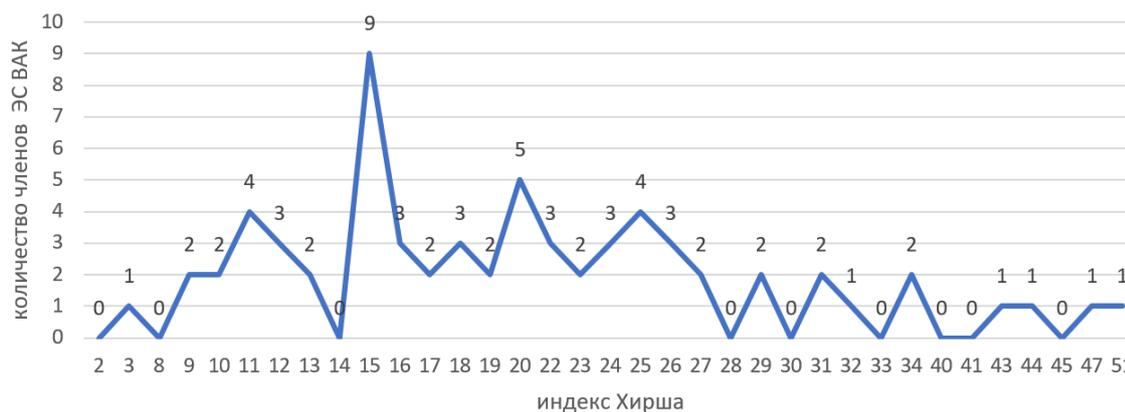
Отношение к h как показателю авторитетности, доктринальности (сравнение мнений специалистов и экспертов)

Установлено, что индексирование имеет значение для низшего и среднего слоя научно-педагогических кадров без управленческих функций. Индекс не имеет значения для руководящих ра-

ботников, выполняющих функции, связанные с принятием решения. Исследованием установлено, что нулевой индекс Хирша является социальным лифтом. Лица с учеными степенями, занимающие государственные должности, имеют очень низкий индекс или отказались от него, исключив себя из наукометрических систем. Даже у судей Конституционного Суда Российской Федерации он уменьшается и у некоторых из них равен нулю, такая же тенденция прослеживается и у членов экспертных советов ВАК. Масса неисчисляемых показателей научных достижений приводит под сень научного дома — ВАКа — людей с индексом $h-1$.

Индекс Хирша членов ВАК по праву и политологии на 11.2023

Таким образом, система рейтингования скомпрометирована. Списки журналов белые, желтые, мусорные, ведомственные, организационные стали коррупциогенным фактором. Они не работают на достижение научного прорыва, не отражают ценности исследования. Тем не менее распределение средств и наград продолжает вращаться вокруг неудачных количественных показателей. Вместе с тем созданы и паразитируют сервисы количественных показателей, которых становится все больше и больше.

Предложения к закону о науке

Законодательство о науке для целей обновления основополагающего закона о науке должно быть обобщено. Вероятно, можно получить полезный результат с использованием векторного контент-анализа. Наш опыт такого рода исследований позволяет прогнозировать получение значимого проверяемого результата. Выявленные термины, определения могут быть уточнены, и остается след, откуда они были извлечены. Необходимы также социологические приемы.

Таким образом, на подготовительном этапе работы над законопроектом о науке предлагаем:

- 1) провести ревизию наук;
- 2) проанализировать массив законодательства о законе, используя компьютерные сервисы;
- 3) вывить сформулированные в публикациях, дискуссиях, в разных формах идеи о совершенствовании законодательства о науке;
- 4) провести анкетирование и экспертный опрос о совершенствовании законодательства о науке.

Результаты исследований оформить отчетом и провести общероссийскую междисциплинарную дискуссию.

Архипов Сергей Иванович,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, профессор Университета «Париж-Нантер», ORCID: 0000-0003-0154-5494

Правовое регулирование науки: проблемы и перспективы

В содержательной статье Председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию С. В. Кабышева «Концептуальные вопросы со-

вершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации»¹ поднимаются важные, на наш взгляд, для российской юридической науки проблемы. Автор предлагает критически переосмыслить существующие подходы к правовому регулированию науки, научной деятельности в Российской Федерации, оживить дискуссию относительно перспектив законодательного регулирования данной сферы общественных отношений. Он справедливо отмечает роль науки в социальном, технологическом прогрессе, в развитии политических и иных общественных институтов, обеспечении национальной безопасности, государственного суверенитета, а также в достижении материального благополучия граждан, осуществлении их духовных интересов. С. В. Кабышев анализирует накопившиеся системные проблемы в сфере государственного регулирования научной деятельности и приходит к выводу о том, что сегодня необходимо максимально использовать ресурсы права в целях обеспечения научного и технического прогресса, формирования наиболее благоприятной правовой среды для российской науки.

В целом, соглашаясь с постановкой проблемы и доводами автора статьи о необходимости пересмотра государственной политики в сфере науки и научной деятельности, можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования данного вида социальной деятельности.

1. Прежде всего назрела необходимость изменить существующие подходы к правовому регулированию науки и образования. Это самые «деликатные», «чуткие» социальные сферы, которые не терпят крайностей, грубого нормативного воздействия. Российский законодатель, основываясь на римской традиции разделения права на частное и публичное, использует в качестве приемов, способов правового регулирования дозволение, присущее частному праву, или же обязывание, запрещение, присущие сфере публичного права, что приводит, как правильно отметил автор статьи, к появлению «противоречивых тенденций»² в правовом регулировании науки и образования. Отношения в области науки и образования по своей природе не являются в чистом виде частными или публичными. Творческое начало — главное в деятельности ученого и педагога³ — не совместимо с мелочной бюрократической регламентацией, с жестким, прямым управлением со стороны государственных чиновников. Здесь должны доминировать «мягкие» формы правового взаимодействия государства и ученого, основанные на координации усилий, системе социально-правовых стимулов, на правовом диалоге, согласовании интересов участников отношений.

2. Для осуществления кардинального научного прорыва в технических и гуманитарных отраслях знаний, на наш взгляд, необходимо существенно изменить систему подготовки научных кадров. Как отмечал А.-Р. Ж. Тюрго, труд должен быть «разделен сообразно дарованиям <...> так как все делается тогда лучше и скорее»⁴. На уровне базового высшего образования целесообразно организовать селективный отбор студентов, способных заниматься научной деятельностью. Сам же процесс обучения будущих ученых высшей квалификации есть смысл осуществлять не в институтах и университетах, а в специализированных центрах, организованных по принципу *École normale supérieure (ENS)* — элитных французских государственных высших школ. Во Франции на их финансирование ежегодно выделяется около 30 % совокупного бюджета высшего образования, при этом в них обучается около 4 % от общего числа студентов; расходы государства на подготовку одного студента в *ENS* примерно в 3–4 раза больше, чем в обычном государственном университете. Здесь в основу должны быть положены три организационных принципа: лучшие из лучших студенты, лучшие из лучших преподаватели и лучшие условия обучения. Для подготовки научных кадров по нескольким смежным направлениям целесообразно создавать единый центр. В нем должен осуществляться жесткий конкурсный отбор среди абитуриентов, также на конкурсных началах следует привлекать ученых, педагогов, специалистов не только из Российской Федерации, но и других стран. Важно, чтобы выпускники этих специализированных научных центров

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. № 78 (2). С. 130–140.

² См. там же. С. 134.

³ Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ на основе проведенного опроса научно-педагогических работников России в 2022 году пришел к выводу о том, что к числу наиболее значимых мотивов работы российского ученого являются: творческий и инновационный характер труда, возможность заниматься научной деятельностью, самостоятельность планирования своей работы. URL: <https://issek.hse.ru/news/829947557.html> (дата обращения: 25.04.2025).

⁴ Тюрго А.-Р. Ж. Избранные философские произведения. Москва: Соцэкгиз, 1937. С. 108.

видели перспективы своего будущего трудоустройства. Во Франции *ENS* — это своего рода социальный лифт. Для тех, кто, например, закончил Национальную школу администрации Франции (*ENA*), открывается прямой доступ к высшим государственным должностям, включая министерские «портфели».

3. В основе системы образования, подготовки научных кадров должна лежать идея прогресса: социально-правового и технологического. Она должна стать главным ценностным ориентиром для ученого и педагога. Подчеркнем: социально-правовой прогресс общества в системе ценностных координат должен быть на первом месте, технологическое развитие при всей значимости не должно стать самоцелью. Техника и технологии без нравственно-правового фундамента, как показал XX век, могут представлять огромную опасность для человечества. Правовая наука и юридическое образование сегодня нацелены главным образом на изучение действующих законов, нормативных актов, все больше приобретают прикладной характер; в этом виде они не способны отвечать на вызовы времени. В условиях беспрецедентного кризиса западной системы ценностей правового сознания необходимо основательное, глубокое изучение внутренних закономерностей развития правовой сферы, исследование причин возникновения цивилизационного кризиса, путей выхода из него. Чтобы выйти за рамки эмпирической реальности, заглянуть за правовой горизонт, способствовать социально-правовому развитию страны, необходимо систему юридической науки и образования нацелить на социально-правовое будущее. Правовая наука должна стать наукой социального прогресса, не абстрактным, оторванным от жизни философским учением, генерирующим заоблачные картины идеального мироустройства, а точной социально-инженерной наукой, определяющей на основе анализа конкретных жизненных интересов, потребностей, целей участников правовой коммуникации алгоритмы правового развития общества¹.

4. Для вхождения Российской Федерации в число ведущих научных держав (в настоящее время российская наука находится на девятом месте, значительно уступая Китаю, США, Великобритании, Индии, Германии и другим странам по объему научных исследований и разработок²) российскому законодателю и другим органам государства необходимо решить чрезвычайно важную для научного прогресса задачу — обеспечить свободный доступ ученых и педагогов к зарубежным и российским научно-библиотечным фондам. Учитывая то обстоятельство, что многие российские ученые и педагоги по причине весьма ограниченных финансовых возможностей не в состоянии приобретать необходимую им зарубежную и отечественную научную литературу, государство должно решить данную проблему посредством соответствующих международных соглашений, а также изменения российского законодательства по авторскому праву. Речь идет не о безвозмездном использовании объектов интеллектуальной собственности, нарушении авторских прав, а о глобальном соглашении между научным сообществом, книжными издательствами, редакциями научных журналов и государством о взаимовыгодном сотрудничестве в этой сфере. Поскольку сами авторы научных публикаций являются читателями научной литературы, потенциальными пользователями соответствующих фондов, то возможность заключения подобного соглашения представляется реальной. Современные разрозненные электронно-библиотечные системы (*Znaniy*, «Лань», *BOOK.ru*) не могут без участия государства, законодателя кардинально решить эту важную для развития науки проблему.

5. В российской науке главным результатом творческой деятельности ученого должны стать не статьи, доклады, а фундаментальные монографические исследования. Современный тренд на поощрение «малых форм научной активности» не способствует развитию фундаментальной науки, глубоких исследований в социальной сфере, а также в естественных науках. Необходимо систему материальных и иных стимулов прежде всего переориентировать на основательные монографические исследования. На наш взгляд, не следует возлагать на книжные издательства обязанность рецензирования публикуемых монографий, как предлагают отдельные авторы, есть смысл поручить эту миссию специальным экспертам по соответствующим отраслям знаний. Кроме них, возможность дать свою собственную оценку монографического исследования, размещенного в Российском индексе научного цитирования (далее — РИНЦ), должна быть предоставлена любому другому специалисту в данной сфере. Для целей рецензирования целесообразно

¹ См.: Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025.

² URL: национальные проекты.pf/news/zagolovok-rossiya-zanimaet-9-e-mesto-po-obemu-nauchnykh-issledovaniy-i-razr/ (дата обращения: 25.04.2025).

предусмотреть в качестве условия для размещения монографии в РИНЦ наличие в ней заключительной части (выводов), в которой должны быть сформулированы основные идеи автора. Эта часть монографического исследования должна быть главным объектом предварительного рецензирования. В зависимости от экспертной и внешней оценки монографии могут быть разделены на три уровня: 1) высший уровень (фундаментальное научное исследование, содержащее мировую новизну); 2) средний уровень (глубокое исследование, представляющее научную ценность); 3) низкий уровень (исследование, не относящееся к первой и ко второй группе). Что касается наукометрических показателей, то индекс Хирша, по нашему мнению, не следует применять в отношении фундаментальных монографических исследований, поскольку он создавался для «научного конвейера», а речь идет об эксклюзивных научных произведениях. Нередко одно фундаментальное произведение автора перевешивает по своей научной ценности все его опубликованные статьи. Есть смысл создать отдельный индекс и наукометрические показатели для монографических исследований. Оценивая общую научную активность автора, следует суммировать индексы больших и малых научных форм.

6. Оценка малых научных форм (статей, рецензий) также нуждается в совершенствовании. Наукометрические показатели (индекс Хирша) сегодня ориентируют ученого скорее на количество публикуемых статей¹, чем на их качество, в РИНЦ отсутствует система отсеивания низкопробных научных работ. Показатель цитируемости научного произведения не учитывает то обстоятельство, что ссылки на работу ученого могут быть как позитивные, так и негативные (критические) + нейтральные. Нередко среди часто цитируемых авторов оказываются те, чьи идеи являются весьма спорными, абсурдными. Наукометрические показатели должны стимулировать прежде всего качество научных работ, количественный критерий не должен быть главным, определяющим деятельность ученого. На наш взгляд, необходимо взять за основу и формализовать выдвинутые международным научным сообществом инициативы по совершенствованию оценки научных публикаций (декларации *DORA* и *CoARA*). Также необходимо решить проблему соавторства научных произведений. Отсутствие разумных ограничений приводит к появлению сотен и тысяч авторов одной статьи². В целях стимулирования индивидуальной творческой активности есть смысл осуществить известную идею «дробного авторства»: присваивать публикации один балл, который делится на количество соавторов статьи.

Давно назрела необходимость кардинального реформирования Российской академии наук (далее — РАН). Учреждение, которое долгие годы было настоящим центром фундаментальных научных исследований, локомотивом российской науки, в настоящее время переживает глубокий кризис. Одна из главных причин — принципы его формирования. Члены РАН избираются пожизненно (п. 23 Устава Федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук» от 27 июня 2014 года № 589 (далее — Устав РАН), что не стимулирует их научную активность; выборы членов РАН осуществляются самими академиками (общим собранием членов РАН — п. 41 Устава), что порождает научную клановость. Необходимо закрытую научную корпорацию преобразовать в настоящую общероссийскую открытую академию наук, члены которой выбираются путем прямого голосования всех представителей научного сообщества (кандидатов и докторов наук). Академиками и членами-корреспондентами РАН должны быть те, кто действительно имеет «выдающиеся научные достижения» (п. 2.1 Устава РАН), опубликовал фундаментальные монографические работы, является признанным лидером в науке. Члены академии должны избираться не пожизненно, а на определенный срок (например, три или пять лет). Голосование за кандидатов в академики и члены-корреспонденты может быть организовано через портал «Госуслуги».

7. В целях эффективного осуществления работы по совершенствованию правового регулирования науки, научной деятельности в Российской Федерации целесообразно создать совещательно-консультативный орган под протекторатом Государственной Думы Российской Федерации. Задача данного органа — содействие законодателю в определении стратегии осуществления преобразований в данной сфере, а также разработка конкретных предложений, рекомендаций по совершен-

¹ Некоторые ученые публикуют более двухсот научных статей каждый год на протяжении нескольких лет. URL: <https://nplus1.ru/blog/2018/09/17/hyperprolific-authors?ysclid=ma28r9wss95982908> (дата обращения: 20.05.2025).

² В 2015 году в журнале *Physical Review Letters* была опубликована статья общим объемом 33 страницы, 24 — список авторов (5154 ученых). URL: <https://lenta.ru/news/2015/05/18/hyperauthorship/?ysclid=mbemdo7o3m155564975> (дата обращения: 25.05.2025).

ствование действующих нормативных актов и принятию новых. В его состав включить наиболее авторитетных юристов, представляющих различные научные и образовательные центры страны.

Нематов Акмал Рауфджонович,

доктор юридических наук, доцент Национальной академии наук Таджикистана

Совершенствование законодательства о научно-технической деятельности: антропологическое измерение

Правовое регулирование науки и научной деятельности — одна из основных правотворческих задач любого государства, которая соотносится с современным цивилизованным миром. Наука — социальный феномен, а научная деятельность — одна из разновидностей социальной деятельности. Научная деятельность должна быть урегулирована правовыми средствами. Подлинной целью государственной власти и государственного регулирования науки является обеспечение роста научного потенциала во благо человечества¹.

Проблематика совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации и ее концептуальные вопросы, поднятые в статье председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию С. В. Кабышева², привлекают внимание читателя не только теоретико-методологическими, технико-прикладными аспектами, но и антропологическими моментами. В частности, мы рассмотрим один из антропологических аспектов поставленного С. В. Кабышевым вопроса о подготовке высококвалифицированных кадров, сохранении и укреплении кадровой составляющей научно-технологического развития государства³.

Демократический путь развития общественной жизни в конце XX века на постсоветском пространстве привнес демократические принципы в научно-техническую деятельность. Принцип демократизма в научной деятельности был закреплен на конституционном уровне постсоветских государств. Практически все страны постсоветского пространства закрепили в своих конституциях право каждого на свободное участие в научном и техническом творчестве и пользования его достижениями⁴.

Насколько позитивней принцип демократизма в развитии науки и научно-технической деятельности? Достаточно спорный вопрос. Если, с одной стороны, он открыл дорогу к развитию научной деятельности, с ним произошел «рассвет» плюрализма и свободы в выборе теоретико-методологических подходов к исследованию, расширилась область исследования, были открыты возможности к международному сотрудничеству в области науки, гарантии свободы научной деятельности от всякой государственной идеологии и многое другое, то с другой — он привел к бесконтрольному потоку людей в научную и научно-техническую деятельность. Практически все начали вне зависимости от навыков и способностей заниматься научной деятельностью и защищать диссертации. Это заложило основу для создания академий наук, которые в большинстве случаев занимались не наукой, а присвоением различных академических званий. Это, безусловно, сыграло отрицательную роль в развитии науки и научно-технической деятельности. Отсюда антропологическое исследование совершенствования законодательства о научной и научно-технической деятельности стран постсоветского пространства и его государственно-правового регулирования является более чем актуальным.

Наука выступает плодом деятельности человека. Подготовка высококвалифицированных научных кадров — один из аспектов антропологического измерения, совершенствования законодательства о научной и научно-технической деятельности. Стремительное развитие науки, техники и технологий свидетельствует о том, что эволюция современных государств, обеспечение их как экономического благополучия, так и безопасности, без формирования этой

¹ Лешкевич Т. Г. *Философия науки*. Москва, 2005. С. 257.

² См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 132–142.

³ Там же. С. 140.

⁴ В Таджикистане этот принцип закреплен в статье 40 Конституции Республики Таджикистан. Подробнее см. Конституция Республики Таджикистан (была принята всенародным референдумом 6 ноября 1994 года и путем всенародного референдума были внесены изменения и дополнения 26 сентября 1999 года, 22 июня 2003 года и 22 мая 2016 года). Душанбе, 2016. С. 88.

сферы общественной деятельности и подготовки научных кадров просто не мыслимо. Отсюда практически все государства стараются принять соответствующие государственные программы в этой области, такая программа существует и в Республике Таджикистан, принятая постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 года № 264 «Государственная программа подготовки научных кадров высшей квалификации на 2021–2030 годы». Данная программа разработана с целью совершенствования и развития системы подготовки научных кадров высшей квалификации, обеспечения научно-исследовательских учреждений и учреждений высшего профессионального образования страны необходимым количеством специалистов, прежде всего по приоритетным направлениям научных и научно-технических исследований и формирования научного потенциала, способного решать важнейшие вопросы научно-технического, социально-экономического развития страны на уровне современных требований. Эффективная реализация настоящей программы должна способствовать становлению научного потенциала страны, решающего вопросы научно-технического и социально-экономического развития государства.

Без высокопрофессиональных научных кадров не может быть и речи о развитии науки. К сожалению, действующее законодательство конкретно не определяет понятие «высококвалифицированный научный кадр», поэтому необходимо сформулировать данное понятие и определить его реальные критерии. Например, одним из таких критериев являются навыки человека к ведению научной деятельности, способность работать с научным материалом, обладать совокупностью научно-методологических инструментов, способствующих формированию собственной научной школы.

По нашему мнению, научной деятельностью должны заниматься люди, обладающие творческим мышлением. Творческий характер — наиболее специфический и важный признак, отличающий научный труд. Спецификой творческого труда в науке является его сугубо «личностный» характер: его эффективность определяется не только интеллектуальными, но и моральными, волевыми качествами работника, его психофизическим состоянием¹. Соответственно, научный работник должен обладать всеми вышеуказанными качествами.

Закон Республики Таджикистан от 18 марта 2015 года № 1197 «О научной деятельности и государственной научно-технической политике» определяет научного работника (исследователя) как физическое лицо, работающее в научной организации, образовательном учреждении высшего профессионального образования или структурном подразделении научной организации, имеющее высшее профессиональное образование, получающее и реализующее результат научной и (или) научно-технической деятельности². Если исходить из настоящего законодательного положения, научному работнику предъявляется только одно требование: обладать высшим профессиональным образованием, что, по нашему мнению, является недостаточным, такие качества, как интеллектуально-моральные, способность к самостоятельным научным поискам и другие, практически законодательством не рассмотрены. Однако во главу успешной научной деятельности чаще всего ставится высокий профессионализм исследователя, включающий такие компоненты, как: 1) мировоззрение; 2) теоретические знания; 3) навыки владения современной методологией и техникой научного познания; 4) навыки самостоятельного написания научных работ; 5) навыки владения современными техническими средствами, используемыми в научной деятельности; 6) навыки рационального и планомерного проведения научного исследования³. Кроме этого, ряд исследователей полагают, что научному работнику весьма важно не только хорошо знать основные положения, характеризующие диссертацию как квалификационную научную работу, но и иметь хотя бы самое общее представление о методологии и методике научного творчества, ибо, как показывает современная учебная практика образовательных организаций, у таких исследователей на первых этапах овладения навыками научной работы больше всего возникает вопросов именно этого характера⁴.

¹ Варшавский К. М. Организация труда научных работников. Москва, 1975. С. 6.

² О научной деятельности и государственной научно-технической политике: закон от 18 марта 2015 года № 1197 // Официальный сайт Информационного правового интернет-портала Республики Таджикистан Министерства юстиции Республики Таджикистан. URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=17246 (дата обращения: 13.05.2025).

³ Сырых В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. Москва, 2012. С. 101.

⁴ Кузин Ф. А. Диссертация: Методика написания. Правила оформления. Порядок защиты. Практическое пособие для докторантов аспирантов и магистрантов. 2-е. изд., доп. Москва, 2001. С. 27.

Таким образом, это положение должно быть исправлено, а понятие «научный работник» широко раскрыто в законодательстве о научно-технической деятельности. Мы солидарны с мнением В. М. Сырых, который пишет: «Личность должна быть готовой к активной научной деятельности на профессиональном, психологическом и социально-этическом уровнях»¹. Пока это отсутствует, не может быть и речи о развитии науки.

В соответствии с частью 3 статьи 50 Закона Республики Таджикистан от 30 мая 2017 года № 414 «О нормативных правовых актах» при необходимости уточнения терминов и понятий, используемых в нормативном правовом акте, отсутствует статья (часть, пункт), разъясняющая их значение². Следует поддержать такой подход в правотворческой деятельности государства. Ибо, как отмечает В. М. Баранов, отсутствие дефиниций в некоторых законах не только является формально-юридическим дефектом, не только законодательной ошибкой, но и влечет серьезные отрицательные политико-юридические, морально-психологические последствия, наносит ощутимый экономический вред³. Таким образом, применение в нормативных правовых актах понятия «законодательные дефиниции» имеет не только познавательное направление и законодательное требование, но и, как пишет Л. Ф. Апт, решение трех задач: 1) раскрывает содержание понятия; 2) перечисляет признаки, позволяющие отличать одни предметы, явления от других; 3) устанавливает значение терминов⁴.

Отсюда составной частью антропологических аспектов совершенствования законодательства о научно-технической деятельности может стать многообразие использования правовых категорий, которые применяются в отношении человека в процессе научной деятельности в правовой доктрине и правотворческой деятельности государства и носит юридико-технический характер. Например, в законодательстве о научно-технической деятельности многих государств применяются многочисленные правовые категории, определяющие правовой статус человека в такой сфере общественной жизни, как наука, и, соответственно, исходя из этого, устанавливается соответствующая этому правосубъектность. Таковыми могут быть: *аспирант, докторант, научный работник, научный исследователь, научный сотрудник, член-корреспондент, академик* и т. п. Многообразие правовых категорий, определяющих правовой статус человека в научной деятельности, и их противоречие друг другу приводит к затруднению в установлении их правового статуса в научно-технической деятельности. К сожалению, на данный момент базовые дефиниции, используемые в законодательстве Республики Таджикистан, законодательные дефиниции, используемые в сфере научно-технической деятельности, закреплены в многочисленных законодательных и подзаконных актах и не представляют собой устоявшуюся систему, имеются пробелы и не всегда соответствуют друг другу. Например, подготовку научных и научно-педагогических актов Республика Таджикистан осуществляет в двух направлениях: традиционном (кандидат и доктор наук) и западном (доктор *PhD* и доктор хабилитат). Если в соответствии с постановлением Правительства Республики Таджикистан от 25 февраля 2017 года № 93 «О Положении о докторантуре по специальности и государственном стандарте докторантуры по специальности» правовой статус докторанта *PhD* определен⁵, то в настоящий момент порядок ведения научно-исследовательской деятельности в статусе доктора хабилитата пока остается не определенным.

Совершенство законодательного акта начинается с правильно сформулированных, используемых в нормативном правовом акте дефиниций или правовых понятий. Поэтому понятия и термины, используемые в тексте нормативных правовых актов, должны быть понятными и однозначными и формироваться с использованием общепонятных слов, словосочетаний. Также в соответствии с настоящим законом допускается использование в нормативных правовых актах специальных терминов, и в обязательном порядке они должны поясняться в нормативном правовом акте.

¹ Сырых В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. Москва, 2012. С. 101.

² О нормативных правовых актах: закон от 30 мая 2017 года № 414. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 20.04.2025).

³ Баранов В. М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Нижний Новгород, 2007. С. 48.

⁴ Апт Л. Ф. Дефиниции и право: монография. Москва, 2008. С. 10.

⁵ См.: О положении о докторантуре по специальности и государственном стандарте докторантуры по специальности: постановление Правительства Республики Таджикистан от 25 февраля 2017 года № 93 // Бюллетень Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2017. № 2. С. 133.

Лановая Галина Михайловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории государства и права Московского
университета МВД России имени В. Я. Кикотя

**Перспективы совершенствования законодательства о науке:
взгляд через призму положений общей теории систем**

Вопросы совершенствования законодательства о науке в современных реалиях закономерно вызывают повышенный интерес. Развитие науки и приращение научно-технического потенциала России небезосновательно рассматриваются в качестве важных факторов обеспечения национальной безопасности. Одновременно в силу юридизированности общественной жизни складывается обширная практика применения правового инструментария в решении проблем самого разного плана. В этих условиях закономерным оказывается обращение к вопросу о перспективах использования средств права, и прежде всего средств нормативного правового регулирования, для стимулирования позитивных изменений в сфере научной деятельности.

Действенность права в качестве инструмента социального управления порождает иллюзию, что чем более масштабными являются проблемы, тем более серьезные изменения должны произойти в правовом регулировании для того, чтобы они были решены. В этой связи объяснимой оказывается распространенность идеи о необходимости коренного изменения российского законодательства о науке. Ее разделяет и С. Б. Кабышев. Он пишет о «накопившихся системных проблемах» и полагает важным «...глубокое переосмысление и уточнение концептуальных основ законодательного регулирования науки и государственной научно-технической политики», подчеркивая, что «речь идет не просто об обновлении, но о необходимости перехода к новому уровню качества законодательства о науке»¹.

Несмотря на то, что представление о необходимости масштабных по своему объему изменений оказывается широко распространенным, участникам дискуссий о будущем российского законодательства о науке не удастся прийти к единому мнению относительно того, какие именно качественные изменения могут обеспечить решение существующих проблем².

Одним из необходимых условий для выработки и реализации научно обоснованного подхода к решению любой значимой для практики проблемы юридического регулирования является понимание свойств того объекта, воздействие на который обеспечивается названным регулированием. В этой связи, рассуждая о перспективах совершенствования законодательства о науке, представляется необходимым обратиться к вопросу о характере регулируемых им отношений (их специфичность столь очевидна, что даже высказывается предложение о выделении «права науки» в качестве самостоятельной комплексной отрасли права³).

Анализ действующих нормативных актов позволяет заключить, что законодательством о науке регулируются отношения, возникающие, во-первых, в процессе организации и научной деятельности, во-вторых, при осуществлении управления развитием науки, в том числе в ходе выработки и осуществления государственной политики в рассматриваемой сфере.

Важно понимать, что указанные отношения невозможно вычленивать из объективной реальности как некую материальную целостность, имеющую физическую определенность. Они предстают системой в гносеологическом, а не в онтологическом смысле. При этом речь идет о сложной системе

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex Russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 134–135.

² См.: Габов А. В., Путило Н. В., Гутников О. В. Проект федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. Вып. 38. С. 388–396; Новоселова Л. А., Гринь О. С. Эффективность правовой охраны объектов интеллектуальных прав: административные барьеры // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 2. С. 11–18; Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex Russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 131–139; Лапаева В. В. Свобода научного творчества как фактор обеспечения технологического суверенитета России // *Управление наукой: теория и практика*. 2023. Т. 5. № 4. С. 15–24; Степаненко Ю. В. Новый закон о научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации // *Научный портал МВД России*. 2017. № 3. С. 68–75 и др.

³ Васильев А. А. Научное право как отрасль российского права // *Управление наукой: теория и практика*. 2020. Т. 2. № 4. С. 64; Кашкин С. Ю. Становление права наука как новой комплексной отрасли права // *Вестник университета* О. Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 21.

ме, состоящей из двух подсистем, которые не являются равно значимыми. Поскольку управление развитием науки, выработкой и осуществлением государственной политики в сфере науки имеет инструментальный смысл, то складывающиеся в процессе осуществления такого управления отношения можно рассматривать в качестве вторичных, носящих обеспечительный характер. Их законодательное регулирование имеет цель обеспечение оптимальности первичных для рассматриваемой системы отношений, а именно: отношения, складывающихся в процессе организации и осуществления научной деятельности.

Важно, что подсистемы, составляющие предмет регулирования законодательства о науке, принципиально различаются по своим свойствам.

Отношения, складывающиеся в процессах организации и осуществления научной деятельности, составляют подсистему, воспроизводящуюся и функционирующую в качестве системы органического типа. Это означает, во-первых, способность данной подсистемы к саморазвитию, во-вторых, возможность нормализации ее функционирования за счет характерных для нее процессов самоорганизации и, в-третьих, самовоспроизводство новых элементов в ситуации, когда того требуют цели и задачи системы как целого.

Элементы, включенные в систему органического типа, не могут существовать самостоятельно: будучи отделенными от системы, они безвозвратно утрачивают свою функциональность. Изменение одного или нескольких элементов влияет на другие составляющие системы, но при этом часто сложно строить точные прогнозы относительно того, каким именно будет влияние, в какой трансформации содержания, структуры или функций оно проявится, — последние всегда будут носить вероятностный характер. Очевидно, именно поэтому оказывается, что «...наука с трудом поддается администрированию. Более того, чрезмерное администрирование оказывает на нее разрушительное воздействие»¹.

Отношения, складывающиеся в процессе управления развитием науки, выработкой и осуществлением государственной политики в сфере науки, носят иной характер, в силу того, что само государственное управление априори может быть лишь системой механического типа. Они также образуют именно систему механического типа, то есть целенаправленно организуемый и действующий за счет внешнего импульса комплекс относительно самостоятельно сосуществующих элементов, для каждого из которых четко определены функции и характер связи с другими элементами.

Любая система механического типа является результатом целенаправленных организационных усилий, обеспечивающих объединение компонентов, которые могут существовать самостоятельно, вне системы. Внешнее управляющее воздействие определяет цели, принципы, механизм и другие параметры функционирования. Эффективность системы механического типа обеспечивается продуктивностью ее элементов, а также отлаженностью их взаимодействия. В процессе функционирования системы не происходит взаимного преобразования ее элементов. Любой пришедший в негодность элемент может быть заменен новым.

Принимая во внимание изложенное, можно судить о характере связи между совершенствованием законодательства, направленного на регулирование отношений, составляющих каждую из обозначенных подсистем, и позитивными изменениями в сфере науки. Для первой из рассмотренных подсистем совершенствование законодательного регулирования является внешним импульсом, на который она реагирует, не всегда предсказуемо, как позитивными, так и негативными изменениями. Следует учитывать, чем более значительные изменения предполагаются, тем более серьезными могут быть как позитивные, так и негативные их последствия.

Не вызывая предсказуемого качественного изменения компонентов подсистемы и ее функционирования, оказавшись избыточным, совершенствование законодательного регулирования может вместо оптимизации системы привести к ее разрушению.

С трудом поддаваясь управлению, в том числе посредством законодательного регулирования, отношения, складывающиеся в процессе организации и осуществления научной деятельности, в то же время в благоприятных условиях могут развиваться на основе самоорганизации. Абсолютно справедливым в этой связи представляется суждение о целесообразности «...минимизировать директивное управление научной, научно-технической и инновационной деятельностью, создать условия и возможности для саморазвития и саморегулирования научных организации и научных

¹ Степаненко Ю. В. Новый закон о научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2017. № 3. С. 69.

работников»¹. Сложно не согласиться и с тем, что в науке «...очень сильны научные традиции, правила академической этики и другие неписанные правила, вырабатываемые, признаваемые и одобряемые самим научным сообществом <...> поэтому <...> во многих сегментах научной сферы можно навести и поддерживать порядок без помощи права»².

Связь между совершенствованием законодательного регулирования и эффективностью функционирования подсистемы, представленной отношениями, складывающимися в процессах управления развитием науки, выработки и осуществления государственной политики в сфере науки, носит иной характер. Будучи внешним импульсом, при наличии четких задач и выверенной, научно обоснованной системы средств их решения совершенствование законодательного регулирования способно оказать позитивное регулирование на организацию и функционирование названной подсистемы как системы механического типа.

Задачи определены документами стратегического планирования³. Средства их решения могут быть эффективными лишь в том случае, когда при их отборе будет учитываться тот важный факт, что отношения, складывающиеся в процессе организации и осуществления научной деятельности, образуют систему органического типа.

Исходя из этого, во-первых, управленческие усилия целесообразно направлять не на администрирование научной деятельности, а на создание условий, повышающих вероятность быстрого адекватного изменения отношений, возникающих в процессе осуществления такой деятельности, вслед за изменением социальных потребностей и характера возникающих для общества угроз.

Установление системного и функционально полного правового регулирования общественных отношений, возникающих при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности, которое упоминалось при описании основной идеи концепции проекта федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации», подготовленного Министерством образования и науки совместно с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации⁴, вряд ли могло бы обеспечить желаемый прорыв в науке и научно-техническом развитии российского общества. Управление развитием науки должно трансформироваться в управление средой, в которой наука развивается и функционирует.

Во-вторых, важно четко определить и юридически закрепить пределы управления развитием науки, иначе не только совершенствование законодательства, но и непосредственно усилия государственного аппарата, нацеленные на развитие интеллектуального потенциала нации, эффективную организацию и технологическое обновление научной, научно-технической и инновационной деятельности⁵, могут быть восприняты научным сообществом как «...попытка заключить научную деятельность в тесное прокрустово ложе императивных правовых предписаний»⁶, что может способствовать усугублению проблем, существующих в сфере науки.

¹ Габов А. В., Путило Н. В., Гутников О. В. Проект федерального закона о науке — новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 388–396.

² Степаненко Ю. В. Новый закон о научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2017. № 3. С. 69.

³ См.: О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20, ст. 2584; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10, ст. 1373; Государственная программа Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 года № 377 (ред. от 15 мая 2025 года) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 15 (ч. III), ст. 1750 и др.

⁴ Новоселова Л. А., Гринь О. С. Эффективность правовой охраны объектов интеллектуальных прав: административные барьеры // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 11.

⁵ См.: Паспорт Государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 года № 377 (ред. от 23 декабря 2024 года). URL: <https://base.garant.ru/72216664/> (дата обращения: 24.04.2025).

⁶ Степаненко Ю. В. Новый закон о научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2017. № 3. С. 73.

В-третьих, в силу того, что отказ от управления развитием наукой в пользу управления ее средой объективно связан с увеличением финансовых издержек, целесообразно отдавать предпочтение тем моделям регулирования, которые предполагают прежде всего точечные изменения и позволяют оперативно отказываться от процессов, которые не приносят явного результата.

В-четвертых, в силу того, что законодательство о науке носит комплексный характер, важное значение приобретает обеспечение его внутренней непротиворечивости. Несогласованность законодательных норм создает условия для дезорганизации регулируемых отношений, что неизбежно оказывает негативное влияние на организацию и осуществление научной деятельности.

Итак, поскольку отношения, складывающиеся в процессе управления развитием науки, составляют систему механического типа, совершенствование их законодательного регулирования может быть внешним организующим импульсом, обеспечивающим устойчивое предсказуемое воздействие на них.

Учитывая, что отношения в сфере научной деятельности составляют систему органического типа, нужно не «управлять развитием» этой системы, а создавать условия среды, благоприятствующие желаемым изменениям, способные вызвать их с высокой степенью вероятности. Совершенствование законодательства, регулирующего названные отношения, — деятельность, требующая постепенных выверенных шагов, направленных на создание условий для активизации тех процессов самоорганизации, которые способны с высокой степенью вероятности привести к желаемым изменениям. Поскольку трансформации, влекомые изменением законодательного регулирования, носят не всегда предсказуемый характер, было бы оправданным избегать коренного реформирования, в случае неудачи способного повлечь столь масштабные негативные последствия, что с ними будет трудно справиться.

Толстик Владимир Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Оптимизация законодательства о науке — важнейшее условие повышения ее качества

Опубликованная С. В. Кабышевым в авторитетном журнале «Lex russica» научная статья на тему «Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации»¹ носит комплексный, системный, основополагающий характер. Учитывая состояние, в котором в последние годы оказалась отечественная наука, рассматриваемая в ней проблематика в высшей степени актуальна, причем как в теоретическом, так и практическом плане, поскольку автор акцентирует внимание на ключевых и вместе с тем крайне значимых для современного периода эволюции российского общества проблемных вопросах оптимизации законодательства о науке и научно-технологическом развитии.

Чем обусловлена потребность в оптимизации законодательства о науке? Автор, безусловно, прав, когда утверждает, что действующий Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» «фактически не приобрел базовый консолидирующий характер, его нормы не оказывают приоритетного воздействия на соответствующие отношения». А между тем отсутствие эффективного, ориентированного на достижение истинных, а не ложных целей правового регулирования соответствующих отношений нормативного акта на уровне именно федерального закона (а не правительственных, ведомственных и тем более локальных нормативных правовых актов) является, как представляется, одним из существенных изъянов, без устранения которого создание адекватных нормативных условий для конструктивного развития науки невозможно.

Цель подготовки обсуждаемой научной статьи состояла не в том, чтобы по всем затронутым в ней концептуальным вопросам сформулировать окончательное решение, расставить все точки

¹ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 2 (219). С. 130–140.

над «и», а в том, чтобы пригласить научную общественность к оживлению и структурированию дискуссии относительно перспектив развития законодательства о науке, более глубокой и основательной проработке наиболее значимых, спорных вопросов, касающихся смысла и пределов правового регулирования науки, структурной специфики отношений, управленческих, финансовых и иных компонентов государственной политики в области науки.

При этом следует отметить, что в своей статье С. В. Кабышев сформулировал целый ряд положений, которые, на наш взгляд, с одной стороны, имеют исключительное важное методологическое значение, а с другой — могут быть практически в готовом виде имплементированы в закон о науке или документ этического характера, например кодекс научной этики.

Во-первых, автор предлагает в процессе совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации исходить из безусловного приоритета национальных интересов. Эта базовая, основополагающая идея означает, что, если в процессе создания закона, равно как его интерпретации и реализации, будет возникать конкуренция иных интересов, идей, ценностей, стоять вопрос о выборе способа, метода, типа регулирования и т. п., безусловный приоритет следует отдавать национальным интересам, под которыми в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, понимаются «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии».

Во-вторых, автор продемонстрировал глубокое понимание специфики такого объекта правового регулирования, как наука (научно-исследовательская деятельность). Он пишет: «нужно учитывать, что сфера науки весьма деликатная, неразрывно связана с интеллектуально-творческим началом, вдохновением и озарениями, спонтанными открытиями, которые как таковые не могут быть детерминированы принудительной силой права и подчинены ей». Непонимание или неучитывание законодателем природы научно-исследовательской деятельности, игнорирование отмеченных специфических особенностей неизбежно будет приводить в лучшем случае к недостижению поставленных целей, а в худшем — порождать различного рода негативные следствия.

В-третьих, красной нитью через всю статью проходит взвешенный аналитический подход, выражающийся в том числе в адекватном представлении о роли и возможностях права в регулировании соответствующих отношений. И если вывод: «право... не может осуществить научно-технологический прогресс» в целом очевиден, то указание на необходимость при создании закона о науке учитывать объективные границы правового воздействия, не вторгаться в отношения и детали и не порождать иллюзорных ожиданий применительно к объектам, которые по своему характеру находятся вне рамок государственно-нормативного принудительно-волевого воздействия», имеет, безусловно, важное методологическое значение.

О глубоком понимании специфики объекта правовой регламентации и объективных возможностях права свидетельствует и указание на необходимость тесного сочетания права с иными социальными регуляторами, прежде всего этического характера. Этот вывод следует поддержать и уделить дополнительное внимание проблеме оптимального взаимодействия правового и этического регулирования научной деятельности. Полагаем, востребованными в данном аспекте могут оказаться некоторые идеи, сформулированные нами в ранее опубликованной научной статье «Девиантное поведение в науке и пути его преодоления»¹.

В-четвертых, верно определен целевой ориентир (конечный результат) правовой регламентации рассматриваемых отношений, под которым автор предлагает понимать «социально полезный эффект». Это положение, безусловно, должно быть закреплено в законе о науке как антипод, противопоставляемый прочно «прописавшемуся» сегодня в подзаконных нормативных правовых актах отчетно-бюрократическому подходу, «с оптикой, — как пишет автор, — сфокусированной на «бумажную» науку, включая обширную публикационную активность».

В-пятых, следует поддержать идею о формировании специального правового режима, посредством которого можно будет обеспечить наиболее благоприятные условия (достойная заработная плата, должное финансирование научных исследований и внедрения их результатов и т. п.) для достижения значимых, востребованных научных результатов, включая инструменты профилактики и преодоления рисков, вызванных регулятивными факторами торможения научно-технологического развития. Вместе с тем, полагаем, что правовой режим не может и не должен быть единым для

¹ Толстик В. А. Девиантное поведение в науке и пути его преодоления // Российский юридический журнал. 2020. № 5 (134). С. 54–63.

всех видов наук. При проработке специфики соответствующих режимов необходимо принимать во внимание особенности объекта правового воздействия, имея в виду, прежде всего, различия, существующие между естественными, общественными (гуманитарными) и техническими науками.

В-шестых, конструктивной видится инициатива в рамках перехода к новому качеству законодательства о науке интегрировать его и придать новому закону качества системообразующего непосредственного регулятора соответствующих отношений.

В целом, говоря о различных концептуальных вопросах совершенствования законодательства о науке, несмотря на их общую и автономную значимость, в том числе и вопроса о наименовании акта (не случайно в юридической технике сформулирован целый набор требований, предъявляемых к наименованию акта, да и поговорка «как корабль назовешь, так он и поплывет» не лишена своей рациональности), все же в современных условиях определяющее значение имеет выявление и осмысление накопившихся регулятивных факторов торможения научно-технологического развития, для устранения которых С. В. Кабышев предлагает максимально задействовать ресурсы права. И это не проявление правового идеализма. Как представляется, закрепление ключевых положений на уровне федерального закона может стать действенным способом решения крайне болезненных для науки проблем.

Уместно задаться вопросом, какие факторы сегодня тормозят научный прогресс (развитие науки), а если говорить более точно, привели отечественную науку к состоянию, которое многими учеными квалифицируется как кризисное¹? Самое печальное состоит в том, что подавляющее большинство таких факторов (нормативных положений) инкорпорировано, прочно «вшито» в действующие подзаконные нормативные правовые акты², регламентирующие различные аспекты оценки результативности научной деятельности.

Наиболее весомым фактором, причем не только и не столько тормозящим развитие науки, сколько детерминирующим ее последовательную деградацию, выступают нормативно закрепленные критерии оценки научной деятельности отдельных ученых, научных и образовательных организаций.

Если учитывать то, что в своих ранее опубликованных нами научных статьях («Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл»³, «Девизное поведение в науке и пути его преодоления»⁴, «Типичные дефекты и возможности повышения качества диссертационных исследований, проводимых в образовательных и научных организациях МВД России»⁵, «Кризис юридической науки: причины, следствия, пути преодоления»⁶) указанному

¹ См.: Баранов П. П. Кризис юридической науки в современном мире // *Философия права*. 2015. № 1 (68). С. 29–36; Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // *Журнал российского права*. 2013. № 8 (200). С. 43–54; Толстик В. А. Кризис юридической науки: причины, следствия, пути преодоления // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024. № 2 (66). С. 407–412.

² См.: Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения: постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 года № 312 (ред. от 15 октября 2024 года) (вместе с Правилами оценки и мониторинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения); Об утверждении порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности и порядка подтверждения указанных сведений федеральными органами исполнительной власти в целях мониторинга, порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности в целях оценки, а также состава сведений о результатах деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, предоставляемых в целях мониторинга и оценки: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 года № 162 (ред. от 3 марта 2016 года, с изм. от 17 ноября 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2025).

³ См.: Толстик В. А. Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // *Государство и право*. 2019. № 1. С. 65–74.

⁴ См.: Толстик В. А. Девизное поведение в науке и пути его преодоления // *Российский юридический журнал*. 2020. № 5 (134). С. 54–63.

⁵ См.: Толстик В. А. Типичные дефекты и возможности повышения качества диссертационных исследований, проводимых в образовательных и научных организациях МВД России // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 4 (48). С. 347–353.

⁶ Толстик В. А. Кризис юридической науки: причины, следствия, пути преодоления // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024. № 2 (66). С. 407–412.

и иным факторам было уделено достаточно много внимания и, как представляется, удалось основательно проработать соответствующие проблемы и на концептуальном и на прикладном уровнях, имея в виду разработку конкретных мер, которые необходимо реализовать для устранения негативного действия указанных факторов, то здесь акцентируем внимание на ключевых положениях.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»¹: «Научная (научно-исследовательская) деятельность (далее — научная деятельность) — деятельность, направленная на получение и применение новых знаний». Таким образом, базовая цель науки — получение и применение нового знания, что полностью соответствует национальному интересу. Соответствующими должны быть и критерии оценки научной деятельности (научная новизна, теоретическая и практическая значимость). Кто может дать адекватную оценку о наличии или отсутствии у научного продукта указанных качеств? Только специалист (эксперт) в соответствующей области научного знания. Иного не дано. И именно этот способ оценки в полной мере соответствует национальному интересу. Однако этот вариант не соответствует ведомственному (бюрократическому) интересу, который в силу природы любой управленческой структуры имеет автономные интересы, не совпадающие с национальными (государственными, общественными). Ведомственные интересы проявляются в том числе в стремлении к усилению своего влияния на объект управления посредством установления удобных ему правил (в том числе критериев оценки), контроля за их исполнением, оценки результативности деятельности подчиненных, наказания за невыполнение правил (критериев), поощрения «передовиков» и т. п.

По этой причине в приведенных выше подзаконных нормативных правовых актах были установлены не качественные (экспертные) критерии (показатели) оценки деятельности ученых и соответствующих организаций, а количественные (число публикаций, совокупная цитируемость публикаций, совокупный импакт-фактор журналов, в которых опубликованы статьи организации; число научных конференций с международным участием, проведенных организацией и другие).

Таким образом, произошла подмена цели науки, подмена национального интереса ведомственным. В результате ученые оказались в ситуации, когда они вынуждены «работать» не столько на получение нового знания и его применение на практике, сколько на выполнение нормативов публикационной активности, проведение все большего и большего количества конференций и т. д. и т. п.

Закономерным итогом явилось широкомасштабное возникновение негативных следствий, в том числе уродливых и постыдных с позиций научной этики, а в ряде случаев и закона явлений (ложное соавторство, написание каждым отдельным ученым по одной статье и опубликование их в двойном, тройном и более соавторстве; плагиат (присвоение чужих идей, работ, результатов исследований или текстов); автоплагиат (повторное и даже неоднократное опубликование одних и тех же материалов в различных статьях); фабрикация данных (подделка данных или результатов исследования); фальсификация данных (манипулирование используемыми материалами, изменение или замалчивание данных либо результатов исследований, ведущие к их искажению); упоминание или цитирование источников не по их реальному вкладу в разработку данной темы, а из стремления «сделать реверанс» в адрес предполагаемых рецензентов, оппонентов, критиков; взаимные ссылки по договоренности двух авторов, искусственное онаучивание, которым вуалью бедность мысли и отсутствие подлинного научного результата, опубликование сборников под видом монографий и другие)².

В этих условиях высокоценной видится идея, сформулированная С.В. Кабышевым в своей научной статье, о необходимости выработки «действенного правового механизма оценки эффективности (результативности) научной деятельности на основе **качественной экспертной оценки** (выделено нами — **В. Т.**), дополняемой в разумно обоснованных пределах применением наукометрических инструментов, которые при этом должны быть построены на отечественной методологической и инфраструктурной базе».

Однако ценность приведенной идеи не будет девальвирована только в том случае, если удастся действительно разумно, в соответствии с национальными интересами обосновать пределы применения наукометрических инструментов. На наш взгляд, основное функциональное предназначение данных инструментов должно состоять в количественной и, что особенно важно, качественной

¹ О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ (ред. от 23 мая 2016 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35, ст. 4137.

² См.: Толстик В. А. Кризис юридической науки: причины, следствия, пути преодоления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 410.

(содержательной) систематизации научного знания¹. Представляется, что этой архиважной для современной науки задаче должно быть уделено особое место в системообразующем законе о науке. При этом хорошим подспорьем для успешного решения данной глобальной и в высшей степени объемной задачи могло бы стать использование технологий искусственного интеллекта.

В заключение отметим, что, на наш взгляд, в условиях отнюдь не оптимистичных для развития научного знания и его применения трендов первоочередной задачей оптимизации законодательства о науке является устранение факторов торможения ее конструктивного развития. И устранить эти факторы необходимо как можно быстрее, не дожидаясь окончания глубокой, концептуальной проработки всех иных вопросов и тем более разработки и принятия нового системообразующего акта. Соответствующие изменения можно и нужно в оперативном порядке внести в действующий Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» в части установления прямого запрета на использование количественных критериев (количество публикаций, цитирований, индекс Хирша, научно-представительских конференций и т. п.) для оценки результативности деятельности как научных (образовательных) организаций, так и отдельных ученых.

Шафиров Владимир Моисеевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Новый базовый системообразующий закон о науке необходим

По мнению С. В. Кабышева, новую концепцию закона о науке необходимо строить на базе Конституции Российской Федерации (далее — Конституции), чтобы «...обеспечить в контексте реалий и вызовов современности последовательное раскрытие в законодательстве вновь установленных в Конституции целей, ценностей, принципов, категорий, институтов...»². Этот методологический посыл имеет универсальное значение. До сих пор в общественном сознании не преодолен образ права, как строго формального, чисто внешнего, ограничивающего свободу, безучастного по отношению к справедливости, обязательно принудительного социального явления. Учитывая вышеизложенное, сложилась традиция отводить праву довольно лимитированную роль в регулировании отношений, в том числе в сферах научных исследований и научно-технологического развития, ведь строгое, формально бюрократическое право может сдерживать и ограничивать научную деятельность.

Ситуация качественно изменилась после принятия Конституции. Одна из ключевых новаций в Конституции в аспекте ценностного измерения — смена парадигмы в правопонимании. В строительстве теоретической и нормативной модели Конституции были использованы концептуальные основы «...базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию права»³ и положения юридического позитивизма. Итак, конституционное понимание права имеет отчетливо выраженный интегративный (естественно позитивный) характер.

Конституция закрепила бинарную природу права: естественное начало (природа личности — ч. 2, ст. 17) и позитивное начало (политическая природа — ст. 2). Пересмотрен подход к содержанию права, элементами его структуры служат не юридические нормы, а закрепленные в них права, свободы и обязанности человека и гражданина. Это сформулировано следующим образом: «Права и свободы <...> определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст.18); «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свобо-

¹ Подробнее об этом см.: Толстик В. А. Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // Государство и право. 2019. № 1. С. 70–72.

² Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 133.

³ Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. Москва, 2011.

ды других лиц» (ч. 3, ст. 17). Конституционное правовопонимание конвертировало образ права, которое предстает как гуманное, выражающее свободу и справедливость, разумное, ориентированное на внутреннее и внешнее поведение, определенное, обеспеченное государством и обществом социальное явление. Все эти свойства повышают эффективность права, позволяют формировать правовой режим наибольшего благоприятствования для развития человеческого капитала, инновационных технологий, стимулирования научной деятельности в целом.

«Правовой режим» — комплексное понятие, включающее взаимосвязанные юридические средства (способы, методы, типы, меры обеспечения). Субстанцией правового режима являются правила поведения или нормативные правовые обобщения и нормы права. В правилах поведения закрепляются либо права, либо обязанности. С ними коррелируются два вида правового регулирования: дозволительное и обязательное. Для каждого из них свойственен свой режим правового регулирования: дозволительный правовой режим и обязательный правовой режим. К сфере науки, представляется, применимы оба правовых режима.

Для развития инициативы, научного творчества важен дозволительный правовой режим. Его нормативную основу составляют управомочивающие нормативные правовые обобщения и нормы права. Данные правила поведения содержат права и свободы. Наиболее обширна ассоциация управомочивающих норм. В зависимости от уровня индивидуального правового регулирования (саморегуляции) управомочивающие нормы подразделяются на определенные управомочивающие нормы; управомочивающие нормы, позволяющие выбор вариантов поведения; управомочивающие нормы, позволяющие свою конкретизацию в зависимости от сложившейся ситуации (ситуационные); управомочивающие нормы, позволяющие принятие правила поведения, отличного от имеющегося (диспозитивные нормы); рекомендательные нормы.

Управомочивающие правила поведения не являются жестким императивом, приказом к подчинению, не предписывают каких-либо действий (бездействий).

Способ установления модели поведения — дозволение, и делается это посредством мягких формулировок: «вправе», «может».

Методом дозволительного правового регулирования является метод автономии (децентрализации).

Свойственны два типа правового регулирования. Первый — общедозволительный, то есть можно делать все, что правом не запрещено; второй — конкретно дозволительный (в литературе он называется разрешительный тип), то есть можно делать только то, что правом прямо разрешено. Меры обеспечения при дозволительном правовом режиме позитивного стимулирующего характера — правовые льготы, правовое поощрение, содействие и т. п. Государственное принуждение в данном правовом режиме недопустимо. В этой связи обоснованно иначе подойти к проблеме пределов правового регулирования. Воздействие, построенное на правах и свободах благоприятно для личности — чем больше прав, тем больше простора для ее самореализации. В дозволительном правовом регулировании более актуален вопрос о гарантиях прав, нежели о его пределах. Все это создает достаточно широкое пространство для научной свободы, совершения научных открытий, внедрения инновационных технологий.

Развитие науки, в том числе фундаментальной, должно проходить не только ради самой науки или удовлетворения личных потребностей ученого, но и общественных интересов. Принести пользу обществу — важнейшая миссия науки. Вот почему нужен обязательный правовой режим. Его нормативную основу составляют обязывающие и запрещающие нормативные правовые обобщения и нормы права. Эти правила требуют должного поведения, содержат обязанности и, следовательно, являются предписаниями. Соответственно способы установления моделей поведения: запрещение (требование не совершать действий) и обязывание (требование совершать действия). Метод обязательного правового регулирования — императивный (централизации). Именно государство определяет приоритетные направления науки, ставит конкретные задачи, по сути выдает задание ученым с целью получения определенного научного результата, выделяя под это из бюджета значительные финансовые, материальные и иные ресурсы.

В обсуждаемой статье высказано суждение о важности искать баланс между диспозитивным и императивным методами¹. Думается, точнее говорить о балансе методов автономии (децентрализации) и императивном (централизации). Свобода выбора прав не сводится к диспозитивности. Это понятие пришло из цивилистики, ему неоправданно придано всеобщее значение. Диспозитивная

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 135.

норма только одна из разновидностей управомочивающих норм. В обязательном правовом режиме вычлняются два типа: абсолютно обязательный (поступать должно только так, а не иначе), относительно-обязательно-обязательный (поступать должно только так, как предписано, если законом не разрешается смягчение или устранение обязанности). Меры обеспечения могут быть как позитивные (например, поощрение за заслуги в науке), так и негативные, включая и юридическую ответственность за несоблюдение и неисполнение обязанности как юридическими, так и физическими лицами, осуществляющими научную деятельность. В законе о науке дозволительный правовой и обязательный правовые режимы должны быть органично согласованы.

Развитие научно-технологического прогресса несет как положительные, так и отрицательные моменты. Последние могут негативно отражаться на жизни, здоровье людей, приводить к посягательствам на их достоинство, благополучие, безопасность, частную жизнь, персональные данные и т. п. (например, биотехнологии, цифровые технологии). Применять только правовые средства воздействия в подобных случаях будет ошибкой. Отсюда в проекте закона о науке должно присутствовать человеческое измерение, которое требует согласования правовых и нравственных начал. Конституция, выделяя личностную природу права, провозглашая человека, его права высшей ценностью, создает нормативные и теоретические основы для сближения (но не устранения различия!) права и морали, выстраивает условия для углубления их взаимодополнительности.

Под углом зрения человеческого измерения право и мораль выступают как однонаправленные, имеющие общие регуляторы поведения. Данное обстоятельство позволяет констатировать факт, что Конституция не только юридический, но и нравственный (в той мере, в какой затрагиваются права, свободы и обязанности людей) документ. Защита нравственности отнесена к числу основных приоритетов главного правового документа государства (ч. 3 ст. 55). Линия на углубление взаимосвязи права и морали последовательно проводится в поправках в Конституцию (4 июля 2020 года). Существенные изменения во взаимодействии двух мегарегуляторов (права и морали), произошедшие под влиянием Конституции, позволяют преодолеть нежелательные последствия действия формулы «право минимум нравственности». Таким образом, в современных условиях разработка и принятие закона о науке, как в прочем и других нормативных актов, посредством которых во всех сферах жизни общества внедряются научные открытия и инновационные технологии, затрагивающие права и интересы личности, должны проходить на стыке права и этики.

Культура правотворчества предполагает закрепление в текстах законов, а тем более базовых, системообразующих, каким должен быть закон о науке, комплекса нормативных правовых обобщений. К нормативным правовым обобщениям относятся правовые: принципы, цели, задачи, дефиниции, презумпции, фикции и т. п. В правоведении ведутся дискуссии о природе нормативных правовых обобщений, хотя в Конституции дан четкий ответ на данный вопрос. В ней, например, официально принцип определен в качестве регулятора поведения, наряду с нормой права. Так, в части 4 статьи 15 выделено два самостоятельных правила: общепризнанные принципы и нормы международного права. Отдельно закреплены принципы прямого действия Конституции (ч. 1 ст. 15 Конституции); непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина (ст. 18 Конституции). Очевидно, что к правилам поведения относятся все нормативные правовые обобщения. Не случайно Конституционный Суд Российской Федерации дает толкование законов (как при наличии норм, так и их отсутствии), опираясь на правовые принципы, дефиниции, цели и т. д., тем самым выявляя смысл правового регулирования. Следовательно, и нормы права, и нормативные правовые обобщения являются правилами поведения, первичными элементами системы (внутренней формы) права, поэтому существенно, чтобы в новом законе о науке содержалась не только статья об основных, применяемых понятиях, но и отдельные статьи, в которых закреплены и раскрыты цели, задачи, принципы и т. д. научной деятельности. Все эти статьи необходимо зафиксировать в главе «Общие положения».

Науку творят ученые, которые выдвигают новые идеи, формулируют концепции, разрабатывают механизм их внедрения. Сегодня ощущается дефицит научных кадров. Одна из причин — падение престижа научной деятельности. Его повышение невозможно без укрепления социально-правового положения ученого. В законе о науке желательно конкретно прописать все элементы специального правового статуса ученого: права, свободы, обязанности, меры поощрения, льготы, гарантии, ограничения. Права и обязанности следует установить в разных статьях, тогда будет проще понять, когда ученый обладает свободой выбора и деятельности, а когда он должен поступать только так, а не иначе. Это позволит устранить давнюю проблему: отождествление (совпадение) прав и обязанностей.

Меры поощрения — важный стимулирующий фактор. Но неопределенность и даже отсутствие поощрительных (положительных) санкций значительно снижают эффект стимулирования. При подготовке проекта закона о науке в структуре норм необходимо предусмотреть в качестве самостоятельного элемента положительную санкцию за достигнутые высокие научные результаты. Устанавливаемые в санкции меры поощрения должны не только вызывать повышенный интерес у исследователя, но и быть соразмерными затратам его физической, психической, интеллектуальной энергии, а также степени фундаментальной и (или) прикладной значимости полученных научных достижений. Чтобы ожидания ученого относительно справедливой оценки его труда оправдались, в большинстве случаев важно устанавливать обязанность органов и должностных лиц применять меры поощрения. В процессе изысканий часто приходится проводить эксперименты, идти на оправданный риск, действовать в пределах крайней необходимости, совершать ошибки и т. п., поэтому важны гарантии поддержки и обеспечения ученых, проводящих креативные научные исследования.

Одним из вариантов продуманного обновления законодательства в рассматриваемой сфере могло бы стать проведение перед разработкой проекта закона о науке или одновременно с ней консолидации различных нормативных правовых актов, посвященных науке и научной деятельности. Это даст возможность правильно определить правовое пространство в данной области отношений, устранить имеющиеся повторы, противоречия, устаревшие нормы и т. п.

Изложенное позволяет сделать вывод о своевременности и обоснованности постановки вопроса С. В. Кабышевым по поводу подготовки концепции проекта нового, базового, системообразующего закона о науке. Принятие закона будет способствовать реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Поляков Сергей Борисович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», адвокат

«Древо целей» и некоторые другие элементы концепции законопроекта о науке

Статья С. В. Кабышева¹ представляет полно идею и значительную часть элементов концепции законопроекта о науке, начальные этапы законотворчества². В развитие поддерживаемых основных положений статьи предлагается рассмотреть содержание элемента концепции законопроекта о науке, формирование его «древа целей» в сочетании с иными элементами концепции³.

1. Высшей целью законодательного регулирования науки в силу подпункта «е» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» следует определить *технологическое лидерство*.

В такой формулировке снимается противопоставление науки и технологии, фундаментальной и прикладной науки. Нобелевский лауреат Ж. И. Алферов писал: «что всякая наука прикладная. Разница только в том, что отдельные приложения возникают быстро, а другие — через 50, 100 лет»⁴; «что все развитие человечества определялось в значительной степени развитием тех или иных производственных технологий»⁵. Легальная дефиниция технологии как «научно и практически обоснованных методов» определяет ее неразрывную связь с наукой⁶, без которой невозможны инновационные технологии. В то же время отсутствие хотя бы прогноза технологических решений означает псевдонаучность.

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 132–142.

² Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва: Проспект, 2021. С. 270–285.

³ Там же. С. 281.

⁴ Алферов Ж. И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. Москва: Родина, 2021. С. 63, см. также с. 67, 72, 112–113, 208.

⁵ См. там же. С. 100.

⁶ О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2024 года № 523-ФЗ (пункт 15 статьи 3).

Разделяя тезис, что право должно способствовать появлению, закреплению и развитию тех институтов, которые позволяют получить не отчетно-бюрократический, а социально полезный эффект¹, следует обратить внимание на то, что содержание базового закона о науке должно быть именно правовым, то есть содержащим нормы права, а не политическим, состоящим из лозунгов, принципов и дефиниций.

В Федеральном законе от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Федеральный закон № 127) обязанности для органов государственной власти обнаруживаются только в самом общем виде (ст. 6, п. 5, 7–9 ст. 6.3, ст. 6.4, 7.1, 9, 13–15.1, 16.4). Установлен общий запрет нарушения свободы научного творчества (п. 3 ст. 7). Отсутствие конкретики обязанностей и запретов исключает наличие санкций за их нарушения, то есть в законе нет завершающих правовых предписаний для органов государственной власти. Положения закона об оценке эффективности государственной поддержки и информационного обеспечения развития инновационной деятельности представляют собой обременения (обязанности и запреты) адресатам ее получения (ст. 16.5, 16.6).

То же самое следует сказать о наличии, точнее об отсутствии правовых предписаний для органов государства в Федеральном законе от 28 декабря 2024 года № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В Федеральном законе от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» можно найти только три логические нормы права, реализация которых никак не способствует развитию того, что указано в названии закона. Причем для органов государственной власти обнаруживается только запрет оказывать меры государственной поддержки определенным субъектам (ч. 1 ст. 10).

Эти законы как фактически политические документы по своему неюридическому содержанию не могут «максимально использовать ресурсы права для стимулирования научного прогресса»².

В отличие от них, новому закону необходимо придание «качеств системообразующего непосредственного регулятора соответствующих отношений в целях достижения общественно значимого эффекта»³. Это означает создание обязывающих предписаний для органов государственной власти с санкциями для них и их должностных лиц за невыполнение промежуточных целей достижения технологического лидерства.

2. Слово «лидерство» — родное для спорта, чтобы стать чемпионами мира в науке, следует идти дорогами спортивных побед. Начинаются они с точного определения причин поражений и отставаний от лидеров.

Бюрократии свойственны «потемкинские деревни», а не признание проблем от своей деятельности. Наука же предназначена для получения новых знаний, когда существующих недостаточно для решения новых задач. Превращение науки в производительную силу как сущностный признак, отличающий постиндустриальное общество от доиндустриального и индустриального⁴, начинается с востребованности ее для решения проблем, ретушируемых бюрократией. Суть бюрократизации: жизненные принципы формируются с целью приспособления к деятельности чиновника, собственные интересы его подменяют цель, для которой он создан⁵. А потому для поворота чиновника к публичной цели технологического лидерства должны быть формально определенные, обеспеченные санкциями обязанности органов государственной власти и их должностных лиц по *признанию и формулированию проблем в сфере своей деятельности*, цели для постановки научных задач.

Такие обязанности возможны одновременно в двух формах:

1) обязательное рассмотрение докладов научных организаций о существующей проблеме и направлениях научных исследований для ее решений и отклонение их только по формально

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 134.

² Там же.

³ Там же. С. 135.

⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. С. 150–159; Алферов Ж. И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. Москва: Родина, 2021. С. 215.

⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. С. 89; Протасов В. Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 56 и др.

определенным основаниям (например, недостаточное обоснование проблемы, отсутствие ясно-го плана научных исследований и прогноза решения проблемы, отсутствие финансирования для предлагаемого плана научных исследований и т. д.);

2) самостоятельная формулировка проблемы и постановка научной задачи для объявления конкурса научных организаций и ученых для ее решения. Д. Белл писал: «Для организации науки создание централизованной бюрократии (а в таком случае централизация является неизбежной тенденцией) может означать удушение поиска и привести к тому, что научная работа будет вестись в русле утвержденных свыше национальных или социальных задач и определяться приоритетом политических целей»¹. Однако следует учитывать противопоставление им науки и технологии. При конкурсной оценке проектов научных исследований для решения конкретной проблемы будет появляться потребность выявления новых закономерностей, основы для решения не только этой, но и других сходных проблем. Получение таких результатов можно относить к «подлинной» науке, если заикливаться на делении науки на фундаментальную и прикладную.

По такому пути идет государство в сфере обороны. В ней результативность науки и деятельности государства ее плодами должна стать моделью для других отношений. При общности объекта исследования и воздействия у правоведов и государства юридической науке сложно дожидаться призыва к сотрудничеству. Дефекты законодательства и правоприменительной практики как научные проблемы и предмет исследований властью не приветствуются.

3. *Оценка деятельности органа государственной власти и их должностных лиц по решению сформулированных или признанных ими проблем в сфере своей деятельности и мер поощрения за достигнутые результаты и санкций за их отсутствие.* Для такой цели, направляющей бюрократию к публичной цели, у органов государственной власти возникает мотив сплочения ученых, объединения их идей, в том числе соединения конкурсных проектов, истребление научной ревности, рождающей склоки между отдельными учеными вместо получения социально полезных результатов. Подобно тому, как умный тренер ради победы находит способы объединить в команде капризных звезд.

4. *Оценка деятельности научных организаций и ученых по участию в решении сформулированных или признанных государством проблем* как оснований оплаты научной работы. Таким образом, дисциплинарно-бюрократическая оценка ученых «с оптикой, сфокусированной на «бумажную науку», включая обширную публикационную активность»², должна смениться ориентацией ученых «на реализацию государственно значимых задач»³ вместо суетливой погони за скопусами и квартилями.

5. *Финансирование и иное ресурсное обеспечение научного решения проблем.* В спорте команда с жалким бюджетом никогда не станет чемпионом. Точно так же технологическое лидерство недостижимо без объемов финансирования, сопоставимых с бюджетами мировых технологических лидеров. Бланкетное изложение финансового обеспечения научной, научно-технической, инновационной деятельности при объемах финансирования на такую деятельность в законах о бюджете исключает правовые и экономические основания для технологического лидерства.

В этой связи следует обратить внимание на положения статьи С. В. Кабышева о соотношении законодательства о научной деятельности с налоговым и бюджетным⁴. Налоговое законодательство по своей природе ограничивает деятельность, с которой платятся налоги. Наука — самая чувствительная к ограничениям сфера деятельности. Налоговое и бюджетное законодательство, реализующие принцип «всем сестрам по серьге», не предназначено для научных прорывов, а потому отношения научной деятельности и ее обеспечения прямо следует исключить из предметов их регулирования. Если стремиться к технологическому лидерству, то С. В. Кабышевым верно обозначен коллизионный приоритет специального закона о науке как элемента концепции законопроекта: определения предмета законодательной регламентации, места законопроекта в системе законодательства⁵.

6. Небогатые, но не нищие клубы могут выиграть чемпионат, как «Лестер», но не многократно, как «Манчестер Сити» при оптимальном расходовании финансов на удачно выбранных тренеров,

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. С. 542.

² Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 138. См. также Алфёров Ж. И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. Москва: Родина, 2021. С. 65–66.

³ Там же.

⁴ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 137.

⁵ Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва: Проспект, 2021. С. 281.

игроков и т. д. Успехов в технологической гонке на отдельных направлениях также можно достигать при *организации системы распределения средств на науку*. В этих целях необходима система предписаний для реализации целей 2–4, в частности организации конкурсов научных исследований, максимально исключающих коррупционные заказы на сомнительные проекты. В статье 16.5 Федерального закона № 127 об оценке эффективности расходования бюджетных средств, направляемых на государственную поддержку инновационной деятельности, нет завершенных обязанностей для точно указанных адресатов, порядка их исполнения и санкций за неисполнение.

Риск недостижения результата, решения проблемы в науке велик, но сопоставим с риском покупки игроков, назначения тренера в спорте. Менеджеров и тренеров, не достигших успехов, увольняют, победивших — вознаграждают. Что-то из их контрактов вполне сгодится для закона о науке.

7. Технологическое лидерство невозможно без *формирования научных кадров и порождающей их системы образования*. В лучшем случае эпизодически возникнут отдельные технологические достижения. Прежде чем в 2025 году выиграть чемпионат Российской Федерации по футболу, «Краснодар» задолго до этого стал известен своей передовой детско-юношеской академией футбола, некоторые из воспитанников которой наряду с легионерами добились победы.

Финансирование образования и научных кадров хронически проблемное¹. Относительная оплата труда ученых неуклонно снижается, а абсолютная — все смешнее. При таких тенденциях напрасная мечта: «Российская наука прямо определена в качестве «основы суверенного развития государства»².

Наука — дело для умных. Но надо быть неумным юношей, выбирая профессию ученого при привлекательности зарплат множества других профессий. Слова о патриотизме до молодежи просто не дойдут, чтобы привлечь в занятия наукой. Положения статьи о патриотизме — облагороженный известный мем: «Денег нет, но вы держитесь». Они могут быть только утешением ученым пенсионного возраста.

Невозможность реализовать свои научные идеи из-за отсутствия вышеуказанных целей 2 и 3 — еще один фактор выталкивания из науки и страны ученых с их научными достижениями в страны, где их идеи востребованы.

При таком положении дел научный суверенитет будет похож на российские футбольные и баскетбольные клубы, в которых игроки-россияне подыгрывают зарубежным легионерам. Изменение его невозможно без императивных прямых предписаний в законе для органов власти и их должностных лиц, обеспечивающих базовую зарплату ученых, не заставляющую задумываться о неправильном выборе профессии, и вознаграждения за научные результаты, о которых водители автобусов и курьеры даже не могут мечтать. Иначе патриотизм ученых будет означать: покорно чеканить на Родине квартили, чтобы не урезали зарплату до двух-трех минимальных размеров оплаты труда.

Это только основные ветви «древа целей» законопроекта о науке. Есть множество других ответвлений для решения правовыми средствами противоречий в связанных с наукой отношениях (например, утрата стимулов производить знание без ощутимой выгоды для ученого, поскольку знание представляет собой «коллективное благо»³).

Кожевина Марина Анатольевна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Наука и науковедение: к вопросу о совершенствовании законодательства

Вопрос о науке и ее социальном предназначении всегда, независимо от времени, был актуальным. Современность не исключение. Согласимся с мнением профессора С. В. Кабышева о том, что наука «призвана сегодня служить не только основной производительной силой, но и важнейшим смыслообразующим, ценностно-мировоззренческим фактором развития России, способствовать

¹ Алферов Ж. И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. Москва: Родина, 2021. С. 68, 87, 90–91, 196, 206–208.

² Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 134.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. С. 150–159.

пониманию нашей страны как самобытной державы-цивилизации, давать обществу необходимые технологические решения и вместе с тем позволять обретать свои цели, смыслы»¹, укреплять свою идентичность, сохранять культурно-нравственные ценности и приумножать национальные традиции.

Бесспорно, в этом контексте Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ (даже с внесенными в него за истекшее время почти 50 поправками — М. К.) не отражает всей совокупности социально значимых направлений современной научной политики государства, а также в определенной части не откликается на социальные запросы в организации и регулировании научной деятельности. Вместе с тем, «ставя вопрос о новом законе», следует освободиться от иллюзии всеобъемлющей силы закона и ориентироваться на предпочтительный в научном сообществе дискурс о «качественном» (*better regulation*) и «умном регулировании» (*smart regulation*)², которые по определению Ш.-А. Монтэна являются «специфическими типами регуляторной политики, претендующими на высокое качество и результативность регулирования — от разработки до внедрения, и не противоречащими другим направлениям государственной политики»³.

В круг такого регулирования вовлекаются не только правовые (законодательные) механизмы и иные социальные средства воздействия на сложное многовариантное состояние общественных отношений, а главным образом наука и экономика, имеющие интеллектуальные и материальные ресурсы, в совокупности влияющие на повышение эффективности правового воздействия и регулирования. Решение этой сложной задачи тесно связано, как нам представляется, наравне с другими не менее значимыми аспектами развития современной науки, во-первых, с вопросом о смысловой наполняемости и унификации в использовании дефиниции «наука», прежде всего юридизации этого понятия, и, во-вторых, с реанимацией в научной деятельности науковедения как самостоятельного направления (сферы, отрасли и т. п.), нацеленного не только на самопознание науки, а в значительной степени служащее, по мнению профессора И.А. Боричевского, средством объединения научного пространства, консолидации научного сообщества в целях, задачах, в реализации своего социального предназначения⁴.

Понятие науки складывалось исторически по мере развития общественного интереса к научной деятельности. На заре становления науки в него вкладывался схоластический смысл, то есть наука воспринималась как сфера ознакомления или изучения чего-либо. В последующем понятием «наука» стала называться творческая деятельность, приносящая новое знание о предмете познания. С усложнением образования как системы преемственного знания наука стала рассматриваться в качестве средства адаптации нового знания к общим и профессиональным образовательным задачам. Постепенно, с расширением профессионально образованного сообщества в разных сферах общественной жизни возникает потребность отграничения практики от теоретического знания, формирование которого и было предназначено научному сообществу, представляющему автономное образование внутри профессионального сообщества. С этого момента рельефно проявляется процесс институционализации науки.

Институционализация наиболее полно отражает эволюцию науки, представляет совокупность стадийных эволюционных процессов различных научных отраслей и дисциплин. На каждой из стадий постепенно усложняются задачи, решение которых связано с укреплением в определенных социально-экономических и политических условиях повышенной социальной востребованности научной деятельности. В начале создаются соответствующие организационные формы и система социальных норм, регулирующих эту деятельность, творческие личности, объединенные интеллектуальными и ценностными ожиданиями, консолидируются.

Следующим этапом является интеграция научной и иных видов деятельности в рамках существующих общественных отношений. В результате устанавливается своеобразный формальный

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 131.

² См., напр.: Монтэн Шарль-Анри «Умное регулирование»: глобальный вызов для лиц, принимающих решения. Волкова А. В. Механизмы «умного регулирования» в публичной политике современной России: расширение гражданского участия // *Человек. Сообщество. Управление*. 2017. Т. 18. № 3. С. 37–52; Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // *Журнал российского права*. 2020. № 11. С. 14–29. URL: <http://smartregulation.net> (дата обращения: 28.05.2025).

³ Монтэн Шарль-Анри «Умное регулирование»: глобальный вызов для лиц, принимающих решения. Волкова А. В. Механизмы «умного регулирования» в публичной политике современной России: расширение гражданского участия // *Человек. Сообщество. Управление*. 2017. Т. 18. № 3. С. 37–52.

⁴ См.: Боричевский И. Науковедение как точная наука // *Социология науки и технологий*. 2013. Т. 4. № 3. С. 11–17.

и неформальный контроль общества над научной деятельностью. Таким образом, наука социализируется, формируется в систему и начинает функционировать как система (подсистема) в рамках социальной системы. Дальнейшее развитие науки связано с созданием социально-психологических механизмов, обеспечивающих стабильность и устойчивость внутренней организации, а также устойчивость и стабильность ее как социального института¹.

В социальных науках различаются два взаимодополняющих направления институционализации науки. Когнитивная, являющаяся основным «каналом социализации специализированного научного знания», когда научное сообщество интегрируется, ориентируясь на единство исследовательских программ, формирование социально-организационной структуры (кафедры, институты и т. п.), сохранение, трансляцию и развитие сформированного «корпуса знаний». В рамках когнитивной институционализации устанавливаются формальные и неформальные коммуникативные связи между учеными (научные публикации, трибуны научных форумов, учебники и иные форматы системы образования), «стандарты и культурные образцы научной деятельности». Параллельно осуществляется социальная институционализация, в ходе которой формируются социокультурные условия детерминации и развития социально востребованных научных направлений, вырабатывается механизм взаимодействия с государством и обществом, правила общественного контроля над научной деятельностью, а также создаются организационно-правовые и образовательные формы подготовки новых поколений ученых и популяризации научного знания. Социальная институционализация является «способом идентификации ученых с научным сообществом, формой отождествления себя и своих профессиональных занятий с социально признанной областью знания»².

Таким образом, эволюционируя, понятие науки вообрало в себя все те значения, которые позволяют в совокупности определить ее в качестве *социального института* (здесь и далее курсив наш. — М. К.), который «в своем многомерном развертывании выполняет три главные социальные роли: 1) выступает как многоуровневая, динамично развивающаяся *система научных знаний*; 2) функционирует как *специфический вид творческой деятельности*, направленной на создание новых идей, генерирование новых знаний, объективно отражающих окружающий мир и проверяемых на практике; 3) развивается как *определенная совокупность общественных отношений*, связывающих друг с другом исследователей и их научные сообщества со всеми подсистемами единой и целостной системы общества — экономической, социальной, политической, духовной, военной, здравоохранительной, образовательной»³ и т. п. В таком звучании понятие науки мы бы предложили внести в соответствующий текст закона. Без основополагающего понятия вряд ли получится «системообразующий закон», каким его видит автор статьи.

В связи с обозначенным выше находится и вопрос о полномасштабном развитии науковедения как отраслевой и междисциплинарной области исследования научного знания и научной деятельности. Современные науковеды выделяют четыре этапа развития отечественного науковедения: 1) до начала 1960-х годов — этап формирования задач эффективного управления наукой; 2) 1960-е – 1980-е гг. — этап активного развития и широкого интереса; 3) конец 1980-х — начало XXI столетия — «разрушительный» этап, когда «почти целиком обрушился «наукоедческий дом», кто не погиб под его развалинами — разбежались. Многие оставшиеся в живых обитатели дома продолжили жить в полуразрушенных квартирах»⁴; 4) современный этап — «восстановительный», когда интерес к этой области знаний возрождается⁵.

Следовательно, в отечественной науке в этой области знаний сложился определенный опыт, который может послужить основой для дальнейшего развития, как нам представляется, в двух ракурсах. Первый — отраслевое науковедение как часть отрасли науки. В этом случае необходимо закрепить его в номенклатуре научных специальностей либо в паспорте специальности теоретико-исторического направления. Оно будет представлять отрасль исследования, изучающую закономерности функционирования и развития отраслевой науки, ее структуру и динамику научной

¹ Кожевина М. А., Яцук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства России (XVIII—XX вв.): монография. Москва, 2023. С. 24.

² Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. Москва, 1988. С. 7.

³ Бабосов Е. М. Социология науки. Минск, 2009. С. 7.

⁴ Грановский Ю. В. Трудная судьба науковедения в России // Наукоедческие исследования. 2010: сборник научных трудов / отв. ред. Ракитов А. И. Москва, 2010. С. 110.

⁵ Там же.

деятельности, тенденции взаимодействия отраслевой науки с другими отраслями науки, а также с другими социальными институтами, сферами материальной и духовной жизни общества. Таким образом, оно будет выступать междисциплинарной областью, аккумулирующей теоретическое и практическое науковедение, а также науковедческие дисциплины — наукометрию отрасли науки, социологию отрасли науки, экономику отрасли науки, психологию научного творчества и близкую к науковедению по целям — историю отраслевой науки.

Второй ракурс предполагает обобщение достижений отраслевого науковедения, то есть формирования общего науковедения как комплекса наук о науке (метанаука). На этом уровне науковедческие исследования связаны: 1) с разработкой теоретических основ политического и государственного регулирования наукой; 2) выработкой рекомендаций по повышению эффективности научной деятельности, принципов организации, планирования; 3) управлением научными исследованиями; 4) подготовкой научных кадров. Также она включает исследования обобщающего характера, относящиеся к философии науки, экономике науки, социологии науки, психологии научного творчества, наукометрии, технометрии, а также исследования истории и общей динамики науки, технологий, техники, высшего профессионального образования и т. п.

Как считают современные науковеды, такой подход к науке позволит ответить на ряд злободневных вопросов: «1) произошли ли существенные изменения в функциях, структуре и ориентирах современной науки в сравнении с классической наукой индустриального общества; 2) произошли ли за прошедшие полвека существенные изменения в содержании, методах и концептуальных основах науки и если да, то какие; 3) можно ли говорить о том, что перед современным науковедением в связи с радикальным изменением социально-экономической роли науки возникают новые задачи и проблемы, требующие переосмысления его концептуального базиса; 4) могут ли выводы и результаты современного науковедения играть существенную роль при формировании, коррекции и совершенствовании государственной научно-технологической и образовательной политики»¹.

Являясь комплексной областью знания, общее науковедение охватывает весь спектр наук естественных, технических, математических, социально-гуманитарных и др., поэтому содержит хороший потенциал для выявления и установления научно обоснованных познавательных и иных коммуникативных связей между разными научными отраслями и дисциплинами, научными организациями, «проблемными полями и самими учеными». Вместе с тем этот сегмент научного поиска и знания имеет достаточный аналитический инструментарий, чтобы всесторонне раскрыть все изменения в науке, затрагивающие ее «социально значимые цели, институциональный статус, организационную реструктуризацию, принципиально новое отношение к технологии, воздействие на все сферы социально-экономической реальности, возможности радикальной модернизации познавательных механизмов и интеллектуально-кадрового потенциала»², таким образом формируя вектор развития как науки в целом, так и ее отраслей.

Поэтому важно на организационно-правовом уровне решить вопрос о создании единого общероссийского науковедческого центра, возможно в виде государственного учреждения, деятельность которого была бы направлена на аналитику и обобщение опыта науки, менеджмент научной деятельности. Такой центр в полной мере смог бы активно включиться в подготовку рекомендаций для законодателя в области науки и научно-технологического развития Российской Федерации, а также научно обосновать концептуальные положения стратегического развития отечественной науки как системы, то есть представляющей единство, целостность во всем многообразии направлений отраслей и дисциплин.

Таким образом, статья С. В. Кабышева «Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации»³, призывая научное сообщество к обсуждению насущных проблем совершенствования законодательства, в первую очередь нацеливает воспользоваться собственным историческим и современным опытом, обобщить его и определить приоритеты для дальнейшего небесполезного для общества развития.

¹ Ракилов А. И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Науковедческие исследования: сборник научных трудов / отв. ред. А. И. Ракилов. Москва, 2003. С. 8–9.

² См. там же. С. 10.

³ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 130–140.

Баранов Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Проблемы кодификации законодательства о научной деятельности в условиях цифровой модернизации

Любое государство, независимо от политического режима, богатства либо бедности, «вынуждено» уделять внимание (в большей или меньшей степени) развитию науки и его законодательному обеспечению. Уровень цифровизации современного государственного управления позволяет относительно быстро, экономно, точно и полно провести не только учет имеющихся в сфере науки правовых и неправовых, типичных и нетипичных регуляторов, но и выбрать адекватный способ их логического упорядочивания — высококачественную кодификацию.

В новаторской по стилю и содержанию, прекрасно логически выстроенной, высокопрофессиональной, методологически насыщенной статье С. В. Кабышева относительно совершенствования законодательства о науке¹ блестяще показана роль правовой регламентации в этой ключевой для жизни государства и общества сфере.

Многообразие задач и сложности их решения влекут за собой качественно новый уровень систематизации действующего огромного массива законодательства в сфере науки. И здесь автор, на мой взгляд, остановился на полпути. Обладая большой гражданской смелостью, оригинальностью мышления, он почему-то обошел вниманием проблему итоговой систематизации этого «пласта» законодательства. Автор ограничился следующим интересным, важным, но незавершенным суждением на странице 135: «Это предполагает в качестве одной из основных методологических задач придание закону о науке системообразующего значения, коллизионного приоритета в соответствующей сфере как непосредственного регулятора отношений, чтобы он выступал в функционально-регулятивном плане актом нового метакодификационного типа, **не будучи облечен в формально-юридическую оболочку кодекса напрямую и в полном смысле** (курсив мой. — В. Б.) (хотя бы в силу весьма серьезного уровня дифференциации и специализации охватываемых соответствующим нормативно-правовым регулированием общественных отношений)». Автор даже рамочно не раскрыл, что такое «акт нового метакодификационного типа»! Если это особая кодификация законодательства, то каков ее уровень упорядочения и как ее назвать?

По сути, в этом тексте дается негативная оценка («формально-юридическая оболочка») кодекса. Выходит, что кодификация не вполне учитывает содержание законодательной регламентации, что, конечно, не так.

Идея кодификации законодательства о науке «лежит на поверхности», ее обоснованию приложено уже немало усилий², но «властного отклика», надлежащей политической воли нет.

Полагаю, как раз комплексность, глубокая дифференциация, специализация, унификация законодательства о науке с необходимостью обуславливают подготовку **межотраслевого Кодекса государственной политики в области творческой научной деятельности** (далее — Кодекс).

Первоочередная задача здесь — определиться с его **концепцией**. Было бы неплохо комитету Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию объявить кон-

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 132–142.

² См.: Лапаева В. В. Выступление 27 июля 2019 года на круглом столе «Проект Федерального закона «О научной и научно-технологической деятельности» // *Управление наукой: теория и практика*. 2019. Т. 1. № 1. С. 38–42; Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Кодекс законов о науке и инновациях Российской Федерации: концепция и структура // *Управление наукой: теория и практика*. 2022. Т. 4. № 4. С. 65–76; Четвериков А. О. Кодификация законодательства о науке и научной политике в зарубежных странах (пример Исследовательского кодекса Французской Республики): монография. Москва: РУСАЙНС, 2025. 120 с.

курс на подготовку развернутой концепции документа (с солидным гонораром и хорошо разрекламированным авторством). Представленные концептуальные акты необходимо широко обсуждать. «Победит» новаторская концепция — «родится» инновационный Кодекс. «Пройдет» консервативная концепция — качественного изменения кодификационной регламентации творческой научной деятельности не произойдет.

Концепцию Кодекса можно считать новой, если она предложит нетрадиционные, нетипичные принципы регулирования творческой научной деятельности, не известные ранее ее институты и направления развития, дополнительные технико-юридические, финансовые, морально-психологические, культурно-воспитательные средства, стимулирующие вовлечение в научную работу способных исследователей, более прочные гарантии защиты прав субъектов научной деятельности. Но нельзя уйти и в другую крайность: масштабные доктринальные задачи, которые за редкими исключениями способны решать не талантливые одиночки, а крупные и финансово обеспеченные научные учреждения, статус которых в Кодексе желательно «прописать» особенно детально.

Кодекс по традиции желательно «снабдить» Общей и Особенной частями.

Общая часть Кодекса может быть «насыщена» расположенными в логической последовательности разделами, главами, параграфами, статьями, нормативно фиксирующими:

- дефиницию «творческая научная деятельность»;
- цели и задачи регламентируемой деятельности;
- конституционные принципы творческой научной деятельности;
- методы регулирования (с упором на мягкое право, обеспечивающее баланс императивных, диспозитивных, стимулирующих начал);
- перечень субъектов с рамочным определением компетенции;
- систему государственного и общественного контроля;
- правовой статус научного сотрудника (понятие «ученый» выглядит претенциозно и в гуманитарной сфере не всегда оправдано результатами);
- границы (пределы) академической свободы научных работников;
- особенности фундаментальных естественно-технических и гуманитарных наук.

В Общей части Кодекса есть резон поместить необходимые оговорки-отсылки. Рамочная оговорка может помочь в уточнении сферы действия Кодекса. Отсылки возможны при определенных ситуациях к этическим кодексам научной деятельности.

В **Особенной части Кодекса** целесообразно поместить:

- временной режим работы;
- порядок академического экспертирования качества проводимых научных исследований;
- особенности внедрения результатов научной деятельности в зависимости от специализации;
- основания мер государственного поощрения за научные достижения, условия мер государственной поддержки научных школ;
- юридические основы спонсорства и благотворительности в сфере научной деятельности;
- формы саморегуляции в сфере научной деятельности;
- условия научной кооперации (с четкой фиксацией полномочий головной научной организации и соисполнителей);
- форматы популяризации научно-исследовательской работы.

Не исключен в Особенной части Кодекса раздел «Экспериментальные правотворческие режимы научной деятельности».

Предлагаю в этой же части Кодекса сформулировать стабилизационную оговорку: установить запрет (мораторий) вносить в него изменения в течение ближайших трех лет. При этом ежегодно вести мониторинг реализации Кодекса с детальной фиксацией как позитивных, так и негативных результатов. Выбор трехлетнего срока моратория на изменение Кодекса обусловливается «привязкой» к срокам принятия бюджета государства.

Предлагаемый Кодекс **непрерывно** должен открываться развернутой **преамбулой**. Продолжая отстаивать нормативный характер законодательных преамбул и слабую реализацию их потенциала¹, в преамбулу Кодекса полагаю важным поместить те идеи статьи С. В. Кабышева, которые посвящены обоснованию науки как: основной познавательной силы, основы суверенного развития государ-

¹ См.: Баранов В. М. Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики). Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. 406 с.

ства, инструмента профилактики и преодоления рисков, средства согласования с промышленной и технологической политикой, ресурса взаимовыгодного сотрудничества между наукой и бизнесом.

А теперь некоторые пояснения по отдельным проблемам кодификации государственной политики в области творческой инновационной научной деятельности и элементам Общей и Особенной частей Кодекса.

Предметом правового регулирования (и любого кодификационного акта) выступает интегративный феномен, охватывающий собой все известные нормам различных отраслей права предметы, процессы, состояния, результаты.

Единым и единственным непосредственным предметом отражения и регулирования отдельных юридических норм и законодательства в целом выступает **деятельность людей**¹. Человеческая деятельность полифункциональна и потому полиструктурна.

Для постановки и решения правотворческих, реализационных, интерпретационных задач деятельность может быть представлена двумя взаимосвязанными рядами: **объективным** и **субъективным**.

Объективный структурный ряд деятельности состоит из субъекта, содержания, объекта, средств осуществления и результатов.

Субъективный структурный род деятельности образуют ее потребности, интересы, мотивы, цели, воля.

Перечисленные элементы — необходимые и достаточные «ингредиенты» предмета каждого кодификационного акта, последовательное «расселение» которых в правовом формате может позволить учесть любые социально значимые традиционные и инновационные нюансы кодифицирования.

Феномен «наука» никак не вписывается в название имеющейся системы законодательства в этой сфере. Надо иметь в виду, что наука — своего рода результат индивидуальной и коллективной творческой научной деятельности всех предыдущих эпох и нынешнего времени. «Отобразить» этот предмет в законодательстве в любом формате его систематизации невозможно, да и не нужно. Наука как целостный феномен не может быть непосредственным предметом кодификации рассматриваемого комплекса законодательных и иных нормативных правовых актов. Ее пределы текучи, и до сих пор не утихают дискуссии о классификации наук. Наука, а точнее ее уровень, — **результат** всех (положительных и отрицательных) усилий научной деятельности. Это итог, «потолок», оптимум, к которому должна стремиться научная деятельность всех специальностей. Это идеал (по аналогии с правовым государством, закрепленным в ст. 1 Конституции Российской Федерации), горизонт, к которому движется любая наука.

Нет резона помещать в название Кодекса понятие «научно-технологическое развитие», поскольку оно обозначает **процесс** развития научной деятельности, который текуч, динамичен и вряд ли его может уловить юридическая норма. Ни один кодекс не в состоянии отобразить всю многоплановость и полифункциональность научно-технологического развития — для этого существуют программно-стратегические документы, в которых принято обозначать конкретные количественные показатели, сроки их достижения, стоимость.

Понятие «творческая» я предлагаю применять и в названии, и в содержании Кодекса, потому что не исключены различные формы **псевдозаконотворчества**. «Так или иначе, тенденция подмены творчества различными формами его имитации, отмечается в философской литературе, нивелирует границы новаторского и повторительного, оригинального и плагиативного, уникального и вторичного, потворствует снижению качественного уровня процесса и результата творчества и размывает сущностные основания феномена творчества». Но не только в этом дело. «Сфера творческого, — не без оснований отмечает И. С. Качай, — не имеет строго очерченных смысловых границ по причине фундаментальности и полиаспектности данного культурного феномена»². Надо иметь в виду: одно дело творческая свобода и совсем иное дело — творчество противоправного произвола. Признак творчества присущ научной деятельности потому, что ее итогом выступает ранее не существовавший, качественно новый неординарный юридический продукт. Величина (объем) творческого (нового бытия) в научной деятельности не может иметь строго очерченных содержательных и формальных границ. Научно-технический прогресс, по всей видимости, будет постоянно «двигать» эти пределы, и не только в сторону расширения.

¹ Подробное обоснование см.: Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. С. 124–190.

² Качай И. С. Творчество и псевдотворчество: история — основания — современность: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. С. 6, 81.

Понятие «творческое» более предпочтительно, нежели термин «креативное». Как замечает И. С. Качай, «изначально определяемая в качестве общей творческой способности субъекта, категория «креативность» в русскоязычном пространстве со временем обросла множеством специфических коннотаций и сегодня все чаще трактуется как творчество потребительского назначения, как творчество эгоцентрической направленности, как подражательная комбинаторика под видом творчества. Иными словами, данное понятие зачастую используется для обозначения разного рода имитационных и профанационных форм творчества»¹.

Кодификация законодательства о научной деятельности требует значительных, но не радикальных изменений, не «революционной ломки». Необходимость формата Кодекса в рассматриваемой сфере обуславливается тем, что: а) количество законодательных и иных нормативных правовых актов велико, они отличаются разнообразием и нуждаются в объединяющем начале; б) Кодекс может быть любого требующегося объема и обладать сложной иерархической структурой; в) научная деятельность не может быть второстепенным предметом законодательной регуляции, находиться на «периферии» систематизации законодательства; г) продемонстрирует особую природу Кодекса никак разновидностью закона, а стабилизирующее и стимулирующее средство развития научной деятельности; д) Кодекс сможет одновременно изменять свое содержание при укрупнении, детализации, сужении или расширении регулируемой научной деятельности.

Ключевой выступает проблема **определения** непосредственного предмета регулирования Кодекса в рассматриваемой сфере: от ее решения, достигнутого научно-практического консенсуса зависят абсолютно все содержательные и технико-юридические элементы возможной кодификации.

Я исхожу из того, что законодательная дефиниция — не только особая юридическая норма, но и суперинформативный метатекст. По этой причине формулирование законодательной дефиниции предмета обсуждаемого акта требует тщательного досконального анализа — без этого понимания сущности, содержания, формы столь необходимого правового акта добиться невозможно.

Через 5 лет после вступления в юридическую силу предлагаемого Кодекса (если решение о его создании состоится) потребуются принятие постановления Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами Российской Федерации Кодекса государственной политики в области творческой научной деятельности».

В этом документе в порядке ранней диагностики могут быть выявлены типичные дефекты состоявшейся кодификации, предложены официальные разъяснения по их преодолению, рекомендованы лучшие практики.

Перед завершающим разделом Кодекса о порядке его вступления в силу целесообразно поместить главу «**Особые правовые режимы функционирования специальных институтов научной деятельности**». К такого рода институтам принадлежит феномен «научная школа». Категория «научная школа» веками дискутируется: идут споры относительно ее сущности, критериев признания, показателей результативности². Было предпринято немало попыток законодательного, ведомственного, локального нормативного регулирования этого субъекта коллективного научного творчества, но они настолько разновекторны, что не ведут к разумному единству. «Самоприисвоение», «самозахват» статуса научной школы — массовидное и всем известное явление, а действенные меры противодействия этому негативному деянию (даже репутационного плана) отсутствуют.

Требуется развернутая законодательная фиксация правового статуса научной школы, определение источников, размеров, порядка финансирования и материально-технического обеспечения их деятельности. Институт научной школы нуждается в системной государственной поддержке, а не только в разовом грантовом стимулировании.

Функционирование научной школы — особо сложный для Кодекса предмет регулирования. Государству желательно установить в отношении его **режим постоянного государственного контроля** (по аналогии с Федеральным законом от 21 ноября 1995 года № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»).

¹ Качай И. С. Творчество и псевдотворчество: история — основания — современность: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. С. 7.

² Подробнее см.: Баранов В. М. Опыт формирования и функционирования научной школы техники правотворчества: монография. Москва: Проспект, 2019. 496 с.

Кодекс явится практической реализацией многолетних междисциплинарных исследований, направленных на обоснование существования в Российской Федерации относительно самостоятельной отрасли **научного права**¹.

Другим высокоценным институтом особого рода выступает государственная система научной аттестации², которая также «заслуживает» специального режима обеспечения.

Создание качественной нормативной правовой базы государственной системы научной аттестации — политико-юридический приоритет развития законодательства о научной деятельности. Сам факт существования только одного этого института, его реальных возможностей показывает несостоятельность доктринальной позиции тех исследователей, которые считают вообще ненужным какое-либо законодательное регулирование научной деятельности (дескать, это всегда ограничение академической свободы, барьер творчеству).

Еще один относительно автономный комплекс правовых норм о научной деятельности можно условно назвать «Институт этики научной деятельности и дифференцированной юридической ответственности научных сотрудников». Это важно и нужно не только потому, что при Президиуме Российской академии наук создан Совет по этике научных исследований (председателем назначен академик А. Хохлов). И не только потому, что развернуто представлен опыт коллективной рефлексии этики профессора³. Все значительно сложнее: в Кодексе следует четко обозначить линии взаимодействия и взаимопроникновения нравственности и права. Сейчас в связи с активизацией защиты духовно-нравственных ценностей надо принять разумные меры по недопущению чрезмерного «внедрения» нравственных и иных социальных норм в сферу правового регулирования. Нежелательно «вторжение» государственного регулирования в сферу морали, малопродуктивно стремление придать нравственным нормам правовую форму⁴.

В философской литературе не без оснований ответственность обосновывается как сущностная характеристика субъекта, процесса и направленности истинного творчества. По мнению И. С. Качая, «ответственность проявляется в способности человека прогнозировать последствия результатов своего творчества, в осознанном выборе творцом гуманистических способов реализации творческой деятельности, а также в интенцированности субъекта на гармонизацию общественных отношений, обновление культурных традиций и нравственное саморазвитие»⁵. В предлагаемом Кодексе желательно этим философско-культурным постулатам придать нормативную форму и тем самым стимулировать научно-познавательную активность исследователей.

На первый, поверхностный взгляд предлагаемый институт и соответствующий ему правовой режим содержат два **разнородных** элемента. На самом деле при его (института) правильном конструировании может образоваться гибкая развивающаяся **система многоуровневой социальной ответственности** всех субъектов научной деятельности.

Провести четкое юридическое отличие научного работника от ученого (и тем более независимого исследователя) вряд ли возможно: свобода научного творчества предполагает, что гражданин, находящийся в трудовых отношениях с научной организацией, не лишается права заниматься наукой в интересующей его сфере за счет личного времени. И именно в этой сфере он способен достичь значимых и признанных научных результатов.

¹ Кашкин С. Ю. Становление права как наука новой комплексной отрасли права // Вестник университета О. Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 16–27; Аничкин Е. С. Формирование наднационального научного права как отрасли международного публичного права // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 2; Васильев А. А. Научное право // Управление наукой: теория и практика. 2020. № 1. Т. 2. № 4. С. 65; Феномен научного права / под ред. А. А. Васильева. Барнаул: АЗБУКА, 2021. 280 с.; Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества: российский опыт и лучшие мировые практики / под ред. А. А. Васильева. Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2022. 395 с.

² Подробнее см.: Габов А. В. Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 48–88.

³ Этика профессора. Опыт коллективной рефлексии: монография / под ред. В. И. Бакштановского; сост. М. В. Багданова. Тюмень: ТИУ, 2020. 232 с.

⁴ Подробнее см.: Баранов В. М. Перегруженность российского законодательства и практики его применения нравственными стандартами: содержательные параметры, технико-юридические средства, социальная вредность // Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. Москва: РГ–Пресс, 2019. С. 298–309.

⁵ Качай И. С. Творчество и псевдотворчество: история — основания — современность: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. С. 241–242.

Существенную помощь при подготовке Кодекса может оказать фундаментальная монография о правовой политике советского государства в сфере развития науки, в которой подробно рассматриваются вопросы взаимодействия государственных органов РСФСР и СССР и научных учреждений, дается оценка научной деятельности этого периода¹.

В сфере международного частного права успешно реализуется **концепция автономной кодификации**². С некоторой модификацией принципы этой концепции (универсальность, гибкость, независимость, прозрачность, сотрудничество) можно применить к кодификации законодательства о научной деятельности. Кодификация при таком подходе интегрированно «охватит» научную деятельность, способную самостоятельно развиваться и адаптироваться к новым условиям и вызовам.

Богата история исследований по кодификации законодательства об информационных технологиях, не утихают дискуссии о подготовке Информационного кодекса Российской Федерации, Цифрового кодекса России³. Эти наработки необходимо напрямую использовать при кодификации законодательства о творческой инновационной научной деятельности. Более того, не исключена вероятность создания многоступенчатого, но единого по содержательной направленности «пакета» кодексов. Усовершенствованная система законодательных отсылок вполне способна органично «включить» в формате приложений в предлагаемый Кодекс Информационный и Цифровой кодексы, модельные информационные кодексы СНГ.

Если когда-либо законодательство о научной деятельности будет кодифицировано, то оно органично войдет в качестве одного из стержневых элементов в предлагаемый мною Свод кодифицированных актов России⁴.

Перед «вхождением» Кодекса в Свод кодифицированных актов Российской Федерации есть резон организовать подготовку развернутого Модельного кодекса СНГ по этому предмету. В этом документе и произойдет «вычленение» главных линий международного научного сотрудничества. Так или иначе, но нынешние масштабы развития законодательства о творческой научной деятельности и научно-технологическом развитии таковы, что их успешность напрямую зависит от надлежащего уровня и качества кодификации.

Качественный Кодекс, который сумеет адекватно отразить перспективы и ключевые междисциплинарные направления творческой научной деятельности, будет заметным (может быть даже веховым) шагом в создании национальной общенаучной картины мира, картины углубления баланса естественного и искусственного разума.

И последнее. Кто-то может выдвинуть возражение: «В состоянии ли отдельно взятый Кодекс существенно повлиять на технологический суверенитет государства, на качество жизни граждан, правовую культуру должностных лиц и органов власти? Надо ли концентрировать юридические и иные ресурсы на подготовку именно кодекса о научной деятельности?». Обращусь к истории и книге представителя французского просвещения XVIII века Жана Антуана Кондорсэ (1743–1794), который, в частности, писал: «Открытие рукописи кодекса Юстиниана возродило изучение юриспруденции, как и законодательства, и содействовало гуманизации законов даже тех народов, которые умели их использовать, не желая им подчиняться»⁵.

Хочется надеяться, что качественный кодекс о научной деятельности совместно с уже функционирующими в Российской Федерации кодексами (ныне их число — 21) сможет оказать столь же мощное воздействие на все сферы жизнедеятельности институтов гражданского общества, государства, научных сотрудников.

¹ Правовая политика советского государства в сфере развития науки / А. В. Армашова, Д. Д. Максимова, О. Д. Максимова, М. О. Окунева. Москва: USSR, 2023. 432 с.

² Альбов А. П., Голубев Е. В. Автономная кодификация реформирования международного частного права: история, теория, практика: монография. Москва: ФГБОУ ВО РГАИС, 2024. 128 с.

³ Подробнее см.: Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91.

⁴ Подробно см.: Баранов В. М. Свод кодифицированных актов Российской Федерации: теоретическая и практическая необходимость подготовки в условиях цифровизации общества: монография. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. 198 с.

⁵ Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с фр. И. А. Шапиро. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 122.

Васильев Антон Александрович,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета

**Кодекс законов о науке и научное право:
полемиические размышления**

Сам факт публикации статьи С. В. Кабышева о концептуальных вопросах совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации и вовлечении права науки в широкое поле научной дискуссии¹ можно рассматривать исключительно с положительной стороны. Дело в том, что вопросы правового регулирования в сфере науки практически не привлекали внимания ученых-юристов в последние годы, за исключением отдельных научных работ². Сложилась уникальная ситуация, когда правовая наука оказалась не заинтересована в совершенствовании научного законодательства и условий деятельности ученых, ученых-юристов в частности. Скепсис в этой части может быть обусловлен неудачными попытками обновления законодательства в сфере науки за последние пятнадцать лет, а также господством подзаконного и подчас бюрократического регулирования вопросов в сфере развития науки и технологий³.

Успешную разработку и принятие нового базового федерального закона о науке и научно-технической политике, на наш взгляд, необходимо начинать с обсуждения фундаментальных, методологических аспектов научного права и предпосылок для нового закона. Особо хотелось бы подчеркнуть, что разработка нового закона о науке должна носить характер широкого обсуждения в научных кругах, как среди правоведов, так и представителей других отраслей научного знания. Этот документ должен исходить от ученых и работать в интересах науки. Не будет лишним учесть историю развития законодательства о науке, особенности в части разработки проектов законов о науке еще в СССР с точки зрения решения принципиальных вопросов⁴.

В первую очередь следует согласиться с позицией С. В. Кабышева о том, что принятие нового закона не является самоцелью и не нужно питать романтических иллюзий от самого факта принятия закона. Действительно, было бы наивно ожидать от самого закона кардинального улучшения всей сферы управления наукой. Примечательно, что в свое время СССР удалось достичь значительных результатов в научном и технологическом развитии при отсутствии отдельного закона о науке, поэтому крайне важно определить наличие базовых предпосылок для разработки нового закона о науке. Представляется, что дело не только в изменении приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации (иначе приходилось бы принимать новые законы о науке каждый раз с изменением государственной стратегии и программы). Напротив, закон как стабильный правовой акт должен обеспечивать развитие науки и технологий и в случае изменений приоритетов государственной политики.

Думается, что разработка нового закона о науке обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, действующий закон действительно практически потерял свой регулятивный потенциал и фактически подменяется множеством разрозненных подзаконных актов, отдан на откуп достаточно произвольным решениям исполнительной власти. Целые сферы отношений в науке и технологиях регламентируются иными законами и подзаконными актами без увязки с базовым законом о науке. Произвольность государственной политики в сфере науки в отсутствие базовых ориентиров на закон ведет к бюрократическому стилю развития науки: целевые показатели, отчетность, потеря внимания к ученым и собственно исследованиям. Закон в этом отношении — уровень гарантий для научной отрасли от возможных проявлений волюнтаризма исполнительной ветви власти.

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex Russica*. 2025. Т. 78. № 2 (219). С. 130–140.

² См.: Габов А. В., Путило Н. В., Гутников О. В. Проект федерального закона о науке — новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. № 38. С. 385–399. Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. Москва: Норма; Инфра-М, 2025. 144 с.

³ Филь М. М. Законопроекты для науки: история и современность // *Управление наукой: теория и практика*. 2019. Т. 1. № 2. С. 58–69.

⁴ Правовая политика Советского государства в сфере развития науки / А. В. Армашова, Д. Д. Максимова, О. Д. Максимова, М. О. Окунева. Москва: Ленанд, 2022. 400 с.

Во-вторых, нельзя не видеть в законе идеологический компонент. Повышение внимания к науке, возвращение ей ведущей роли в развитии общества возможно именно через разработку научно обоснованного и в перспективе работающего документа. Через совершенствование закона о науке государство показывает роль и значение научной сферы, не подменяя законодательное регулирование рутинными изданиями подзаконных актов, которые должны развивать и дополнять закон, а не заменять его.

Полагаем, что С. В. Кабышев прав в своем суждении о том, что закон о науке должен носить системообразующий характер и быть приоритетным при разрешении юридических коллизий. При этом он отказывается от мысли о придании данному закону формы кодекса, с чем автор настоящей статьи не согласен: как раз достижение качеств ведущего нормативного правового акта в сфере науки и предполагает его кодифицированный статус¹. Налицо и иные предпосылки к кодификации научного законодательства:

— наличие множества противоречащих актов в сфере научного законодательства, отсутствие четких правил их соотношения (с учетом отнесения науки к вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации научное законодательство представляет собой значительный массив нормативных правовых актов);

— необходимость в повышении статуса научного права и науки в ранг значимых областей правового регулирования и научных исследований².

Вне всякого сомнения, выбор кодекса как формы нового закона о науке не предопределяет решение вопроса о наличии самостоятельной отрасли научного права (права науки). Законодатель в России крайне часто использует кодекс как правовую форму для решения совершенно разных задач. Так, при отсутствии отраслей права приняты Градостроительный кодекс, Воздушный кодекс, Кодекс торгового мореплавания и многие другие акты. Не думаем, что наука менее значима, чем градостроительство, мореплавание и прочие вопросы. В противном случае можно ожидать пролонгации текущей ситуации в правовом регулировании научной сферы: слабая роль базового закона о науке, господство иных отраслевых актов и подзаконных краткосрочных решений по управлению наукой. В таком случае научное право фактически растворено в ином отраслевом законодательстве, тогда и закон о науке теряет всякий смысл.

С другой стороны, обсуждение места научного права в системе российского и системе российского законодательства само по себе является мощным стимулом для активизации научных исследований и повышения качества правового регулирования³. Формирование особой отрасли научного знания — «научное право», или «право науки» по аналогии с другими областями юридического знания становится важным фактором в развитии доктринальных оснований профильного законодательства⁴. По меньшей мере научное право должно восприниматься как комплексная отрасль законодательства⁵.

Сомнения относительно наполнения такого Научного кодекса нормативным содержанием и соответствующей структурой могут быть отброшены, поскольку все необходимые элементы вполне могут быть основой данного акта. Так, в Общей части кодекса могут быть определены такие аспекты, как предмет, принципы, система источников, задачи правового регулирования; субъекты научного права (ученые, научные организации, РАН, органы публичной власти и иные субъекты); объекты научного права и формы их выражения; территории особого научно-технологического статуса. В Особенной части могут найти решение такие вопросы, как управление научно-технологической сферой; меры поддержки науки и инноваций; формы кооперации науки и бизнеса; научная экспертиза; научно-просветительская деятельность; государственная научная аттестация; международное научно-техническое сотрудничество и другие⁶.

¹ Лапаева В. В. Законодательство о науке: история формирования и перспективы развития // Журнал российского права. 2005. № 11 (107). С. 3–14.

² Подробно о кодификации законодательства о науке см. Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Кодекс законов о науке и инновациях Российской Федерации: концепция и структура // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 4. С. 65–76.

³ Ринг М. П. Правовое регулирование научно-технического прогресса // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 111–121.

⁴ Кашкин С. Ю. Становление права как наука новой комплексной отрасли права // Вестник университета О. Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 20.

⁵ Васильев А. А. Научное право как отрасль российского права // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 4. С. 52–70.

⁶ Вопросы о предмете научного права подробно рассмотрены в книге «Научное право» / Е. В. Семенов, А. А. Васильев, Д. Шпопер [и др.]. Москва, 2024. 290 с.

При этом приоритет Научного кодекса над другими законами и иными нормативными правовыми актами обеспечит единство в принципах и целях правового регулирования отношений в сфере науки и технологий. Действующее законодательство в силу комплексной природы научно-технической сферы с точки зрения отраслевого регулирования не принимает в расчет особенности научной и инновационной деятельности. Так, привлечение к научной деятельности иностранных ученых строится на основе общих принципов труда иностранных граждан, что создает серьезные препятствия для научно-технического сотрудничества (квотирование, бюрократические условия для трудоустройства и пр.).

При разработке нового закона о науке первостепенное значение должно быть уделено определению предмета и методов правового регулирования. Полагаем, что при решении данных вопросов необходимо учесть ряд крайне важных моментов. Прежде всего отношения в сфере науки испытывают воздействие со стороны норм различной отраслевой принадлежности, и важно определить собственный предмет научного законодательства в узком смысле без учета норм других отраслей права. Кроме того, следует определить взаимодействие норм научного законодательства в узком смысле слова и норм других отраслей законодательства. К собственно предмету данного кодифицированного акта в сфере науки могут быть отнесены такие отношения, как: отношения в сфере определения статуса субъектов научной и научно-технической деятельности (ученые, исследователи, научные организации, университеты, РАН и др.), правовой режим объектов научно-технической деятельности, управление научно-технической сферой, меры государственной поддержки и стимулирования научной деятельности и инноваций; государственная система научной информации; правовой режим научно-инновационных территорий; научная экспертиза, научно-просветительская деятельность; международное научно-техническое сотрудничество. Финансовые, налоговые, трудовые, гражданско-правовые и прочие аспекты научно-технической сферы могут быть решены с применением норм соответствующих отраслей права, но с учетом общих принципов и особенностей, установленных базовым законом о науке.

При определении предметной области законодательства о науке нужно учитывать, что собственная научная деятельность как разновидность творчества далеко не полностью может быть объектом правового регулирования и управленческой деятельности. Скорее необходимо вести речь об околонаучных отношениях, которые сопровождают творческие процессы в научной сфере. Задача законодателя состоит в создании оптимальных условий для стимулирования и проявления творчества в научной области. Не случайно, что одним из важных начал законодательства о науке выступает обеспечение свободы научного творчества. В этом отношении крайне важно исключить все те факторы, которые могут препятствовать научному творчеству и вести к демотивации исследователей: бюрократизация работы ученого, формальные показатели без учета содержания научного труда.

Остается дискуссионным вопрос о включении в предмет научного права целых групп отношений. В первую очередь нужно окончательно определить место инновационной деятельности в предмете права науки. С учетом стремительного развития законодательства в сфере технологического развития и промышленной политики нуждается в прояснении соотношение данного законодательства с законодательством о науке, на что справедливо указывает С. В. Кабышев в своей статье.

В ранее изданных работах автором настоящей статьи была выдвинута позиция о том, что невозможно и неверно отрывать инновации от науки, в том числе в части правового регулирования. Действующий закон о науке сохраняет тесную связь научной, научно-технической и инновационной деятельности, и такой подход может быть использован при разработке обновленного законодательства. Аналогично правовой модели могло бы строиться управление наукой и инновациями в системе государственного управления, но на практике мы часто видим разделение компетенции по управлению наукой и инновациями между разными органами исполнительной власти. В этом же ряду находится проблема доведения научных разработок до внедрения, превращение научных знаний в инновационные технологии, применяемые на практике. В этой части, несмотря на ряд усилий, еще очевидна проблема развития системы поддержки стартапов и внедренческой деятельности.

Соответственно, с опорой на специфику предмета регулирования и национальных целей по обеспечению технологического суверенитета необходимо подходить к подбору инструментария правового регулирования в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности:

- использование диспозитивных начал, мер поощрения, правовых льгот и преимуществ для развития научного творчества, разработки передовых технологий;
- применение императивных начал в вопросах охраны объектов научно-технического характера в целях национальной безопасности;

— сочетание гибких способов регулирования для сохранения и развития научно-технического сотрудничества с зарубежными государствами, обеспечения открытости науки для международного общения;

— использование мер защиты российской науки от санкционного давления для устранения изоляции России от мировой науки (развитие собственной системы наукометрии, перенос научных проектов мирового уровня на российскую территорию, поддержка возвратной миграции ученых, противодействие утечки мозгов и пр.)¹.

Разработка нового закона о науке должна быть сопряжена с осознанием и решением ряда проблем в научно-технологическом секторе России: статус ученого; рациональное размещение научно-технических сил по территории Российской Федерации; санкционное давление; доступ к материалам, источникам, научному оборудованию; поддержка молодых ученых².

В качестве одной из первостепенных проблем научно-технологического развития Российской Федерации мы видим привлечение, профессиональное развитие и удержание в профессии ученых, в том числе создание условий для сохранения научно-педагогических кадров для работы в России. Именно от состояния, мотивации и развития ученых зависит научно-технологическое развитие России³. Полагаем, что основной темой законопроекта о науке должны быть фигура ученого и его статус⁴. Законопроект в первую очередь должен быть ориентирован на укрепление правового и социального статуса исследователя: спектр правовых гарантий для ученого и социальный престиж профессии исследователя. Профессия ученого должна стать привлекательной для молодых исследователей, быть конкурентоспособной по заработной плате и другим параметрам, в том числе на международном уровне⁵. Более того, важно бороться за лучшие интеллектуальные силы на мировом рынке труда, привлекать ученых из других стран для ведения исследований в Российской Федерации.

Крайне важно обеспечить такой набор гарантий для ученого, чтобы ему было комфортно и интересно работать в России. Закон о науке должен стать высокой планкой научного статуса, который не может быть скорректирован или ухудшен на уровне подзаконного регулирования. Так, необходимо решение вопроса о бессрочности трудовых отношений с научно-педагогическими работниками, что крайне важно с точки зрения стабильности работы и статуса этой категории исследователей. Принципиально важно определить ключевые параметры по заработной плате, рабочему времени, нагрузке и времени отдыха научных и научно-педагогических работников. Данные вопросы не должны быть предметом усмотрения исполнительной власти и работодателя.

Посадский Антон Викторович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Поволжского института управления — филиала РАНХиГС;

Цыбулевская Ольга Ивановна,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Поволжского института управления — филиала РАНХиГС

Юридическая наука в зеркале ценностно-правовой парадигмы

В рамках вынесенной на обсуждении темы хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, поднятых еще в ходе выступления С. В. Кабышева на межвузовском практическом моти-

¹ Шугуров М. В., Васильев А. А. Международные санкционные барьеры на пути развития науки и международного научно-технологического сотрудничества: политико-правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 6–34.

² Приоритеты государственной научной и научно-технической политики России: от правового закрепления к реализации* (ч. 1) / А. А. Васильев [и др.] // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3 (94). С. 187–194.

³ Васильев А. А., Путило Н. В. Правовой статус ученого как фактор научно-технологического развития России // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 2. С. 57–74.

⁴ Шугуров М. В. Международно-правовые стандарты правового статуса научных работников // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6 (67). С. 201–210.

⁵ Васильев А. А., Караванов Б. Е. Правовой статус «молодой ученый» в Российской Федерации // Правовое применение. 2023. Т. 7. № 4. С. 76–85.

вационно-просветительском форуме «Развитие системы высшего юридического образования в Российской Федерации», состоявшегося 30 июня 2023 года на базе Нижегородской академии МВД России и получившего продолжение в настоящей обстоятельной статье ученого-правоведа и представляется весьма логичным.

Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации анализируются С. В. Кабышевым в аспекте проблем нравственной безопасности. Вопросы морального порядка выдвигаются сегодня на первый план, какой бы сферы деятельности мы не коснулись. И это вполне обоснованно. Моральные приоритеты, как и идеологические ориентиры, имеют значение для всех сфер общественной жизни. Однако для правовых отношений, складывающихся в области образования и науки, аккумулирующих в себе множество составляющих культуры (в самом широком смысле), они не преходящи.

Общепризнанно, что основной причиной дезинтеграции российского общества стал кризис идентичности, в том числе правовой. Разрушение ее повлекло за собой распад всех традиционных для российского общества социальных институтов, привело к формированию извращенного образа свободы, противостоящего всему объективно закономерному, всему дисциплинирующему. И, как показала практика, для искоренения подобного перекоса потребовалось ни одно десятилетие.

Характеристика моральных оснований современного российского права может создать прочную гносеологическую основу, с позиций которой появится возможность выявить новые аспекты в правовой системе Российской Федерации, еще раз обозначить ее «цивилизационный код», устранить те перекосы в его восприятии, которые были привнесены в него в предыдущие три с лишним десятилетия. Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением В. Н. Синюкова, который отмечает, что либеральная трактовка ценностей, в первую очередь гуманизма, в ее индивидуалистической абсолютизации выступает препятствием к творческому развитию отечественной правовой науки. Российская Федерация будет верна себе только на основе своего культурного идеала в этой области. Настало время осознать свои человеческие ценности, вдохновляться ими и работать на них¹. Но при этом, как верно подмечено, в условиях, когда идет становление нового миропорядка, переосмысление правовых традиций во многих странах, в том числе и европейских, следует избегать другой крайности — игнорирования западного правовокультурного опыта.

Действенным способом упрочения духовности в обществе, на наш взгляд, является усвоение студентами нравственных ценностей, норм и принципов, требований действующего права, что формирует внутреннюю убежденность в их необходимости и справедливости, готовность последовательно реализовывать в повседневной юридической деятельности. Само по себе юридическое образование должно стать нравственным фундаментом науки.

О необходимости сохранения фундаментальности высшего образования неоднократно упоминал С. В. Кабышев. Многие ученые-правоведы обращают внимание на то, что федеральный государственный образовательный стандарт 2020 года в корне меняет концепцию приоритета фундаментальных дисциплин. В бакалавриате и магистратуре он устанавливает лишь минимальное количество обязательных дисциплин, а все остальное отдает на усмотрение вуза. В результате, как пишет М. Л. Давыдова, многие теоретико-исторические дисциплины стали исключаться из программ как необязательные, включая, например, классическую историю политических и правовых учений, которая вообще не преподается теперь в ряде вузов. Такая же судьба, добавим от себя, практически постигла и «Сравнительное правоведение». Таким образом, фундаментальные теоретические дисциплины (за исключением теории государства и права) оказались в «положении довольно маргинальном»². Неоправданный уход от глубокого мыслительного процесса и размывание фундаментальных знаний весьма негативно проявляется в снижении эффективности научных изысканий, поиске глобальных перспективных направлений инновационных исследований³.

Сегодня очевидна необходимость «разворота» в вузовском образовании в сторону фундаментальных правовых дисциплин, которые должны изучаться на протяжении всего периода вузовской

¹ Синюков В. Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 75–85.

² Давыдова М. Л. О факторах, снижающих качество профессиональной преподавательской деятельности в системе высшего юридического образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 229.

³ Баранова М. В. Юридическая наука и образование в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 166.

подготовки параллельно с отраслевыми и прикладными дисциплинами, обеспечивая погружение обучающихся в «мир права»¹. Трудно переоценить «Историю правовых и политических учений» в формировании юридического мировоззрения. Само по себе юридическое мировоззрение, подчеркивает Г. А. Гаджиев, — это свидетельство самостоятельности и идентичности юридической науки, и надо относиться к ней с крайним почтением хотя бы потому, что это одна из самых древних наук². Поиск современной идентичности для российских юристов невозможен без обращения к взглядам ученых (отечественных и зарубежных), под влиянием которых сформировалось во многом наше российское представление о сущности права, его социальном назначении, взаимодействии с другими социальными регуляторами.

Идея реформативного юридического образования в Российской Федерации открывает возможности коррекции некоторых застарелых искажений в этом процессе. Соображения о необходимости повышения правовой культуры граждан, преодолении различных деформаций российского правосознания высказываются давно и стали уже стереотипными, как и соображения о весьма скромных успехах на этом пути. Между тем правовая культура — важный элемент правовой системы общества и показатель его цивилизационной принадлежности. Если правовая культура «упорно не растет», то можно предполагать, что имеются ограничители этого роста. В современном мире некоторые идеи, в основном просвещенческого происхождения, прочно вошли в политико-правовую мысль и политическую практику. Прежде всего, это идеи разделения властей, народного суверенитета и общественного договора. Не забудем, что когда-то данные идеи были не только новы, но и революционно-парадоксальны.

Мы исходим из того, что история неделима и равноправна во всех своих периодах. В этом смысле «древняя» история может быть столь же актуальна в качестве практики устройства общезжития, как история недавняя. Право призвано упорядочивать общественные отношения путем распределения прав и обязанностей, но делает это по-разному, в соответствии с особенностями исторического момента. Сегодня можно быть гражданином и не служить, скажем, в армии. Для жителя греческого полиса иметь возможность выбирать и при этом не состоять в фаланге — очевидная нелепость. Кто скажет, что первый вариант естественней второго?

История права собственной цивилизационной и исторической принадлежности должна пользоваться приоритетным вниманием в образовательном процессе. Для Российской Федерации как представителя восточно-христианского мира это право — византийское. Преподается оно ныне весьма скромно, не в пример праву, имеющему западное происхождение. А ведь Восточно-Римская империя было в некотором смысле государством правовым, хотя и не очень демократичным. Судья Евстафий удостоился прозвища Ромей, то есть эталонный ромей судья. На эту важную подробность обращал внимание В. Л. Махнач.

Православное христианское богословие было основой правовой мысли, во многом работой византийских юристов по христианизации римского права (Трибониан). Вопрос не в сугубой прикладной актуальности византийского права в противовес, скажем, западноевропейскому, а в важности для современных юристов понимать и ценить *преемственность* развития правовой мысли, чувствовать цивилизационные ниши, в которых эта мысль существует, понимать связь между уровнями культуры. Прямая преемственность в правовом творчестве права византийского и отечественного также достойна быть подчеркнутой. Это и переводы греческих сводов и особенно церковное право.

Таким образом, уделить большее внимание правовой традиции и, возможно, истории, персоналиям Византии — вполне посильное и полезное изменение, которое можно пожелать для нашего юридического образования. Это касается и церковного права. До Петра I вся социальная жизнь была в руках Церкви и ею регулировалась. Соответственно, невнимание к церковному праву воспроизводит ситуацию, при которой «все началось» в России с XVIII столетия, что глубоко несправедливо.

Н. Я. Данилевский выделил закономерность развития культурно-исторических типов: начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа, но каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествующих или современных цивилизаций³. Накопившиеся в социокультурной области пробле-

¹ Лановая Г. М. Проблемы формирования профессионального юридического мышления в современном вузовском образовании // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 148.

² См.: Гаджиев Г. А. Юридическая картина мира. Санкт-Петербург, 2016. С. 10.

³ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва, 1991. С. 91.

мы можно решить, как неоднократно подчеркивал Президент Российской Федерации В. В. Путин, только опираясь на духовные заветы предков, на бесценные традиции единства и согласия идти вперед, обеспечивая преемственность нашей тысячелетней истории. Сегодня традиционные духовные ценности российского общества становятся приоритетным вектором стратегии развития Российской Федерации и основой формирования перспективных доктринальных разработок. Законодательство о науке должно быть пронизано ценностными императивами и коррелироваться с нормативными правовыми актами, содействующими развитию социальной и правовой культуры.

Данное требование полностью соответствует Доктрине информационной безопасности и Указу Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Возникла потребность в создании нормативного Толкового словаря традиционных российских духовно-нравственных ценностей, и такая работа уже проводится в Министерстве юстиции Российской Федерации. На него будут опираться власти при разработке правовых актов. Общественность, со своей стороны, также видит своим долгом участвовать в этом процессе¹.

Однако принять важный для общества нормативный акт мало, нужна его «правильная» реализация. И чтобы не превратиться в «музей традиционных ценностей», они должны работать по всем направлениям. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 июля 2024 года № 1734-р (ред. от 4 апреля 2025 года) «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» на это и направлено. Подробный План мероприятий обращен к различным органам исполнительной власти. Он конкретизируется по мере реализации. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2025 года № 532 к перечню функций Министерства здравоохранения Российской Федерации добавляется еще одна — сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В выступлениях Председателя комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Российской Федерации С. В. Кабышева красной нитью проходит еще одна мысль — о необходимости обеспечения в образовательных организациях гражданственности и патриотизма. Воспитательная функция юридического образования должна реализовываться в ходе преподавания всех учебных дисциплин образовательной программы вуза, занимающегося подготовкой юристов. Особую роль в процессе целенаправленного духовного становления студенческой молодежи призвана выполнять теория государства и права, значимость которой в эпоху морального кризиса и нравственной турбулентности трудно переоценить.

В заключение еще раз подчеркнем: актуальность обсуждаемой темы не вызывает сомнений. В сфере юридической науки в последнее время накопилось много нерешенных задач, острых противоречий, неосуществленных идей. Правовое регулирование далеко от совершенства. Рассматриваемая проблема нуждается в теоретическом осмыслении, а выводы, полученные в результате дискуссии, вызванной обстоятельной статьей С. В. Кабышева, реализации на практике.

Таковы отдельные суждения по актуальным проблемам обсуждаемой статьи.

Поляков Михаил Петрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации

Закон о науке должен быть суров

Всякая тема, затрагивающая вопросы упорядочивания науки, тем более регулирования ее с помощью жесткого нормативно-императивного метода, невольно вызывает в душе свободного искателя истины «мурашки» настороженности и неприятия. Вот и статья уважаемого С. В. Кабышева «Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии» по первым ощущениям, предшествовавшим чтению, вызвала настороженное отношение и тревожное предчувствие. Зашевелились в сердце воспоминания об утраченных акаде-

¹ Ингин И. А. Духовные скрепы России // Аргументы недели. 2025. № 7 (955).

мических свободах и обретенных вузовских «несвободах», диктуемых бюрократией наукометрии, подталкиваемых «железной рукой» публикационной активности, и много чего еще, далекого от творческого вдохновения. Но углубленное проникновение в мысли и настроение автора вызвало благодатное чувство. Причем благодатность эта была двойственной: во-первых, чувство научной благодарности автору за то, что он поднял такую замечательную и актуальную тему, во-вторых, почтение профессору В. М. Баранову, который в очередной раз словом и делом показал, что инновационное развитие научной деятельности в Нижегородской академии МВД России есть, и вдохновил нас на организованную проблемную дискуссию. По сути, он побудил (разбудил) научное сообщество не просто прочесть статью, но и изучить ее на предмет интеллектуального и душевного отклика. Для себя я отметил, что подобное «побуждение к размышлению» — это благое и правильное дело. Сегодня нас активно принуждают к публикационной активности. В этом есть своя правда и прелесть. Но не менее важно и принуждение ученых к читательской активности. Важное слово должно быть непременно прочитано. А статья С. В. Кабышева — именно такое Важное слово.

Я признателен, что меня познакомили с этой статьей и, более того, доверили сформировать по ней свое мнение. Особый настрой вызвала установка, данная В. М. Барановым: «Приветствуется выдвижение доктринальных идей, выходящих за содержание статьи».

Признаюсь, однако, что идеи не спешили рождаться и выдвигаться. Чего не скажешь о вопросах. Первый вопрос, который возник на уровне заголовка, был такой: «А благотворное ли это дело — помещать науку в жесткие рамки закона?». В свое время на очередном форуме по юридической технике мне запала в память фраза одного из выступающих о том, что нынешний век — это век экспансии закона во все сферы общественной жизни. Почти не осталось личных и социальных уголков, куда бы активно не проникало нормативное регулирование. Наука тоже давно числится в списке законодательного освоения. Но насколько глубоко и широко должно быть проникновение закона в науку? Должны ли в науке оставаться сакральные зоны и объекты, куда не только воспрещен вход закону, но куда и письменное слово не всегда допускается?

С. В. Кабышев и мыслью, и стилем убедил меня в том, что закон — это несомненное благо для современной отечественной науки. Он очень точно подобрал слова и указал на болевые точки научного регулирования, которые давно раздражали ум и душу научного сообщества. Наука нуждается в законодательной опеке. И этой установке невозможно возразить. Там, где нет закона, пространство заполняется доморощенным нормотворчеством. Наука — дело коллективное и многостороннее, а потому требует управления, направления и определенного давления. В рамках насущной потребности должной организации научных процессов и институтов появляются обычаи, обычновения (деловые и неделовые); возникают тенденции и манипуляторские изобретения, царит «калужская и казанская квазизаконность». Надо заметить, что условные нормы, которые порождает «доморощенное» нормирование науки, порой являются весьма суровыми. В рамках этого узаконенного обычаями «беззакония» нередко рождаются и расцветают разного рода бесполезные тенденции.

Таким образом, официальный закон, который бы регламентировал не только основные фундаментальные вопросы науки, но и затрагивал мелкие нюансы научной деятельности, крайне необходим. Автор статьи видит все основные проблемы, которые волнуют научное сообщество. Ему трудно отказать в изяществе мысли и глубине понимания предмета. Он понимает, что любое законодательное положение, которое изначально направлено на благо науки и ученых, может быть перезаряжено совсем иной энергией и в итоге способно трансформироваться в очередную бюрократическую имитацию бурной научной деятельности.

В статье С. В. Кабышева можно увидеть то, о чем давно уже не только перешептываются, но уже и перекрикиваются ученые. Это и пресловутая публикационная активность, и тяготеющая к «мертвой цифре» наукометрия, и много чего еще, с чем сталкивается каждый причисляющий себя к искателям истины или как минимум старающийся соответствовать критериям, позволяющим формально именоваться ученым.

В обсуждаемой статье есть полезный и актуальный текст. Но не менее важно, что в ней есть и густой мировоззренческий и идеологический контекст. Есть тот особый фон, который позволяет вспомнить столь любимый моим Учителем, профессором В. Т. Томиным афоризм *sapient sat*. Для понимающего и неравнодушного читателя здесь написано гораздо больше, чем вмещают буквы и строки. Все в этой статье говорит о том, что закон для науки нужен и важен. Но одновременно автором создается фон, внушающий предчувствие, что закон — это вещь небезопасная и крайне ответственная. Автор совершенно справедливо отмечает, что «сфера науки весьма деликатная».

И надо иметь в виду, что наука — явление не только утилитарное. В ней самой есть смыслы, которые лучше особо не придавливать буквой закона.

В статье прозвучало много правильных слов о самой науке, о том, что она творит смыслы, созидает инструменты. И даже сложилось впечатление, что это не мы занимаемся наукой, а она занимается нами. Это наблюдение — лишний довод в пользу закона. Закон должен утвердить и зафиксировать миссию науки. Об этой миссии говорят чудесные слова, которых в статье немало: «вклад в интеллектуальное состояние человечества», «ценностно-мировоззренческий базис», «необходимость патриотического воспитания ученых». Здесь очень много замечательных намерений: формировать правовой режим, обеспечивающий благоприятные условия, инструменты профилактики и преодоления рисков торможения прогресса.

В ходе погружения в смысловой узор статьи создается впечатление, что наука — это что-то безграничное, необъятное, что она не вмещается в рамки закона. Но это не так. Возникающие сомнения — своеобразный пролог к необходимости закона. Все слова, подчеркивающие величие и необъятность науки, однозначно наводят на мысль о том, что наука не должна быть вольной стихией, не подвластной никаким законам. Наука нуждается в обуздании, в установлении для нее четких законодательных границ. Причем закон должен не только предлагать для науки «зеленые улицы», он должен устанавливать строгие и суровые запреты. Сама наука должна разобраться на законодательном уровне, чего ей можно, а чего категорически нельзя.

Наш нижегородский философ В. А. Кутырев написал однажды (цитирую по памяти): «саму науку запрещать не нужно, а вот внедрение ее результатов следует запретить под страхом уголовного наказания». Представляется, что в этом ироничном замечании скрыта глубокая экзистенциальная мысль. Современная наука (юридическая тоже) нуждается не только в созидательной поддержке и охране устоев, но в запретах и табу. Наука должна устанавливать красные линии для социальных объектов, но красные линии должны существовать и для самой науки. Подчеркнем, что такие должны быть во всех научных отраслях и направлениях.

Сходу и конкретно об этих запретах сказать сложно. Но именно закон о науке и должен определить, что является вредным и запретным для научного продвижения, что в науке необходимо развивать, а чего развивать не следует. Какие научные открытия целесообразно купировать на уровне теории и оберегать жизнь от их активного практического внедрения.

Хочется остановиться еще на одном аспекте. В своей статье С. В. Кабышев много внимания уделяет языку науки. И это совершенно справедливо. Как справедливо и то, что отечественная наука должна говорить преимущественно на русском языке. Но проблема языка в науке отмеченными в статье моментами не исчерпывается. Наука должна бороться за слова, но она должна бороться и со словами. И это тоже вопрос законодательного регулирования.

Современный мир полон языковых проблем. На слуху (в самом буквальном смысле) проблема бранных слов. Налицо проблема пустословия и суесловия, в том числе и в науке. Но есть и еще одна проблема, которая, подобно угарному газу, не видна, но крайне ядовита. Это проблема «лукавых слов». Тех слов, которые исподволь перестраивают мир и подтачивают традиции. Эти слова сегодня на пике популярности. Причем популярность эту им придает сама наука. Посмотрим, например, на крайне популярную сегодня формулу «искусственный интеллект». Нет такого дня, в котором бы эти слова не прозвучали. Звучат они, как правило, пафосно и многообещающе. Но стоит задуматься, что скрывается в этой формуле не в технологическом, а в мировоззренческом смысле.

То, что будет сказано ниже, — лишь рассуждение. Как говорил Штирлиц: «информация к размышлению». Полагаю, что формула «искусственный интеллект» небезопасна. Эти простые, вполне русские слова относятся к той категории слов, которые намеренно вдыхают в технику антропологические нотки. «Искусственный интеллект» — это не просто красивая метафора, удачный образ. Это вполне осмысленный подвох, когда имя создает явление. Подчеркнем, что «искусственный интеллект» — термин не технический, что кажется очевидным, — термин мировоззренческий. А к мировоззренческим терминам наука должна относиться с особым вниманием.

В связи с этим задумаемся: может быть, на законодательном уровне следует запретить использование таких «одухотворенных терминов»? Для техники должны быть применимы сугубо технические термины: программа, алгоритм, «железяка» и прочие «технические нечто». Сегодня активно обсуждается проблема засилья иностранных слов в разных сферах жизни. Говорится об их опасности, о разрушающем воздействии. Но свое дело незаметно творят и «инородные слова», создающие особые сущности. Наука должна озаботиться этим явлением. И это не только пробле-

ма языка — это проблема принципов взаимодействия человека и технологий. Проблема, выражающаяся в вопросе: «Кто кому служит?».

Ежедневно, произнося как заклинание слова «искусственный интеллект», человечество надует собственной силой некое существо. Подчеркнем еще раз: этот термин не такой безобидный, как представляется. Это проводник мягкой силы с жесткими последствиями (например, в уголовном судопроизводстве пока непоколебима установка, согласно которой судопроизводство будет всегда осуществлять исключительно человек, что итоговое решение всегда останется за человеком). Но уже сейчас очевидно, что это величие человека в уголовном судопроизводстве — явление временное. Практика показывает, что на смену человеческому праву рвутся технические алгоритмы. Искусственный интеллект совсем не искусственно додумается до искусственных правовых конструкций. «Если мир наш станет миром алгоритмов, — пишет Н. С. Шатикина, — ему не нужен будет регулятор в виде продукта человеческого сознания, коим является нынешнее право. Новое общество заведет себе что-то новое, возможно, не право, а лево»¹.

За имитацией интеллекта последует имитация сознания. Уголовный процесс наполнится новыми антропогенными понятиями: «искусственное правосознание», «искусственная справедливость», «искусственная совесть». Надеемся, что еще очень долго ключевое слово тут всегда будет «искусственный», а уголовное судопроизводство должно опираться на живые факты.

Можно наблюдать, что очеловечивание техники — это целая языковая программа. Достаточно привести такой пример. Говоря об искусственном интеллекте, упоминают, что у него случаются галлюцинации. Можно опять определить это как метафору. Но полагаю, что через подобные формулировки выдают себя более сложные и коварные затеи и процессы. «Галлюцинации...» Почему не сказать сбой компьютерной программы? То же самое касается и слова «нейросеть». Это тоже попытка вдохнуть нечто человеческое в сугубо техническое понятие и явление.

Подчеркнем, что это не просто слова, это «лукавые слова» с двойным или даже тройным дном смыслов. Думаем, что наука должна отслеживать такие слова и устанавливать запреты на их использование в научном обороте. Техника должна знать свое место. Это крайне важно. Наука должна нащупать запреты там, где прогнозируется ущерб человеку и человечеству. Главная цель науки — спасать человечество. Делать его жизнь лучше. И ради этой цели не зазорно усмирять и научно-технический прогресс. Во всяком случае, не позволять технике довлеть над человеком. Не хотелось бы, чтобы человек потерялся на задворках технологического развития, поэтому в законе о науке должен быть виден человек и его интересы. И должны быть запреты, оберегающие человечество.

Кузьмина Ольга Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, первый проректор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета Ивановского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Поцелуев Евгений Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета Ивановского государственного университета, почетный работник сферы образования Российской Федерации

Рефлексия на статью С. В. Кабышева

**«Концептуальные вопросы совершенствования законодательства
о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации»**

Наука в условиях турбулентности международных отношений. В новых исторических условиях: введения беспрецедентных санкций так называемого коллективного Запада против России-

¹ Шатикина Н. С. Право налево. Москва: Издательство «АСТ», 2023. С. 173.

ской Федерации, вооруженного конфликта с Украиной, прокси-войны с НАТО, разворота высшего руководства страны при массовой поддержке населения к традиционным духовно-нравственным ценностям и их отстаиванию, в том числе учеными, преподавателями, требуется переосмысление роли и места науки. Полагаем, что есть смысл провести, в частности, тщательную ревизию Федерального закона от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», так как произошли кардинальные изменения в мировом сообществе.

Наука изучает самые различные явления, то от ее уровня, ее ответов на потребности общества, государства, международного сообщества, на вызовы, в том числе глобальные, зависит очень много. Систему наук принято делить на естественные, технические, гуманитарные (общественные)¹, а также на фундаментальные и прикладные². К гуманитарным (общественным) наукам относят юридические науки³, имеющие свою классификацию. Принимая во внимание данные факторы, мы приходим к выводу, что системный подход к науке абсолютно логичен.

О праве. Пора наконец-то перестать его воспринимать только как приказ, как государственное или государственно-правовое принуждение, поскольку в нем есть не только обязательства и запреты, но и дозволения, стимулы, поощрения, рекомендации и соответствующие способы и методы правового регулирования. Роль и значение диспозитивных, стимулирующих и поощрительных норм в гражданском обществе, светском, демократическом и правовом государстве должны неуклонно возрастать. Это в полной мере относится и к правовому регулированию научной деятельности при сохранении охраны и защиты государственной военной тайны, авторских прав и т. п. Нужен оптимальный баланс различных норм, методов и способов правового регулирования. Достойная оплата труда ученых и преподавателей, успешно занимающихся научной работой, своевременное присвоение им почетных званий, ведомственных и государственных наград, отражение в средствах массовой информации их достижений, — все это может способствовать некоторому росту престижа научно-исследовательской работы и профессии ученого, сделать ее более привлекательной для молодежи и привести к определенному омоложению научного сообщества.

Нормы закона о науке и ее развитии на территории Российской Федерации будут иметь приоритет перед нормами других федеральных законов, поскольку в нем будут содержаться специальные нормы. При юридической коллизии общих и специальных норм нужно реализовывать последние: «общее правило не работает, если те же отношения регулируются принятыми в пределах компетенции правотворческого органа действующими (не отмененными) на данной территории нормами»⁴.

Мы согласны с профессором С. В. Кабышевым в том, что при оценке научной деятельности важен результат: выполнение государственного заказа, грантов Российского фонда фундаментальных исследований. Кроме этого, поддержим позицию С. В. Кабышева в сфере оценки научных показателей, в которой возможно «импортозамещение». Почему бы не создать наукометрическую базу в рамках Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь, СНГ, БРИКС?

Название федерального закона и лексика. Предложенная формулировка, по нашему мнению, вполне приемлема по ряду причин: а) точно определяет предмет правового регулирования, б) довольно лаконична. Считаем возможным предложить свое название акта «О науке, ученых, научных учреждениях и научно-техническом прогрессе». Приведем следующие аргументы: во-первых, наука невозможна без субъектов, которые ею занимаются; во-вторых, с точки зрения законодательной техники правильно использовать устойчивые термины и словосочетания, в данном случае — научно-технический прогресс. Полагаем, что в принципе наличие легальных дефиниций в любом законе, нормативном договоре — это несомненный плюс.

Язык науки. Если говорить, например, про теорию государства и права, то многие термины иностранные. В международном праве нередко используются выражения на латыни, в прошлом это,

¹ См., напр.: Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория государства и права в схемах и определениях: учебное пособие. Москва: Юристъ, 1998. С. 12; Малько А. В., Матузов Н. И. Предмет и метод теории государства и права // Теория государства и права: учебник. Москва: Юристъ, 2003. С. 23.

² Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория государства и права в схемах и определениях: учебное пособие. Москва: Юристъ, 1998. С. 12.

³ См.: Юридическая наука и юридическое образование в условиях глобализации и интеграции: состояние, тенденции и перспективы: материалы VIII Международной научной конференции Иваново, 3–6 окт. 2014 / отв. ред. Е. Л. Поцелуев, О. В. Кузьмина. Иваново, 2016. 632 с.; О роли юридической науки в современном российском обществе: сборник материалов / под ред. В. М. Баранова, А. В. Малько. Москва: КноРус, 2024. 464 с.

⁴ Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. Москва: Проспект, 2014. С. 287.

как известно, язык европейской науки. Но если можно использовать русские слова и словосочетания, то, конечно, их нужно использовать максимально. Было бы правильно, если бы Министерство науки и высшего образования Российской Федерации финансировало перевод учебной, научной и справочной литературы выдающихся отечественных исследователей на различные иностранные языки китайский, испанский и другие.

Юридическая экспертиза. Российская академия наук была и остается архиважным научным центром, авторитетным учреждением, поэтому мы солидарны с мнением С. В. Кабышевы о том, чтобы она выступала в указанных им случаях в роли эксперта.

Отечественное научное наследие и научные школы. С. В. Кабышев прав: их нужно сохранять и развивать, а для этого студенты, аспиранты, исследователи должны знать идеи, теории, концепции, взгляды российских ученых. На юридическом факультете Ивановского государственного университета неоднократно проходили международные научные конференции, посвященные классикам юридической мысли: С. А. Муромцеву¹, Г. Ф. Шершеневичу², Е. Б. Пашуканису³, отечественной философии права в изгнании⁴.

Рейтинг научных мероприятий. Интересным выглядит предложение С. В. Кабышевой о введении системы оценки уровня качества научных конференций и готовящихся по их итогам сборников материалов (докладов). По нашему мнению, было бы правильным, если по итогам календарного года составлялся рейтинг всероссийских (национальных) и международных научных конференций и в соответствии с ним Министерство науки и высшего образования Российской Федерации осуществляло целевое финансирование последующих ежегодных мероприятий. Согласны с ученым, что существует такая практика, когда материалы конференций публикуются под видом коллективных монографий, мы считаем, что от этой практики нужно отказываться. Полагаем, что было бы интересным, полезным знать, кто есть кто в научном сообществе, поэтому предлагаем ежегодно публиковать, например, рейтинг правоведов: аспирантов, соискателей, старших преподавателей, доцентов, профессоров или а) ученых без ученых степеней; б) кандидатов наук, в) докторов наук, г) членов-корреспондентов РАН и д) академиков РАН по разным критериям: индекс Хирша, количество РИНЦевских публикаций и количество цитирований в РИНЦ, а также, например, 100 самых рейтинговых ученых-юристов независимо от ученых степеней и званий. В начале составлять подобный реестр в рамках каждого вуза и региона, а затем — в масштабах Российской Федерации. Возможно, критерии будут иные, но сама идея научного рейтинга нам представляется продуктивной. Полагаем, что это может быть дополнительным стимулом для научной работы, тем более если поощрять чемпионов, призеров и тех, кто сделал наибольший прогресс за календарный год.

Научные библиотеки и музеи. Горячо поддерживаем инициативу С. В. Кабышевой о развитии научных библиотек и научных музеев, предоставлении «открытого доступа к диссертациям российских исследователей, в том числе подготовленных в предшествующие эпохи». Научные музеи, в том числе вузы, — это хранители исторической памяти, научных традиций, это и зрительная опора для посетителей, это связь времен и преемственность поколений. Ряд старых книг и статей оцифрован, новые работы всегда есть в электронном виде, поэтому наше предложение более радикальное: сделать свободным, бесплатным доступ по крайней мере для студентов, аспирантов, преподавателей российских и белорусских вузов, ученых, других исследователей еще и ко всем материалам конференций, симпозиумов и т. п., журналам (социогуманитарного профиля), которые издаются государственными высшими учебными заведениями и научными учреждениями.

¹ Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность (к 100-летию со дня смерти С. А. Муромцева): материалы IV Международной научно-практической конференции. Иваново, 30 сентября — 2 октября 2010 года: в 3 ч / отв. ред.: О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново, 2010. Ч. 1. 483 с. Ч. 2. 488 с. Ч. 3. 154 с. Поцелуев Е. Л. Традиции и новаторство русской правовой мысли // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 1. С. 235–247.

² Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича): материалы VI ежегодной Международной научно-практической конференции. Иваново, 5–8 октября 2012 года: в 3 ч. / отв. ред.: О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново, 2012. Ч. 1. 512 с. Ч. 2. 440 с. Ч. 3. 156 с.

³ Программа XII Международной научной конференции. Иваново, 27–29 сентября 2018 года / сост. Е. Л. Поцелуев. Иваново, 2018. 17 с.

⁴ Российская философия права в изгнании (первая половина XX века), 21–24 сентября 2022 года: программа XVI Международной научной конференции / сост. Е. Л. Поцелуев, М. В. Антонов. Иваново, 2022. 13 с. и др.

Публично-территориальный принцип. Конечная, и в прежние времена благодаря тиражированию и переводу на иностранные языки, выступлениям ученых за пределами своего вуза, города, региона и даже страны наука была межвузовской, общенациональной и международной. Интернет, видеоконференции усилили этот процесс. Однако полагаем, что определенные научные мероприятия могут иметь и территориальный аспект, привлекать «местных» ученых. В данном случае мы говорим, например, краеведческие чтения или изучение экономики и законодательства конкретного субъекта нашей Федерации или региона Урала, Сибири, Дальнего Востока. После принятия решения о введении в образовательный процесс дисциплины «Основы российской государственности» по всей стране были созданы, по сути, межрегиональные опорные научно-методические и информационные центры, которые координируют учебную и научную работу по этому предмету, организуют конференции и др. Подобные центры было бы полезно создать и по другим дисциплинам или блокам дисциплин. Почему бы, например, не создать Верхневолжский филиал Института государства и права во Владимире, Твери или Ярославле, где трудятся известные всей стране специалисты по теории государства и права, конституционному праву и другим? Кроме того, считаем, что вполне возможно и целесообразно проводить научные конференции экономистов, историков, социологов, юристов, географов в рамках федеральных округов под эгидой и при финансовой поддержке руководства этих федеральных округов.

Международное сотрудничество. Один из семи принципов ООН — это принцип сотрудничества государств в различных сферах. Считаем, что не должно быть запрета на участие в наших научных конференциях, к примеру, ученых из недружественных Российской Федерации стран, но, конечно, при условии, что эти коллеги не являются русофобами, не выступают с антироссийскими заявлениями и т. п. Полагаем, что их тексты в этом случае можно публиковать и в материалах данных конференций, научных журналах и др. Но, безусловно, требуется более тесное научное сотрудничество, в первую очередь с исследователями из Республики Беларусь (совместные научные проекты должны стать нормой), а также из СНГ, БРИКС и др. Это относится и к научно-популярному туризму. Профессор С. В. Кабышев прав: атташе по науке и технике могли бы помочь в деле налаживания научных коммуникаций, а Министерство науки и высшего образования Российской Федерации — в финансировании вузов, в том числе расходов на командировки в другие вузы и страны.

Нам импонирует вывод ученого о патриотической мобилизации российской науки, о солидарности общества и государства, о научно-технологическом, цивилизационном и нравственном прогрессе. Мы бы добавили сюда еще тезис о взаимной ответственности государства перед научным сообществом в плане его поддержки, создания условий для плодотворной научной работы, оперативного поощрения за результаты их труда и ответственного отношения всех исследователей к своей работе, обществу и государству, служения Отечеству.

Макарейко Николай Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

Перспективы нормативного правового регулирования научной деятельности в Российской Федерации

В настоящее время в значительной степени актуализируются вопросы ускорения развития Российского государства. При этом следует вести речь не только об экономической сфере, но и о необходимости комплексного онтогенеза всего общества и государства. Особую остроту представляет проблема состояния науки, которая должна обеспечить не просто устойчивое позитивное преобразование, а, без всякого преувеличения, прорывное развитие. При этом следует исходить из принципиального посыла о востребованности серьезной перестройки научной деятельности. Решение указанной многосложной задачи не в последнюю очередь зависит от состояния нормативного правового регулирования указанной области общественных отношений. В этой связи материал, изложенный в статье С. В. Кабышева¹, заслуживает наиболее пристального внимания.

¹ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-техническом развитии // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 132–142.

Поставленные автором вопросы, вне всякого сомнения, актуализируют проблему нормативного правового регулирования науки и научно-технологического развития и всемерно активизируют дискуссию в названной области.

Следует признать, что в научной литературе и ранее ставился вопрос о несовершенстве нормативного правового регулирования научной и инновационной деятельности, что выражается в размытости предмета регулирования, в низком уровне систематизации законодательства, отсутствии должной доктринальной базы для ее реформирования¹.

В теории права предпринимались неоднократные попытки не только активизировать дискуссию о нормативном правовом, но прежде всего законодательном обеспечении науки и научно-технологического развития. Так, обращает на себя внимание монография, подготовленная коллективом авторов², что во многом является развитием идей ее редактора А. А. Васильева³. Признавая важность целенаправленного исследования указанного социокультурного явления, нужно отметить отсутствие должной аргументации о признании научного права в качестве самостоятельной отрасли российского права. Вместе с тем не вызывает сомнения существование отдельной отрасли законодательства о науке, что получило отражение в рубрике 130.020.00 Указа Президента Российской Федерации «О классификаторе правовых актов», которое наряду с общими положениями включает в себя управление в сфере научной и научно-технической деятельности, соответствующих субъектов, научные исследования, научно-техническую деятельность, экспертизу научных и научно-технических программ и проектов⁴. В этой связи можно констатировать определенную преемственность с Указом Президента Российской Федерации 1993 года № 2171⁵, в котором рубрика 200.000.000 была посвящена законодательству о научной деятельности.

Сложность нормативного правового регулирования в заявленной сфере во многом предопределена спецификой его предмета. Как справедливо отмечает С. В. Кабышев, сложно сочетать реализацию принципа академической свободы и государственные интересы на конкретном этапе развития⁶. В этой связи актуализируется проблема пределов правового регулирования в рассматриваемой области⁷.

Необходимо учитывать, что право выступает важным, но далеко не единственным социальным регулятором науки. Определение и законодательное закрепление соотношения права, норм морали, религиозных норм, обычаев, традиций, корпоративных и иных норм имеют важное значение. Представители ведущих мировых религий отмечают проблему допустимости использования полученных научных результатов с учетом уровня прежде всего нравственного развития общества, его готовности к реализации научных достижений во благо социума. В этой связи глава Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московского и всея Руси Кирилл отметил, что «... никоим образом, ни под каким видом нельзя допускать такое развитие искусственного интеллекта,

¹ См.: Берг Л. Н. Проблемы законодательного обеспечения научной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 25–31; Габов А. В., Путило Н. В., Гутников О. В. Проект федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 385–399; Городов О. А. Правовая инноватика. Правовое регулирование инновационной деятельности. Санкт-Петербург, 2008. 408 с.; Грибанов Д. В. Изменения в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 156–166; Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития / отв. ред. В. В. Лапаева. Москва, 2004. 399 с.; Салицкая Е. А. Законодательное регулирование научной и инновационной деятельности: опыт субъектов РФ // Управление наукой и наукометрия. 2015. Вып. 18. С. 111–137; Третьяк Н. В. Правовое регулирование научной деятельности: проблемы и пути решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С. 363–366; Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. Москва: Норма, 2025. 144 с. и др.

² См.: Научное право: монография / под ред. А. А. Васильева. Москва: ИНФРА-М, 2024. 290 с.

³ См.: Васильев А. А. Научное право как отрасль российского права // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 4. С. 52–70.

⁴ О классификаторе правовых актов: указ Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 года № 511 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 12. 2000, ст. 1260.

⁵ Об общеправовом классификаторе отраслей законодательства: указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2171 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1, ст. 119.

⁶ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-техническом развитии // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 136.

⁷ См.: Зайцева Е. С. Пределы правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2024. 538 с.

чтобы он вышел из подчинения человеку»¹. Аналогичную позицию озвучивают представители и других церквей. Так, Папа Римский Лев XIV причислил искусственный интеллект к самым острым проблемам, которые стоят перед человечеством². Современная наука должна базироваться на высоконравственных началах, а ученые обязаны осознавать свою ответственность, в том числе и моральную, за полученные результаты и перспективы их использования.

Важным вопросом, требующим первоочередного разрешения, является форма законодательного акта, регламентирующего науку и научно-исследовательскую деятельность. Предложение о принятии соответствующего кодекса при внешней привлекательности нельзя признать удачным и обоснованным. Мы ни в коей степени не отрицаем значимость систематизации законодательства и роли кодификации как наиболее прогрессивного варианта осуществления нормотворчества в указанной области. Полагаем, что принятие соответствующего кодекса не будет учитывать существующую стратегию развития российского законодательства. Следует принимать во внимание развитие нормативного правового обеспечения в социально-культурной сфере в целом, включающей образование, культуру, здравоохранение и другие области. Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать принятие отдельных федеральных законов по ключевым проблемам нормативного правового регулирования науки и научно-исследовательской деятельности. Реализация такого подхода во многом позволит сократить объем бланкетного регулирования³, что позитивно скажется на качестве законодательства, а главное, на его применении. При этом следует учитывать как специализацию законодательства (например, при регулировании отдельных видов научно-исследовательской деятельности⁴), так и его унификацию⁵.

При осуществлении регулирования рассматриваемой сферы требуется принимать во внимание два взаимосвязанных состояния. С одной стороны — основное внимание фокусируется на сложившейся очевидной юридической аномии⁶, предполагающей принятие соответствующих нормативных правовых актов с целью преодоления пробелов в правовом регулировании в указанной области; с другой — необходимо избежать «зарегулированности» данных отношений, нормативно закрепить взаимодействие с другими социальными регуляторами. Другими словами, следует учитывать специфику научных отношений, их творческий характер, необходимость в создании условий для реализации потенциала исследователей.

При реформировании нормативного правового обеспечения научной деятельности следует учитывать, что существуют отношения, которые непосредственно не являются научными, но имеют принципиально важное значение для их отправления. К их числу относятся финансовые, бюджетные, налоговые, гражданско-правовые, трудовые и иные отношения. Важно принимать во внимание субъектный состав рассматриваемых отношений. Речь идет о научных работниках, научных коллективах, образовательных и научно-исследовательских организациях. Научный результат может быть получен и лицами, официально не имеющими научных степеней и ученых званий, не состоящими в штатах научных и образовательных организаций.

Научные отношения регламентируются нормами различных отраслей российского права (конституционного, административного, гражданского, финансового, трудового и других), что свидетельствует о востребованности осуществления комплексного нормативного правового регулирования, а также преодоления соответствующих коллизий.

Говоря о предмете нормативного правового регулирования научной деятельности, особо отметим ее циклический характер, начиная с выдвижения соответствующих гипотез, дальнейшей генера-

¹ Патриарх Кирилл назвал две главные опасности развития искусственного интеллекта и рассказал, как им противостоять. URL: <https://foma.ru/patriarh-kirill-nazval-dve-glavnye-opasnosti-razvitija-iskusstvennogo-intellekta-i-rasskazal-kak-im-protivostojat.html> (дата обращения: 11.05.2025).

² Папа Римский назвал серьезную угрозу, с которой сталкивается человечество. URL: <https://dzen.ru/a/aV-fXx8AuyhcfXc> (дата обращения: 11.05.2025).

³ См.: Кипарисов Г. Ф. Бланкетные нормы российского права: доктрина, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 360 с.; Кожакарь И. П. Кипарисов Ф. Г. Бланкетные нормы российского права: монография / под ред. В. М. Баранова. Москва: Проспект, 2024. 304 с. и др.

⁴ См.: Крюченков Г. Ю. Публично-правовое регулирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в деятельности государств Арктики // Хозяйство и право. 2023. № 11. С. 93–107.

⁵ См.: Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993. 371 с.

⁶ См.: Основы теории юридической аномии: монография / Д. А. Липинский, А. В. Малько, А. А. Иванов, Р. С. Маркунин; под ред. д-ра юрид. наук., проф. Д. А. Липинского. Москва, 2024. 407 с.

ции новых идей, оформления полученных результатов научно-исследовательской деятельности. Здесь важное значение для ученых имеет верное закрепление полученных достижений с позиции права интеллектуальной собственности. Следующим этапом выступает коммерциализация полученных результатов. В идеале речь должна идти о получении прибыли. В дальнейшем при помощи правовых средств необходимо защитить полученные результаты¹.

Перспективное нормативное правовое регулирование требует поиска и реализации «новых методических подходов»². Методы правового регулирования должны находиться во взаимосвязи с циклами научно-исследовательской деятельности, а также учитывать существующие тенденции в правовом регулировании в целом.

Баланс правового регулирования обусловлен прежде всего областью научной деятельности, ее включенностью в систему экономики и иными факторами. Очевидно, что социальные и фундаментальные науки, осуществляющие деятельность, которая напрямую не входит в круг интересов бизнеса, не могут надеяться на дополнительное финансирование. Следует принимать во внимание следующие: если для социальных наук для проведения исследований в ряде случаев не нужны существенные материальные затраты, то для фундаментальных исследований в области астрономии, физики, химии, биологии и других областях требуются дорогостоящее оборудование, технологии, материалы и другие компоненты. В этой связи наметилась очевидная тенденция погони за грантовым финансированием и отказом от исследования основополагающих сущностных проблем. «В этом плане нельзя не заметить и тенденцию ухода доктрины в мелкоутилитарную конкретику без должного общих предпосылок и закономерностей, определяющих практические решения (можно обозначить это в качестве казусной философии)»³.

Важно отметить, что юристы-практики также делают акцент на значимость и прикладную востребованность фундаментальных исследований в области права. В частности, первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации П. П. Серков отмечает очевидную необходимость в выявлении глубинных общетеоретических закономерностей как в отраслевой юридической науке, так и в практической деятельности⁴.

Научная деятельность относится к высокорисковым видам деятельности. Весьма сложно, а в ряде случаев и невозможно изначально гарантировать получение соответствующего результата. Кроме того, существуют и собственно правовые риски, особенно при осуществлении применения права⁵. Закономерно, что современный этап общественного развития получил название «общество риска»⁶. Следует понимать, что в ряде случаев запрограммированный научный результат может и не быть получен. В силу многочисленных причин. Возникают ситуации, когда полученный результат на данном этапе развития не может быть воспринят, а выявленные закономерности опережают свое время. Такое особенное положение свойственно для фундаментальной науки.

Наряду с этим существует проблема оптимального контроля, в том числе и финансового, за видами научной деятельности, получающими государственное финансирование. Совершенно недопустимо повторение негативного опыта РОСНАНО⁷.

Несомненно, успех/неуспех научных исследований предопределен кадровым потенциалом. В этой связи на законодательном уровне следует закрепить механизм стимулирования участия в научной деятельности. Наряду с уровнем материального обеспечения ученых следует учитывать закрепление и других факторов, которые позволяют повысить эффективность указанной

¹ См.: Савченко Д. А. Механизм правовой охраны научных отношений: основные элементы // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 24–28.

² См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-техническом развитии // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 137.

³ Интервью Председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию С. В. Кабышева главному редактору журнала Государство и право А. Н. Савенкову // Государство и право. 2025. № 3. С. 7.

⁴ См.: Серков П. П. К вопросу о фундаментальности правовых исследований // Российская юстиция. 2024. № 12. С. 24–35.

⁵ См.: Мамчун В. В. Правоприменительный риск: проблемы теории / под ред. д-ра юрид. наук, проф., акад. РАЕН и ПАНИ засл. деятеля науки Российской Федерации В. М. Баранова. Владимир, 2001. 135 с.

⁶ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. Москва, 2000. 384 с.

⁷ Об утверждении устава открытого акционерного общества «РОСНАНО»: постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 55 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 986.

деятельности. В первую очередь речь идет о создании необходимого материально-финансового, организационно-технического обеспечения проведения исследований и избавлении от излишних бюрократических проволочек.

Одним из ключевых элементов государственной научно-технической политики должно стать формирование привлекательной научной среды. Именно в этом случае удастся преодолеть тенденцию культивирования научных «кочевников», когда отечественные ученые в погоне за привлекательными условиями финансирования уезжают за рубеж. Как верно заметил С. В. Кабышев: «Вопросы прогнозирования потребности в научных кадрах, совершенствования системы оплаты труда научных работников с учетом их особой роли в обществе, обеспечения систематизации и результативности мер поддержки ученых также требуют своего решения, в том числе и на законодательном уровне»¹.

В организации научной деятельности следует учесть положительный советский опыт, в частности создание научно-производственных объединений (далее — НПО). Так, НПО «Позитрон», созданное в марте 1969 года в Ленинграде, стало первым основанным в СССР объединением, в котором в рамках единого субъекта была объединена деятельность от фундаментальных исследований и до выпуска готовой продукции. Оно специализировалось на электронных компонентах и технике специального назначения для Министерства обороны СССР. В дальнейшем указанным объединением впервые в стране был освоен выпуск таких товаров народного потребления, как цветные малогабаритные телевизоры и видеоманитофоны.

Важное значение имеет оценка субъектов научной деятельности. Речь не идет об отказе от аттестации научных кадров. Наряду с этим нужно исключить формальные критерии, достижение которых требует отвлечения от созидательной научно-исследовательской деятельности, в том числе следует необходимо взвешенно подходить к публикационной активности, в ее отрыве от других научных результатов².

Сложность нормативного правового регулирования научно-исследовательской деятельности и высокая цена допущенных ошибок требуют задействования потенциала правового эксперимента³. Возможность апробации в локальных условиях нормативных правовых, прежде всего законодательных новелл в области научно-исследовательской деятельности, и в случае получения положительных результатов их дальнейшего распространения на территорию всего государства позволит избежать юридических ошибок, повысить эффективность нормативного правового регулирования в рассматриваемой области.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что накопившиеся вопросы нормативного правового регулирования научно-исследовательской деятельности требуют дополнительного осмысления. Полученные при этом результаты должны быть востребованы уполномоченными субъектами правотворчества.

Парилов Олег Викторович,

доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры психологии и педагогики Нижегородской
академии МВД России

К вопросу о необходимости нового закона, регламентирующего государственную политику в области науки

Разделяя позицию автора статьи «Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации»⁴, считаем необходимым прокомментировать некоторые аспекты обновления законодательства, предложенные автором. Нам импонирует позиция С. В. Кабышевой, касающаяся основного вектора реформирования: наука, технологии должны прежде всего способствовать суверенитету, безопасности, благополучию, стратеги-

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 140.

² Толстик В. А. Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // *Государство и право*. 2019. № 1. С. 65–74.

³ Юридическая техника. Ежегодник. «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)». 2025. № 19. 968 с.

⁴ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 132–142.

ческой устойчивости Российского государства, укреплению национальной идентичности и исторической преемственности на базе традиционных российских ценностей и российских традиций. Данные требования автор относит к наукам социогуманитарного профиля с формулировкой «включая»¹.

Мы же полагаем, что требование быть национально-, государственно ориентированной, патриотичной для социогуманитарной науки определяющее, ибо именно она призвана генерировать высшие смыслы, имеет отношение к целям развития страны (в то время как прикладная техническая наука определяет средства). В отличие от точных, естественных, технических наук как «основной производительной силы», вырабатывающей технологические решения, именно социогуманитарная наука должна «...стать важным смыслообразующим, ценностно-мировоззренческим фактором развития России»², что гораздо важнее.

Мы согласны с автором и в том, что бесперспективно постоянно подновлять старый закон девяностых годов. Очевидна необходимость принятия принципиально нового закона о государственной политике в области науки. Старый закон был принят в 1996 году. За 29 лет радикально изменились внутри- и внешнеполитические условия, кардинально переосмыслены роль и место России в общемировом геополитическом раскладе, стратегические цели государственного развития. Старый закон — продукт второй половины девяностых годов XX века, времени иллюзорных устремлений выстроить единое глобальное пространство от Лиссабона до Владивостока, что на деле означало бесплодную попытку интегрировать Россию в пространство западной цивилизации. Именно на девяностые годы приходится рецидив давней русской болезни «европейничанья», которую еще в XIX веке диагностировал Николай Данилевский: трактовка собственной страны в качестве задворков, захолустной провинции европейско-американского мира, детерминирующая пагубную стратегию тех лет некритичного восприятия западного социокультурного опыта в качестве эталонного, стремление выстроить собственную жизнь по западным лекалам.

Почти тридцать лет понадобилось для того, чтобы избавиться от иллюзий. Во-первых, западная цивилизация окончательно дискредитировала себя, разрушая даже те ценности, которые в прошлом навязывала в качестве общечеловеческих. Во-вторых, в очередной раз продемонстрирована враждебная стратегия западного мира по отношению к России. Но главное, определены принципиально новые цели и задачи страны: Россия больше не встраивается ни в какие цивилизационные парадигмы, она — суверенное государство, наделенное исторической миссией стать лидером построения справедливого многополярного мира, противодействующего губительной Западной глобализационной стратегии.

Одна из ключевых целей социокультурной деятельности (в том числе и научной) — возрождение и сохранение традиционных ценностей, защита Русского мира. Эти фундаментальные константы нашли отражение в поправках, внесенных в Конституцию Российской Федерации последних лет, в следующих базовых документах: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которые должны определять суть принципиально нового закона о государственной политике в области науки. Так, согласно последнему документу реформы в области науки должны проводиться с учетом исторических традиций и накопленного российским обществом опыта (п. 18), что новые документы, касающиеся стратегического планирования, должны исходить из решения задач по сохранению и укреплению традиционных ценностей и обеспечению национальных интересов (п. 19 а), а деятельность научных организаций должна способствовать защите исторической правды и сохранению исторической памяти (п. 19 е).

Принятый в 1996 году Закон «О науке и государственной научно-технической политике» постоянно редактировали, практически ежегодно в него вносили поправки, последняя из которых датируется 8 августа 2024 года. Была попытка подстраивать Закон к изменяющимся реалиям. Но, по нашему мнению, подобная стратегия бесконечно латать старое одеяло, вливать по капле новое вино в ветхие мехи (Мф. 9: 17) малопродуктивна. Именно этим и обусловлена необходимость принципиально нового закона, в чем мы солидарны с автором.

¹ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 133.

² Там же.

Важным является тезис автора о необходимости системности правового регулирования научной сферы и обеспечения межотраслевой законодательной согласованности. Первостепенное значение С. В. Кабышев придает согласованию нормативно-правового регулирования научной сферы с промышленно-технологической. Мы полагаем, что прежде всего следует обратить внимание на согласование с законодательством, регламентирующим сферу высшего образования, по двум причинам: во-первых, значительная часть совокупного продукта российской науки — это продукт вузовской науки, представителей научно-педагогической корпорации, во-вторых, высшие учебные заведения были и остаются единственной кузницей научных кадров. Согласование законодательств о науке и высшем образовании необходимо на фундаменте названных выше базовых документов, определяющих стратегическое развитие России. Образовательное законодательство, как и законодательство о научной деятельности, формировалось в девяностые годы и также определялось пагубной тенденцией встраивания российского образования в западное образовательное пространство. Стратегия девяностых — начала двухтысячных годов характеризовалась отказом от традиционного образовательного опыта, некритичным переложением западных педагогических моделей и парадигм на российскую почву, что наиболее ярко выразилось во вхождении России в Болонский процесс. До сих пор это «лживое устремление» «слить материки и страны»¹ (сошлемся на яркую метафору Д. Менделеева, которую процитировал в своей статье автор) не преодолено.

По убеждению С. В. Кабышева, новый закон должен предусмотреть требование предоставить обществом, государством наиболее благоприятные условия (ресурсные, организационные) деятелям науки. Соглашаясь с этим, мы вместе с тем полагаем, что данное справедливое требование необходимо дополнить блоком о юридической ответственности ученых за нарушение научной этики. Во-первых, новый закон должен предусмотреть ответственность за научную недобросовестность, имитацию научной деятельности. В данном контексте недобросовестный ученый должен отвечать за незаконное присвоение чужих идей. Существующая на сегодняшний день система антиплагиата слишком груба, определяет лишь прямое заимствование, буквальное переписывание. Однако, если ученый чужие идеи изложил своими словами — это такой же плагиат, который не отслеживается и не наказывается. К имитации научной деятельности приводит коммерциализация науки, последствием чего является искусственная подгонка продукта научной деятельности к запросам заказчика вплоть до фальсификации, заведомо искаженной интерпретации полученных результатов, как справедливо отмечает А.А. Мохов². Во-вторых, необходимо законодательно определить допустимые пределы вторжения научной мысли, ответственность исследователя за возможные разрушительные последствия его открытия и внедренной на его базе технологии. Как справедливо отмечает исследователь, в старом законе даже с учетом его многочисленных доработок, так и не нашло отражение «требование об этичности научных исследований»³, отсутствуют и упоминация о соответствующих комитетах по этике науки.

Необходимость в регламентации этического аспекта науки детерминирована колоссально возросшими в конце XX–XXI века угрозами и рисками использования современных наукоемких технологий. Их бесконтрольное применение чревато уничтожением человеческой цивилизации. В среде ученых всегда найдутся те, кто готов поставить на кон жизнь и здоровье человека, судьбу человечества ради прогресса науки. В новом законе должна быть предусмотрена ответственность не только в том случае, если применение «передовой» технологии нанесло явный вред человеку, обществу (государству), природе, но и если этот вред был предотвращен третьими силами, даже если катастрофические последствия не наступили, но вероятность была высока (например, препятствием стали случайные события).

В нашей стране до сих пор не разработана комплексная экспертиза передовых наукоемких технологий, а имеющиеся институты экспертизы не обладают автономностью. Появляющиеся списки контролируемых технологий⁴ явно недостаточны.

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 141.

² Мохов А. А. Правовое регулирование и этическое обеспечение научных исследований: взгляд через призму традиционных российских духовно-нравственных ценностей // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024. № 3 (67). С. 66.

³ Там же. С. 65–66.

⁴ Об экспортном контроле: федеральный закон от 18 июля 1999 года № 183-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 1999. № 30, ст. 3774.

Особое внимание необходимо уделить рискогенным отраслям науки. Медики, апробирующие экспериментальные препараты на людях, должны находиться под дамокловым мечом юридической ответственности. Следующая передовая сфера, требующая пристального внимания юристов, — геномная инженерия. Как в среде западных, так и российских ученых обсуждаются возможности коррекции геномного кода человека, что знаменует новую фазу постчеловеческой цивилизации. Опасность данного вторжения в человеческую природу усугубляется огромным количеством энтузиастов, готовых добровольно расстаться с человеческим статусом (об этом, в частности, свидетельствует массовое добровольное чипирование во всем мире). Проблема усугубляется в связи с распространением в современном мире постмодернистских тенденций, утверждением постмодернистского концепта смерти человека, актуализированного в идее насильственного вторжения в человеческую природу. Необходимость в законодательной регуляции этой научной сферы подтверждена опасными проектами последних лет, к примеру, форсайт «Образование 2030»¹. Проект, который предполагает организацию тотальной миграции в виртуальное сетевое пространство, слом естественных биологических барьеров средствами фармакологии и так далее. Выделение в отдельную сферу биоэтики свидетельствует об осознании того, что попытка разграничить науку и этику — опасное заблуждение. Если в Европе, в США биоэтические исследования имеют давнюю историю, сформированы фундаментальные школы (например, школа профессора Х. Т. Энгельгардта), то в России эта наука, как верно отмечает А. А. Мохов, «...до сих пор в зачаточном состоянии»².

Особенно нуждается в правовой регламентации практическая деятельность расплывшихся психологов-коучей, которые апробируют собственные авторские «научные» методики на живых людях посредством неконтролируемых онлайн-курсов. Печальные последствия подобной практики известны: серьезные психологические заболевания, затяжные депрессии, суициды.

Новый закон должен предусмотреть ответственность недобросовестных историков, которые собственными альтернативными концепциями наносят вред массовому сознанию россиян, дискредитируя священные для нашей страны события; теологи, насаждающие псевдоценности, нетрадиционное миропонимание в противовес положению Указа Президента Российской Федерации о роли традиционных религий и особенно православия «...в становлении и укреплении традиционных ценностей»³.

В целом следует согласиться с А. А. Моховым, что в новом законе должны быть отражены этические требования, предъявляемые к научным исследованиям. Также закон должен предусмотреть деятельность этических комитетов, оценивающих технологии⁴. Необходимо предусмотреть и положение о необходимости комплексной социогуманитарной экспертизы рискогенных научных исследований и внедряемых на их базе технологий с позиции этики.

Скурко Елена Вячеславовна,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Роль «мягкого права» в регулировании современных технологий и развитии законодательства о науке

Совершенствование законодательства в сфере науки и технологий — важная задача любого современного государства. Особенное внимание сегодня привлекает проблематика развития правового регулирования в сфере современных технологий, в том числе искусственного интеллекта (далее — ИИ).

С возрастанием значимости цифровой экономики взаимодействие между частными разработчиками, режимами внедрения и оборота научно-технологических решений, нормативным право-

¹ О проекте «Образование 2030». URL: <https://fioco.ru/Contents/Item/Display/2201455> (дата обращения: 15.05.2024).

² Мохов А. А. Правовое регулирование и этическое обеспечение научных исследований: взгляд через призму традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 68.

³ П. 6 Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 15.05.2024).

⁴ См.: Мохов А. А. Правовое регулирование и этическое обеспечение научных исследований: взгляд через призму традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 68.

вым регулированием, а также государственной политикой в сфере науки и технологий становится все более сложным. По мере развития цифровых технологий — от сервисов на базе интернет-платформ и социальных сетей до искусственного интеллекта — происходят изменения как в отраслях науки и производства, так и в обществе в целом, общественных отношениях. В этой связи большинство современных государств сегодня начали разрабатывать и адаптировать нормативно-правовую базу для установления адекватного и эффективного правового регулирования в этой сфере, для (пере)распределения прав и обязанностей различных «акторов», «заинтересованных сторон», «потребителей» в цифровой экономике.

В этой связи у «традиционного» нормативного правового регулирования появляются конкуренты: существенная часть общественных отношений, возникающих в связи с развитием сферы науки и технологий оказывается вне пределов государственного управления и регулирования как в силу стремления государств привлекать и стимулировать «свободу» технологических разработок, так и в силу того, что цифровые технологии обладают спецификой трансграничного перемещения и функционирования. Например, конкуренция в сфере регулирования за счет создания благоприятной для него нормативно-правовой базы процесс, посредством которого различные юрисдикции фактически вступают в конкуренцию за привлечение и сохранение на своих территориях «цифрового бизнеса». В отличие от традиционных отраслей, где «конкуренция» со стороны регулирующих органов может быть сосредоточена на налоговых льготах или трудовом законодательстве, цифровая экономика создает уникальные проблемы и возможности. Глобальный характер цифровых услуг, скорость технологических инноваций и сложность цифровых экосистем — все это требует переосмысления стратегий регулирования.

Одной из ключевых концепций для понимания динамики конкуренции в сфере (нормативного) регулирования исследователи считают так называемый «Брюссельский эффект», описывающий явление, при котором строгие нормативные стандарты той или иной юрисдикции фактически становятся национальными или даже глобальными ориентирами, поскольку компании, работающие в сфере цифровых технологий, часто предпочитают следовать известным унифицированным, формальным, но общим «правилам», чтобы упростить свою работу одновременно на нескольких рынках, им следующим. Например, Общий регламент Европейского союза по защите данных (*GDPR*) 2018 года хотя и устанавливает высокие требования по защите данных, но фактически распространяет свое действие за пределы единого европейского рынка и применяется во многих частях мира в силу стремления различных компаний из различных юрисдикций получить доступ на европейский рынок¹.

С учетом особенностей и тенденций современного развития в сфере науки и технологий исследователи предлагают объединить социально-правовой подход к принципу верховенства права с базовыми понятиями о системной технической безопасности (инженерной традиции, сочетающей научно-теоретические и практические подходы), то есть рассматривать проблематику разработки и внедрения современных технологий, в особенности цифровых технологий и ИИ, комплексно с технической, системной и институциональной точек зрения².

Государства и юридическая практика в поисках оптимального регулирования в сфере науки и технологий склоняются к использованию инструментов и механизмов «мягкого права». Результатом становится сложная комбинация различных форм регулирования, ориентированная на решение таких проблем, как общественная и государственная безопасность, неприкосновенность частной жизни, занятость и другое, а также развитие возможностей и потенциала технической инфраструктуры и архитектуры, от которых зависит совершенствование цифровых технологий, научных разработок в этой сфере, включая ИИ. Специалисты отмечают, что в настоящее время зарождаются международное цифровое право и право искусственного интеллекта. Они составляют комбинацию «жесткого» и «мягкого» права, возникающего в результате сложного взаимодействия нескольких источников этого права и субъектов, которые его продвигают: начиная с продукции и документации разработчиков и ученых, распоряжений, инструкций, руководств и регламентов частных компаний и ассоциаций, нередко продиктованных рыночными условиями и обстоятельствами, заканчивая национальным законодательством, корпусом международного права, рекомендациями международных правительственных и неправительственных организаций и др. Сегодня

¹ Regulatory Competition in the Digital Economy: Artificial Intelligence, Data, and Platforms / ed. by M.Denga, L.Hornuf – Cham: Springer, 2025. P. 5.

² Digital Governance: Confronting the Challenges Posed by Artificial Intelligence / ed. by K.Prifti, E.Demir, J.Kramer, K.Heine, E.Stamhuis. Hague: Asser Press, 2024. Pp. 3–4.

инструменты регулирования в сфере науки и технологий варьируются от частных негосударственных актов до прямого государственного нормативного правового регулирования, адаптируя и адаптируясь к уже существующему нормативному «ландшафту», в рамках которого осуществляется деятельность заинтересованных сторон в этой сфере¹.

С учетом особенностей современных процессов глобализации исследователи выделяют четыре источника «жесткого» и «мягкого» права: законы рынка, законодательство национальных государств, международное право и право, разрабатываемое международными (в том числе неправительственными) организациями. Отсюда не составляет труда определить «субъектов» (акторов), от которых будут исходить соответствующие «законы». Собственно система, которая сегодня определяет регулирование в сфере науки и технологий, есть совокупность сетей «субъектов» (акторов) и «институтов», которые комплексно взаимодействуют в соответствующей технологической области, способствуя созданию, распространению и применению различных вариантов, в особенности цифровых технологий и продуктов, включая ИИ².

К «субъектам» относятся производители технологий, поставщики, продавцы, вендоры, исследовательские институты, ассоциации, государственные органы, НПО и др.

«Институты» — это формальные и неформальные нормы, влияющие на развитие инновационных систем, цифровых технологий, ИИ и др. На практике такие «институты» складываются из нормативных правовых актов, стандартов и государственной политики, а также неформальных структур, таких как коллективные ожидания, государственные рамки, пользовательские практики, социальные нормы или культура.

Различные «субъекты» вносят вклад в развитие регулирования в науке и технологии, в том числе на международном уровне. В основном это, во-первых, государства и группы международных (межгосударственных) организаций; во-вторых, частные фирмы и корпорации, в-третьих, неправительственные субъекты (НПО). Каждый из этих трех разновидностей субъектов обладает различной компетенцией, необходимой для введения (нормативного) регулирования: независимостью, репрезентативностью, опытом и оперативным потенциалом, но никто из них, по мнению специалистов, не обладает всеми компетенциями в необходимом объеме для полноценного (нормативного) регулирования цифровизации и научно-технологического развития. В результате на практике зачастую формируются параллельные нормативные структуры, идет конкуренция между разнородными субъектами по развитию регулирования научных разработок, цифровых технологий и т. д. Например, исследователи проанализировали 88 норм и документов об ИИ, разработанных и принятых в разное время государственными органами разных стран, частным предпринимательским сектором и неправительственными некоммерческими организациями. Эти нормы и документы отражают представления, идеи и подходы, сформулированные «субъектами» в сфере ИИ. Касательно их содержания и направленности отмечается, что документы и нормативы, разработанные и представленные государственным сектором и неправительственными организациями, были подготовлены на основе активного участия общественности и отражают общественные ожидания нежеле документы и заявления частного предпринимательского сектора. Нормы, сформулированные по проблематике ИИ, исходящие от государственного сектора и НПО, как правило, отличаются сравнительной этической глубиной, однако только нормы и документы, внесенные государственными органами и учреждениями, напрямую затрагивают проблемы развития законодательства и правового регулирования. В документах, разработанных частным предпринимательским сектором, особое внимание уделяется этическим проблемам, связанным с техническими характеристиками ИИ и их коррекцией: «алгоритмической предвзятостью», «прозрачностью». Сектор НПО проявляет интерес к развитию стандартов в вопросах подотчетности и дезинформации, а также по проблемам неправомерного и «враждебного» использования приложений ИИ. Перечислим этические вопросы, на которые обращают особенное внимание государственные органы и учреждения: проблема безработицы, экономического роста и т. п.³

Виды норм и нормативных актов, которые возникают в сфере ИИ, сегодня в законодательстве государств варьируются от различных форм саморегулирования до полноценного нормативного правового регулирования. В недавнем исследовании было выявлено 634 «программы» мягкого

¹ Chinen M. The International Governance of Artificial Intelligence. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2023. P. 1.

² Chinen M. Op.cit. P. 36.

³ Schiff D., Borenstein J., Biddle J., Laas K. AI Ethics in the Public, Private, and NGO Sectors: A Review of a Global Document Collection // IEEE Transactions on Technology and Society. 2021. Vol. 2. No. 1. Pp. 31–42.

права (*soft law programs*), применяющиеся в сфере регулирования ИИ. «Мягкое право» принимает формы рекомендаций и стратегий, принципов, стандартов, профессиональных руководств и кодексов поведения, партнерств, сертификационных или добровольных программ, добровольных мораториев и, наконец, запретов (*ban*)¹.

Большинство из «программ» «мягкого права» в сфере ИИ — это рекомендации и стратегии (54,26 % от общего числа выявленных программ), а также принципы (25 %); около 9,5 % «программ» составляют стандарты; остальные формы — это профессиональные руководства или кодексы поведения (3,6 %); партнерства (3,3 %); сертификационные или добровольные программы (2,5 %); добровольные моратории или запреты (1,9 %) — встречаются значительно реже.

Изучая сами «программы» в отношении ИИ, нетрудно сделать вывод, что управление ИИ начинает приобретать фрактальный характер. На любом уровне организации — от частной фирмы до межгосударственных учреждений — используются или предлагаются идентичные базовые инструменты как по отдельности, так и в сочетании друг с другом. Содержательно регулирование ИИ затрагивает этические принципы, моратории и запреты, данные и обучение алгоритмов, контроль со стороны человека, критерии объяснимости и прозрачности работы ИИ, тестирование².

Правоприменение в отношении ИИ — важнейшая часть нормативного регулирования, однако в действительности крайне затруднительная: государства и правительства имеют полномочия налагать юридические санкции, в том числе с применением силы, но им зачастую не хватает финансовых ресурсов, персонала и опыта, чтобы эффективно контролировать исполнение норм действующего законодательства, обеспечивать его соблюдение, включая ИИ. Существенное количество многочисленных «программ» «мягкого права», принятых различными негосударственными субъектами и иными «актерами» в отношении ИИ подвергается справедливой критике за неэффективность именно потому, что они являются «добровольными». Действительно, следование «мягким» нормам зависит от структур, обеспечивающих их соблюдение, весьма далеких от качества мер принуждения, доступных государствам. Компании и другие организации могут внедрять «организационные механизмы», способствующие выполнению их «программ».

Механизмы принуждения в «мягком праве» могут принимать формы рычагов или ролей (*levers or roles*). «Рычаги» — это набор действий или механизмов, которые организация может использовать для реализации или принуждения к выполнению принятой ею программы. «Роли» определяют положение лиц (подразделения или человека), которые правомочны использовать такие «рычаги».

К рычагам относятся процедуры, позволяющие разработчикам поэтапно оценивать возможные последствия технологий, которые они разрабатывают, а также (внутренние) процедуры контроля разработок. Следующий «рычаг» — это выделение средств из бюджета компаний и организаций на те или иные направления и приоритеты технологических разработок. Кроме того, коммерческие организации нередко делают публичные заявления о своей позиции в отношении этики научно-технологического развития и разработок, что морально связывает их соответствующими обязательствами перед общественностью.

Наконец, такие субъекты, как государственные органы и учреждения, принимающие решение о внедрении научно-технологических приложений (в особенности на базе ИИ) в свою деятельность, устанавливают наборы показателей и индикаторов для оценки качества и прогресса в этом направлении. Внутри организаций различных форм — начиная с государственных и заканчивая частными коммерческими структурами и НПО — нередко назначаются отдельные подразделения или устанавливаются должности, ответственные за внедрение, обучение и оценку проблем, связанных с применением современных технологий как внутри организаций, так и в общественном пространстве.

В инструментарии «мягкого права»: существует несколько внешних «рычагов» и «ролей»: сторонние механизмы проверки, стандарты, маркировки или сертификации, профессиональные ассоциации, которые требуют от своих членов соблюдения принятых ими стандартов и т. п. Внешние «роли» тесно связаны с обозначенными «рычагами». Это, например, внешние наблюдатели в советах директоров корпораций или комитетах правления; консультативные советы с внешними экспертами, что часто используется правительствами и исследовательскими организациями, некоммерческими организациями и профессиональными ассоциациями³.

¹ Gutierrez C. I., Gary E. A Global Perspective of Soft Law Programs for the Governance of Artificial Intelligence. Arizona, 2021. 64 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3855171> (дата обращения: 20.05.2025).

² Gutierrez C. I., Gary E. Op.cit.; Chinen M. Op.cit. P. 57.

³ Chinen M. Op.cit. Pp. 67–68.

Правовая политика в сфере науки и технологий, принципы и приоритеты научно-технологического развития стран существенно различаются между собой. Например, в сфере разработок и технологий ИИ специальные законы приняты лишь в нескольких юрисдикциях: в Канаде (*Canada's Artificial Intelligence and Data Act (AIDA) (2024)*), Южной Кореи (*Framework Act on Artificial Intelligence Development and Establishment of a Foundation for Trustworthiness (2025)*), ЕС (*Artificial Intelligence Act (EU AI Act) (2024)*). В ряде стран, например в Великобритании, КНР, а также в Российской Федерации, принятие специального закона об ИИ весьма актуально. В большинстве случаев «право ИИ» развивается как «мягкое право» (например, в Японии, так же как в целом на Азиатском континенте). Высокую эффективность «мягкого права» в регулировании ИИ демонстрирует опыт Сингапура — одного из мировых «флагманов» по применению ИИ в общественной практике, его нормативные модели «мягкого права» (*Singapore's Model AI Governance Framework (2020)*) были субстантивно перенесены на региональный уровень АСЕАН (*ASEAN Guide to AI Ethics and Governance (2024)*). Ряд стран, например, Индия, делает акцент на попытках развития стандартизации в сфере ИИ и т. п.

США идут по пути политико-правового регулирования в сфере науки и технологий. Например, в регулировании технологий ИИ политики США сосредоточены на сотрудничестве с крупным бизнесом, пытаются найти баланс в соотношении стремления к глобальному лидерству страны с рисками, включая применение новых цифровых технологий, ИИ, которые касаются как отдельных граждан, уязвимых социальных групп (студентов, пациентов), потребителей, так и для национальной безопасности страны в целом.

23 января 2025 года был издан Указ «Об устранении барьеров на пути американского лидерства в области искусственного интеллекта», в котором, в частности, указывается, что США давно занимают лидирующие позиции в мире в сфере инноваций и ИИ, чему способствуют свободный рынок, исследовательские институты мирового уровня и предпринимательский дух страны. Для сохранения этого лидерства впредь будет стимулироваться разработка систем ИИ, свободных от идеологических и социальных предубеждений; политика США и впредь будет направлена на поддержание и укрепление глобального доминирования в сфере ИИ и так далее¹.

Рассмотренный нами мировой опыт и тенденции, несомненно, следует принимать во внимание при разработке правовой политики в сфере науки и технологий в Российской Федерации.

Супрунов Александр Германович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе);

Васильев Вячеслав Вениаминович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры КиАП Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС;

Мусина Наталья Ивановна,

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры управления Нижегородской академии МВД России

**Правовая регламентация управления наукой:
Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»
от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ —
взгляд сквозь призму общей теории управления**

Основные значения правовых предписаний объединены законодателем в специализированный документ — Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Федеральный закон № 127), что, безусловно, является

¹ Removing Barriers To American Leadership In Artificial Intelligence. 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence/> (дата обращения: 20.05.2025).

управленческой регламентацией и регулирует общественные отношения в установленной сфере человеческой деятельности. Данная истина реализуется в большинстве ее направлений, требующих императивных и диспозитивных регламентов, включающих сферы государственных и социальных потребностей сегодняшнего дня. Сферу науки, научной деятельности и научной организации труда в полной мере можно отнести к перечисленным отраслям и направлениям государственной и социальной жизни страны.

В исследовании «Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации» С. А. Кабышев предлагает свой взгляд на имеющийся «научный» закон. С точки зрения общей теории управления считаем необходимым поставить вопрос не только о дисциплине в науке, об этической составляющей (поддерживая тезис А. Пуанкаре¹), но и о порядке регламентации смысла и предназначения норм права. Полагаем, что именно это является базой для открытой дискуссии об эффективности использования потенциала науки в целом и, безусловно, перманентном совершенствовании «научного законодательства». С. А. Кабышев поднял чрезвычайно актуальную и заслуживающую внимания проблему однобокости и видимой неоднозначности современного Федерального закона № 127. Автор не дает четкого ответа о том, должен ли быть кодифицированным новый закон или это может быть некой общностью законов, приоритетно регламентирующих науку или околонаучные общественные отношения.

Общая теория управления указывает на тот факт, что качество управленческой деятельности находится в зависимости от однозначности и ясности используемых понятий того нормативного источника, которым должен руководствоваться субъект управления внутреннего или внешнего администрирования для эффективности необходимых правоотношений, в том числе научной деятельности. Считаем, что структура кодифицированного законодательного акта позволяет устранить имеющийся в действующем Федеральном законе «минимализм» правовой регламентации.

Еще одним дискуссионным аспектом, заявленным С. А. Кабышевым в анализируемом исследовании, является «неопределенность судьбы» действующего Федерального закона № 127: продолжение, то есть попытка его совершенствования (последние изменения внесены 8 августа 2024 года) либо создание нового, соответствующего реалиям сегодняшнего дня в части осознания места и роли российской науки в мировом и отечественном социуме кодифицированного законодательного акта, максимально регламентирующего область науки как таковой.

Являясь сторонниками варианта кодифицированного закона о науке, мы не считаем насущной необходимостью выбрасывание «на свалку истории» имеющегося Федерального закона № 127. С. А. Кабышев выдвинул оптимальные концептуальные элементы научного законодательного акта. Даже поверхностный сравнительно-правовой анализ концептуальных положений, структурное построение Федерального закона № 127 позволяют говорить если не об идентичности, то значительных совпадениях их скульптурно-сущностного скелета.

Постулируя требования к принимаемым управленческим решениям, общая теория управления настаивает на наличии обоснованности, комплексности и системности, непротиворечивости и конкретности, преобладании императивных требований над диспозитивными. В связи с этим мы будем формулировать наши предложения по совершенствованию «научного» законодательства на основе сопоставлений Федерального закона № 127 и той его концепции, которую выдвигает С. А. Кабышев, где мы соглашаемся с его идеей о бессистемности Федерального закона № 127, «казуистичности» отраслевых законодательных актов, в той или иной мере касающихся соответствующей научной деятельности. Мы считаем, что «краеугольным камнем» предстоящей работы над кодифицированным «научным законом» является поэтапность осуществления управленческого замысла, где первым этапом должен стать предварительный комплексный анализ (в обязательном порядке с привлечением экспертных сообществ по отраслям научных знаний) правовых норм, касающихся науки и научной деятельности. Данный анализ даст возможность и основания разработки законопроекта, иными словами, позволит «отсечь все лишнее»². Вторым этапом аналитической работы является соблюдение требований не только общей теории управления, а именно структурирование имеющегося правового материала и работа с выявленной эмпирикой коллизий, несостыковок, правовых лакун.

¹ Пуанкаре А. О науке. Москва: Наука, 1983. 560 с.

² Савченко В. И. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Нижний Новгород: Флокс, 1993. 576 с.

Управление в научной сфере требует максимальной непротиворечивости полученного правового материала, на базе которого принимается управленческое решение и осуществляется администрирование правоотношений. Полагаем, что данное требование в реалиях работы над текстом нового «научного закона» должно быть рассмотрено через исчерпывающее количество дефиниций, требующих базовые термины и понятия. Данный элемент закона в значительной степени, если не полностью, избавит научных работников, научные организации и субъекты управления в научной сфере от проблем в области правовых коллизий, так и «подгонки» правовой регламентации под нужды научной (околонаучной) ситуации. Мы говорим о том моменте, когда существует подмена необходимого научного понятия, сходного ему, взятого из иного и непрофильного, но также «научного» законодательного акта. Единый кодифицированный акт позволит раз и навсегда решить данную проблему, в чем мы также солидарны с автором.

Действующая система подготовки и принятия, внесения изменений в нормативные правовые акты предусматривает ряд «фильтров» различных экспертиз, которые в безусловном порядке проводятся перед тем, как законопроект будет принят и опубликован. Одной из необязательных экспертиз на этапе прохождения законопроекта в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации является научная экспертиза. Полагаем должным согласиться с мнением С. А. Кабышева о необходимости закрепления в тексте кодифицированного «научного» закона обязательной предварительной (до направления законопроекта в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации) научной экспертизы Российской академии наук (далее — РАН) либо иной академии наук (ст. 6 Федерального закона № 127). Необходимым представляется и закрепление конкретных управленческих функций РАН и академий наук.

Спорным, но интересным является вопрос о роли местных органов власти в управлении научным сообществом. Полагаем, что модель управления в данном случае может представлять собой своеобразный симбиоз, где должны найти свою нишу на законодательном уровне государственные академии наук, региональные власти и учредители научных организаций.

Червяковский Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории права и государства
Омской академии МВД России

Место и роль юридической науки и наук об обществе в современном российском образовании, научном сообществе и государстве

Совершенствование законодательства о науке зависит от уровня развития самой науки, от достижений российских и зарубежных ученых, и должно быть направлено на решение тех проблем, которые стоят перед научным сообществом. В данной работе мы поделимся своим взглядом на проблемы, с которыми, по нашему мнению, сталкивается российская юридическая и в целом обществоведческая наука.

Человек и социальные отношения как объект изучения юридической науки. Юридическая наука должна заниматься исследованиями, посвященными месту и роли правового регулирования в системе норм, определяющих жизнь современного российского общества. Науке необходимо рассматривать человека как субъекта правового регулирования. Именно права и свободы человека, его обязанности по отношению к другим субъектам общества должны определять цели и задачи правового воздействия на существующие отношения в обществе. Пора прекратить заниматься идолопоклонством, возвышая государство над всеми иными социальными институтами. Государство — один из институтов общества наравне с другими. Как показывает история, увеличение его роли в обществе приводит к печальным последствиям, вызывающим ущемление прав и свобод не только отдельных индивидов, групп населения, но и всего общества. Юридическая наука должна разрабатывать механизмы ограничения государства, наряду с другими общественными науками, призванные выявлять и своевременно сигнализировать элите и обществу обо всех возможных отклонениях в развитии общественных отношений, направленных на усиление авторитарных тенденций.

Увеличение роли философско-правовых исследований. Важно обратить внимание на такой компонент правовой системы, как правовая идеология. Ее нельзя сводить только к тем ценностям

и идеям, которые декларируются государственными органами и их должностными лицами. Необходима философская и юридическая оценка тех пропагандируемых установок, которые нередко навязываются обществу без детальной научной проработки. Многие такие идеи, воспринимаемые как новации и безусловные направления нашей деятельности, через определенное время оказываются переоцененными, не соответствующими духу времени или просто забытыми. Зарубежной наукой накоплен большой массив литературы, в которой осмыслиются роль и значение права в обществе, место государства как инструмента решения проблем, стоящих перед обществом, роль отдельных лиц, групп населения, народов и масс в принятии ключевых решений. Не менее интересен опыт осмысления указанных проблем и российскими философами и правоведами. Полагаем, что такие исследования должны поощряться государством, организациями и фондами. Результаты таких научных работ не приносят непосредственных дивидендов, но способствуют дальнейшему развитию фундаментальных юридических исследований, пониманию роли права и государства функционировании и развитии современного общества.

Об исторических и историко-правовых исследованиях. В настоящее время отмечен большой интерес российских юристов к изучению истории государства и права России и зарубежных стран. При непосредственном участии Института законодательства и сравнительного правоведения проводятся форумы историков права. В научный оборот вводятся новые исторические источники, защищаются диссертации по историко-правовой тематике, подготавливаются с привлечением большого количества ученых многотомные научные и учебные работы. Все это, безусловно, только радует. В то же время хотелось бы пожелать, чтобы проводимые историко-правовые исследования оказывали большое влияние на формирование представлений о современной российской государственности и праве.

Важным представляется критическое осмысление различных событий в российской и мировой истории. До сих пор в российской исторической и историко-правовой науке неоднозначно решаются вопросы о роли государственных деятелей в истории нашей страны. По-разному оценивается значение таких событий, как октябрьский переворот 1917 года, новая экономическая политика, массовые репрессии и т. д. Ответы на эти вопросы должны давать историки, юристы, представители других наук. Возможно, чтобы прийти к консенсусу, уйдут годы, даже сменятся поколения ученых.

Когда мы говорим об автономии науки и научного исследования, важно установить запрет на вмешательство государства в научную дискуссию. Нельзя, чтобы исторические и историко-правовые исследования подгонялись под понимание истории государственными чиновниками. Да, не изжит взгляд на то, что «историю пишут победители». О многих исторических событиях мы, к сожалению, уже будем иметь представление только с одной стороны, но еще есть возможность, исследовав архивы и другие материалы, составить объективную картину не такого далекого прошлого.

Комментирование законодательства. Юридической науке не следует замыкаться только на изучении системы права и системы законодательства, анализе отдельных элементов данных систем. Необходимо обратить внимание и на другие составляющие правовой системы общества. Наука не должна исключительно комментировать действующее российское законодательство. Критика законодательства, безусловно, нужна. Но такая критика не должна сводиться к тому, как лучше изложить в тексте закона правовые предписания, исходящие от законодателя, в какой закон поместить те или иные правовые нормы. Никто, в том числе и автор настоящей статьи, не отказывается от такой необходимой деятельности российских ученых-юристов, как научная критика законодательства. Правильная организация компонентов закона, иного нормативного правового акта, определение места правового акта в системе законодательства, выработка требований к подготовке, принятию и систематизации законодательства — важная часть деятельности ученого-юриста, в том числе теоретика права. В то же время юридико-техническая составляющая деятельности ученого и практика будет полезна для общества исключительно в сочетании с иными составляющими труда юриста и философа права. Научная критика закона может и должна осуществляться с позиций принципов и функций права в современном обществе, определения эффективности достижения значимых результатов правового регулирования с точки зрения личности и общества в целом. Ученым-юристам следует раскрывать предпосылки и цели, определяющие нормы права и юридические решения, их системные связи и закономерности развития, прогнозировать связанные с ними правовые, социальные, экономические и иные риски¹.

¹ См.: Кабышев С. В. Формула российского юридического образования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 113.

Следует развивать *сравнительно-правовые исследования*. Юридические исследования не должны ограничиваться изучением только российской правовой системы. Нельзя замыкаться рамками одной национальной правовой системы. Это — тупиковый путь. В мире существуют более 200 национальных правовых систем. В настоящее время во многих работах российских юристов появились ссылки на иностранные публикации, в научных работах россиян анализируется зарубежное законодательство. Однако этого недостаточно. Многие ученые-юристы мало участвуют в зарубежных публикациях. Санкционное давление на Россию привело к сокращению количества ученых, принимающих участие в зарубежных симпозиумах, уменьшению количества работ, размещаемых в иностранных наукометрических системах, трудов, переводимых на иностранные языки. Работ иностранных авторов, которые переводятся на русский язык, также достаточно немного. Государство должно поощрять развитие издания переводной юридической и обществоведческой литературы.

Сейчас много говорят о необходимости обращения к опыту не только европейских стран, но и других регионов мира. Осуществляется активное сотрудничество в решении социально-экономических вопросов с Китаем, другими государствами – участниками БРИКС. По-прежнему актуальным является взаимодействие с государствами ближнего зарубежья. Таким образом, необходим анализ способов разрешения правовых споров в разных государствах, применительно к правовым системам народов, проживающих во многих регионах нашей планеты. Полагаем, что именно с учетом сравнительно-правового анализа опыта разрешения проблем юридическая наука должна формулировать рекомендации для субъектов правотворчества, иных лиц, принимающих властные решения.

Ученый как творец науки. Юридическая и в целом обществоведческая наука — это в первую очередь люди, ученые, лица, готовые участвовать в научных исследованиях. От их материального, финансового и иного обеспечения, уровня культурного развития зависят состояние и дальнейшее развитие обществоведческой науки. Достаточно распространены ситуации, когда ученый, заинтересованный в развитии научных знаний, повышении уровня интеллектуального потенциала, организует и проводит научные исследования, изыскивая собственные материальные резервы на их проведение. Организации и учреждения, требуя от подчиненных им научных и педагогических работников проведения различных научно-представительских форумов, с трудом находят необходимые денежные средства на их организацию. Стала достаточно распространенной практика, когда ученые и преподаватели выезжают на различные научные мероприятия за свой счет. Нередко можно услышать, что многие дорогостоящие научные, в том числе экспедиционные и иные поисковые, мероприятия финансируются самими участниками и неравнодушными друзьями и знакомыми.

Да, безусловно, государство участвует в финансировании научных проектов, привлекаются спонсоры, общественные фонды, но такое вспомоществование в ряде случаев оказывается достаточно скудным. Выделение денег на отдельные проекты и направления научной деятельности во многом определяется перечнем целей и задач, на которые государственный орган или фонд в ближайшей перспективе собирается направить финансирование. Научные и образовательные организации, расходуя денежные средства, также исходят из своих нередко краткосрочных приоритетов, стремясь поддержать научные исследования и командировки профессоров и докторов наук, представляющих данное научное заведение или образовательную организацию, перспективных ученых, готовых в ближайшее время выйти на защиту диссертации. Ведомственные научные и образовательные организации ориентируются на приоритетные направления научной деятельности, установленные соответствующими министерствами, службами и агентствами, в подчинении которых они находятся.

Наука в образовательной организации. Если в научной организации научные сотрудники продолжают с переменным успехом заниматься наукой, то в образовательной организации определенная часть преподавателей, загруженная учебной, учебно-методической, воспитательной работой, просто перестает заниматься научной деятельностью, повторяя в выступлениях и статьях положения, ранее уже высказанные и фактически не дающие ничего нового.

Как показывает анализ опыта преподавательской деятельности в дореволюционной России, у педагогических кадров были оплачиваемые творческие отпуска, в Российской Федерации и за рубежом лицам, ведущим аудиторные занятия, предоставлялось специальное время на подготовку чтения курса лекций по дисциплине. Сейчас мы такого не видим. Некоторые преподаватели ограничиваются чтением лекций по имеющимся подготовленным когда-то фондовым лекциям, иным конспектам, учебникам, в лучшем случае просто недоступным обучающимся. Молодые препода-

ватели часто оказываются завалены учебной нагрузкой. Да и опытные преподаватели, чтобы как-то повысить свой доход, в гражданских образовательных организациях имеют учебную нагрузку, во многом превосходящую установленную, достаточно высокую ставку. Спрашивается: «Каким образом, не имея возможности нормально подготовиться к учебным занятиям, преподаватель может довести до обучающихся сведения о тех научных дискуссиях, которые имеют место в современной юридической и в целом обществоведческой науках?» Отсюда не только у преподавателей, но и обучающихся не развивается в полной мере интерес к научным исследованиям.

Таким образом, мы полностью согласны с С. В. Кабышевым в том, что наука (не только естественная, техническая, но и обществоведческая, гуманитарная, в том числе юридическая) является ключевым фактором в обеспечении «...суверенитета, безопасности государства, создания условий для достойной жизни граждан»¹. На наш взгляд, решение вышеуказанных проблем позволит не только сохранить и укрепить кадровый потенциал юридической науки и в целом общественных наук, но и добиться дальнейшего развития научных исследований в области права и иных сферах жизни российского государства и общества.

Собко Руслан Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Новый закон о науке как стратегическая инициатива: к рассмотрению концепции С. В. Кабышева

Рассмотрение предложенной в статье председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию С. В. Кабышева идеи о создании нового закона или ряда законов о науке можно и, вероятно, следует начать с формирования государственной идеологии в этой области, которая тем или иным образом была бы отражена в Конституции или иных законодательных актах. Необходимость создания подобной концепции в нашей стране сложилась исторически в силу отсутствия у нас средневековой университетской традиции и средневекового же цехового сознания².

Отсутствие университетской традиции выразилось в отсутствии или незначительном количестве научных школ, чья преемственность простиралась бы дальше нескольких десятилетий. Можно сказать, что университетской науке у нас всего около двух столетий (17–19 вв). В 20 веке научное преемство было прервано русской революцией, а короткая и яркая вспышка советской науки угасла с распадом СССР. Политическая воля создателей Российской Федерации была ориентирована больше на экономические успехи, а научные достижения предполагалось экспортировать взамен на доступ к ресурсам Российской Федерации.

Научные школы — это не просто ряд выдающихся ученых, иначе их было бы достаточно просто пригласить из-за рубежа или рекрутировать из определенной «научной массы», которая находится за условным «забором». Признанная и даже получившая правовую оценку ситуация с наукоградом «Сколково» или ситуация с богатейшей корпорацией «Газпром» как нельзя лучше показывает, что без существования постоянно действующего научного «цеха» никакие, даже огромные денежные вливания не создадут ученых из вакуума, а имеющиеся научные кадры после увеличения финансирования не обретут мгновенно недостающие знания или не достанут из «стола» уже готовый научный проект.

Положительным и поучительным примером создания и поддержки научных школ является Китай³. Под мудрым руководством коммунистической партии китайцы не только научились копировать

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 132.

² Собко Р. В. Гуманитарное образование в контексте постправды: проблемы и стратегии // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024. № 1 (65). С. 241–243.

³ Li S., Farrell M. China's industrial policy and its implications for international business // *European Journal of International Management*. 2025. Vol. 25. No. 2. Pp. 309–333.

технологии (первый этап), но и стали развивать собственные научные школы, не только отправляя учиться в ведущие мировые вузы своих студентов, но и возвращая обратно с помощью специальных программ поддержки. С одной стороны, это возможность трудиться на заводах мировых брендов в Китае, с другой — возможность бизнес-участия в рынке «серых» технологий, а с третьей — прямой государственный заказ на строительство и развитие наукоемких производств, что-то вроде сталинской государственной индустриализации, но исполненной в современных условиях.

Дополнительное китайское ноу-хау — использование военных технологий или помощь бывшим военнослужащим в реализации наукоемкого бизнеса. Так, например, смартфоны и сотовые китайские технологии непосредственно создавались бывшими военными специалистами, что, собственно, и явилось причиной прямых государственных запретов китайских вышек сотовой связи, а затем и других китайских технологий в США¹.

Выше мы упомянули руководящую роль коммунистической партии², что может показаться несколько выпяченным и даже излишним для научной дискуссии, но между тем именно ради партии или ради реализации масштабных амбициозных национальных проектов молодые ученые возвращаются в Китай (вспомним героическое советское прошлое). Если же стимулом служат только деньги и личные амбиции, тогда вполне годится любая страна, где больше заплатят³.

Иная связанная с первой проблема — это, кроме патриотизма и идеологического энтузиазма, статусное положение ученого и вообще работника образования. Можно сказать, что представитель привилегированного сословия в постперестроечной Российской Федерации — это крупный бизнесмен или же представитель среднего класса, но удачно монетизировавший свои профессиональные навыки⁴. Большие деньги закономерно находятся на глобальных рынках и удачно складывается, если указанные категории граждан могут получить возможности зарабатывать в международных проектах. Вероятно, к правящим элитам можно причислить и специалистов государственного управления, но и они воспринимаются, скорее, как государственные бизнесмены⁵.

Ученые и уж тем более работники сферы образования воспринимаются, скорее, как работники сферы обслуживания и находятся в подчиненном или даже иногда в униженном положении. Между тем в истории Российского государства и права есть превосходный инструмент, который мог бы, вероятно, вернуть уважение и достоинство профессиональным сословиям — это небезызвестный петровский «Табель о рангах», который предполагал причисление работников образования и ученых к государственным служащим с присвоением необходимого служебного чина и даже дарованием личного, а затем и потомственного дворянства. Конечно, напрямую такое заимствование невозможно, но вкупе с современными технологиями и тем же китайским социальным рейтингом все это могло бы получить интересное воплощение⁶.

Небезынтересно, что правовой обычай приравнивать работников системы образования или ученых к государственным служащим вполне работает во Франции (*fonctionnaires*), Германии (*Beamte*), Японии (*kōmuin kyūin*) и т. д. В некоторых странах степень доктора наук записывается в официальные документы, и к такому человеку полагается официально обращаться «доктор» или «сэр» с присвоением фамилии. Подобные государственные служащие имеют государственную защиту и льготы, схожие с полицейскими или военнослужащими⁷.

Отдельный вопрос предполагаемого закона о науке, который исторически решался несколько раз по-разному: «Соединять ли министерства науки и образования или же разделять их функции?». Современное положение дел не нуждается в комментарии, а вот объединение этих структур дает впол-

¹ Zhu H. et al. How does military-civilian integration development influence corporate financial constraints in China? Evidence based on quasi-natural experiments // *Economic Analysis and Policy*. 2024/Vol. 81. Pp. 1273–1289.

² Huang X., Yang L. The role of political party in firm environmental governance: evidence from China // *Applied Economics*. 2025. Vol. 57. No. 24. Pp. 3219–3235.

³ Ain N. U., Muzaffar M., Yaseen Z. Geo-strategic Competition between India and China: A Comparative Analysis of BRI and IMEC // *Pakistan Social Sciences Review*. 2024. Vol. 8. No. 2. Pp. 532–543.

⁴ Столбинская А. С. Основные каналы рекрутации молодежи в политические элиты современного российского общества // *Развитие территорий*. 2024. № 3 (37). С. 60–64.

⁵ Челенкова И. Ю. Теоретические и практические проблемы функционирования управленческой элиты в России // *Россия: общество, политика, история*. 2024. № 2 (11). С. 106–125.

⁶ Макушев Н. Б., Малека Ю. Н. Система классовых чинов и воинских званий: опыт Петра I и современность. Ч. 1 // *ГосПер: государственное регулирование общественных отношений*. 2020. № 4. С. 373–387.

⁷ Eden D., Kalekin-Fishman D. The Teacher: Government official or professional with a mission // *Intercultural Education*. 2002. Vol. 13.No. 2. Pp. 117–136.

не работоспособный исторический пример, когда региональный университет является региональным же министерством просвещения, то есть готовит специалистов для низших и высших учебных заведений и выстраивает учебную программу в соответствии с последними научными достижениями.

Кроме практического развития регионов и насыщения рынка труда, о котором периодически говорят депутаты, такая форма научной децентрализации позволила бы избежать кризиса научных кадров, возникшего в связи с СВО, когда многие из заметных ученых оказались, во-первых, из Москвы, а во-вторых, в силу направленности на иностранный научный рынок, иноагентами¹.

Провинциализация научной деятельности затрагивает еще одну интересную тему – систему получения ученой степени в Российской Федерации. В большинстве мировых стран отсутствует центральный государственный орган, регулирующий защиты кандидатских и докторских диссертаций. В определенном смысле это вопрос заказа специалиста определенной квалификации со стороны работодателя.

Если предполагается, что докторант будет строить свою научную карьеру внутри определенного университета или содружества университетов, то вполне логично, что и квалификационный экзамен на получение научной степени он проходит непосредственно внутри данной системы, которая производит научные кадры в соответствии со своими требованиями. В том случае, если такие научные кадры используются не внутри научного сообщества, а необходимы реальному сектору экономики, диплом или степень определенного университета гарантирует качество выпускников.

Более того, в современную цифровую эпоху с некоторой осторожностью можно считать устаревшей и форму внутривузовских диссертационных советов, сформированных «географически» пусть и внутри научной специальности ваковского рубрикатора. Сама специальность, как правило, весьма обширна, а члены внутреннего диссертационного совета зачастую занимаются совершенно разными проблемами, пусть и внутри одной и той же специализации.

Как думается, выходом из этой проблемы могло бы быть создание общероссийских диссертационных советов, работающих онлайн, куда включались бы специалисты, лишь непосредственно работающие по теме диссертации, причем это могло бы происходить еще на этапе формулирования темы и публикации научных статей в соответствующих изданиях, где эти специалисты, как правило, являются рецензентами².

Создание узкоспециализированных научных онлайн-комьюнити в качестве государственного проекта, вероятно, позволило бы избежать огромного количества «глухих» публикаций и способствовать научному развитию подлинного научного дискурса с уточнением вопросов, взаимной академической критикой и последовательным развитием идей внутри научного направления³.

Формирование средневекового цехового сознания, а затем гильдейской или корпоративной культуры позволяло устанавливать высокие внутрицеховые требования через систему трлхчастных квалификационных требований (ученик — подмастерье — мастер) и выпускных экзаменов на звание мастера *ars magna* или *chef d'oeuvre* (великое или главное дело). Можно сказать, что для практических наукоемких специальностей главным заказчиком образования выступала корпорация, направленная на практическое производство, и выпускник обязан был продемонстрировать не только следование стандартам, но и в чем-то даже инновационное использование «цеховых» технологий.

В этом смысле можно говорить о возвращении понятия «дипломированный специалист» в том значении, в котором оно используется или использовалось в западной системе образования: для получения ученого звания «дипломированный специалист» (а оно таковым считалось) нужно было подготовить реализованный на практике научный дипломный проект, заключающийся, например, в конструировании части технологического процесса, программировании той или иной практической задачи или составлении части научного экспертного заключения, которое может использоваться в рамках консультационной деятельности. Число дипломированных специалистов в такой системе значительно меньше числа выпускников, но и доход, и занимаемая должность дипломированного и недипломированного специалиста значительно отличаются⁴.

¹ Siegert A. Migration Patterns of Russian Academics: On Global Labor Markets and Local Trust // The Palgrave Handbook of Global Social Change. Cham: Springer International Publishing, 2024. Pp. 1–29.

² Ср.: Kumar S., Roumell E. A., Bolliger D. U. Faculty perceptions of e-mentoring doctoral dissertations: Challenges, strategies, and institutional support // American Journal of Distance Education. 2025. Vol. 39. No. 2. Pp. 128–148.

³ Гринёв А. В. Проблемы наукометрии и ее пригодность для управления научной деятельностью в современной России // Управленческие науки. 2024. Т. 14. №. 1. С. 117–132.

⁴ См.: Oxenham J. (ed.). Education versus qualifications?: A study of relationships between education, selection for employment and the productivity of labour. Taylor & Francis, 2024. 256 с.

В. В. Путин в недавнем заявлении высказался о необходимости сокращения «ненужных» специалистов, отметив среди них прежде всего выпускников юридических и экономических факультетов непрофильных вузов. Президент отметил, что, несмотря на обилие подобных выпускников, их подлинная квалификация не соответствует даже минимальным требованиям¹. Соответствующие комитеты Государственной Думы Российской Федерации принялись разрабатывать ограничительные меры, направленные на механическое ограничение числа бюджетных и даже платных мест для абитуриентов. Между тем можно опять же вспомнить положительный опыт Российской империи, когда предполагалось контролировать не вузы, а уровень знаний выпускников, что можно описать формулой: много поступивших, но мало завершивших курс обучения. Подобным же образом контролем базовых навыков выпускников, умением грамотно читать, считать, писать можно было бы ограничить и количество поступающих в вузы в рамках реализации проектов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации об увеличении количества учащихся колледжей и ссузов.

Современная система науки и образования играет ключевую роль в формировании личности, развитии общества и подготовке специалистов для экономики будущего². Однако, несмотря на значительный прогресс и внедрение инноваций, она сталкивается с рядом серьезных проблем, которые затрудняют достижение поставленных целей и снижают количество и качество научных достижений, в чем, как и в необходимости разработать новый закон, мы, несомненно, согласны с С. В. Кабышевым.

Лизунов Алексей Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры административной деятельности ОВД
Нижегородской академии МВД России

Развитие научной коммуникации с использованием информационных технологий: возможные перспективы и риски

Концептуальные вопросы развития отечественной науки, вынесенные на обсуждение научной общественности Председателем комитета Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию С. В. Кабышевым³ представляются архиактуальными. Заслуживает несомненной поддержки инициатива автора по разработке и принятию нового федерального закона, интегрирующего в себя наиболее перспективные направления научно-технологического развития государства, имеющего системообразующее значение и нацеленного на создание общественно значимого эффекта.

С. В. Кабышев обозначил основные векторы совершенствования законодательства, способствующие, по его мнению, развитию отечественной науки и технологическому прогрессу. В развитие его идей позволим себе заострить внимание на проблеме научной коммуникации, ее влиянии на создание качественных научных продуктов в условиях бурного развития современных информационных технологий.

Под научной коммуникацией следует понимать социальные процессы, связанные с обменом научной информацией, осуществляемые в различных формах, являющиеся основой для создания научно-исследовательской среды, формирования личности ученого и средством его связи с обществом.

Научная коммуникация по своей сути — это базовый механизм развития науки, поскольку, действуя в одиночку, обособленно от других лиц, вовлеченных в процесс научного поиска, исследователю сложно достичь высоких результатов. Как отмечал известный британский философ М. Полани, «фундаментальные открытия науки являются продуктом социального сотрудничества»⁴.

Причем формы научной коммуникации детерминированы уровнем развития информационных технологий и систем, первыми формами которых были диалоги, обмен письмами, книгопечатание.

¹ Путин поручил обновить схему приема на платное обучение в вузах. URL: <https://ria.ru/20250206/putin-1997826022.html?ysclid=mbhmchfb7z656723931> (дата обращения: 03.06. 2025).

² См.: Баранов В. М., Васяев А. А., Зуева Ю. В. Цифровая трансформация правозащитной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 1. № 69. С. 13–21.

³ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. № 78 (2). С. 130–140.

⁴ Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. Москва: Прогресс, 1985. С. 84.

В настоящее время на смену таким ретроспективным формам коммуникации пришли электронные библиотеки, научные форумы, блоги, архивы, электронная почта.

Научно-коммуникативное сотрудничество проявляется как непосредственно, так и опосредованно. По нашему мнению, совершенствование форм и методов современной научной коммуникации должно осуществляться по двум параллельным направлениям: 1) расширение доступности научной информации; 2) повышение уровня правовой защиты от ее несанкционированного использования.

Характеризуя первое направление, отметим потребность в развитии и популяризации электронных библиотек и упрощения доступа к их ресурсам. Для этого необходимо расширить количество изданий, которые подлежат преобразованию путем сканирования из бумажного носителя в электронный. Следовало бы законодательно закрепить право каждого без дополнительной регистрации на доступ к чтению научной литературы, источники которой размещены в электронном формате на официальных ресурсах Российской государственной библиотеки (далее — РГБ) без возможности копирования и тиражирования этих книг.

Не менее значимая проблема связана с обеспечением доступа к диссертационным исследованиям. На официальном сайте ВАК размещаются полные тексты диссертаций, представленных к защите, что дает возможность каждому заинтересованному лицу ознакомиться с их содержанием. Вместе с тем размещение их на указанной интернет-площадке носит кратковременный характер.

На базе РГБ создан отдельный портал в виде электронной библиотеки диссертаций, ознакомиться с диссертационным исследованием можно лишь посетив так называемый виртуальный читальный зал, бесплатный доступ к которому возможен лишь в отдельных помещениях библиотек. В связи с этим выскажем предложение об открытом доступе к подобного рода научной информации, чтобы он был бесплатным и постоянным для любого пользователя официального сайта РГБ через персональный компьютер. При этом государство должно взять на себя расходы по обслуживанию данного информационного ресурса. Фонд РГБ включает в себя подлинники диссертаций с 1944 года, однако оцифрована лишь небольшая часть из них, предлагаем в этом направлении также осуществить активную работу.

Еще одной популярной электронной площадкой для размещения научных исследований является интернет-ресурс *Elibrary.ru*. Однако он полезен для поиска источников научной литературы, составления библиографических списков, отслеживания публикационной активности автора и определения индекса научного цитирования, что же касается полнотекстового доступа до научных источников, размещенных на этом интернет-портале, то, по нашим оценкам, он составляет чуть более 30 % от общего числа публикаций. Остальные источники научной литературы могут быть доступны только на платной основе либо доступ к ним вообще закрыт.

Обозначенная нами проблема актуализируется и в свете того, что традиционные библиотеки быть может, за исключением отдельных вузовских библиотек, в настоящее время в части, касающейся снабжения их современной научной литературой, находятся в плачевном состоянии.

Проблема обеспечения доступности научной информации актуальна не только для Российской Федерации, за это приоритетное право ведут борьбу ученые, активисты и в других странах. Приведем пример показательного поступка американского программиста А. Шварца, который, активно выступая за принцип открытой науки, в сентябре 2010 года скачал через аккаунт Массачусетского технологического института 4,8 млн научных статей из онлайн-библиотеки *JSTOR*. Федеральная прокуратура США выдвинула против него обвинение по 13 пунктам, включая мошенничество с использованием электронных ресурсов, массовую кражу данных, повреждение компьютеров *MIT*. В итоге он покончил жизнь самоубийством, однако его поступок вызвал широкую поддержку научной общественности и одновременное осуждение модели академических публикаций, при которой ценные научные знания спрятаны за ценовым барьером¹.

Адекватно следует оценивать и риски, связанные с открытостью научной информации. С развитием интернет-технологий актуализировался вопрос защиты научной информации от ее несанкционированного использования. Основной способ обеспечения оригинальности текста — его проверка с использованием программы «Антиплагиат», принцип работы которой состоит в сопоставлении проверяемого текста с данными из иных оцифрованных источников. Таким образом, увеличение объема научной информации в электронном виде создаст дополнительные возможности для выявления фактов его недобросовестного заимствования.

¹ Шварц А. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шварц,_Аарон (дата обращения: 04.06.2025).

Как мы уже указывали выше, размещение источника научной литературы в открытом доступе в электронной библиотеке должно исключать возможность копирования этой информации и предполагать только ее чтение.

Помимо имеющихся мер юридической ответственности за нарушение авторских прав на произведение можно использовать и меры морально-нравственного воздействия на нарушителя. Например, придать публичности сведения об авторе, допустившем несанкционированное заимствование научной информации, содержащейся в другой работе. Не менее важную роль играет и правильное воспитание будущих исследователей, направленное на соблюдение основ авторского права, формирование соответствующего мировоззрения.

Десятов Михаил Сергеевич,

доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе)

**Как убедить ребенка войти в холодную воду:
концептуальные размышления на тему формирования
правосознания молодого ученого (вопросы теории и законодательства)**

Последовательный анализ научной статьи С. В. Кабышева «Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации» вызывает искреннюю заинтересованность заявленной проблематикой и глубокую тревогу за научное будущее Российской Федерации. Безусловно, тема и проблемы, поднятые автором, назрели довольно давно и в современных условиях не только не утратили своей актуальности, но и обрели принципиально новое значение и перспективы развития.

Здесь следовало бы вернуться к заголовку и дать ожидаемые пояснения по, казалось бы, весьма странной теме. Дело в том, что среди обозначенных автором основных концептуально-методологических проблем, каждая из которых требует отдельного обсуждения, одна привлекла особое внимание. Речь идет о сохранении и укреплении кадровой составляющей научно-технологического развития Российской Федерации, а также совершенствовании механизмов финансового обеспечения научной деятельности. На наш взгляд, рассуждения о кадровой проблеме современной науки должны строиться на метафоричной модели, обозначенной нами в первой части названия.

Ведь если на минуту отвлечься от собственно научных рассуждений, можно найти массу общего между желанием ребенка искупаться в прохладной, но такой влекущей речке (море, озере) в жаркую погоду и молодым ученым, стоящим на берегу океана научных знаний, пугающего и притягивающего одновременно. Любой взрослый сталкивался с подобной ситуацией: малоопытное дитя хочет купаться, но боится холодной воды. Взрослый человек прибегает к уговорам, убеждению и даже принуждению к приятной процедуре, способной при неумелом и поспешном поведении взрослого напугать, оттолкнуть от него ребенка, создать предпосылки недоверия и страха. И, наоборот, постепенное, методичное, поступательное *приглашение* к плавному погружению в воду формирует предпосылки к уже самостоятельным шагам, каждый из которых придает уверенности в собственных силах.

Подключив образное мышление, можно обнаружить аналогичные признаки в поведении молодого ученого, предпринимającego первые шаги на научном поприще. Его знания пока поверхностны, но желания их расширить компенсируют этот недостаток. Отсутствие опыта нивелируется поддержкой и целенаправленным воздействием научного руководителя. Первые несмелые шаги постепенно превращаются в твердую поступь и уверенную походку к научным целям.

В то же время следует отметить наличие весьма значимой проблемы, которой автор коснулся лишь вскользь, и то в материалистическом аспекте: современная наука стремительно стареет и мельчает. Молодые люди неохотно посвящают свою жизнь научным исследованиям, предпочитая более доходные (в материальном плане) и менее затратные (в части временных, душевных, духовных, морально-нравственных издержек) сферы деятельности. Об этом свидетельствуют статистические данные, согласно которым общее число аспирантов с 2010 по 2022 год сократилось в Российской Федерации на 30 %, а количество защит кандидатских диссертаций — более чем

на 22 тысячи, и тенденция последних лет — сокращение на 9 % в год¹, в 2023 году количество авторефератов диссертаций сократилось еще на 22 %². Конечно, это напрямую не связано с тематикой, предложенной автором в названной выше статье, однако глупо отрицать, что науку развивают не законы, а подчиняющиеся им ученые, в том числе молодые. В результате концептуальные рассуждения на тему развития науки должны, на наш взгляд, строиться на двух основных направлениях: идеологическом воспитании ученого и его материально-финансовом обеспечении. На их анализе остановимся подробнее.

Первое и главное, с чего хочется начать, — это создание условий для формирования и развития системы идеологического воспитания молодых ученых. Можно сколько угодно упражняться в словесных конфигурациях на тему стратегического развития научного прогресса, правильного нормирования научной деятельности, наукоемкости проводимых исследований и прочее. Это, безусловно, весьма важно. Однако наука развивается не на бумаге, а в умах ученых. Научные идеи рождаются и развиваются в головах исследователей, воспитанных и обученных в классических традициях научных школ. Под руководством состоявшихся ученых, которые, к слову, также в недавнем прошлом были молодыми и неопытными, должны: а) формироваться прежде всего мировоззренческие образы и представления, в том числе любовь к науке как таковой; б) закладываться умения и навыки использования методологического инструментария научных исследований, который бы реально ими использовался для изысканий, а не для банального неосознанного перечисления в автореферате диссертации; в) формироваться правильные цели и ценности, ориентирующие молодого ученого не к написанию диссертации, а к проведению исследования.

В этом контексте крайне важным видится закрепление на законодательном уровне института научного наставничества на протяжении длительного периода, включающего в себя не только первоначальный, но и последующие этапы развития профессионального правосознания, ориентированного на переход к научному правосознанию. Идея заключается в перманентном сопровождении молодого ученого, направлении и корректировке его деятельности, стимулировании научной активности, психологической и интеллектуальной поддержке со стороны опытного наставника.

Представляется, что эти на первый взгляд во многом идеализированные и в некотором роде абстрактные идеи должны быть положены в основу работы с конкретными учениками столь же конкретными учителями. Только в этом случае, на наш взгляд, есть основание говорить о некоей трансформации современных подходов к развитию науки. Осознаем, что сказанное будет подвергнуто критике: мол, легко рассуждать об идеале, достичь которого нужно в реальном мире, если не здесь и сейчас, то хотя бы в отдаленном будущем. Возражая на это гипотетическое замечание, отметим, что лишь создание идеальной модели через идеализированные образы может способствовать формированию представления о реальном механизме идеологического воспитания³, которое, как нам кажется, может быть эффективным лишь до определенной степени.

Дело в том, что погружение в иллюзии может быть опасным: не критичное отношение к «тому, что должно быть», не включающее рассмотрение «того, что есть», приводит к трагедиям в жизни и определенного человека, и общества в целом. Искусственные идеалы не смогут прижиться в нем, учитывая, что каждый из нас сверяет себя с личным идеалом. Только во взаимодействии люди способны выявить общий идеал. Он постоянно изменяется, дополняется, а значит, остается живым и соответствующим человеку, живому и непостоянному. Идеал — эталонный портрет «лучшего «я»» существует, по словам Э. В. Ильенкова, лишь в воображении, но является мерилем его поведения. При отсутствии такого идеала человек «остался бы рабом «существующего»», не смог бы вырваться из оков реальной жизни. Ему необходимо мечтать и видеть перед собой цель своих действий, чтобы в итоге стать своим идеалом. По достижении одной вершины ставить для себя следующие цели для преодоления другой. В этом случае

¹ Число защит кандидатских диссертаций в РФ сократилось более чем на 60 % за 12 лет — Садовничий URL: <https://msu.ru/press/smiaboutmsu/chislo-zashchit-kandidatskikh-dissertatsiy-v-rf-sokratilos-bolee-chem-na-60-za-12-let-sadovnichiy.html> (дата обращения 28.05.2025).

² Количество диссертаций в России за год сократилось на 22 %. Как реформа высшего образования повлияла на активность аспирантов. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/02/2024/65d49b5f9a79474bfaa9e935 (дата обращения 28.05.2025).

³ Гуманитарный портал. Моделирование. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/> (дата обращения: 01.06.2025).

он сможет вырваться из цепей обыденного и взлететь над ограничивающими его внешними обстоятельствами¹.

Здесь следует перейти к более приземленным, но не менее значимым проблемам, а именно совершенствованию законодательства о науке в части материального обеспечения ученых. Сформировавшийся исследователь, даже фанатично преданный своему делу, рано или поздно приходит к мысли о цели своей деятельности, ее значимости для общества и, что не менее важно, для своей семьи и для себя лично. Финансовое состояние ученого имеет не менее важное значение, нежели научная значимость результатов его работы, ведь осознание им самим «нужности» своих исследований складывается в том числе и из отношения государства к этому насущному вопросу, который, на наш взгляд, в настоящее время в полной мере не решен.

Если проанализировать, как менялось материальное стимулирование ученых в России с начала 20 века по настоящее время, можно заметить несколько отличительных периодов, в течение которых советское государство не просто обеспечивало финансовое благополучие представителей науки, но и фактически выделяло их в отдельную категорию граждан высокого ранга. Например, в 1920 году в Петрограде, а позже и в Москве была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых (далее — ЦЕКУБУ), в задачи которой входили учет и определение квалификации научных работников и деятелей искусства (квоты последних носили ограниченный характер); повышение материального уровня их жизни (выдача дополнительного продовольственного и денежного академического обеспечения, наделение товарами широкого народного потребления, в том числе предметами одежды), выработка и проведение в жизнь мероприятий по улучшению жилищных условий; премирование научно-учебных и научно-популярных работ; упрощение порядка выезда за границу и получения иностранной литературы. Уровень снабжения ученых зависел от их научной квалификации.

Оказание помощи научным работникам проводилось ЦЕКУБУ по двум линиям. По линии государственного бюджета реализовывались: выдача академического обеспечения и пособий научным работникам и членам их семей; премирование за научные труды; отдых научных работников в **специально образованных** санаториях под Москвой, Петроградом-Ленинградом, в Крыму и на Кавказе, социальное призрение в домах престарелых ученых в Москве и Петрограде (с 1924 Ленинграде); размещение приезжающих иногородних и иностранных ученых, участников научных съездов и конференций в общежитии в Москве на льготных условиях; открытие специальных Домов ученых, деятельность которых была направлена на культурное объединение научных работников. По линии хозяйственных расчетных предприятий работала Жилищная секция, задача которой заключалась в обеспечении научных работников площадью и организация жилищно-строительных кооперативов (во второй половине 1920-х гг.); Книжный отдел, при содействии которого научные работники имели возможность пользоваться иностранной литературой и приобретать ее на льготных условиях; столовая в Доме ученых, где научные работники с семьями могли питаться по удешевленному тарифу; Клуб, где для ученых устраивались литературно-музыкальные вечера, доклады, диспуты, лекции, концерты².

Иными словами, в числе первых решений молодого советского государства было стимулирование ученых, их кастомизация и всестороннее обеспечение при том, что СССР еще не был образован и многие проблемы государственного устройства стояли довольно остро.

Вторым ярким этапом явились послевоенные годы, когда в полуразрушенной стране одним из первых было принято решение о дополнительном стимулировании научных сотрудников в зависимости не только от занимаемой должности и уровня организации, но и от результатов³. Пожалуй, с этого времени и до начала 90-х годов XX века ученые относились к элите нашего общества, что проявлялось не только в уважении и почитании, но и в финансовой поддержке, социальных гарантиях.

Одной из задач совершенствования законодательства о науке на современном этапе является, на наш взгляд, создание системы социальных гарантий, включающих в себя не только кратное по отношению к нынешнему увеличение финансирования труда ученых, но и оказание иных мер поддержки: льготное кредитование, предоставление путевок на отдых, оплата проезда для участия в научно-представительских мероприятиях, пенсионное обеспечение.

¹ Урядова В. В. Понятия «идеал» и «идеальное» в творчестве Э. В. Ильенкова // Общество: философия, история, культура. 2019. № 5 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-ideal-i-idealnoe-v-tvorchestve-v-ilyenkova> (дата обращения: 01.06.2025).

² Большая Российская энциклопедия. Центральная комиссия по улучшению быта ученых. URL: <https://bigenc.ru/c/tsentral-naia-komissii-po-uluchsheniiu-byta-uchionykh-80f970> (дата обращения: 03.06.2025).

³ Кулагин А. С. За что и как платить ученому: прошлое, настоящее, перспективы // Инновации. 2015. № 10. С. 8–22.

Ни для кого не секрет, что написание диссертации, особенно докторской, сопровождается внутренним вопросом: «Зачем?». Разумеется, не ради того, чтобы получать ежемесячную доплату в несколько тысяч рублей на фоне трат за поездки на конференции с проживанием в гостиницах за свой счет, оплатой проезда оппонентов и одаривания их подарками, оплаты финансовых затрат на защиту той самой диссертации, которые составляют порой несколько сотен тысяч рублей. Отвечая на этот трудный вопрос, он стремится раскрыть себя в новом качестве, обрести статус ученого и, возможно, заслужить признание научного сообщества. Но дело даже не в этом. Проводя исследование, ученый должен быть спокоен и уверен в завтрашнем дне и правильности своего пути, а государство в лице законодателя должно обеспечить его и членов семьи всем необходимым вплоть до самой старости.

К сожалению, в настоящее время отмечается инертность законодателя в этом вопросе. Молодые люди неохотно идут в науку, не видя перспектив для своего развития. Талантливым исследователям нужна не только профессиональная и психологическая опора, о которой говорилось в начале статьи, но и достойная финансовая поддержка, которая бы позволила ему думать о науке, а не о том, как взять, а потом погасить ипотеку и почему его дети не ездят на море.

Как убедить ребенка войти в холодную воду... Как убедить студента заняться наукой... Как убедить законодателя обратить внимание на наши проблемы...

Бондарь Елена Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры административного права и процесса
Нижегородской академии МВД России

К вопросу о концептуальном совершенствовании законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации

Написание данной статьи обусловлено предложением обсуждения проблем реформирования законодательства, затрагивающего вопросы инновационного развития в научной сфере, высказанном в публикации Председателя Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию С. В. Кабышева¹. Автор рассматривает критически важные вопросы, касающиеся совершенствования законодательства в сфере науки и технологий в России. С. В. Кабышев справедливо акцентирует внимание на роли науки как ключевого фактора обеспечения суверенитета, безопасности и благополучия страны, особенно в условиях текущих исторических вызовов. Статья представляет собой не просто констатацию проблем, но и призыв к их активному обсуждению и поиску конкретных решений по их устранению.

Актуальность данной тематики обусловлена тем, что обсуждаемые в статье вопросы находятся в центре внимания государственной политики и научного сообщества. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309², Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (далее — Стратегия)³, Указ Президента Российской Федерации от 15 марта 2021 года № 143⁴, а также современная геополитическая ситуация — все это подчеркивает необходимость в переосмыслении подходов к регулированию научной сферы. Так, Стратегия содержит три этапа развития места науки в российском обществе: 1991–2001, 2002–2021, с 2022 по

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex Russia. 2025. Т. 78. № 2. С. 132–142.

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309. Доступ из СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=475991&rnd=Wvosqg#rdW44nUM7n5Hzl1p> (дата обращения: 13.06.2025).

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=470973&dst=100000001&cacheid=5F3EBD006D82FAA6AD919690013C98A4&mode=splus&rnd=yvB14nUiiFnzbtT#dFF54nUqk1hPVfRO> (дата обращения: 13.06.2025).

⁴ О мерах по повышению эффективности государственной политики в области научно-технологического развития: указ Президента Российской Федерации от 15 марта 2021 года № 143 (ред. от 16 января 2025 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=496265&cacheid=5C1E8A3C455718242F8F2DBD537AC06F&mode=splus&rnd=Wvosqg#YNQG4nUoEQIsA0WU1> (дата обращения: 13.06.2025).

настоящее время. Современный этап можно определить как период резкого подъема в развитии науки и технологий в разных отраслях российской экономики в условиях беспрецедентных санкций, введенных против Российской Федерации рядом зарубежных стран, с одной стороны, и невероятной консолидации как физических, так и юридических лиц, в целом всего нашего общества для решения стоящих перед нашим обществом и государством задач и противостоянию действительным угрозам.

С. В. Кабышев, подчеркивая историческую роль науки в Российской Федерации как института служения Отечеству, комплексно рассматривает широкий спектр вопросов: от философских и методологических до организационных и финансовых, что, безусловно, позволяет сформировать целостное представление о проблемах и перспективных целях, стоящих перед обществом, и лучше понять современные вызовы и задачи. Автор четко формулирует ключевые вопросы, требующие решения, что облегчает дальнейшую дискуссию и поиск конкретных предложений.

На основе анализа вышеупомянутой статьи и с учетом современных реалий можно сформулировать следующие тезисы, направленные на качественное преобразование правовых норм о науке и технологическом развитии.

Пожалуй, сразу обращают на себя внимание наименование и круг общественных отношений, образующих предмет правового регулирования. В этой связи вместо дуалистического наименования закона¹ представляется более уместным применить более широкую формулировку: «О государственной политике в области науки и научно-технологического развития». Это позволит охватить весь спектр вопросов, связанных с наукой и технологиями, и избежать акцента на управленческом воздействии на науку как таковую.

Необходимо четко определить соотношение предмета регулирования закона о науке и закона о промышленной политике, чтобы избежать дублирования и противоречий.

Далее предлагаем остановиться на методологических аспектах, а именно считаем важным придать закону о науке системообразующее значение, обеспечив коллизионный приоритет в соответствующей сфере. Это потребует внесения изменений в другие отраслевые законы, чтобы обеспечить согласованность, преемственность и непротиворечивость законодательства.

Также заслуживает внимания терминология законодательства.

Представляется необходимым раскрыть содержание новых конституционных понятий, таких как «единая социально ориентированная государственная политика в области науки», «научный потенциал Российской Федерации» (ст. 114 Конституции Российской Федерации), «основы федеральной политики в области научно-технологического развития» (п. е ст. 71 Конституции Российской Федерации), так как отсутствие четких определений порождает правовую неопределенность и существенно затрудняет практическую правоприменительную деятельность и реализацию государственной политики в сфере науки.

Следующий значимый вопрос — введение и использование в законодательные конструкции правовых норм новой терминологии, определяющих независимость и суверенитет Российской Федерации как в научной сфере в целом, так и в реализации индивидуальных научно-технологических проектов в частности (например, «научно-технологическое лидерство»). Похожий термин — «технологическое лидерство» появился в последней редакции Указа Президента Российской Федерации от 16 января 2025 года², однако его содержание не раскрыто, что снижает его практическую ценность.

Содержание новых дефиниций должно быть четко определено, понятно, не вызывать сложности для правоприменителя (например, «территории с высоким научно-технологическим потенциалом» — термин, появившийся в Стратегии, не имеющий конкретной формулировки). Это позволит избежать разночтения и обеспечит единообразие и преемственность этих понятий при реализации госполитики в научной сфере.

¹ О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482824&dst=1000000001&cacheid=0B06582A9FA995E3F7E1934DB077FE4D&mode=splus&rnd=yvB14nUiiFnzbt#5wp34nUWv4n1Saj71> (дата обращения: 13.06.2025).

² О мерах по повышению эффективности государственной политики в области научно-технологического развития: указ Президента Российской Федерации от 15 марта 2021 года № 143 (ред. от 16 января 2025 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=496265&cacheid=5C1E8A3C455718242F8F2DBD537AC06F&mode=splus&rnd=Wvosqg#YNQG4nUOeQIsA0WU1> (дата обращения: 13.06.2025).

Для реализации этого направления деятельности Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в апреле 2025 года приняты Методические рекомендации, призванные оказать содействие российским научным и взаимодействующим с ними организациям в создании центров трансфера технологий и в повышении эффективности их работы¹ а также создана Комиссия по научно-технологическому развитию Российской Федерации, на которую возложен ряд функций, носящих как административный характер (таких как координация деятельности заинтересованных сторон и участников), так и финансовый аспект, связанный с согласованием предложений по распределению бюджетных ассигнований.

Ряд предложений касаются кадровой политики и финансирования научных изысканий.

1. Рассмотреть возможность определения аспирантуры и адъюнктуры в качестве отдельного элемента (уровня) образования, делая акцент именно на исследовательском направлении. В период реформирования правового регулирования деятельности аспирантуры высказывались критические замечания по ряду важных аспектов. Так, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации профессор МГУ В. С. Сенашенков в своей статье «О ключевых положениях реформы аспирантуры в 2020 году»² пришел к выводу о важности вопроса и необходимости серьезной доработки законопроекта.

2. Совершенствовать систему научной аттестации. На эту проблему также обращали внимание многие авторы³. В будущем возможны разработка и использование какого-либо инструментария, позволяющего исключить субъективизм и необъективную оценку научных изысканий.

3. Продумать качественные механизмы анализа подготовки необходимого количества научных кадров с выделением бюджетных ассигнований на приоритетные и важные на данном этапе для государства и общества направления и проекты. Так, сейчас достаточно остро ощущается потребность в естественно-научных исследователях, в том числе в области медицины, разработки и внедрения новых лекарственных средств.

4. Гарантировать бюджетное финансирование науки на уровне федерального закона.

5. Поощрять участие субъектов предпринимательской деятельности в развитии и эффективном использовании научного потенциала Российской Федерации.

6. Проработать организационно-правовой механизм взимания с определенной категории хозяйствующих субъектов налоговых платежей в целях государственной финансовой поддержки науки, инноваций, прорывных технологий.

7. Выявлять талантливое подрастающее поколение начиная со школьной скамьи, предоставлять им возможности обучения и развития по сверхшкольной образовательной программе в современных технологичных кластерах при ведущих образовательных организациях по различным направлениям, что в дальнейшем должно стать залогом построения успешной, престижной и высокооплачиваемой карьеры в области инноваций, науки и технологии.

Для успешной реализации многих прорывных идей и совершенствования законодательства важно учитывать также положительный зарубежный опыт, развивать международное сотрудничество. Для этого необходимо учитывать баланс взаимодействия национальных интересов, с одной стороны, и разумный контроль — с другой, в целях предотвращения утечки значимых научных результатов и технологий.

Таким образом, тезисы, изложенные нами выше в рамках обсуждения проблем совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии нашей страны, могут стать отправной точкой для дальнейшей работы по разработке нового федерального закона, который будет соответствовать современным вызовам и задачам, стоящим перед Российской Федерацией.

¹ Методические рекомендации по созданию и развитию центров трансфера технологий в образовательных организациях высшего образования и научных организациях (23 апреля 2025 года № МН-14/1584-ОП). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=504402&cacheid=4C2CA343600FEBEE6F1CDE5A7F7FFC7D&mode=splus&rnd=Wvosqg#58zK4nU90PFhR8eQ> (дата обращения: 13.06.2025).

² Физический факультет МГУ. URL: [https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2020/02\(143\)-2020/27869/#:~:text=В%20соответствии%20с%20Федеральным%20законом,кадров%20высшей%20квалификации%20по%20программам](https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2020/02(143)-2020/27869/#:~:text=В%20соответствии%20с%20Федеральным%20законом,кадров%20высшей%20квалификации%20по%20программам) (дата обращения: 13.06.2025).

³ См., напр.: Петров М. П., Логинова Е. А., Пахомов С. И. Развитие системы государственной научной аттестации в России в контуре права самостоятельного присуждения ученых степеней: инструменты, результаты и дальнейшие шаги // Управление наукой и наукометрия. 2024. № 1.

Аврамцев Владимир Владимирович,
кандидат психологических наук, доцент, профес-
сор кафедры психологии и педагогики Нижегород-
ской академии МВД России;

Коннов Иван Александрович,
кандидат политических наук, доцент, доцент
кафедры правового обеспечения национальной
безопасности, Нижегородского института управле-
ния — филиал РАНХиГС;

Наумов Сергей Иванович,
старший преподаватель кафедры психологии и пе-
дагогики Нижегородской академии МВД России;

Капитанова Надежда Валентиновна,
старший преподаватель кафедры психологии и пе-
дагогики Нижегородской академии МВД России

Традиционные российские духовно-нравственные ценности как основа формирующейся национальной идеологии и правовой стержень российского образования и науки

Государственная политика по сохранению и укреплению российских традиционных духовно-нравственных ценностей реализуется по различным направлениям, включая образование, науку и воспитание. Конституция Российской Федерации (п. 4 ст. 67.1) фиксирует обязанности государства по созданию условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Важность традиционных ценностей в развитии Российской Федерации признают 58 % граждан страны, 49 % граждан совершенно убеждены в необходимости для Российской Федерации вернуться к традиционным духовно-нравственным ценностям, испытанным временем¹.

Включаясь в дискуссию относительно возможных перспектив развития законодательства о науке, о вариантах иного формата развития отношений с социальными регуляторами, мы хотим остановиться на необходимости патриотической мобилизации российского образования и науки. Данный посыл является актуальным и потому, что в утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации современный этап определяется на уровне мобилизационного развития. В связи с этим формируется направление для снижения негативных проявлений, связанных с несогласованием приоритетных целей научно-технологического скачка и инструментов его поддержки, разобщенностью единого инновационного цикла. Особое внимание уделяется ценностно-мотивационной сфере, желательности взращивания сообщества российских ученых в патриотическом направлении, с увеличением чувства ответственности за планируемые результаты².

В соответствии со статьей 13 Конституции Российской Федерации в России признаются политическое и идеологическое многообразие, многопартийность, равенство общественных объединений перед законом без каких-либо ограничений³.

Когда мы говорим об идеологии, то следует отметить, что понятие «идеология» в современной литературе и в научных исследованиях имеет множество дефиниций и смысловых оттенков своего определения. Об актуальности идеологии, например, уместно вспомнить высказывание Э. Шпрангера: «Настоящая идеология является выражением того, ради чего человек живет»⁴.

¹ См.: Рудакова О. Н. Правовое обеспечение традиционных ценностей как основы конституционных ценностей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 97.

² См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 130–140.

³ Конституция Российской Федерации (с изменениями от 1 июля 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.05.2025).

⁴ Алексеев М. Понятие идеологии. Москва, 2003. С. 56.

В ракурсе подходов других ученых идеология представляет собой совокупность концептуально оформленных идей, формирующих и выражающих культуру и мировоззренческо-нравственные ориентиры различных субъектов политики. В данном случае понятия «идеология», «ценности» употребляют как синонимы¹.

В нашем понимании идеология — это совокупность высших ценностей, влияющих на жизнедеятельность членов общества и направляющих их поведение на достаточные представления о должном и запретном, о добре и зле, о равнозначном восприятии идеального общества и человека².

При определении традиционных российских духовно-нравственных ориентиров, заложенных в фундамент отечественных парадигм, обратимся к Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — Основы), которые утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809³.

Названный Указ постулируется как основа стратегического планирования сферы национальной безопасности Российской Федерации и закрепляет идеологическое восприятие интеллектуально-волевой и духовной сферы нашего общества, завершая формирование целостной государственной идеологической системы⁴.

В Основах обращается внимание на деструктивное идеологическое воздействие на граждан Российской Федерации, провоздимое США и другими недружественными государствами, и отмечается, что психологическое воздействие на граждан ведет к навязыванию разрушительной для российского общества деструктивной идеологии. Эта система идей и ценностей включает в себя культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи под влиянием образцов свободных сексуальных отношений⁵, приводящих к вырождению нации.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности представляют собой нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К ним относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России⁶.

Традиции как основа формирования российских духовно-нравственных ценностей и мировоззрения в целом передают основополагающие ценности, образцы поведения, мировоззренческие установки из поколения в поколение⁷.

Опираясь на Конституцию Российской Федерации (11 из 17 ценностей прямо упоминаются в Конституции) и на научные источники, раскроем их смысл как системы идей, которые формируют и выражают интересы, мировоззрение и идеалы российского общества, противостоят ценностям деструктивной идеологии. Это чуждая российскому народу и разрушительная для российского общества система идей и ценностей, включающая в себя, как уже говорилось, культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание традиционных российских духовно-

¹ Пляйс Я. А. Система духовно-нравственных ценностей как национальная идеология и основа отечественного гуманитарного образования и воспитания // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (6). С. 7.

² Малиева Т. И., Бекоева Д. И., Джанаева З. К. К вопросу о соотношении понятий: идеология и ценность // Альманах современной науки и образования. 2015. № 6 (96). С. 7.

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.05.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. Москва: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.

нравственных ценностей. Именно эту — деструктивную идеологию использует Запад в рамках гибридной войны против нашей страны. С ее помощью реализуется проект по стимулированию внутреннего терроризма в России.

Чтобы победить в этой современной идеологической войне, нужно противопоставить деструктивной идеологии свою систему идей и ценностей. Необходимо продвигать и развивать традиционные российские духовно-нравственные ценности, которые станут основой Идеологии Жизни и Достоинства человека, идеологии развития его творческого потенциала.

По нашему мнению, наступило время для создания правовой основы государственной идеологии. И для этого есть законные основания.

Во-первых, согласно пункту 1 статьи 13 Конституции Российской Федерации: «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие» и мы вполне законно можем пропагандировать и развивать систему традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основу Идеологии Жизни и Достоинства человека, идеологии развития его творческого потенциала.

Во-вторых, «Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей» (п. 9 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей).

В-третьих, как уже сообщалось, 11 из 17 традиционных российских духовно-нравственных ценностей упоминаются в действующей Конституции в статьях или в преамбуле.

Таким образом, имеются предпосылки для переосмысления пункта 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹.

Итак, перейдем к анализу содержания традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

1. Жизнь — деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях². Жизнь — это наивысшая ценность: «каждый имеет право на жизнь»³. Государство, которое видит жизнь как высшую ценность, безусловно, должно сохранять ее в самых глубинных основаниях. Следовательно, каждый спектакль, фильм, любая книга, получившая право издаваться на территории России, в случае, если она ведет нас к гибели, если учит нас разврату, если призывает нас к суициду, к разочарованию в жизни, то это означает, что она издается против жизни и противоречит ценности «жизнь». В таком случае государство становится государством жизни.

2. Достоинство представляет выстраивание своих высокоморальных качеств и уважение их в самом себе⁴. «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»⁵. Развитое достоинство является показателем устремления личности к нравственному идеалу.

3. Право на свободу для человека неотчуждаемо и принадлежит каждому от рождения⁶. Оно направляет человека к нравственному выбору между добром и злом, определяет его духовно-ценностное развитие. Свобода объясняет право выбора стать достойным человеком.

4. Патриотизм воспринимается как преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу⁷. Отечество — это то, за что человек способен пожертвовать своей жизнью. Патриот — это человек, который знает историю своей страны, придерживается ее культуры, готов защищать то, что для него дорого и свято. Патриотизм отождествляется в определенном смысле с идеологией. И государство приобретает те ценности, которые необходимо охранять в мирное и военное время, защищать их. Патриотизм воспитывается, он не рождается сам по себе и поэтому образование и культура и даже наш быт должны нести в себе отчетливый патриотический вектор.

¹ URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2025).

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 194.

³ Статья 20 Конституции Российской Федерации (с изменениями от 1 июля 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.05.2025).

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. С. 177.

⁵ Статья 21 Конституции Российской Федерации (с изменениями от 1 июля 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.05.2025).

⁶ Статья 17 Конституции Российской Федерации (с изменениями от 1 июля 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.05.2025).

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. С. 496.

5. Гражданственность по Конституции определяется следующим образом: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей»¹. Гражданственность как индивидуальная позиция человека, выражающаяся в глубоком осознании принадлежности к обществу, в котором он живет, осознанное участие в управлении государством посредством данных ему прав и свобод. Основу гражданственности составляет внутренняя ответственность гражданина за судьбу Отечества. Гражданственность подразумевает уважение к обществу и государству, его символам и законам.

6. Служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Отечество — страна, где человек родился и к гражданам которой принадлежит². «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации»³. Служба Отечеству строится на основе морально-нравственной убежденности в священном долге перед Родиной, принятии на себя обязательства защищать ее даже ценой собственной жизни.

7. Развитие нравственных идеалов. Нравственность проявляется через духовные качества, которыми руководствуется человек, и выражается в правилах поведения⁴. Идеал составляет высокую цель деятельности, устремлений⁵. Высокие нравственные идеалы показывают уровень сформированности духовно-нравственных ценностей, мотивирующих человека к достижению восприятия образа идеального «Я»⁶. основополагающими нравственными ценностями человека являются: доброта и благодарность, честность и искренность, достоинство и справедливость, верность, милосердие, надежда и любовь.

8. Семья — группа живущих вместе близких родственников⁷. Семья реализует важнейшую социализирующую роль, передавая традиции, культуру, отношение к обществу. Полноценная семья основана на взаимной любви, уважении, взаимопомощи и ответственности, опирается на равенство супругов в ответственности и обязанностях по укреплению союза, заботу и развитие детей, защищает права и интересы несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи⁸.

9. Созидательный труд. Труд — целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей⁹. Конституция наделяет каждого правом на свободный труд. Любой человек может выбирать профессию исходя из своих способностей и предпочтений. Созидательный труд предполагает непременно создание каких-либо ценностей (материальных или духовных), которые представляют собой позитивное нравственное начало. В данном смысле труд является одной из форм служения Отечеству.

10. Приоритет духовного над материальным всегда являлся фундаментальной ценностью российского общества. Россия как государство признает, что дух — это приоритет государственной политики, наша традиционная ценность, которую государство будет защищать, оберегать. Это означает, что духовное, культурное, идейное у нас становится частью государственной политики. Такое отношение существенно снижает значимость материального в системе иерархии мироприятия перед духовностью.

11. Гуманизм в философских взглядах проявляется в отношении к человеку как к высшей ценности. При выстраивании общественных отношений интересы и благополучие людей имеют первостепенное значение во всем многообразии трудностей. Как духовное проявление цивилизованного подхода, он проявляется как этическая составляющая, духовная ценность, уважительное отношение к достоинству личности, равенство, справедливость, защита от зла и насилия¹⁰. Гуман-

¹ Статья 32 Конституции Российской Федерации (с изменениями от 1 июля 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.05.2025).

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. С. 470.

³ Статья 59 Конституции Российской Федерации (с изменениями от 1 июля 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.05.2025).

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. С. 423.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Цыбизов Е. А. Краткие определения традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Государство, общество и церковь: национальное единство и традиционные духовно-нравственные ценности. Новосибирск, 2023. С. 187.

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. С. 711.

⁸ Кашкина Е. В. Уголовно-правовая охрана «крепкой семьи» как элемента традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Российский судья. 2024. № 5. С. 25.

⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. С. 814.

¹⁰ Щупленков Н. О. Гуманистическое содержание духовности // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12-2(67). С. 175.

ность российских традиций опирается на человеколюбие, стремление к заботе о благосостоянии каждого на основе выстраиваемых отношений.

12. Милосердие как готовность помочь или простить кого-то из сострадания¹ выражается в искреннем желании бескорыстно помочь ближнему и развивается как духовное качество человека.

13. Справедливость как важнейшая традиционная ценность русского народа означает готовность действовать беспристрастно, добиваться истины², вознаграждаться по заслугам с едиными критериями оценки.

14. Коллективизм как принцип общности, группового начала в общественной жизни, в трудовой деятельности направляет членов коллектива сделать моральный выбор между общественным или личным интересом в пользу первого и формирует готовность поступаться личным благом при наличии выбора³.

15. Взаимопомощь и взаимоуважение выстраивается на стремлении оказать помощь нуждающемуся, основываясь на доверительном отношении и чувстве благодарности. Взаимная поддержка проявляется в оказании безвозмездной помощи с опорой на личное уважение и обоюдном непротиворечивом восприятии разнонаправленных особенностей другого человека.

16. Историческая память и преемственность поколений должны формировать сохранность в памяти молодого поколения значимых исторических дат и традиционную культуру с опорой на фундаментальность существования нации для последующей передачи будущему поколению. Формируется чувство любви и уважения к своей малой и большой Родине за великие подвиги своего народа и передаются духовно-нравственные ориентиры, аккумулированные за все предшествующие поколения.

17. Единство народов России формируется в виде традиционной общности русских людей, населяющих общую территорию, как основу державы, в языковом и культурном развитии с другими народами. Это и создало невероятное богатство нашей истории⁴. Подобная сплоченность России является фундаментом российской государственности.

Обобщая сказанное, обратим внимание на то, что традиционные российские духовно-нравственные ценности определены в качестве нравственных мировоззренческих ориентиров, сформированных поколениями многонационального народа и проявляющихся в духовной, исторической и культурной общероссийской идентичности. И поэтому можно с достаточной определенностью сказать, что содержание, смысл и назначение традиционных российских духовных ценностей позволяют адаптировать их к потребностям формирования основ российской государственной идеологии как системе концептуальных взглядов, формирующей ценности, интересы, мировоззрение разных субъектов политики. Государственная идеология, базирующаяся на системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, — это основа развития страны, развития российского образования и науки.

Идеология и ценности связаны между собой генетически. Все варианты идеологии, оставившие значительный след в истории человечества, так или иначе выросли из ценностных идей. Идеология с ценностями связана воедино, они дополняют друг друга в выстраивании солидарных связей: горизонтальных (ценностных), вертикальных (идеологических) и исторически-временных (ценностно-идеологических)⁵.

На протяжении истории Российского государства именно духовно-нравственные ценности были крепкой основой для преодоления возникающих трудностей и угроз. В то же время игнорирование духовно-нравственных ценностей стало источником растущей гражданской пассивности, что ослабило государство и общество. Считаю, что в настоящее время назрела глубокая научная проработка самого понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности» и признания его как специального юридического термина, который может рассматриваться в качестве родового понятия при подготовке изменений во все отрасли законодательства. Полагаем, что традиционные российские духовно-нравственные ценности должны рассматриваться исключительно как правовая категория.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. С. 356.

² Там же. С. 757.

³ Бакланова О. А. Специфика исследования коллективизма как базового типа социального бытия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2012. № 1. С. 21.

⁴ Дугин А. Азбука традиционных ценностей. Серия XIV. Единство народов России. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/azbuka-tradicionnyh-cennostey-seriya-xiv-edinstvo-narodov-rossii> (дата обращения 25.05.2025).

⁵ Малиева Т. И., Бекоева Д. И., Джанаева З. К. К вопросу о соотношении понятий: идеология и ценность // Альманах современной науки и образования. 2015. № 6 (96). С. 8.

Боголюбов Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Законодательство об эколого-правовых научных исследованиях

Объединение в научных исследованиях экологической и юридической тематики делает их эколого-правовыми, где обнаруживаются общие черты, свойственные иным научным поискам, но и особенные, более присущие эколого-правовому изучению комплексного, интегрирующего экологического права, объединяющего природоохранную, природоресурсную подотрасли, а также экологизированные нормы других отраслей российского права.

Эколого-правовые исследования направляются на создание благоприятных природных условий жизнедеятельности населения; юридический цех экологии, как и экологический раздел юриспруденции, содействует правовому воспитанию, развитию системы экологического образования граждан, экологической культуры, формированию в обществе ответственного отношения к животным в соответствии с поправками к статье 114 Конституции Российской Федерации 2020 года.

Осуществляемое в законодательстве об охране окружающей среды усиленное, более подробное регулирование эколого-правовых исследований объясняется относительной молодостью экологического права, попытками ускоренного его развития в целях догнать, а, по мнению члена-корреспондента Российской академии наук О. С. Колбасова, и во-многом заменить традиционные отрасли права¹, ухудшением экологической ситуации.

Уже в первом комплексном природоохранном Законе РСФСР от 27 октября 1960 года «Об охране природы в РСФСР» предусматривалась статья 17 «Научно-исследовательская работа по проблемам охраны природы», согласно которой научно-исследовательским учреждениям, вузам предписывалось включать в планы научных работ темы по охране природы, проводить систематическое изучение допустимых норм использования природных ресурсов, возможных путей их воспроизводства.

В Законе Российской Федерации от 19 декабря 1991 года «Об охране окружающей природной среды» предусматривался раздел XI «Экологическое воспитание, образование, научные исследования» со статьей 77 «Научные экологические исследования», в которой определялись субъекты, направления и области исследований, формы научной деятельности ученых и специалистов научных учреждений.

Были названы примерные, достаточно новые, взаимные обязательства экологической науки и общества на ближайшее время и на перспективу, но правовые требования к исследованиям оказались достаточно размытыми, неконкретными, не во всем соответствующими требованиям юридической техники и здравого смысла. Сложно было определять необходимые условия, эффективность исследований, а также, что следует за неисполнением требований. Понятно, что любое регулирование науки не может охватить все ее направления, призвано лишь наметить основные вехи научного поиска, стимулировать либо обременить его новыми правоотношениями.

Первые комментаторы Закона рассчитывали на предусмотренное в нем должное финансирование, материально-техническое обеспечение эколого-правовой науки, ответственность работающих в ней ученых, а также участников государственной и общественной экологической экспертизы (носящей научный характер)². Не все их ожидания подтвердились.

В действующем Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7 «Об охране окружающей среды» (далее — ФЗ № 7) выделена глава XII «Научные исследования в области охраны окружающей среды», состоящая из одной статьи 70, повторяющей заголовки главы, в которой называются цели экологических научных исследований, характеризующие уровень экологической науки, условно разделяемые на общие и специальные.

К общим целям научных исследований в области охраны окружающей среды отнесены: 1) социальное, экономическое и экологически сбалансированное развитие Российской Федерации;

¹ Колбасов О. С. Завещание экологам // Журнал российского права. 2000. № 5.

² См.: Охрана окружающей природной среды. Постатейный комментарий к Закону России / под ред. В. П. Ворфоломеева, В. В. Петрова. Москва, 1993. С. 166–167.

2) создание научной основы охраны окружающей среды; 3) разработка научно обоснованных мероприятий по улучшению и восстановлению окружающей среды, обеспечению устойчивого функционирования естественных экологических систем, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности.

К специальным целям научных исследований в области охраны окружающей среды (часть вторая статьи) можно отнести разработку концепций, научных прогнозов, планов сохранения и восстановления окружающей среды; оценку последствий негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду; совершенствование законодательства, создание нормативов, государственных стандартов, иных нормативных документов; разработку и совершенствование показателей комплексной оценки воздействия на окружающую среду, способов и методов их определения; разработку и создание наилучших технологий, программ реабилитации территорий, мероприятий по сохранению и развитию природного и рекреационного потенциала Российской Федерации; иные цели в области охраны окружающей среды: достижение каждой цели не может обходиться без правового сопровождения, эколого-правовых исследований.

Формулировка об «иных целях» свидетельствует, что перечень вышеуказанных задач-целей является примерным и служит лишь ориентиром для проектирования эколого-правовых исследований. Рыхлость указанных положений ФЗ № 7 снижает их регулирующее и, главное, дополнительное (по отношению к общим правилам¹) воздействие.

Отмеченные направления эколого-правовых исследований, предусмотренные в законах, мало служат созданию правоотношений, но используются в качестве векторов развития эколого-правовой науки. Чем определяется информационная, воспитательная, прогностическая, дидактическая — положительная функция законодательства, реализация которой зависит от атмосферы научных поисков в обществе? Его отношением к ученым, хотя они (парадокс) должны составлять его наиболее авторитетную, влиятельную часть.

Отсюда возникают общие вопросы: «Насколько законодательство о научных исследованиях может воздействовать на них?». На результативность эколого-правовых, как и иных научных исследований, влияют состояние бюджета, запросы общества, необходимость усиления на основе науки предупреждения, преодоления загрязнений окружающей среды, ее компонентов, их восстановления. Попытки законодательного регулирования направлений исследований носят позитивный характер, но нуждается ли оно в придании нормам о контурах исследований конкретности, категоричности, установлении и неотвратимости санкций?

Наиболее важной представляется стимулирующая, экономическая функция законодательства о науке, которая посредством национальных предписаний, международных рекомендаций призвана создавать надлежащую социальную среду исследований в области правовой охраны окружающей среды, реального внедрения их полезных результатов; при помощи законодательства можно успешнее решать проблемы организации научных исследований, поддержки их государством.

Эколого-правовые исследования нуждаются в привлечении к ним внимания лиц, занимающихся законотворчеством, правореализацией. В условиях охватившего депутатов, большинство населения правотворческого зуда центр эколого-правовых научных исследований желательно перенести с законодательных новелл (что было оправдано в XX веке с сотней законов) на рассмотрение проблем правоприменения, когда в условиях принятых более десяти тысяч федеральных законов обнаруживаются коллизии, неопределенности, и задача науки видится не столько в увеличении числа актов, а в обеспечении их реализации, выявлении причин слабого действия, выработке предложений по совершенствованию правоприменения.

Не полностью воздействует законодательство на востребованность современным истеблишментом эколого-правовых исследований; бурное федеральное, региональное законотворчество не всегда прислушивается к рекомендациям науки, не использует должным образом результаты теоретических с использованием эмпирики работ, апробированные приемы повышения результативности природоохранного регулирования; игнорирование научных разработок, а в ряде случаев пренебрежение ими не отвечает уровню экологических вызовов и угроз, мировым трендам.

Может ли и в какой мере законодательство о научных исследованиях, внедрении их результатов увеличивать содержательность, а также посещаемость научно-практических конференций работниками системы органов публичной власти (если они не стремятся обрести научные квали-

¹ О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон № 127 от 23 августа 1996 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2025).

фикационные степени), а завершаются порой почти не обсуждаемыми рекомендациями, судьба рассмотрения которых в заинтересованных инстанциях обычно не известна.

При вездесущности права не на все явления оно может решительно воздействовать, об эффективности науки граждане судят не столько по выработанным ею научным предложениям, проектам актов, сколько по уровню экологического правопорядка, состоянию природной среды. Как законодательство может воздействовать на то, чтобы научные рекомендации, продолжающие исследования, были новыми, осуществимыми без заимствования давних соображений о создании новых органов управления, провозглашении известных задач, целей, без внедрения механизмов их исполнения? Чтобы достаточное обоснованными стали предложения о законотворчестве, необходима объективная статистика правоприменения, серьезный анализ и обобщение его трудностей, причин недостаточной эффективности.

Законодательство мало влияет на актуальность, новизну, практичность, профессионализм, перспективы, востребованность обществом, отраслями народного хозяйства эколого-правовых научных исследований, которые представляют уникальный сплав естественно-научных и юридических знаний, поисков, предполагая улучшение как экологического, так и правового воспитания, мировоззрения, формирование представлений о законах объективных и рукотворных, о пределах действия норм права в отношениях общества и природы.

Предусмотренное в части 1 статьи 44 Конституции Российской Федерации гарантирование свободы научного и других видов творчества создает предпосылки законодательству о науке, отводя достаточно простора не только для регулирования, но и стимулирования научных исследований, понимания, поощрения их полезных для общества результатов.

Можно приветствовать высокопрофессиональное обсуждение проблем модернизации законодательства о науке в Российской Федерации и за рубежом¹ с рассмотрением и решением конкретных проблем повышения эффективности его применения, взвешенного и полезного расширения законодательного воздействия на них. Правоведы осуществляют научное обеспечение охраны родной природы в ожидании большей поддержки общества и государства, в том числе законодательными средствами.

Нестеров Евгений Александрович,

кандидат юридических наук, директор Юридического института Российского университета транспорта;

Репьев Артем Григорьевич,

доктор юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой теории права, гражданского права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта;

Репьева Анна Михайловна,

кандидат юридических наук, исполняющая обязанности заведующего кафедрой уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета транспорта

Развитие транспортной юридической науки и образования: современные реалии, предстоящие вызовы и перспективы

Во втором номере журнала *Lex russica* за 2025 год опубликована развернутая, содержательная статья Председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию С. В. Кабышева, посвященная концептуальным вопросам совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации. Одним

¹ Дубовик О. Л., Иванова А. Л. Проблематика и методология эколого-правовых исследований в ФРГ // Экологическое право. 2004. № 6; Систематизация и анализ концептуальных вопросов совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации дается в статье: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 132–142.

из стержневых положений обсуждаемой публикации, по нашему мнению, является тезис автора о фундаментальности принципа академической свободы, воспринимаемый им в неразрывной связке с необходимостью: во-первых, законодательного регулирования науки в целом, а во-вторых, соизмерения данного процесса с целями государственной политики¹.

Данные доктринальные позиции развивались в форме конкретного нормотворческого шага. В частности, примерно в одно время с выходом в свет указанной публикации, а именно 4 апреля текущего года, в Государственную Думу Российской Федерации от имени большой группы парламентариев (включая автора дискутируемой статьи) внесен законопроект, направленный на государственное регулирование образовательной деятельности, в части, касающийся платного обучения², оперативно принятый в первом чтении и на следующий день одобренный верхней палатой парламента (к моменту подготовки публикации).

Инициатива парламентариев объяснима. 6 февраля 2025 года на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию глава государства отметил необходимость в исключении чрезмерного платного набора по специальностям, направлениям подготовки высшего образования, на которые отсутствует спрос со стороны экономики и рынка труда. Во исполнение данного поручения и подготовлен указанный проект федерального закона «О внесении изменения в статью 55 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»» (далее — проект), который предполагает закрепление за Правительством Российской Федерации полномочий по установлению объемов, порядка и сроков приема на обучение по образовательным программам высшего образования на места с оплатой стоимости обучения физическими и (или) юридическими лицами за счет собственных средств организации, осуществляющей образовательную деятельность, в том числе средств, полученных от приносящей доход деятельности.

Позволим себе выразить некоторые сомнения в том, что посыл Президента Российской Федерации В. В. Путина интерпретирован целостно, и предлагаемая парламентариями новая модель повысит степень эффективности образования в общем и такого его сегмента, как юридическое, в частности. Единый, административно-командный подход к формированию объемов приема на обучение, не учитывающий специфику конкретной сферы общественных отношений (а мы помним, что ключевой критерий необходимости упрочения мер государственного регулирования, озвученный Президентом Российской Федерации, это «...отсутствие спроса со стороны экономики и рынка труда»), отрасли хозяйственных отношений, который может привести к дефициту квалифицированных кадров (например, транспортно-юридического профиля) и повышению напряженности на рынке труда.

Остановимся на аргументации сказанного применительно к особенностям подготовки юристов для транспортной сферы, что продемонстрирует не только текущую потребность в них со стороны работодателя, но и перспективную востребованность развития транспортно-правовой науки в целом, а главное необходимость в сохранении гибкой модели формирования объемов приема на обучение и возможность участия в ней образовательных организаций. Концептуально просматривается насущная необходимость в установлении контрольных цифр приема на бюджетные места для подготовки юристов-транспортников, что сегодня отсутствует. Обо всем по порядку.

Довод первый: адаптация правового регулирования к новым вызовам в политике и экономике. Цифровая экономика полностью изменила сферу транспорта: железнодорожного, воздушного, автомобильного, в особенности легкового такси. Появились новые услуги, инновационные бизнес-модели, выходят из тени участники отрасли (до недавнего прошлого, например, до 70 % участников рынка такси были нелегальными), возникают новые формы отношений. Высокими темпами развиваются умные транспортные системы, транспортные логистические коридоры. К 2030 году протяженность беспилотных автодорожных коридоров для грузового транспорта составит около 20 тысяч километров. При этом правовое сопровождение технических инноваций на транспорте существенно запаздывает: по-прежнему неурегулированными в достаточной мере остаются вопросы правового статуса беспилотных транспортных средств, обеспечения транспортной безопасно-

¹ См.: Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 136.

² См.: О внесении изменения в статью 55 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (в части государственного регулирования платного приема на обучение по образовательным программам высшего образования): проект федерального закона № 884102-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/884102-8> (дата обращения: 20.05.2025).

сти, функционирования систем надзора и контроля, ответственности за причиненный вред. Кроме этого, трансформирующаяся система государственного контроля и надзора в сфере транспорта, как и в целом государственного регулирования, должна быть перестроена в части принципов, методов и форм, аналогично произошедшей трансформации бизнеса при переходе на цифровую экономику. Данная модернизация потребует подготовки соответствующего кадрового ядра транспортных юристов для существенной ревизии нормативно-правовой базы транспортной отрасли и имплементации, современных норм в существующую систему права.

Довод второй: дефицит кадрового ядра юристов транспортного комплекса. Исходя из Концепции подготовки кадров для транспортного комплекса до 2035 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2021 года № 255-р кадровое обеспечение транспортной отрасли является одним из главных условий реализации стратегических направлений развития Российской Федерации. Для ее бесперебойной работы и развития транспортную систему необходимо обеспечить квалифицированным персоналом, в том числе путем подготовки кадров для сферы права. Ежегодно в транспортные вузы страны поступают почти 33 тысячи абитуриентов. При этом из 19 специализированных транспортных вузов лишь пять готовят юристов. Согласно утвержденным цифрам набора на 2025 год на юридические специальности в транспортных вузах анонсировано выделение 1 056 мест (100 % на платной основе), что составляет 0,02 % от общего количества контрольных цифр приема (далее — КЦП) и 0,4 % от КЦП по юридическим специальностям в стране. Так, в ведущем транспортном вузе страны Российском университете транспорта исключительно на платной основе обучается половина транспортных юристов (526 мест), что составляет 0,2 % от общего количества мест по юридическим специальностям. Приведенные цифры отчетливо демонстрируют потребность в выделении бюджетных мест для абитуриентов, желающих получать транспортное юридическое образование. Впоследствии это предоставит возможность для формирования профессионального сообщества транспортных юристов. Его целями будет привлечение лидеров рынка, транспортных компаний, уполномоченных органов исполнительной власти и общественных объединений к актуализации и повышению практической значимости научных исследований, а также к созданию механизма коллективной работы над проектами нормативных правовых актов в данной области.

Довод третий: трансформация транспортного законодательства и его специализация. С. В. Кабышев верно отмечает, что «...наука, рассматриваемая сквозь призму категории объекта законодательного регулирования, не может превращаться только в объект государственного воздействия, она должна активно включаться через свои субъекты в формирование, развитие государственной политики»¹. Транспортная сфера регулируется не только всеми основными отраслями законодательства: гражданским, административным, уголовным, налоговым, трудовым, а также активно развивающимися: миграционным, страховым, антимонопольным, законодательством в сфере цифровых технологий, правовыми положениями о защите прав потребителей, включая, законодательство субъектов Российской Федерации. В настоящее время практически весь объем нормативных правовых требований, разработанных для «постиндустриальной экономики», предъявляется к участникам транспортной деятельности в условиях цифрового пространства, что не соответствует запросам общества и стратегическим задачам государства. В этой связи участники транспортной сферы остро ощущают потребность в качественной, системной переработке действующего законодательства, адаптации его к потребностям рынка. С этой целью в структуре Российского университета транспорта в декабре 2024 года создан Научно-исследовательский центр цифрового транспортного законодательства. Одной из целей Центра является разработка проектов законов, документов стратегического планирования и нормативных правовых актов в сфере цифровой трансформации транспортного комплекса и их научно-методическое и информационно-аналитическое сопровождение.

Довод четвертый: потребность в повышении транспортной безопасности, контроля и надзора. По итогам 2024 года в стране зарегистрировано 29 232 преступления на транспорте, темпы роста отмечаются в Северо-Западном (+7,1 %), Дальневосточном (+6,5 %) и Южном федеральных округах (2,9 %)². Ежегодно вследствие объективных обстоятельств возрастает нагрузка на

¹ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 2. С. 136.

² См.: Краткая характеристика состояния преступности в России / Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 16.05.2025).

работников специализированных транспортных прокуратур (при отсутствии в системе прокуратуры специализированного вуза по подготовке соответствующих специалистов-транспортников). По данным Московской межрегиональной транспортной прокуратуры за 2024 год, на 2,8 % увеличилось количество выявленных фактов нарушений закона (зарегистрировано 22 355), на 5,3 % возросло количество внесенных представлений (за 2024 год внесено 3 866 представления)¹. Основными задачами обеспечения транспортной безопасности являются как нормативное правовое регулирование в области обеспечения транспортной безопасности, так и подготовка, аттестация соответствующих сил. По-прежнему острая проблема заключается в недостаточной укомплектованности основных субъектов профилактики и обеспечения транспортной безопасности. К концу 2024 года некомплект личного состава в МВД России вырос до 174 тысяч человек (18,9 % от штатной численности), при этом, к примеру, средний уровень некомплекта в органах внутренних дел на транспорте (в том числе на метрополитене) — 23,2 %, в УТ по ПФО доходит до критического показателя — 26,5 %. Тенденция к росту некомплекта продолжает сохраняться. Наличие в структуре образовательных организаций МВД России специализированного ведомственного вуза (Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина), реализующего прием и обучение исключительно на бюджетной основе, не позволяет в полной мере обеспечить потребность правоохранительных органов в соответствующих специалистах. Таким образом, нестабильная ситуация с кадрами станет одним из факторов, усугубляющих состояние безопасности транспортной инфраструктуры.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что решение задачи, поставленной Президентом Российской Федерации, планируется осуществить путем несколько односторонней ее интерпретации и лишь за счет государственного регулирования платного набора по специальностям, направлениям подготовки высшего образования. Выразим надежду, что подобные административно-командные методы управления, сосредоточение у Правительства Российской Федерации полномочий по установлению объемов, порядка и сроков приема на обучение по образовательным программам на платной основе не нарушат баланс публичных и частных интересов, не приведут к дефициту юристов для специализированных сфер отношений по примеру транспорта. Прав С. В. Кабышев, что относительно «...правового режима в сфере науки нужно искать баланс между диспозитивным и императивным методами»².

Ситуация в транспортной отрасли свидетельствует о высокой потребности установления контрольных цифр приема на бюджетные места для подготовки юристов-транспортников. Практика показывает реальный спрос со стороны экономики и рынка труда на данных специалистов, способных решать текущие и перспективные задачи правового регулирования транспортного комплекса. В случае принятия обсуждаемого законопроекта хотелось бы увидеть четкие критерии определения необходимого количества платных мест, а сама процедура должна носить прозрачный характер и, безусловно, учитывать мнение образовательных организаций, работодателей, представителей бизнеса.

Погодина Ирина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права и таможенной деятельности Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Научный патриотизм: возможно ли законодательное регулирование?

На фоне происходящих в мире событий экономического, правового, геополитического характера очевидной становится необходимость мобилизации Россией ресурсов, одним из которых выступает наука. Но одновременно наблюдается крайне слабая корреляция целей и задач государства в сфере развития науки и высшего образования с избираемыми моделями управления наукой, правовым регулированием этой области. Вопрос о концептуальной смене подхода к определению основ государственной политики в области науки и научно-технологического развития,

¹ См.: Результаты деятельности органов прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/mmt/activity/statistics/office> (дата обращения: 16.05.2025).

² Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 137.

поиске нового, более совершенного регулирования сферы довольно давно обсуждается научным сообществом¹.

Признавая и поддерживая необходимость обновления федерального законодательства в области науки и научно-технологического развития России, а также соглашаясь с С. В. Кабышевым, что важно придать правовому регулированию данной области социально полезный эффект, акцентировать внимание на этических началах в правовом регулировании данной сферы, представляется целесообразным включить в фокус внимания законодателя помимо непосредственно научно-технологической темы определение морально-этических ориентиров деятельности участников регулируемых отношений.

Бесспорно высказанное автором обсуждаемой статьи мнение о том, что наука — это смыслообразующий и мировоззренческий фактор развития нашей страны, строящийся на основе добросовестности и патриотизма². Представляется важным развить эту мысль до необходимости введения патриотической компоненты в правовое регулирование научной деятельности. Но, очевидно, что задача по установлению в законе патриотических нарративов для научной сферы весьма сложна и в первую очередь сопряжена с воспитанием будущих ученых и/или преподавателей вузов во время их обучения.

Еще М. М. Сперанский выступал за необходимость воспитания молодого поколения в духе патриотизма и уважения к традициям. Он фактически поддерживал создание закрытых учебных заведений, в том числе высших, что позволило бы реализовывать особый подход к нравственному развитию обучающихся. М. М. Сперанский указывал на неудобство и невыгодность для государства домашнего обучения, критикуя иностранных учителей, которые обычно приглашались для этого. Такое положение вещей было актуально в XIX веке, однако и сегодня задуматься об этом весьма своевременно, по крайней мере в связи с распространением обучения вне образовательной организации. Существенным недостатком для государства, по мысли М. М. Сперанского, у домашнего образования выступала невозможность влиять на «дух воспитания»³, формировать патриотизм и любовь к Родине.

Научный патриотизм — как измерение науки и работы ученых — категория сложная. Понятие встречается в литературе и публицистике, однако значение в него авторами вкладывается разное. Так, А. А. Клёсов определяет суть научного патриотизма в восстановлении исторической справедливости о происхождении народов и их роли в истории⁴. То есть научный патриотизм, по его мысли, — это укрепление интереса к своим корням, предкам, формирование взаимного уважения между разными народами. Но вряд ли стоит сводить научный патриотизм лишь к этому, например, попыткам борьбы ученых с преуменьшением значимости славян / русских / иного народа в истории. Следует понимать, что, во-первых, патриотизм означает признание уникальных ценностей собственной страны. Во-вторых, патриотизм не равен национализму (здесь уместно вспомнить известные высказывания Ш. де Голля или Д. С. Лихачёва). Националистические чувства и настроения, впрочем, полезны для развития научного патриотизма. Интересны и справедливы мнения о том, что, например, деколонизация в странах Азии была связана с научным прогрессом — не только в практическом смысле, но и символически⁵.

Патриотический дух ученых — это то качество, которым должны обладать ученые во всем мире, и существенная их черта. Он выражается в том числе в беспокойстве о силе и возрождении нации,

¹ См., напр.: Фарушкин Н. Выкинуть все лучшее: как нужно менять законопроект о науке. URL: <https://indicator.ru/engineering-science/kak-obsuzhdali-zakon-o-nauke.htm> (дата обращения: 26.04.2025); Новый закон о науке: обсуждение концепции. URL: <https://science.spb.ru/> (дата обращения: 26.04.2025); Проект федерального закона «О научной и научно-технической деятельности» / Е. В. Семёнов, О. В. Гутников, Н. В. Путило, А. Е. Постников, Л. В. Андриченко, С. В. Егеров, В. Л. Тамбовцев, А. Н. Дементьев, В. В. Лапаева, С. А. Боринская, Е. А. Салицкая, А. Г. Ваганов // Управление наукой: теория и практика. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-federalnogo-zakona-o-nauchnoy-i-nauchno-tehnicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 26.04.2025).

² Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex Russia. 2025. Т. 78. № 2. С. 133, 137 и др.

³ Сперанский М. М. Об усовершенствовании общего народного воспитания. Проекты реформ. Москва: Юрайт, 2024. С. 99.

⁴ Клёсов А. А. Патриотизм и научный патриотизм // Эко-потенциал. 2018. № 4 (24). С. 225–228.

⁵ Anderson, W., Pols, H. Scientific Patriotism: Medical Science and National Self-Fashioning in Southeast Asia // Comparative Studies in Society and History. 2012. No 54 (1). Pp. 93–113.

в подчинении потребностям страны в своих исследованиях, в служении стране и ее народу с помощью науки и технологий. Научный патриотизм — это единство патриотических эмоций, цели деятельности и поведения ученых.

Интересно, что в США считают актуальным пропагандировать идеи патриотизма в научной и образовательной среде, идеи жертвенности и научного совершенства, приводя в пример известных ученых XX в. (в том числе иммигрантов, прибывших в Америку из стран Европы). В США признаются, что в настоящее время есть проблемы, с которыми сталкивается американское научное лидерство, причем это преимущественно не технические или даже экономические проблемы, а социальные и политические, среди которых называют и низкий уровень научного патриотизма¹.

При создании научно-технического парка «Сколково» (2010) также поднимали тему научного патриотизма². Некоторые отечественные организации науки и образования проводят программы, которые, по их мнению, повысят уровень патриотизма ученых. Так, в учреждении Федерального научного центра овощеводства ВНИИССОК реализовывалась программа «Наука — духовность — патриотизм»³. Следует заметить, что значительной ее частью стал тематический музей и систематизация исторического материала, то есть воспитание патриотизма в программе подразумевало изучение и популяризацию истории, отражающей становление и развитие отечественной научной селекции и семеноводства.

Патриотизм — это служение, в том числе и в профессиональной реализации. Ученый и/или преподаватель университета, как правило, выбирает свой путь в довольно молодом возрасте (обычно сразу после выпуска из вуза) и идет по нему в дальнейшем, уже тем самым являясь патриотом. Российские ученые, которые остаются в образовании, выбирают работу в науке, определяют ее своим направлением, довольно рано и чаще всего не уходят из науки всю жизнь⁴.

Каким образом ввести в закон о науке патриотическую компоненту, обеспечить патриотическое воспитание для будущих ученых, а «взрослых» ученых стимулировать следовать патриотическим принципам, пропагандировать любовь к Родине? Эта задача весьма сложна и, скорее всего, может быть решена лишь путем внесения в закон норм-принципов. Последние как руководящие начала должны стать базой для работы ученых и способствовать формированию ценностей, лежащих в основе правового регулирования данной сферы общественных отношений, формировать общий смысл правовых норм. Нормы могут быть сформулированы следующим образом:

- важной ценностью для деятельности ученых является любовь к Родине, преданность Отечеству и готовность служить его интересам, включая их защиту;
- деятельность ученых должна быть подчинена интересам России, не противоречить им;
- в своей работе (научной, просветительской образовательной воспитательной и пр.) ученые должны демонстрировать и пропагандировать любовь к Родине, знание истории России.

Очевидно, что приведенные примеры норм носят декларативный характер. Представляется, что со стороны государства и законодателя требуется к тому же предусмотреть меры поддержки ученых, создать академическую и стартап-среды для работы. Это подразумевает обеспечение развития инфраструктуры научных и образовательных учреждений, создание условий и возможностей для проведения научных исследований, реализацию разработок в сфере науки, создание социальных условий для людей, избравших науку своей профессией, которые бы обеспечили им защищенность, возможность реализоваться, особенно в своем регионе, сделать возможным

¹ The case for American scientific patriotism / Posted on Monday, Nov 27, 2023. by Ashutosh Jogalekar by Ashutosh Jogalekar / URL: <https://3quarksdaily.com/3quarksdaily/2023/11/the-case-for-american-scientific-patriotism.html> (дата обращения: 22.04.2025).

² Резчиков А. Научный патриотизм // Деловая газета «Взгляд». 2010. URL: <https://vz.ru/politics/2010/10/25/442246.html> (дата обращения 22.04.2025).

³ О проекте «Наука – духовность – патриотизм» на официальном сайте ФГБНУ «Федеральный научный центр овощеводства» (по инициативе академиков РАН Пивоварова В. Ф., Куликова И. М., Солдатенко А. В. для популяризации работы по продовольственной безопасности, а также патриотического и духовного воспитания молодежи совместно с Русской Православной Церковью и образовательными учреждениями в области овощеводства и садоводства). URL: <https://vniissok.ru/nauka-duhovnost-patriotizm/> (дата обращения: 22.04.2025).

⁴ См.: Панькова К. В Минобрнауки рассказали о патриотизме российских ученых // Деловая газета «Взгляд». 2020. URL: <https://vz.ru/news/2020/12/9/1074880.html> (дата обращения: 22.04.2025).

реализацию талантов, обеспечение социального престижа научной деятельности. Частично это можно сделать нормами закона о науке, например включив в него положения о социальных условиях для ученых.

Конечно, помимо материальной составляющей, к которой относится большая часть из указанных выше направлений работы со стороны государства, очень важны установки, понимание миссии, которую несет ученый. Соответственно, необходимо уделить внимание формулировке и практическому формированию компетенций, предусмотренных в стандартах высшего образования и в стандартах аспирантуры. В настоящее время они либо совсем отсутствуют, либо сформулированы не конкретно¹, а реализуются формально. Здесь же следует отметить, что небезосновательно мнение о внедрении гуманитарных предметов, в том числе направленных на патриотическое воспитание, встречающих сопротивление в инженерно-технических вузах².

Формирование патриотизма ученых — задача комплексная, которую следует решать системно, не ограничиваясь лишь нормами закона о науке, внося в него декларативные положения. Однако идеи патриотизма действительно «должны быть сквозными в данной сфере правового регулирования»³.

Итак, общие формулировки задач развития науки и технологий, связанных с содействием укреплению и росту суверенной России, декларируемые законодателем в стратегических документах⁴ и действующем законе о науке, не выделяют патриотизм как самостоятельную цель для формирования у отечественного ученого, несмотря на ее определяющее значение для национальных приоритетов во многих областях. Представляется, что сегодня можно с уверенностью говорить о целесообразности включения предмета патриотического воспитания ученых в поле стратегических интересов Российской Федерации в статусе самостоятельного, системообразующего, фундаментального приоритета для разработки и правового сопровождения.

Цели, задачи, приоритеты и вызовы, составляющие основу для государственной политики в любой области во многом, если не полностью, определяются интересами и потребностями общества. Исходя из этого, напрашивается вывод относительно значимости процесса общественно-властного диалога и взаимодействия в том числе по поводу российской науки. Именно в процессе такого диалога и совместной работы граждан и государственной власти «рождаются» лучшие нормы права, эффективные управленческие подходы и практики (правовые, экономические, социальные и пр.), в максимальной степени соответствующие потребностям общества, а следовательно, и государства. Необходимо организовать обсуждение проекта закона «О науке» с научным сообществом, в университетах. Потенциальные участники такого обсуждения, кстати, имеют необходимые компетенции для формулировки норм права, которые касаются непосредственно их деятельности. Опыт обсуждения проектов законов имеется. Так, в 2010 году на сайте www.zakonoproekt2010.ru было организовано публичное обсуждение федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»⁵. Инициаторами общественного обсуждения документа об образовании стали учителя, а профессионалы проводили редакционную обработку первично предложенных материалов. Ранее подобным образом обсуждался закон «О полиции» (получил свыше 20 000 комментариев)⁶.

¹ ФГОС для аспирантуры. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/7> (дата обращения: 22.04.2025).

² В МИФИ отметили необходимость развития в техвузах РФ патриотизма своего дела. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/22512929> (дата обращения: 22.04.2025).

³ Кабышев С. В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // *Lex Russia*. 2025. Т. 78. № 2. С. 137.

⁴ См., напр.: О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309; О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145.

⁵ В интернете началось обсуждение нового закона об образовании. URL: <https://lenta.ru/news/2010/12/01/zakon/> (дата обращения 25.04.2025); В дискуссии на сайте законопроекта «О полиции» приняли участие 16 тысяч человек. URL: <https://www.interfax.ru/russia/156351> (дата обращения 25.04.2025); Черногор Н. Н., Залоило М. В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 4. С. 74–92.

⁶ Законопроект «О полиции» собрал 20 тысяч комментариев в интернете. РИА НОВОСТИ. 2010. URL: <https://ria.ru/20100915/275936608.html> (дата обращения: 25.04.2025).

Грязнова Татьяна Евгеньевна,

доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

О юридической науке в эпоху перемен

Рефлексия интеллектуальных элит по поводу роли и назначения науки, соответственно, подготовки научных и научно-педагогических кадров, как свидетельствует история, — явление в достаточной степени традиционное как для переломных эпох развития человечества, так и для отдельных государств, коренным образом пересматривающих ценностные основы и стратегические задачи своего развития. В условиях современных вызовов, обусловленных стремительно меняющейся картиной мира, вырождением цивилизаций и идеологий, веками служивших маяком прогресса, фрагментарностью и избирательностью исторической памяти целого ряда «просвещенных» народов, как никогда становится очевидным, что целостность и безопасность государства обеспечивается не только его технологической оснащенностью и развитием военно-промышленного комплекса, но и необходимой для воспитания нравственно здоровых и всесторонне развитых личностей результативности социогуманитарных наук, среди которых юридической науке принадлежит если не ведущая, то определенно одна из главных ролей.

Будучи неразрывно связанной с существующим правопорядком, государственной властью и правоприменительной практикой, юридическая догматика оказывает прямое воздействие на правовое регулирование и эффективность права в целом. Не случайно Н. М. Коркунов отмечает: «Нет другой науки, которая бы так близко соприкасалась с непосредственными вопросами жизни. <...> Прожить свой век, никогда не задаваясь вопросами права, — дело немислимое»¹.

Что же касается фундаментальной юридической науки, то ее мировоззренческий, идеологический, прогностический, воспитательный и преобразовательный потенциал четко осознавался уже ее первыми адептами. Так, Н. М. Коркунов в одной из статей 1879 года, характеризуя состояние, цели и перспективы развития «науки права» в свете блестящих успехов естественных наук, подчеркивает совершенно иную природу, но не меньшую значимость открытий в области гуманитарного знания. «Право подчиняется в своем развитии, как и все в мире, известным законам. Но фактором, непосредственно производящим явления юридической жизни, являются сами люди... Усваивая себе те или другие убеждения <...>, они <...> обуславливают направления дальнейших изменений общественного строя»², — отмечает автор.

Признание закономерностей развития государственно-правовых явлений и неизбежного субъективизма занимающихся их осмыслением исследователей объясняет многообразие методологических парадигм и подходов к пониманию права, отсутствие «объективного мерила правильности» «теоретических определений»³ и относительность постигаемых истин. «...Материал, на котором основывается теоретическое изучение права, не замыкается рамками одной определенной национальной системы права. Теоретическое изучение имеет своим объектом все право, где-либо и когда-либо существовавшее или существующее. Но такой материал <...> не может никогда быть исчерпан вполне. Наши исторические сведения расширяются постоянно и беспредельно...»⁴, — пишет по этому поводу Н. М. Коркунов. В связи с чем «определения будут по необходимости изменяться, пока не прекратится само развитие науки»⁵, а «выбор того или другого определения есть дело субъективного убеждения»⁶, — продолжает он.

Отсутствие универсальной методологической парадигмы и единства в вопросах понимания права, согласно большинству отечественных юристов, отнюдь не препятствует его постижению, а, напротив, способствует глубине и всесторонности изучения государственно-правовых явлений.

Констатируя факт практикоориентированности подавляющего большинства научных исследований и признавая исключительно важную роль отраслевых юридических наук, российская профес-

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / пред. И. Ю. Козлихина. Санкт-Петербург, 2003. С. 23.

² Коркунов Н. М. Наука права и естествознание: сборник статей. 1877–1897. Санкт-Петербург, 1898. С. 10.

³ Коркунов Н. М. О научном изучении права: сборник статей. 1877–1897. Санкт-Петербург, 1898. С. 33.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Коркунов Н. М. О научном изучении права: сборник статей. 1877–1897. Санкт-Петербург, 1898. С. 34.

⁶ Там же. С. 33.

сура считает жизненно необходимым развитие фундаментального юридического знания (общая теория права, история права, история учений о праве), без которого все дальнейшие изыскания в области права теряют смысл. Так, согласно С. А. Муромцеву, «догматическая работа стремится к точному определению юридических понятий <...>, к определению <...> норм и сведению их к объективным принципам, к расположению их в правильном порядке и взаимному соподчинению, <...> к восполнению пробелов, которые окажутся в созданной <...> системе». И «каждая из этих частей догматической работы нуждается в помощи объективно-научного изучения... права»¹. «Практика ставит нам вопросы, теория дает общие начала как основу их разрешения»², отмечает Н. М. Коркунов. «Практическое право ведение имеет своей задачей изучение действия той или другой национальной системы права, теоретическое — действие права вообще»³, — подчеркивает автор. С точки зрения Н. Н. Алексеева, «Нормативная <...> теория права есть прикладная наука, служащая интересам юридической техники...». «Теория права должна перевести норму на язык теоретических истин и «должное» <...> превратить в <...> план сущего»⁴, — пишет он. И. В. Михайловский основное назначение общей теории права видит в том, чтобы «построить логически законченную систему понятий, лежащих в основе всех специальных юридических наук, и обобщить все результаты этих наук в одно гармоничное целое, проникнутое <...> внутренним единством»⁵.

Развитие теории права и успешное решение возложенных на нее задач очень скоро продемонстрировало излишнюю поспешность в решении судьбы философии права — неотъемлемой составляющей отечественного юридического образования до Университетского устава 1835 года (университетские уставы 1863–1884 годов предусматривали историю философии права). Ассоциируемая большинством российской профессуры с естественно-правовой доктриной, философия права рассматривалась многими как, безусловно, очень важная, но всего лишь «подготовительная стадия к образованию одной обобщающей дисциплины — общей теории права»⁶.

Однако стремительно меняющаяся картина мира начала XX века актуализировала проблему более глубокой мировоззренческой подготовки юристов, настоятельную потребность включения в перечень фундаментальных юридических наук, философское осмысление правовой материи. «Для юриста... философия права должна быть альфой и омегой всего его образования»⁷ — настаивает И. В. Михайловский, поскольку именно она «приводит в гармоничное единство всю совокупность юридических знаний», «стремится познать глубочайшую сущность... того социального явления, которое называется правом»⁸ и связывает юридические науки с духовной жизнью человека. «Каждая зрелая наука должна иметь свою философию, ибо только тогда наука достигает истинного познания того, что ей дано и положено»⁹, — убежден Н. Н. Алексеев. Что же касается философии права, то она «не является <...> безжизненной абстракцией, искусственно извлеченной из правовой действительности»: глубокий смысл и практическая значимость «идеи права» заключается в том, что она являет собой не только «гипотезу, при помощи которой мы познаем во всеобщих признаках, что такое всякий возможный правопорядок», но и «идеальную схему, по которой строится и осуществляется всякий правопорядок»¹⁰, — пишет автор.

Такой «идеальной схемой» для либерально настроенных юристов, как известно, была модель конституционного правового государства, успешно апробированная ведущими европейскими державами. «Юридическое мышление каждого образованного народа находится теперь под давлением... теоретических идеалов, которые заковали европейскую цивилизацию <...>. Наше правовое чувство образуется этими идеалами столько же, сколько и потребностями жизни...»¹¹, — пишет по этому поводу С. А. Муромцев.

¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2004. С. 50.

² Коркунов Н. М. О научном изучении права: сборник статей. 1877–1897. Санкт-Петербург, 1898. С. 39.

³ Коркунов Н. М. Энциклопедия права: лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1882 году. СПб., 1883. С. 28.

⁴ Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. Москва, 1918. С. 47.

⁵ Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. I. С. 6.

⁶ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / пред. И. Ю. Козлихина. Санкт-Петербург, 2003. С. 48.

⁷ Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск. 1914. Т. 1. С. 33.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. Москва, 1918. С. 18; Его же. Общее учение о праве. Симферополь, 1919. С. 29.

¹⁰ Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. Москва, 1918. С. 160.

¹¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2004. С. 54.

Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о слепом подражании европейским смыслообразующим практикам: убежденность в наличии законов, определяющих стратегические ориентиры развития государственно-правовых явлений, соответственно, в общности путей исторической эволюции «правосистем» России и флагманов европейского конституционализма не означала стагнацию отечественной либеральной идеологии. Напротив, именно в Российской империи зарождается и быстро набирает сторонников мысль о слабой корреляции классической концепции правового государства с характерным для эпохи накалом социальных противоречий. Так, П. И. Новгородцев, подчеркивая, что «современное нравственное сознание в своих требованиях к праву значительно ушло вперед»¹, считает необходимым расширение предмета правового регулирования за счет социально значимых проблем. Обеспечение достойных условий жизни граждан является, по мнению автора, единственным средством нивелирования классовых конфликтов и залогом солидарности «гражданина с законом»², а «власти с народом»³. Идеи П. И. Новгородцева нашли широкий отклик в среде отечественной профессуры, убежденной в том, что конституционное государство должно быть не просто правовым, а социально ориентированным.

Смещение направленности юридического знания с правоприменительной и правореализационной практикоориентированности на мировоззренческую, призванную конструировать отвечающие новой социальной реальности правовые формы и претворять их в жизнь, позволило мыслителям рассматривать юридическую науку как важнейший фактор общественного и государственного прогресса. Не случайно именно на рубеже XIX–XX веков ставится и решается вопрос о создании политики права (правовой политики — термин менее популярный и применяемый в качестве синонима, в частности Н. И. Палиенко⁴ и Н. Н. Алексеевым⁵) — прикладной юридической науке, призванной осуществлять критический анализ правопорядка, выявлять пробелы права, моделировать правовые идеалы, отвечающие потребностям и уровню развития общества, разрабатывать законопроекты и рекомендации, направленные на трансформацию правовой системы в желаемом направлении.

Любопытны параллели, проводимые Н. Н. Алексеевым относительно политики права и юридической догматики. «Догматическую юриспруденцию называют иногда наукой нормативной, но тем более название это подходит к политике права», указывает автор, поскольку «догматическая юриспруденция имеет дело с изучением норм действующего права, политика же — с нормами права желательного, справедливого, идеального»⁶.

Настоятельная потребность изменения существующего строя остро осознавалась отечественной интеллектуальной элитой рубежа XIX–XX веков, а задача всесторонней аргументации направления, объема, темпов и способов достижения грядущих перемен возлагалась ими на юристов (как ученых, так и практиков), обладающих, помимо необходимой профессиональной подготовки, высоким уровнем правосознания.

Общезвестно, что в Российской Федерации правосознание попадает в поле зрения ученых благодаря исторической школе права, в ходе полемики с которой в ракурсе отстаиваемых концепций правопонимания складываются основные варианты видения этого явления. В свете происходящих социальных и политических трансформаций интерес к правосознанию, особенно общественному, приобретает, помимо чисто теоретического, практический характер, что проявляется в первую очередь в буддировании вопросов просвещения и образования.

Кроме изменения системы университетского образования (расширение спектра социально-гуманитарных дисциплин, смещение акцентов с избыточно практикоориентированного на фундаментальное научное знание и т. д.), отечественная профессура обозначает настоятельную потребность коренного пересмотра всех образовательных программ. В частности, в средней школе «каждый предмет преподавания... должен находить себе основу <...> в соответственной научной области в курсе университетском»⁷, — пишет А. Х. Гольмстен. Применительно к юриспруденции

¹ Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. Москва, 1909. С. 2.

² Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. Санкт-Петербург, 1915. С. 253.

³ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. Москва, 1916. С. 490.

⁴ Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908. С. 195.

⁵ Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. Симферополь, 1919. С. 12.

⁶ Там же.

⁷ Гольмстен А. Х. Опыт методики законовещения, как предмета преподавания в средней школе. Санкт-Петербург, 1909. С. 6.

таким предметом должно выступать законоведение, в рамках которого надлежит не механически заучивать статьи законов, а уяснять «идеи юридических институтов или как их понимает законодатель, создавший данную норму, или как их понимает сама жизнь»¹. Только такая форма «научения», чуждая юридических тонкостей, абстрактных понятий и логических конструкций, недоступных для понимания неспециалистов, будет формировать сознательное и вдумчивое отношение к государственно-правовым явлениям.

Сегодня более столетия отделяет нас от рассматриваемой эпохи. Отечественная юридическая наука в очередной раз оказалась в ситуации поиска фундаментальной правовой доктрины, отвечающей российской государственной идентичности, духовно-нравственным ценностям и менталитету населяющих ее народов. Однако этому серьезно препятствует длительное время культивируемое пренебрежительное отношение к фундаментальному юридическому знанию, его крайне низкая востребованность в правотворческой и правореализационной практике.

Целенаправленное выхолащивание образовательных программ (исключение из государственных образовательных стандартов истории политических и правовых учений, государственного экзамена по теории государства и права и т. д.); отчуждение отраслевых и фундаментальных юридических наук, нежелание специалистов обременять себя излишним теоретизированием; явный приоритет догматической юриспруденции, безусловно важной, но точно не определяющей стратегию развития государства; стремление отринуть все, что не втискивается в рамки практикоориентированного компетентностного подхода, привели к тому, что доктринальная юриспруденция почти утратила свой мировоззренческий, созидательный, воспитательный и преобразующий потенциал.

Не так давно произошедшее осознание на государственном уровне исключительного значения теоретико-правовых и историко-правовых наук, формирование государственной политики, направленной на подготовку не просто высококвалифицированных специалистов в тех или иных областях знаний, а всесторонне развитых личностей, обладающих широким кругозором, развитой исторической памятью, высоким уровнем правосознания и правовой культуры, разбирающихся в различных типах государства и понимания права, способных самостоятельно оценивать разнонаправленные (в том числе и по идеологическому воздействию) научные парадигмы, предполагает не очередной отказ от своего прошлого (в данном случае от интеллектуального наследия либеральных мыслителей — корифеев юридической науки, большинство идей которых до сих пор не востребовано научным сообществом), а его серьезное изучение и осмысление.

Подлинно российский либерализм, представители которого создавали и творили юридическую науку, выступали за академическую свободу, критиковали крайности индивидуализма и «минимальное» государство, отстаивали ценность права, принципы законности, социальной справедливости, общественной солидарности, сильной и независимой государственной власти, не должен ассоциироваться с культивируемой в постсоветский период «прозападной» либеральной идеологией.

Тимченко Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной экспертизы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Совершенствование нормативно-правового регулирования финансирования науки в Российской Федерации

Важнейшим условием поступательного развития государства и общества является прогресс отечественной науки, причем как отраслей естественных наук, так и общественных, гуманитарных. Прогресс в области научных знаний немислим без правильного и эффективного нормативного правового регулирования научной деятельности. В этой связи мы не можем не согласиться с мнением Н. А. Молчанова о том, что «...правовое регулирование науки и образования в интересах национальной безопасности в условиях сетевого общества приобретает особую роль стратегиче-

¹ Гольмстен А. Х. Опыт методики законоведения, как предмета преподавания в средней школе. Санкт-Петербург, 1909. С. 13.

ского ресурса устойчивого развития современного общества и важного фактора социально-экономического и технологического развития России».¹

Главной фигурой, основной движущей силой в науке является ученый. Только при наличии талантливых ученых возможны новые научные открытия мирового значения, поэтому приоритетной задачей является создание благоприятных условий для формирования личности ученого. Но вырастить талантливого ученого недостаточно, необходимо обеспечить условия для его эффективной деятельности. К таким условиям в первую очередь стоит отнести увеличение престижа научной деятельности в обществе, включая материальное и моральное стимулирование занятий наукой.

На повышение общественного статуса ученого должно быть направлено нормативно-правовое регулирование научно-исследовательской деятельности. В этой связи особую актуальность приобретают подготовка и принятие нового закона о науке, направленного на решение ряда задач, среди которых исследователи выделяют, в частности следующие: «... повышение объема финансирования науки и технологий из бюджета до уровня стран-лидеров, укрепление и повышение престижа профессии ученого, популяризация науки, снятие барьеров и ограничений в сфере международного научно-технического сотрудничества, критерии оценки труда ученого».² В рамках данной статьи мы рассмотрим только одну из вышеназванных задач: обеспечение финансирования науки.

Достаточное стабильное финансирование научно-исследовательских работ является обязательным условием ускорения научного прогресса. Как отмечают исследователи, «...развитие научной деятельности в Российской Федерации по статистическим показателям уступает передовым позициям Китайской Народной Республики. Основной причиной видится недостаточная финансовая поддержка научных исследований в России».³ Мы разделяем данную точку зрения: действительно, финансирование научно-исследовательских работ должно быть существенно выше.

В области финансирования науки в Российской Федерации исследователи выделяют ряд проблем. Так, по мнению Ю. И. Мигачева и В. В. Дюкарева: «...нерешенной проблемой в сфере финансирования является отсутствие на уровне федерального законодательства стандартов обеспечения науки и научных исследований за счет средств соответствующих бюджетов (минимальная величина, методики оценки результативности выполненных исследований, коммерческого спроса на научные разработки и т. п.)»⁴.

Вместе с тем даже закрепление стандартов финансового обеспечения научно-исследовательской деятельности в законе «О науке» будет недостаточным.

Как справедливо отмечают А. В. Габов и Н. В. Путило, «...Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике” и закон Российской Федерации от 10 июля 1992 года № 3266-1 “Об образовании” до 2004 года содержали нормы об обязательном проценте средств бюджета на нужды образования и науки, но в силу норм финансового законодательства данные предписания либо игнорировались, либо их действие в тот или иной период прекращалось после принятия соответствующего закона о федеральном бюджете»⁵.

Очевидно, необходимо межведомственное взаимодействие с государственными структурами, отвечающими за формирование федерального и регионального бюджетов. В противном случае стандарты финансирования науки работать не будут. При принятии нового федерального закона «О науке» нужно внести необходимые изменения и в Бюджетный кодекс Российской Федерации.

Полагаем целесообразным предусмотреть в новом законе «О науке» обязательное финансирование науки в размере фиксированного процента от общей суммы доходов федерального и регионального бюджетов. Аналогичное требование необходимо включить и в Бюджетный кодекс Российской Федерации, а также в ежегодно принимаемые законы о федеральном и региональном бюджетах на соответствующий год. Финансироваться из федерального и регионального

¹ Молчанов Н. А. Правовое регулирование науки и образования в интересах национальной безопасности в условиях сетевого общества // *Lex Russica*. 2019. № 11 (156). С. 129.

² Васильев А. А., Марченко А. М. Обзор законодательства в сфере науки и технологий в 2019–2020 гг.: поиск новых моделей правового регулирования // *Управление наукой: теория и практика*. 2021. Т. 3. № 1. С. 77.

³ Васильев А. А., Шпопер Д., Печатнова Ю. В. Национальное правовое регулирование науки и научно-технического сотрудничества в Китае и России: сравнительный аспект // *Идеи и идеалы*. 2020. Т. 12. № 1-2. С. 359.

⁴ Мигачев Ю. И., Дюкарев В. В. Актуальные проблемы совершенствования законодательства в области науки Российской Федерации // *Вестник международного юридического института*. 2015. № 4 (55). С. 111.

⁵ Габов А. В., Путило Н. В. Проект федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. № 38. С. 390.

бюджетов должны не только фундаментальные научные исследования, но и прикладные как в области естественных, так и общественных наук, имеющие существенно значение для укрепления государственности и обороны.

Прикладные научные исследования, имеющие значение для развития техники и технологий общего назначения (например, некоторые отрасли машиностроения, бытовая электроника и т. п.), по нашему мнению, должны финансироваться, на коммерческой основе, то есть заказчиками. Целесообразно и создание специальных зон развития высоких технологий, финансирование которых должно осуществляться как из бюджета, так и на коммерческой основе (в зависимости от характера научно-исследовательских работ, выполняемых в таких зонах). Положение об источниках финансирования научных исследований должно обязательно найти отражение в новом законе «О науке».

Считаем целесообразным определить основные направления научных исследований, финансируемые и федерального и регионального бюджетов органами государственного управления соответствующего уровня. При этом органы государственного управления должны руководствоваться приоритетными направлениями развития экономики, включая социальную сферу. Выполнение научных исследований по проблемам, обозначенным органами государственного управления, должно осуществляться организациями, занимающимися на профессиональной основе научными исследованиями, включая и негосударственные научные организации, а также организации высшего образования.

В зависимости от уровня заказчика финансирование научно-исследовательских работ должно вестись из государственных бюджетов соответствующего уровня.

Для финансирования научных исследований необходимо использовать средства негосударственных организаций и частные средства. Такие источники финансирования возможны в случаях, когда в результатах научных исследований заинтересованы конкретные организации или частные лица.

Таким образом, в новом законе «О науке» целесообразно предусмотреть следующие источники финансирования научных исследований: федеральный бюджет Российской Федерации, бюджеты субъектов Российской Федерации, муниципальные бюджеты, средства негосударственных организаций, частные средства.

Удельный вес расходов на науку должен быть закреплён в фиксированном проценте от общей суммы доходов бюджета соответствующего уровня в размере не ниже, чем у стран — лидеров в области научных достижений. Аналогичное положение должно быть закреплено в Бюджетном кодексе Российской Федерации и соблюдаться при принятии ежегодных законов о федеральном, региональных и местных бюджетах.

Выбор органами государственного управления конкретного подрядчика для выполнения заданий, предусмотренных в перечне основных направлений научных исследований, должен проводиться исключительно на конкурсной основе. Такое положение также необходимо предусмотреть в новом законе «О науке».

Как справедливо отмечают отечественные ученые, «...Научная экспертиза — крайне важный элемент всей научной, научно-технической и инновационной деятельности. От того, по каким правилам и кем осуществлена экспертиза заявки, результата проекта либо конкретного решения в различных сферах хозяйственной деятельности, зависит эффективность научной и инновационной деятельности и экономики в целом. Однако данный институт действующим законом не регулируется»¹. Мы разделяем данную точку зрения и полагаем необходимым закрепить в новом законе «О науке» положение о том, что отбор научных организаций и лиц для выполнения соответствующих заданий, предусмотренных в планах приоритетных научных исследований и финансируемых из федерального, регионального и местных бюджетов, должен осуществляться исключительно на конкурсной основе. Следует обеспечить прозрачность решений по выбору в качестве подрядчика организации или физического лица на всех этапах прохождения конкурсной заявки на выполнение научно-исследовательских работ.

Что же касается научных исследований, финансируемых негосударственными организациями или частными лицами, то по ним отбор научных организаций для выполнения заказа, по нашему мнению, может осуществляться необязательно на конкурсной основе.

Заслуживает внимания проблема интеграции науки и высшего образования. Как справедливо отмечают Е. Г. Харитоновна и А. А. Шурус: «...Несмотря на широкую нормативную правовую базу,

¹ Габов А. В., Путило Н. В., Гутников О. В. Проект федерального закона о науке — новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 38. С. 393.

процесс интеграции высшего образования и науки нуждается в непрерывном реформировании: требуется исследовать и преобразовывать структуры отечественных учреждений образования и образовательных стандартов; развивать кадровый потенциал вузов; создавать современные направления высшего профессионального образования, ориентированные на региональные запросы, и т. д.»¹.

Ученые, работающие в организациях высшего образования, потенциально способны внести весомый вклад в развитие отечественной науки, поэтому нормы нового закона «О науке» должны в полной мере распространяться и на них. Особенно это касается тех норм, направленных на конкурсный отбор подрядчиков для выполнения государственного заказа по научным исследованиям и усилению престижа научной деятельности, включая материальное и моральное стимулирование занятий научными исследованиями.

Полагаем, что данные предложения позволят повысить степень эффективности нормативно-правового регулирования научной деятельности как важной основы для дальнейшего развития отечественной науки.

¹ Харитонов Е. Г., Шурус А. А. Законодательное и нормативно-правовое регулирование интеграции науки и высшего образования в России // Вестник юридических исследований. 2024. Т. 3. № 4. С. 112.

Рецензия на монографию
УДК 342.9

**Системность законодательства Российской Федерации
об административных правонарушениях: сущность, ценность,
техничко-юридические средства обеспечения.
Рецензия на монографию С. А. Малахова
Системные связи норм законодательства об административных
правонарушениях Российской Федерации:
монография. Москва: Издательство «ИНФРА-М», 2025. 229 с.**

Баранов Владимир Михайлович¹, Макарейко Николай Владимирович²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹baranov_prof@bk.ru

²makareiko_nik@mail.ru

Для цитирования: Баранов В. М., Макарейко Н. В. Системность законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: сущность, ценность, технико-юридические средства обеспечения. Рецензия на монографию С. А. Малахова Системные связи норм законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации: монография. Москва: Издательство «ИНФРА-М», 2025. 229 с. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 407–414.

Review of the monograph

**Systematic nature of the legislation of the Russian Federation on administrative
offenses: essence, value, technical and legal means of support.**

Review of the monograph by S. A. Malakhov

**Systemic connections of the norms of legislation on administrative offenses
of the Russian Federation: monograph. Moscow: INFRA-M Publ., 2025. 229 p.**

Vladimir M. Baranov¹, Nikolay V. Makareiko²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹baranov_prof@bk.ru

²makareiko_nik@mail.ru

For citation: Baranov V. M., Makareiko N. V. Systematic nature of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses: essence, value, technical and legal means of support. Review of the monograph by S. A. Malakhov. Systemic connections of the norms of legislation on administrative offenses of the Russian Federation: monograph. Moscow: INFRA-M Publ., 2025. 229 p. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 407–414. (In Russ.).

© Баранов В. М., Макарейко Н. В., 2025

Одной из важнейших характеристик российского законодательства является ее системность, в этой связи многие исследователи при рассмотрении законодательства в целом, отдельных его компонентов акцентируют внимание на вышеуказанном свойстве.

В 2025 году российская юридическая библиотека пополнилась монографией С. А. Малахова, посвященной системным связям законодательства об административных правонарушениях [1].

Вопросы законодательства, регламентирующего административную ответственность, традиционно вызывают повышенный интерес, было бы ошибкой ограничивать круг заинтересованных читателей этого исследования исключительно профессиональным сообществом (юристами-теоретиками и правоведами-практиками). Активность применения указанного вида публично-правовой ответственности интересна широкому кругу субъектов, который не только потенциально может быть привлечен к административной ответственности, но и реально претерпевает те негативные последствия, которые заключены в административных наказаниях.

Вряд ли можно найти административиста-исследователя, который хотя бы единожды не исследовал указанную проблематику в целом или ее отдельные аспекты, об этом свидетельствует значительное число публикаций различных жанров. Вместе с тем существуют проблемы, которые не получили должного осмысления в рамках указанной проблематики, к их числу относятся системные связи законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях. В силу этого следует приветствовать опубликование С. А. Малаховым монографии, посвященной указанной административно-правовой проблеме. Автором монографии в качестве объекта исследования были избраны отношения, характеризующие системные связи указанного сегмента российского законодательства.

С точки зрения структурной организации данная монография соответствует поставленным задачам, авторскому замыслу и включает в себя введение, две главы содержательной части, объединяющие шесть параграфов, библиографический список и приложения.

В весьма кратком введении («От автора») отмечается востребованность рассмотрения законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях с позиции системного подхода [1, с. 3–4]. С. А. Малахов

полагает, что правовая неопределенность в регулировании административной ответственности во многом обусловлена нарушением существующих системных связей.

Первая глава монографии «Система законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях» посвящена уточнению используемого понятийного аппарата, осмыслению законодательной основы административной ответственности, установлению и описанию существующих связей между соответствующими административно-деликтными нормами. Значительное внимание автором уделено рассмотрению категории «система» и производным от нее категориям [1, с. 6–12], дается их характеристика, в том числе и с использованием метода классификации. Отмечается значимость свойства устойчивости для характеристики законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях.

Обращение к потенциалу метода классификации при познании рассматриваемой разновидности норм административного права следует признать оправданным. Именно его использование в совокупности с выделенными особенностями позволило более качественно познать специфику рассматриваемого явления. Очевидно, что классификация выступает первичным и обязательным этапом его объективного восприятия. От ее качественного проведения во многом зависит успех/неуспех дальнейшего проникновения в сущность рассматриваемого явления. «Как основной элемент научного познания, она является одновременно и отправной точкой многих смежных научных познаний» [2, с. 8].

Классификация имеет не только познавательное, но прикладное и дидактическое значение. Очевидно, что законодатель производит нормативное правовое закрепление соответствующих классификационных моделей, что выступает в качестве определенной целью установки законотворческой деятельности. В этой связи М. В. Карасевой было отмечено: «В практической плоскости классификация обеспечивает научный подход в выборе форм и методов правового регулирования, в построении научного материала и т. д.» [3, с. 254].

Качество проведения классификации законодательства об административных правонарушениях во многом предопределено поиском и последующим применением соответствующих критериев. С. А. Малаховым в качестве таковых избраны: юридическая сила нормативных правовых актов и предел их территориального действия; назначение норм в механизме правового

регулируемого; характер изложенных в нормах предписаний [1, с. 35–36, 59]. Использование первого критерия вполне очевидно и нашло свое отражение в части 1 статьи 1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) и позволяет выделить федеральный и региональный подвиды рассматриваемого законодательства. Специфика законодательства об административных правонарушениях позволяет определить как материально-правовой, так и процессуальный компоненты, что обусловлено их ролью в механизме правового регулирования административно-деликтных отношений. Важно учитывать, что в случае привлечения к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей имеет место субсидиарное применение норм арбитражно-процессуального права (Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации), с учетом характера изложенных в нормах направлений выделены установочные нормы, а также предписания.

Содержательно проблемное поле § 1.3 монографии. В нем автором предложена характеристика связей законодательства об административных правонарушениях [1, с. 59–85]. Отмечено, что рассматриваемому законодательству присущи самые разнообразные как внутриотраслевые, так и межотраслевые связи. С. А. Малаховым выявлены и проанализированы иерархические, субординационные, координационные разновидности. Авторская позиция подкреплена широким использованием законодательства, что свидетельствует о глубине погружения в заявленную проблематику.

Во второй главе монографии «Дефекты связей норм законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях и меры по их устранению» с опорой на выявленные ранее связи изложены дефекты и определены авторские пути по их устранению. Следует учесть, что в специальной литературе закономерно отмечается важность своевременного диагностирования и устранения дефектов нормативных правовых актов, под которыми понимается «отсутствие либо ущербность необходимого элемента, замена одного элемента другим, менее подходящим; изъян, препятствующий эффективному использованию данного предмета по назначению или успешному завершению процесса; отсутствие необходимого свойства, недочет» [4, с. 82]. Для более качественной характеристики дефектов предложена их дифференцированная характеристика.

В этой связи рассмотрены дефекты внутриотраслевых связей между нормами КоАП РФ, а также дефекты, возникающие между КоАП РФ и нормами законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, что весьма значимо в свете требований части 1 статьи 1.1 КоАП РФ. При этом в авторскую орбиту рассмотрения вовлечено как законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях, так и законодательство Хабаровского края, Московской области, Москвы, Ямало-Ненецкого автономного округа, Еврейской автономной области, что повышает аргументированность авторских выводов. При рассмотрении дефектов межотраслевых связей административно-деликтного законодательства основной акцент сделан на взаимосвязи с уголовно-правовым законодательством.

Следует признать оправданным рассмотрение дефекта связей норм законодательства об административных правонарушениях с нормами Конституции Российской Федерации. Важность данного фрагмента существенно возрастает в свете проведенной конституционной реформы (2020). При этом в орбиту авторского внимания вовлечены законы, в которых содержатся нормы, отражающие специфику рассматриваемых связей как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Для убедительности авторской позиции используются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

В завершающем параграфе рассмотрены дефекты внутриотраслевых связей института административной ответственности, которые преимущественно возникают между материально-правовыми и процессуальными нормами. Значимость данного фрагмента работы обусловлена тем, что несовершенство норм производства по делам об административных правонарушениях во многом создает существенные препятствия для применения административной ответственности.

Следует отметить, что С. А. Малахов не ограничивается констатацией дефектов связей законодательства об административных правонарушениях, а предлагает конкретные меры по их устранению. Авторские предложения в концентрированном виде изложены в соответствующих приложениях. При этом предлагаются изменения и дополнения как в действующее законодательство (КоАП РФ), так и проекты статей КоАП РФ и Процессуального кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях. Их учет будет способствовать повышению качества законодательного регулирования института административной ответственности.

Проанализировав данную монографию, отметим важность поставленных и решенных автором задач, очевидную востребованность изложенных выводов, что свидетельствует о творческом характере проведенного исследования. Кроме этого, следует признать наличие определенных спорных моментов, которые требуют учета при дальнейшем освещении заявленной проблематики.

При рассмотрении характеристики законодательства об административных правонарушениях (§ 1.1 монографии) С. А. Малахов отказался от использования исторического метода, однако его потенциал позволил бы увидеть истоки его развития, отследить новизну и преемственность в нормативном правовом регулировании административной ответственности, а также более глубоко познать природу существующих связей, установить обусловленность существующих дефектов, наметить адресные меры по их преодолению. В данном структурном элементе работы следовало более рельефно охарактеризовать своеобразие рассматриваемого административно-правового института, показать его отличия от законодательства, регламентирующего уголовную, гражданско-правовую, дисциплинарную и материально-правовую ответственность. Полагаем, что не стоило в указанном параграфе уделять повышенное внимание характеристике связей как признаку законодательства об административных правонарушениях [1, с. 12–18, 21–25], так как отдельный структурный элемент исследования посвящен указанному вопросу (см. § 1.3 монографии).

Вызывает закономерные вопросы игнорирование автором генетических связей, которые свойственны законодательству об административных правонарушениях. При этом С. А. Малахов отмечает, что в юридической литературе данную связь выделяют такие правоведы, как С. С. Алексеев, А. Ф. Черданцев, Н. В. Виктрук, В. В. Степанова [1, с. 14–16]. Очевидно, что «уход» от анализа вышеуказанной разновидности правовых связей в значительной степени «обеднил» проведенное исследование, усложнил понимание природы их возникновения. Даже в названии ряда федеральных законов используется такая редакция, как «о внесении изменений в...», когда изменения, внесенные в КоАП РФ, влекут изменения в Уголовный

кодекс Российской Федерации и наоборот. Данный посыл во многом характеризует возникновение связей между материальной и процессуальной составляющими законодательства об административных правонарушениях. Важно учитывать, что речь идет как о возникновении, так и прекращении соответствующих связей, об их влиянии на системные связи.

С учетом заявленной проблематики важным является рассмотрение специфики норм законодательства об административных правонарушениях (§ 1.2 монографии). Здесь обращает на себя внимание минимальное освещение, по сути, только упоминание об отсылочных и бланкетных нормах [1, с. 23, 31, 79–81]. Между тем использование их потенциала в подавляющем числе случаев позволяет установить и обеспечить как внутренние, так и внешние связи. Очевидно, что обращение к специальным исследованиям, посвященным освещению, характеристике отсылочных [5] и бланкетных [6] конструкций, позволило бы всемерно повысить качество проведенного исследования.

Данная проблематика получила детальное изучение в теории уголовного права и была отражена в диссертации Г. Ф. Кипарисова [6, с. 241–360], а также в его последующих работах [7]. Следует отметить, что и в теории административного права имеются отдельные публикации Н. В. Макарейко [8] и М. Е. Труфанова [9], которые посвящены специфике бланкетных норм законодательства об административных правонарушениях. Не случайно А. Г. Безверхов применительно к характеристике бланкетных норм уголовного права отмечает: «Межотраслевое структурное взаимодействие норм уголовного права и других отраслей права тесно связано с понятием *бланкетности*» [10, с. 86].

На использовании потенциала бланкетного регулирования неоднократно акцентировали внимание Конституционный Суд Российской Федерации [11] и Верховный Суд Российской Федерации [12]. При этом отдельные авторы обоснованно отмечают ошибки, которые возникают при использовании законодателем бланкетного метода при конструировании норм законодательства об административных правонарушениях [13]. В этой связи очевидный доктринальный и бесспорный прикладной интерес представляет дополнительное осмысление использования отсылочных и бланкетных норм при оформлении связей в рамках института административной ответственности.

По нашему мнению, в параграфе 1.3 вышеуказанной монографии следовало бы детально

проанализировать понятие «связь норм законодательства об административных правонарушениях», решение указанной задачи было бы плодотворным посредством рассмотрения признаков, присущих указанному явлению. Выше нами было отмечено, что в предшествующих структурных элементах монографии предпринята попытка рассмотрения указанного вопроса, однако авторский подход не позволил сформировать целостное видение указанного явления.

Важный аспект в заявленной проблематике, не получивший должного внимания в монографии, — это отказ от рассмотрения связей, которые существуют внутри отдельных статей законодательства об административных правонарушениях. Особенно значимым данный вопрос является на фоне большого массива юридических норм, к числу которых относится статья 19.5 КоАП РФ (включает порядка пятидесяти частей). Необходимо признать, что, в отличие от норм Особенной части УК РФ, законодатель в Особенной части КоАП РФ во многом хаотично формирует соответствующие нормы, что свидетельствует об отсутствии четкого видения стратегии развития законодательства об административных правонарушениях. Нужно подумать об обоснованности закрепления квалифицированных, особо квалифицированных составов административных правонарушений, в том числе и последовательного использования признака повторности совершения правонарушения, расширения перечня составов с материальным составом. Реализация подобного подхода была бы направлена на всемерное ограничение дискреции правоприменителя, способствовала обеспечению справедливости при реализации административной ответственности [14].

Монография С. А. Малахова структурно включает две части, где первая посвящена общей характеристике связей норм законодательства об административных правонарушениях, а вторая — дефектам указанных связей. Вместе с тем определение понятия «дефект связей норм законодательства об административных правонарушениях» содержится в главе 1 монографии [1, с. 84]. Очевидно, что следовало более детально дать характеристику вышеуказанного явления, не ограничиваться общими рассуждениями и отсылками к работам теоретиков права [1, с. 88–89]. Существенным подспорьем в освещении указанного вопроса могло быть использование специальных исследований в разных отраслях российского права. Об этом свидетельствуют работы А. Ю. Викулина [15], М. А. Жильцова [16], И. П. Кожакаря

[17], В. В. Муругина [18], М. А. Мушинского [19], М. М. Онищук [20], И. В. Понкина [21], Д. И. Советова [22], М. А. Соколовой [23] и других.

Особо следует отметить значимость взаимосвязи норм института административной ответственности с административными правовыми нормами, регламентирующими другие формы административного принуждения. Комплексное обеспечение правопорядка и безопасности объективно требует согласованного административно-принудительного воздействия. Данный значимый фрагмент заявленной С. А. Малаховым проблемы остался за границами авторского внимания, что нельзя признать оправданным. Не следует также упускать из виду связь административной ответственности с мерами административно-процессуального обеспечения.

При рассмотрении межотраслевых связей законодательства об административных правонарушениях основное внимание сфокусировано на уголовно-правовом законодательстве (§ 2.1 монографии) и конституционном законодательстве (§ 2.2 монографии). Не отрицая значимость названных связей, считаем возможным упрекнуть автора: за рамками исследовательского внимания остались вопросы взаимодействия с нормами гражданско-правовой, дисциплинарной и материально-правовой ответственности.

Мы не фокусируем внимание на отдельных спорных моментах исследования, которые носят частный характер и являются результатом проявления авторской позиции. Но нельзя не заметить: в основу проведения исследования было бы целесообразным положить более добротную методологическую базу. Речь идет прежде всего о методологии межотраслевых связей, которую плодотворно разработал в цивилистике М. Ю. Челышев [24], важно учитывать и использовать схожие работы в теории уголовного права, в частности об этом свидетельствует исследование Н. И. Пикурова [25]. Изложенные в данных трудах закономерности могли быть задействованы для более глубокой характеристики межотраслевых связей законодательства об административных правонарушениях. При этом важно учитывать межотраслевые связи, которые свойственны и правовым нормам, регулирующим общественные отношения, выступающие в качестве объекта административно-правовой охраны. По нашему мнению, игнорирование или неполный учет межотраслевых связей приводит к тому, что излагаемые рекомендации носят неполный, односторонний

характер. В. В. Кулаков верно отмечает, что зачастую именно совокупность «разноотраслевых средств» позволяет добиться должного эффекта [26, с. 110].

Нельзя согласиться с мнением С. А. Малахова по вопросу определения первоэлемента законодательства, так как автор считает, что «первичным элементом законодательства об административных правонарушениях следует признать правовую норму» [1, с. 28]. Общеизвестно, что в качестве первичного элемента системы законодательства выступает статья нормативного правового акта, в то время как норма права является первоэлементом системы права. Автор должен был предоставить развернутую систему аргументов, оправдывающих этот тезис. Их в монографии нет, и потому его неординарная позиция «повисает в воздухе».

При конструировании определения понятия «система законодательства об административных правонарушениях» использованы такие ее признаки, как формы нормативных правовых актов, административно-деликтный режим, ее назначение. Полагаем, что названных признаков недостаточно, чтобы сформировать видение, пусть и самое общее, исследуемое явление. Думается, что следовало бы сделать акцент на элементы системы и характеристику свойственных им связей.

Определенное внимание в работе уделено понятию и классификации норм законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях. Следует признать, что данные нормы административного права отличает определенная специфика, освещение которой является логичной и направленной на уяснение их особенностей. Вместе с тем С. А. Малахов ограничился кратким воспроизведением позиции О. С. Рогачевой по данному вопросу [27, с. 38] и сформулировал авторское определение понятия «административно-деликтная норма» [1, с. 34], при этом сделан акцент исключительно на предмете регулирования указанных норм. В этой связи за рамками исследовательского внимания остались важные характеристики рассматриваемого явления, что не позволяет его объективно воспринять.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо признать значимость проблематики, которая выступила предметом исследования С. А. Малахова. Проведение третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях требует определенного учета выявленных автором закономерностей. Вместе с тем следует иметь в виду, что они не выступают

constant, а будут изменяться как в силу объективных, так и субъективных обстоятельств, что требует корректировки вектора научных исследований в заявленной области административно-правовой действительности. Изложенные нами замечания и пожелания во многом носят дискуссионный характер и не способны повлиять на общую высокую положительную оценку монографического исследования С. А. Малахова. Монография вполне может выступить в качестве побудительного мотива дальнейшего творческого изучения заявленной темы как указанным автором, так и другими исследователями.

Список источников

1. Малахов С. А. Системные связи норм законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации: монография. Москва: Издательство «ИНФРА-М», 2025. 229 с.
2. Баранов В. М., Чуманов Е. В. Классификация в российском законодательстве: монография. Нижний Новгород, 2005. 260 с.
3. Карасева М. В. Финансовое правоотношение. Москва, 2001. 288 с.
4. Баранов В. М., Мушинский М. А. Мониторинг дефектности нормативных правовых актов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 79–88.
5. Ткачук О. В. Отсылки в российском законодательстве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 34 с.
6. Кипарисов Г. Ф. Бланкетные нормы российского права: доктрина, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 360 с.
7. Кожакарь И. П. Кипарисов Ф. Г. Бланкетные нормы российского права: монография / под ред. В. М. Баранова. Москва: Издательство «Проспект», 2024. 304 с.
8. Макарейко Н. В. Бланкетные нормы законодательства об административных правонарушениях // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 59–64.
9. Труфанов М. Е. Бланкетность норм административного права: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. 60 с.
10. Безверхов А. Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex russica. 2015. № 10 (Т. CVII). С. 76–92.
11. По делу о проверке конституционности части 1^й статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И. А. Никифоровой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 2021 года № 19 // Российская газета. 2021.

12. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6.

13. Винницкий А. В. Административная ответственность арбитражных управляющих: динамика и практика применения новых норм КоАП РФ // Административное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 11–24.

14. Макарейко Н. В. Вопросы усмотрения при применении административного принуждения // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 79–87.

15. Викулин А. Ю. Начала теории законодательства дефектов: монография. Москва: Издательство «Норма», 2019. 344 с.

16. Жильцов М. А. Дефекты трудового права: монография. Екатеринбург, 2010. 312 с.

17. Кожокарь И. П. Основы теории гражданской дефектологии. Москва: Издательство «Проспект», 2017. 392 с.

18. Муругина В. В., Воротников А. А. Дефектность юридических фактов как негативная черта правовой системы. Саратов, 2011. 192 с.

19. Мушинский М. А. Проблемы диагностики правотворческих дефектов: научно-практическое пособие. Иркутск: Институт законодательства и правовой информации имени М. М. Сперанского; Фонд «Право и Демократия», 2009. 116 с.

20. Онищук М. М. Феномен ошибки в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 22 с.

21. Понкин И. В. Теория девиантологии государственного управления: неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении / ИГСУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Москва: Буки-Веди, 2016. 250 с.

22. Советов Д. И. Преодоление ошибок в правоприменительной деятельности: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2023. 28 с.

23. Соколова М. А. Дефекты юридических документов: ИД «Юриспруденция», 2016. 160 с.

24. Челышев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. 501 с.

25. Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. 47 с.

26. Кулаков В. В. Методология исследования межотраслевых связей в российском праве (в свете развития учения М. Ю. Челышева) // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. Москва: Статут, 2016. С. 109–115.

27. Порочева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, 2012. 50 с.

References

1. Malakhov S. A. Systemic connections of the norms of legislation on administrative offenses of the Russian Federation: monograph. Moscow: INFRA-M Publ., 2025. 229 p. (In Russ.).

2. Baranov V. M., Chumanov E. V. Classification in Russian legislation: monograph. Nizhny Novgorod, 2005. 260 p. (In Russ.).

3. Karaseva M. V. Financial legal relationship. Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.).

4. Baranov V. M., Mushinsky M. A. Monitoring the defectiveness of regulatory legal acts. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 1, pp. 79–88. (In Russ.).

5. Tkachuk O. V. References in Russian legislation (problems of theory and practice). Author's abstract... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2008. 34 p. (In Russ.).

6. Kiparisov G. F. Blanket norms of Russian law: doctrine, practice, technique. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2021. 360 p. (In Russ.).

7. Kozhakary I. P. Kiparisov F. G. Blanket norms of Russian law: monograph / ed. by V. M. Baranov. Moscow: Prospect Publ., 2024. 304 p. (In Russ.).

8. Makareiko N. V. Blanket norms of legislation on administrative offenses. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, 2022, no. 2, pp. 59–64. (In Russ.).

9. Trufanov M. E. Blanket nature of administrative law norms: a textbook. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 60 p. (In Russ.).

10. Bezverkhov A. G. On the effect of criminal law in the context of inter-industry connections. *Lex russica*, 2015, no. 10 (vol. CVII), pp. 76–92. (In Russ.).

11. In the case of verifying the constitutionality of Part 11 of Article 7 of the Federal Law "On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Marches and Pickets" and Part 2 of Article 20.2 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of citizen I. A. Nikiforova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 19 of May 17, 2021. *Rossiyskaya Gazeta*, 2021. (In Russ.).

12. On some issues arising in courts when applying the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 5 of March 24, 2005. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2005, no. 6. (In Russ.).

13. Vinnitsky A. V. Administrative liability of arbitration managers: dynamics and practice of applying new norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Administrativnoe i municipal'noe pravo*, 2017, no. 12, pp. 11–24. (In Russ.).

14. Makareiko N. V. Issues of discretion in the application of administrative coercion. *Bulletin of the N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2024, no. 4, pp. 79–87. (In Russ.).
15. Vikulin A. Yu. Principles of the theory of defects legislation: monograph. Moscow: Norma Publ., 2019. 344 p. (In Russ.).
16. Zhiltsov M. A. Defects of labor law: monograph. Ekaterinburg, 2010. 312 p. (In Russ.).
17. Kozhokar I. P. Fundamentals of the Theory of Civilistic Defectology. Moscow: Prospect Publ., 2017. 392 p. (In Russ.).
18. Murugina V. V., Vorotnikov A. A. Defectiveness of legal facts as a negative feature of the legal system. Saratov, 2011. 192 p. (In Russ.).
19. Mushinsky M. A. Problems of diagnostics of law-making defects: scientific and practical manual. Irkutsk: Institute of Legislation and Legal Information named after M. M. Speransky; Law and Democracy Foundation, 2009. 116 p. (In Russ.).
20. Onishchuk M. M. The phenomenon of error in criminal law: theoretical and applied research. Author's abstract... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2024. 22 p. (In Russ.).
21. Ponkin I. V. Theory of deviantology of public administration: uncertainties, risks, defects, dysfunctions and failures in public administration / Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow: Buki-Vedi Publ., 2016. 250 p. (In Russ.).
22. Sovetov D. I. Overcoming errors in law enforcement activities: theoretical and legal aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Saint Petersburg, 2023. 28 p. (In Russ.).
23. Sokolova M. A. Defects of legal documents: ID "Jurisprudence", 2016. 160 p. (In Russ.).
24. Chelyshev M. Yu. The system of inter-branch connections of civil law: civilistic research. Dissertation... doctor of legal sciences. Kazan, 2009. 501 p. (In Russ.).
25. Pikurov N. I. Theoretical problems of inter-branch connections of criminal law. Author's abstract... doctor of legal sciences. Volgograd, 1998. 47 p. (In Russ.).
26. Kulakov V. V. Methodology of studying inter-branch relations in Russian law (in light of the development of the teachings of M. Yu. Chelyshev). Methodological problems of civilistic research: collection of scientific articles / eds. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow: Statut, 2016. pp. 109–115. (In Russ.).
27. Rogacheva O. S. Effectiveness of the norms of administrative-tort law. Author's abstract... doctor of legal sciences. 2012. 50 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;

Н. В. Макарейко — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center "Legal Technology";

N. V. Makareyko — Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Administrative Law and Process, Associate Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Рецензия на монографию
УДК 340

**Умное регулирование: нанотехнология нормотворчества
(рецензия на коллективную монографию под ред. М. Л. Давыдовой
«Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов».
Москва: РУСАЙНС, 2024)**

Поляков Сергей Борисович

Пермский филиал Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Пермь, Россия, psb59@rambler.ru, orcid.org/0000-0003-3027-6713

Для цитирования: Поляков С. Б. Умное регулирование: нанотехнология нормотворчества (рецензия на коллективную монографию под ред. М. Л. Давыдовой «Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов». Москва: РУСАЙНС, 2024) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 415–423.

Review of the monograph

**Rational Regulation: Nanotechnology of Norm-making
(Review of the Collective Monograph edited by M. L. Davydova
“Legal Means of Intelligent Regulation within the Context of Big Challenges”.
Moscow: RuScience, 2024)**

Sergei B. Polyakov

Perm branch of the National Research University Higher School of Economics, Perm, Russian Federation, psb59@rambler.ru, orcid.org/0000-0003-3027-6713

For citation: Polyakov S. B. Smart regulation: nanotechnology of rule-making (review of the collective monograph edited by M. L. Davydova “Legal means of smart regulation in the context of major challenges”. Moscow: RUSAINES, 2024). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 415–423. (In Russ.).

Для представления сути и значения «умного регулирования», представляемого в рецензируемой книге, лучше всего прибегнуть к тому, что в ней называется «геймификация», «концепция применения элементов и механик игр в неигровых контекстах с целью повышения мотивации, участия и достижения определенных целей» [1, с. 115].

В отличие от взаимодействия человека с природой, в котором человеческие усилия наталкиваются на физические законы «экономическая, и социальная жизнь — это игра между людьми, прогнозирование которой имеет дело со стратегиями, диспозициями и ожиданиями, изменяющимися в ходе того, как индивиды стремятся,

© Поляков С. Б., 2025

либо сотрудничая, либо находясь в антагонистических отношениях с другими индивидами, увеличить собственные преимущества» [2, с. 286], поэтому вполне корректно проводить параллели между правом и спортивными играми — и те и другие объединяет конфликт отношений. Разница в том, что правовые отношения рождаются спонтанными конфликтами, спортивные — заранее спланированными его участниками по определенным ими правилам, часто нарушаемым ради победы.

Авторы рецензируемой книги не претендуют на первенство открытия сочетания права с иными механизмами социального взаимодействия. На протяжении всей книги приводятся многочисленные зарубежные и отечественные научные источники идеи государственно-правового регулирования с «обратным воздействием» со стороны управляемых.

Так, В. В. Лазарев почти полвека назад написал специальную работу о социально-психологических аспектах применения права, подчеркивая, что «в многофакторном воздействии на правоприменяющего субъекта важно различить то, что оказывает влияние вместе и в унисон с правом, а что помимо и даже вопреки праву» [3, с. 6].

Тем не менее в нашей юридической науке немало приверженцев названной в рецензируемой книге «классической» доктрины правового регулирования. Они считают ненужным усложнением поиск конкретных приемов нормотворческой техники, тем более с какими-то механизмами социального взаимодействия. «В области правоприменения взгляд «через юридические очки» порождает иллюзию независимости правоприменителя от каких-либо влияний, кроме закона, а также надежду на повышение эффективности правоприменения исключительно законодательными мерами» [3, с. 43].

В отличие от такого взгляда на право в игровых видах спорта от тактики «бей-беги» давно перешли к созданию и наигрыванию сотен комбинаций стандартных положений в циклических видах спорта — от предела количественного объема нагрузок к выявлению новых упражнений на группы мышц и выносливость сообразно видам дисциплин и дистанций.

Все чаще, однако, и в юридической науке обращаются к факторам воздействия на адресатов правовых норм правоприменителей, но выводы следуют разные (например, Ю. А. Цветков в своей монографии убедительно показал «как на самом деле устроен судебный процесс, какую роль нормативные предписания играют в нем наряду с другими факторами (управленческими,

политическими, психологическими и т. д.), за счет чего держится весь этот замес и как достигает своих целей»). Раскрыв эти факторы и назвав их совокупность правовым реализмом, он предлагает заменить им право: «В этом подходе право в его нормативном понимании теряет роль центра» [4, с. 10].

В рецензируемой монографии написано о выборах «оптимального сочетания классических регулятивных инструментов (запрет, дозволение, обязывание и прочее) и новых, направленных на повышение эффективности правового воздействия (упрощение, раскрытие информации, юридический дизайн, геймификация)» [1, с. 7]. «Под умным регулированием в настоящем исследовании будет пониматься такое выстраивание регуляторной политики, которое позволяет достичь максимального эффекта минимальными средствами, включая как традиционные средства правового регулирования, так и нерегулятивные средства правового воздействия» [1, с. 30]. Подчеркивается правовая природа умного регулирования с сохранением его сущностных свойств: общеобязательный характер, нормативность, формальная определенность [1, с. 31]. «В центре этой системы средств, безусловно, находятся запрет, дозволение и обязывание, образующие глубокий, функциональный слой механизма правового регулирования» [1, с. 34]. «В первую очередь, речь идет о разумном балансе прав, запретов и обязываний, о соразмерности ответственности, достаточности правил, отсутствии зарегулированности и т. п.» [1, с. 38–39]. «Никакие из содержащихся в концепции умного регулирования положений не противоречат тому представлению о правовом регулировании и правовом воздействии, которое характерно для отечественной правовой науки» [1, с. 55]. В этих положениях право не теряет роль центра в регулировании отношений.

Разница очевидна. Образно говоря, Ю. А. Цветков, не видя выигрышей в шахматах, возможно, из-за нечестной игры противников (читерство, угрозы и т. п.) сметает шахматные фигуры с доски и предлагает на ней играть в «Чапаева» (шолбанами по шашкам). Авторы предлагаемой концепции «умного регулирования» учитывают, образно говоря, «околошахматные» обстоятельства, но в целях достижения победы пользуются именно шахматными ходами.

Шахматисты давно занимаются не только анализами партий, но прибегают к помощи тренеров по физической подготовке, психологов, диетологов и, что роднит с обсуждаемой концепцией «умного регулирования», изучают

партии противников, чтобы найти не абстрактно лучший ход, а ведущий к позиции, в которой соперник играет неуверенно, хотя с другим шахматистом такой позиции, вероятно, следует избегать. Для иллюстрации выдержки из анализа Ботвинником партий Фишера: «Когда сталкивается с неожиданностями в дебюте (особенно в теоретических позициях) почти всегда реагирует неудачно» (всего 5 выводов).

В миттельшпиле (середина партии с множеством фигур), например: «Оберегает» пешечную цепь» <...> «Любит «длинные» ходы ферзем» (всего 11 выводов).

В эндшпиле (окончание партии с малым количеством фигур), например: «Предпочитает коня слону» (всего 3 вывода).

Общие замечания, например: Любит «хватать пешки». Иногда таким образом «дешевит» (всего 8 выводов) [5, с. 49–50].

Предлагаемая концепция «умного регулирования» выводит на более глубокий пласт нормотворчества предложениями новых сложных комбинаций из отдельно известных приемов нормотворчества, которые необходимо применять при создании нормативных правовых актов в целях их эффективности. Подобно тому, как хоккей от игры звезды (вроде Боброва) и партнеров-статистов дошел до сложных взаимодействий всей пятерки, при которой амплуа нападающих (тем более крайних) и защитников становились все более условными (Фетисов, Касатонов, Макаров, Ларионов, Крутов), то же «тотальный футбол» (сборная Нидерландов в 70-е годы XX века), универсализм баскетболистов и их комбинации со взаимодействиями и сменами позиций всей пятерки игроков и т. д.

Такие комбинации усматриваются в:

— формах взаимодействия государственной контрольно-надзорной деятельности и дерегулирования [1, с. 28];

— характеристиках достижения цели правового регулирования с одновременной минимизацией затраченных ресурсов (человеческих, финансовых, организационных) (6 комбинаций) [1, с. 29–31]. Например, «концентрация внимания не на процессе регулирования, а на его результате, который должен быть достигнут наименее обременительным для всех участников способом (для успешного регулирования необходимо понять, какая проблема мешает достижению желаемого результата, и подобрать соответствующий уровень решения, а также средства, позволяющие точно воздействовать на нее)» [1, с. 30–31]. Можно заметить, что вопреки этому в регулировании образования

внимание сконцентрировано не на подготовке специалистов дела, а на количестве выданных дипломов и на оправдании преподавателей перед заказчиками образовательных услуг за неудовлетворительные оценки заказчикам; в регулировании юридической науки — не на получение результатов в виде рецептов, инструментов создания эффективных нормативных и индивидуальных правовых актов, а на количестве статей, измеряемых в квартилях и скопусах;

— в сочетании внешних (процедурных) требований: определение уровня регулирования (прямое регулирование, саморегулирование, делегирование полномочий суррогатным регуляторам), круга субъектов, которых оно затрагивает; процедур, позволяющих этим субъектам повлиять на результат правотворческой деятельности (оценка регулирующего воздействия, общественные обсуждения, мониторинг правоприменения и т. п.) и внутренних (инструментальных) требований: запрет, дозволение и обязывание, другие специально-юридические средства, а также неправовые инструменты: цифровые технологии, информационные стратегии, поведенческие методы и другие, способные существенно повысить эффективность правового регулирования [1, с. 33–34, 41];

— в сочетании правовых средств со средствами воздействия на основе выводов поведенческих и социальных наук, включая теорию принятия решений, психологию, когнитивные науки, неврологию, теорию организационного и группового поведения [1, с. 40];

— в механизмах, которые позволяют «отключить» интуицию и «включить» рациональное мышление [1, с. 41];

— в сочетании преднормативных, нормативных и постнормативных средств умного регулирования [1, с. 57–69];

— в сочетании принципов управленческих практик [1, с. 70–75];

— в дизайне юридических документов [1, с. 92–102].

В этих комбинациях дополняется содержание отдельных собственно юридических и поведенческих приемов.

«Умное регулирование» связывается с «умным правоприменением» [1, с. 26, 29].

При этом подчеркивается: «Нет универсальных средств, подходящих для решения любой задачи» [1, с. 30–31]. Из этого следует значение выбора выявленных комбинаций и развитие отдельных комбинаций нормотворческих решений с учетом особенностей отношений, подвергаемых регулированию.

Выявление элементов приемов нормотворчества и создание из них комбинаций в духе проникновения естественных наук во все меньшие частицы природы до миллиардных долей предметов (нано). «Прежде всего, нано — это значит миллиардная доля, нанометр — это миллиардная доля метра. <...> И в целом можно сказать, что нанотехнологии, nanoиндустрия, наноматериалы — это тот класс материалов, когда принципиально новые возникающие свойства происходят из тех или иных физических явлений, которые появляются только вследствие вот этих малых размеров, вследствие изменения структуры материала, которых, вообще говоря, нет в природе» [6, с. 100–102].

Для получения новых свойств из ранее неизвестных частиц природы равно социальных процессов необходимо создание новых инструментов. Компьютерные программы служат для осуществления эффективного, а не существующего нормативного и индивидуального правового регулирования, но не в тех господствующих в нашей юридической литературе представлениях об информационных технологиях для правотворческой и правоприменительной деятельности.

В рецензируемой монографии мельком, вне связи с предлагаемыми элементами умного регулирования, повторяются типичные для нашей юридической литературы суждения о машиночитаемом праве [1, с. 89–90], о цифровизации судебного процесса [1, с. 120–121] с языческим поклонением искусственному интеллекту (далее — ИИ). Мы показывали несостоятельность таких суждений [7, 8]. В основе их убежденность в том, что создание компьютерных программ для правотворческой и правоприменительной деятельности — дело математиков, инженеров, программистов.

Между тем создание информационной системы (компьютерной программы) невозможно без понимания предметной области, о чем говорится аж в школьных учебниках по информатике. «Предметная область — это часть реального мира, которая изучается или описывается с помощью информационных систем. Она включает объекты, процессы, связи между ними и правила, по которым они функционируют» [9, с. 132]. «Автоматизация предметной области невозможна без глубокого понимания процессов, функций и требований, связанных с конкретной сферой человеческой деятельности. Только после детального анализа можно разработать эффективную информационную систему, отвечающую потребностям пользователей» [10, с. 145].

Следовательно, до перевода в компьютерные программы правотворческой и правоприменительной деятельности специалистами в этой сфере должны быть созданы алгоритмы такой деятельности. Но в основном из вала юридической литературы об ИИ в праве следует, что юристам надо просто ждать пришествия *GPT* или его подобия — творений *IT*-специалистов для неюридической деятельности в нормотворческие учреждения и суды для решения всех их проблем. В таком ожидании правоведы жонглируют словами из информатики, не прочитав учебники по информатике. А создатели Концепции развития технологий машиночитаемого права [11] явно законспектировали мысли *IT*-специалистов об «онтологии права».

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое братья любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней;
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета»

[12, с. 22].

«Наиболее обсуждаемым вопросом, связанным с цифровизацией правосудия, являются не достоинства, а опасности и риски такого процесса» [1, с. 136]. Конечно, если создать программу «шворот-навыворот» (*IT*-специалистами для бездумного употребления юристами), будет не польза, а только риски.

При создании нами программы информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства мы детализировали процесс решения по делу до отдельных правоприменительных операций (элементов решения по делу с промежуточными решениями) и сами эти операции до множества шагов и их вариантов [13, 14]. *IT*-специалист создавал программу по заданным алгоритмам, пригодным для этого, и неизвестным юристу информационным технологиям, не гоняясь за ИИ и не указывая, как решать юридические задачи (толковать право, преодолевать коллизии норм права и т. п.). Но при совместной работе находились приемы перехода от одной правоприменительной операции к другой, выявлялось множество логико-языковых и специально-юридических задач, которые необходимо видеть и решать суду, для создания команд, вводимых в программу.

Уважаемый коллега-профессор в беседе осадил меня при утверждении о воплощении нашего научного результата в компьютерную программу: «Создание компьютерных программ для юридической деятельности — не юридическая наука». Попутно было выражено недоумение по поводу правоприменительных операций (это что такое?), а их детализация названа ненужным усложнением. На реплику о необходимости для более точного решения юридических дел создавать правила совершения правоприменительных операций, как медицина заменила слуховую трубку врача вначале рентгеном, а затем УЗИ, последовал уверенный ответ: «Пользуются и тем, и другим, и третьим». Если другое-третье вроде не нужно, конечно, зачем знать, как они устроены и создавались.

Человечество отказалось от «фундаментального» вопроса: на трех слонах или китах стоит Земля путем постижения вещей и их связей, невидимых невооруженному глазу, в постепенном осознании природы Земли и космоса. На этом пути, правда, было сожжено немало еретиков-«невежд», первыми заговоривших о том, что земля круглая, потом вертится, да еще и вокруг Солнца.

Программа не для изобретения «машиничаемого и самоисполняемого права», а для получения эффективного законодательства должна представлять собой последовательность действий, которые должны совершить нормотворцы, по В. М. Баранову — норморайтеры [15]. Вначале заполнить поля в окнах программы по элементам идеи и концепции проекта нормативного правового акта — этапам нормотворчества [16, с. 268–289]. Это начало того, что в шахматах называется «дерево расчета» [17, с. 112], а в информатике — ветвление [18, с. 93]. А далее программа должна задавать нормотворцу последовательность действий, которые ему необходимо совершить, в том числе выборы из меню приемов «умного регулирования». Комбинации их могут вводиться в программу как ее решения в результате выборов нормотворца. Объем нормотворческих этапов, приемов и комбинаций из них многократно больше, чем правоприменительных операций.

Если хочется именно ИИ, то он, пригодный для прогнозов, может использоваться для расчетов вероятности развития отношений и на природу при определенных нормотворческих решениях (запретов, обязываний, дозволений в пользу тех или иных ценностей) на основе факторов, определяемых специалистами регулируемых отношений. Учет таких факторов (введение

информации о них в программу) и расчеты предлагаемых вариантов нормотворческих решений будут самостоятельными этапами нормотворчества. Следующий этап — то, что в рецензируемой книге называется решением вопроса о выборе приоритетов политики [1, с. 39].

Предлагаемое «умное регулирование» — это множество факторов и их комбинаций, которые нормотворец должен учитывать и определить иерархию целей нормативного правового акта. «Ценность концепции умного регулирования заключается не в достижении «умного» эффекта за счет подмены общих правил точечным ситуативным воздействием, а в том, чтобы усилить целеполагание в процессе создания правовых норм, разработать методики, позволяющие максимально учесть все значимые факторы, способные повлиять на эффективность будущей нормы, и в этом смысле сделать регулирование более гибким, более чутким к социальной среде» [1, с. 33]. Это продолжение идеи И. Бентама: «Разочтите хорошие и дурные последствия того и другого и выбирайте тот, который обещает наибольшее количество счастья» [19, с. 76]. «Слабый и ограниченный ум может впасть в заблуждение, приняв в расчет только малую часть добра и зла. <...> Но не следует сваливать на принцип те ошибки, которые ему противоположны и которые он только один может исправить. Когда человек неверно делает вычисление, в этом виновата не арифметика, а он сам» [19, с. 21].

Для арифметики XVIII–XIX веков достаточно и костяшек счет. Для умного регулирования современной жизни их явно недостаточно. Самый сильный ум не способен, как компьютер, вмещать и обрабатывать объем информации, составляющей содержание предметной области нормотворчества. В рецензируемой монографии отмечается, что «умное регулирование исходит из того, что результативность любой деятельности прямо пропорциональна уровню информатизации объекта управления и обратно пропорциональна уровню владения информацией, знаниями, информационными технологиями субъектов управления. Кроме того, любая автоматизация подразумевает не только формализацию, унификацию, стандартизацию, но и устранение бюрократических барьеров» [1, с. 22]. «Умное регулирование» является ценностью как теория по созданию и развитию разветвлений дерева расчета и перевода его, невмещающегося в человеческий мозг, в алгоритмы компьютерных программ, заставляющих нормотворца выполнить все, что создается юридической теорией. Компьютер при этом не

создатель права, а инструмент-носитель программ, направляющих нормотворца к созданию эффективного правового акта. Об эффективности правового акта можно судить, «когда все его цели — и ближайшие, и отдаленные, и конечные — выполнены с наименьшим ущербом для различных социальных ценностей, с меньшими экономическими затратами в наиболее короткий срок» [20, с. 131]. Притом, что «человек стремится в большинстве случаев к более простым решениям, не стремясь тратить энергию на обдумывание тех или иных вариантов» [1, с. 41].

Итак, «умное регулирование» неразрывно связано с информатизацией, благодаря которой можно достичь нового уровня правового регулирования. Но в этом и беда концепции «умного регулирования».

Во-первых, нет ясных, общеизвестных государственных конкретных задач, для решения которых должны быть созданы компьютерные программы, и условий конкурсов на проекты информационных решений либо условий оценки инициативных проектов информационных решений публичных задач для инвестирования в них. «В современных российских работах основной акцент делается на финансировании и государственной поддержке разработки и внедрения технологий роботизации и цифровизации без привязки к конкретным результатам и имеющимся наработкам» [21, с. 24]. В такой ситуации борьба за деньги под информационные технологии стала особым искусством, далеким от науки. Лауреат Нобелевской премии Ж. И. Алферов почти двадцать лет назад писал: «А сегодня делят деньги, а не решают проблему» [6, с. 100]. Тренд тот же.

Концепция развития технологий машинизируемого права создана в оправдание проекта Фонда «Сколково» 2017 года. Название ассоциируется не только с наукой. В том же духе Ходжа Насреддин получил от эмира деньги вперед за то, что за 15 лет научит ишака говорить.

В то же время никак не удастся привлечь внимание государственных органов к реальным программам юридической деятельности [13, 22].

Во-вторых, сомнительно, что власти нужно «умное регулирование». Противоречию государственного управления и правового регулирования в книге уделяется особое внимание [1, с. 31–33]. Нет желания возражать тезису: «Правовое регулирование в этом контексте должно рассматриваться как основа и обязательное условие качественного государственного управления» [1, с. 32]. Но реализовать юридические идеи в законодательстве и правоприменительной

практике можно только через власть. Политическому характеру государственной власти милее ситуативно-популистское законотворчество [23]. При общности объекта исследования и воздействия у правоведов и власть имущих разные «весовые категории». В единоборствах не техникой и выносливостью тяжело-вес (100 кг) одолеет «мухача» (51 кг), а просто «массой задавит».

Авторы рецензируемой книги не смогли не посетовать на невостребованность государством или на формальное применение того, что они относят к приемам «умного регулирования» [1, с. 64, 69].

При ревнивом отношении к вмешательству ученых в правовое регулирование («эксклюзивный инструмент государства») [24, с. 18] науке государство рекомендует вместо выявления дефектов законодательства и правоприменительной практики фундаментально увидеть в них новые образы права. Ревность — не жажда научных результатов в виде решений правотворческой и правоприменительной деятельности вместо своей руки-владыки.

В-третьих, ученый мир не един в своих помыслах. Многие степень научности, фундаментальности исследований измеряют удаленностью от юридической практики. К тому же государство наукометрические показатели задает не в конкретных продуктах для внедрения в юридическую практику, а в виде поводов уменьшить зарплату ученым.

Жизнь не заставляет сторонящихся юридической практики искать ответы на вопросы: «Для чего установлены обязанности и запреты, мешающие достигать их адресатам своих профессиональных целей? Почему в судах разрушитель побеждает созидателя?». Отсутствие ответов на такие вопросы их скопусы и кварталы не снижают.

Для наслаждения фигурным катанием у телевизора незачем отличать сальхов от тулупа и акселя по постановке коньков и заходу на прыжок фигуриста. Достаточно уметь считать количество оборотов прыжков. «Премудрости» рождаются в поисках тренерами и спортсменами победы. А врач, сомневаясь в диагнозе пациента, за которого болит душа, злится на непригодность слуховой трубки для выявления причин сложного заболевания.

Вместо предметной области объективно необходимой информатизации государственно-правовой деятельности юристы-ученые в основном занимаются государственными идеалами. Относительно споров о содержании

политико-правовых ценностей в рецензируемой книге отмечено, что «при всей своей безусловной значимости не могут развиваться бесконечно, не столкнувшись с проблематикой декларативности, идеализма, выхолащивания, а также и отсутствия единообразия в понимании» [1, с. 14–15]. Без науки ясно, что лучше быть богатым и здоровым. Наука начинается не с решения проблемы быть богатым или здоровым, а с вопросов как стать богатым и здоровым.

Умное регулирование без перевода в компьютерные программы не сможет развиваться, как кит на суше. Работа над переводом дерева расчета умного регулирования в алгоритмы компьютерной программы вывела бы нормотворчество и науку о нем на качественно иной уровень. В нее бы вовлекались ученые, отсекающие мнимые приемы и комбинации эффективного нормотворчества не из легендарного синдрома Сальери, а с объединяющей жаждой открытия полезных и нескончаемо новых вариантов, которые способен вмещать в себя компьютер и быстро рекомендовать нормотворцам. Но в силу названных факторов об этом можно только мечтать, как в средневековье мечтали о полетах гонимые и казнимые современниками безумцы.

От тоски по умному регулированию можно впасть в воплощение англоязычных слов о нем в окружающую действительность. Следов такой тоски в рецензируемой книге немало вопреки идее учитывать восприятие субъектами адресуемых им предписаний. Между прочим, употребление к умному регулированию гаджетовского *smart* вместо человеческого *rational* в духе «машиничаемого права», но не предметной области программирования эффективного нормотворчества.

В таких условиях концепция умного регулирования сведется к комментариям отдельных нормотворческих решений государства как умных или неумных. При чтении таких многочисленных комментариев в рецензируемой книге вспоминается сеанс одновременной игры, данный Остапом Бендером любителям шахмат в Васюках. «Остап не баловал своих противников разнообразием дебютов. <...> На третьем ходу выяснилось, что гроссмейстер играет восемнадцать испанских партий. В остальных двенадцати черные применили хотя и устаревшую, но довольно верную защиту Филидора. Если б Остап узнал, что играет такие мудреные партии и сталкивается с такой испытанной защитой, он крайне бы удивился. Дело в том, что великий комбинатор играл в шахматы второй раз в жизни» [25, с. 323].

Печальный, но несложный прогноз. Государству от юридической науки не нужна для нормотворчества энциклопедия дебютов, которую бы создала реализация концепции умного регулирования. Ему в ближайшей исторической перспективе достаточно содержания лекции О. Бендера в Васюках «Плодотворная дебютная идея» [25, с. 323].

Список источников

1. Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов: монография / под ред. М. Л. Давыдовой. Москва: РУСАЙНС, 2024. 242 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Издательство «Academia», 2004. 788 с.
3. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань: Издательство Казанского университета, 1982. 144 с.
4. Цветков Ю. А. Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 383 с.
5. Тайманов М. Я был жертвой Фишера. Санкт-Петербург: Шахфорум, 1993. 112 с.
6. Алферов Ж. И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. Москва: Родина, 2021. 256 с.
7. Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. 2021. Вып. 53. С. 462–487.
8. Поляков С. Б., Гилев И. А. Слова и дела «цифровизации права» // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 85–96.
9. Семакин И. Г., Хеннер Е. К. Информатика и ИКТ. Базовый уровень: учебник для 10–11 классов. 4-е изд. Москва: Лаборатория знаний, 2018. 264 с.
10. Босова Л. Л., Босова А. Ю. Информатика. 10 класс. Москва: Лаборатория знаний, 2022. 320 с.
11. Концепция развития технологий машиничаемого права, утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 сентября 2021 года № 31. Доступ из СПС «КонсультантПлюс. (дата обращения: 20.04.2025).
12. Крылов И. А. Стрекоза и муравей: басни. Москва: Эксмо, 2020. 80 с.
13. Поляков С. Б., Гилев И. А., Трапезникова Е. В. Программа информационно-технологической поддержки принятия мотивированных судебных решений по делам искового производства по правилам ГПК РФ «Лазер-ИП-ГПК-2020» зарегистрирована в Реестре программ для ЭВМ 27 июля 2021 года, свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2021662386.

14. Поляков С. Б., Гилев И. А. Система правоприменительных операций. Москва: Юрлитинформ. 2023. 352 с.
15. Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.
16. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. Москва: Издательство «Проспект», 2021. 648 с.
17. Шахматы: энциклопедический словарь. Москва: Современная энциклопедия, 1990. 621 с.
18. Информатика. Базовый уровень: учебник для 10 класса / И. Г. Семакин, Е. К. Хеннер, Т. Ю. Шеина. 4-е изд. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. 264 с.
19. Бентам И. Принципы законодательства. Москва: Солдатенков, 1896. 340 с.
20. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань: Издательство Казанского университета, 1975. 207 с.
21. Сеницын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. Москва: Инфотропик Медиа, 2020. 212 с.
22. Аликперов Х. Д. Электронная технология определения меры наказания. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2020. 170 с.
23. Скобликов П. А. Ситуативно-популистские законотворчество как правовой и социальный феномен, его актуальные проявления и пути ограничения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 61–67.
24. Толстик В. А., Трусов Н. А. Борьба за содержание права. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. 202 с.
25. Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Двенадцать стульев. Москва: Гослитиздат, 1961. 561 с.
6. Alferov Zh. I. Power without brains. Separation of science from the state. Moscow: Rodina, 2021. 256 p. (In Russ.).
7. Polyakov S. B., Gilev I. A. Subject area of informatization of judicial decisions. *Bulletin of Perm University*, 2021, Issue. 53, pp. 462–487. (In Russ.).
8. Polyakov S. B., Gilev I. A. Words and deeds of the “digitalization of law”. *Russian Law Journal*, 2023, no. 1, pp. 85–96. (In Russ.).
9. Semakin I. G., Henner E. K. Computer Science and ICT. Basic level: textbook for grades 10–11. 4th ed. Moscow: Laboratory of knowledge, 2018. 264 p. (In Russ.).
10. Bosova L. L., Bosova A. Yu. Computer science. 10th grade. Moscow: Laboratory of knowledge, 2022. 320 p. (In Russ.).
11. The concept of development of machine-readable law technologies, approved by the Government Commission on digital development, the use of information technology to improve the quality of life and business conditions, protocol no. 31 of September 15, 2021. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.04.2025). (In Russ.).
12. Krylov I. A. Dragonfly and Ant: Fables. Moscow: Eksmo, 2020. 80 p. (In Russ.).
13. Polyakov S. B., Gilev I. A., Trapeznikova E. V. The program of information technology support for the adoption of reasoned judicial decisions in cases of claim proceedings under the rules of the Civil Procedure Code of the Russian Federation “Laser-IP-GPC-2020” was registered in the Register of computer programs on July 27, 2021, certificate of state registration of computer programs no. 2021662386. (In Russ.).
14. Polyakov S. B., Gilev I. A. The system of law enforcement operations. Moscow: YurLitinform. 2023. 352 p. (In Russ.).
15. Baranov V. M. Norm writer as a profession. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 6, pp. 16–29. (In Russ.).

References

1. Legal means of smart regulation in the context of major challenges: monograph / ed. by M. L. Davydova. Moscow: RUSAINS, 2024. 242 p. (In Russ.).
2. Bell D. The coming post-industrial society. Experience of social forecasting. Moscow: Asademia Publishing House, 2004. 788 p. (In Russ.).
3. Lazarev V. V. Social and psychological aspects of the application of law. Kazan: Publishing House of Kazan University, 1982. 144 p. (In Russ.).
4. Tsvetkov Yu. A. Games that judges play. Deconstruction of justice and judicial activity in the paradigm of legal realism. Moscow: UNITY-DANA, 2023. 383 p. (In Russ.).
5. Taimanov M. I was a victim of Fisher. Saint Petersburg: ShakhForum, 1993. 112 p. (In Russ.).
16. Legal technique: textbook / ed. by V. M. Baranov. Moscow: Prospect Publishing House, 2021. 648 p. (In Russ.).
17. Chess: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Modern Encyclopedia, 1990. 621 p. (In Russ.).
18. Computer Science. Basic Level: Textbook for Grade 10 / I. G. Semakin, E. K. Henner, T. Yu. Sheina. 4th ed. Moscow: BINOM. Knowledge Laboratory, 2015. 264 p. (In Russ.).
19. Bentham I. Principles of Legislation. Moscow: Soldatenkov, 1896. 340 p. (In Russ.).
20. Lazarev V. V. Effectiveness of Law Enforcement Acts (Theoretical Issues). Kazan: Kazan University Publishing House, 1975. 207 p. (In Russ.).
21. Sinitsyn S. A. Russian and Foreign Civil Law in the Context of Robotization and Digitalization. Experience of Interdisciplinary and Sectoral Research: monograph. Moscow: Infotropic Media, 2020. 212 p. (In Russ.).

22. Alikperov Kh. D. *Electronic Technology for Determining Punishment*. Saint Petersburg: Legal Center Press, 2020. 170 p. (In Russ.).

23. Skoblikov P. A. *Situational Populist Lawmaking as a Legal and Social Phenomenon, Its Current Manifestations and Ways of Limiting It*. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2020, no. 2, pp. 61–67. (In Russ.).

24. Tolstik V. A., Trusov N. A. *The Struggle for the Content of Law*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 202 p. (In Russ.).

25. Ilf I. A., Petrov E. P. *Collected works: in 5 vol. Vol. 1. Twelve chairs*. Moscow: Goslitizdat, 1961. 561 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Б. Поляков — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, адвокат.

Information about the author

S. B. Polyakov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Perm Branch of the National Research University Higher School of Economics, lawyer.

Отзыв на кандидатскую диссертацию
УДК 34.01

Преимущественное право: концепция, практика, техника (заметки на полях диссертации А. А. Дергунова «Преимущественное право: общетеоретическое исследование» (Саратов, 2024. 213 с.))

Репьев Артем Григорьевич

Российский университет транспорта, Москва, Россия, repev-artem@yandex.ru

Для цитирования: Репьев А. Г. Преимущественное право: концепция, практика, техника (заметки на полях диссертации А. А. Дергунова «Преимущественное право: общетеоретическое исследование» (Саратов, 2024. 213 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 424–433.

Review of a PhD dissertation

Preemptive law: concept, practice, technique (notes on the margins of the dissertation of A. A. Dergunov “Preemptive law: a general theoretical study” (Saratov, 2024. 213 p.))

Artem G. Repev

Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation, repev-artem@yandex.ru

For citation: Repev A. G. Preemptive law: concept, practice, technique (notes on the margins of the dissertation of A. A. Dergunov “Preemptive law: a general theoretical study” (Saratov, 2024. 213 p.)). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 2 (70), pp. 424–433. (In Russ.).

Словосочетание «преимущественное право» при первоначальном произнесении в юридическом сообществе вызывает устойчивые ассоциации частного-правового характера, «виной» тому — многочисленные исследования ученых-цивилистов относительно системы прерогативных возможностей в гражданском праве России (покупки доли собственником; заключение договора аренды на новый срок предыдущим арендатором и другое). Однако ввиду того, что смыслообразующим для сочетания «преимущественное право» выступает лексема «преимущество», указывающая на улучшение правового

положения конкретного участника правоотношений, предположим, что назрела не только теоретическая, но и практическая необходимость в расширении граней познания феномена «преимущественное право» с комплексных позиций. Подобная попытка предпринята А. А. Дергуновым, исследовавшим преимущественное право как общеправовое явление [1].

Поскольку выделение преимущественных прав, как и правовых преимуществ в целом, выступает формой объективизации процесса разделения общего на части и, соответственно, выступает результатом дифференциации,

© Репьев А. Г., 2025

тогда предположим, что исследование преимущественного права должно опираться на общее учение о специализации права.

Может показаться, что специализация правовых установлений, как следствие, потребности максимального охвата особенностей современных трансформируемых социальных связей, необходимости регулирования вновь появляющихся общественных отношений, есть прогрессивная тенденция нынешнего витка государственно-правового строительства. Российское законодательство, не будем этого отрицать, действительно, встав на путь глубокого и всестороннего преобразования после распада Советского Союза, в последние десятилетия заметно усложнилось. Сказались последствия глобализации, цифровизации и прочие обстоятельства, однако потребность в специализации права начала ощущаться далеко не сегодня.

Выступая отражением сложностей реальной жизни, ее динамичности и разнообразия, специализация права стала концептуально подвергаться осмыслению теоретиками права еще в конце XX века. Исследование юридического наследия Саратовской школы права свидетельствует, что именно она являлась одной из площадок, где с конца XX века и по сегодняшний день формируется учение о правовой специализации в широком ее понимании (от первичного элемента — правовой нормы, до системы права и законодательства в целом), органично связанной с унификацией и дифференциацией. В частности, благодаря работам профессора И. Н. Сенякина специализация законодательства получила не только крепкое, фундаментальное доктринальное обоснование, но и заметные перспективы своего углубления. Тезис о важности разумного сочетания унификации и дифференциации, впервые доказанная их парность [2, с. 2] не только не потеряли актуальности в наши дни, но и обрели большую остроту. Сегодня взаимодополнение названных процессов также строится на методологическом законе единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, унификация, как и специализация, преследует цель создания разноуровневых нормативных правовых актов, с другой — если одной из форм специализации принято считать дифференциацию (наряду с конкретизацией и детализацией), то унификация должна устранять чрезмерную социально и юридически необоснованную дифференциацию. В этой связи нельзя не отметить своевременность доктринального обращения А. А. Дергунова к феномену преимущественного права,

вновь предпринятого для изучения представителем Саратовской юридической школы.

Аксиомой нормотворческого процесса, первоочередной задачей построения непротиворечивого материала является унификация терминологической системы. Однако существующий ряд понятий в области выделения особых, специальных возможностей субъектов далек от единообразия. В законодательстве, как на федеральном, так и иных уровнях, многократно используется термин «преимущество» в проекции к дополнительным правам личности, употребляются в одном синонимичном ряду словосочетания «первоочередное право», «прерогативное право», «внеочередное право» и прочие. Нередко это приводит к ошибочной интерпретации и правоприменению с учетом отсутствия указаний на унифицированность данного лексико-юридического семантического ряда. К сожалению, юридическая доктрина также далека от унифицированного понимания родового словосочетания «преимущественное право», определения его места в системе субъективных возможностей в целом и правовых преимуществ в частности.

Нередко происходит смешение преимущественного права с иными средствами механизма правового регулирования, направленными на выделение особых прав конкретного субъекта: привилегиями, иммунитетами, льготами и т. п. Очевидны те практические и научные последствия, которые обуславливают это упущение. Речь идет и о некачественном правоприменении, неграмотном и малоэффективном совершении юридически значимых поступков, обеднении доктринальной терминологии и отсутствии процесса взаимообогащения научного аппарата теории и практики.

Представленная работа А. А. Дергунова как раз и направлена на формирование методологической основы научного познания сущности специализации и дифференциации в праве, определение процесса гармонизации нормативного правового воздействия на общественные отношения, установление особенностей, присущих преимущественному праву в механизме действия современного права. В свете сказанного, приятно осознавать, что А. А. Дергунов развивает тематику, начатую М. И. Байтиным и И. Н. Сенякиным, продолженную С. А. Белоусовым сквозь призму законодательного дисбаланса [3], Д. Е. Петровым применительно к дифференциации в праве [4], С. Ю. Суменковым — в проекции к правовым исключениям [5]. Тематика, затронутая

диссертантом, посвященная комплексному, системному исследованию преимущественного права в механизме действия современного публичного и частного права, представляет собой универсальное актуальное направление, имеющее важное теоретическое и практическое значение для уточнения и развития теории правовых преимуществ.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации относительно феномена «преимущественное право», обеспечивается верно избранной методологией исследования, глубокой проработкой теоретической, нормативной баз и эмпирической составляющей.

Ознакомившись с диссертацией можно сделать вывод, что автор владеет основными общенаучными методами исследования, широко применяет диалектический метод, принципы и приемы системной методологии как одной из базовых для теории государства и права, что позволяет представить преимущественное право в его целостности, внутренних закономерностях, динамике и развитии. Способность правильно и уместно прибегнуть к необходимому научному инструментарию позволила А. А. Дергунову показать историческую ретроспективу эволюции преимущественного права; сформулировать авторскую дефиницию преимущественного права и осветить характеризующие его признаки; провести юридико-лингвистический анализ преимущественного права, подтверждающего, что оно выступает нормативным термином, отображающим отдельный сегмент правовых преимуществ; выявить критерии классификационного деления преимущественного права, иллюстрирующие сложность, полиформичность и разнообразие.

Отметим, что серьезная аналитическая работа проведена как в отношении действующего отечественного законодательства (соискателем использовано более ста источников), так и региональных, ведомственных, локальных нормативных правовых актов. Автор хорошо владеет нормативным материалом, умело работает с правоприменительной практикой.

Достоверность и новизна положений, выводов, рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывают сомнений. Результаты исследования, полученные автором, характеризуются научной новизной, которая заключается в концептуальном осмыслении места преимущественного права в системе правовых преимуществ; обосновании содержания понятия «преимущественное право»

посредством анализа существенных признаков данного явления и формулирования на этой основе авторской дефиниции; аргументации А. А. Дергуновым различного характера связи преимущественного права с юридическими исключениями, правовыми приоритетами, прерогативами; разработанных автором подходов по повышению эффективности потенциала правовых преимуществ в целом и преимущественного права в частности, реализуемых в механизме действия публичного и частного права.

Отдельно подчеркнем значение для науки и практики выводов и рекомендаций, полученных в диссертации. Теоретическая значимость диссертационного исследования обоснована тем, что в нем доказаны положения, вносящие вклад в расширение представлений об общерегулятивном и поощрительном, стимулирующем потенциале права, правовом регулировании отношений в обществе на основе специализации и дифференциации. Посредством детализированного анализа правовой доктрины, современного законодательства и правоприменительной практики установлены закономерности реализации преимущественного права; раскрыта специфика преимущественного права применительно к осуществляемой юридической деятельности, выявлены проблемы дисфункциональности правовых преимуществ.

Нельзя отрицать и практическое значение результатов представленного исследования, которое выразилось в том, что содержащиеся в диссертации положения и выводы могут быть использованы в научных исследованиях по проблемам правового регулирования и установления правовых преимуществ для специальных субъектов.

Обсуждаемая рукопись кандидатской диссертации в целом соответствует требованиям внутреннего единства и логике темы. В первой главе работы «Преимущественное право как общеправовой феномен» автор формулирует теоретическую основу своего исследования, раскрывает исторические особенности появления и нормативного отступления от принципа формального равенства в виде преимущественных прав отдельных участников общественных отношений. Следует поддержать его позицию, что «...Широкое распространение дефиниция “преимущественное право” получает в советском законодательстве. Субъекты правотворчества, стремясь избежать слова “привилегия”, начинают активно внедрять термин “преимущественное право”, верно подразумевая под ним право на определенные блага» [1, с. 39].

Действительно, юридические средства воздействия на общественные отношения (и преимущественное право здесь не исключение) в механизме действия права на конкретной стадии эволюции государства не могут быть деидеологизированными, игнорировать политические реалии. Возможное отделение права от идеологических установок — иллюзия, искажение общественных и политических реалий.

Идеологический нейтралитет в вопросах нормотворчества, интерпретации и реализации права не только фикция, но и негативное явление по существу. Если говорить более предметно, то установление преимущественных прав или иных отступлений от принципа формального равноправия должно находить опору в общественном и политическом сознании, являться следствием воплощения духовно-нравственных идей и воззрений социума, служить ориентиром в достижении поставленных государственных целей, прогнозных ожиданий.

В научном плане стоит отметить материал, посвященный выделению юридико-лингвистической составляющей преимущественного права. Полагаем возможным согласиться с А. А. Дергуновым в том, что «...преимущественное право — органичный и неотъемлемый компонент объективного права, презюмируемый как нормативно-правовое предписание, то есть как надлежаще оформленное властное веление правотворческого субъекта, изложенное в юридических нормах посредством доминирования бланкетного или отсылочного способа» [1]. Следует поддержать попытку автора увязать исследуемый феномен с теорией общей и специальной нормы, а также иными компонентами юридической техники. Такая трактовка открывает новые грани исследования данного фундаментального феномена, расширяет научное знание о нормотворчестве и юридической технике.

Выводы автора относительно дефиниции и сущности преимущественного права стали основой для формулирования положений второй главы работы «Преимущественное право: специфика инструментальной нагрузки». В ней диссертантом определено место преимущественного права в системе юридических дозволений, сформулировано целевое предназначение, представлены инструментальная составляющая преимущественного права, функции преимущественного права в публичном и частном праве.

В данной главе наиболее значимым с позиции научного и практического потенциала

исследования представляется материал, посвященный функциям преимущественного права. Автор убедительно доказывает выдвинутую гипотезу об интеграции функций преимущественного права, детерминированных как правовым регулированием, так и правовым воздействием. К таким функциям, несущим сугубо прагматический характер, им отнесены стимулирующая, компенсационная, конкретизирующая. Соискатель, основываясь на солидной доктринальной, законодательной и правоприменительной базе, А. А. Дергунов делает вывод о необходимости учета корреляции общих функций права (свойственных для преимущественного права) с правовым воздействием. Сложность природы последнего порождает дуализм набора функций преимущественного права. В частности, ценностно-ориентационная составляющая правового воздействия предопределяет реализацию преимущественным правом экономической, политической, идеологической, воспитательной функций [1, с. 170].

В заключении подведены итоги проведенного исследования, сформулированы основные выводы, которые, возможно, определяют дальнейшие направления исследований преимущественного права, его потенциала регулирования общественных отношений сквозь призму стимулирующей функции права и государства.

Без сомнения, следует положительно отметить личный вклад соискателя в разработку научной проблемы, репрезентативность эмпирического материала, глубокую обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в представленном диссертационном исследовании.

Методологический инструментарий, направленный на выяснение особенностей преимущественного права в механизме действия современного публичного и частного права, положения, выносимые соискателем на защиту, широкое использование разнообразного правового нормативного материала, общая насыщенность работы качественной источниковедческой базой и научным аппаратом (493 источника) — все это обуславливает новизну, достоверность и обоснованность выявленных в ходе исследования выводов и рекомендаций.

Выносимые соискателем А. А. Дергуновым положения на защиту аргументированы, доказательны. Применяя многообразие средств и способов познания, диссертанту удалось раскрыть объект и предмет исследования, достичь поставленной цели и решить задачи.

Отмечая в целом высокий научный уровень проведенного А. А. Дергуновым диссертационного исследования, нельзя не указать на то, что, как всякого рода работа творческого характера, она содержит отдельные погрешности, некоторые неточности и противоречия, спорные моменты, которые дают основания для дискуссии.

Первое. Ключевое методологическое упущение соискателя — затушевывание связи преимущественного права со специальным правовым статусом личности. Убеждены, что преимущественным правом обладают специальные субъекты, наделенные им в силу дифференциации правового воздействия на различные общественные отношения. В частности, 28 февраля 2025 года Президент Российской Федерации подписал законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которым детям сотрудников службы исполнения наказания предоставлено преимущественное право поступления в образовательные организации соответствующей ведомственной принадлежности [6]. Подобный нормотворческий шаг далеко не случаен, а отражает устремления государства по поддержке граждан, состоящих на службе по охране правопорядка и борьбе с преступностью. Должностные лица службы исполнения наказания, обладая специальным правовым статусом, имеют весомые ограничения и запреты по службе (в части свободы передвижения, занятия иной оплачиваемой деятельностью, и прочее) [7], следовательно, для сбалансирования их правового положения необходимы правовые преимущества, гарантии независимой и беспристрастной деятельности, в том числе отражающиеся в заботе государства о членах их семей. Эту прямую связь преимущественного права и правового статуса личности необходимо не прятать за сложными, витиеватыми формулировками (такими как «эксклюзивные правомочия», «эксклюзивные возможности» и прочее), а демонстрировать и доказывать. Мимоходом упоминая во втором положении об отражении преимущественного права в специальном статусе, соискатель не поясняет и не аргументирует данную мысль в рукописи [1, с. 54, 62]. В этой связи так и осталась неясной позиция относительно того, является ли преимущественное право (автономным, наряду с субъективным правом, или факультативным) элементом конструкции специального правового статуса. Не решен вопрос: «При включении преимущественного права в структуру правового статуса будут ли меняться иные компоненты,

например, юридические обязанности, появляться запреты и ограничения?». Нам, безусловно, льстит тот факт, что в качестве методологической основы исследования и ядра дефиниции «преимущественное право» в диссертации используется ранее аргументированная категория «правовое преимущество», но огорчает, что делается он это весьма своеобразно, о чем подробнее мы скажем ниже.

Второе. Отсутствие научной решительности, в некоторых моментах и логической непротиворечивости рассуждений, просматривается и относительно положений, касающихся констатации терминологической вариативности преимущественного права. Ознакомление с работой не позволяет получить однозначного ответа на вопрос: «Как соотносятся преимущественное право и приоритетное?». Можно предположить, что это лишь лингвистические разновидности одного и того же явления, поскольку автор позиционирует их как «фразеологические вариации», однако не слишком далеко от данного тезиса мы обнаруживаем антитезис. Буквально в шестом положении соискатель сначала позиционирует преимущественное право и приоритетное — как целое и часть, а затем придает приоритетному праву куда более весомую сущностную наполненность, заявляя, что приоритетное право «концентрирует качества преимущественного права, с одной стороны, и юридического приоритета — с другой» (курсив наш. — А. Р.). Юридический приоритет, в нашем понимании, — феномен более широкий, проявляющийся в правоотношениях не только на уровне прав, но и как минимум обязанностей. Рассуждая в этом ключе, мы можем сделать иной вывод: преимущественное право — та самая вариация приоритета, но это лишь наше предположение. Удивляет и тот факт, что в критикуемом положении о терминологической вариации не нашлось места исключительному праву (с учетом научной школы профессора С. Ю. Суменкова [5]), поскольку нередко законодательно закрепленное исключительное право (например, относительно денежной эмиссии) содержательно фактически означает право преимущественное. В частности согласовано, статье 29 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» сказано, что «...эмиссия наличных денег (банкнот и монеты), организация их обращения и изъятия из обращения на территории Российской Федерации осуществляются исключительно Банком России» [8]. В отдельных

случаях преимущественное право появляется лишь благодаря исключительности сложившихся обстоятельств: «В целях обеспечения потребностей Российской Федерации *в исключительных случаях* (курсив наш. — А. Р.) по решениям Президента Российской Федерации субъекты добычи и производства драгоценных металлов и субъекты добычи драгоценных камней осуществляют обязательные поставки аффинированных драгоценных металлов в стандартном виде <...> независимо от наличия уведомлений об отказе подведомственного уполномоченному федеральному органу исполнительной власти государственного учреждения от *преимущественного права* покупки драгоценных металлов и драгоценных камней» [9]. Кроме того, некоторые акты интерпретации (официального характера) усиливают прерогативность обсуждаемой субъективной возможности связкой «исключительное преимущественное право» [10]. В любом случае рассмотрение преимущественного права в соотношении с исключительным (установив для них элементы общего, особенного и единичного) могло бы иметь существенное как теоретическое, так и практическое значение. Теория юридических исключений продолжает формироваться, демонстрируя высокую перспективность сочетания глубокой абстрактности и конкретности в правовом регулировании.

Третье. Контroversионным (как внутренне, так и по отношению к другим положениям на защиту) и оттого сомнительным с точки зрения теоретической зрелости выглядит седьмое положение, раскрывающее выводы автора о целях преимущественного права. С учетом позиционирования соискателем преимущественного права сквозь призму специальных правовых норм [1, с. 54, 62], акцентуации нормативности термина «преимущественное право» полагаем, что закрепление в нормативном правовом акте преимущественного права специальных субъектов есть проявление специализации права и такой цели, как дифференциация и индивидуализация общественных отношений. Постулирование всем известной философской концепции «причинность цели» без опоры на сущностные особенности исследуемого явления не приблизило автора к раскрытию практических целей преимущественного права. Проигнорировав индивидуализацию, мимоходом остановившись на дифференциации [1, с. 117–118], соискатель не развивает далее мысль, уходит в пространственные рассуждения о моделировании, периодически предлагая какие-то «...алгоритмы, характеризующие цель преимущественного

права», после чего выдвигает новый тезис, что «...целями преимущественного права выступают справедливость и гуманизм» [1, с. 127]. Аксиомой юриспруденции является восприятие справедливости и гуманизма в качестве общеправовых принципов права, и в таком качестве они будут проецироваться на всю правовую систему, каждое правовое явление. Какова тогда научная и практическая ценность такой, выражаясь языком А. А. Дергунова, апории? Применительно к сказанному, откроем лишь некоторые перспективы обращения к феномену «преимущественное право» сквозь призму юридической дифференциации.

Во-первых, это позволит оттенить преимущественное право от дискриминации, провести четкие «демаркационные линии» соприкосновения (но не смешения!) данных явлений. Не будет новостью указание на то, что в правоприменительной среде предоставление отдельным субъектам преимущественных прав может ассоциироваться с нарушением равноправия, ущемлением прав других лиц, и порождать судебные разбирательства [11]. Следовательно, доктринальная конкретизация данного аспекта необходима практике.

Во-вторых, обращение к феномену «преимущественное право» сквозь призму юридической дифференциации позволит внести ясность относительно соответствия данного преимущества юридической аксиоме о действии закона во времени. Нередко обретение какого-либо блага на основании преимущественного права ставит вопрос о его свойстве ретроактивности, то есть использовании на основании действия обратной силы закона, а также базируясь на преюдициальности, но без фактического обращения к ранее установленным обстоятельствам (например, заключение договора аренды на новый срок без проведения торгов) [12].

И последнее. Обращает на себя внимание с критической стороны определение понятия преимущественного права, представленное во втором положении на защиту [1, с. 11–12], что связано сразу по нескольким моментам.

Во-первых, позиционирование преимущественного права как разновидности правовых преимуществ (что вряд ли уместно заявлять как научное открытие) предполагает обязательное дефинирование родовой категории в положениях, выносимых на защиту, либо ее обоснование в тексте исследования. Однако этого не происходит. Вместо этого на странице 40 мы обнаруживаем мимоходом брошенный несправедливый с научной точки зрения тезис, что ранее

предложенная и доказанная А. Г. Репьевым научная концепция правовых преимуществ «*новаторством не отличается*» (курсив наш. — А. Р.), при этом со ссылкой на статью ученого, где подобный тезис он якобы сам и подтверждает. Что можно сказать относительно этого? В первую очередь читатель имеет возможность убедиться в отсутствии подобного утверждения на страницах периодической печати, к которым апеллирует А. А. Дергунов [13, с. 21–22]. Во-вторых, сегодня некоторым молодым ученым действительно свойственна тенденция: походя, не всегда с должной внимательностью, но при этом огульно, со всей прытью критиковать авторов, ранее исследовавших проблему. Если бы соискатель обнаружил в себе достаточно смелости, то предложенные им дефиниции, а затем и типология правовых преимуществ могли бы рассматриваться как стадия современного взгляда на эту проблему, одновременно стимулирующую дальнейший научный поиск. Вместо этого в рукописи А. А. Дергунов смешивает всю типологию правовых преимуществ, не только не различая подчас привилегии, льготы и иммунитеты, но и считая преимущественное право родовым феноменом, относя к нему, например, иммунитет от местных правовых норм и законов в римском праве. Убеждены, что запрет на применение пыток в отношении отдельных субъектов [1, с. 26] вряд ли можно считать преимущественным правом, с учетом понимания его автором в качестве «*возможности претендовать на нормативно оговоренное благо*» (курсив наш. — А. Р.).

Приведенные выше примеры нераспространения общей юрисдикции на специальных субъектов или неподверженности отдельных лиц неблагоприятным последствиям своего поведения представляют собой правовой иммунитет. Этот тип правового преимущества, безусловно, ставит субъекта в улучшенное правовое положение, но характеризуется не индивидуальной возможностью (читай правом), а сочетанием прав, обязанностей и дополнительных гарантий, заключающихся в неприкосновенности при привлечении к юридической ответственности и неподверженности обязанностям и запретам, установленным национальным законодательством и нормами международного права [14, с. 57–59]. По всей видимости, соискатель максимально погружен в тематику преимущественного права и начинает ее абсолютизировать. Жаль, что это происходит в ущерб ясности, а зачастую и в обход правил корректного ведения научной полемики.

А. А. Дергунов не останавливается на сказанном, продолжая приводить букет псевдоцитат наших работ, тем самым сгущая научный туман относительно системы правовых преимуществ (им же, к слову, напущенный). Он критически указывает: «Здесь можно не согласиться с алгоритмом приоритетности преимуществ: “иммунитет-привилегия-льгота”» [1, с. 40]. Что хотел этим сказать автор? Алгоритм, как известно, — это система операций, заключающаяся в четкой последовательности действий, выполнение которой дает результат, например, вычисление [15, с. 29]. Не на страницах вышеуказанной научной публикации, ни в иных работах никогда не заявляли о какой-либо «алгоритмизации» правовых преимуществ. Более того, придерживаясь доказанной типологии правовых преимуществ (представленной иммунитетом, привилегией, льготой и особой правовой процедурой), убеждены в том, что каждая из них характеризуется содержательными особенностями, присущим им целевым и функциональным воздействием, специфическими ценностными основаниями. Заявление об «алгоритмизации приоритетности» по меньшей мере считаем легкомысленным, бездоказательным и малоперспективным. Нормы международного права, отечественное законодательство содержат десятки формулировок, упоминающих льготы, привилегии и иммунитеты в одном ряду (в качестве самостоятельных феноменов, не отводя одному из них роль родового явления), и тем более не устанавливают между ними прерогативную последовательность. В частности, раздел VI Соглашения об учреждении Евразийской перестраховочной компании имеет наименование: «Иммулитеты, привилегии и льготы Компании» [16]. Схожая формулировка закреплена в пункте «е» части 4 статьи 13 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву: «Государства-участники могут предоставлять Предприятию особые льготы, права, привилегии и иммунитеты» [17]. Это разные по своей сущности средства правового регулирования, потенциал которых может предполагать взаимное дополнение, сотворчество, но никак не иерархию и взаимоисключаемость.

Прибегая в качестве дополнительного доказательства к цитированию своего научного руководителя, А. А. Дергунов делает это сестивировано, «выпячивая» подходящие для него отрывки научных публикаций (нередко вырванных из контекста), с очевидной пользой для себя и уязвлением позиции других. Так, автор со ссылкой на профессора С. Ю. Суменкова пишет, что «...более выверенной является

позиция, согласно которой, привилегия есть особая разновидность правовой льготы, а иммунитет — это особая материально-процессуальная привилегия». Не понятно только, почему тогда сам А. А. Дергунов впоследствии отказывается от использования этой точки зрения в качестве базовой, и позиционирует преимущественное право как разновидность правового преимущества? Ложным стремлением к упрощению существующей сложной системы юридических дозволений, основанном, видимо, на эмоциональным порыве солидаризироваться с мнением научного руководителя, автор усилил несогласованность своей концепции. Такого внутреннего противоречия можно было избежать, если бы соискатель осуществил системное, концептуальное ознакомление с публикациями своего учителя. В результате, он мог бы обратить внимание на более позднюю работу С. Ю. Суменкова, в которой автор с первых строк пишет, что «привилегия — это юридическое преимущество» [18, с. 88].

Впрочем, все высказанные замечания носят дискуссионный характер. Для проведенного диссертационного исследования характерна весьма основательная разработка поставленных проблем, чему способствовало глубокое изучение научной литературы, нормативных актов различного уровня, материалов юридической практики. Это предоставило автору возможность сформулировать достоверные и обоснованные теоретические положения, отличающиеся научной новизной и практической значимостью.

Диссертационное исследование А. А. Дергунова «Преимущественное право: общетеоретическое исследование» послужит базисом для развития учения о специализации в праве, таких ее формах, как дифференциация и унификация. Обсуждаемая диссертация в совокупности с имеющимися современными работами в области выделения особых прав и специфических юридических обязанностей [19–21] явила объективную потребность в проведении самостоятельного монографического исследования приоритета как общеправового феномена, углубления знания о прерогативных и исключительных возможностях специальных субъектов. В этой области ощущается явный дефицит качественных научных открытий.

Список источников

1. Дергунов А. А. Преимущественное право: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 213 с.
2. Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993. 32 с.
3. Белоусов С. А. Принцип соразмерности и баланс интересов в системе российского законодательства: общетеоретический ракурс рассмотрения проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 4. С. 38–42.
4. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Саратов, 2015. 472 с.
5. Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А. В. Малько. Москва: Юрлитинформ, 2016. 376 с.
6. О внесении изменения в статью 71 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: федеральный закон от 28 февраля 2025 года № 30-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 9, ст. 859.
7. О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 1 октября 2019 года № 328-ФЗ (в ред. от 30 ноября 2024 года), ст. 14 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 40, ст. 5488; 2024. № 49, ч. IV, ст. 7417.
8. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28, ст. 2790; 2024. № 53, ч. I, ст. 8531.
9. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: федеральный закон от 26 марта 1998 года № 41-ФЗ (в ред. от 22 июля 2024 года), ст. 2 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13, ст. 1463; 2024. № 31, ст. 4472.
10. О направлении обновленных разъяснений по вопросу применения статьи 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции»: письмо Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации от 26 февраля 2009 года № ИА/4770. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.03.2025).
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Инвест Ко» на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 8 Федерального закона от 14 марта 2022 года № 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2023 года № 2896-О. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.03.2025).
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Чусовой-Лес» на нарушение его конституционных прав рядом законоположений: определение Консти-

туционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 года № 2007-О. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.03.2025).

13. Репьев А. Г. Особая правовая процедура в системе правовых преимуществ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 21–28.

14. Репьев А. Г. Категория «иммунитет» в системе правовых преимуществ: теория, методология, практика / под ред. проф. А. С. Мордовца. Москва: Издательство «Перо», 2013. 232 с.

15. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Н. В. Егорова. Москва: Аделант, 2014. 800 с.

16. Соглашение об учреждении Евразийской перестраховочной компании (заключено в Ереване 20 октября 2022 года) (вместе с «Уставом Евразийской перестраховочной компаниями») // Собрание законодательства РФ. 2024. № 2, ст. 383.

17. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (заключена в Монтего-Бее 10 декабря 1982 года) (с изм. от 23 июля 1994 года) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 48, ст. 5493.

18. Суменков С. Ю. Привилегия как правовое преимущество // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3 (51). С. 88–96.

19. Репьев А. Г., Хрони Н. Н. Приоритет в содержании правоотношений: монография. Москва: Юрлитинформ, 2024. 208 с.

20. Плешаков Е. А. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 35–43.

21. Чиркаев С. А. Формы реализации юридического приоритета: теория и практика // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 246–254.

References

1. Dergunov A. A. Preemptive right: general theoretical research. Dissertation ... candidate of legal sciences. Saratov, 2024. 213 p. (In Russ.).

2. Senyakin I.N. Specialization and unification of Russian legislation (problems of theory and practice). Author's abstract... doctor of legal sciences. Saratov, 1993. 32 p. (In Russ.).

3. Belousov S.A. The principle of proportionality and balance of interests in the system of Russian legislation: a general theoretical perspective on the problem. *Legal policy and legal life*, 2021, no. 4, pp. 38–42. (In Russ.).

4. Petrov D. E. Differentiation and integration of structural formations of the Russian law system. Saratov, 2015. 472 p. (In Russ.).

5. Sumenkov S. Y. Exceptions in law: theoretical and instrumental analysis: monograph; ed. by doc. jurid. Sciences, prof., Honored Scientist of the Russian Federation A. V. Malko. Moscow: Yurлитinform Publ., 2016. 376 p. (In Russ.).

6. On amendments to Article 71 of the Federal Law “On Education in the Russian Federation”: federal law no. 30-FZ dated February 28, 2025. *Collection of Legislation of the RF*, 2025, no. 9, art. 859. (In Russ.).

7. On service in the Enforcement Authorities of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: federal law no. 328-FZ of October 1, 2019 (as amended dated November 30, 2024), art. 14. *Collection of legislation of the RF*, 2019, no. 40, art. 5488; 2024. no. 49 (part IV), art. 7417.8. (In Russ.).

8. About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): federal law no. 86-FZ of October 7, 2002 (as amended dated December 28, 2024). *Collection of legislation of the RF*, 2002, no. 28, art. 2790; 2024, no. 53 (part I), art. 8531. (In Russ.).

9. On Precious Metals and Precious Stones: Federal Law No. 41-FZ of 26.03.1998 (as amended dated July 22, 2024), art. 2. *Collection of legislation of the RF*, 1998, no. 13, art. 1463; 2024, no. 31, art. 4472. (In Russ.).

10. On sending updated clarifications on the Application of Article 17.1 of the federal law “On Protection of Competition”: letter from the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation dated February 26, 2009 no. IA/4770. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.03.2025). (In Russ.).

11. On the refusal to accept for consideration the complaint of Invest Co Limited Liability Company for violation of its Constitutional rights by Part 3 of Article 8 of federal law no. 58-FZ dated March 14, 2022 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 2896-O dated October 31, 2023. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.03.2025). (In Russ.).

12. On the refusal to accept for consideration the complaint of the Chusovoy-Les Limited Liability Company for violation of its constitutional rights by a number of legal provisions: ruling of the Constitutional Court the Russian Federation no. 2007-O of dated July 20, 2023. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 15.03.2025). (In Russ.).

13. Ropyev A. G. Special legal procedure in the system of legal advantages. *Bulletin of Tomsk State University. Right*, 2019, no. 34, pp. 21–28. (In Russ.).

14. Ropyev A. G. The category of “immunity” in the system of legal advantages: theory, methodology, practice / ed. by prof. A. S. Mordovets. Moscow: Publishing House “Pero”, 2013. 232 p. (In Russ.).

15. Dictionary of foreign words of the modern Russian language / comp. N. V. Egorova. Moscow: “Adelant”, 2014. 800 p. (In Russ.).

16. Agreement on the establishment of the Eurasian Reinsurance Company (concluded in Yerevan on October 20, 2022) (together with the “Charter of the Eurasian Reinsurance Companies”). *Collection of Legislation of the RF*, 2024, no. 2, art. 383. (In Russ.).

17. United Nations Convention on the Law of the Sea (concluded in Montego Bay on December 10, 1982)

(with ed. dated July 23, 1994). *Collection of legislation of the RF*, 1997, no. 48, art. 5493. (In Russ.).

18. Sumenkov S. Y. Privilege as a legal advantage. *News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*, 2019, no. 3 (51), pp. 88–96. (In Russ.).

19. Repyev A. G., Khroni N. N. Priority in the content of legal relations: a monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2024. 208 p. (In Russ.).

20. Pleshakov E. A. On the issue of the essence of legal priority. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 35–43. (In Russ.).

21. Chirkaev S.A. Forms of realization of legal priority: theory and practice. *Legal policy and legal life*, 2023, no. 1, pp. 246–254. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Г. Репьев — доктор юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой теории права, гражданского права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта.

Information about the author

A. G. Repyev — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure of the Law Institute Russian University of Transport.

Рецензия на монографию
УДК 343

Проблемы юридико-технического обеспечения процесса совершенствования отечественного уголовного законодательства в современной уголовно-правовой доктрине (рецензия на монографию И. А. Абдулханьянова «Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование»)

Санташов Андрей Леонидович^{1, 2}

¹Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия;

²Военный университет имени Князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, santashov@list.ru

Для цитирования: Санташов А. Л. Проблемы юридико-технического обеспечения процесса совершенствования отечественного уголовного законодательства в современной уголовно-правовой доктрине (рецензия на монографию И. А. Абдулханьянова «Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование») // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 434–439.

Review of the monograph

Problems of legal and technical support for the process of improving domestic criminal legislation in the modern criminal law doctrine (review of I. A. Abdulkhanyanov's monograph "Fiction in Criminal Law: theoretical and applied research")

Andrey L. Santashov^{1, 2}

¹North-Western Institute (branch) Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Vologda, Russian Federation;

²Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, santashov@list.ru

For citation: Santashov A. L. Problems of legal and technical support for the process of improving domestic criminal legislation in the modern criminal law doctrine (review of the monograph by I. A. Abdulkhanyanov's monograph "Fiction in Criminal Law: theoretical and applied research") . *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 2 (70). pp. 434–439. (In Russ.).

© Санташов А. Л., 2025

Направления развития юридической науки зависят от множества объективных факторов (политических, социально-экономических, конъюнктурных и других). Отдельные правовые проблемы в разное время приобретают то большее, то меньшее исследовательское значение. Наряду с этим в доктрине, как и в любой другой области человеческой жизнедеятельности, имеется перечень «вечных», неустаревающих вопросов, обусловленных фактом существования самого права. Они имманентно присущи ему, и их разрешение связывается со складывающимися в конкретно-исторический период общественными отношениями. К числу таковых последние два столетия заслуженно относится вопрос обеспечения внешнего совершенства правовых актов, корректно закрепляющих регулятивную волю государства.

Обусловленная этим область научных знаний и прикладных рекомендаций получила наименование юридической техники. Как отмечал профессор С. С. Алексеев, полный и всесторонний учет требований юридической техники является объективной закономерностью поступательного развития законодательства [1, с. 142]. Б. А. Миренский писал о том, что юридическая техника выступает показателем уровня юридической культуры в государстве [2, с. 156–157].

Можно с уверенностью утверждать о том, что разработанные в советские годы и конкретизированные в постсоветский период идеи о форме права привели к формированию отечественной теории юридической техники, которая, к слову, продолжает свое активное и динамичное развитие. Бесспорным в этой связи является тезис профессора В. М. Баранова о том, что юридическая техника являет собой стержень формирования и развития правовой системы любого государства [3, с. 314].

Характерной особенностью, свидетельствующей об относительно высоком уровне теории юридической техники в нашей стране, выступает то, что она приобрела многочисленных сторонников — отраслевиков (то есть представителей отдельных отраслей права), которые системно подходят к изучению проблем юридико-технического характера применительно к отдельным группам общественных отношений, разделяемых на основе предмета и метода правового регулирования. Большое внимание в этом контексте уделяется юридико-техническому совершенствованию российского уголовного законодательства и практики его применения. Это связано с большим влиянием уголовного закона на состояние защищенности наиболее важных

интересов личности, общества и государства. С сожалением заметим, что проблем в данной области по-прежнему достаточно: отсутствие концепции уголовной политики, несистемное реформирование уголовного законодательства, научно не подтверждаемая и порой спонтанная, политически ангажированная криминализация вызывают у практикующих юристов и населения телеологическое непонимание [4].

По этой причине интерес к юридической технике уголовного права, несмотря на кажущуюся «избитость» и изученность многих вопросов, не только не ослабевает, а, напротив, становится все более весомым и взвешенным. Подтверждением тому выступают ежегодно издаваемые и пользующиеся спросом работы, посвященные отдельным вопросам языкового, логического, структурно-композиционного оформления Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

К числу последних относится опубликованная в 2024 году издательством «Юрлитинформ» монография И. А. Абдулханьянова «Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование» [5]. Указанный труд отражает результаты комплексного изучения системы проблем юридической техники отечественного уголовного права, базируясь на одном из ее компонентов в виде фикции.

Актуальность темы монографии обусловлена существующими изъянами, связанными с оформлением уголовно-правовых предписаний, препятствующими эффективному применению УК РФ. Общеизвестно сегодня, что построение качественного закона должно основываться на комплексе теоретико-прикладных знаний, объясняющих, «как» формулировать оптимальные уголовно-правовые нормы с позиции логики, языка, структуры и «духа» УК РФ. Такой всесторонний подход к организации уголовного правотворчества является одним из фундаментальных факторов, способствующих достижению целей уголовно-правового регулирования.

В настоящий момент нередко наблюдается игнорирование предлагаемых научно-обоснованных и исторически предопределенных требований к форме и содержанию уголовного закона. Это не позволяет в полной мере удовлетворять потребности в сфере обеспечения правопорядка и противодействия преступности в Российской Федерации. Упомянутые требования являются продуктом многолетних исследований представителей уголовно-правовой доктрины, уделяющих внимание как концептуальным, так

и частным вопросам юридико-технического характера. Стоит отметить, что лидерами в указанной области являются научные коллективы Ярославской и Нижегородской правовой школы. Их руководители и идейные вдохновители — профессора Л. Л. Кругликов, А. П. Кузнецов и В. М. Баранов — воспитали не одно поколение ученых, специализирующихся на проблемах технико-юридического обеспечения отечественного законодательства.

Спецификой научно-исследовательской ориентации представителей названных коллективов выступает то, что они сосредотачиваются на изучении не материальных правил, приемов и средств, применяемых законодателем в процессе воплощения политико-правовой идеи в тексте закона. В теории юридической техники они приобрели рабочее название инструментов юридической техники [6, с. 355–356; 7, с. 135]. В качестве примеров таких явлений можно назвать презумпцию, конструкцию, символ, преюдицию, конкретизацию, классификацию, аксиому, дефиницию и некоторые другие.

Монография, ставшая предметом рецензирования под авторством представителя Нижегородской юридико-технической правовой школы И. А. Абдулханьянова, посвящена категории, аналогичной вышеприведенным, а именно фикции в уголовном праве. Исследование подобного юридико-технического инструментария позволяет увеличить научный потенциал уголовного закона, его гибкость и эффективность.

Отметим, что фикцией в словарных источниках называется намеренно созданное, измышленное положение, не соответствующее действительности [8, с. 852], построение, которое ни с чем не коррелирует в действительности, применяемое как допущение с какой-либо целью [9, с. 1078]. В правовой плоскости данное явление еще в эпоху римского права приобрело свое специфичное содержание, напрямую относящееся к юридической деятельности.

С указанного времени оно неоднократно изучалось в общей теории права и чуть позже — в отдельных его отраслях. Автор монографии в своих работах обращал внимание на то, что содержательные элементы фикции оказались раскрыты не в полной мере, встречается ряд противоречий и неточностей во взглядах на нее, а также не учитываются стремительно развивающиеся общественные отношения, обусловленные множеством факторов (к примеру, проведением специальной военной операции) [10–13].

Цель монографии заключалась в формулировании системы знаний о фикции в уголовном

праве и выдвигании предложений по совершенствованию доктрины и практики уголовного права в части использования данного инструмента юридической техники [5, с. 12]. Она была достигнута посредством последовательного разрешения совокупности исследовательских **задач**, среди которых: выявление встречаемых в уголовном праве форм фиктивного; определение доктринального места фикции — средства техники в системе юридической техники уголовного права; формулирование дефиниции «фикция в уголовном праве» и выделение ее признаков; изучение примеров ее применения в прошлые эпохи уголовно-правового регулирования; обнаружение проблем использования фикции в современном уголовном законодательстве и выдвигание авторских предложений по их устранению [5, с. 12].

Научная новизна исследования выражается в предложении его автором содержательно согласованной совокупности знаний о юридико-техническом инструментарии законодателя, его изъянах в области уголовного права. С теоретической точки зрения новизна характеризуется в обнаружении в содержании уголовного закона фиктивных норм, фиктивных правовых состояний и фикции — средства техники, их грамотном и аргументированном разграничении между собой, обеспечении категориальной определенности проводимого исследования. Историко-правовая часть работы подтвердила тезис о преемственности и политико-социальной обусловленности юридико-технического инструментария. На примере фикции красной линией по тексту подтверждается мысль о том, что многие пороки и достоинства современного уголовного законодательства детерминированы прошлым развитием российского государства. Фикция в этом смысле не является исключением, в разное время она выступала действенным инструментом, при помощи которого власть стремилась обеспечить легитимность и устойчивость своего положения. Ценность данной части работы заключается в установлении объективных закономерностей применения фикции в механизме уголовно-правового регулирования прошлых эпох.

Несмотря на то, что монография носит преимущественно теоретический характер, в ее содержании обнаруживаются и новые идеи, сопряженные с практикой толкования и применения действующего уголовного законодательства, а также авторское видение редакции его отдельных норм как Общей, так и Особой частей УК РФ.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений. Такой подход считается традиционным, методологически оправданным и отвечает логике проведения исследования.

В введении раскрывается актуальность исследования, степень научной разработанности заявленной темы, формулируется объект, предмет, цель и задачи, объективируется в сжатом виде научная новизна работы.

Первая глава «Методологические проблемы познания фикции в уголовном праве» представлена тремя параграфами: «Формы выражения фиктивного в уголовном праве» (§ 1), «Место фикции в системе юридической техники уголовного права» (§ 2), «Понятие и признаки фикции в уголовном праве» (§ 3).

Первый параграф отражает понятийно-категориальное разграничение внешне схожих, но существенно принципиально различных между собой правовых явлений, объединенных фиктивной природой: фиктивных норм, фиктивных правовых состояний и фикции — средства техники. На конкретных примерах автор показывает их проявление в действующем уголовном законодательстве и обозначает исследовательский замысел, выражающийся в изучении в рамках монографии исключительно фикции — средства техники.

Для того чтобы лучше уяснить правовое содержание фикции, во втором параграфе осуществляется системное исследование ее места в теории юридической техники. Для этого И. А. Абдулханьянов в первую очередь характеризует саму юридическую технику в сфере уголовного права, ее значение, степень разработанности и слагающие ее элементы. Это позволило ему отнести фикцию к числу специально-юридических средств техники, способствующих рациональному переводу политической воли в текст уголовного закона.

В третьем параграфе представлено авторское понятие, признаки и функции фикции в уголовном праве, позволившие обосновать ее самобытность и правовую идентичность в системе юридических категорий.

Вторая глава «Фикция в истории уголовного права России» включила в себя два параграфа: «Фикция в уголовно-правовых памятниках досоветского периода» (§ 1), «Фикция в уголовно-правовых памятниках советского периода» (§ 2).

Первый параграф посвящен выявлению случаев использования фикции в процессе конструирования уголовно-правовых положений

в основных памятниках дореволюционного российского права. Во втором параграфе аналогичная процедура осуществлена в отношении советского уголовного законодательства. Ценность второй главы заключается в том, что в ней на примере фикции, прослеживается эволюция законодательного мышления и выявляются объективные закономерности совершенствования отечественного уголовного закона (в самом широком смысле этого слова).

Третья глава «Фикция в современном уголовном праве России» состоит из двух параграфов «Фикция в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации» (§ 1), «Фикция в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практике» (§ 2).

В первом параграфе предлагается оригинальное видение системы фикций, встречаемых в современном УК РФ и связанных с ними юридико-технических изъянов в конструкциях норм Общей и Особенной частей. На основе ранее полученных научных знаний в описываемой части работы формулируются предложения по изменению отдельных статей УК РФ. При этом идеи автора касаются расширения или ограничения пределов использования фикции.

Второй параграф посвящен обнаружению проблем фикции в правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности. Описываются десятки примеров ее воплощения в многочисленных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и целом ряде устоявшихся правил квалификации преступлений.

В заключении в обобщенной форме подводятся итоги работы и, что особенно ценно, определяются ориентиры и перспективы будущей разработки темы.

Особого упоминания следует удостоить высокий уровень научной культуры проведенного исследования. И. А. Абдулханьянов очень внимательно, с глубоким пониманием существующих в теории права и уголовном праве проблем подошел к выбору источников, ставших теоретической основой работы (об этом, в частности, свидетельствует то, что раздел, посвященный библиографии, насчитывает данные о 325 источниках). Все юридические и иные специальные термины употреблены автором в точном соответствии с их содержанием, без излишних высокопарностей и повторений. По всей видимости, И. А. Абдулханьянов имеет хорошую теоретическую подготовку, находится в контексте существующих юридико-технических

проблем, уверенно владеет методологией проведения исследования. Замечу при этом, что научный кругозор автора не ограничивается рамками отечественного правоведения, он обращается к трудам авторитетных представителей исторической науки, современной постмодернистской философии, зарубежных юристов, а в ряде случаев и к творчеству писателей-классиков.

Идеи, транслируемые в рецензируемом труде, являющиеся продуктом созидательного и глубокого творческого осмысления насущных проблем законодательно-технического характера, могут в будущем получить свое дальнейшее развитие. Это обусловлено тем, что его автор на различных страницах выявляет и актуализирует отдельные вопросы, связанные с фиктивными проявлениями в уголовном праве, однако не формулирует в отношении них исчерпывающие ответы. Как справедливо замечает И. А. Абдулханьянов, это связано с объективной невозможностью в рамках заявленного объекта и предмета исследования охватить три обнаруженные им формы фиктивного в уголовном праве. Системно рассмотрев лишь одну из них (а именно фикцию как средство юридической техники, используемое в процессе правотворчества, толкования и применения уголовного закона), перспективным представляется познание и негативных форм фиктивного, выражающихся в явлении фиктивных норм и фиктивных правовых состояний в уголовном праве. Их сущность, понятие и даже примеры приводятся автором монографии, однако этого явно недостаточно для полного их понимания и выработки соответствующих мер по противодействию им. Перспективного внимания автора монографии заслуживают вопросы исторического, сравнительно-правового и международного отражения фиктивных уголовно-правовых явлений. Предположу, что такой методологический концепт может послужить в будущем основанием для формирования частной научной уголовно-правовой теории, базирующейся на осмыслении конкретного философско-гностического феномена, в качестве которого выступает фикция.

Таким образом, рецензируемая работа является собой оригинальное научное сочинение, содержательно дополняющее современное учение о юридической технике уголовного права, отличающееся новизной и теоретико-прикладной направленностью.

Предлагаемая монография будет полезна широкому кругу заинтересованных читателей и способна оказать помощь в изучении учебных дисциплин теоретического и уголовно-правового цикла.

Список источников

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций в 2 т. Т. 2. Свердловск, 1973. 401 с.
2. Миренский Б. А. Методологические основы и методы совершенствования законодательства. Нукус: Каракалпакстан, 1990. 190 с.
3. Баранов В. М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды. Нижний Новгород, 2015. 667 с.
4. Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Уголовная политика. Авторский курс: монография. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2025. 352 с.
5. Абдулханьянов И. А. Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. П. Кузнецова. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2024. 224 с.
6. Санташов А. Л., Танцюра В. С., Мухтарова Е. А. Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 3. С. 353–361.
7. Кругликов Л. Л., Санташов А. Л. О влиянии компонентов законодательной техники на дифференциацию и индивидуализацию ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 130–136.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2008. 938 с.
9. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. Москва: Издательский центр «Терра», 1996. 1500 с.
10. Абдулханьянов И. А. Правила юридической техники в уголовном праве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 4. С. 79–84.
11. Абдулханьянов И. А. Понятие и признаки юридической фикции в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 2. С. 166–174.
12. Абдулханьянов И. А. Ренессанс юридической фикции в монографических исследованиях последних лет (2021–2022) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1. С. 123–129.
13. Абдулханьянов И. А. Фикция в уголовном законодательстве: проблемы эффективного применения // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 2. С. 40–45.

References

1. Alekseev S. S. Problems of the theory of law: a course of lectures in two volumes. Vol. 2. Sverdlovsk, 1973. 401 p. (In Russ.).
2. Mirenskiy B. A. Methodological foundations and methods of improving legislation. Nukus: Karakalpakstan Publ., 1990. 190 p. (In Russ.).

3. Baranov V. M. Essays on the technique of law-making. Selected works. Nizhny. Novgorod Nizhny Novgorod, 2015. 667 p. (In Russ.).
4. Lopashenko N. A. Reflections on criminal law. Criminal policy. Author's course: monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2025. 352 p. (In Russ.).
5. Abdulkhannyanov I. A. Fiction in criminal law: theoretical and applied research: monograph / ed. prof. A. P. Kuznetsova. Moscow: Yurlitinform Publ., 2024. 224 p. (In Russ.).
6. Santashov A. L., Tantsyura V. S., Mukhtarova E. A. Legislative technique and its significance for law-making in the sphere of branches of the criminal cycle. *Penitentiary science*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 353–361. (In Russ.).
7. Kruglikov L. L., Santashov A. L. On the influence of legislative technology components on the differentiation and individualization of juvenile responsibility in criminal and penal enforcement law. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1, pp. 130–136. (In Russ.).
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., supplement. Moscow: A TEMP Publ., 2008. 938 p. (In Russ.).
9. Explanatory Dictionary of the Russian language. In 4 volumes / ed. by D. N. Ushakov. Vol. 4. Moscow: Publishing Center "Terra", 1996. 1500 p. (In Russ.).
10. Abdulkhannyanov I. A. Rules of legal technique in criminal law. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*, 2021, no. 4, pp. 79–84. (In Russ.).
11. Abdulkhannyanov I. A. The concept and signs of legal fiction in criminal law. *Gaps in Russian legislation*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 166–174. (In Russ.).
12. Abdulkhannyanov I. A. Renaissance of legal fiction in monographic research in recent years (2021–2022). *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1, pp. 123–129. (In Russ.).
13. Abdulkhannyanov I. A. Fiction in criminal law: problems of effective application. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2023, no. 2, pp. 40–45. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Л. Санташов — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА); профессор 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета имени Князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.

Information about the author

A. L. Santashov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Northwestern Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MGUA); Professor of the 25th Department (Military Administration, Administrative and Financial Law) Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Остановилось время Валерия Лазарева

Stop Time by Valery Lazarev

Отечественная юридическая наука понесла тяжелую утрату: 20 июня 2025 года на 84 году скончался выдающийся российский ученый, юрист, главный научный сотрудник Центра фундаментальных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации III класса, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации полковник внутренней службы в отставке Валерий Васильевич Лазарев.

Нижегородская академия МВД России выражает глубокие и искренние соболезнования родным и близким Валерия Васильевича, его коллегам, друзьям и ученикам.

Валерий Васильевич Лазарев родился 25 октября 1940 года в поселке Коровинка Сергачского района Горьковской области.

В 1963 году с отличием окончил юридический факультет Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина. В 1967 году блестяще защитил кандидатскую диссертацию по теме «Пробелы в советском праве и методы их установления». В 1977 году

в МГУ имени М. В. Ломоносова им успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук «Правоприменительные акты и их эффективность».

Большой и плодотворный отрезок трудового пути В. В. Лазарева связан с Академией МВД СССР (РСФСР, России), в которой он работал с 1982 по 1998 год, вначале профессором затем с 1986 года начальником кафедры государственно-правовых дисциплин. Одновременно Валерий Васильевич возглавлял диссертационный совет по защите докторских диссертаций.

Так распорядилась судьба, что авторы настоящих горестных слов защитили в диссертационном совете под председательством В. В. Лазарева диссертации: В. М. Баранов — докторскую, В. А. Толстик — кандидатскую.

С 1998 по 2003 год В. В. Лазарев постоянный представитель Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации — заместитель начальника Правового управления Государственной Думы.

С 2001 года преподавал в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина. С марта 2014 года — заведующий отделом Института законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации. В 2018 году назначен главным научным сотрудником Центра фундаментальных правовых исследований Института.

В. В. Лазарев — выдающийся ученый-правовед, талантливый педагог, один из наиболее авторитетных теоретиков государства и права, историк политических и правовых учений, исследователь конституционного права и судебной юриспруденции, специалист в области истории и методологии юридической науки.

Валерий Васильевич опубликовал более 300 научных работ, в том числе семь личных монографий и ряд монографий, сборников научных статей, учебников, курсов лекций, научно-практических комментариев, в которых он был редактором и соавтором.

По теории права наибольшую известность получили работы: «Применение советского права» (1972), «Пробелы в праве и пути их устранения» (1974), «Эффективность правоприменительных актов» (1975), «Социально-психологические аспекты применения права» (1982). Монография В. В. Лазарева «Пробелы в праве и пути их устранения» издана в Венгрии (Budapest, 1977), учебник «Общая теория права и государства» — в Китае (1999), научные статьи публиковались в центральных юридических журналах в Болгарии, Венгрии, Германии, Финляндии.

В. В. Лазарев был незаурядным, талантливым ученым-педагогом. При его научном консультировании защищено 10 докторских диссертаций и под научным руководством — свыше 50 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук (в том числе из зарубежных стран — Кубы, Словакии, Киргизии, Латвии).

Заслуги В. В. Лазарева в развитии отечественной юридической науки и высшего юридического образования отмечены множеством государственных и ведомственных наград. Вот лишь некоторые из них: премия Ленинского комсомола в области науки (1972), заслуженный деятель науки Российской Федерации (1996), высшая юридическая премия «Фемида» (2008), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2010), премия Правительства Российской Федерации в области образования (2015), орден Дружбы (2015), национальная премия «Юрист года» (2020), орден Александра Невского (2023), почетная грамота Правительства Российской Федерации (2025).

В. В. Лазарев являлся членом редакционных советов многих авторитетных юридических изданий: «Журнал российского права» (Москва);

Russian Journal of Economics and Law (Казань); «Юридическая наука: история и современность» (Санкт-Петербург); *Kazan University Law Review* (Казань); «Вестник ФПА РФ» (Москва); «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России» (Нижегород); «Юридическая техника» (Нижегород).

Долгие годы активной научной деятельности В. В. Лазарева неразрывно связаны с Горьковской высшей школой МВД СССР — продуктивной кузницей профессиональных кадров органов внутренних дел. Взаимодействие творческого характера было продиктовано тем, что ученый и педагог возглавлял кафедру государственно-правовых дисциплин академии МВД СССР и приезжал на различные научные представительские мероприятия, защиты диссертационных исследований.

В Нижегородской академии МВД России В. В. Лазарев до последнего времени принимал действенное участие во всех крупных знаковых научных конференциях: Бабаевских чтениях и форумах «Юртехнетика». На последних он двенадцать раз выступал с докладами. Об их актуальности ярко свидетельствуют наименования: «Технико-юридические приемы сокрытия законодательной воли», «Особенности аргументации позиции постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде РФ», «Лоббирование правотворческих решений», «Создание отдела Института законодательства по имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации — стратегическая инновация в законотворчестве», «Мониторинг судебных решений в современном культурном пространстве России», «Объективное и субъективное в интерпретационных актах суда», «Естественно-правовые основания ограничения прав человека и гражданина», «Риски в юридической науке», «Функциональная характеристика принципов права», «Национальный интерес в конструировании изменений законодательства», «Полемика как интеллектуальная технология в правовой аналитике», «Эксперименту быть, но какому?». Два форума открывались его заглавными докладами на пленарных заседаниях: «Естественно-правовые основания ограничения прав человека и гражданина» (2018), «Риски в юридической науке» (2019).

В качестве официального оппонента Валерий Васильевич выступал по кандидатским (А. Г. Чернявский, Е. А. Мамай) и докторским (В. А. Сапун, М. В. Баранова, С. Б. Поляков,

А. М. Хужин) диссертациям, защищавшимся в диссертационном совете при Нижегородской академии МВД России. Его отзывы представляли собой оригинальные сочинения, позволявшие диссертанту взглянуть на свой труд глазами высочайшего мастера в области теории государства и права. Каждый визит Валерия Васильевича Лазарева в Нижегородскую академию МВД России оставлял заметный след в научном плане, а кто-то получал мощный импульс в своих исследованиях благодаря внимательному и доброму отношению ученого, его точным и мудрым советам.

Было нечто большее, что влекло В. В. Лазарева к Нижегородской академии МВД России: его корни глубоко уходили в Нижегородскую землю, так как малой родиной навсегда осталась Сергачская земля. Во время своих приездов он иногда посещал любимые места, и, надо признать, он очень хорошо знал историю и традиции родного края. С большим удовольствием он рассказывал, что сергачские крестьяне издавна дрессировали медвежат, а затем водили

их по городам, устраивая поистине цирковые представления.

Особый интерес Валерия Васильевича Лазарева вызывали политические государственные воззрения П. Я. Чаадаева, о которых им была написана книга, не утратившая своей актуальности до настоящего времени. К сожалению, ученый не успел осуществить свою мечту о поездке в старинное имение Чаадаевых в Нижегородской области, но любовь к этому краю он пронес через всю свою жизнь, поражая собеседников уникальными знаниями нижегородской истории и культурной жизни. Его интеллигентность напоминала о лучших представителях научной и культурной российской элиты, да и сам Валерий Васильевич был, несомненно, ярким явлением в сообществе правоведов.

Светлая память о Валерии Васильевиче Лазареве, выдающемся ученом, известном общественном и государственном деятеле и замечательном человеке, навсегда останется в наших сердцах.

Баранов Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;

Толстик Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в журнале
«Юридическая наука и практика:
Вестник Нижегородской академии МВД России»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике Журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

— **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

— **сведения об авторе на русском и английском языках** (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны);

— **заголовок на русском и английском языках;**

— **аннотацию на русском и английском языках;**

— **ключевые слова на русском и английском языках;**

— **список библиографических ссылок на русском и английском языках** (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом **не более 12 машинописных страниц** направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах (в формате RTF), которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5.

Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Цветная вертикальная портретная фотография автора в формате jpg, разрешением не менее 300 dpi, размером 3,5*4,5 см (фон однотонный, белый).

6. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

7. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

8. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: **«Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)»**.

9. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, сайтах научных электронных библиотек).

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес:
603144, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3,
Нижегородская академия МВД России (РИО).
Тел.: 8 (831) 421-73-21.
E-mail: vestniknamvd@mail.ru
Сайт: na.mvd.rf